

ВОСЕМЬДЕСЯТ ВОЕННЫХ ПОСЛАНИЙ

МАКЕДОНЦЫ ПРОТИВ ПЕРСОВ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

МАКЕДОНЦЫ ПРОТИВ ПЕРСОВ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

ЭКСМО

РУТ ШЕЛТАРД • КАВЕ ФАРРОУ

**МАКЕДОНЦЫ
ПРОТИВ
ПЕРСОВ**

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

ВСЕМИРНАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

МАКЕДОНЦЫ ПРОТИВ ПЕРСОВ

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ВОСТОКА И ЗАПАДА

РУТ ШЕППАРД · КАВЕ ФАРРОХ

ЭКСМО

МОСКВА

2014

GERZA SCAN

Ruth Sheppard

ALEXANDER THE GREAT AT WAR

Kaveh Farrokh

SHADOWS IN THE DESERT

First published in Great Britain in 2008, by Osprey Publishing Ltd,
Midland House, West Way, Botley, Oxford, OX2 0PH.
All rights reserved.

First published in Great Britain in 2007, by Osprey Publishing Ltd,
Midland House, West Way, Botley, Oxford, OX2 0PH.
All rights reserved.

Шеппард Р.

Ш 48 **Македонцы против персов : противостояние Востока и Запада /**
Рут Шеппард, Каве Фаррох ; [пер. с англ. А. Колина, А. Синициной]. –
М. : Эксмо, 2014. – 584 с. : ил.

ISBN 978-5-699-69413-6

История знает не так много примеров, когда в столь короткий срок сравнительно небольшое государство стало доминирующей силой в мире. Такой пример дала потомкам древняя Македония, а основой ее мощи была самая сильная армия своего времени. Эта книга посвящена истории войска, созданного отцом Александра, царем Филиппом. Уникальность военной системы Македонии, специфические тактические приемы и методы подготовки воинов сделали возможным для небольшой бедной гористой страны, веками прозябавшей на окраинах Эллады, сделать стремительный рывок и занять почетное место в анналах истории человечества.

На страницах этой прекрасно проиллюстрированной книги читатель найдет подробное описание походов и сражений армии, возглавляемой Александром Великим, а также вооружения и доспехов македонских пехотинцев и всадников и других греческих войск, входивших в состав армии, покорившей мир.

Кроме того, автор фундаментального исследования об армии древней Персии, известный историк Каве Фаррох, иранец по происхождению, дает нам уникальную возможность взглянуть иными глазами на военную историю древнего Ирана – от огромной империи Ахеменидов, павшей под ударами Александра, до Парфии и державы Сасанидов, сумевших на равных сражаться с казавшейся непобедимой Римской империей, иногда нанося гордым легионам сокрушительные поражения.

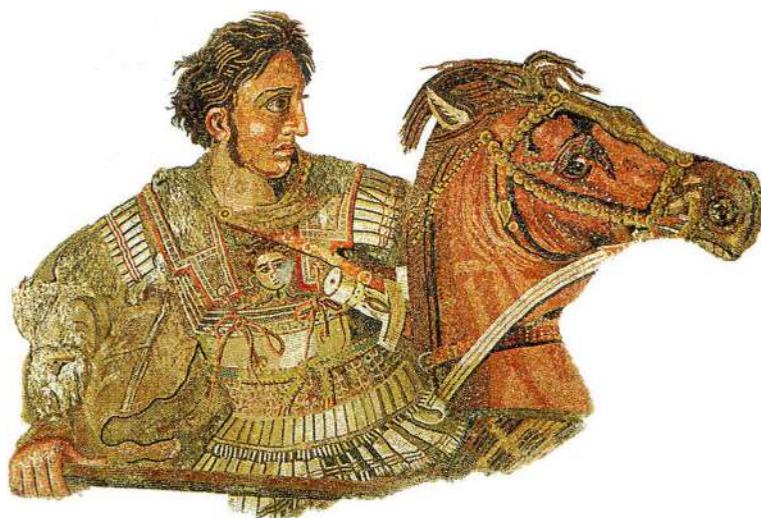
Перед читателем во всех своих неповторимых красках предстанет панорама древнейшего военного противостояния Востока и Запада.

УДК 355/359
ББК 63.3(0)

РУТ ШЕППАРД

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ

АРМИЯ, ПОХОДЫ, ВРАГИ

ХРОНОЛОГИЯ

Все даты до н.э. кроме тех случаев, когда особо обозначена н.э.

Около 650	Первые отряды гоплитов в Греции
560–550	Возвышение Кира Великого
547	Кир наносит поражение Крезу Лидийскому
513	Вторжение Дария I в Европу
499–493	Ионийское восстание
490	Нападение Дария I на Грецию; Марафонская битва
480–479	Вторжение Ксеркса в Грецию; сражения при Фермопилах, Саламине и Платеях
478–431	Делийская лига становится фактически афинской империей, или державой
449	Каллийский мир
431–404	Пелопоннесская война
401	Битва при Кунаксе; возвращение в Грецию «Десяти тысяч»
396–394	Агесилай в Малой Азии
394–387/386	Коринфская война
387/386	Анталкидов мир
371	Битва при Левктрах
368–365	Филипп, сын Аминты, будущий царь Македонии, пребывает в Фивах в качестве заложника
362	Битва при Мантинее
360/359	Царь Македонии Пердикка III погибает в сражении с иллирийцами; приход к власти Филиппа II
359–336	Правление Филиппа II Македонского
358	Филипп II ведет войну с иллирийцами
356	Рождение Александра Великого
352	Победа Филиппа II над фокийцами в сражении на Поле Крокусов
346	Филократов мир; Филипп II становится хозяином Северной Греции

- 338 Битва при Херонее; Филипп II превращается в бесспорного военного лидера Греции
- 337 Образование Коринфской лиги
- 336 Отправка экспедиционных войск в Азию; смерть Филиппа II; восхождение на трон Македонии Александра III (Великого)
- 335 Походы Александра на север против фракийцев, трибалов и иллирийцев; уничтожение Фив
- 334 Весной войска Александра переходят Геллеспонт; битва на реке Граник в мае; крупные прибрежные города Малой Азии сдаются Александру; осады Милета и Галикарнаса
- 333 Александр разрушает Гордиев узел; битва при Иссе в сентябре/октябре
- 332 Овладение финикийскими прибрежными городами; осады Тира и Газы
- 332/331 Александр в Египте; основание Александрии в устье Нила; битва при Гавгамелах в сентябре; поход против оксианцев
- 331/330 Штурм Персидских ворот в январе; взятие Вавилона, Суз, Персеполя и Экбатан
- 330 Смерть царя Дария III; Александр вступает в Афганистан; казнь Филоты и убийство Пармениона
- 329–327 Война в Средней Азии между реками Амударья и Сырдарья
- 328 Смерть Клита; женитьба Александра на Роксане
- 327 Александр начинает Индийский поход
- 326 Битва на реке Гидасп; македонская армия отказывается переходить реку Гифас
- 325 Александр в устье реки Инд; марш через пустыню Гедрозия
- 324 Александр возвращается в Сузы
- 323 Смерть Александра в Вавилоне в июне
- 323–281 Эра правления Наследников и образование эллинистических царств
- 301 Битва при Ипсе

ГРЕЦИЯ И ПЕРСИЯ В 5-м СТОЛЕТИИ

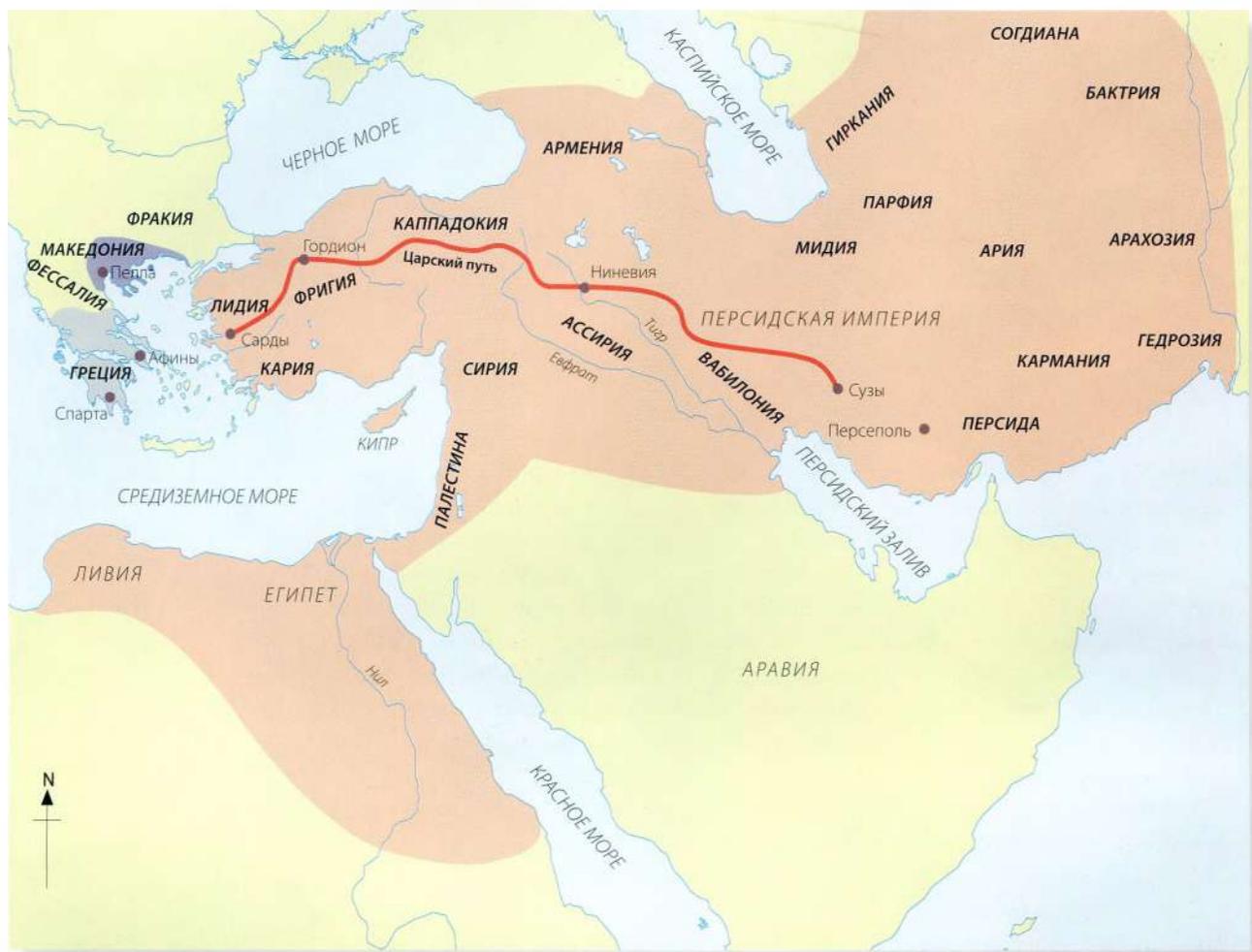
К тому моменту, когда после смерти отца в 336 г. Александр вступил на трон Македонии, противостояние между Грецией и огромной Персидской империей длилось уже не одно столетие. Древняя Греция не являлась чем-то единым, а делилась на множество городов-государств (полисов). Размерами государства эти заметно различались между собой, но в основном состояли прежде всего из собственно города, или центра довольно небольшого политического образования, где проживало большинство населения страны и размещались основные общественные здания, а также из окружающей город сельской местности. Несмотря на множество различий в части государственного устройства и способов управления такими городами, в широком смысле мы можем разделить их на две категории: демократии, где честь и право принятия решений принадлежали большинству граждан, или олигархии, в которых фактическая власть сосредотачивалась в руках узкого меньшинства.

Вооруженные конфликты между городами-государствами являлись вещью ни в коем случае не исключительной, но обычной. В своих «Законах» Платон утверждал даже, что мир есть не более чем слово и что каждое государство по природе своей находится в состоянии непрестанного и необъявленного противостояния с другим («Законы», 1.62,6 а). Война превалировала и доминировала в политической, культурной и интеллектуальной жизни Греции — она являлась темой большинства греческих трагедий и комедий. Изображение сцен боевых действий также вполне привычно для греческой скульптуры и росписей ваз, тогда как классическая греческая философия тоже нередко вдается в рассуждения о гоппитах — вооруженных гражданах.

Военные противостояния были обычным делом и для Персидской империи Ахеменидов. В пору наивысшего расцвета царство это раскинулось на огромной территории от Малой Азии до Индии, а государи его повелевали бесчисленным множеством народов. Цари Персии правили на протяжении нескольких столетий, при этом непобедимым врагом их всегда оставались гигантские расстояния, осложнявшие управление провинциями империи, называвшимися сатрапиями. Ближе к концу 6-го века царь Дарий I приказал высечь на склоне скалы в Биситуне в Иране рельеф и надпись, дабы увековечить собственное величие и подчеркнуть неоспоримые права на трон как владыки мира. На протяжении нескольких лет после вступления на престол он занимался подавлением ряда восстаний по всему царству, а потому среди изображений на резьбе можно видеть и связанных вместе девять вождей разгромленных мятежников. Восстания народов империи или мятежи среди правителей сатрапий, облечен-

На показанной тут греческой вазе запечатлены сражающиеся греческий гоппит и персидский воин. (С. М. Диксон/Коллекция предметов древнего искусства и архитектуры.)

ГРЕЧЕСКИЕ И ПЕРСИДСКИЕ ВЛАДЕНИЯ ОКОЛО 400 г.

Хронология Греко-персидских войн

499–493	Ионийское восстание	победителями из битвы в Фермопилах и предают разграблению Афины; персидский военный флот терпит тяжкое поражение при Саламине
499	Персы нападают на Наксос	
494	Персы побеждают ионийцев	
493	Персидское правление распространяется на Ионию	479 Греки одолевают персов в сражениях при Платеях и Микале
490	Дарий I разворачивает военную экспедицию против Греции; греки одолевают персов в Марафонской битве	478/477 Образование Делийской лиги во главе с Афинами
486	Смерть Дария I; Ксеркс становится царем Персии	449 Каллийский мир между Афинами и Персией
480	Ксеркс вторгается в Грецию; персы выходят	431–404 Пелопоннесская война между Афинами и Спартой

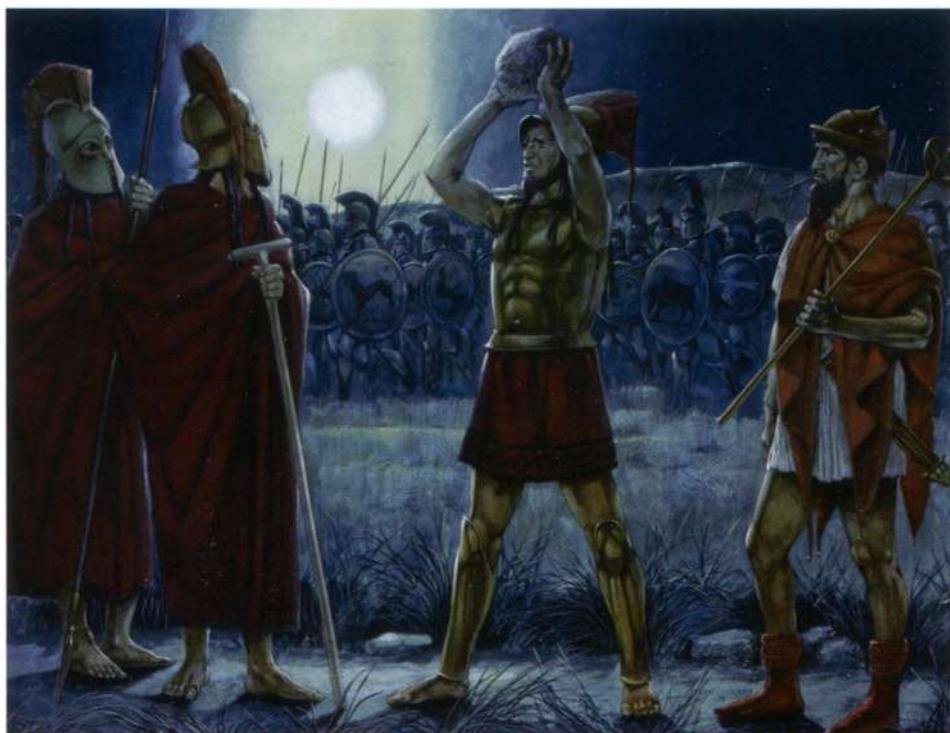
ных властью волею царя, участие в которых принимали даже члены царской фамилии, тоже не назовешь особенной редкостью, причем на протяжении всей истории существования персидской державы. Собственно Греко-персидские войны и разгорелись вследствие одного из таких восстаний.

ГРЕКО-ПЕРСИДСКИЕ ВОЙНЫ

На протяжении 5-го века и уже в 4-м столетии между городами-государствами Греции и могущественной Персидской империей Ахеменидов существовало практически постоянное состояние войны. Начало противостоянию положил, по всей вероятности, рост мощи Персидского царства при первом государе-Ахемениде, Кире Великом. Вскоре после восхождения на престол Западной Персии в 559 г. Кир завоевал Восточную Персию, но не остановился на достигнутом, а продолжал экспансию путем захвата Мидийского царства, Лидии и Вавилона. Царь Лидии, легендарный Крез, еще раньше подчинил себе процветающие греческие города Ионии на западном берегу Малой Азии, принудил их платить ему дань. Когда Крез потерпел поражение от Кира, города эти признали главенство последнего, но многие приняли участие в мятеже лидийцев, так что их пришлось возвращать под власть персидского трона силой оружия. Некоторые острова вблизи берегов Ионии смогли на какое-то время сохранить независимость, но к 518 г. персы сумели прочно подчинить всю Малую Азию и большую часть островов восточного региона Эгейского моря. Как и в других уголках империи, персы назначали правителями греческих городов на территории Малой Азии и ближайших островов угодных себе представителей местной аристократии или же поддерживали уже находившихся у власти, обеспечивая условия для поступления дани от ионийцев.

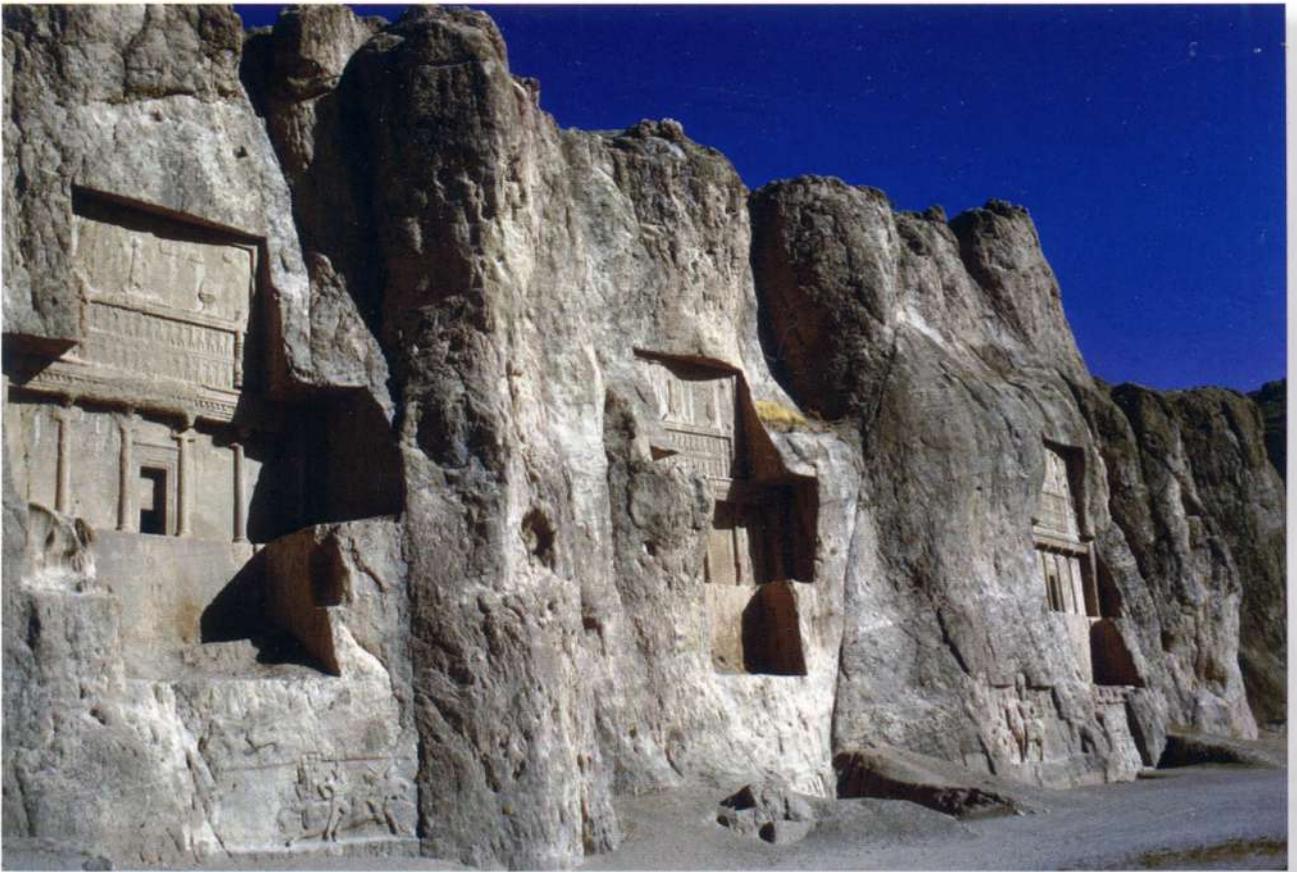
В 499 г., после провалившейся морской экспедиции персов против острова Наксос, расположенного вблизи берегов Ионии, ионийские греки восстали против поработителей. Ионийцы осознавали невозможность сбросить персидское иго без посторонней помощи, а потому стали искать содействия у соплеменников в Греции. Ионийцы не смогли привлечь в союзники Спарту, бывшую на тот момент сильнейшим греческим городом-государством, как и несколько прочих ведущих политических центров, но им все же удалось заручиться поддержкой Афин и Эритреи, согласившихся послать военные силы на боевых кораблях. Отправляя суда в поход, афиняне и эритрейцы надеялись, судя по всему, на легкую прогулку, рассчитывая задать врагу трепку и отбить у персов охоту продолжать наступление в западном направлении. Имея преимущество того, кто смотрит на события через много лет, историк Геродот утверждал в написанной им хронике: «А эти корабли стали началом всех бед для эллинов и варваров» (*История*, 5.97.48 [по пер. Г.А. Стратановского]). Первой целью мятежников стали Сарды. Когда ионийцы потерпели тяжелое поражение от персидской кавалерии, командиры греческих контингентов осознали иллюзорность надежд на легкие победы и потому поспешили возвратиться домой, оставив ионийцев продолжать войну в одиночестве. Несмотря на все старания и стремление разжечь пожар более крупного восстания среди подданных царя Дария I, в том числе через поддержку непродолжительного мятежа на Кипре, ионийцы в итоге не выдержали. В 494 г. они потерпели поражение, и к 493 г. персидское правление в Ионии было восстановлено.

Спустя год после Фермопил греки и персы вновь сошлись, чтобы помериться силами, на сей раз под Платеями. Командование греческого войска решило отступить из долины Асопа, а посему после прихода темноты полки объединенной армии начали отход — все, кроме спартанцев. «Лох» Амомфарет — командир одного из отрядов — отказался отступать, поскольку расценил такое поведение как позор для Спарты. В общем, он твердо вознамерился остаться. Поскольку подобное положение дел создавало угрозу выживанию греческих войск, командующий спартанской армией, Павсаний, попытался уговорить Амомфарета отвести его «лох» вместе со всеми, угрожая в противном случае бросить его и обречь на гибель. В тот момент явился афинский посольный, отправленный узнать, в чем дело. Как бы передразнивая афинскую систему голосования, в которой для подачи голоса «за» или «против» использовались небольшие камушки, Амомфарет бросил к ногам Павсания большой камень, давая таким образом понять, что он выступает против бегства перед лицом неприятеля. С рассветом армия все же снялась с места, оставив «лох» Амомфарета, и тот нехотя двинулся следом за всеми. Довольно беспорядочный отход греков побудил персов броситься в весьма неосторожное преследование, обернувшееся разгромом персидского войска. (Ричард Хук © Издательский дом «Оспри».)

В 490 г. Дарий дал старт военной экспедиции против Греции. Он жаждал отомстить тем греческим городам, что поддержали Ионийское восстание. Войско вторжения высадилось на Марафонской равнине, приблизительно в 30 км от Афин, где ему дали бой и разгромили совместные силы афинских и платейских гоплитов.

Десять лет спустя преемник Дария, Ксеркс I, отправился в поход против Греции и в особенности афинян с куда более крупным войском. Перейдя в 480 г. Геллеспонт, он принял капитуляцию Македонии и двинулся через Фессалию на юг в направлении центральных районов Греции и Аттики. Несмотря на легендарное противостояние горстки спартанских воинов в Фермопилах, персы овладели дорогой, открывавшей им путь к Афинам и Пелопоннесу. Не имея возможности противостоять огромному персидскому войску на суше, афиняне бросили город на произвол судьбы, положившись на мощный военный флот как на защиту против персов. Город Афины подвергся разграблению и погиб в пламени пожара, подожженный завоевателями, однако персидские эскадры потерпели сокрушительное поражение у Саламина. В следующем году персы вернулись. Уговорив спартанцев присоединиться к ним в борьбе против персов, прочие греки объединили усилия и дали бой персидской армии под Платеями. В том же году персидский военный флот вновь подвергся разгрому у Микале, что положило конец персидским походам в Грецию. Как бы там ни было, хотя цари Персии так больше и не вернулись в Грецию во главе вооруженных сил, они постоянно вмешивались в ее внутренние дела дипломатическим путем и другими средствами. Персидские деньги и могущество — финансовая поддержка и обещание военной помощи — на стороне одного города-государства против другого служили дестабилизирующими факторами в греческой политике вплоть до середины 4-го столетия.

ДЕЛИЙСКАЯ ЛИГА

Афины и Спарта выступали в качестве двух государств-лидеров союза, сформированного греками для противодействия силам вторжения Ксеркса в 480 г., и оба они имели основания для притязания на звание спасителей греков — их избавителей от ужаса завоевания: афиняне главенствовали у Саламина, тогда как Спарта вела греческое войско во время разгрома орд персов под Платеями. После победы над персами альянс, однако, дал трещину. Афиняне образовали новый союз в 478/477 гг. с целью нанесения ударов по территориям персов в отместку за покорение Ионии и вторжение в Грецию. Каждый из союзников выделил людей, корабли и денежные средства, но командовали и заправляли всеми делами афиняне. Данный альянс известен в истории как Делийская лига. Спартанцы к тому времени уже создали собственный блок, или Пелопоннесскую лигу, сколоченную в основном из небольших городов-государств Пелопоннеса, хотя и не без участия более крупных. Города в ней располагали большей автономией, чем в Делийской лиге, и само образование по сути своей являлось заведомо оборонительным союзом, начинавшим действовать при возникновении действительной угрозы любому из его членов.

Делийская лига вела успешные войны против персов, и в 449 г. афиняне добились официального мира с Персией, подписав соглашение, известное как Каллийский мир, в соответствии с которым правители персов отказывались от любых

Гробница персидских царей в Накше-Рустам, недалеко от города-дворца Персеполис в современном Иране. Место представлялось важным даже до того, как Дарий I приказал вырубить там себе в скале гробницу. Там же находятся еще три сходные по конструкции и оформлению гробницы государей из династии Ахеменидов, представляющие собой тщательно скопированные версии той, что повелел приготовить для себя Дарий. Считается, что эти три, по всей вероятности, предназначались для Ксеркса I, Артаксеркса I и Дария II. На объекте существуют также и несколько рельефов, датированных временами более поздней династии Сасанидов.

ОТЕЦ ИСТОРИИ

События Греко-персидских войн описаны в одной из наиболее важных работ классической, или древнегреческой, литературы — в «Истории» Геродота. Геродот появился на свет в первой половине 5-го века в греческом городе Галикарнас в Малой Азии. Он очень много путешествовал, собирая сведения — расспрашивая людей о них самих и их предках, так или иначе принимавших участие в перипетиях длительного конфликта. Так он сумел многое узнать у очевидцев событий или же ознакомиться с рассказами тех, кто зафиксировал их для потомков. Идея сохранения информации о великих деяниях предков не являлась сама по себе чем-то новым. Египтяне, вавилоняне и ассирийцы — а точнее, их правители — нередко отдавали приказы о создании целых мемориалов, воспевавших их величие, то есть рассказывавших о событиях так, как виделись они из дворцов владык. Работа Геродота отличается от подобных начинаний тем, что автор пошел дальше простого сбора материала, попытаться разобраться в мотивах действий и подробностях тех или иных событий. Он осознанно искал объяснений происходившего. Вот как он высказался об этом во вступительном слове к своей работе:

«Геродот из Галикарнаса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом». (Цит. по пер. Г. А. Стратановского.)

В таком разрезе «История» Геродота выступает как часть более широкой интеллектуальной и культурной традиции философского и научного подхода в деле сбора и обработки информации. Тут присутствует и элемент стремления научиться чему-то или научить кого-то на примере предков. Геродот предлагает читателю не просто изложение, а некое журналистское расследование — анализ мотивов действий и подоплеку событий, которые он описал, — а также собственную интерпретацию узнанного и изученного им. Автор надеется, что его «История» послужит чем-то вроде учебника для читателя, хотя некоторые уроки и могут показаться несколько странными для современной аудитории.

попыток завоевать Грецию в обмен на подобное же уважительное отношение греков к персидской сфере влияния в западных районах Азии, в Палестине и Египте. Делийская лига зарекомендовала себя как вполне успешный военно-политический союз, но с годами она перестала быть просто объединением государств вокруг Афин и превратилась в некое подобие «афинской империи». К моменту подписания мира с Персией Афины получали ежегодную дань от прочих государств в составе лиги, господствовали в экономической жизни подданных-союзников и подавляли бунты со всей беспощадностью и жестокостью тиранов.

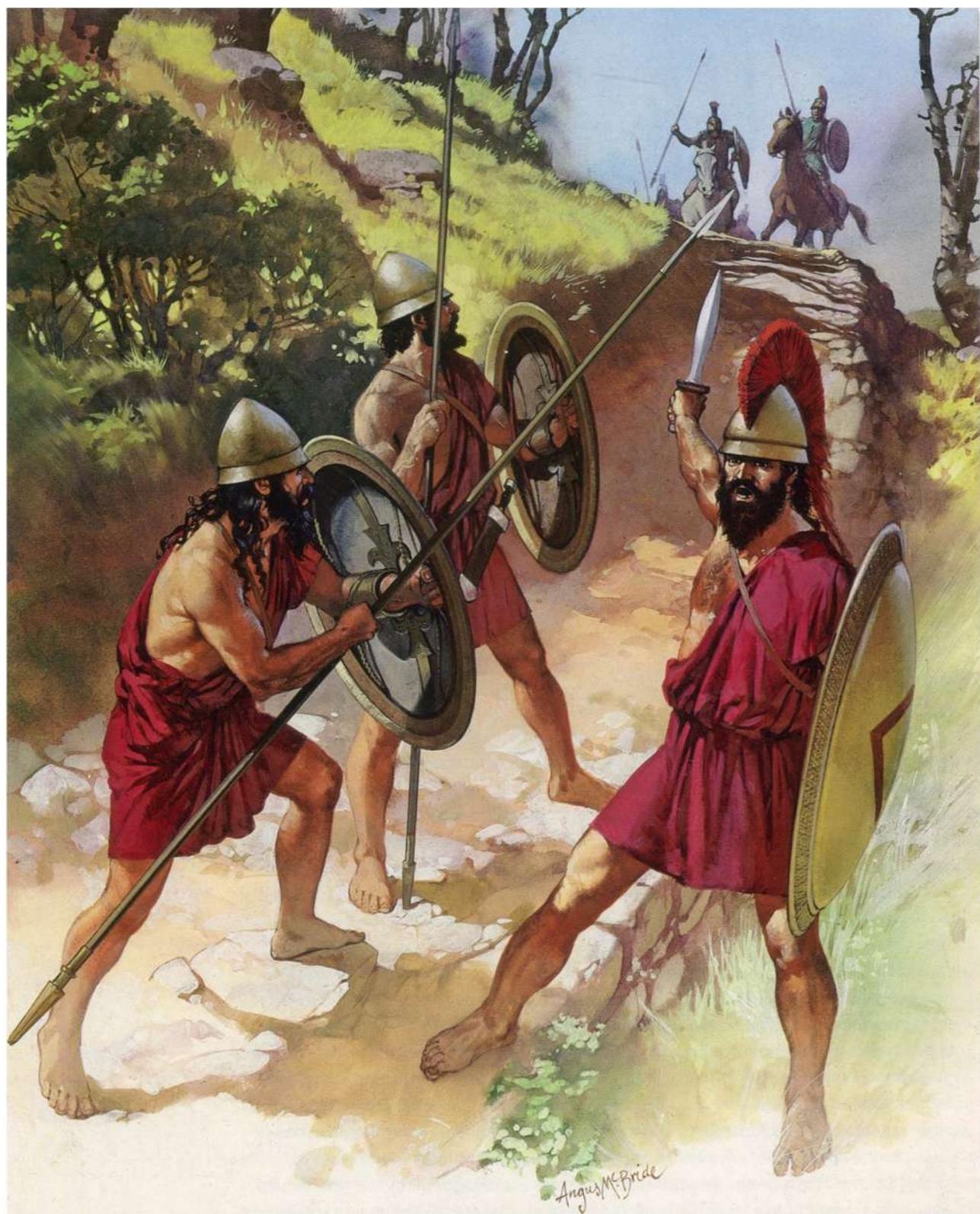
ПЕЛОПОННЕССКАЯ ВОЙНА

На протяжении первой половины 5-го столетия Афины и Спарта выросли и оформились в два самых могущественных военно-политических центра в Греции. Афины выступали как главная сила на море, а Спарта признанно считалась таковой на суше. Момент судьбоносного поворота в судьбе взаимоотношений этих двух государств и их союзников наступил в 462 г. Именно в 462 г. Спарта обратилась ко всем ее союзникам с просьбой о помощи в подавлении очередного мятежа илотов. Среди тех, кто откликнулся на призыв, находилось и небольшое войско афинян. Как бы там ни было, вскоре после прибытия в Мессению от услуг афинян, а также их союзников отказались; как можно предполагать, из-за роста сочувствия

ГРЕЦИЯ и Западная Малая Азия, около 350 г.

к взбунтовавшимся илотам со стороны афинян. Такой шаг в Афинах расценили как унижение и оскорбление, и, начиная с этого момента, между двумя сторонами возникли значительные политические трения, дошло даже до того, что как Афины, так и Спарта принялись заключать союзы с врагами друг друга. Итогом стала эскалация враждебности, вылившаяся в Пелопоннесскую войну, начавшуюся в 431 г. и закончившуюся в 404 г. капитуляцией Афин. Хотя после Каллийского мира Персия на 30 лет оставила Грецию в покое, соблазн вмешательства в дела давнего неприятеля в рамках Пелопоннесской войны оказался слишком велик. Мирный договор с Персией, заключенный Афинами, не был официально подтвержден наследником Артаксеркса I. Дарий II позволил своим сатрапам снабжать Спарту и ее союзников деньгами, а затем, после катастрофического поражения афинян на Сицилии, персидский царь пошел на союз со спартанцами. С военной точки зрения подобное являлось, несомненно, весьма разумным, однако с политической — весьма негативным в плане репутации Спарты в глазах греков: в обмен на помощь в деле разгрома афинян Спарта согласилась передать Персии греческие государства в Малой Азии. Дарий отправил одного из младших сыновей, Кира, проследить за предоставлением спартанцам ресурсов, необходимых им для победы над врагами. Во время поездки Кир завязал крепкие узы дружбы со спартанским

флотоводцем Лисандром. Лисандр тешил себя политическими амбициями, тогда как Киру хотелось внести весомый вклад в успешное завершение Пелопоннесской войны — поспособствовать победе спартанцев, — чтобы в ближайшем же будущем воспользоваться как ответной услугой их воинами, которых он считал лучшими мире. Старший брат Кира, Артаксеркс II, являлся наследником престола Персии, и, хотя у Кира имелась поддержка определенной фракции при дворе, ему могли понадобиться войска, способные обеспечить возможность бросить брату открытый вызов, когда придет пора делить власть.

Вскоре после крушения дела Афин Дарий II умер, а Артаксеркс II вступил на трон. Кир же привел в действие заговор, с целью свалить брата. Формирование из 11 000 наемников, вошедшее в историю (после некоторой «усушки-утруски» и потерь) как «Десять тысяч», вместе с куда более крупным по численности персидским войском выступило из Лидии к Месопотамии.

В 401 г. армии двух непримиримых соперников-братьев сошлись у местечка Кунакса, что неподалеку от Вавилона. Хотя греки одержали довольно легкую победу в бою против вышедших сражаться с ними персов, достижение оказалось тщетным, поскольку сам Кир погиб во время атаки против центра армии брата. Со смертью Кира мятеж закончился. Однако событие не прошло даром, по крайней мере для греков, поскольку легкость, с какой их сравнительно подвижное и весьма боеспособное войско нанесло удар по врагу в глубине его громадного царства, показала слабость и уязвимость всей персидской державы Ахеменидов.

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
 Два спартанских гоплита и их
 тегейский союзник во время
 Пелопоннесской войны. (Энгус
 МакБрайд © Издательский дом
 «Оспри».)

Акрополь в Афинах. Парфенон,
 храм Афины, выстроили
 в 5-м веке в качестве замены
 прежнему святилищу этой
 богини, разрушенному в ходе
 персидского вторжения в 480 г.
 (akg-images / Райнер Хакенберг.)

ГРЕЦИЯ В 5-м И 4-м СТОЛЕТИЯХ

Военному делу на суше у греков в эпоху до Александра Великого был свойственен упор на пехоту, причем зачастую боевые действия велись исключительно в пешем строю. Колесницы тоже находили применение в бронзовом веке — либо как подвижные и приподнятые над уровнем земли платформы для стрелков, или как транспортные средства, предназначенные для доставки видных воинов и военачальников на поле битвы, — но на Среднем Востоке и в Анатолии о действенности колесниц стали забывать после появления конницы, тогда как на Греческом полуострове они всегда имели ограниченную ценность по причине характера местности. Топографические сложности создавали аналогичные проблемы при применении неподкованных лошадей. Хотя в некоторых регионах, как Фессалия и Беотия, условия больше подходили для действий кавалерии, количество конных воинов и здесь всегда бывало ограниченным по причине дороговизны выращивания и содержания лошадей, и лишь немногие наездники умели сражаться в строю. Посему природа их края и экономические возможности сделали греков пехотинцами — воинами-копьемосцами.

К середине 7-го столетия греки начали понемногу оформлять арсеналы вооружения и вырабатывать подходы к ведению боевых действий силами гоплитов. Несмотря на изменения доспехов и снаряжения с течением времени, внешний вид армий гоплитов и их техника боя оставались практически неизменными на протяжении целых столетий. Словом, греки, несмотря на их в общем и целом заслуженную репутацию новаторов и изобретателей, не выказывали особого стремления отказываться от проверенных и надежных приемов военного дела. Только лишь тогда, когда стратегические цели и стремление к расширению территорий — как наблюдаем мы на примере Пелопоннесской войны, — привели греков в состояние, близкое к называемому в наши времена «тотальной войной», жизнь потребовала решительных перемен в военном деле.

ВОЙНА АРМИЙ ГОПЛИТОВ

Гоплиты — греческие воины-пехотинцы в тяжелых доспехах — господствовали на полях сражений у греков на протяжении никак не менее трех столетий. «Гоплон» в переводе с древнегреческого означало «оружие», а посему буквальный смысл слова «гоплит» — «вооруженный человек». Гоплиты бились в тесно сомкнутых порядках, называемых фалангами и имевших в греческом языке общее значение «боевое

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА

Сокровищница афинян в святилище Дельф, где располагался знаменитый по всей Древней Греции оракул. Представляя собой небольшое здание, сокровищница содержала трофеи — добычу, отправленную туда после значительных побед афинского оружия, а также votивные предметы, принесенные в святилище в качестве жертвы. Афиняне соорудили сокровищницу на исходе 6-го или в начале 5-го века. Как считается, строительство отождествляет собой победу демократии над тиранией, хотя в альтернативном толковании — сокровищница представляет собой памятник во ознаменование победы под Марафоном.

Показанная здесь рельефная скульптура происходит из крупной гробницы одного местного аристократа из Юго-Западной Малой Азии и датируется примерно 400 г. На ней запечатлены сражающиеся в фаланге гоплиты. Если воины сохраняли дисциплину и взаимодействие в строю, сокрушить их бывало крайне трудно. Как бы там ни было, неожиданная атака с фланга или с тыла оказывалась способной вызвать панику среди гоплитов и вынудить их смешать строй. (С. М. Диксон/Коллекция предметов древнего искусства и архитектуры.)

построение», но историки обычно подразумевают под фалангами плотные и глубокоэшелонированные ряды тяжеловооруженных пехотинцев.

В сущности, гоплит представлял собой гражданина-солдата. Основу личного состава армий греческих городов-государств составляли граждане, причем такие, финансовое благополучие которых позволяло им экипировать себя как гоплитов. За исключением Спарты, где будущие воины с детских лет посвящали себя постоянным упражнениям и приготовлениям к боевым схваткам, а также некоторых, поддерживаемых общественными средствами формирований, как «Священный отряд» в Фивах, армии городов-государств складывались из граждан, считавших своим моральным, общественным и политическим долгом воевать за собственный город. Набор на военную службу и мобилизация фактически отвечали общему для всех шаблону — граждане гордились собственным статусом свободных людей и рассматривали себя как лиц, обязанных защищать государство. Любое собрание граждан представляло собой по определению собрание воинов — бывших и настоящих. По существу, гоплитом являлся каждый полноправный греческий гражданин. На битву они выходили не из страха перед наказанием или в надежде на добычу. Все они сражались рядом с соседями, братьями, отцами, сыновьями, дядями и прочими родственниками. Легко понять, что такие бойцы стремились сделать все возможное, дабы показать собственную храбрость перед товарищами, кроме того, они были кровно заинтересованы в результатах сражения. Словом, существовали незримые узы, прочно связывавшие воедино фалангу и город-государство. Только те, кто бился с копьем и щитом, бросая вызов смерти и презирая саму мысль о бегстве, считались достойными звания настоящего гражданина.

Может показаться несколько странным, что военному делу у греков столь долго оставались свойственны действия в тесных порядках, если позволительно так выразиться, «любителей», а не профессионалов. Ситуация сохранялась по той причине, что со временем систему поддерживала сила традиции, общих ценностей и общественных предрассудков. Поскольку от гоплитов ожидалось приобретение снаряжения на собственные средства, большинство населения в любом из рассматриваемых городов-государств автоматически исключалось из числа избранных. Но вместе с тем полными правами гражданства мог пользоваться только тот, кто был готов занять место в рядах фаланги, а посему гоплитов представляется возможным назвать фактически «вооруженным народом», если считать «народом» только обеспеченных граждан. Лишь в Афинах, где заметные позиции в вооруженных силах занимал военный флот, беднейшие граждане, или феты, занимавшие места на лавках гребцов трирем, тоже приобрели важное военное значение — отсюда, собственно, и афинская демократия, сложившаяся из двух слов: «демос» (народ) и «кратия» (правление), или, как метко определил Аристотель данную конкретную систему, «триремная демократия». Как продемонстрировали события двух персидских вторжений в Грецию, гоплиты могли оказаться очень и очень грозной силой. Как бы там ни было, в классический период гоплиты потеряли монополию на поле битвы, тогда как все более широкое распространение получали конница и легкая пехота.

Обучение и мобилизация

В большинстве государств военная подготовка начиналась молодыми людьми по достижении ими 18 лет. В основном в греческих городах-государствах организация вооруженных сил основывалась на территориальных принципах, и учет граждан шел в малых племенных подразделениях, изначально — в фратариях. Командир каждого племенного «полка» имел списки граждан, готовых к несению службы в качестве гоплитов, основанные на записях фратарий. По «вступлении в возраст» имя соискателя гражданства сверялось с имеющимся списком, в который заносили новых членов военного сообщества. Новоиспеченных солдат-граждан собирали вместе и приводили к присяге. Отныне такие новобранцы именовались «эфебой» (эфебы, или попросту «молодые»), и на протяжении следующих двух лет им предстояло пройти программу физической и боевой подготовки — эфебат. Та или иная форма эфебата отмечается в большинстве греческих государств, но на практике условия заметно различались друг от друга. В Афинах, к примеру, первый год подготовки эфеба уходил на тренировки и участие в специально организуемых спортивных соревнованиях атлетов — в основном в забеггах. На второй же год обучение эфеба отличалось большей интенсивностью и узкой военной направленностью. Во многих государства эфебы жили вместе, вдалеке от дома, в казармах. Из эфебов состояли постоянные гарнизоны городов-государств в ключевых оборонительных точках: в укрепленной цитадели (Акрополе) в городе, в фортах и на сторожевых вышках в приграничной полосе, поставленных там для предотвращения неожиданных нападений отрядов соседних государств. Поскольку гоплиты воевали не как отдельные воины, подготовка эфеба сосредотачивалась главным образом на освоении тактики группового боя. Отработке индивидуального мастерства владения оружием, как, скажем, бою один на один с мечом в руке, уделялось куда меньше внимания.

ДОСПЕХИ И СНАРЯЖЕНИЕ ГОПЛИТА В 5-м И 4-м СТОЛЕТИЯХ

Слева представлен гоплит времен Пелопоннесской войны, а справа — конца 4-го века. Облегчение доспехов гоплита на протяжении 5-го столетия сопровождалось, а возможно, и диктовалось развитием тактики и приемов, требовавших большей скорости передвижения пехоты на поле битвы. К началу Пелопоннесской войны порой единственным доспехом воина являлся щит. Он всегда представлял собой наиболее важную составляющую снаряжения гоплита. Весивший около 6 кг, щит гоплита обладал способностью выдержать удар копья или меча.

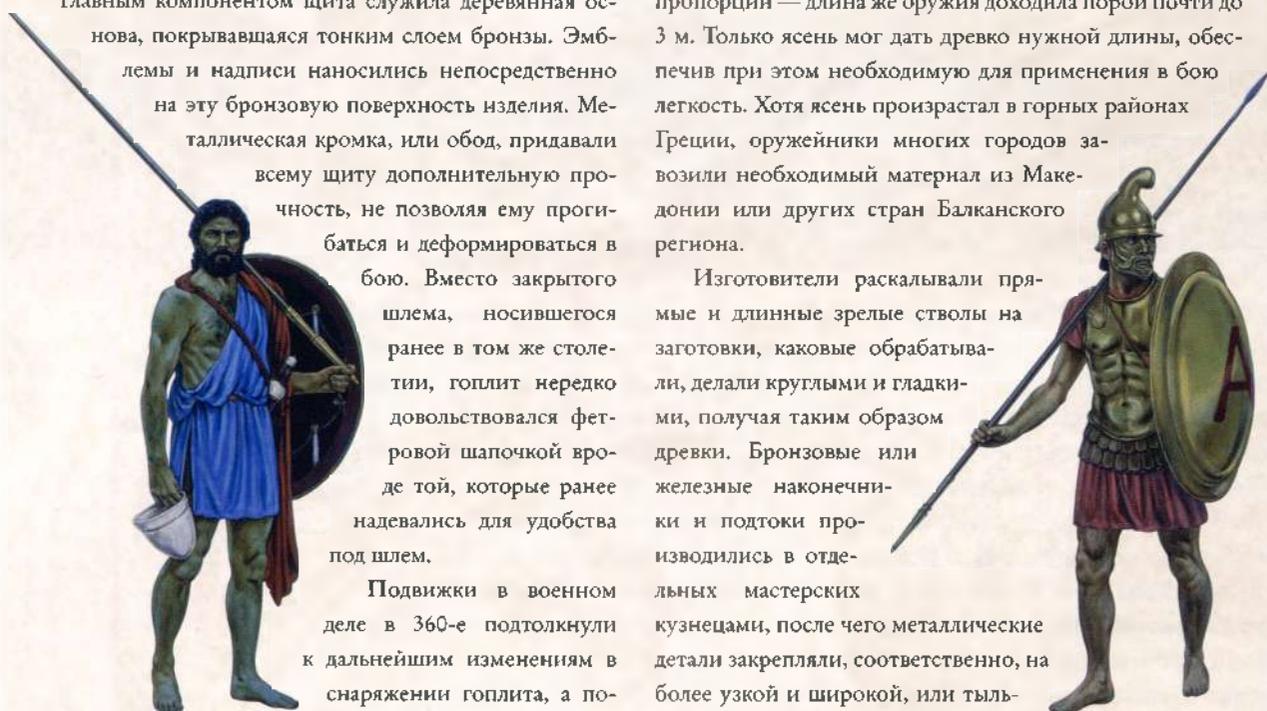
Главным компонентом щита служила деревянная основа, покрывавшаяся тонким слоем бронзы. Эмблемы и надписи наносились непосредственно на эту бронзовую поверхность изделия. Металлическая кромка, или обод, придавали всему щиту дополнительную прочность, не позволяя ему прогибаться и деформироваться в бою. Вместо закрытого шлема, носившегося ранее в том же столетии, гоплит нередко довольствовался фетровой шапочкой вроде той, которые ранее надевались для удобства под шлем.

Подвижки в военном деле в 360-е подтолкнули к дальнейшим изменениям в снаряжении гоплита, а потому гоплит конца 4-го века облачен в «мускульный» панцирь и фригийский шлем. Шлем изготовлялся без расчета выдерживать любой удар — прочность жертвовалась в угоду легкости и более разумной общей защите. Изнутри он нередко имел тканевую подкладку. Прямые удары в голову зачастую приводили к ранениям. Предназначение ярко окрашенного гребня из конского волоса, украшавшего греческий шлем, состояло в том, чтобы делать

гоплита более высоким и грозным, к тому же он служил как знак различия.

Главным наступательным оружием гоплиту служило длинное копье (дори). Завоеванные территории считались «взятыми на копье». В пьесе «Персы» Эсхил живо изображает Греко-персидские войны как некое состязание между восточным луком и греческим копьем. Росписи ваз обычно показывают копье гоплита более коротким, чем в действительности, ибо так оно лучше смотрится, но попадаются и варианты, когда художники соблюдают пропорции — длина же оружия доходила порой почти до 3 м. Только ясень мог дать древко нужной длины, обеспечив при этом необходимую для применения в бою легкость. Хотя ясень произрастал в горных районах Греции, оружейники многих городов завозили необходимый материал из Македонии или других стран Балканского региона.

Изготовители раскалывали прямые и длинные зрелые стволы на заготовки, каковые обрабатывали, делали круглыми и гладкими, получая таким образом древки. Бронзовые или железные наконечники и подтоки производились в отдельных мастерских кузнецами, после чего металлические детали закрепляли, соответственно, на более узкой и широкой, или тыльной, части древка. Далее оставалось только снабдить копье рукоятью, расположенной по центру массы изделия. Помимо копья, гоплит времен Пелопоннесской войны вооружался наиболее распространенным в ту пору мечом (ксифом), снабженным прямой гардой, делавшей его похожим на распятие, и прямым обоюдоострым клинком, по форме напоминавшим лист с расширением в направлении острия. (Адам Хук © Издательский дом «Оспри».)

Эфебов редко отправляли воевать до окончания срока обучения, хотя такое и случалось, но, как правило, в случае вражеского вторжения и возникновения действительно очень большой опасности для государства. Кроме того, граждане не подлежали призыву на службу за границами государства после достижения ими определенного возраста. В Афинах максимальная планка мобилизации в зарубежный поход составляла 50 лет, тогда как дома от граждан ожидали готовности защищать отечество вплоть до 60. Все это означало, что в любой момент в рядах войска могли оказаться люди 42 возрастных ступеней.

Во всех греческих государствах с конституционной формой правления вопросы войны и мира обсуждались на ассамблеях, или на собраниях всех граждан мужского пола, закончивших военное обучение. Если принималось решение выступить с оружием, участники ассамблеи обращались к теме количества потребных им на сей раз воинов. Существовало несколько уровней — от полной мобилизации до призыва части возрастов всех племен и вплоть до лиц определенного возраста лишь от некоторых из них.

Сражение

Битва гоплитов до известной степени представляла собой этакое ритуальное действо — целью сражения служило скорее одоление противника, а не его уничтожение. Греки развили военные приемы, названные позднее «западным способом войны», под которым подразумевается лобовое столкновение бывалых солдат-фермеров во широком поле, где все сходились с целью демонстрации отваги, храбрости и физической ловкости. Поля таких битв обычно становились свидетелями яростных, но относительно коротких схваток, продолжавшихся, как правило, не более часа или двух. Все участники боя выкладывались в полном смысле до предела физически и психологически, когда же все заканчивалось, о новом сражении никто уже не думал — о разногласиях забывали на год, а то и более.

Тот факт, что гоплиты предпочитали выискивать наиболее ровные участки местности для боя, не укрылся, в частности, и от внимания Мардония, каковой отметил данное обстоятельство в речи перед царем Персии Ксерксом: «Так, объявив друг другу войну, они {эллины} ищут прекрасное и гладкое поле битвы и там сражаются» (Геродот, *История*, 7.9.1 [по пер. Г. А. Стратановского; взятый в фигурные скобки текст в цитатах здесь и далее мой. — А.К.]). Хотя Мардоний ошибочно полагал, что греки столь привержены избранному способу ведения боевых действий исключительно вследствие их невежества и глупости, приведенное выше утверждение неопровержимо. Любое неожиданное препятствие могло полностью остановить продвижение фаланги или расстроить порядки, а Аристотель сообщает нам о возможности разрушения строя даже в том случае, если воинам приходилось переходить через узенький ручеек. Вот почему полководцы старались выбирать ровные пространства для сражений.

Когда военачальник, или «генерал» (стратег), вводил в бой гоплитов, он уже мало что мог изменить, поскольку войско почти или вовсе не поддавалось командованию. При столь ограниченной способности к маневру полководцы обычно занимали место в передних рядах фаланги и бились там с врагом плечом к плечу со своими воинами на протяжении всего сражения. Данная тенденция приводила к частой гибели военачальников. В большинстве случаев самым важным для пол-

ководца бывало не продемонстрировать стратегические или тактические таланты, а показать храбрость в бою.

Поскольку греческие гоплиты состояли по большей части из фермеров, или крестьян-земледельцев, они, по вполне понятным причинам, неохотно покидали собственные хозяйства на длительные периоды. Государства же со своей стороны обычно не располагали достаточным количеством наличности для закупки провианта и компенсации гоплитам их материальных потерь за время отсутствия на фермах. Следовательно, вряд ли стоило ожидать от гоплитов готовности выступить в продолжительный поход. Поэтому греческим полководцам приходилось прибегать к военной стратегии, способной принести плоды на политическом поле за возможно более короткое время. В результате до представления эффективной осадной «артиллерии» в середине 4-го века большинство греческих государств не располагало средствами и ресурсами для ведения осад городов противника в течение долгих месяцев, а если потребуются, и лет. Кроме того, этика военного дела гоплитов и практические ограничения, связанные с тяжелым снаряжением, приводили к тому, что гоплиты оказывались весьма скверно подготовленными к преодолению трудностей, возникавших при необходимости подавлять неприятельскую оборону на укрепленных позициях.

Фаланга

Щит гоплита — вот что прежде всего делало жизнеспособным строй фаланги. Половина щита закрывала пространство далее за левой рукой гоплита. Если воин слева от него располагался в буквальном смысле плечом к плечу с товарищем, щит защищал половину его тела. Следовательно, гоплиты строились тесными порядками, образуя перед собой стену из щитов. Когда же строй оказывался разомкнутым, все преимущества щита утрачивались: как отмечал Плутарх (*«Нравственные сочинения»*), доспехи гоплита годились для защиты его одного, тогда как щит прикрывал соседа. Отсюда и напутствие спартанской матери, говорившей сыну: «с ним или на нем» (*«Нравственные сочинения»*). Суть фразы в том, чтобы он вернулся победителем со щитом в руке или же, если придется биться до конца, умер с честью и был вынесен мертвым на щите после того, как битва окончится.

Коль скоро сама по себе фаланга уже диктовала тактику, два построения в фаланге войска направлялись прямо друг на друга, переходя на бег буквально за несколько метров до столкновения, а когда оно происходило, принимались колоть и давить одно другое. Фукидид отмечает тенденцию наступающей фаланги к заносу вправо (*«Пелопоннесская война»*, 5.71.1) — этакий загиб фаланги, каковое явление отмечалось также и в македонской армии. Воинов на правой крайней оконечности обычно сносило еще дальше вправо, то ли из инстинктивного страха бойцов подставить врагу не полностью прикрытую щитом сторону тела, то ли из стремления высвободить место для удобства действия копьем, или же, возможно, в силу обеих вышеназванных причин. Остальная часть фаланги, что вполне естественно, делала то же самое — каждый гоплит спешил прикрыться щитом товарища у себя справа, поддержать монолитность линии и не допустить образования «окоп». Таким образом, правый фланг всегда выказывал склонность немного охватывать неприятельский левый.

Фаланга представляла собой глубокое построение, обычно по 8–12 рядов гоплитов. При такой плотности только первые две шеренги могли применять копья в рукопашной, целясь в уязвимые места противника, все прочие, начиная с тре-

ПОСЛЕДСТВИЯ БИТВЫ ГОПЛИТОВ

На представленной здесь иллюстрации показан момент после битвы гоплитов в период 360-х, когда снаряжение тяжелой пехоты в Греции радикальным образом изменилось в результате едва ли не революционного новаторства в военном деле, неразрывно связанного с его первооткрывателем — фиванским полководцем Эпаминондом, методы которого позднее довели до совершенства цари Македонии. «Мускульный» панцирь спустился ниже и начал прикрывать пах, что, правда, неизбежно осложняло сидение или даже наклоны в таких доспехах. Начертанные на щитах монограммы есть символика Ахейской и Аркадийской лиг.

Победители ходят по полю, выскивая своих раненых, вынося убитых и сдирая с тел воинов противника доспехи, одежду и украшения. Добыча обычно складывалась в кучу. Полководцы нередко давали клятву посвятить десятую часть трофеев какому-то богу, если тот дарует им победу. Остальное могли передать «откупщикам», которые пускали добытое на торги с целью выручить деньги для государства, или же — разделить между воинами. Часть захваченных доспехов порой использовалась для памятного монумента под названием «трофей» («тропаион») в том самом месте, где удалось совершить «оборот» («тропе») противника — т.е. заставить его остановиться и обратиться в бегство. Обычно «трофеи» приколачивали к ближайшему дереву в качестве своего рода памятника в ознаменование произошедшей битвы. Кое-что оставляли как дары богам в местных святилищах, а то и в общих для всего эллинистического мира центрах.

Побежденные обычно отправляли специальных нарочных для переговоров о перемирии, позволившем бы всем похоронить своих мертвецов. В соответствии с принятыми у греков законами войны, подобные просьбы означали признание поражения, а потому победители редко отвечали отказом. Обращение делалось по возможности быстро, чтобы тела не начали разлагаться или чтобы за них не принялись стервятники — животные и птицы, питаю-

щиеся падалью. Как правило, хоронили убитых в братских могилах прямо на поле битвы.

Имена погибших заносились в специальные списки, которые выставлялись на видных местах в центре города. Иногда родичи и соседи почитали павших погребальным памятником в виде символической гробницы, или кенотафием, в действительности не содержащим тел. Он служил в качестве напоминания о жертвах, принесенных героическими гражданами, и в память об этом происходили поминальные моления, произносились речи, возмечивавшие патриотизм павших.

Порой раненые умирали очень долго. В греческих медицинских трактатах содержится немало описаний смертей от полученных в битвах ранений. В приписываемом Гиппократу трактате «О ранах в голову» рассказывается, как такая жертва расстается с жизнью на протяжении 14 суток зимой и всего за семь — летом. В других источниках с малопривлекательными подробностями описывается пятидневное умирание человека от перитонита после ранения в живот. Смерть порой не приходила очень долго. Как считается, в этом и заключаются причины появления порой в списке погибших в том или ином сражении новых имен, внесенных другим почерком. (Адам Хук © Издательский дом «Оспри».)

На показанной здесь афинской вазе изображен воин, прощающийся с семьей. Идти в бой за свою страну было частью общественных обязанностей гражданина. (Р. Шеридан / [Собрание предметов] древнего искусства и архитектуры.)

твѣй шеренги и далее, усиливали толкающее действие массы воинов. На практике такое давление, по всей вероятности, осуществлялось за счет приложения щита в спинной прогиб воина прямо впереди и упора левого плеча под кромку, далее оставалось только давить, как бы поднимая впереди стоящего, упираясь при этом изо всех сил ногами в землю. Фукидид («Пелопоннесская война») и Ксенофонт («Греческая история», 4.3.19, 6.4.14, cf., «Воспоминания о Сократе», 3.1.18) обычно говорят о «выдавливании» впереди стоящих в ближнем бою гоплитов. Однажды пережив такое, участник битвы в строю тяжелой пехоты не мог уже с легкостью забыть о приобретенном опыте, и Аристофан вкладывает в уста хора ветеранов-гоплитов такие слова: «Выступив с копьем и щитом, мы бились с ними... каждый муж против мужа... мы нажимали на них с помощью богов до вечера» («Осы», 11.1081–85). Вот почему прозвучал при Левктрах тот знаменитый клич Эпаминонда, впервые построившего фалангу глубиной в 50 шеренг: «Еще один шагжок вперед!» (Поллиен, 2.3.2, cf. 3.9.27, 4.3.8).

Если гоплит оказывался на земле, раненый или же невредимый, он почти не имел шансов подняться. Непродолжительная, но беспощадная «давка» заканчивалась только тогда, когда одна сторона не выдерживала и в буквальном смысле рушилась. Фаланга превращалась просто в толпу. Победители не преследовали побежденных, и те из последних, кто оставался в состоянии покинуть поле битвы, делали это со всей поспешностью.

Греческие армии в 4-м веке

К 4-му столетию традиционные столкновения фаланг гоплитов видоизменились, приняв более сложную форму, включавшую в себя применение, если можно так выразиться, разных «родов войск», в том числе легковооруженных пельтастов, специальных застрельщиков и — все чаще и чаще — кавалерии. Само снаряжение гоплитов на протяжении 4-го века совершенствовалось, позволяя им, так сказать, идти в ногу с тактической эволюцией на поле битвы, прежде всего действовать быстрее и полнее выкладываться в бою, доходя до крайнего перенапряжения сил.

Пельтасты вооружались дротиками и кинжалами или иногда небольшими копьями для ближнего боя и/или мечами. Они почти или вовсе не носили доспехов, а в качестве их основного защитного вооружения выступал небольшой щит, или пельта, собственно и давший название этому виду пехоты. Столкнувшись с такими легковооруженными и крайне подвижными фракийскими пехотинцами, греки ввели у себя пельтастов, а также соответствующим образом пересмотрели тактику гоплитов. В результате греческие государства стали привлекать на службу меньше фракийских наемников, а тем же фракийцам пришлось иметь дело с более сбалансированными греческими войсками. Знаменитая реформа афинского военачальника Ификрата в начале 4-го столетия, по поводу которой кипело столько страстей, похоже, выразилась в значительном усовершенствовании снаряжения пельтастов — в облегчении их мечей и копий, в изменении доспехов и во введении специальной обуви, — что дало в сумме рост скорости и подвижности.

До 5-го столетия армии только Беотийской и Фессалийской лиг располагали в своем составе конницей, хоть отдаленно похожей на боевую. Лишь в этих низменных районах наличествовали землевладельцы, достаточно зажиточные для разведения и содержания лошадей, к тому же местность вполне подходила для при-

ГРЕКИ В ПЕРСИИ

В «Анабазисе» Ксенофонт повествует нам о восстании царского сына Кира против брата Артаксеркса II, о поражении мятежника у Кунаксы в 401 г. и о судьбе греческих наемников его армии — «Десяти тысяч». Тогда еще молодой афинянин Ксенофонт принял участие в экспедиции как доброволец, а после битвы удостоился избрания командиром наемников. Они предпочли вернуться домой, пройдя маршем почти 2000 км по западным сатрапиям Персии обратно в Грецию, чем подчиниться одержавшему верх персидскому царю, и Ксенофонт описывает их изматывающее и опасное путешествие. Он рассказывает о том, как греки расправлялись с нападавшими на них персидскими войсками, и проводит четкое разграничение между эллинами и персами, по «варварским» землям которых они проходили. По разумению автора, персы были слабоваты и не годились ни в какое сравнение с доблестными греческими воинами.

Ксенофонт являлся сторонником идеи некоего эллинистического «крестового похода» против Персии. На военном совете он выступил перед греками, уговаривая их не доверять персам, а действовать с позиции силы: «Но если мы решимся с оружием в руках отплатить им за содеянное: и впредь всегда нападать на них как на врагов, то, с помощью богов, перед нами откроются широкие и светлые

возможности спасения» (3.2.10 [Цит. по пер. М. И. Максимовой]). Он воодушевлял соратников такими словами: «И не думайте, что измена войска Ариейя, раньше воевавшего на нашей стороне, является для нас тяжелой потерей. Ведь они еще трусливее побежденных нами варваров. Они (воины Ариейя) убежали к ним, а нас покинули, а тех, кто готов бежать, гораздо приятнее видеть в рядах врагов, чем в собственном войске» (3.2.17 [по пер. Максимовой]). И хотя Ксенофонт, по всей вероятности, прибегает к преувеличениям в стремлении поднять боевой дух греков, речи его во многом отражают тогдашний взгляд греков на персов.

Для людей вроде Исократы «марш Десяти тысяч» служил доказательством плачевного состояния персидского царства: империя рушилась, а совместные усилия греков вполне могли повергнуть давнего врага в прах. Хотя в действительности «Десять тысяч» оказались вовлеченными, по сути дела, во внутреннюю распрю, к тому же персидские войска не очень-то стремились остановить греков, помешать им покинуть Персию, тогда как на греческое вторжение они отреагировали бы совершенно иным образом. Мятеж Кира привел к раслоению и расколу в персидском стане, однако в 401 г. империя, совершенно очевидно, объединилась бы перед лицом общего врага.

менения кавалерии. До изобретения в Средние века хомута для лошадей способности этих животных не находили применения в сельском хозяйстве — распахивание полей и перевозка телег и тому подобных повозок осуществлялись силами упряжных волов. В качестве средств передвижения кони представляли собой нечто вроде предметов роскоши, а к тому же служили для демонстрации общественного положения владельцев. Благодаря росту доходов с возросших подчиненных территорий Афины смогли по мере течения 5-го века сформировать у себя конницу. Афиняне даже создали соответствующие законодательные основания для выплат компенсаций всадникам, если лошади их погибали в походе, к тому же государство выплачивало деньги на прокорм животных, причем не только во время войны, но на постоянной основе. Спарта и Коринф тоже являлись теми немногими из греческих государств, которые обзавелись отрядами кавалерии незадолго до окончания 5-го столетия. Большинство же прочих государственных образований создали конные контингенты лишь в 4-м веке.

С появлением более крупных и устойчивых политических субъектов на территории Греции созрели и предпосылки для возникновения постоянных армий, состоявших из формирований граждан города, входящего в ту или иную федерацию.

Воинам, большинство из которых были пельтастами, приходилось регулярно выплачивать жалование — новые требования, к которым государства не всегда оказывались готовыми. Как решение таких проблем появился рынок греческих наемников, каковые предлагали себя третьим сторонам — в особенности персам. С бойцами в таких отрядах более не рассчитывались, так сказать, индивидуально — за сдачу в аренду собственных войск плату получало предоставившее их нанимателю греческое государство, само находившееся в тот момент в состоянии мира с соседями.

УСИЛЕНИЕ ФИВ

Победа Спарты в Пелопоннесской войне и крушение афинской державы положили конец равновесию сил в греческом мире. Тем не менее цена победы оказалась непомерно высокой, а роль господина Греции потребовала от Спарты таких жертв, принести которые та не всегда оказывалась в полной мере способной. Спарте хронически не хватало живой силы, а имперская обязанность содержать гарнизоны и флоты, а также рассылать и оплачивать спартанских чиновников за границей вела к растрачиванию ресурсов и подрывала простую, но прежде вполне действенную социально-экономическую базу государства и войска. Однако изменение ситуации порождало сложности не только на домашнем фронте. Спартанское верховенство уже вызывало враждебное отношение со стороны многих в Греции, а потому когда в 396 г. спартанский царь Агесилай решил продолжить борьбу за свободу от имени греков в рамках экспедиции против западных сатрапий в Малой Азии, Персия с готовностью поддержала коалицию Фив, Коринфа, Аргоса и поднявших голову Афин в их выступлении против Спарты, известном как Коринфская война. Афинский военачальник Конон получил под начало персидские военно-морские эскадры и в 394 г. уничтожил спартанский флот в сражении, а также очистил от спартанских гарнизонов многие ионийские города и острова. Как бы там ни было, после первых успехов афиняне вновь начали вспоминать о собственных державных притязаниях и о былом величии, тогда как в 387/386 гг. спартанский эмиссар по имени Анталкид сумел достигнуть мирных договоренностей с персидским царем Артаксерксом II. По условиям Анталкидова, или Царского, мира, греческие государства прекращали вражду, тогда как ионийские греки получали определенную ограниченную автономию. Гарантом мира выступал, таким образом, персидский царь. Хотя Спарта устояла в Коринфской войне, ожесточенные противостояния этого конфликта выступили как бы в роли образца для той борьбы не на жизнь, а на смерть, разгоревшейся вскоре и ставшей свидетельницей кратковременного возвышения Фив как доминирующей силы на поле боя гоплитов.

Тут нельзя не затронуть тему достославного фиванского «уступа», в котором пехотинцы, вместо того чтобы сходитьсь с противником ровными, вытянутыми в линии порядками, выстраивались по косой линии и нацеливались в какую-то одну точку вражеского войска. Дебютировало это построение как оборонительный прием уже в 394 г. Как бы там ни было, скоро обнаружилось наличие у «уступа» огромного наступательного потенциала, и вот, в результате успешной реализации фиванской тактики покрывшим себя славой Священным отрядом, Фивы заменили Спарту как лидеры в Греции, по крайней мере, на суше. Катастрофическое поражение Спарты в столкновении с фиванцами в битве при Левктрах в 371 г. повлекло за

собой вторжение фиванцев на Пелопоннес, основание Мегалополя как инструмента для сдерживания действий спартанцев на юге и освобождение илотов Мессении, прежде служившей Спарте источником продовольствия, и стало причиной подрыва экономической базы последней.

Тем временем Афины попытались вернуть себе главенствующее положение на море путем образования Второй афинской лиги. Она не шла ни в какое сравнение с Делийской лигой 5-го столетия, поскольку на сей раз государства — члены союза крайне подозрительно относились к имперским притязаниям Афин, тогда как самим афинянам не хватало средств и ресурсов для утверждения собственного господства силой. В 357–355 гг., после выхода нескольких городов из состава лиги, запыхала Союзническая война. Все эти склоки и свары между городами-государствами совершенно отвлекали внимание греков от происходившего на севере, где царь Македонии, Филипп II, употребил Союзническую войну на пользу расширения собственного влияния и могущества в регионе Эгейского моря.

В период болезненной борьбы за власть и верховенство в Греции Персия преследовала свои интересы в Греции путем натравливания одних городов-государств на другие. Соблазнительный блеск и звон персидского золота порой оказывался слишком сильным искушением, которого никак не могли вынести политики соперничавших городов-государств.

ВЕЛИКОЭЛЛИНСКИЙ ПОХОД

Внутренний раскол у греков не прошел мимо внимания и кое-кого в самой Греции, как того же ратора Исократ, горько сожалевшего о пагубных раздорах и бессмысленном соревновании между греками. Выходом, как полагал он, могло бы стать объединение сил в общем для всех греков «крестовом походе» против Персии с целью отомстить ей за святотатственные злодеяния, совершенные в отношении Греции столетием ранее, каковую тему этот автор выразил в написанном в 380 г. «Панегирике». Однако теория панэллинизма в его риторике не всегда учитывала реалии конфликтов между греческими государствами. Спарта пользовалась персидской поддержкой в пору Пелопоннесской войны и после нее, а Македония, хотя и скорее всего в силу необходимости, вообще перешла в персидский лагерь во время вторжения начала 5-го века. Как бы там ни было, идеалы панэллинизма оставались весьма притягательной интеллектуальной концепцией. Приверженность «свободе», каковую мы сегодня могли бы, вероятно, назвать правом на самоопределение, всегда имела высокую ценность в греческом обществе, несмотря на довольно противоречивое обстоятельство, когда, как можно не без основания предполагать, одни города-государства не страшились пожертвовать свободой других греков, если подобное бывало в их собственных интересах. Несколько раз независимость греческих городов-государств в Малой Азии оказывалась под угрозой, поскольку собратья-греки на собственно греческой территории предавали их во имя достижения выгодных договоренностей с персами. Это произошло в очередной раз во время заключения Анталкидова мира, когда Спарта согласилась на персидское господство над городами западных районов Малой Азии в обмен на персидскую поддержку спартанской гегемонии в Греции. Невзирая на такую явную непоследовательность, «освобождение» греков из-под ига персидского правления служило неизменно почитаемым лозунгом. Так, Спарта вызвала презрение и раздражение, если уж не озлобление, со стороны других греков своими деяниями, позволявшими расценивать их как предательский сговор с давним и заклятым врагом — Персией.

И вместе с тем к середине 4-го столетия, после полувека внутренних раздоров, ни один из городов-государств в Греции не был в состоянии возглавить великоэллинский поход на восток, как никто из них, похоже, не стремился к этому с подлинной волей. Однако новая сила — страна, расположенная к северу от сердца Греции, — скоро очутилась в таком положении благодаря водительству своего царя, Филиппа II. Македония шаг за шагом подходила к тому, чтобы возглавить и повести греческий мир в его «крестовый поход» против Персии.

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА

Несмотря на бой не на жизнь, а на смерть, крупные потери с обеих сторон бывали в войне голлитов явлением довольно редким. Исключением может служить битва при Коронее в 394 г. С началом Коринфской войны спартанцы отозвали в Европу царя Агесилая, только что завершившего успешный поход против персов в Малой Азии. В ходе обратного марша спартанского войска через Беотию путь ему преградила армия аргосцев и фиванцев. Ксенофонт, бывший очевидцем сражения, подробно описывает его, употребляя обороты вроде: «и не было еще ничего подобного этому в наше время». Агесилай одержал победу на правом фланге, где аргосцы дрогнули и побежали вскоре после вступления в боевое соприкосновение с его войском. Другие союзники на этом крыле тоже обратились в бегство. Аргосцы искали спасения на расположенной поблизости горе Геликон. Тем временем на противоположном крыле фиванская фаланга сумела прорваться и добралась до спартанского обоза. Извещенный о происходящем Агесилай развернул свою фалангу, заставляя фиванцев перестраиваться в попытке соединиться с аргосцами на горе Геликон, что вылилось в отчаянную и кровопролитную схватку. (Адам Хук © Издательский дом «Оспри».)

ПЕРСИЯ В 5-м И 4-м СТОЛЕТИЯХ

В 4-м веке Персидская империя являлась крупнейшим царством, когда-либо существовавшим на земле Среднего Востока в древние времена. Правителем сего обширного государства являлся царь царей, или великий царь, как называли его греки — *мегус базилевс*. Ко времени вторжения Александра персидская держава простиралась от западных берегов Анатолии вплоть до долины Инда на востоке и от Бактрии (современный Афганистан) на севере до южных порогов на реке Нил в Египте. Население Египта, однако, поднялось на мятеж, удачно завершившийся для него в 405 г., и с того момента вплоть до самого преддверия прихода Александра главная цель империи состояла в возвращении себе утраченной провинции. Постоянные восстания, сотрясавшие царство, с годами неизбежно сказывались на состоянии экономики, поскольку подавление любого мятежа выливалось в гигантские расходы, тогда как временная утрата Ахеменидами власти в Анатолии, Индии и в Египте, само собой разумеется, влекла за собой сокращение поступлений в казну.

С эпохи Дария I (521–486 гг.) Персидская империя делилась на административно-управленческие «округа», называвшиеся «сатрапиями», каждой из которых управлял персидский вельможа — сатрап. В обмен на выполнение обязанностей по защите царства нобиллями центральному правительству приходилось предоставлять им значительную степень автономии. Следовательно, персидские цари зависели от поддержки и готовности сатрапов к взаимодействию. Как бы там ни было, временами они проявляли склонность забывать о собственном долге перед царем. Восстания случались, и не раз, особенно в 360-е в Малой Азии, когда превратившиеся фактически в наследственных правителей сатрапы предпринимали попытки, отрезая себе куски от империи, создавать, в сущности, независимые царства. К тому же из рядов сатрапов выступали претенденты на престол и узурпаторы, готовые захватить трон, как тот же Кир Младший.

Персидские вельможи в силу стародавней традиции привыкли считать себя неустрашимыми воинами и независимыми аристократами, а потому с неохотой принимали подчиненную роль в иерархии империи. Отдельные личности, связанные с царем узами родства, часто становились сатрапами в крупных или стратегически важных провинциях, тогда как иные получали командование армиями или занимали другие ответственные позиции. Они жили в огромных дворцах и окружали себя роскошью, сполна используя крупные имения в провинциях, которыми управляли. Публичные раздачи драгоценных подарков, особенно предметов

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
На покрытом эмалью
кирпичном рельефе из дворца
Дария I в Сузах показана
процессия воинов гвардии
царя — «Бессмертных».

из золота и серебра, служили царям способом отмечать наиболее важных и удобных им вельмож. Персы поддерживали национальное единство и индивидуальность несколькими путями, включая и приверженность определенному костюму, использование персидского языка, а также за счет обучения сыновей. Персидские мальчики проводили первые пять лет жизни в стороне от отцов в обществе матерей и других женщин из числа служанок и домочадцев хозяина, но потом для них наступал черед вступить на стезю познания ремесла воинов и правителей. Геродот утверждал следующее: «Детей с пяти до двадцатилетнего возраста они {персы} обучают только трем вещам: верховой езде, стрельбе из лука и правдивости» («История», 1.136 [по пер. Г. А. Стратановского]). Мастерство охотника и сопутствующие ему навыки в стрельбе из лука и метании дротиков были школой воина.

КУЛЬТУРА АХЕМЕНИДОВ

Зороастризм выступал в качестве главной религии Ахеменидов, а основные принципы зороастрийской конфессии, в которой упор делался на правдивость и справедливость, формировали менталитет царей-Ахеменидов и оказывали влияние на их способы управления громадной державой. Геродот отмечал, что для перса самым позорным на свете было солгать, и на самом деле в отдельных

случаях за ложь и двурушничество человека могли отправить на казнь.

По мере распространения зороастризма среди народов царства он неизбежно испытывал на себе влияние бытовавших у них религий и верований. Завоеванным позволялось отправлять привычные обряды и говорить на родном языке. Например, тот же Кир Великий освободил евреев из вавилонского плена и даже оказал помощь в восстановлении храма в Иерусалиме. Языком империи при Кире и Дарии служил эламский, и надписи на эламском сопровождают тексты на аккадском и древнеперсидском языках. После завоевания Месопотамии наиболее широкое использование в империи получил арамейский, хотя в наше время и не утихают споры в отношении того, был он или не был официальным языком. Подобно тому как религия Ахеменидов претерпевала воздействия других верований, искусство и архитектура их империи создавались на основе смешения многих составляющих, позаимствованных от покоренных народов. Применение местных стилей и мотивов не возбранялось, главное, чтобы результатом становилось нечто вполне персидское, а посему «примеси» легко прослеживаются в персидских артефактах и архитектуре, как те же дворцы в Пасаргадах и в Персеполе. (Ахеменидская ваза 6-го века. Архив Вернера Формана/Коллекция Шиммеля [Нью-Йорк].)

ХРОНОЛОГИЯ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ

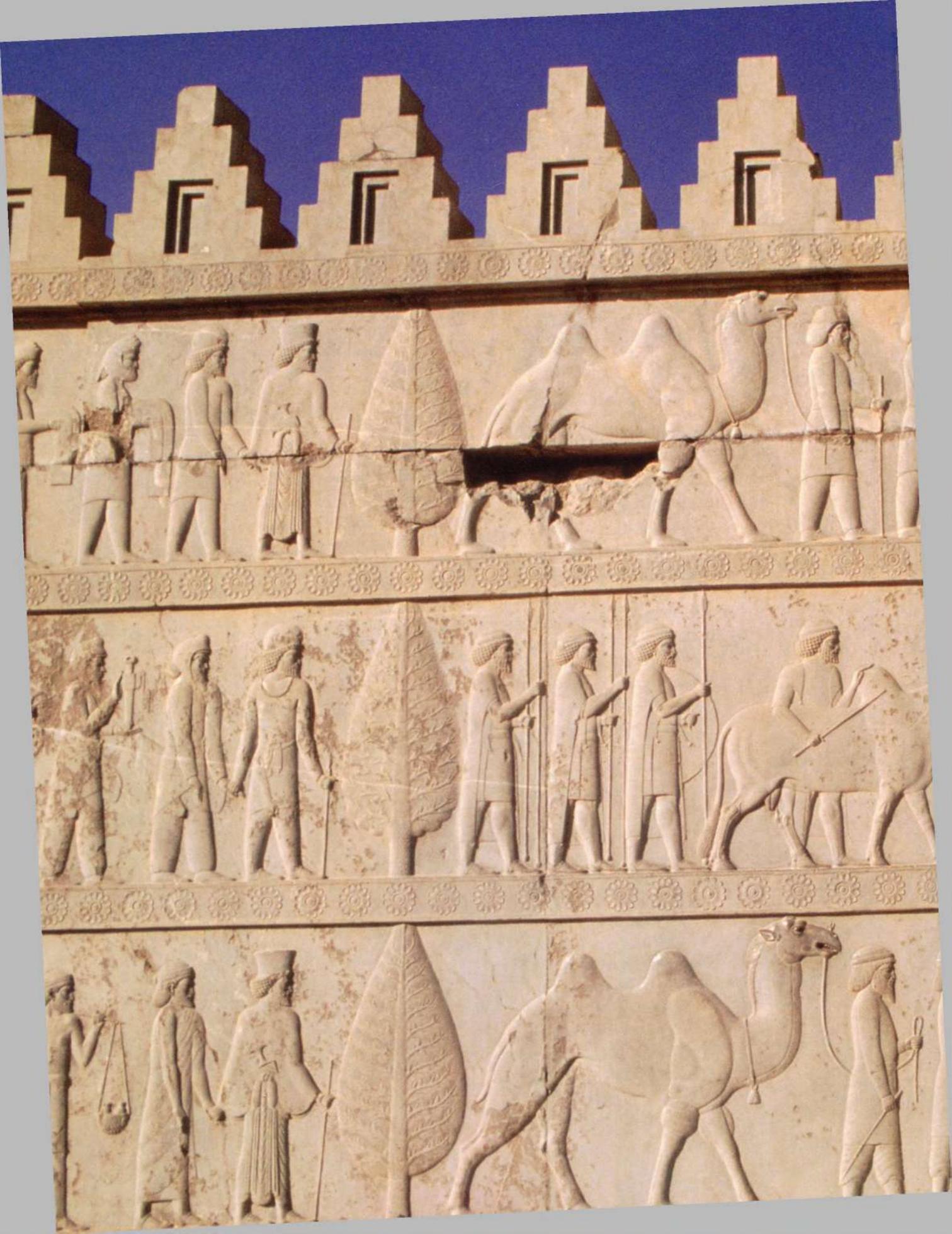
559	Кир Великий становится царем Персии	499–386	Греко-персидские войны
550	Кир подчиняет Мидийское царство	499	Персы нападают на Наксос
547	Кир завоевывает Лидию и берет в плен царя Креза	499–493	Ионийское восстание
539	Кир захватывает Вавилон	494	Персы подавляют сопротивление ионийцев
530	Смерть Кира; восхождение на трон Камбиза	491	Дарий требует от всех греческих государств покорности
525	Камбиз вторгается в Египет	401	Артаксеркс побеждает Кира в битве при Кунаксе
522	Смерть Камбиза; Дарий восходит на престол как царь Персии	396–394	Агесилай создает плацдарм в Малой Азии
520/519	Походы Дария в Скифию	394–387	Коринфская война
519–518	Дарий подчиняет персидскому владычеству ионийцев	387/386	Анталкидов мир

В наскальной надписи в Накше-Рустам Дарий Великий провозгласил ценности персидского нобилитета: «Как всадник, я добрый всадник. Как лучник, я добрый лучник, все равно, пеший или верховой. Как копейщик, я добрый копейщик, все равно, пеший или верховой». После достижения 20 лет и вплоть до 50 мужчины считались годными для призыва на военную службу.

Правящая персидская элита не жила в совершенном отстранении от аристократии других этнических групп среди подданных империи. Браки между персами и представителями других племен не исключались, тогда как дочери персидских вельмож выходили замуж за местных князей, персы же брали в качестве жен или наложниц женщин из знатных фамилий покоренных стран. Кир Великий проводил политику, направленную на уважение местных традиций, и сохранил часть аристократии и религиозных лидеров у власти в системе управления Мидией, Лидией и Вавилонией, а все последующие цари во вновь приобретенных землях обычно следовали его установкам. Люди с положением и высоким статусом в завоеванных странах обычно сохраняли позиции, и таким вельможам оказывали честь быть принятыми при дворе царя с наделением их почетными титулами «друзей трона». Подобного же отношения иной раз удостоивались и изгон из государств за пределами империи, искавшие защиты и содействия у великого царя.

Персидские цари черпали ресурсы огромной империи двумя основными путями. Они облагали налогами подвластные им народы, требуя от них регулярных выплат податей, а также задействовали живую силу в военных экспедициях по завоеванию новых территорий или для подавления постоянных восстаний в уже покоренных странах. В нескольких сатрапиях персы и мидийцы не столь высоких званий получали небольшие имения, дававшие им скромные, но вполне достойные и твердые доходы. Взамен от них ожидалось использование средств на обеспечение себя всем необходимым для службы в коннице или на колесницах или же предоставление в армию царя какого-то определенного количества солдат-пехотинцев. В те годы, когда подобного рода услуги не требовалось, имения подлежали налогообложению и выплатам соответствующих сумм серебром либо поставкам

НА РАЗВОРОТЕ Персеполь. Правители-Ахемениды повелели воздвигнуть несколько великолепных дворцов, хотя раскопать пока удалось только те из них, что расположены в Персеполе, Пасаргадах и в Сузах. Дарий Великий дал старт сооружению целого комплекса дворцовых зданий в Персеполе на исходе 6-го столетия, и строительство продолжалось уже в правление Ксеркса. Возникновение дворцов, в архитектуре и украшении которых нашли отражение художественные влияния культур разных народов царства, привело к появлению так называемого персепольского стиля. Восточная лестница приемной залы Дария Великого покрыта резьбой с изображением поданных из самых разных регионов Персии, приносящих дары и дань царю. Сами по себе подношения отражают культурные и природные особенности регионов: среди них верблюды из Аравии и Бактрии, золото из Индии и лошади из Скифии. Помимо дани цари-Ахемениды вносили с подданных налоги серебром.

ЦАРИ-АХЕМЕНИДЫ ВО ГЛАВЕ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Кир II Великий	559–530	Секудиан (Согдиан)	423
Камбиз II	530–522	Дарий II Нот	423–404
Бардия (Смердис)	522	Артахсеркс II Мнемон	404–358
Дарий I Великий	522–486	Артахсеркс III Ох	358–338
Ксеркс I	486–465	Артахсеркс IV Арсес	338–336
Артахсеркс I	465–424	Дарий III Кодоман	336–330
Ксеркс II	423	Артахсеркс V Бесс	330–329

натурального продукта, как, в общем-то, и все прочие доходные владения повсюду в сатрапиях.

Уцелевшие записи показывают наличие в Персидском царстве сложной, развитой и разветвленной бюрократии, призванной управлять делами сатрапий и заниматься перераспределением доходов в соответствии с указаниями царя. Заседателям царского суда и многим другим важным лицам выдавалось продовольствие и все необходимое с царских складов. Главные центры, как то: Сарды, Экбатаны, Вавилон, Сузы и Персеполь — связывала сеть дорог. Прокладывались они преимущественно для переброски войск и обеспечения передвижения царским курьерам, пользовавшимся специально устроенными промежуточными станциями, но дороги, ко всему прочему, облегчали задачи торговли и доставки даней по всей империи.

Кроме сатрапов в системе государственного руководства действовали также и правители административно-управленческих единиц меньшего масштаба, называемые греками гипархами («гипархой»), однако использование терминологии в греческих источниках зачастую неточно или произвольно, а потому титулы «сатрап» и «гипарх» порой употребляются как синонимы. Как те, так и другие выступали обычно и в роли командиров набранных на местах войск.

ПЕРСИДСКАЯ АРМИЯ

В правление Ахеменидов войска народов, населявших Иранское плато, значительно изменились. Много раньше — в конце 7-го столетия в Мидии — армия, называвшаяся на древнеперсидском «спада», подверглась реорганизации мидийским царем по имени Увахшатра, или Киаксар. После крушения Мидийского царства и включения его в Персидскую империю мидийцы наряду с персами составляли ядро «спада». По мере расширения империи представители покоренных народов, те же гирканы и бактрийцы, включались в войско вместе со своим оружием, навыками и приемами. Резные украшения в Персеполе и официальные персидские документы, использовавшиеся Геродотом, позволяют установить следующее: чем ближе к персам находился тот или иной народ, тем в большей мере он разделял с ними господствующие позиции в царстве, предоставлял больше воинов и платил меньше даней — отсюда значительное количество мидийцев в войске вообще и среди командиров в частности. Персы, кроме того, выказывали готовность со-

вершенствовать и реформировать собственные приемы ведения боевых действий: так, они стали использовать греческих наемников после того, как превосходство тех в роли тяжелой пехоты было наглядно продемонстрировано в ходе Греко-персидских войн.

Персидская армия складывалась преимущественно из набранных в сатрапиях ополчений — каждая из провинций у Ахеменидов обязывалась предоставлять воинские отряды для царских вооруженных сил. Такие войска делились на части по десятичному принципу. Геродот и Ксенофонт то и дело упоминают мириады и хилиархии — формирования в 10 000 и 1000 воинов соответственно, — которые сами персы называли «байвараба» и «хазараба» (ед. ч. «байварабам» и «хазарабам»). Во главе каждого «байварабама» стоял его «байварпатиш» (мириарх), а «хазарапатиш» (хилиарх) командовал «хазарабамом», делившимся на десять отрядов по 100 человек («сатаба»), в свою очередь состоявших из десятков («датхаба»). Впрочем, в действительности все эти выкладки говорят лишь о номинальной численности, а потому нетрудно объяснить — по крайней мере, отчасти — причины столь диких преувеличений количества персов в греческих источниках, особенно в рассказах Геродота о Персидских войнах. Помимо войска, содержавшегося на более или менее постоянной основе, персидские военачальники, готовясь к крупным походам, собирали в армию отряды ото всех подвластных империи народов, включая воинов из далекого Египта и Индии, но наиболее надежными солдатами всегда оставались персы и наемники из Ирана и Средней Азии.

Некий вид военной формы появился и применялся в вооруженных силах Ахеменидов задолго до того, как нечто подобное возникло в греческих армиях. Согласно имеющимся документальным данным, Кир Великий раздавал мидийские плащи командирам в войске уже в 6-м столетии. Унификация одежды, судя по всему, распространялась на чиновников царской администрации и на части центральной армии. Полковые командиры имели свои знамена, вокруг которых строилась их часть. Местонахождение командира также определялось его штандартом на поле битвы или в лагере, что облегчало задачи посыльного, ну и, конечно же, знамя выполняло сигнальную функцию — им формированию подавался знак к выступлению.

Конница

Собственно, персидское военное могущество опиралось на кавалерию. Нисейские лошади служили прекрасной основой для создания верховых отрядов на древнем Среднем Востоке. Завоевание Лидии в 547 г. показало Киру Великому необходимость обзаведения надежным корпусом персидской конницы, поэтому он разделил вновь приобретенные земли между персидскими вельможами, чтобы обеспечить им способность выращивать коней и воевать верхом. Персидский царь также действовал в качестве кавалерии мидийцев, а начиная с правления Дария I и позднее персы охотно брали в войско наемников-пехотинцев и всадников из племен саков, обитавших в Средней Азии.

Несколько источников упоминают кавалерийский контингент численностью в 3000 человек в составе постоянной персидской армии. Находясь под началом «конюшего», всадники получали лучших коней из имперских конезаводов. Набор в персидскую кавалерию осуществлялся преимущественно среди нобилитета,

ДАРИЙ III И КОПЬЕНОСЦЫ

Показанный здесь справа Дарий III срисован с мозаики Александра. На Дарии царские пурпурные одеяния с широкой мидийской полосой, а к тому же красный пояс с акинаком — коротким мечом, или кинжалом, — в золотых ножных. Тиару свою, или колпак, он носит торчком вверх — важная привилегия, зарезервированная исключительно для особы государя. Прочим персам полагалось носить колпак подвернутым сбоку или спереди. Называемый «китаром» головной убор украшен голубой диадемой. Слева копьеносец с царским штандартом, как и показано на мозаике Александра. На войне тоже царская справа, главным компонентом которой служит пурпурный хитон с центрально расположенной белой полосой. Судя по данным из источников, царская одежда жаловалась как дар от повелителя отдельным личностям или, если брать копьеносцев, целиком всему подразделению. Темно-пурпурная краска была наиболее дорогостоящей из известных в античности красителей, причем даже заменители обходились недешево. Сама по себе цена побуждала царя резервировать пурпур для себя и раздавать его подданным как знак отличия. Александру достались значительные запасы такой ткани, но он жаловал ее направо и налево с такой щедростью, что в итоге ему пришлось писать в города Ионии с повелением прислать еще, дабы обеспечить возможность облачить в пурпур всех гетайров, или «товарищей». Шафран следовал сразу же за пурпуром в системе ценности цветов как признак роскоши. Добывался он из пестиков в цветке крокуса — по три в каждом. Для получения килограмма сухого шафрана требовалось, по крайней мере, 20 000 цветков. Следовательно, после пурпурного желтый или желто-оранжевый цвет являлся наиболее распространенным в облачении у воинов элитных частей Ахеменидов.

В центре иллюстрации помещен господин определенного и весьма высокого положения. Детали его одежды позаимствованы с саркофага Александра, и можно предположить, что он являлся «хазарапатишем» — командиром копьеносцев. Синяя полоса на хитоне, возможно, служит для внешнего отличия его от

царя. Как есть основания полагать, такой важный офицер должен был бы иметь украшения на воротнике, но саркофаг столь поблек от времени, что восстановить некоторые подробности не представляется возможным. На вельможе крученое металлическое ожерелье, пожалованное ему царем. Точно неизвестно, кто занимал пост «хазарапатиша» в правление Дария, но Плутарх называет самым значимым у персов после Дария Мазея, а потому возможно, что именно ему принадлежала эта должность, хотя одновременно он являлся и сатрапом Киликии. По всем имеющимся данным, члены корпуса копьеносцев вооружались щитами голплитов. (Саймон Чу © Издательский дом «Оспри».)

а элита конницы приходила, соответственно, из самых высших классов. Судя по всему, существовало по крайней мере три полка элитной кавалерии. Воины в этих частях, вероятно, носили какие-то отличительные эмблемы или знаки, пожалованные им самим царем, как те же драгоценности — камни и золото, — дорогое и украшенное оружие или одежды. По меньшей мере один из отрядов состоял из представителей самых высокочтимых вельмож, именовавшихся царскими «родичами». 15 000 таких «родичей» не являлись фактическими родственниками, однако носили столь высокое звание по милости короны. Только им одним разрешалось обмениваться поцелуями с царем — подобное позволялось лишь между социально равными — и трапезничать на царских пирах, для которых ежедневно забивалось по тысяче голов разного скота. Диодор Сицилийский упоминает о том, будто бы в битве при Гавгамелах Дарий лично отдавал приказы полку из 1000 «родичей», среди которых находились только избранные — особо отважные и преданные государю.

Персидская конница вооружалась и снаряжалась по-разному. С середины 5-го века всадники пользовались щитами, а с конца того же столетия они облачались в кирасы, или в панцири, тогда как кони носили упроченные попоны и нагрудные пластины. В число усовершенствований воинского снаряжения на заре 4-го века входило введение наручей, что на очередной шаг приближало бойцов кавалерии к полностью закованным в латы катафрактам, появившимся в персидских армиях много позднее. Вооружение походило на то, которым располагали пехотинцы, но количество копий составляло два — одно для метания.

Золотая модель колесницы из «Сокровищницы Окса» (Амудары), датируемая периодом власти Ахеменидов в Персии — 5–4-м веками. Данный предмет один из наиболее выдающихся в собрании, представляющем собой, наверное, самую значительную коллекцию золотых и серебряных изделий, дошедших до нас от эпохи Ахеменидов. В колесницу впряжены четыре лошади, внутри нее два воина в мидийском платье. Спереди колесница украшена египетским богом-карликом Бесом — весьма популярным как оберегающее божество. (Британский музей/НП/TopFoto.)

360-е стали свидетелями множества интриг во властных структурах и ряда мятежей сатрапов. По причине беспорядков и волнений этого периода качество персидской кавалерии стало снижаться. Количество персидских землевладельцев в западных сатрапиях, откуда царство черпало силы для конницы, сократилось из-за постоянных войн. Прежде такие люди поставляли живую силу из числа собственных приближенных, и лишь гарнизоны образовывались за счет нанятых солдат, в то же время всадников приходилось набирать отовсюду, где только представлялось возможным, и все они в этом случае воевали за плату. Придя к власти в 358 г., Артаксеркс III рассудил, что армии сатрапий более не способны обеспечить безопасность на западных границах, и приказал распустить их.

В рядах персидского войска встречались верховые воины на верблюдах, части колесничих, и в том числе бойцов, на специальных боевых повозках со снабженными серпами колесами, или на «серпоносных» колесницах, каковые персы применяли и в некоторых столкновениях с армией Александра.

Пехота

Основной по численности силой во всех персидских армиях выступали, как правило, пехотинцы — персы по рождению, вооруженные большими щитами, сделанными обычно из кожи и ивовых прутьев. В качестве оружия использовались длинные копья, топоры, мечи и луки со стрелами. Что до доспехов, тут они ограничивались минимумом: самое большее — подбитыми льняными панцирями и, вероятно, шлемами, хотя на большинстве памятников изобразительного искусства на головах воинов обычно колпаки и тому подобные головные уборы.

Наиболее важной частью в войске являлся собственный корпус царя — его гвардия и элита постоянной армии. Численность отряда всегда оставалась неизменной и составляла 10 000 человек, что дало им название «Бессмертные». Данное пехотное формирование объединяло в своих рядах лучших из лучших, отобранных за великолепные физические данные и отвагу. В составе его находился контингент из 1000 копьеносцев, оружие которых имело нечто вроде золотого яблока с тыльного конца древка, стяжавшего им прозвище «*мелофорой*», или «яблоконосцы» (также «носители айвы»), хотя источники высказываются в данном случае весьма туманно и неопределенно. Ясно одно — такие копьеносцы представляли собой в войске пехотный «полк номер один».

Традиционным боевым формированием пехоты на Среднем Востоке в первом тысячелетии до Р.Х. служили стрелковые нары, состоявшие из собственно стрелка и помощника, прикрывавшего его широким и высоким щитом. В ранний период существования империи Ахеменидов большинство пехотинцев приходилось на «спарабара», имевших на вооружении прямоугольные щиты, или «спара». Десять воинов первого ряда несли щиты, тогда как позади, под их прикрытием шли следующие девять шеренг, в которых каждый ратник располагал луком и кривым коротким мечом. Передовые воины несли также и недлинные копья, предназначенные для защиты себя и товарищей в момент сближения с противником и начала рукопашной. Как бы там ни было, иногда луками вооружался весь отряд, тогда как щиты выставлялись впереди в качестве защитной стенки. После битвы при Платеях и Микале персы осознали необходимость снабдить «спарабара» каким-то дополнительным оборонительным средством на тот случай, если стена «спара» будет

«БЕССМЕРТНЫЕ»

Состоящие из различных частей полки персидского войска упоминаются Ксенофонтом в книге «Киропедия» как образовывавшиеся двумя шеренгами пехотинцев по фронту, еще двумя — метателей дротиков, или «такабара», двумя — стрелков плюс следующие две «закрывающих строй», о вооружении которых отдельно не говорится. Цель такого формирования заключалась в совмещении «огневого» потенциала с возможностями тяжелой пехоты. Возникают подозрения в отношении реальности существования подобного рода построения, хотя ближе к концу походов Александра он действительно пытался образовать составную фалангу из македонских и персидских отрядов. Если сводные полки в самом деле наличествовали у персов, на основании имеющихся данных можно предположить, что десять полков «Бессмертных» организовывались как раз по такому принципу, то есть отдельные солдаты несли щиты гоплитов, другие — «така», тогда как остальные снаряжались как стрелки. Изображенные здесь пехотинцы в приметных хитонах с пурпурными воротниками, краями рукавов и по-

долами с украшениями из серебряной ленты представляют собой «оживленные» фигуры с саркофага Александра и, по всей видимости, являются представителями нескольких различных полков «Бессмертных», отдельных от копьеносцев, «желтых» и «синих» полков, показанных резчиками и художниками намеренно обособленно. Все воины помимо приметных хитонов носят желтые колпаки или чепцы, хотя подобные головные уборы как будто бы бытовали в других полках, а не только у «Бессмертных». Вооруженный топором ратник в центре одет к тому же в плащ из шкуры леопарда с подкладкой из меха мелких зверюшек. Воин, разящий копьем леопарда, экипирован как солдат панцирной пехоты или командир передового ряда составного полка. Стрелок слева, возможно, тоже принадлежит к сводному полку — к одному из тех нескольких, личный состав которых отличали особые алые хитоны. Алый краситель получали из коры дуба кермесоносного — дерева, особенно часто и в изобилии встречавшегося в древности в Иране. (Саймон Чу © Издательский дом «Оспри».)

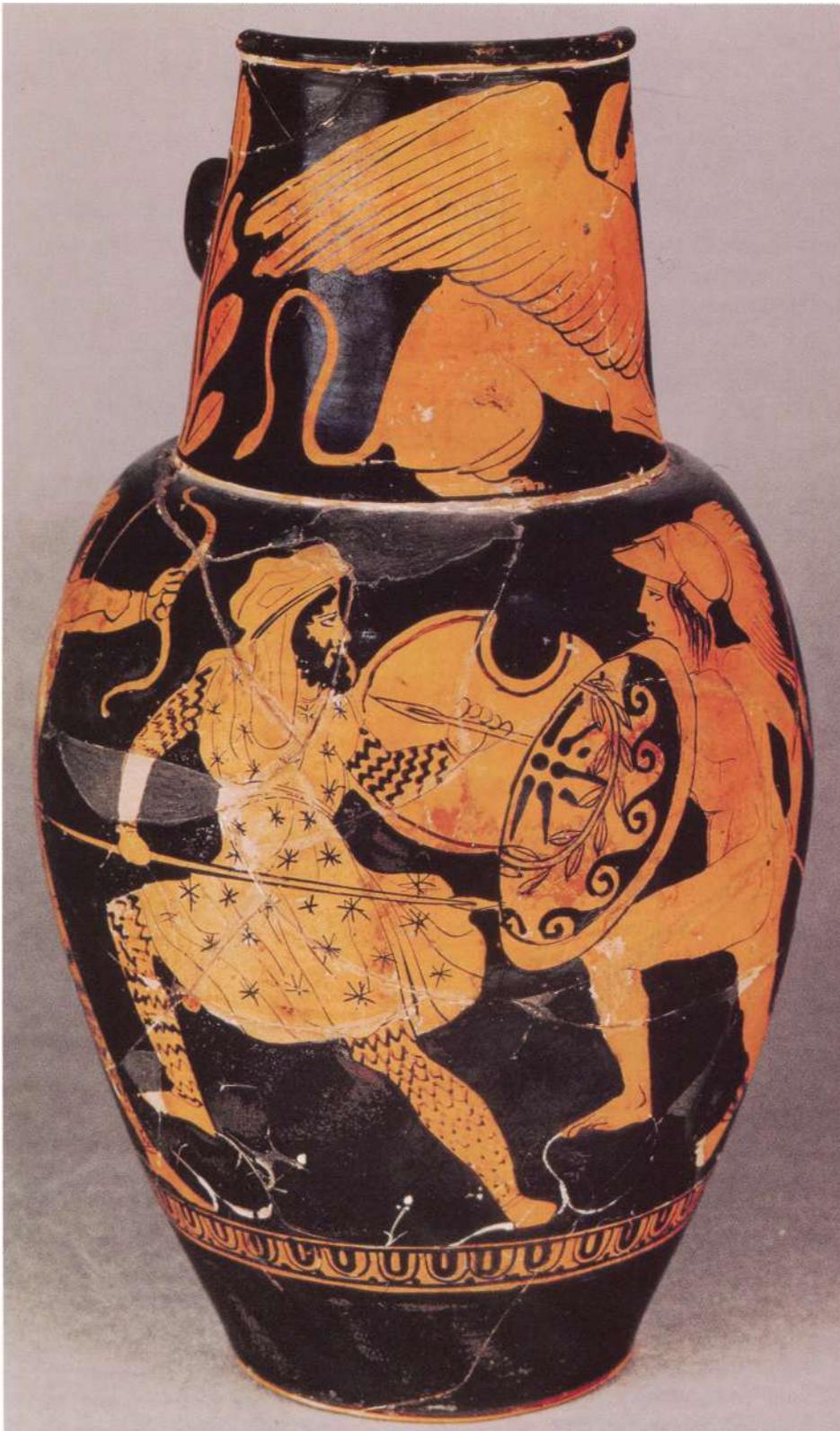

проломлена противником. Некоторые воины носили панцири, но им требовались и щиты для отражения длинных колющих копий греков. А потому командование ввело ношение щитов воинами индивидуально. Называемые «така», такие предметы защитного вооружения изготавливались из дерева и кожи и отличались срезаемым верхним сегментом для обеспечения лучшего обзора стрелку.

Персия привлекала людей, желавших продать свои воинские навыки, из областей внутри империи и также из стран за ее пределами. Многие полки наемной пехоты собирались на местах сатрапами. Как бы там ни было, в самом народе оставалось не так уж много годных бойцов, поскольку когда то или иное племя или государство включалось в состав Персидской империи, проведение военной подготовки с молодыми людьми там прекращалось. Словом, в основном наемников черпали из районов, остававшихся пока «свободными». Помимо греческих пехотинцев, персы привлекали отряды племен саков с севера и народов из Северной Индии далее на Востоке. Если говорить о самой империи, тут представлялось возможным призвать мужчин из горных племен. Такие народы — курды, мисийцы, писидийцы, гирканы и бактрийцы — почти постоянно находились в состоянии мятежа против власти персидского царя, но персы не стремились к уничтожению их потому, что не хотели терять важный источник притока наемников, необходимых для войска, — неотъемлемого средства выживания державы. В большинстве случаев воины сражались с копьями и щитами «така», откуда и название — «такабара». Зачастую они вступали в рукопашные схватки и бились как линейные войска в строю.

По крайней мере с середины 5-го столетия Персия широко использовала греческих наемников, обычно выступавших в качестве личной стражи глав провинций и солдат гарнизонов в греческих городах на западе Малой Азии. В 4-м веке все большее количество наемников стали привлекать западные сатрапы, так что греческие воины сделались всегдашними участниками периодических мятежей знати против великого царя, и особо тут стоит упомянуть те 10 000 человек, сражавшихся за Кира Младшего в 401 г. Совершенно очевидно, что наемников набирали среди греческого населения Малой Азии. Большое количество греческих наемников привлекалось из горных регионов Пелопоннеса, хотя в качестве командиров выступали представители всех районов Греции. Есть свидетельства того, что часть тяжеловооруженных пехотинцев, участвовавших в битве при Гранике, происходили из Афин, Фив и даже из Фессалии. Рост на протяжении 4-го века федеральных государственных образований в Греции привел к возникновению новых постоянных армий, а затем и к практике сдачи их внаем Персии скорее как целых отрядов, чем отдельных воинов, поскольку в мирные времена возникали сложности с содержанием их в самой Греции.

Вторжение в Малую Азию в начале 4-го века Агесилая, да и более ранние столкновения ясно показали персам слабость их пехоты по сравнению с греческими гоплитами. В попытках отвоевать Египет империя задействовала греческих наемников и среди них афинского полководца Ификрата, создавшего «ификратовых пельгастов» путем превращения греческих наемников не из числа гоплитов в «такабара», но с усилением их снаряжения. Ификрат вооружил своих людей новыми удлиненными копьями и щитами «така». Возможно, это длинное оружие и стало прообразом македонской сариссы.

«Такабара» Ахеменидов в бою с греческими гоплитами. Художника, запечатлевшего сцену схватки на этой афимской вазе, по всей вероятности, вдохновляли битвы 390-х. Судя по украшению щита гоплита, владелец его принадлежал к одному из контингентов, сражавшихся на стороне спартианцев.

Simon Chew

Такие воины обладали способностью биться в передовых рядах войска и бросать вызов даже гоплитам. Нехватка греческих наемников после битвы при Левктрах в 371 г. привела к необходимости снаряжения и подготовки 120 000 азиатских наемников для использования на имперской службе в качестве гоплитов. Около 354 г. взбунтовался сатрап Артабаз, пользовавшийся сначала поддержкой афинской армии, а затем фиванского контингента. Артаксеркс в итоге смог погасить пламя мятежа и поставить на службу себе фиванское войско. Еще несколько лет он потратил на подавление восстаний и бунтов, после чего обратился, наконец, к задачам повторного завоевания Египта. С этой целью были наняты воинские контингенты из Фив, Аргоса и из греческих городов Малой Азии. Хотя присутствовали также и «кардака», командование рассчитывало переложить основной груз войны на плечи имевшихся в наличии греческих контингентов. Повторное завоевание завершилось к 343 г.

Могла ли Персия победить Александра?

Сокрушительный успех Александра неминуемо снижает уровень действенности персидской военной машины в ходе вторжения македонцев. После Исса персы предпринимали значительные усилия в попытках перехватить стратегическую инициативу и нарастить численность войск после понесенных в сражении потерь. В Вавилонии были собраны новые формирования пехоты, а в Анатолию отправлены сухопутные силы для взаимодействия с

персидским флотом. Но войска не сумели дойти до побережья. Персам требовалась конница, чтобы переломить ситуацию, и в стремлении достигнуть целей командование создало отряды воинов на колесницах с серпами на колесах для проламывания брешей в порядках македонской пехоты, в которые могла бы затем ворваться и развить успех кавалерия. Гавгамелы стали последним испытанием и положили конец надеждам Персии на победу.

Под термином «кардака» следует, похоже, понимать солдат не из числа персов или греков, а придворных воинов или царских наемников. Не ясно, с какого времени существовали «кардака», но они, совершенно очевидно, участвовали в битве при Иссе. Возможно, что, хотя в этническом смысле они не являлись персами, за военную службу им предоставили какие-то дополнительные права и статус, сходный с персидским, и даже некоторые привилегии, недоступные для простых персов. При Артаксерксе III возродилась система селить ушедших на покой наемников на землях империи, и в стратегически важных районах царства возникали целые колонии «кардака», цель создания которых состояла в стремлении обеспечить мир и стабильность в этих регионах. Не вполне ясно, насколько широко распространилась система, но есть свидетельства наличия поселений в Египте, в Иране и в Ликийи. Вероятно, условием наделения землей отставного наемника выступала готовность и способность его или его потомков при необходимости встать в строй. Эллинистические правители после Александра сохранили данные принципы и поставили их себе на службу, и в источниках есть данные о наличии полков «кардака» в эллинистических армиях в 3-м веке. Система «кардака» послужила толчком для изменения у греков и македонян взгляда на военные поселения и выработки иного подхода к ним. Ушедшие в отставку солдаты стали получать землю в обмен на обязательства несения военной службы ими и их потомками, что помогало процессам эллинизации Востока.

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
 Данная реконструкция показывает различные типы пехоты персидской армии в 333 г. Слева мы видим стрелка, вероятно, входившего в элитный полк, поскольку его хитон отделан серебряным галуном. В центре пехотинец из «кардака», воссозданный по мозаике Александра. В руках воина крашеный бронзовый щит голплита. Справа — пехотинец из сатрапии, при изображении которого основой для художника послужило оформление гробницы в Македонии. Ратник, возможно, представляет собой одного из «такабара» на службе у кого-то из западных сатрапов. Посему он скорее всего не иранец, а откуда-то из Анатолии. Белый колпак может быть знаком того, что воин не относится к собственно персам. Из вооружения у него меч в ножнах — по всей вероятности, второстепенное оружие, применяемое в случае утраты коня. Воины рассматривают трофейный македонский щит. (Саймон Чу © Издательский дом «Оспри».)

ВОЗВЫШЕНИЕ МАКЕДОНИИ

Македония оказывалась по большей части в стороне от постоянных войн и грызни государств Греции по причине географического положения и стратегического значения, делавших ее как бы аутсайдером Греко-персидской политики. Рассматриваемая нами страна представляла собой результат объединения Верхней и Нижней Македонии, что произошло окончательно при царе Филиппе II, к образованию добавились новые города с новыми — то есть натурализованными — гражданами. Но в целом страна не отличалась высокой степенью урбанизации, и население ее представляло собой в основном пастухов-скотоводов. Происхождение македонского государства в период античности окутано туманом, поскольку, по мнению классических греческих писателей и мыслителей, жители Македонии являлись наполовину варварами, обитавшими где-то на задворках цивилизованного мира. Согласно традиции, аргеадская ветвь царей сложилась в 8-м веке, однако о ней было мало что известно до упоминания Геродотом в контексте Греко-персидских войн. Точная схема правил вступления на престол македонских царей тоже не вполне ясна, хотя перераспределение власти на самом верху происходило не без внутренних интриг и скрытого или явного иностранного вмешательства, включая и убийства царей и претендентов, при этом между Александром I и Филиппом II — то есть в период продолжительностью менее столетия — на троне побывало не менее 13 монархов.

В ходе Греко-персидских войн Македония являлась вассальным царством Персидской империи, а ее царь, Александр I Филэллин, действовал преимущественно в собственных интересах, даже невзирая на прозвище, означающее буквально «греколюб». Он, в частности, отговорил командование греческих экспедиционных войск от занятия долины Темпе, отделявшей Македонию от Фессалии, поскольку не хотел, чтобы большое войско Ксеркса застряло в Македонии, истощая небогатые ресурсы царства. Позднее он советовал афинянам признать реальность и подчиниться персидской мощи, покоровшись Ксерксу, чего те, как известно, предпочли не делать.

Сын Александра, Пердикка II, правивший в стране во время Пелопоннесской войны, занимал такую колеблющуюся позицию между поддержкой Спарты и Афин, в соответствии с угрозой, которую представляло для него и его царства в этом непростом и неровном конфликте то или другое государство в тот или иной момент. К концу века сын Пердикки, Архелай II, занялся укреплением

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
Железный панцирь 4-го
столетия с золотым
орнаментом, обнаруженный
в гробнице Филиппа II
Македонского. (Архив
[предметов] искусства/
Археологический музей
г. Салоники.)

ХРОНОЛОГИЯ МАКЕДОНИИ В 4-М СТОЛЕТИИ

368–365	Филипп, сын Аминты III, будущий царь Македонии, проживает в Фивах в качестве заложника	346	Филократов мир; Филипп становится хозяином севера Греции
360/359	Пердикка III погибает в сражении; приход к власти Филиппа II, выступающего поначалу в качестве регента при Аминте IV	338	Битва при Херонее; Филипп подчиняет себе всю Грецию
359–336	Правление Филиппа II Македонского	337	Образование Коринфской лиги с Филиппом II во главе
356	Рождение Александра Великого	336	Смерть Филиппа II; восхождение на трон Александра III Великого
352	Победа Филиппа II над фокийцами в битве на Поле Крокусов		

МАКЕДОНСКИЕ ЦАРИ ИЗ ДИНАСТИИ АРГЕАДОВ В 4-М СТОЛЕТИИ

Кратер	399	Аминта III (повторно)	392–370
Орест и Аероп II	399–396	Александр II	370–368
Архелай II	396–393	Птолемей I	368–365
Аминта III	393	Пердикка III	365–360/359
Павсаний	393	Аминта IV	359–356
Аминта III	393	Филипп II	359–336
Аргей II	393–392	Александр III Великий	336–323

царства. В частности, в попытке импортировать греческую культуру с юга, в Македонии были проложены новые дороги. И в самом деле, в каком-то смысле задуманное ему удалось, — скажем, драматург Эврипид умер в Македонии, где и написал мрачную трагедию *«Вакханки»*. Но Архелай не успел воплотить в жизнь всех начинаний, поскольку, как и многие правители Македонии, пал от удара кинжала убийцы.

По смерти Архелая последовал период восшествия на трон и коротких правлений одного за другим ряда царей до тех пор, пока Аминта III не восстановил до некоторой степени стабильность. Вместе с тем царство жило под постоянной угрозой, возникавшей то со стороны иллирийцев на западе, то вследствие роста имперских (или, по крайней мере, гегемонистских) амбиций афинян и фиванцев. От царицы Эвридики Аминта имел трех сыновей — будущих царей. Александр II просидел на троне недолго (370–368 гг.), после чего погиб от рук убийцы. Зять Аминты, Птолемей Алорит, выступал затем как регент при малолетнем Пердикке III, но в 365 г. он тоже был убит. Пердикка стал полновластным властителем и хозяином на троне, но царству продолжали грозить с запада иллирийцы, и в 360/359 гг. они уничтожили македонское войско. Пердикка и с ним еще 4000 человек остались лежать мертвыми на поле битвы, тогда как на престоле вновь очутился ребенок.

И вот тут в свои 23 года на первый план вышел уцелевший сын Аминты III, Филипп II, по всей вероятности, поначалу назначенный регентом при малолет-

нем племяннике, Аминте IV. Дабы вывести Македонию из шаткого положения и обеспечить себе твердые позиции в будущем, Филиппу приходилось укреплять власть короны. Достижение целей требовало как применения дипломатии и новаторских подходов в военной области, так и создания сильного и боеспособного войска. В период царствования братьев Филипп жил в качестве заложника в Фивах, где наблюдал за военными инновациями и в том числе реформами фиванской пехоты, подумывая, как видно, и о том, как бы воспользоваться чужими находками для македонской армии. Опыт дал Филиппу знания, и ему хватило способностей их задействовать для отращения угрозы со стороны Иллирии. И в самом деле, фактически именно он разрешил кризис при помощи умелого сочетания военных действий и дипломатии, а то и откровенного двуличия, а потому, отодвинув от трона Аминту IV, в 359 г. Филипп сам сделался царем.

Дипломатия Филиппа и реформы в войске привели к повышению статуса прежде презираемой соседями Македонии. Историк-современник Феопомп Хиосский уверял даже, что «прежде Европа не рождала такого человека, как Филипп», и поистине громадные достижения его не следует недооценивать, пусть даже все деяния этого царя неминуемо остаются в тени свершений его сына.

В 382 г. спартанцы отправили союзнический контингент в помощь царю Македонии Аминте, дабы облегчить тому задачу освобождения земель, отторгнутых у него синдрийцами. Хотя Македония всегда особенно славилась именно конницей, в какой-то момент ближе к коню 5-го или в начале 4-го века кто-то из македонских царей сколотил войско из голплитов. Слева мы видим сидящего на коне спартанца. Македонский голплит в центре экипирован весьма сходным со спартанцами и их союзниками образом. Позади критский стрелок-наемник, служащий спартанцам. (Энгул МакБрайд © Издательский дом «Остри».)

ПАРМЕНИОН

Парменион (около 400–330 гг.) сражался в рядах македонской армии сначала при Филиппе II, а затем при Александре. Он происходил из семьи вельможи и считался наиболее надежным военачальником Филиппа, в том числе одержал видную победу над иллирийцами в 356 г. В 346 г. он отправился послом в Афины; поездка завершилась в итоге Филократовым миром. Вместе с Атталом и Аминтой в 336 г. он повел передовые македонские войска в Малую Азию.

После отзыва Пармениона в Македонию в связи с гибелью Филиппа старый полководец быстро принял сторону Александра и помог ему утвердиться на троне, преспокойно покончив с Атталом. Служба новому царю принесла Пармениону и его семье щедрые награды. Он выступал в роли заместителя командующего при

Александре во всех основных битвах последнего на территории Персии, в ходе которых отвечал за левое крыло македонского войска, а его сыновья, Филота и Никанор, тоже занимали высокие командные должности.

Парменион продолжал оставаться правой рукой Александра до 330 г., когда получил задание охранять захваченные сокровища Персии в Экбатанах. В том же году он был заочно приговорен к смерти как лицо, замешанное в мнимом или подлинном заговоре Филоты против Александра. Веских доказательств участия Пармениона в заговоре, судя по всему, так и не нашли, однако он представлял собой потенциальную угрозу честолюбивым притязаниям Александра, тогда как измена — подлинная или предполагаемая — представлялась вполне удобным поводом для его устранения.

АРМИЯ ФИЛИППА II

Занимаясь реорганизацией армии, Филипп принял во внимание достижения фиванцев. В частности, он явно не упустил из виду тактическое новаторство двух великих фиванских военных командиров, Эпаминонда и Пелопида, включая и опробованный ими в боях фиванский «уступ». Удлинив левые крайние колонны традиционного боевого построения гоплитов и применив координированные кавалерийские атаки во фланг противнику, Эпаминонд сумел привести беотийцев к победе над Спартой и ее пелопоннесскими союзниками в решающих сражениях при Левктрах в 371 г. и при Мантинее в 362 г., фактически покончив со спартанским господством в Греции. Инновации послужили катализатором процессов перемен в военном деле в 4-м столетии. Теперь победу на поле битвы добывали не одни лишь только традиционные армии выносливых и тяжеловооруженных классических гоплитов, сталкивающихся лоб в лоб на равнине. Переосмысление значения и природы применения тяжелой пехоты, верная оценка места и роли легковооруженных вспомогательных войск и — что всего важнее — умение грамотно включить кавалерию в процесс боевых действий — вот что становилось залогом успеха на полях сражений в новые времена.

Фаланга «нового покроя»

Новшества Филиппа в военной области дали немедленный выигрыш с долговременными результатами. Диодор Сицилийский писал об этом следующее:

Филиппа не бросали в дрожь размеры предстоящих испытаний, напротив, сплотив македонцев на нескольких ассамблеях и убедив мужей красноречивым ораторством, он вселил в них боевой дух. Усовершенствовав организацию своих войск и вооружив их в достатке подходящим оружием для

войны, он устраивал постоянные маневры с оружием и всячески упражнял своих людей. Он выдумал плотное построение и снаряжение для фаланги, подражая тесным порядкам воинов, перекрывающих друг друга щитами в ближнем бою, как у тех, что были под Троей, и впервые создал македонскую фалангу (16.3.1–2).

Совершенно очевидно, коль скоро Филипп не мог выставить в поле сколь-либо крупное войско из местных македонских гоплитов после катастрофы, постигшей его брата в войне с Иллирией, оставалось либо положиться на наемников, что Македония в тогдашнем ее политическом и экономическом положении едва ли могла себе позволить, либо снабдить собственных солдат каким-то козырем — оружием или тактикой, а лучше и тем и другим, — дававшим бы им преимущество над врагами. Одно лишь тесное построение не есть объяснение успеха, к тому же у Филиппа почти не было времени для обучения изрядно деморализованных неудачами воинов новым приемам до первого сражения. Кроме того, приписывать оглушительный и, как кажется, мгновенный успех Филиппа одной лишь удачно примененной фиванской тактике значит заведомо все упрощать. Единственным обоснованным объяснением будет то, что Филипп с самого начала пробовал экспериментировать с новыми приемами и оружием.

Филипп хорошо знал устройство греческой фаланги и технику боя гоплитов. Он решил принять переработанную фалангу, чтобы сделать ее приемлемой для македонских пехотинцев. В отличие от многих греческих государств к югу от горы

Вид на раскопанные археологами развалины античной Пеллы — древней столицы Македонии. Именно в ней в 356 г. и появился на свет Александр.

Олимп и реки Пеней, Македония не страдала от нехватки резервов живой силы. Чего ей недоставало, так это скорее крупных городских центров и значительного слоя представителей среднего класса, из среды которых представлялось бы возможным черпать гоплитов, способных оплатить собственное снаряжение. Как бы там ни было, македонские солдаты являлись пастухами и могли позволить себе в случае чего передать заботу о животных старикам, подросткам и женщинам. Имея такой «пул» из не привыкших к городской неге и выросших на вольных просторах скотоводов, Филипп получал возможность набирать немало «профессиональных» солдат для продолжительной службы в войсках, только ему предстояло найти способ вооружить их. Для этого он избрал новое для македонцев оружие — длинное и тяжелое боевое копье, называемое «сарисса» (мн.ч. сариссай). Позаимствовав кое-какие находки у афинского полководца Ификрата, действовавшего в тех краях в ходе недавней кампании, Филипп снабдил воинов легкими доспехами. Поскольку избранное оружие требовало двух рук, чтобы действовать им, похожий на огромную пуговицу щит диаметром 60 см подвешивался на шею ремнем; при необходимости манипулировать щитом можно было за счет движений предплечьям.

Нельзя исключать, что введение сариссы Филиппу подсказал пример фракийцев, применявших в 4-м веке очень длинные копья. Филипп знал о них не понаслышке, так как сам получил глубокую рану в бедро от копья трибала, сделавшего македонца хромым и стоившего жизни коню Филиппа. Македонская сарисса состояла из кизилового древка 3–4 см в диаметре и длиной 4,5–5,5 м. Древко имело составную структуру — две половины его приходилось соединять между собой бронзовой втулкой. Данная деталь являлась весьма важным узлом оружия, поскольку добавляла прочности, помогала улучшить равновесие и уменьшить прогиб. Кроме того, втулка позволяла разбирать оружие и нести на марше в сильно укороченном виде. Должно быть, это также упрощало ремонт и замену частей копья. Место хвата двуручной сариссы, снаряженной железным листовидным наконечником и бронзовым подтоком — и тот и другой 40–50 см в длину, — весившей 6–7 кг, располагалось примерно в 1,8 м от тыльной стороны древка. Следовательно, оружие выступало почти на 4 м впереди македонского фалангита, давая ему преимущество в бою перед греческим гоплитом. При построении в фалангу острия копий опущенных сариссai первых трех или четырех шеренг находились перед строем, тогда как воины в следующих рядах держали их сариссai вертикально или наклоненными в качестве средства противодействия или прикрытия от метательных снарядов противника. Ощетинившийся железом фронт такого строя резко поднимал наступательную мощь фаланги. При Филиппе обычная глубина построения составляла десять рядов, что находило отражение в терминологии — колонны назывались «декадами» (что означало отряд, или «отделение», изначально из десяти человек).

Дабы оказаться тактически успешной, македонской фаланге требовались стойкие, упорные, дисциплинированные и хорошо выученные солдаты. Филипп вполне осознавал это и добивался целей за счет тренировок и сплочивания людей. Полиен говорит о том, что Филипп закалял воинов, заставляя их проходить по 300 стадий (свыше 50 км) за один день, причем в шлемах и в поножах, при этом неся с собой щиты, сариссы и паек («Военные хитрости», 4.2.10). И в самом деле, Филипп искал способа повысить подвижность войска, в том числе ограничивая

количество слуг для пехотинцев одним на десяток —или, как можно предполагать, одним на «декаду» — и приказывая солдатам таскать с собой запас зерна на 30 суток. Любая роскошь или тяга к комфорту вызывали неодобрение. Полиен упоминает о некоем тарентском офицере (хотя, как можно предполагать, командире в кавалерии), которого лишили командования только за пристрастие к приему теплых ванн («*Военные хитрости*», 4.2.1).

Устраивались и настоящие тактические маневры, поскольку ни упорядоченный ложный отход Филиппа под Херонеей, ни ослепительный парад Александра перед лицом иллирийцев под Пелием не были бы возможными без постоянных тренировок. Сариссу в лучшем случае можно считать неудобным и сложным для применения оружием, а стоило им перепутаться, как несчастье уже стояло на пороге. Словом, даже в довольно свободных порядках стройное движение с такими копьями требовало немалой подготовки и развития соответствующих навыков. Пусть первопроходцами в использовании плотных рядов копейщиков в фаланге и оставались греки, однако вершин результативности и мастерства при использовании данного рода построения достигли македонские воины под командованием Филиппа и Александра. Без преувеличения, это был звездный час фаланги.

Квинт Курций Руф так описывает македонскую фалангу в «*Истории Александра Македонского*», написанной в I-м веке н.э.:

Македонское же войско, дикое и без внешнего блеска, прикрывает щитами и копьями неподвижный строй и сомкнутые ряды крепких воннов. Этот прочный строй пехоты они называют фалангой: в ней воин стоит к воину, оружие одного находит на оружие другого. Фаланга обучена по первому же знаку идти за знаменами, сохраняя ряды. (III.2.13 [Цит. по изд. МГУ 1993 г.]..)

Первое сражение, которое дал Филипп иллирийцам, происходило около Лихнидосского озера в 359/358 гг. Диодор Сицилийский, опираясь на свидетельства автора середины 4-го века Феопомпа, утверждает, что Филипп возглавлял левое крыло, «которое состояло из цвета македонян» (16.4.5). Можно предположить указание Диодором на «*пезгетайрой*» («пеших товарищей» — свиты, или отборной стражи Филиппа). Филипп «приказал кавалерии («*гетайрой*», или гетайрам) пустить коней вскачь, обойти варваров и ударить им во фланг, тогда как сам всей мощью обрушился на неприятеля с фронта» (16.4.5).

Конница

Изначально ядром македонских вооруженных сил служила кавалерия, особенно представители нобилитета, образовывавшие ядро гвардии царя и выступавшие верхом на битву вместе с господином. Они назывались царскими «гетайрой», то есть его «товарищами», или свитой из особо приближенных. Из первоначальных 600 человек «товарищеской» конницы Филипп создал крупное формирование тяжеловооруженной кавалерии. Благородные семейства из всех уголков греческого мира получали уделы, нарезанные от земель, отторгнутых у врагов царя, а к концу его правления число таких людей выросло многократно. Филипп наделил их доспехами — кирасами, или панцирями и шлемами фригийского типа, — и развил

тактический строй, созданный Ясоном Ферским, стремясь предоставить коннице верховенствующую роль в сражении.

Основополагающей частью в кавалерии являлась *ила* (эскадрон) из 200 человек, возглавляемая илархом и разделенная на четыре *тетрархии* из 49 человек каждая под командованием *тетрарха*. Тактическое построение *тетрархии* называлось «клином», Филипп ввел его, позаимствовав у фракийцев, которые в свою очередь переняли прием у скифов. Клин строился с тетрархом во главе, при этом старшие из воинов скакали в середине и по оконечностям линии из 13 человек в основании. Рядом с илархом, по всей вероятности, находился горнист для подачи звуками трубы сигналов четырем «взводным» командирам и адъютант (*гиперет*) для облегчения задач иларха по управлению действиями эскадрона. Четыре клина эскадрона строились на поле битвы в линию с определенными интервалами между ними, необходимыми для маневра части и предотвращения столкновения в атаке. При наличии конницы, способной к таким тактическим передвижениям, пехоте подвижность столь остро не требовалась. Уже в ранних битвах против иллирийского царя Бардилла конница применялась во взаимодействии с пехотой, что говорит о способности Филиппа разумно использовать в сражении разные «рода войск».

ФИЛИПП НА СЕВЕРЕ

После реорганизации и переподготовки войска Филипп смог наконец уделить должное внимание происходящему в крайне тревожных приграничных горных регионах. Разгромив Бардилла за счет впечатляющего флангового маневра кавалерии, Филипп обратился к западному пограничью, где обеспечил стабильность путем брака с дочерью царя молосцев — наиболее значительного из племен в горах Эпира. Именно союз с этой женщиной, Олимпиадой, принес Филиппу в 356 г. второго сына, Александра.

Когда обстановка на севере и на западе стабилизировалась, Филипп обратился к восточному направлению, где македонянам приходилось постоянно находиться

АНТИПАТР

Антипатр (около 399–319 гг.) являлся одним из наиболее доверенных людей и наиболее хорошо зарекомендовавших себя военачальников Филиппа II. Он представлял царя в Афинах в 346 и 338 гг., а также управлял Македонией, пока Александр сражался на севере в 335 г. В период нахождения Александра в Азии Антипатр служил регентом Македонии и стратегом Европы, он подавлял мятеж во Фракии, а потом громил Агиса III Спартанского, который разжег войну на Пелопоннесе.

Отношения Антипатра с Александром, однако, испортились, и в 324 г. на смену ему отправили Кратера, но кон-

чина Александра помешала выполнению царской воли. Смерть завоевателя стала причиной Ламийской войны, в ходе которой греческая коалиция едва не одолела Македонию. Когда новости о династических сварах с участием Пердикки достигли Македонии, Антипатр объявил войну и с Кратером вторгся в Малую Азию. После гибели Пердикки Антипатр возложил на себя регентство и привез наследников Александра в Македонию. Смерть Антипатра вызвала гражданскую войну, поскольку он передал регентство Полиперхону, а не собственному сыну Кассандру.

начеку, дабы всегда оставаться в готовности дать отпор грозному и опасному соседу — Фракии. Кроме того, внимание царя притягивали богатые греческие города-государства в Халкидике и вокруг нее. Амфипол, «сидевший верхом» на реке Стримон на пути к Гелеспонту, являлся афинской колонией, основанной в 437 г. Районы ее, расположенные вглубь от прибрежной полосы, изобиловали строевым лесом и граничили с горой Пангеон (иначе Пангей) — богатым источником золота и серебра. В 357 г. Филипп осадил город, который и пал через считанные недели, к ужасу афинян, расценивавших его как государство-сателлит. Прочие греческие образования в Халкидике и вокруг Салоникийского залива пали перед Филиппом в нескольких кампаниях либо за счет интриг и предательства, либо не выстояв перед силой македонского оружия: Потидея (356 г.), Пидна (356 г.), Криниды (355 г.), Мефона (354 г.) и, наконец, Олинф (348 г.).

До того момента Филипп ограничивался сдерживанием противника на балканских границах и «поеданием» тех греческих государств в северном Эгейском регионе, которые Афины или какие-то другие греческие города юга не могли или не желали поддержать. Хотя военные успехи Филиппа были, вне сомнения, заметными и даже впечатляющими, все же наличие у него имперских амбиций пока еще не проявилось сколь-нибудь заметно. Конечно же, богатство и могущество македонского государства все росли, но Филипп обычно довольствовался заключением и поддержанием оборонительных союзов с потенциально беспокойными соседями или же попросту подкупал их, не скупясь на взятки. Конечно,

Украшенный золотом колчан с изображением сцены боя, как считается, принадлежал царю Филиппу II. Найден в царских гробницах в Вергине и хранится теперь в Археологическом музее Салоник.

для достижения столь незначительных целей ему хватало силы или угрозы ее применения, но Филипп, как отмечает Диодор Сицилийский, являлся трезво-мыслящим и жестким манипулятором в дипломатических процессах, в которых македонские цари участвовали всегда также и путем заключения политических союзов через брачные альянсы (16.95.1–4). Не следует отмечать в сторону и сбрасывать со счетов данный аспект внешней политики Филиппа, как и готовность македонцев допускать полигамию, если та служила политическим целям. Один древний автор как-то заметил, что «Филипп брал себе новую жену с каждым новым походом, который предпринимал» (Сатир, цитируемый в «Пире мудрецов» Афиная [13–557с-е]). Хотя подобное высказывание есть не что иное, как преувеличение, браки с женщинами из Иллирии, Элимотии, Молоссии, Фракии, Фер и Лариссы в Фессалии помогли Филиппу обеспечить жизненно важные пограничные регионы без необходимости прибегать к постоянным, истощающим ресурсы и изматывающим людей военным предприятиям.

ФИЛИПП НА ЮГЕ

В середине 350-х Афины погрузились в Союзническую войну, растрачивая силы и энергию на восстановление контроля над партнерами по альянсу, в то время как Филипп, под прикрытием оказания помощи одной из сторон конфликта между городами-государствами на острове Эвбея, потихоньку присвоил себе право вмешиваться в дела стран южного региона континентальной Греции. Затем — в ходе Третьей священной войны 356–346 гг. — он сумел представить себя как реального игрока на политическом поле. Десятилетний конфликт еще больше ослабил и без того измотанную войнами Грецию. В 356 г. возник спор из-за давления, оказываемого фокийцами на священных жриц в Дельфах. Опасаясь, как бы более могущественные Фивы не покончили с их влиянием в Дельфах, фокийцы захватили святилище и собрали с дельфийцев средства для сколачивания крупного наемного войска. Потом они пошли дальше — разграбили храмовые сокровищницы и переплавили бронзовые и металлические статуи с целью поддержать собственные военные начинания. Возмущенные святотатством, Фивы призвали на войну против Фокиды беотийских союзников и среди прочих локрийцев и фессалийцев, фокийцы же в свой черед обратились за помощью к Афинам, Спарте и некоторым из союзников последней на Пелопоннесе. Пока на протяжении следующих трех лет воюющие стороны сталкивались между собой в спорадических и нерешительных схватках, Филипп продолжал душить города по Салоникийскому заливу — захватил и разграбил Мефону, а затем взял Пагасу.

Как бы там ни было, Филиппу удалось вмешаться в дела южных греков с большим основанием после того, как Фессалийская лига пригласила его оказать содействие в наставлении на путь истинный мятежного города Феры. После успешного начала в действиях против фокийцев, которые пришли на выручку Ферам, Филипп понес два серьезных поражения в битвах от всего фокийского войска под началом Ономарха. Не смущенный такими проигрышами, Филипп собрал македонскую армию и при поддержке фессалийской кавалерии сокрушил войска фокийцев и их союзников в сражении на Поле Крокусов в 352 г., которое закончилось резней «грабителей храма» и увенчалось распятием их вожака

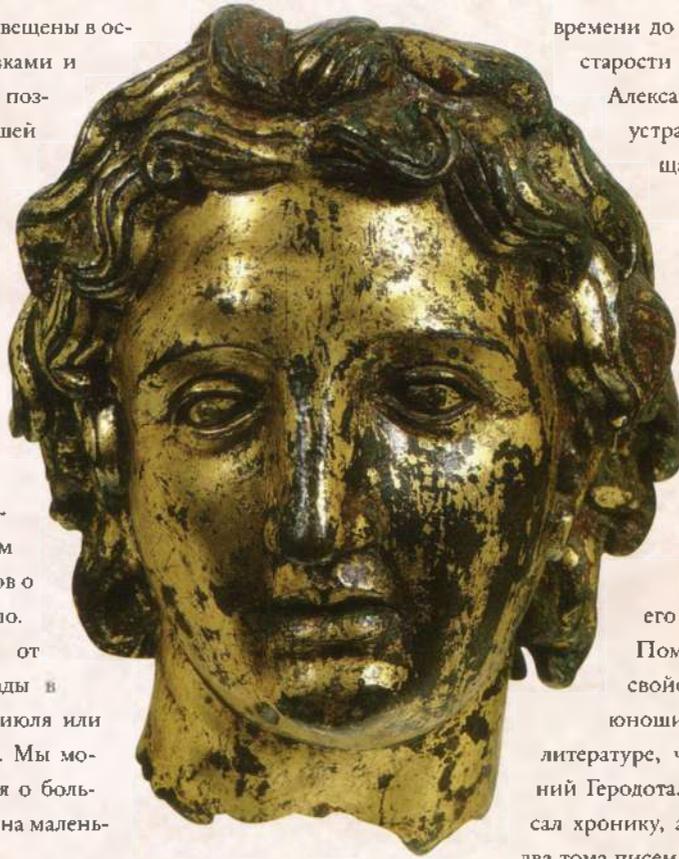
ДЕТСТВО АЛЕКСАНДРА

Ранние года Александра освещены в основном разного рода сказками и небывлицами, созданными позднее в свете его дальнейшей судьбы и небывалых свершений. Можно встретить истории о матери Александра до его рождения и о бывших ей будто бы знаменьях, равно и о том, как он подростком укротил норовистого коня Буцефала и расспрашивал персидских послов о дорогах и ресурсах империи. Как бы там ни было, подлинных фактов о его детстве встречается мало.

Александр родился от жены Филиппа Олимпиады в 356 г., судя по всему, 20 июля или где-то близко к этой дате. Мы можем делать предположения о большом влиянии Олимпиады на маленького Александра.

Олимпиаду историки рисуют разными мазками. По всей вероятности, она была жесткой и своевольной, однако злоба и ненависть ее находят оправдания, поскольку Филипп оставил ее ради молодой жены, вполне способной родить другого наследника и соперника ее драгоценному сыну.

Плутарх пишет, что Александр имел светлую кожу и наилучшим образом был изображен скульптором Лисиппом. В Пелле Александр рос под присмотром учителей и в возрасте десяти лет умел декламировать стихи, вести споры и играть на лире перед гостями отца. Поэзия и музыка продолжали оставаться страстью Александра и в его взрослой жизни. Как и положено македонскому юноше, он часто отправлялся на охоту и любил скакать на коне — Буцефале. Буцефала Александр получил в возрасте 12 лет, тот оставался его боевым конем на протяжении всего

времени до тех пор, пока не умер от старости в Индии. Став постарше, Александр начал позволять себе устраивать попойки и гульбища, каковые продолжались и тогда, когда он уже вступил на царский престол.

Тема пьянства его звучит своеобразным лейтмотивом в историях, оно же и служит объяснением ранней смерти завоевателя. Александр рос и мужал, окруженный царскими «пажами», многие из которых впоследствии сделались его верными командирами. Помимо навыков военного свойства, каковые приобретали юноши при дворе, они обучались литературе, чтению стихов и сочинений Геродота. Птолемей позднее написал хронику, а у Гефестиона хранились два тома писем, написанных ему философами. Молодые люди эти были отлично натренированы для участия в войне, разносторонне обучены, готовы к дерзким и отважным деяниям и, среди прочего, весьма и весьма честолюбивы.

Филипп назначил философа Аристотеля, ученика Платона, наставлять Александра и его друзей в Миезе. На протяжении двух лет Аристотель учил Александра и писал памфлеты на темы царствования и о прочих предметах. Если верить рассказам древних историков, Александр то и дело перечитывал «Илиаду» и еще в ранние годы принял решение жить в соответствии с идеалами Гомера, как его герой Ахиллес. Почти наверняка Александр читал и «Анабазис» Ксенофонта, который, возможно, и подтолкнул его к мысли идти дальше и дальше на восток. (Архив [предметов] искусства/Музео Национале романо [Рим]/Альфредо Дальи Орти.)

Ономарха. Воодушевленный таким успехом, Филипп решил проверить обороноспособность стран, расположенных далее на юг в Центральной Греции. Уже начавшие осознавать угрозу Афины поспешили блокировать Фермопилы, после чего Филипп почел за благо отступить.

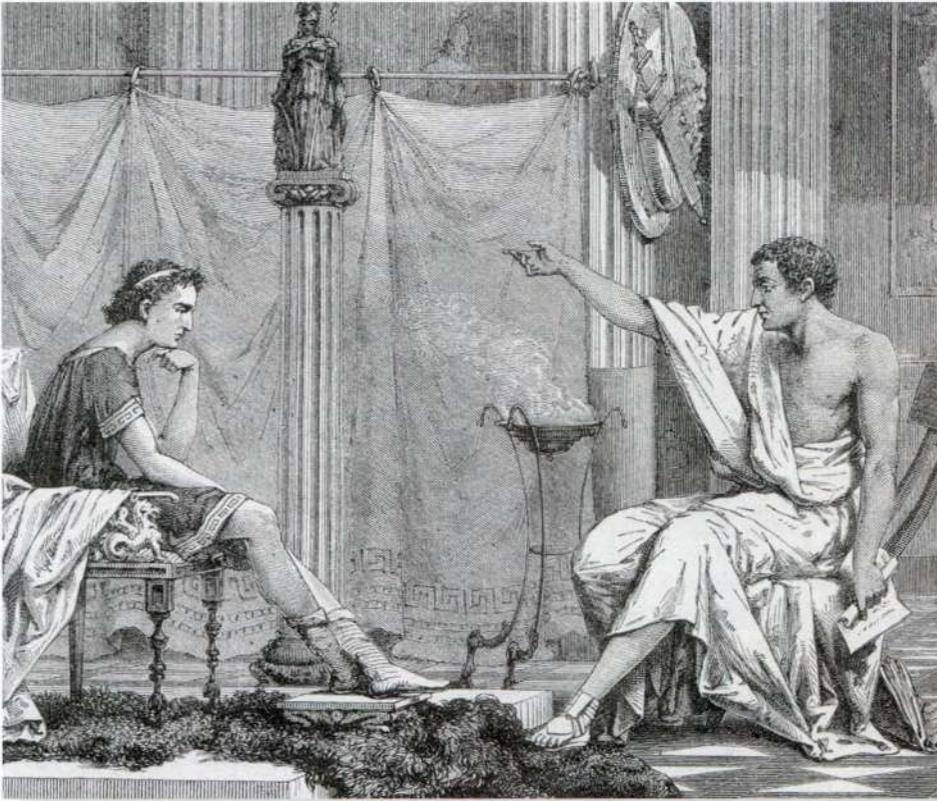
Тем не менее прежде чем уйти, Филипп достиг немало целей. Успехи его в Фессалии привели к назначению македонца главой лиги. Кроме того, когда в 346 г. в итоге капитулировала Фокида, два голоса, принадлежавшие ей на Амфикионском совете, занимавшемся вопросами управления святилища в Дельфах, отошли Филиппу, который выдвинул себя в воины-защитники святилища и мстителя его осквернителям. Между тем Южная Греция, истощенная так и не приведшей к решительному концу войной, обремененная расходами на ее оплату, ослабла еще больше.

Битва при Херонее

В Афинах ярый противник Филиппа оратор Демосфен разразился в адрес македонца рядом гневных речей, известных как «филиппики», но Филипп, сделав приобретения на юге в конце Священной войны, решил не увеличивать враждебность афинян к себе. В 346 г. он заключил непростой мир с Афинами и вновь возвратился к делам на севере, где сокрушил противодействие фракийцев и расширил собственные владения до Геллеспонта и Пропонтиды (Мраморного моря). К тому моменту в городах-государствах Греции осознали, что самую большую опасность для их независимости представляет Македония. В 348 г. процветающий

Равнина у Херонее и гора Парнас на заднем плане.

Деревянная гравюра 19-го столетия, изображающая Аристотеля в обществе его ученика Александра при дворе Филиппа II. В момент вступления на трон Александр был еще очень молодым человеком, но полученного образования — как академического, так и военного — похоже, оказалось достаточно для того, чтобы снабдить его знаниями и навыками, позволявшими юному царю идти от одного великого свершения к другому.

город Олинф обратился к афинянам за помощью против осадившего его Филиппа, но вместо настоящей поддержки получил лишь какие-то крохи. Когда же город наконец пал, разъяренный Филипп приказал срыть его до основания, а население продать в рабство. Перинф и Византий он взял в осаду в 341 г., когда же Филипп перехватил афинские корабли с зерном в Геллеспонте, в Афинах забили в тревожные колокола. Маршрут поставок зерна из районов на побережье Черного моря служил кровеносной артерией, питавшей афинское население, и стерпеть подобные поползновения город никак не мог. Фивы, отделенные от прочих беотийцев кознями Филиппа, тоже ощутили потенциальную опасность Македонии, уже стоявшей у самых ворот и вот-вот готовой постучаться в них. Они получили обнадеживающие вести из Персидской империи, которая, опасаясь вмешательства Филиппа в дела региона, прилегающего к Анатолии с северо-запада, вернулась к прежней дипломатической стратегии в Греции и выразила готовность помочь прочим грекам против недавно выдвинувшейся на передний план силы.

К 338 г. чаяния противников Македонии стали овеществляться и получать выражение в материальной форме. Хотя, как и прежде, Филипп предпринимал немало усилий для ослабления беспокойства афинян и других греков, становилось очевидным, что на сей раз конфронтации с Фивами и Афинами ему избежать не удастся. Филипп, теперь уже в сопровождении 18-летнего сына, Александра, двинул войско на юг в Фокиду и захватил город Элатея на беотийской границе, что давало ему возможность обойти стратегически важный Фермопильский перевал. Дорога на Фивы и Афины лежала открытой. В безумной организационной ли-

хорадке афиняне отправили в Фивы посольство во главе с Демосфеном, которое действовало вполне успешно и заключило союз с ними против Македонии. И вот все афинское войско соединилось с фиванцами и сохранившими верность им беотийскими союзниками около городка Херонея.

В начале августа Филипп с македонской армией из 30 000 пехотинцев и примерно 2000 всадников встретился с ними на равнине близ Херонеи. Филипп принял командование правым крылом, тогда как Александру вместе с другими македонскими военачальниками отвел место слева. Александр, по всей вероятности, возглавлял кавалерию, развернутую против фиванского Священного отряда. Как наиболее эффективное боевое формирование в тогдашнем греческом мире, Священный отряд занимал традиционно наиболее престижную позицию на самой оконечности правого фланга греческих боевых порядков. Если верить Полиену, Филипп велел своей фаланге слева отступить с целью спровоцировать афинян на атаку («Военные хитрости», 4.2.2). В результате этого в греческой линии образовалась брешь, в которую и устремился Александр с конницей, отрезая Священный отряд от остальных, что позволило ему полностью уничтожить противника. Затем в атаку перешел сам Филипп, чтобы в итоге перебить свыше 1000 афинян и взять в плен 2000. На фоне численности афинского контингента, состоявшего, вероятно, из 6000 гоплитов, потери можно назвать сокрушительными. Фиванцы со своими союзниками тоже понесли сильный урон, а Священный отряд так больше никогда и не возродился. Итогом столкновения стала решительная победа македонян — триумфальное торжество новой македонской фаланги над традиционной тактикой гоплитов. Уже в том сражении проявились зачатки того, что скоро обещало получиться из Александра. Будучи еще совсем юнцом, он командовал начатым как раз вовремя решительным кавалерийским броском на расстроенные порядки противника. Применение молотом обрушиваемой на врага конной лавы стало тактическим приемом, принесшим ему вскоре великие победы в сражениях на территории Персии. Александр уже тогда показал себя как способный командир: он изъявил готовность отбросить при надобности традиционные методы ведения битвы и не только принял на вооружение новую тактику, но прекрасным образом воплотил ее в жизнь, находясь сам буквально, что называется, на острие событий.

Сокрушив сопротивление греческих сил под Херонеей, Филипп пошел дальше, стремясь установить собственное господство во всей Греции и объединить всю ее вместе с Македонией в борьбе против Персии. Он создал Коринфскую лигу, приступившую к началу обсуждения дел в 337 г. Делегаты от всех государств Греции, за исключением Спарты, избрали Филиппа военным лидером лиги, закладывая основы для панэллинистской экспедиции против Персии.

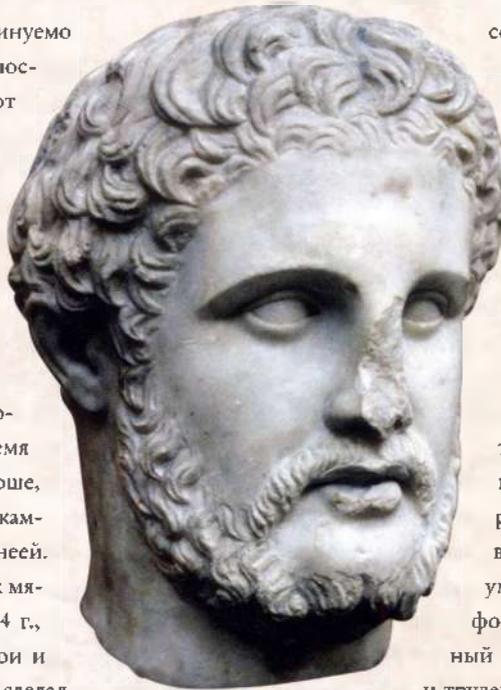
ПЕРСИДСКИЕ ПЛАНЫ ФИЛИППА II

Идея всеобщего эллинского похода против Персии витала в воздухе уже на протяжении нескольких десятилетий, и мы не знаем, выдвинул ли Филипп собственный план вторжения в Персию и какие цели на самом деле преследовал он в тот момент. В 346 г. ритор Исократ издалopus «Филипп» — открытое письмо с призывом к Филиппу возглавить кампанию против Персии. Как бы там ни было, трудно сказать, до какой степени оно подействовало на македонского царя и подействова-

ДОСТИЖЕНИЯ ФИЛИППА II

Достославная судьба сына неминуемо затмевает деяния Филиппа II, поскольку они видимо проигрывают в сравнении. Александр, однако, осознавал, что отец обеспечил фланги Македонии, обезопасив ее от вторжения племен с севера, и подчинил себе вечно бурлящее греческое море. Чтобы достигнуть этого, царю приходилось водить войско в постоянные походы, он даже потерял глаз во время осады Мефоны в 354 г. Став старше, Александр сопровождал отца в кампаниях и сражался под Херонеей. Арриан пишет, как, обращаясь к мятежным солдатам в Опиде в 324 г., Александр поминал заслуги свои и отца, говоря о том, сколько тот сделал для македонцев:

Филипп застал вас нищими-бродягами; одетые в кожаные, пасли вы в горах по несколько овец и с трудом отставали их от иллирийцев, трибалов и соседей-фракийцев. Он надел на вас вместо кожаных хламиды, свел вас с гор на равнины, сделал вас грозными противниками для окрестных варваров, научил охранять

себя, полагаясь не на природные твердыни, а на собственную доблесть, поселил вас по городам, упорядочил вашу жизнь, воспитав вас в добрых обычаях и законах. Над теми самыми варварами, которые раньше уводили вас в плен и уносили ваше добро, он поставил владыками вас, прежних рабов и подданных; присоединил к Македонии большую часть Фракии; захватил на побережье самые удобные места и тем расширил торговлю с нашей страной; дал возможность спокойно разрабатывать рудники. Он вручил вам власть над фессалийцами, а вы раньше умирали от страха перед ними; унивил фокийцев, открыл вам широкий и удобный путь в Элладу, а раньше он был узок и труден; афинян и фиванцев, которые вечно строили козни Македонии, он унивил до такой степени — и тут уже с нашей помощью, — что не вы платите дань афинянам и не вы подчиняетесь фиванцам, но они, до известной степени, трудятся для нашей безопасности (7.9 [по пер. М.Е. Сергеевко]).

(Г.Т. Гарви © [Собрание предметов] древнего искусства и архитектуры.)

ло ли вообще. Есть предположение, что Филипп очертил планы действий в отношении Персии еще в 348 г., хотя подобное сомнительно — в действительности на протяжении десятилетия, с 348 по 338 г., Филиппу вполне хватало дел и в Греции, чтобы собираться куда-нибудь еще за ее пределы. Более вероятно, что всерьез он обратил внимание на Персию только после битвы при Херонее. Если верить Дидору Сицилийскому (16.89.2), за короткое время до встречи участников совета Коринфской лиги Филипп начал распространять в Греции слух о его намерении напасть на Персию, «дабы покарать их (персов) за осквернение храмов» в ходе Греко-персидских войн.

Причина мягкости Филиппа в отношении Афин после Хероней объясняется стремлением склонить их к участию в экспедиции против Персии. В особенности же его интересовал афинский флот, поскольку македонская военная флотилия не могла идти ни в какое сравнение с могущественными персидскими эскадрами,

действовавшими в Эгейском море. В любом случае он на деле не воспользовался флотом или, фактически, вообще какими-то военными силами греческих союзников в этом походе. Любая концепция панэллинистской кампании, совершенно очевидно, служила оправданием у македонской гегемонии в Греции. Древний историк Полибий утверждал, что Азия подверглась нападению по причине убеждения в ее слабости Филиппа и Александра, желавших еще больше показать величие собственной военной машины, удовлетворить страсть к завоеваниям и утолить ненасытный аппетит к новым подвигам (3.6).

Несмотря на явно имперские замашки, развившиеся у Филиппа, точные его намерения в плане дальнейших территориальных приобретений не вполне ясны. Вероятно, он удовлетворился бы — по крайней мере, на начальном этапе — одним лишь освобождением Малой Азии. Подобные планы вполне соответствовали практике Филиппа в прошлом. Со времени преодоления им внутреннего противодействия в стране и обеспечения границ Македонии от вторжений варваров Филипп расширял собственные владения медленно и осторожно, потратив на это приличный по протяженности отрезок почти в 20 лет. В отличие от Александра, демонстрировавшего стойкую тенденцию сначала побеждать и подчинять, а потом упрочивать позиции в завоеванных землях, Филипп приобретал территории систематически, никогда не перенапрягая сил македонского войска и страны в целом.

Когда бы и в какой бы форме ни были полностью сформулированы планы вторжения Филиппа, к 336 г. они начали материализовываться. В том году он отправил авангард из 10 000 солдат под командованием двух старых и испытанных полководцев, Пармениона и Аттала, на «освобождение» городов запада Малой Азии, сделав тем самым первый шаг на пути полномасштабного вторжения. Контингент этот позволил македонцам взять под контроль территорию от Геллеспонта до Эфеса прежде, чем в 335 г. они откатились назад под ударами 5-тысячного соединения наемников под началом Мемнона Родосского. Мемнону удалось даже заставить македонцев очистить Эфес, Магнесию на Сипиле и Лампсак, однако он потерпел неудачу в попытке овладеть Кизиком. Несмотря на сомнительные успехи передового отряда на начальном этапе, факт оставался фактом — ему удалось обеспечить жизненно важный плацдарм в Азии, который македонцы будут удерживать до 334 г.

УБИЙСТВО ФИЛИППА II

Невзирая на усилия Филиппа на поприще строительства стабильной и защищенной со всех сторон Македонии, насильственная смерть его и неожиданное устранение с поста долго и созидательно правившего царя создали опасность крушения государства. Македонские цари — по крайней мере, со времен распространения сильного персидского влияния в регионе (после 513 г.) — обычно демонстрировали склонность к полигамии, и вовсе не являвшийся в данном случае исключением Филипп в октябре 337 г. женился в седьмой раз. Большинство невест Филиппа были иностранками, но на сей раз избранницей царя стала юная македонская аристократка по имени Клеопатра. Такой брак обещал народу наследника-македонца, о чем и высказывался на свадьбе дядя невесты, Аттал. По сему поводу Афиней говорил следующее:

За Филиппом было всего семь жен. За двадцать лет собственного правления Филипп женился на иллирийке Авдате, от которой имел дочь, Киннану, и он также взял как жену Филу, сестру Дерды и Махаты. Затем, поскольку стремился расширить царство свое через включение в него фессалийского народа, он произвел детей от двух фессалийских женщин, Никасиполии Ферской, родившей ему Фесалонику, и Филинны Ларисской, от которой он имел Арридея. Вдобавок к тому он вошел во владение Молосским царством за счет брака с Олимпиадой, с которой имел Александра и Клеопатру, когда же он взял Фракию, фракийский царь Котелай привел к нему дочь Меду и дал множество даров. Женившись на Mede, Филипп взял ее как вторую жену наряду с Олимпиадой. Помимо всех прочих, он женился на Клеопатре, с каковой состоял в любовных отношениях; она приходилась дочерью Гиппострату и племянницей Атталу. Взяв ее в дом наряду с Олимпиадой, он посеял полный хаос в своей жизни. Ибо без обиняков, прямо на брачной церемонии, Аттал сделал такое замечание: «Что ж, теперь-то уж точно у царя родится законный наследник, а не ублюдок». Услышав такие слова, Александр швырнул чашу, которую держал в руках, в Аттала, а тот ответил тем, что бросил свой кубок в Александра (13.557).

Легко понять состояние Александра, оскорбленного замечанием Аттала. После дикой перебранки, последовавшей за этим высказыванием, он с матерью отправился в изгнание в Эпир — в дом предков Олимпиады. Дипломатические усилия привели к тому, что сыну разрешили вернуться и примириться с отцом, однако Олимпиада осталась в Эпире.

В 336 г. Филипп выдавал одну из дочерей за брата Олимпиады, Александра, царя Эпира. Во время празднования Филипп пал, сраженный кинжалом собственного телохранителя Павсания. Официальная версия случившегося утверждала, что мотивом для убийства царя Павсанию послужило нежелание Филиппа восстановить справедливость в деле, связанном с оскорблением, нанесенным Павсанию Атталом. Подробности всего этого темного эпизода не поддаются расследованию должным образом, а потому теории заговора — древние и современные — продолжают жить своей полнокровной жизнью. Были или не были причастны к случившемуся Александр и Олимпиада? Каковыми мотивами они могли руководствоваться? Все это покрыто мраком, хотя поведение Олимпиады, если оно действительно таково, каким описывается, и выгоды, которые принесла ей смерть фактически бывшего мужа, невольно превращают ее в одного из возможных подозреваемых.

Олимпиада, мать Александра, одна из семи жен Филиппа. Она обладала сильным влиянием на сына в период его детства и отрочества, к тому же стала источником немалых политических неурядиц в Македонии в период, когда Александр находился в Азии. Один из серии медальонов, заказанных императором Каракаллой.

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПРЕСТОЛ АЛЕКСАНДРА

Вступив на престол Македонии, Александр, не мешкая, взялся за наказание «виновных» в смерти отца, одновременно устраняя претендентов на трон. Антипатр, прежде выступавший в роли регента Македонии в отсутствие Филиппа, поддержал Александра, и при таком содействии для последнего стало нетрудным делом выловить и предать казни соперников. Аттала признали виновным в тайных сношениях с афинянами — очень маловероятный вариант — и казнили по приказу царя, причем проделал это коллега Аттала — Парменион. Кровавую чистку проводили под маской сыновней любви и мести за подло убитого родителя, те же, кто мог, спасли себя за счет перехода полностью на сторону нового царя или путем бегства. Александр получил в наследство не просто трон Македонии, ему достались к тому же и замыслы отца — в первую очередь запланированный им персидский поход. Он, несомненно, горел желанием выступить, поскольку, как рассказывают хронисты, еще подростком жаловался на Филиппа, что-де тот не оставлял ему простора для завоеваний. Однако пока обстоятельства складывались не совсем так, как хотелось бы Александру, поскольку другие и неотложные дела требовали его внимания, не позволяя ему немедленно пересечь Геллеспонт.

ГРЕЦИЯ

Приход к власти Александра послужил толчком для начала восстаний среди подчиненных его отцом греческих государств и варварских царств на границе Македонии. Новому государю приходилось показывать себя, особенно на юге, где афинский оратор Демосфен, непримиримый противник Филиппа II, с воодушевлением расписывал Александра как неразумное дитя и дурачка.

Противодействие в Фессалии новый царь подавил быстро и решительно, приказав прорубить ступени на склоне горы Осса (называемые «лестницей Александра»), что позволило македонцам просто обойти преградивших им путь фессалийцев на их позициях. Фессалийцы «одумались» и почувствовали себя обязанными признать Александра главой Фессалийской лиги, каковое положение прежде принадлежало его отцу. Пыл начавшегося было восстания фиванцев, афинян и спартанцев остудило своевременное прибытие Александра в Грецию, где тот созвал ассамблею Коринфской лиги, само существование которой являлось неприкрытым символом македонского господства. Собравшиеся подтвердили его лидерство во главе союза как наследника Филиппа и, соответственно, выразили готовность

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
Фракийский золотой
церемониальный шлем
4-го столетия, найденный
в Румынии.

ГАРПАЛ

Гарпал, сын Махаты, принадлежал к одному из царских домов Верхней Македонии — точнее, к роду элимеев. Будучи физически слабым и нездоровым человеком, не годным для военной службы, он тем не менее сумел стать полезным Александру. В 330-е Гарпал выступал в роли одного из «гетайрой» Александра — применительно к его случаю, по всей вероятности, как советник, а не воин. Филипп отправил его в изгнание за деятельное участие в деле сватовства Александра к карийской княжне Аде, которой, по замыслам Филиппа, предстояло стать женой другого его сына — Филиппа Арридея. Гарпал получил должность казначея на раннем этапе персидского похода, но связался с бессовестным проходимцем по имени Тав-

риск, уговорившим его бежать из македонского лагеря, как можно предполагать, с приличной суммой из казны Александра. Царь, однако, простил его и вновь обласкал, восстановив в звании казначея. На более поздней стадии похода, когда царь отбыл в Индию, а Гарпал остался в Вавилоне, он вел себя как жадный прожигатель жизни, осылая монетами поставщиков деликатесов для своего стола и куртизанок. Когда пришли известия о возвращении Александра с востока, Гарпал бежал в Афины, прихватив с собой гигантскую сумму. Уже в Афинах он попытался склонить народ к войне, но, когда афиняне отвергли его, отбыл на Крит, где и пал жертвой одного из спутников — Павсания.

видеть в нем военачальника предстоящей панэллинистской кампании. Спарта, однако, отказалась вступать в объединение, как и выразить публичное признание македонского суверенитета, заявляя, что-де лаконцы не могут идти за каким-то вожаком, ибо верховенствовать и предводительствовать есть спартанская прерогатива.

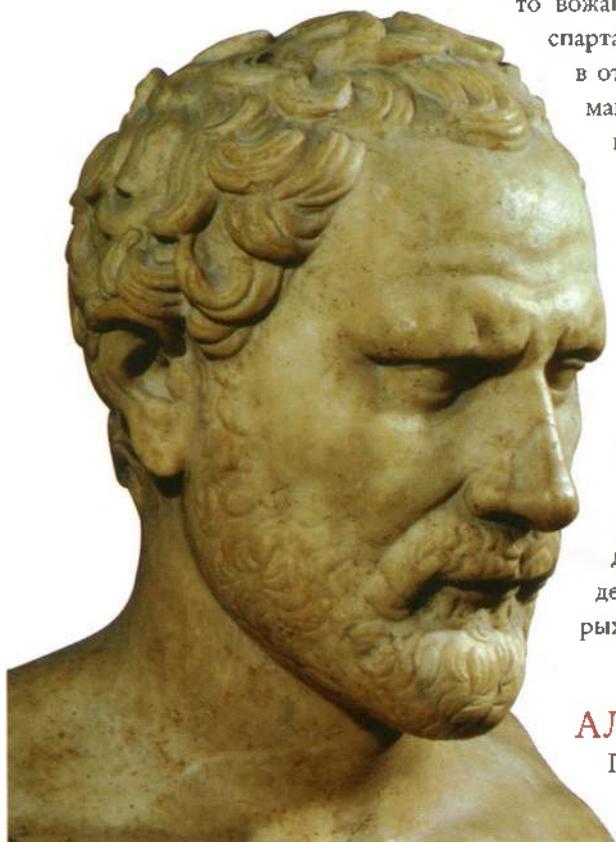
Спартанское неподчинение вылилось в открытое восстание в 331 г., когда царь Агис III напал на македонские войска на Пелопоннесе, но плохо рассчитал, а посему был разгромлен и убит под Мегалополем. Пока же, однако, Александр решил не замечать спартанцев, оставив их страдать от своей военной неспособности при больших амбициях, несмотря на нежелательные примеры, подаваемые непокорными сынами Лакедемона прочим грекам.

И вместе с тем греческие города-государства еще не достигли стадии готовности позабыть о собственной независимости и главенствующем положении в совсем недавнем прошлом.

Александр, совершенно очевидно, полагал, что уже гарантировал себя от эксцессов с их стороны одной только демонстрацией силы, а потому перенес акценты на приведение в покорность иллирийцев и трибалов, смирить которых ему предстояло накануне вторжения в Азию.

АЛЕКСАНДР НА СЕВЕРЕ

По восхождению на трон Александра восстали фракийские племена, сговорившись напасть на Македонию во взаимодействии с иллирийцами, но Александр опередил

их, быстрым маршем вторгнувшись во Фракию. Он разгромил горные племена и пошел дальше на север, сумев заставить трибалов за устройением лагеря.

Трибалы представляли собой племя, сохранившее независимость от Одрисийского царства. Имя их служило синонимом дикости и зверства, а столкновения со скифами, иллирийцами и кельтами тоже наложили определенные отпечатки на трибалов, и влияние это, вероятно, оказалось довольно сильным, став причиной того, почему их часто выделяют в отдельную группу, а не причисляют к фракийцам вообще. Они нередко применяли скифское снаряжение.

Трибалы укрылись в лесу у реки Лингин. Александр велел выдвинуться на передовые позиции стрелкам из лука и пращникам, приказав им бить по затаившемуся среди деревьев противнику. Трибалы выбежали из укрытий, спеша рассеять македонских стрелков, тогда Александр отправил македонскую конницу в атаку против правого крыла врага, а греческую кавалерию бросил на левый фланг трибалов. Остальная конница ударила в центр, за ней последовали основные силы пехоты с Александром во главе. Пока сражение шло на дистанции, трибалы держались стойко, но под натиском кавалерии, а затем еще перед лицом копий фаланги, когда дело дошло до ближнего боя, они не выдержали и обратились в бегство. Что-то до 300 трибалов осталось на поле. Царь Сирм, трибалы и прочие фракийцы укрылись на острове на реке Дунай. Александр собрал несколько боевых кораблей с тяжеловооруженными пехотинцами и стрелками и попытался осуществить высадку. Однако ему явно не хватало судов и команд, к тому же во многие местах берег оказался слишком отвесным для десантирования, да и течение было сильным. Тогда Александр отозвал корабли и вместо того атаковал гетов.

Геты жили между хребтом Гемус и землями скифов по обеим сторонам Дуная. Геродот называл их «самыми храбрыми и благородными среди фракийцев» («История», 4.93). Их бог Залмоксис внушал фракийцам веру в их бессмертие и в то, что физичес-

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА

Демосфен, афинский оратор, выступал последовательным и непримиримым противником Македонии и особенно Филиппа II. Сразу после прихода Александра к власти Демосфен высмеивал его как «дитяню» и сравнивал с простофилей Маргитом. Однако скоро Демосфен осознал собственные заблуждения.

Фракийцы нападают на племя финов (ТНУНИ) в юго-восточной области Фракии в 400 г. (Энзус МакБрайд © Издательский дом «Остри».)

ФРАКИЙЦЫ

Фракийцы представляли собой индоевропейский народ, занимавший территорию между северными районами Греции, южными — России и северо-западной Турцией. Они говорили на общем языке и принадлежали к одной и той же культуре, но не имели письменности. В известной степени они сохранили образ жизни, свойственный племенному обществу времен Гомера. Всего насчитывалось, вероятно, около миллиона фракийцев в 40 племенах. Древние авторы изломали немало перьев в спорах о том, какие же из фракийских племен следовало считать самыми отважными: равнинные, к которым относились геты, мезы и одрисии, или горные — фины, одоманты, дии, бeссы, бисалтаи и сатраи. Среди прочих фракийских племен нужно упомянуть трибалов и, возможно, пеонийцев, хотя последних обычно выделяют особо из всех фракийцев. Геродот называл фракийцев самым рослым народом из всех после индийцев. Племена эти располагали мощным потенциалом и способностью выставлять в поле большие армии, а потому греки, а позднее и римляне жили в извечном страхе перед черной фракийской тучей, готовой спуститься на них с севера.

Геродот утверждал, что фракийцы вполне могли стать самым могущественным из народов, если бы не любили так много воевать друг с другом. Почти повсеместно они жили в селениях, и город Севтополь, похоже, оставался единственным значительным населенным пунктом во Фракии, построенным не греками. Геродот полагал, что более всего на свете фракийцы любили войну, предпочитая ее всем прочим занятиям (II. 167). Фракийские войны признанно считались грозными противниками, и их всегда охотно брали на службу в качестве наемников, несмотря на их печально знаменитую страсть к грабежу. Зафиксировано несколько случаев перехода фракийских наемников на сторону неприятеля в случае получения от того щедрого подкупа или просто из предпочтения воевать за другого нанимателя. Принимая во внимание их дикость и безжалостность, фракийцам часто поручали исполнять казни или же устраивать массовую резню.

Фракийцы мигрировали в юго-восточные области Европы в 7-м тысячелетии до н.э. После 12-го века они проникли и осели также и в Малой Азии, преимущественно в Вифинии и в Троаде. Фракийские племена насе-

ляли и центральные районы Македонии до тех пор, пока на заре 7-го столетия не возникло царство Македония, созданное темендами, в каковое время они потеснились в восточном направлении. В конце концов фракийским племенам пришлось довольствоваться в основном северо-восточным ареалом Балкан. Начиная с 7-го века на фракийском берегу стали во множестве появляться греческие колонии, что приводило к постоянным столкновениям между греками и фракийцами и к их взаимному влиянию.

В первом десятилетии 6-го века персы вторглись во Фракию и принудили фракийцев к участию в походах в Скифию и в Грецию. Как бы там ни было, персам не удавалось держать эти племена прочной хваткой, и многие фракийцы оказывали противодействие персидской оккупации после вторжения Ксеркса в Грецию в 480 г. Лишь немногие из них сражались на стороне персов под Платеями в 479 г., а после битвы фракийцы ранили персидского командира, успешно уничтожали отряды персидской армии во время ее отступления через Фракию. Примерно в 460 г. на освобожденной от персов территории выросло Одрисийское царство. Одрисии считались наиболее могущественными из фракийских племен и единственными, которым удалось, пусть и на короткое время, объединить всех прочих.

В ходе Пелопоннесской войны Фракия выступала союзницей Афин и воины ее бились плечом к плечу с македонцами и афинянами во многих сражениях. Спартанцы пытались убедить одрисийского царя перейти на их сторону, но не преуспели в этом, и спартанские послы на пути в Персию пали жертвами фракийцев. Последние же продолжали играть важную роль в противостоянии спартанцев и афинян на протяжении всей Пелопоннесской войны.

Несмотря на подъем Македонии, временной отрезок между 400 и 280 гг. представлял собой этакий фракийский золотой век, когда трибалы и геты создали царства на севере Фракии и когда процветало фракийское искусство. Прекрасная золотая и серебряная посуда, орнаменты, нагрудные украшения, шлемы и конская упряжь — все это производилось фракийскими мастерами. Находки, как покрытая серебряным орнаментом конская справа начала

4-го столетия из захоронения в Болгарии, не могут не поражать воображения и в наши дни высоким мастерством ремесленников и их фантазией как художников.

Вступив в 359 г. на трон Македонии, Филипп II сумел подкупить фракийцев и исключить их из союза с иллирийцами в запланированном теми и другими совместном вторжении в Македонию. Вскоре после этого пал от рук убийцы фракийский царь Котис, и царство фракийское разделили между его сыновья. В 357 г. Филипп разгромил коалицию афинян, фракийцев, иллирийцев и пеонийцев. Первая фракийская кампания началась в 347/346 г., вел ее

сначала Антипатр, а потом и сам царь. В 341 г. он завоевал Южную Фракию, основав Филиппополис, Кабиле и прочие города на месте прежних фракийских поселений. В 339 г. трибалы нанесли поражение Филиппу, когда тот попытался перейти хребет Гемус на обратном пути после похода против скифов. После смерти Филиппа фракийские племена взбунтовались вновь.

На протяжении лет после столкновения с Александром фракийцы продолжали бросать вызов грекам, македонцам, а также кельтам до тех пор, пока в 46 г. от Р.Х. их в итоге не покорил Рим.

кое умирание — особенно гибель в битве — есть не более чем переход к непрекращающемуся райскому бытию. Словом, легко понять, как действовала подобная установка, делавшая воинов бесстрашными в сражении. Диодор Сицилийский уверял, что геты «племя варварское и живет подобно зверью, обитает в холодных землях, где почти не возделывает зерновых и фруктов, сидит, как правило, на соломе, ест за деревянным столом, пьет же из чаш, сделанных из рога или дерева» (31.11–12).

Геты удерживали берег реки против Александра, имея 4000 человек конницы и 10 000 пехоты. Александр продемонстрировал характерную для него решительность, собрал воедино множество лодок, обычно использовавшихся местными фракийцами для рыбной ловли и грабительских набегов на соседей, и перешел водную преграду ночью с 1500 всадников и 4000 пехотинцами. Столь смелое форсирование реки таким большим количеством воинов совершенно застало гетов врасплох — они и не представляли себе, что Дунай так легко пересечь. Видя жедвигающуюся к ним ровными рядами фалангу, они занервничали. Первый же отчаянный бросок кавалерии обратил их в бегство к городу. Однако тот почти не имел достойных укреплений, и им пришлось оставить его. Взяв с собой столько детей и женщин, сколько могли унести лошади, геты бежали дальше в степи. Александр дал воинам разграбить город, затем приказал снести его до основания и разбить лагерь. Там он принимал посланников от разных племен региона, включая трибалов, которые вскоре затем послали отряды в его армию. Фракийские контингенты немало поспособствовали впоследствии успехам Александра: они составляли до одной пятой численности македонского войска и принимали участие во всех его битвах. Однако пока Александр находился далеко, Фракия бурлила мятежами. В 331/330 гг. в восстании принимал участие Мемнон, военачальник Александра, и одрисийский правитель Севт III. Антипатр переиграл Мемнона и сумел добиться от него выгодных условий на политическом поприще. В итоге в 325 г. Мемнон повел 5000 фракийских конников на соединение с Александром в Азии. В 331-м или в 325 г. Зопирион, губернатор Фракии, и его 30-тысячное войско погибли в походе против гетаев и скифов.

Воинственные племена в равной степени угрожали Македонии и из иллирийского региона, прилегающего к Адриатическому берегу. В качестве одного из приемов в его стратегии, направленной на запугивание и устрашение иллирийцев, Александр без страха вывел войско в открытое поле и заставил солдат упражняться как на плацу, сопровождая сложные перестроения македонским боевым кличем. Блеф оказался вполне успешным, позволив заложить основания для одержанной в конце концов победы. Как бы там ни было, пока Александр нагонял ужас на иллирийские племена и побеждал их, восстание снова вспыхнуло в Греции.

ФИВЫ

Действия Александра против непокорных племен на севере послужили почвой для слухов о гибели молодого царя — ложных, но намеренно распространяемых. Весной 335 г. фиванцы сбросили македонское иго и осадили гарнизон, поставленный Филиппом в их акрополе после битвы под Херонеей. Затем все те же фиванцы предложили остальным грекам воспользоваться персидским финансированием ради освобождения Греции от настоящего угнетателя — т.е. от Македонии.

ФРАКИЙСКИЙ ПОХОД 336/335 гг.

Пересеченная местность всегда порождала известные сложности для фаланги, но в походе против фракийцев Александру все же удавалось поддерживать взаимодействие в войсках на горных перевалах и находить возможность избегать столкновений с опасными повозками, которые фракийцы скатывали на македонян с целью разрушить их построение и смешать ряды. За счет помещения относительно малоподвижных «пезгетайрой» на более ровные участки, где воины могли образовывать этикие «аллеи» для катящихся повозок и пропускать их через строй без тяжелых последствий, он сумел сохранить целостность фаланги и всегда поддерживал ее в состоянии готовности для встречи с противником, если тот осмелнвался броситься в атаку с горных склонов.

Более трудную местность занимали гипасписты, они не имели помех в виде неуклюжих сарисс и вооружались более крупными щитами, под которыми прятались, когда ложились на землю, позволяя телегам прокатываться по ним без особого вреда для себя. Арриан описывает такой прием, но не проводит различия между двумя типами войска, хотя совершенно очевидно, что подобный способ защиты не годился для «пезгетайрой». Они не смогли бы надежно прикрыться имеющимися в распоряжении маленькими щитами, не говоря уже о заведомой тщетности любых попыток разом положить множество сарисс на землю в тесных порядках. Несмотря на все старания, фракийцам не удавалось расстроить

ряды македонской фаланги и напасть на нее в выгодный момент, когда бы в ней царил неразбериха. После того как опасность миновала, гипасписты продолжили подниматься по левой стороне, ведомые Александром и прикрываемые стрелками. В общем, фракийцев удалось довольно легко выбить с позиций. (Криста Хук © Издательский дом «Оспри».)

АНТИГОН МОНОФТАЛМ

Возраст командира из поколения Филиппа II, Антигона Монофталма, или «Одноглазого» (около 382–301 гг.), уже приближался к 60, когда он отправился с Александром в Азию. Весной 333 г. царь поставил его сатрапом Фригии, административным центром которой служили Келены. Там Антигон и оставался на протяжении всей войны, пользуясь в делах помощью жены Стратоники и сыновей; один из них, Деметрий, стал впоследствии известен как Деметрий Полиоркет («Осаждающий») за проявленную

изобретательность в деле сооружения новых осадных машин. После смерти Александра Антигон вышел на политическую сцену событий как один из наследников и вместе с сыном протянул руки к высшей власти. Он нашел гибель на поле битвы под Ипсом в 301 г., а Деметрий, познавший победы и поражения, оказался в большей степени актером в жизни, чем полководцем. В итоге сын Деметрия, названный в честь деда Антигоном, стал создателем династии Антигонидов в Македонии.

Реакция Александра была быстрой, а кара — жестокой: не прошло и двух недель, как он уже стоял перед стенами Фив. Македонянин надеялся еще договориться с фиванцами, но те ответили отказом, потому и он поступил с ними соответственно. Афины и Демосфен доказали, что весьма успешны и решительны, когда надо подстрекать к беспорядкам других, но совсем не таковы, если дело доходит до защиты того, к чему они призывали. Своей пассивностью они сумели спасти себя и спокойно взирали на то, как Александр расправляется с Фивами, послужившими хорошим и поучительным примером для всех прочих греческих городов-государств. Александр не мог позволить восстаний в стране за его спиной, к тому же он рассматривал тех, кто предпочитал лить воду на мельницу варваров, а не радеть общему делу товарищей-греков, как «мидистов» и предателей. Фактически город имел за плечами длительную историю «мидизма», и традиция, созданная союзниками-греками в непростые времена вторжения Ксеркса, — данная ими «Платейская клятва» — требовала уничтожения Фив.

С официальной точки зрения снос Фив мог рассматриваться как акт мести. (Грнинон в Малой Азии позднее разделил судьбу Фив при похожих условиях.) Устрашение обладало и обладает способностью к куда более действенному сдерживанию, чем любой гарнизон. Желая избежать обвинений в бессмысленной жестокости, Александр представил решение разрушить город Фивы и продать в рабство население как волю фокийцев и враждебно настроенных беотийцев. Примера Фив вполне хватило для распространения более примиренческих настроений в остальных уголках Греции. Убежденные оратором Демадом, афиняне отправили посольство с поздравлениями Александру с его победами на севере и с просьбой простить их за недавнее легкомыслие. Царь потребовал от них капитуляции и выдачи наиболее важных зачинщиков беспорядков — десяти выдающихся ораторов и военачальников, включая Демосфена, Ликурга и Гиперида, — но афиняне предложили одного Харидема, да и тот поспешил бежать ко двору Дария III.

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
Скульптура Александра,
датируемая 2-м веком, найдена
в Магнесии.

Γ Ν Λ Ε Ι Σ Ε Ρ Ο Η Ξ Ε Ν

АРМИЯ АЛЕКСАНДРА

ОРГАНИЗАЦИЯ АРМИИ

Войско Александра, как и все Македонское государство, управлялось двором, часто находившимся в походах и следовавшим за царем. В окружение последнего входила сотня или около того придворных, известных как «личные товарищи», или иногда просто «товарищи». Происхождение таких «товарищей» прослеживается от «товарищеской» конницы. Источники указывают еще на царских «друзей», каковая категория, вероятно, отражает самых главных из «личных товарищей» при дворе или же служит просто иным названием для все тех же «личных товарищей», или свитских. В битвах «личные товарищи» сражались рядом с царем в царских эскадронах «товарищеской» кавалерии. В эллинистическую эпоху царь раздавал придворным пурпурные мантии, служившие знаком их высокого положения, и есть свидетельства того, что начало данной практики уходит корнями во времена правления Александра. Что впоследствии переняли римляне и от них и правители Средневековья. Александр иногда облачался в весьма замысловатые одежды, когда шел в битву, но обычно предпочитал «форму» офицера «товарищеской» конницы. Так он одет на «мозаике Александра», но на нем все же пурпурный плащ с желтой каймой «личных товарищей», или свиты, а не плащ «полка».

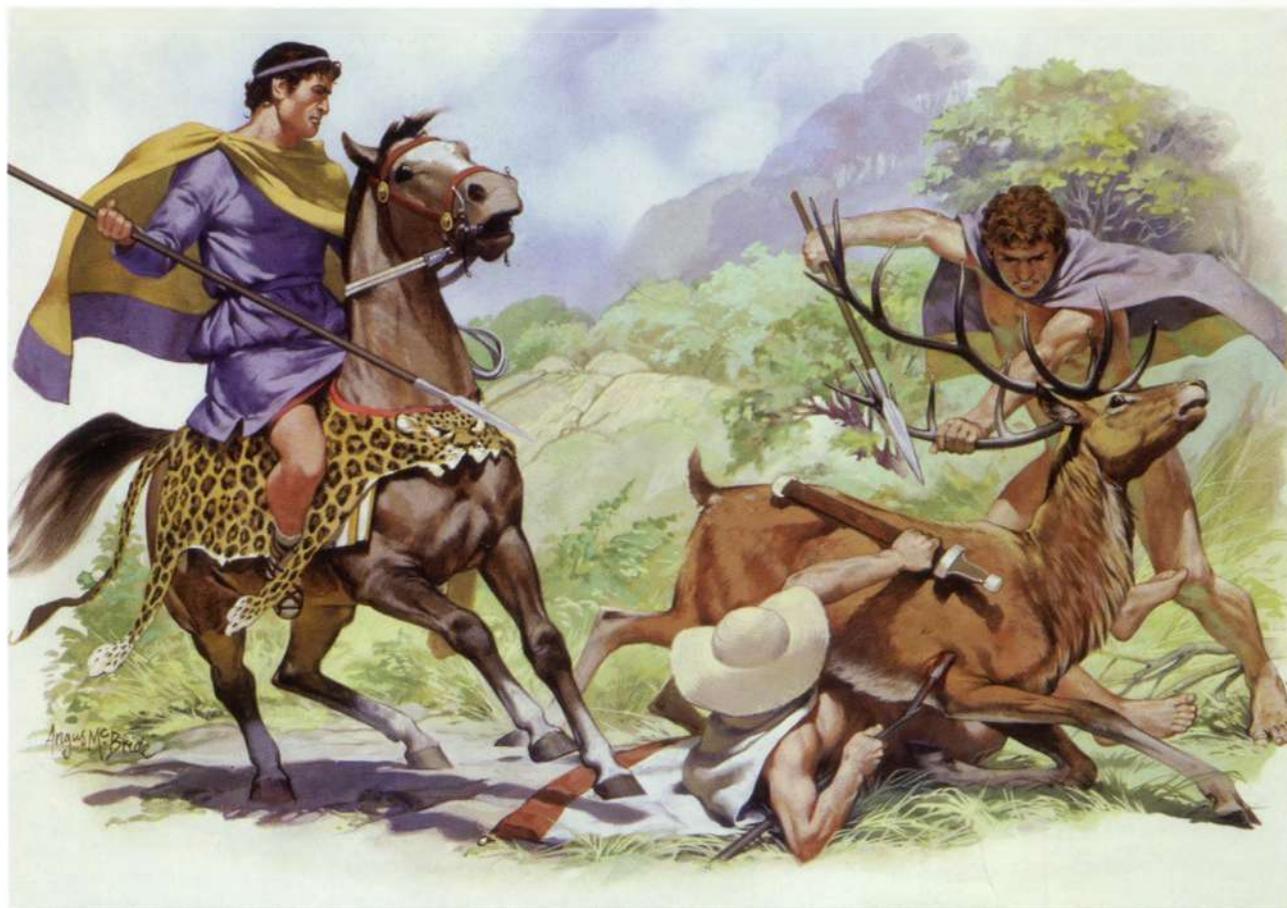
Царь управлял делами армии из царской палатки — великолепного шатра, в котором имелась вместительная комната, предназначенная для проведения в ней военных советов. В царском шатре находился также вестибюль, проходить далее которого без дозволения царского привратника не разрешалось никому, и оружейная (вероятно, также обособленная от главного помещения). Далее за вестибюлем располагались личные апартаменты царя, где тот спал и принимал ванны. Задачи по установке и свертыванию шатра возлагались на специальный отряд, возглавляемый македонцем по имени Проксен. Обслуживанием непосредственно особы царя занимались спальники, тогда как царский шатер стерегла стража из особо доверенных телохранителей, и само место проживания государя находилось под защитой части гипаспистов (элитной пехоты). Царя должен был сопровождать авгур, или жрец-прорицатель, озвучивавший волю богов перед сражением. Войско, приведенное весной 334 г. Александром в Азию, вовсе не являлось монолитным в этническом плане. Ядром служила армия Македонии, однако к ней примыкали контингенты, присланные в состав экспедиционных войск вассальными княжествами с границ Македонии — пеонийцами, агрианами, трибалами, одрисийцами и иллирийцами. Александр являлся также главой фессалийской армии Коринфской лиги, стало быть, и государства Греции поставляли Александру контингенты пе-

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
На этой мозаике из Пеллы
показаны охотящиеся
Александр и Гефестион.
У Гефестиона в руках меч,
а у Александра — топор.

хотинцев и конницы, равно как и корабли. И наконец, численность живой силы увеличивалась за счет немалого количества наемников. В большинстве своем они состояли из греческих воинов, хотя некоторые балканские отряды Александра тоже, скорее всего, получали плату за службу. Учитывая вековую вражду между представителями отдельных народов в войске и факт неспособности многих групп общаться между собой из-за языкового барьера, нельзя не отдать должного командованию армии, сумевшему добиться порядка и не допустить возникновения открытых конфликтов на этнической почве.

На самом высоком уровне армией командовали штабные офицеры, царские телохранители и прочие военачальники. Войско часто делилось на корпуса (*мойры*), особенно в более поздних походах, и для руководства действиями каждого такого формирования назначался полководец, или стратег. Для военачальников столь высокого ранга было, однако, обычным делом сохранять командование их собственными отрядами, а потому многие пехотные «таксии» находились под началом самих «генералов», а не таксиархов. На ступень ниже полководцев, или стратегов, стояли командиры, или офицеры, избранные из рядов представителей македонских аристократических семейств. Командование отдельными частями являлось, судя по всему, «родовым» занятием — многие отряды, похоже, возглавляли представители видных фамилий той страны или территории, откуда происходи-

Конный воин из «товарищей» царя, царский «паж» и пеший «товарищ» во время оленьей охоты. (Энгус МакБрайд © Издательский дом «Остри».)

ли солдаты. Командование было централизованным — царь сам отдавал приказы войску через личного горниста. А за трубачом Александра команду подхватывали горнисты отдельных частей.

Вся держава Александра управлялась с помощью секретариата, разделенного на отдельные секции, во главе последних стояли царские секретари, равные званием с царскими телохранителями. Армейским секретариатом заправлял Евмен Кардийский. Людьми, служившими в секретариатах, хотя они могли оказаться весьма способными и даже принадлежать к числу «личных товарищей» царя, бывали обычно те греки, которым их темное происхождение или физические недостатки не позволяли получить полевое командование, а следовательно, командиры войск презирали их.

Армейский секретариат базировался в шатре царского секретаря войска, где хранилась вся корреспонденция, имевшая отношение к армии, и вся армейская документация. Основой последней являлись списки, фиксировавшие количество призванных и наличествующих в частях воинов, в канцелярских записях отражались моменты выплаты жалования и выдачи снаряжения, притока пополнений, а порой размеры и количество пищевого довольствия для солдат; на основании учетных документов также производились награждения и повышения. Оружие, доспехи, обмундирование, посуда и выючные животные — все это распределялось скорее целевым образом время от времени, чем на регулярной основе по мере возникновения потребности. Посему можно сделать вывод о накапливании централизованных запасов всего необходимого в обозе. Довольствие распределялось по «лохой», или лохам (частям из 256 человек), в пехоте и «илай», или илам (эскадронам), иначе, по гекатостиям (сотням), в кавалерии. Дальнейшая обязанность по распределению всего поступления лежала на слугах в каждой части.

Армейский секретариат состоял из разных отделов, в каждом из которых возглавлявшему его секретарю помогали несколько инспекторов. Существуют данные о наличии секретаря по вопросам кавалерии и секретаря по наемникам для Египта с двумя подчиненными ему помощниками. Есть также свидетельства перевода инспекторов из главного войска в провинции, где армия оставляла за собой вооруженные контингенты.

ПЕХОТА

На самом низшем тактическом уровне у пехотинцев помещалась «декада» (колонна из десяти человек), которая, как показывает название, включала в себя некогда десяток воинов, но незадолго до воцарения Александра выросла до 16 человек. Шестнадцать таких отрядов (16 x 16) образовывали «лох» (позднее известный как *синтагма*) из 256 человек под командованием «лохага». Следовательно, боевая численность «таксин», по всей вероятности, включавшей в себя шесть «лохой», составляла 1536 человек, а хилиархии из четырех «лохой» — 1024 человека. Половина хилиархии называлась «пентакоснархией» и насчитывала соответственно 512 человек. Учитывая размеры «лоха», отдача, а точнее, восприятие голосовых команд осложнялось, поскольку, если верить Асклепидоту, в части из 64 человек (8 x 8) воин легко слышал все распоряжения командира, но при удвоении ряда и колонны с получением квадрата из 256 человек (16 x 16) пришлось добавлять не входивших

в боевое расписание помощников, или «этактой». Военачальник в должности таксиарха почти наверняка располагался в тылу полка, или «таксии», верхом, из какого-либо положения рассылал приказы с помощью «этактой», а уже их задача состояла в передаче распоряжений начальника далее вниз. Следовательно, при каждой «таксии» пеших гетайров, или «пезгетайрой» (1536 человек), состояло до 30 адъютантов.

Как правило, шеренги в фаланге строились тесным порядком («пикнос», «пикно-сис») на 16 человек в глубину, при этом каждый воин занимал около квадратного метра. К закрытию строя щитами («синасписмос») прибегали скорее тогда, когда встречали натиск врага, а не наступали сами. Достигалось такое построение путем перехода тыловой половины воинов каждого эшелона в пространства между солдатами фронтальной половины. Глубина фаланги составляла тогда восемь метров, а в линии каждый из бойцов занимал локоть (полметра). Как бы там ни было, оба варианта считались слишком тесными для маневра и упорядоченного наступления, а потому до вступления в боевое соприкосновение с противником фаланга шла рассредоточенным порядком в два эшелона в глубину. При этом каждая такая двоякая колонна имела фронт в два метра. По всей вероятности, именно это подразумевается под «глубоким строем» («бафос») в армии Александра. Что совершенно очевидно, во всех этих формированиях протяженность фронта фаланги оставалась неизменной. В процессе перестроения копья держали вертикально вверх, чтобы они не затрудняли передвижения. Опускать копья разрешалось только перед столкновением с врагом, на непосредственное соприкосновение с которым иногда выходили бегом. Ударный бросок сопровождался боевым кличем македонцев «Алалалатай!», с которым они зывали к Эниалию — эпитету бога войны Ареса.

Когда в 334 г. Александр переправился через Геллеспонт и вступил на землю Азии, он имел в распоряжении 12 000 македонских фалангитов: 9000 «пезгетайрой», или «пезгетайрой» («пеших товарищей»), региональную «тяжелую пехоту» и элитную пешую гвардию — 3000 «гипаспистай», или гипаспистов (буквально «щитоносцев»). В рядах «пезгетайрой» встречались отряды, обозначенные как «астгетайрой», что могло служить определением для элитных «батальонов» — отрядов из Верхней Македонии — или же для тех из них, которые сражались на позициях ближе всех к царю. Возможно, «астгетайрой» отличались лучшим вооружением или подготовкой, позволявшими им биться бок о бок с гипаспистами. Среди гипаспистов имела «царская» подгруппа («басиликой»). В плане снаряжения «пезгетайрой» и «астгетайрой», возможно, ничем не отличались друг от друга, но гипасписты почти наверняка вооружались не так, как «пезгетайрой».

«Пезгетайрой»

И по сей день не умолкают споры в отношении истоков возникновения «пезгетайрой» и самого названия. По-видимому, войска, известные как «пезгетайрой» в правление Филиппа II, в царствование Александра скрывались под термином «гипасписты». Расширение использования названия «пезгетайрой» и применение его к тяжелой пехоте, вероятно, сопровождалось также сменой определений, повлекшей за собой «превращение» бывших «пезгетайрой» в гипаспистов.

ФАЛАНГИТ

На представленном здесь македонском воине фаланги полные доспехи. Вооруженный таким образом боец сражался в передовых шеренгах. Далее от фронта к центру и тылу встречалось все больше пехотинцев без линофораксов и носивших вместо шлемов широкополюе шляпы, называвшиеся «кавсия».

На голове солдата фригийский шлем с ощечьями, обеспечивавший большой уровень видимости и слышимости, чем старые глухие шлемы коринфского образца, носимые ранее греческими гоплитами. Воин носит бороду, несмотря на широко распространенное убеждение в том, что Александр будто бы требовал от воинов сбривать бороды, поскольку не хотел давать противнику шанса схватиться за бороду македонца в рукопашной. Если данное мнение и верно, не было особого смысла принимать подобную предосторожность в отношении фалангитов, поскольку в их случае командование вообще стремилось избегать ближнего боя воинов с противником один на один.

Воина защищает легкий панцирь из проклеенных слоев льна — линофоракс, надетый поверх коротко рукавного хитона, или экзомиса. Подол хитона выступает за доспехи. Различные слои льна, из которых изготавливался панцирь, показаны на иллюстрации вверху справа, при этом более грубые слои располагаются с внутренней стороны, а более гладкие — с внешней. Защитное вооружение воина дополняют поножи.

Кожаная перевязь через плечо поддерживает щит. Более подробно щит с украшением в виде восьмиконечной звезды — символом македонского царства — располагается на иллюстрации внизу слева. В бою предплечье солдата просовывалось в петлю в центре щита, тогда как кисть приходилось высвобождать для держания сариссы, поскольку она по причине массы и длины требовала от воина применения обеих рук. На иллюстрации показана рукоять («артилаба»). Хотя нет совершенной уверенности в действительном существовании такой рукояти, без нее щит стал бы совершенно бесполезным для фалангита, случись ему биться вне строя.

На тыльной стороне древка сариссы установлен подток по типу найденного в Эгее (Вергина). Справа показаны наконечник и подток, а также соединительная втулка, или муфта. Благодаря последней сарисса скреплялась и превращалась в единое оружие, тогда как на марше представлялось возможным нести ее в разобранном виде (как показано в верхнем левом углу). Разборная конструкция помогала убыстрять ремонт и делала его менее дорогостоящим, к тому же облегчала транспортировку запасных частей. На боку у воина висит меч — копис (иначе копид). На иллюстрации показана изогнутая рукоять, обеспечивавшая некоторую защиту костяшкам пальцев и позволявшая держать оружие более крепким хватом. (Криста Хук © Издательский дом «Оспри».)

Имеющиеся свидетельства показывают, что македонские цари использовали два способа набора пехоты, а также позволяют установить тот факт, что основное ядро тяжеловооруженных пехотинцев, называвшихся в период походов Александра «пезгетайрой», или «пешими товарищами», состояло из воинов, призванных по региональному принципу и находившихся под командованием представителей их собственной аристократии. Такая организация отражает многовековой образ жизни и войны в горных районах, совсем недавно включенных в крупное македонское государство. Бойцы гордились собственным происхождением и хранили верность командирам. Зачастую последние не просто являлись выходцами из тех же регионов, что и их солдаты, но и любая отдельная «таксия» находилась под началом представителей одного и того же семейства. Кажется вероятным, что Александр имел при себе «таксии» из всех уголков Македонии, но имена всех известных таксиархов в первые три года кампании указывают на их верхнемакедонское происхождение, при этом представляется крайне маловероятным, чтобы половину или две трети «пезгетайрой» вели командиры из их родного региона, тогда как остальных — кто-то посторонний. По крайней мере половина пехоты осталась в Македонии с регентом, Антипатром, и будет разумным предположить, что воинов из политически ненадежных областей, как те же горные районы Верхней Македонии, следовало удалить из тех мест, дабы они находились под надзором Александра.

Вооружением всех «пезгетайрой» служила сарисса. В эпоху Александра она достигала в длину 12 локтей (5,5 м). К 300 г. протяженность ее в некоторых случаях возросла до 16 локтей (7 м), но это максимальная длина, а вообще же многие сариссы бывали, вероятно, короче. Источники умалчивают о второстепенном оружии фалангитов, хотя, совершенно очевидно, им требовался меч или кинжал. Поздние уставы упоминают как часть стандартного снаряжения «*махайру*», но терминология, как часто бывает в подобных случаях, неточна и запутанна. Ксиф, как можно предполагать, представлял собой довольно короткий, обоюдоострый меч, тогда как в качестве рубящего оружия выступал *копис* (или «секач») — более длинный, искривленный и лучше подходивший для всадника. Со своей стороны под термином «*махайра*» мог скрываться более короткий изогнутый нож — слово часто переводят как «кинжал», — предназначенный для добивания сраженного противника. Но в то же время Ксенофонт использует слово «*махайра*» в качестве синонима для *кописа*. Если македонские фалангиты вооружались *кописами*, возможно, те предназначались для индивидуальной рукопашной схватки после разрушения строя, и, вероятно, данное нововведение в снаряжении относится к временам, уже заметно удаленным от эпохи Александра, и является попыткой найти ответ на угрозу со стороны римлян, полагавшихся в бою прежде всего именно на меч.

Доспехи воины носили неодинаковые — в зависимости от места, занимаемого ими в рядах фаланги. Что до «пезгетайрой», то о ношении ими панцирей, или кирас, не упоминается, если не считать командиров. Как бы там ни было, какие-то нагрудные пластины должны были применяться, по крайней мере солдатами передовых шеренг. По всей вероятности, речь может идти о *линофораках* — кирасах, или панцирях, из проклеенных слоев льняного полотна. Масса доспеха составляла около 5–6,5 кг, и, следовательно, он выгодно отличался от более тяжелых кожаных, бронзовых и железных панцирей, находивших применение у части пехотинцев и всадников. Юбка панциря, изготовлявшаяся в форме

вертикальных «крылышек» (*птеруг*), обладала подвижностью и не сдерживала свободу движений. Фалангиты носили конические или фригийские шлемы, однако в македонской фаланге присутствовали, как стоит предполагать, всевозможные шлемы, когда-либо находившие применение в греческом мире, поскольку все годное снаряжение сдиралось с мертвых и раненых врагов после окончания противостояния на поле битвы и использовалось победителями. Поножи, судя по всему, всегда присутствовали в перечне предметов стандартного набора защитного снаряжения, а позднее уставы даже предусматривали штрафы для тех, кто пренебрегал их ношением. Ножные доспехи могли представлять собой жизненно важную необходимость, поскольку подтоки сарисс обладали неприятной способностью ранить находящихся дальше в строю фалангитов в ноги. Вмес-

ПЕШИЕ ГЕТАЙРЫ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ

Подток на тыльной стороне древка сариссы представлял собой не менее смертоносное оружие, чем сам наконечник длинного македонского копья. Поскольку сариссу держали в месте, от которого она выступала вперед на 3,5–4,5 м, довольно большой отрезок копья оставался за спиной воина, было важным выучить солдата занимать четкое положение по отношению к товарищам в строю, когда бы он со своим копьем представлял максимальную опасность для неприятеля и, напротив, не превращал сариссу в невольное оружие против собственных коллег.

Солдаты в первых пяти шеренгах 16-рядного «лоха» стояли так плотно друг к другу, что, когда они опускали сариссы, даже острие оружия пятого в колонне торчало перед головным воином. Для реализации такого построения каждый из солдат должен был располагаться позади другого, держа при этом сариссу практически на одном уровне и в том же месте, где оказывался подток копья впереди стоящего товарища. Выход из колонны — в случае ранения или потери оружия — мог, следовательно, осуществляться влево и назад. Стоявшие в ряду начиная с шестого и далее держали сариссы склоненными — чем дальше от фронта, тем меньше, и так до тыловых рядов, воины в которых ставили оружие вертикально.

Такое расположение копий служило не только наступательным целям, оно в определенной степени и защищало фалангитов от неприятельского оружия дальнего боя — вражеских стрелков из лука, пращников и метателей дротиков. Кроме того, поступательное изменение угла склонения сарисс к центру и далее неминуемо сопровождалось подъемом щитов для обеспечения дополнительной защиты. (Криста Хук © Издательский дом «Оспри».)

то выпуклого, довольно широкого щита гоплита македонские фалангиты несли куда меньший и не столь заметно глубокий щит, имевший в диаметре восемь ладоней (около 70 см). Он подвешивался на шлее за шею.

В экспедиционном войске Александра «пезгетайрой» насчитывали 9000 человек в составе шести «таксий», по шесть «лохой» каждая. Полки, или «таксии», обычно назывались по именам командиров. Четыре «таксии» не меняли командиров вплоть до 330 г. — полк Кена, сына Полемократа; Пердикки, сына Оронта; Кратера, сына Александра; Мелеагра, сына Неоптолема. «Таксия» Аминты, сына Андромена, временно находилась под командованием его брата Симмия, пока Аминта пребывал в Македонии, занимаясь набором пополнений. Последнюю «таксию» на Гранике возглавлял Филипп, сын Аминты, под Иссом — Птолемей, сын Селевка, погибший там, позднее же — Полиперхон, сын Симмия. Полки строились на поле битвы в порядке старшинства, хотя «таксия» Кена, обладавшая, судя по всему, элитным статусом, при Иссе и Гавгамелах занимала почетное положение на правом крыле. Некоторые из «таксий», в том числе полк Кена, по терминологии хронистов, относились к «астгетайрой».

Гипасписты

В отличие от набранных в регионах «пезгетайрой» гипасписты представляли собой элитные силы из отборных воинов, привлеченных в отряд ввиду индивидуальных качеств — прежде всего физических данных и храбрости. По этим причинам часть их образовывала гвардию, или стражу («агема»), и в битвах все 3000 гипаспистов дислоцировались между «пезгетайрой» и конницей — там, где находился царь, отдававший приказы. Призыв в такие войска основывался кроме всего прочего на социальном принципе, и сами гипасписты делились на «обычных» и «царских».

Гипасписты почти наверняка отличались большей подвижностью по сравнению с «пезгетайрой». В крупных сражениях они служили в качестве связующего звена между тяжелой пехотой и кавалерией. Царь часто брал их для выполнения особых заданий, в ходе которых ожидалось использование их скорости и выносливости — часто речь шла о необходимости действовать на сильно пересеченной местности. Получившие названия от своих щитов, — а ведь и в самом деле, гипасписты-ветераны образовывали формирования *аргираспидов*, или «среброшитных», — они представляли собой пехотную гвардию, и из всех пехотинцев именно они бились ближе всех к особе царя.

Небольшие отряды гипаспистов действовали как стража на официальных приемах и во время пиров, а также как полицейские силы. Существует высокая вероятность того, что, по крайней мере в отдельных случаях, они вооружались в большей степени как традиционные греческие гоплиты, и в широком смысле их нередко упоминают как «дорифорой» (буквально несущие «дори», т.е. копьяд гоплитов). Те, кому поручалось командование «обычными» гипаспистами в должности хилиарха или «пентакосиарха», выбирались на основе проявленной храбрости, хотя главнокомандующий, или «архигипаспист» (буквально «вожак гипаспистов»), назначался самим царем из македонских вельмож. Между 334 и 330 гг. место принадлежало Никанору, сыну Пармениона; наследовал ему Неоптолем, один из Эакидов.

Споры в отношении того, вооружались или не вооружались «пезгетайрой» и гипасписты одинаково, не умолкают. Некоторые историки настаивают на самых незначительных различиях в вооружении, другие приходят к прямо противоположным выводам. На саркофаге Александра изображен пеший македонский воин в гуще кавалерийской сшибки, причем защищен он щитом, чуть уступающим шириной щиту гоплита — 86 см в диаметре. Боец облачен в *форакс* с удлиненными птеругами — возможно, в *линофоракс*, — и наносит удар каким-то оружием поднятой рукой, во многом так, как делал гоплит, орудуя копьем (*дори*), хотя само оно на изображении утрачено. Хотя художник мог запечатлеть просто-напросто греческого наемника, в то же время близость воина к Александру заставляет причислять его к гипаспистам. Часть военных обязанностей гипаспистов, вероятно, требовала от них отказа от сариссы или, по крайней мере, применения значительно более коротких копий. Отзываясь о гипаспистах, Арриан характеризует их как «самых легких воинов и лучше всех вооруженных», что подразумевает облегченное копье, длина которого достигала почти 2,5 м. Гипаспистов применяли преимущественно на неровной местности, в осадном деле и в тому подобных боевых действиях — для рукопашного боя с противником один на один. В таких ситуациях сарисса стала бы в лучшем случае неудобной, а худшем — бесполезной обузой. Штурмуя город, гипасписту было бы крайне затруднительно карабкаться по штурмовой лестнице с 5-метровой сариссой и защищаться пельтой в 60 см. Термин «*гипераспизанты*», применяемый для гипаспистов, державших щиты для защиты царя или товарища, тоже подразумевает применение нечто более широкого в диаметре, чем 60-см щит «пезгетайрой».

Главная разница между обычными и царскими гипаспистами состояла в том, что последние происходили из аристократических кругов и большинство их, если не все, ранее относились к придворной молодежи — царским «пажам». Мы не знаем точно, какое количество царских гипаспистов действовало в армии и каковы были их функции в наиболее крупных сражениях. Во время штурмов городских стен мы обнаруживаем их в непосредственной близости от государя, и, если они также находились рядом с царем и на поле битвы, тогда они, возможно, действовали как «*хамиптой*», воевавшие в рассыпном строю среди всадников. Среди известных командиров царских гипаспистов Адмет (вероятно), Гефестион (возможно) и Селевк (совершенно точно). Среди них Гефестион получил ранение кавалерийской пикой («*ксистоном*») в гуще боя при Гавгамелах. Как командир такого отряда, он и сам вполне мог сражаться верхом.

При переправе через Геллеспонт в армии Александра насчитывалось 3000 гипаспистов, которые, надо думать, с самого начала похода делились на части из 1024 человек, называемые «хилиархиями», хотя есть некоторые соображения в отношении того, что хилиархии появились не ранее 331 г. и что упоминания как существовавших в более ранний период есть не что иное, как произвольный сдвиг — перенос в прошлое.

Аргираспиды

Аргираспиды — буквально «серебряные щиты» — получили это название за украшенное защитное вооружение. Корни происхождения части прослеживаются от простых, или регулярных, гипаспистов Александра, и уже в рассказах

НА СТРАНИЦЕ СПРАВА

Два представителя корпуса гипасистов, на одном из которых фракийский шлем, тогда как на другом — типа «Вергина». Отличием гипасистов от «пезгетайрой» является применение снаряжения голплитов. Наступательным оружием служит копье (дори), включающее в свою конструкцию наконечник и подток. Оборонительным — «гоплон», т.е. более широкий и выпуклый щит с усиливающей кромкой, или, иначе, «гаспис», в общем и давший название воинам данного типа — гипасисты, или щитоносцы. Диаметр щита достигал обычно трех футов (немного менее метра). Такие щиты находим на художественных украшениях македонских захоронений, хотя и тут не все так просто, ибо приходится проводить различия между церемониальным и функциональным вооружением. В остальном снаряжение гипасистов мало чем отличалось от снаряжения пеших гетайров. На представленной здесь иллюстрации центральная фигура облачена в бронзовый форакс с птеругами, тогда как воин справа и в отдалении защищен линофораксом. В остальном на обоих короткорукавные экзомисы, бронзовые поножи и сандалии. (Криста Хук © Издательский дом «Оспри».)

о сражении при Гавгамелах Диодор Сицилийский и Курций Руф (черпавший информацию из того же источника) по привычке называют гипасистов аргираспидами. Оба формирования насчитывали по 3000 человек, а главным отличительным признаком тех и других служили характерные щиты. Фактически Диодор говорит следующее: «пехотный отряд с серебряными щитами, отличающийся блеском вооружения и мужеством воинов» (17.57.2 [по изд. МГУ, 1993]). Вероятно, их щиты не просто несли украшения, но превосходили размерами щиты «пезгетайрой». В эпоху наследников аргираспиды с гордостью заявляли о своей принадлежности к части, не ведавшей поражений во времена Александра, а о себе отзывались как о людях в возрасте — прославленных ветеранах, которых отправили в отставку в 324 г. Пертурбации, связанные со смертью царя, помешали им вернуться домой и насладиться плодами достижений на честно заслуженном отдыхе. В 318 г. они встали на сторону Евмена в войне против Антигона Монофтальма, и, хотя сражались с доблестью и с отличием под Паретакеной и Габиеной в следующем году, они сдали собственного командующего неприятелю в обмен на жен и ложитки из обоза, которые противник захватил во второй из упомянутых выше битв.

Греческая пехота

В момент перехода через Геллеспонт при Александре находилось что-то около 7000 греческих пехотинцев-союзников. Корпус состоял из контингентов, отправленных государствами-членами Коринфской лиги. В каждый такой отряд брали отборных воинов из армии города, которые служили под началом собственных командиров. Сам же корпус в целом возглавлял македонский военачальник.

После сокрушительного поражения, понесенного от македонян под Херонеей, армии Греции претерпели процесс реформирования. В Афинах последствия проведенной Ликургом реформы отразились в украшениях саркофагов: защищавшие торс доспехи, отмененные после Пелопоннесской войны, снова вернулись в обиход, на сей раз в форме «мускульного» панциря, а спартанский шлем — коничный пилос — уступил место македонского образца «фригийскому» шлему. (В Мегарах фригийский шлем не прослеживается, однако «мускульный» панцирь также нашел место.)

Кроме того в войске присутствовало большое количество греческих наемников-пехотинцев. Александр привел в Азию 7000 человек союзнической и 5000 наемной пехоты, к тому же на протяжении всей кампании шел постоянный приток пополнений. Основная задача наемников-пехотинцев состояла в гарнизонной службе, необходимой для поддержания порядка во вновь завоеванных провинциях. Для таковых целей солдат часто набирали прямо на месте, обычно из числа греческих наемников, ранее служивших в персидском войске. Такие отряды платных солдат далеко не всегда демонстрировали верность нанимателю: многих будоражили антимакедонские настроения, а потому бунты и мятежи случались, и нередко, особенно на исходе периода правления Александра. В момент смерти Александра что-то до 10 000 человек из верхних сатрапий собирались даже бросить вверенные им посты и вернуться в Грецию, каковы бы желания они уже демонстрировали и раньше, когда в 325 г. по империи пронесся ложный слух о кончине

Римская бронзовая копия статуи Александра Великого. Возможно, она повторяет оригинал из скульптурной группы, которую Александр заказал придворному мастеру, Лисиппу, в честь памяти 25 «товарищей», павших в битве при Гранике. Стабилизатор, поддерживающий вздыбившуюся лошадь, может служить символом форсирования Граника.

царя. Наемники требовались и для пополнения численности пехоты в полевом войске, но такие части, судя по всему, состояли из более надежных воинов, долгое время прослуживших в армии, — обычно их набирали среди граждан более или менее дружелюбно настроенных к Македонии государств Греции. Сохранившиеся описания о битве при Гавгамелах неполны и в значительной степени отличаются друг от друга, но есть основания предполагать наличие двух видов наемников, принимавших участие в этом сражении. Ветераны-наемники («архаиой»), сражавшиеся на правом крыле, относились, по всей вероятности, к тем самым 5000 человек, что переходили Геллеспонт с Александром — частично или полностью. Ахейские наемники, дислоцированные на левом фланге, были, скорее всего, теми 4000 солдатами, набранными на Пелопоннесе и влившимися в армию под Сидоном годом ранее.

Греческие наемники-пехотинцы описываемого периода по-прежнему вооружались бронзовыми щитами и шлемами гоплитов, но не имели защищавших тело доспехов и несли обычные для пехоты копье и меч, облачались в красные экзомисы, или хитоны. Греческие наемники-пехотинцы на службе у персов появляются в такой одежде и снаряжении как на саркофаге, так и на мозаике Александра. Вероятно, однако, что те из них, кто находился на службе у македонян, носили панцири, но, учитывая их дислокацию на флангах при Гавгамелах, где требовалась особая подвижность, не исключено и отсутствие доспехов.

Легкая пехота

Довольно мало известно о легковооруженных пехотинцах (*«псилой»*) в армии Александра. Как можно не без основания предполагать, они бились в рассыпном строю. Такие вспомогательные части могли занимать более широкий фронт, чем фаланга. Основной тактической единицей служили «роты» из 500 человек, но неизвестно, назывались ли они «лохой», как в фаланге.

Корпус стрелков (*«токсотай»*) в целом находился под командованием стратега и подразделялся на ряд «рот» по 500 воинов в каждой, поставленных, как можно полагать, под начало «токсарха». Первый такой стратег, Клеандр, нашел смерть в ходе писидийского похода, и на смену ему пришел Антиох, который также погиб, уступив место критянину Омбриону, принявшему командование в 331 г. в Египте.

Александр, судя по всему, располагал отрядом критских стрелков с самого начала правления. Критяне эти могли быть наемниками, но более вероятен вариант отправки их как союзнического контингента городами Крита, симпатизировавшими Македонии. После увольнения союзников в Экбатанах в 330 г. о них уже больше ничего не слышно. Критские стрелки вооружались небольшой бронзовой пельтой, позволявшей им в случае надобности вступать врукопашную, а не только обеспечивать «огневую» поддержку другим войскам. Критяне служили под началом своих командиров — Эврибота, погибшего под Фивами в 335 г., а затем Омбриона, которого назначили командовать всем корпусом стрелков в Мемфисе.

Скоро к участникам экспедиции присоединилась вторая «рота» стрелков под командованием «токсарха» Клеарха, сложившего голову в ходе осады Галикарнаса. Похоже, его сменил Антиох, упоминаемый как «токсарх» применительно к битве при Иссе, хотя после смерти Клеандра не исключено совмещение им обязанностей стратега, т.е. начальника всего корпуса. Имя «токсарха», назначенного командиром второго отряда после гибели Антиоха в 331 г., не известно, как нет указаний на национальное происхождение самих лучников роты, хотя они вполне могли оказаться и собственно македонцами. Третий отряд под началом Брисона вошел в состав войск экспедиции перед Гавгамелами, и члены его определенно македонцы. Похоже, все, кроме критян, в таких частях бронзовую пельту не использовали.

Агрианские метатели дротиков, действовавшие под командованием македонянина Аттала, представляли собой в войске ударное формирование легкой пехоты. По всей вероятности, их Александру предоставил его клиент — агрианский царь Лангар, выделив отряд своих собственных придворных воинов. На момент переправы через Геллеспонт наличествовала лишь одна «рота», но перед Иссом к армии

присоединилась вторая, доводя таким образом общую численность агриан в войске до 1000 человек.

Не так уж много сведений и о легких пехотинцах, которых в источниках определяют под общим термином «фракийцы». В описаниях Диодора Сицилийского армии в момент переправы через Геллеспонт мы находим 7000 одрисийцев, трибалов и иллирийцев. Нельзя исключать их использование как наемников, но, принимая во внимание нехватку средств у Александра на ранней стадии похода, воины эти, по всей вероятности, просто очередные контингенты, посланные ему для участия в экспедиции прочими царями-клиентами. Наиболее вероятно, что все легковооруженные пехотинцы приходились на метателей дротиков («*аконтистай*»), распределенных по нескольким «таксиям», хотя нельзя исключать каких-то отрядов пращников. Одрисийцы действовали под командованием Ситалка, князя из дома одрисийского царя, и прочие части могли, вероятно, иметь над собой командиров-соплеменников. Еще одно известное формирование метателей дротиков возглавлял Балакр.

КОННИЦА

Ила (эскадрон) численностью в 200 человек из четырех «тетрархий» продолжала оставаться основной тактической единицей в кавалерии. Ряд «илай» — обычно две, три или четыре — иногда группировались в кавалерийскую «бригаду», или *гиптархию* под командованием *гиптарха*. Поначалу количество эскадронов в «бригаде» варьировалось, однако позднее система приняла более стандартизированные формы.

Каждому всаднику полагался конюх (грум), вероятно, также верховой, призванный заниматься лошадью всадника и его снаряжением. В бою «грумы» дислоцировались в тылу эскадрона. Конники имели собственных лошадей, но существовало правило, или обычай, выдавать призываемому в конницу воину нечто вроде подъемных на покупку подходящего животного. Погибшие в сражении кони подлежали замене из специального фонда, за это отвечал секретарь по кавалерии. Работа у него, как представляется, была очень непростой, поскольку множество коней гибло в сражениях, а в эпоху до изобретения конских подков лошади нередко выходили из строя в результате длинных переходов. Под Гавгамелами на всего 7000 участвовавших в бою всадников пришлось 1000 потерянных коней — почти каждый из трех воинов в «товарищеской» коннице лишился лошади. Для пополнения использовались принудительные конфискации на местах, но при более упорядоченных условиях обязанность заготавливать и поставлять в армию лошадей ложилась на местных губернаторов, или наместников. Многие города или провинции выплачивали «копытный» налог. В качестве крайней меры могли применить изъятие излишков лошадей в самом войске.

Кавалерийское снаряжение

Александр заменил фригийский шлем беотийским. На кавалерийских шлемах воинов, изображенных на саркофаге и мозаике Александра, шлемы, похоже, служат еще и как место для помещения знаков различия. Хвосты из конского волоса, золотые или серебряные венки и посеребренные шлемы, возможно, указывают на соответствующее воинское звание, хотя Александр, как известно, любил жаловать воинов

ТАКТИКА МАКЕДОНСКОЙ КАВАЛЕРИИ

Кавалерийский строй, развившийся на заре 4-го века, позволял конным эскадронам быстро перестраиваться и менять направление атаки, что наделяло часть всадников довольно высокой приспособляемостью к условиям поля боя. Эту-то тактическую гибкость с большой для себя пользой и задействовал Александр в сражениях. Он стремился атаковать врага по косой, дабы вызвать расстройство персидских рядов, когда противник постарается обойти его на правом фланге. Колонна персидской конницы в процессе попыток

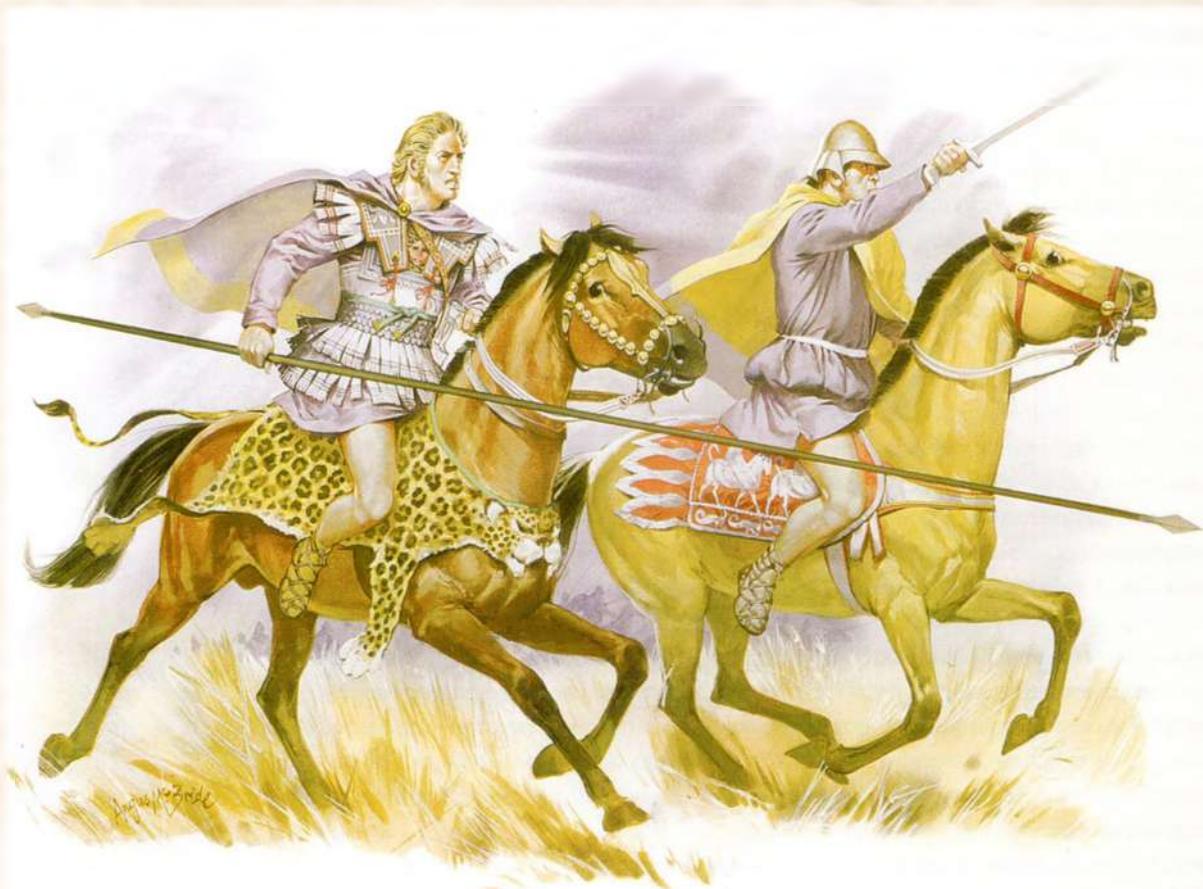
смять македонский правый фланг подвергалась систематическим наскокам легкой кавалерии Александра, бросавшейся в бой эскадрон за эскадронам. По мере того как персидским всадникам приходилось тесниться все дальше вправо, они в итоге теряли связь с основными силами армии на поле битвы. Когда же в рядах персидского боевого строя образовывалась брешь, Александр лично возглавлял кавалерию, врываясь в пролом и еще больше расстраивая неприятельские порядки.

за храбрость золотыми коронами, что может служить альтернативным, хотя и менее вероятным объяснением происхождения венков. В качестве вещественного признака занимаемой должности воины носили браслеты, как делали это и персы.

Длинное кавалерийское копье («ксистон»), хотя и изготавливалось из прочной древесины кизила, часто ломалось в бою, а потому с тыльного конца оно также имело второй наконечник, позволяя воину продолжать бой оставшимся у него обломком. «Ксистон» применялись для ударов в лицо неприятельским всадникам или в морды лошадям. Меч, выступавший в роли второстепенного оружия, висел на перевязи под левой рукой. Всадники из числа аристократов пользовались личными и превосходно украшенными мечами. В описываемую эпоху греческая конница, как правило, обходилась без щитов, но было обычным делом для полководца или военачальника держать при себе личных щитоносцев, готовых в случае необходимости сражаться и пешими.

Некоторые всадники носили лишь короткорукавные хитоны, но большинство предпочитало надевать поверх них еще и длиннорукавные. Воинам тяжелой кавалерии — «товарищеской», фессалийской и союзнической — выдавали панцири, или кирасы. Панцирь изготавливался из соединенных между собой маленьких пластинок металла, снабженных подкладкой или покрытием из кожи или ткани, что делало кирасу прочной, но довольно подвижной. На заре эпохи завоевательных кампаний Александр редко надевал панцирь, этой манере царя, вполне возможно, подражали молодые вельможи из кавалерии, особенно те, что служили в «товарищеской» коннице. Сапоги для конников были, похоже, стандартным снаряжением на протяжении всех походов. Вместо седла служил чепрак, или потник, из ворсистого материала по образу и подобию войлока, он мог окрашиваться в цвета полка и отделяться украшением в цвет эскадрона, правда, это лишь предположение. Поверх потника иногда настилали шкуру животного — пантеры или леопарда, — хотя, возможно, подобная отличительная черта была исключительно для офицеров. Иногда находили применение седельные покрытия персидского типа. По всей вероятности, они не есть целиком предметы из военной добычи, поскольку ярко и богато украшенные персидские чепраки всегда пользовались почтением у эллинской аристократии и являлись в Греции частью экспорта на протяжении долгих лет до кампаний Александра.

АЛЕКСАНДР И ВСАДНИК ИЗ ЧИСЛА КОННЫХ «ТОВАРИЩЕЙ»

Александр показан здесь в облачении старшего командира «товарищеской» кавалерии. Детали его одежды позаимствованы художником с изображений на мозаике Александра. Хитон на мозаике серовато-багряный, но мозаика делалась на основе рисунков давностью в несколько столетий, а потому оригинальные краски поблекли. Плащ на мозаике поврежден, но реконструирован и снабжен желтой каймой. Зеленая перевязь поверх панциря и соответствующая отделка по краям седельной ткани, возможно, также важны, так как могут говорить о цвете эскадрона.

Обычно царь носил беотийский шлем. Конник скопирован с саркофага Александра. На всаднике длиннорукавный пурпурный хитон и желтый македонский плащ (хламида) «товарищеской» кавалерии. Как правило, воины «товарищеской» конницы облачались в белые панцири, похожие на тот, что надет на Александре, но не столь ярко украшенные. Спину лошади покрывает персидский, а не греческий потник. (Энгус МакБрайд © Издательский дом «Оспри».)

«Товарищеская» кавалерия

«Товарищеская» конница — самый почитаемый полк в армии — набиралась из молодых представителей нобилитета Македонии. На момент начала восточной экспедиции Дниодор определяет численность формирования в 1800 человек, но, возможно, несколько частей пришлось оставить в Македонии. Полк включал в себя восемь эскадронов, первый из которых являлся царским («басилике ила»), представлял собой авангардный отряд и как таковой занимал почетную позицию в строю на поле битвы. Численностью царский эскадрон, в рядах которого сражались и «личные товарищи», превосходил все прочие ровно вдвое. Остальные семь стандартных эскадронов, насчитывавшие 200 копий каждый, строились слева от царского согласно старшинству и боевому расписанию на день битвы. В источниках линейные эскадроны демонстрируют тенденцию называться по именам командиров, но каждый из них, возможно, набирался в отдельном ареале и официально мог носить соответствующие территориальные наименования.

Фессалийская конница

В источниках нередко заявления о том, что фессалийцы являли собой лучший кавалерийский отряд во всем войске. Данное обстоятельство не должно удивлять, поскольку личный состав полка комплектовался за счет представителей аристократии Фессалии, а следовательно, в него входили самые превосходные всадники в греческом мире. По политическим и социальным причинам, однако, главенствующим полком являлся конный «товарищеский». Фессалийцы же сражались на левом крыле под общим началом Пармениона, но, поскольку Фессалия принадлежала к политической орбите Македонии, а Александр возглавлял Фессалийскую лигу, этот отряд следует выделить из общей массы «союзников». Фессалийская кавалерия численно равнялась македонским «товарищам» (1800–2000 человек), а посему можно предположить, что и фессалийский полк складывался из восьми «илай». Авангардным эскадронам служила фарсальская ила, выступавшая в роли личной стражи Пармениона — его телохранителей — на левом фланге македонского войска при Гавгамелах. Она представляла собой в фессалийском полку нечто вроде аналога царского эскадрона, или своего рода его проекции, а потому, по всей вероятности, имела удвоенную численность. Названия остальных семи «илай» в источниках умалчиваются, но не будет преувеличением утверждать, что они именовались по основным городам Фессалии, где и был набран личный состав каждого отдельного эскадрона. Две сотни фессалийских всадников присоединились к армии под Гордионом (иначе Гордий), но они, как можно предполагать, являлись скорее пополнениями для уже существовавших эскадронов, чем образовывали новый — девятый. Фессалийский полк был распущен в Экбатанах, когда царь отправил союзнические контингенты назад в Грецию, но 130 добровольцев остались в войске. Они образовали отдельную маленькую часть, однако, прослужив в ее составе наемниками меньше года, подверглись роспуску.

Союзнический конный

Греческие государства из состава Коринфской лиги обязывались предоставлять определенные по численности отряды конницы и пехоты для нужд экспедиционных войск. Не все союзники поставляли всадников, к тому же ни один город,

по-видимому, не собрал отдельного полного эскадрона, скорее, ила в таком случае формировалась за счет объединения различных контингентов, находившихся в данном конкретном ареале. Если судить о положении его на полях разных сражений, вполне закономерно предполагать, что союзнический конный полк, или корпус (оба термина, разумеется, условны. — *А.К.*), являлся частью тяжелой кавалерии. Никаких подробностей в отношении внешнего вида его бойцов — их одежды или снаряжения — не сохранилось.

Диодор Сицилийский упоминает наличие во время переправы армии в Азию 600 греческих всадников под командованием Эригия. По всей вероятности, речь идет об эскадронах, которые впоследствии сражались под началом Эригия, сына Лариха, при Гавгамелах: эскадрон пелопоннесских и ахейских всадников, конница Фтиотиды и Мелни и эскадрон локрийских и фокийских воинов. При Гранике союзническая кавалерия действовала под началом Филиппа, сына Менелая, но, как можно предполагать, командование его носило временный характер. Пополнения, подтянувшиеся и соединившиеся с армией у Гордиона, насчитывали еще 150 всадников из Элиды. Под Иссом пелопоннесские и прочие союзнические всадники бились на левом фланге под общим началом Пармениона, хотя кто выступал их непосредственным командиром, неизвестно. Трудно определить, какие пополнения и подкрепления прибывали в места расположения войска в Азии. После Исса союзническая конница отошла в подчинение сатрапа Сирии и, по всей вероятности, получала дальнейшие подкрепления в период дислокации там. Нельзя исключать, что акарнанский и этолийский эскадрон прибыл в армию до Исса. Не подлежит сомнению, однако, что беотийский эскадрон достиг войска в Азии. Наряду с тремя эскадронами Эригия под Иссом существовала вторая «бригада» союзнических всадников под командованием Койрана, сражавшаяся на противоположном фланге. Эта часть, по всей вероятности, также насчитывала 600 человек и включала в себя три эскадрона — скорее всего, один беотийцев и, возможно, ахейцев и акарнанцев. Эллианцы могли биться в рядах пелопоннесского и ахейского эскадрона на правом крыле или же в составе третьего эскадрона — на левом. Союзнический конный был распущен в Экбатанах, но многие воины остались служить как наемники.

Фракийская конница

В состав армии Александра входило четыре эскадрона фракийской легкой конницы, каковое число усиливалось другими отрядами вспомогательной фракийской кавалерии. Фракийцы считались дикими, не вкушившими плодов цивилизации солдатами, склонными к пьянству, падкими на поживу и всегда охочими до женщин.

«Продромой» (дозорные, иногда еще «скопой») есть термин, обычно применяемый к фракийским эскадронам основного македонского войска, но порой и к прочим вспомогательным частям всадников. «Продромой», по всей вероятности, набирались на территории внутри границ Македонии, из фракийских провинций, аннексированных Филиппом, и несли службу под началом македонских командиров. Эскадронам легкой конницы на момент переправы через Геллеспонт, судя по всему, недоставало численности, поскольку Диодор говорит о наличии в составе «продромой» и в пеонийском эскадроне, вместе взятых, всего лишь

900 человек. Можно предположить, «продромой», пеонийский эскадрон и одрисийский отряд кавалерии удалось довести до полной численности вследствие прибытия пополнения из 500 фракийских конников, достигших расположений армии в Мемфисе. Другой отряд подкреплений из 600 человек добрался до войска в Ситтакене.

Первейшей задачей «продромой», как показывает их название, являлось ведение разведки впереди армии. В отдельных случаях для таковых целей из дозорных сколачивали формирования, дополнявшиеся легкой пехотой и тяжелой кавалерией. В ходе кампаний на Балканах некоторые конные части, возможно, применяли дротики. После переправы через Геллеспонт, термины «продромой» и «сариссофорой» используются в источниках без всякого разбора, но дротики более не упоминаются, а потому остается предполагать, что Александр перевооружил их более длинными копьями, когда войска экспедиции начали движение по земле Малой Азии. Известно, что «продромой» пользовались шлемами, но на этом, по всей вероятности, комплект их доспехов и исчерпывался. Шлемы могли быть вначале раскрашенными как фригийские, с заменой их потом на бронзовые беотийские. Всадники носили хитоны и плащи, а лошадей своих покрывали чепраками из шкур животных.

Фракийские кавалерийские эскадроны в армии Александра пользовались поддержкой вспомогательных фракийских же отрядов. Пеонийский эскадрон, пересекавший Геллеспонт вместе с войском Александра, представлял собой, судя по всему, подразделение конницы, отправленное патрону одним из македонских клиентов — царем Пеонии. Воинов возглавлял князь из пеонийского царского дома по имени Аристон. Одрисийский кавалерийский отряд, по всей вероятности, таким же образом пожертвовал царь одрисийцев, но командование принадлежало македонянину — Агафону, сыну Тиримма. Одрисийцы присоединились к войскам

Царские «пажи» охотятся на львов. С мозаики в царском дворце в Пелле, датируемой 4-м столетием.

экспедиции как раз вовремя, чтобы принять участие в битве на Гранике. На момент противостояния под Гавгамелами их число, по всей вероятности, достигло двух эскадронов. Пеонийский и одрисийский эскадроны, возможно, снаряжались так же, как и регулярные части «продромой», но они могли и сильно отличаться, поскольку не входили в состав основного македонского войска.

Наемная конница

В ранних походах Александру не хватало легкой кавалерии, а потому для исправления ситуации он велел сколотить формирования конных наемников. Мы читаем о наличии, как минимум, эскадрона из 200 оплачиваемых кавалеристов во времена осады Галикарнаса, но этот отряд остался в Карии как часть армии провинции. При Гавгамелах, как узнаем мы из источников, действовало уже две «бригады» наемных всадников из числа иностранной конницы под началом Андромаха, сына Гиерона, и формирования сражавшейся за плату кавалерии Менида. Как правило, принято идентифицировать последний отряд с 400 греческими наемниками, которые присоединились к прочим участникам экспедиция в Мемфисе и находились под командованием Менонта, сына Гегесандра. «Бригада» иностранной наемной конницы состояла, как можно предполагать, из двух эскадронов. Но мы не знаем, когда их создали — ранее или в то же время, что и командование Менида; возможно, в Сирии.

Похоже, Александр считал эти новые и еще не испытанные формирования чем-то таким, чего не стоит особенно жалеть. При Гавгамелах отряд Андромаха дислоцировался впереди левого крыла, тогда как часть Менида служила как головная на правом фланге. Сражение началось с приказа Александра Мениду атаковать скифские и бактрийские отряды одоспешенной конницы, при численности одного только последнего из этих отрядов противника в 1000 человек. Нет сомнения, наемная кавалерия честно отработала плату в тот день.

Когда в Экбатанах наступил момент увольнения греческих союзников, Александр призвал всех желающих остаться на службе в его армии в качестве наемников, и, как можно предполагать, многие приняли предложение. Количество конных наемников возросло за счет перехода в их число союзнических всадников, и части эти находились под командованием офицеров, прежде служивших в союзническом конном полку. Точные подробности покрыты мраком, но, похоже, как Менид, так и Андромах с их отрядами остались с Парменионом в Мидии, когда Александр устремился в погоню за Дарием. Вскоре, как известно из тех же источников, командование наемной кавалерией перешло к Филиппу, сыну Менелая, который руководил действиями союзнического конного полка на Гранике. Андромах сохранил пост во главе формирования иностранной наемной конницы. Но мы знаем, что Александр взял с собой наемную конницу Эригия, следовательно, в середине 330 г. наличествовало по крайней мере три сравнительно крупных части конных наемников. Годом позднее, во время действий вблизи Самарканда, Александру донесли о том, что оставленный в этом городе гарнизон осажден Спитаменом, тогда, оставив под собственным командованием одну гиппархию, он отправил туда деблокировочное подразделение, включавшее в том числе и 800 человек конных наемников. Вся колонна, измотанная длинным форсированным маршем, пала жертвой устроивших на нее засаду скифских конных лучников.

Неравенство сил в бою между конницей Менида и бактрийцами под Гавгамелами делает очевидным вывод о том, что наемная конница располагала лишь легким снаряжением. Всадники эти, по всей вероятности, бились только копьями и мечами, будучи облаченными в беотийские шлемы, сапоги, хитоны и плащи. Нет ни одного изобразительного памятника, который представлялось бы возможным ассоциировать с такими воинами, но по внешнему виду они были, по всей вероятности, очень схожи с «продромой», отличаясь от последних на поле только флагами.

АЛЕКСАНДР ВСТУПАЕТ В ПЕРСИЮ

МАРШ К ГЕЛЛЕСПОНТУ

Умиротворив Грецию и Фракию, Александр мог наконец повести войско в Персию. В 335 г. под Фивами армия Александра включала в себя 30 000 пехотинцев, но в число это входили не только македонцы, но также союзнические отряды и наемники. Для защиты Греции и предотвращения беспорядков регент Антипатр получил 12 000 пехоты, какая-то часть которой приходилась на гипаспистов. На протяжении похода Александр постоянно требовал присылки подкреплений из Македонии, каковые и получал, что все же не помешало Антипатру сосредоточить армию из 40 000 пехотинцев для подавления выступления Агиса III в 331 г.; вероятно, более половины этого войска состояло из македонских крестьян. В 323 г., когда запылал пожар Ламийской войны и Македония осталась одна без союзников, Антипатр двинулся маршем на юг через Фессалию с 13 000 человек македонской пехоты.

Количество солдат в экспедиционной армии Александра приводится в древних источниках и колеблется между 30 000 и 43 000 пехотинцев и 4000 и 5500 всадников. Диодор Сицилийский дает детальную расшифровку состава экспедиционных войск. Он говорит, что среди пехоты было 12 000 македонцев, 7000 союзнических воинов, 5000 наемников, 7000 человек из числа одрисийцев, трибалов и иллирийцев плюс 1000 стрелков и дротометателей-агриан. Общая цифра в 32 000 пеших воинов по большей части согласуется с выкладками прочих древних историков. Самое большее количество — 43 000 пехотинцев — из современных событиям источника, Анаксимена Лампсакского, легко объяснить, если вспомнить о 10 000 человек авангарда, посланных в Малую Азию в 336 г. и уже находившихся в регионе. При этом расклады, в сущности, сходятся. Что до численности кавалерии, то тут у Диодора подсчеты складываются не столь удачно. Он говорит о 1800 македонцев, 1800 фессалийцев, 600 человек союзнической конницы и 900 фракийских и пеонийских всадников. Как ни странно, при этом он продолжает настаивать на заданной численности кавалерии в 4500 человек, когда фактически, если взять вместе его же собственные данные, получится 5100, что, конечно же, давало и дает немало пищи для споров современным историкам. (В издании цитируемой тут 17-й книги на русском языке количественный вопрос, как видно исходя из каких-то веских соображений, «утраесли», поскольку македонский и фессалийский конные полки составляют по 1500, а не по 1800 человек. — А.К.) Его общее количество в 5100 че-

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
Греческая ваза
с запечатленной на ней сценой
жертвоприношения богам
жрецами.

Геллеспонт между Сестосом (иначе Сест), расположенным на левом (западном) берегу, и Абидосом — на правом (восточном), куда Парменион баржами переправлял македонское войско в Азию.

люк хорошо вписывается в арриановы «более чем» 5000, взятые не с потолка, а из современных событий источников; опять-таки остается Птолемей, который, по свидетельствам Плутарха, называл численность конницы в 5000 человек. Вдобавок ко всему Анаксимен говорит о 5500 конницы. Этот самый высокий порог в оценке численности кавалерии, по всей вероятности, опять-таки включает в себя конницу, уже действовавшую за проливом до переправы всего войска. Посему вполне разумным и наиболее верным будет предположить, что через Геллеспонт македонские полководцы единовременно перевезли около 5000 всадников.

Прежде чем соединиться с войском, которое, вероятно, собралось под Терме, вблизи современных Салоник, Александр устраивал игры и приносил жертвы музам и Зевсу. Затем армия выступила в путь вдоль южного берега Фракии, обходя озеро Керкинит и стремясь к городу Амфиполу, «оседлавшему» реку Стримон. Далее от Амфиполя царь двинулся в обход горы Пангеон, направляясь на восток к основанным греческими поселенцами городам Абдеры и Маронея на северном берегу Эгейского моря. Форсировав реку Гебр, армия проследовала через фракийский регион, занимаемый племенем петиков. У западной точки Херсонеса Александр повел войско через «черную» реку. Через двадцать суток, оставив позади себя после выступления из Македонии около 500 км дорог, войско достигло Сестоса на Фракийском Херсонесе (на полуострове Галлиполи) на западном берегу Геллеспонта — напротив как на ладони лежала Азия, настороженно замершая в преддверии величайшего из событий.

Избранная дорога в Азию — по крайней мере, поначалу — избавляла от необходимости полагаться как на средство поддержки на греческие военно-морские эскадры. Причем в данном конкретном случае — на заре 334 г. — хваленый персидский военный флот не предпринимал никаких попыток воспрепятствовать переходу противника через Геллеспонт.

ПЕРЕПРАВА В АЗИЮ

После прибытия в Сестос Александр оставил Пармениона заниматься общим руководством продвижения войск к Абидосу, расположенному на азиатской земле, всего примерно в километре от европейского берега Геллеспонта. Свалив заботы об обеспечении переправы на помощника, Александр воспользовался возможностью посетить Трою (Илион) — этот визит обладал для него огромным сим-

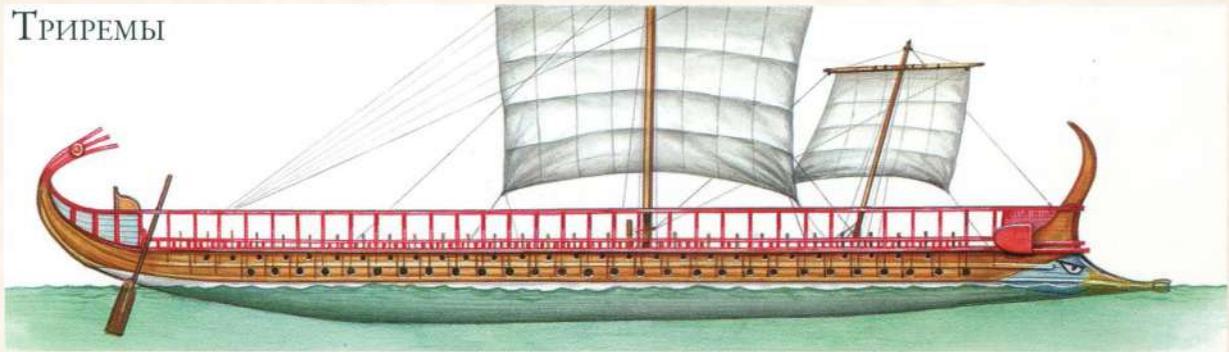
волическим значением. В Элае (иначе Элеунт), расположенном на южной оконечности Херсонеса, он совершил жертвоприношение на гробнице Протесилая, который, как считалось, был первым греческим воином, высадившимся в Азии во время Троянской войны. Держа путь через пролив к «Ахейской бухте», Александр сам правил кормилом и принес в жертву Посейдону и nereидам быка, а также совершил возлияния в Геллеспонт с просьбой к богам благоприятствовать его переправе. Диодор даже говорит, будто при высадке Александр метнул копье в азиатский берег и спрыгнул на берег раньше товарищей в стремлении подчеркнуть, что он-де получает эту землю как дар богов, взятый копьем (букв.: «... заявил, что боги вручают ему завоеванную им Азию»; цит. соч. XVII. 17.2. — А.К.). Жертвоприношения, возлияния и символические акты производились также и в Трое, в том числе взять хотя бы обмен собственных доспехов Александра на те, которые оставались в храме Афины Илионской со времен Троянской войны. Царь посетил гробницы Ахиллеса и прочих героев Гомера, почтил их память и принес жертвы, отдав дань и духу троянца Приама (у Диодора сказано лишь: «он {Александр} выбрал самый прочный щит и с ним бился в первом сражении»...; 18.1. — А.К.).

Столь энергичные религиозные акции и чествование героев древности, безусловно, имели целью заручиться божественной поддержкой накануне трудного и продолжительного военного похода, однако нельзя забывать и о значительном пропагандистском аспекте, которым тоже сознательно пользовался Александр. Как и героические вожди Гомера из эпической поэмы «Илиада», Александр вел «греков» против их давнего и заклятого врага — Азии. Вероятно, наиболее важным

Стены Трои VI, раскопанные на исходе 19-го столетия. Александр совершил паломничество в Трою перед тем, как вновь вернуться к армии под Абидосом.

ТРИРЕМЫ

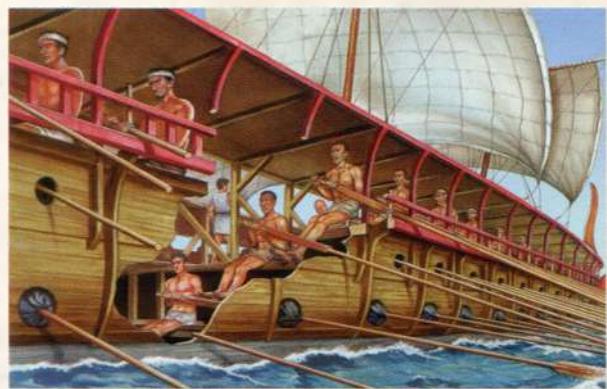

На протяжении классического периода триремы представляли собой в Средиземном море наиболее грозные и сложные по устройству боевые корабли. Они являлись галерами, рассчитанными на передвижение в бою на веслах, хотя оснащались и двумя квадратными парусами для хождения по морю при попутном ветре. Основным оружием служил таран, предназначенный для нанесения как можно большего ущерба корпусу неприятельского корабля на уровне ватерлинии, вместе с тем конструкция тарана не позволяла ему проникать слишком глубоко, поскольку в противном случае у атакующего судна возникли бы сложности с высвобождением оружия — судно попросту не смогло бы отойти от врага после удара.

Помимо тарана существовал и второй способ ведения морского боя — abordаж. Поскольку ни одна трирема до наших дней не сохранилась, многие моменты, относящиеся к их конструкции и способу действия, продолжают оставаться пищей для жарких споров, причем особенно это касается шаблона расположения весел. Длина триремы не превышала 37 м, и глобальным по значимости новшеством, внедренным неизвестным изобретателем, являлось размещение лавок с гребцами на трех уровнях, что давало возможность использовать значительно больше гребцов, чем позволяла сама по себе длина корпуса судна. Иногда в качестве гребцов выступали рабы, но в Афинах ими бывали отлично подготовленные профессионалы, набиравшиеся среди беднейших слоев афинских граждан. В те времена трирема, в плане ее конструкции и устройства, шла в авангарде технического прогресса. Она представляла собой дорогостоящее оружие, требовавшее непростого ухода и ремонта, тогда как командам приходилось платить. Гребцы верхнего уровня получали лучшее жалование, поскольку от них ожидалось больше

опыта и мастерства в связи с необходимостью грести максимально синхронно — наиважнейшая составляющая для успеха триремы.

Полностью укомплектованная командой «быстрая» трирема приводилась в движение 170 гребцами, сидевшими на трех уровнях соответственно по 62, 54 и 54 человека. Кроме того еще с дюжину матросов триремы занимались на ней управлением, парусами и всем прочим. Все они были специалистами своего дела — профессиональными моряками. В состав команды триремы включались также гоплиты и стрелки, выступавшие в роли морских пехотинцев («эпибатай»). Помимо основного значения служить в качестве боевых галер триремы могли использоваться для перевозки воинов и лошадей. При транспортировке последних ускорение судну, способному взять на борт до 30 животных, сообщали только 60 гребцов верхнего уровня. В случае применения галеры как транспорта («стратиоты») для доставки войска количество гребцов и пассажиров-гоплитов могло варьироваться и составлять в сумме до 200 человек. (Питер Булл © Издательский дом «Оспри».)

МЕМНОН РОДОССКИЙ

Мемнон Родосский с его братом Ментором служили персам как командиры наемников в Троеде по крайней мере с 350-х. Ментор взял в жены Барсину, сестру Артабаза, сатрапа Нижней Фригии, который в свою очередь женился на одной из сестер родосцев. Когда Артабаз потерпел поражение в ходе восстания, поднятого им против Артаксеркса III в 353/352 гг., братьям пришлось отправиться в изгнание в Пеллу в Македонии. Однако качества их как военных командиров заслуживали проявления мягкости и снисхождения со стороны властей, а потому в 343 г. великий царь простил Ментора, после чего тот подчинил отпавшую от персов провинцию Египет, отколовшуюся от империи и продолжавшую оставаться автономной на протяжении добрых 60 лет. Благодаря успехам Ментора корона позволила вернуться также Мемнону и Артабазу. После смерти Ментора в 340 г. Мемнон унаследовал его земли и военные полномочия и даже женился на вдове брата.

Мемнон и получил в 336 г. задание остановить авангард во главе с Парменионом, причем действовал до-

вольно успешно, вынудив македонские силы вторжения откатиться в Троаду и в регион вблизи Геллеспонта. Как бы там ни было, в 335 г. Мемнону не удалось достигнуть цели и выбросить вражеский авангард из Азии. На военном совете в Зелее предложенная Мемноном стратегия выжженной земли одобрения не получила. Мемнон принимал деятельное участие в битве на Гранике, но, в отличие от греческих наемников, предпочел бежать с поля и спастся. Несмотря на поражение на Гранике, Мемнона ждало назначение на пост главнокомандующего войсками в западных районах Малой Азии, и в 334 г. он организовал оборону, лично руководя сопротивлением врагу во время осады Галикарнаса. Мемнон собрал крупный флот и действовал в Эгейском море, захватывая острова и города и создавая угрозу в тылу Александра. В ходе осады Митилены в 333 г. Мемнон серьезно заболел и уже не поправился. С исчезновением способного командира во вражеском стане Александр получил возможность продолжить поход, не опасаясь всерьез за линии коммуникаций и тылы.

эффектом этих действий стали не жертвы, а перенос на экспедицию Александра символического значения деяний героев Гомера — в Азии высадился не Александр, а буквально сам новый Ахиллес.

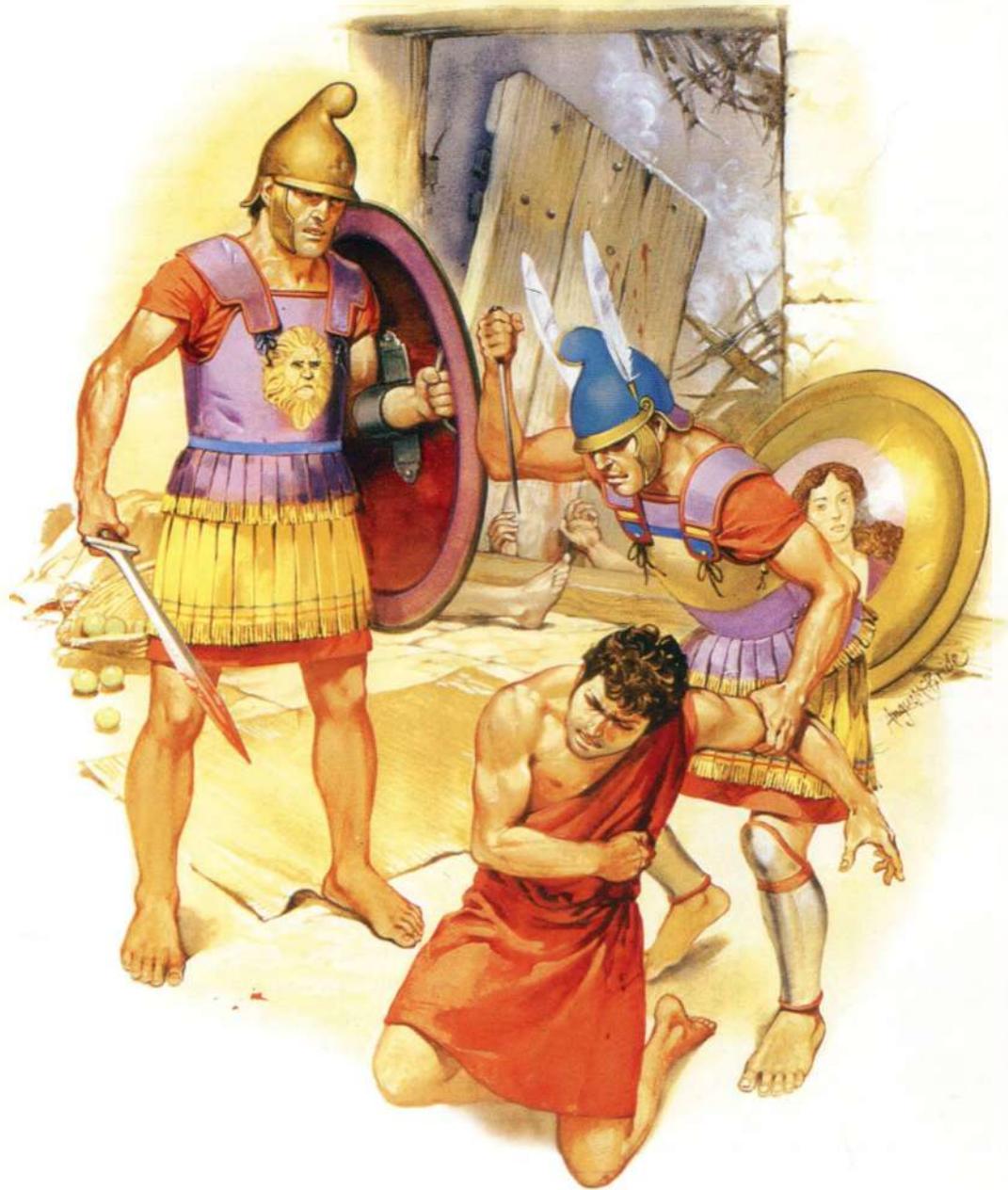
Тем временем Парменион занимался перевозкой основного войска через Геллеспонт при посредстве 160 трирем и множества грузовых кораблей и барж. Тот факт, что ему вполне удалось справиться с заданием, и количество судов, задействованных в операции, говорят о наличии у Александра возможностей собрать довольно крупное морское соединение для прикрытия переправы на случай нападения персов с моря.

ПЛАНЫ ПЕРСОВ

Решение персов не противодействовать высадке Александра в Азии на самом деле, вероятно, не так уж удивительно, как кажется на первый взгляд. Недавно занявший трон царь Дарий очутился перед лицом более важных проблем вроде вполне возможных мятежей сатрапов, беспорядков в северной провинции Кадусия и необходимости подавлять восстание в Египте. В сравнении со всем этим на тот момент Александр мог выглядеть как нечто второстепенное: греческие дела обычно улаживались дипломатическим путем, преимущественно за счет взяток и подкупов, а противодействие вторжениям эллинов становилось традиционно обязанностями западных сатрапов и войск из греческих же наемников. Персы могли

Солдат и офицер из пеших «товарищей» добивают служившего персам греческого наемника. (Энгус МакБрайд © Издательский дом «Оспри».)

также считать, что, коль скоро в Троеде уже существует македонский плацдарм, созданный еще авангардом Пармениона, морские эскадры не смогут успешно предотвратить переправу Александра, а потому лучше встретить его на суше и разгромить в решительном сражении в Малой Азии. С точки зрения персидского руководства, прочность положения монархии и военная обстановка на западе Малой Азии значительным образом улучшились по сравнению с началом 330-х, когда там творился самый настоящий хаос. Словом, Александр не казался поводом для

ЦАРЬ ДАРИЙ III

Дарий III (около 380–330 гг.) стал последним государем Персидской империи из династии Ахеменидов. К моменту высадки Александра в Азии Дарий III царствовал очень недолго (примерно столько же, сколько и его враг), к тому же взошел на трон в результате потрясений, пережитых высшими властными структурами империи Ахеменидов. Безжалостный Артаксеркс III Ох возвысил внука по имени Багой, превратив его в чрезвычайно могущественного вельможу при дворе и в армии. В 338 г. Багой уничтожил сначала самого Артаксеркса, а следом за ним и его сыновей. Затем престол перешел к некоему Арташате, дальнему родичу царской династии, называемому греческими историками Кодоманом, который и принял династическое имя Дарий (III). В отличие от сыновей Артаксеркса Дарий

был зрелым человеком, уже за сорок, опытным и бывалым воином — так, он одолел в поединке один на один бойца из Кадусии. Прекрасно понимая, что собой представляет Багой, Дарий заставил его принять яд, приготовленный внуком для самого царя. Дарий оказался перед необходимостью отражать македонское вторжение сразу по возвращении из похода, предпринятого с целью подавления очередного восстания в Египте. Потерпев поражение сначала под Иссом, а потом под Гавгамелами, Дарий бежал в Экбатаны собирать новое войско, но в 330 г. был низложен собственным сатрапом, Бессом, и убит по решению заговорщиков. Александр устроил Дарию пышное погребение и в итоге женился на его дочери незадолго до собственной смерти в 324 г.

излишнего беспокойства. Дарий был прекрасно осведомлен о начале вторжения и дал старт подготовке к противодействию неприятелю, хотя пока что не располагал возможностями или не считал нужным лично возглавить войска на западе. Непосредственную задачу отражения натиска македонцев царь возложил на персидских сатрапов в западных областях Малой Азии, ибо тамошние наместники, в силу их положения, лучше подходили для пресечения действий Александра.

НА МАРШЕ

В армии Александра, когда та шла походным порядком, наименьшее подразделение представляла собой пехотная «декада» — солдаты ее передвигались, воевали и жили сообща. Каждой из пехотных «декад» придавался один слуга для забот о тяжелой поклаже солдат, которую несло вьючное животное — обычно мул или осел. На более позднем этапе кампании, в Египте и впоследствии, войска все чаще и чаще прибегали к использованию в такой роли верблюдов, поскольку те обладали большей грузоподъемностью и вообще лучше подходили для походной жизни в Азии. Помощники, или «этактой», считались внештатными членами частей, поскольку не воевали в строю, а лишь исполняли вспомогательные функции. Самыми громоздкими предметами являлись палатки. Нельзя со всей уверенностью сделать вывод о количестве людей, занимавших одну палатку, хотя из описаний устройства лагеря можно предположить, что воины «декады» спали по двое в восьми палатках, поставленных по четыре в два ряда у одного костра. Палатку носили в водозащитном кожаном мешке, служившем как полог для установленной палатки. Во время переправ через реки мешки сшивались вместе и набивались мякиной или сеном, превращаясь в плоты. Как правило, на таких плотках перевозили животных, тогда как люди плыли, держась за надутые бурдюки. В походе бурдюки вместе с железными колышками для палаток и натяжными канатами, как правило, перево-

МАКЕДОНСКОЕ СНАРЯЖЕНИЕ

1. Фригийский шлем с плюмажами по бокам и с гребнем.

2. Фракийский шлем с нащечниками и маленьким гребнем.

3. Железный «вергинский» шлем. Похож на фригийский шлем, только структура не переходит плавно в округлый гребень. «Вергинский» гребень уже и резче выступает сверху.

4. Бронзовый форакс с петлями и креплениями по бокам. Когда доспехи надевались на торс воина, петли фиксировались втулками, или пальцами, а с другой стороны детали связывались шнурками. Такая кираса весила 11–14 кг.

5. Бронзовый «гемифоракцион», или половинный форакс.

6. Железный панцирь.

7. Два меча: короткий и прямой ксиф и копис — более длинный и кривой рубящий меч с защищающими кисти элементами рукояти.

8. Линофоракс с двумя рядами подвижных «крылышек» (птеруг); их конструкция обеспечивала определенную степень защиты, не сковывая при этом движения воина. (Энгус МакБрайд © Издательский дом «Оспри».)

зились вьючными животными. В распоряжении «декады» находилась также ручная мельница и, как можно предполагать, столовая утварь и тому подобные предметы, а также строительные инструменты.

Воины кавалерии обычно берегли лошадей в походе и сами шли пешком, как поступали на протяжении всей истории в античности, кони же оставались разнужданными, если только не ожидалось скорое вступление в бой. Делалось так по причине нежелательности оставлять жесткий и способный причинять боль животному мундштук удил во рту лошади дольше, чем действительно требовалось.

Пехотинцы шагали при оружии и в доспехах, хотя шлемы снимали, заменяя их «кавсиями», или шляпами с покатыми полями. Все необходимые предметы, включая постельную скатку, чашу для питья и прочее, солдат также нес самостоятельно, как и продовольственный паек, дабы всегда иметь возможность приготовить пищу, если обоз отстанет на быстром марше. Готовка представляла собой длительный и непростой процесс, поскольку высекать огонь с помощью огнива — ударами кремня о железо — начали только в Средние века, в Античности же обычной практикой греческих военных было несение огня с собой в керамических горшках. Прочие личные вещи отправлялись в обоз, где везлись на телегах, как и добыча. Больных и раненых тоже обычно помещали на повозки, возможно, на специальные санитарные. Обоз складывался из таких телег, а также из транспортировочных средств, предназначенных для осадных машин; с ним передвигались члены семей солдат и маркитанты, тащившиеся за любой армией позади под охраной арьергарда. Поскольку паек централизованно обычно не выдавался, каждому воину приходилось заботиться о приобретении съестного у торговцев, также следовавших за войском. Многие простые македонцы влезали в долги в результате сложных взаимоотношений, складывавшихся между ними и такими купцами, предлагавшими не только хлеб засушенный, но и развлечения — проституток и игры. К реквизициям прибегали лишь в самых крайних случаях. Перед тем как подходил момент для армии приступить к продвижению через опустошенные или пустынные районы, где обычная система не срабатывала, продовольствие собиралось и хранилось в обозе как стратегический запас командования. Войсковой обоз постоянно увеличивался по мере продвижения армии через Азию и поступления добычи, включая рабов, рабынь и наложниц, что вело в итоге к появлению большого количества незаконнорожденных детей и, как следствие, к дальнейшему росту «хвоста» армии. В Сузах, где завершился поход, Александр придал законность отношениям 10 000 ветеранов с их женщинами. Лагерные попутчики особенно сильно страдали во время длительных переходов, и среди тех, кому пришлось преодолеть пустыню Гедрозия в 325 г., был высокий процент смертности. В таких ситуациях вьючные животные служили экстренными источниками питания, хотя пускать их под нож означало лишиться перевозочного средства для багажа, далеко не все из которого можно было бросить без последствий.

Находясь в походе на территории Персидской империи, солдаты пользовались определенными благами, предоставляемыми им развитой цивилизацией. Инфраструктура царства, особенно система дорог, значительно облегчала передвижение и упрощала задачу поддержания в рабочем состоянии средств коммуникаций, что вполне удавалось командованию македонского войска и вследствие чего оно получало постоянный приток пополнений и снабжения. Посему отдельные личности

НАКАЗАНИЯ

Дисциплина, сковывавшая македонских фалангитов, безусловно, отличалась куда большей жесткостью, чем в «демократических» армиях, где у граждан-солдат имелись законные способы противодействия требованиям к дисциплине выборных командиров. В Македонии власть принадлежала царю. Он сам принимал решения в отношении правильности или неправильности поведения его офицеров и наказывал их в соответствии со своим разумением, точно такие же, если не более суровые правила действовали в отношении простых воинов. Источники доносят до нас мало сведений в отношении взысканий, налагаемых за малые провинности, хотя бичевание служило, похоже, обычной формой телесного наказания. Нарушение правил ношения снаряжения могло повлечь штраф. В греческих армиях солдат, признанных виновными в неподчинении, заставляли стоять по стойке смирно в полных доспехах на протяжении довольно продолжительного периода, и такой же способ вразумления, судя по всему, бывал у македонцев. Иных могли перевести в специальные штрафные части, называвшиеся «атактой», где к воинам предъявлялись

повышенные требования, а надзор за поведением бывал особенно бдительным.

Существовали законы, направленные на защиту права собственности, в том числе и на находящихся при войске женщин. Хотя изнасилования являлись совершенно обычным делом, когда шло разграбление и уничтожение неприятельского города или лагеря, женщины, взятые как часть добычи, или те из лагерных попутчиц, что становились фактически женами солдат, рассматривались как их личная собственность. Плутарх упоминает о суде над двумя мужчинами, подозреваемыми в соблазнении чужих жен. Александр повелел казнить этих двух в случае признания их виновными.

За крупные правонарушения полагалась смерть — приговоренного забрасывали камнями или дротиками. Если же речь шла о бунтовщиках и мятежниках, их участь могла оказаться еще более тяжелой. Зачинщиков беспорядков в Опиде в 324 г., судя по всему, бросали закованными в цепи в Тигр. Воинов, восставших против командиров после смерти Александра, подвергали особо жестоким казням: около 300 человек были затоптаны слонами.

обретали возможность получать и посылать письма, хотя время нахождения корреспонденции в пути могло оказаться довольно значительным.

Иногда для воинов наступали периоды отдыха и расслабления, случалось, в расположении армии появлялись бродячие театральные труппы. Устраивались атлетические соревнования и состязания поэтов. Вельможи, по всей вероятности, позволяли себе поохотиться на экзотических животных (как показано на саркофаге Александра) подобно тому, как они охотились в Македонии.

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА

Слева изображен легкий конник из «продромой» начала 330-х. В центре одетый по-лагерному пехотинец. Вокруг руки его обернут легкий военный плащ, или эфаттис, которым пользовались специально для отражения неприятельских ударов как импровизированным щитом. Справа один из пеших «товарищей» в охотничьем облачении; он либо офицер, либо старший солдат. (Энгус МакБрайд © Издательский дом «Оспри».)

Et commence le .viii. au contient .xxiii. chapitres . Ou pre-
 mier il fait mencion d'une remoustrance que fist Alexandre a
 ses gens . Des bestes inscitees . Et d'auaines cites a luy ren-
 duee premier chapitre .

Alexandre ioueur
 de tant memora-
 ble victoire par
 laquelle il pen-
 soit auoir ouuer-
 ture aux fines de tout orient
 Il fist sacrifier au soleil Et
 adfin que ses gens darmer-

entreprenussent le surplus
 de prompt courage il les-
 loa deuant l'assemblee en
 leur moustrant que toute la
 puissance des Indiens estoit
 renuersee par celle bataille
 Le surplus nestoit que riche
 proie et que les plus riches

БИТВА НА РЕКЕ ГРАНИК

ПУТЬ К РЕКЕ ГРАНИК

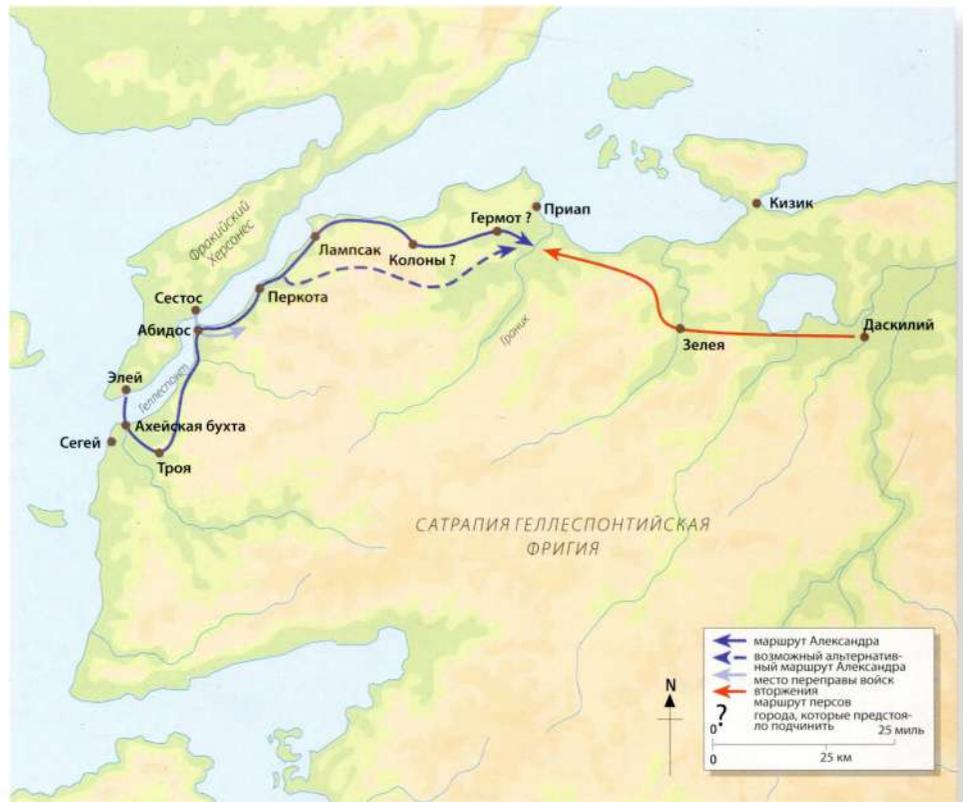
Вместо продвижения в южном направлении к греческим городам на побережье западной Малой Азии, где в основном и вел боевые действия авангардный корпус на протяжении двух последних лет, Александр устремился на восток в обход горы Ида к Даскилию — столице персидской сатрапии Геллеспонтийская Фригия. Он либо руководствовался собранными данными разведки, либо (оправданно) предполагал, что сатрапы станут собирать войска для противодействия ему именно в данном регионе. В древних источниках упоминается о наличии у завоевателя продовольствия лишь на 30 суток и об оставшихся в казне жалких 70 талантах при том, что долги его уже составляли 200 талантов (Плутарх, «Александр», 15.1). Если бы ему удалось вступить в бой и сокрушить полевое войско, сколоченное против него местными губернаторами, он получил бы в распоряжение ресурсы региона и обеспечил бы линии коммуникаций с Македонией, что позволило бы беспрепятственно получать оттуда все необходимое.

Перед выступлением Александр принял решение не брать с собой 7000 человек греческой союзнической пехоты и 5000 наемников, которые высадились вместе с прочими силами вторжения. Вероятно, он сомневался в верности греческих союзников после мятежа Фив всего годом ранее. По всей вероятности, он предполагал, что, коль скоро ему придется иметь дело преимущественно со все теми же греческими наемниками, ибо значительная часть собственно персидской пехоты находилась пока еще где-то в глубине империи, следует попридержаться греков. Нельзя было проверять степень надежности собранных со всей Греции воинов в первом же боевом соприкосновении с врагом. Более того, большие формирования союзнической и наемной пехоты, несомненно, только способствовали бы быстрому растрачиванию ограниченных запасов всего необходимого. К тому же ему приходилось заботиться о положении плацдарма и об обеспечении гарнизонами укреплений по Геллеспону и дальше от берега в Троеде, тогда как присоединиться к македонской армии оставленные в тылу греки могли и позднее, когда она вернется из похода на восток.

Помимо всех приведенных выше соображений Александру приходилось двигаться очень быстро, дабы покрыть примерно 100 км между Арисбой и Граником за трое суток. При таких скоростях он должен был довольствоваться лишь македонскими пехотинцами — шестью «бригадами», или «полками» («таксиями»), вооруженных сариссами воинов фаланги — и гипаспистами. Все они признанно считались проверенными в боях ветеранами и бывалыми воинами. Хотя числен-

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
Александр Великий обращается
к солдатам. Средневековая
миниатюра.

ПУТЬ ОТ ТРОИ К ГРАНИКУ

ность этих формирований давала ему в сумме только 12 000 человек, Александр мог целиком и полностью полагаться на солдат и не сомневался в их превосходстве над любой пехотой, которую выставят против него враги, поскольку в пешем строю самыми лучшими в неприятельском стане были хорошо знакомые греческие гоплиты-наемники. С другой стороны, Александр представлял военные возможности персов и знал, что основная их сила заключается в кавалерии, а потому постарался захватить с собой всю имевшуюся в его распоряжении конницу. Ядро ударных сил армии — 1800 человек «товарищеской» и 1800 фессалийской кавалерии — дополняли тяжелые конные части греческих союзников, насчитывавшие 600 воинов с меньшим потенциалом, по крайней мере в плане благонадежности. Плюс к тому он имел 900 легких всадников — «продромой», фракийцев и леонийцев. Принимая во внимание их полезность, оставить в тылу эти отряды он просто не мог.

Выступив с Арисбийской равнины, Александр достиг Перкоты и на следующий день прибыл к городу Лампсаку. Окончив дневной марш, армия разбила лагерь около реки Практик (или Практия), которую можно отождествлять с рекой Пес, впадающей в Пропонтиду (Мраморное море) в северной оконечности Геллеспонта. На следующий день войско продолжило путь к Колонам и, вероятно, в середине дня достигло городка Гермот. Точный путь от Лампсака к Гранику установить довольно затруднительно. К сожалению, Колоны и Гермот, единственные два населенных пункта, упомянутые на маршруте Александра между Лампсаком

и рекой Граник, невозможно с чем-то сопоставить. Если не задавались какие-то особые цели, древние армии обычно следовали прибрежными дорогами, и, коль скоро Александр прошел выбранным путем за трое или чуть больше суток, он, судя по всему, избегал труднопроходимых троп горного региона с севера Иды.

В какой-то момент после достижения войском Гермота Александр отрядил формирование под командованием одного из членов «товарищеской» кавалерии, Панегора, сына Ликагора, на захват прибрежного городка Приапа, занимавшего участок местности примерно в трех километрах от места впадения Граника в Пропонтиду. Достигнув Гермота, Александр очутился уже совсем недалеко к западу от реки Граник и с высоты горы имел возможность пусть и издалека осмотреть прилегающую к реке территорию.

Он отправил отряды на разведку. Александр поставил всех дозорных под общее руководство Аминты, сына Аррабея. С ним шел эскадрон «товарищеской» конницы, набранной в Аполлонии (в Халкидике), командовал им Сократ, сын Сафона, и оба этих офицера играли заметную роль на начальной стадии битвы. Вдобавок к этим дозорным впереди армии на разведку выехали четыре эскадрона «продромой».

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ПЕРСОВ

В начале мая местные сатрапы собрались в регионе Даскилия. К Арситу, сатрапу Геллеспонтийской Фригии, т.е. территории, по которой следовал Александр, присоединились управители прочих анатолийских провинций. Арсам из Киликии, земли к северу от Кипра в юго-восточной части полуострова, Атизий, сатрап «Великой» Фригии в глубине Анатолии, Мифробузан, сатрап Южной Каппадокии, Спифридат, сатрап Лидии и Ионии, и его брат Ресак — все они привели войска, сосредоточив их на плодородной равнине вокруг Даскилия, приблизительно в 80 км восточнее Граника. Туда же подтянулись и другие персидские вельможи, некоторые из которых приходились родичами Дарию, и командир греческих наемников Мемнон Родосский, недавно пожалованный Дарием именными в Троаде.

Предметом озабоченности служило продвижение Александра в восточном направлении, хотя, вероятно, и не только это. Тут важно помнить, что в начале 334 г. качества Александра как полководца еще по большей части не были известны противнику. Персы, конечно, располагали какими-то данными разведки, они слышали о его успехах, особенно с момента вступления на престол, однако никто из них не сталкивался с молодым македонским царем в бою. Дарий III не чувствовал необходимости спешить ему навстречу. Находясь почти в 2000 км от западных границ, в сердце империи, он, судя по всему, считал местных командующих достаточно компетентными для предотвращения македонской угрозы.

Войска, находившиеся в распоряжении у сатрапов, набирались на местах. Для обеспечения тяжелой пехотой наниматели привлекли 5000 греческих воинов, как обычно и поступали персидские сатрапы Малой Азии, когда им требовались пехотинцы. Современные историки часто включают в число участников сражения персидскую, или туземную, азиатскую пехоту, что может отражать попытку как-то оправдать данные по пехоте у персов в источниках, которая, по Диодору, насчитывала запредельные и совершенно невероятные 100 000 человек. Как бы там ни

Небольшие возвышенности высотой около 100 м расположены примерно в 4 км восточнее реки. Дальше от них в этом направлении пролегает куда более высокий горный хребт.

было, нет никакой нужды искать объяснений для заведомо завышенного количества «персидской» пехоты. Куда проще и ответственнее предположить, что в войске сатрапов присутствовало попросту довольно мало пехоты — собственно, только те же греческие наемники.

Кавалерия традиционно являлась наиболее сильным родом войск в любом персидском войске, и нет ничего невероятного в том, что сатрапы сумели собрать больше 10 000 всадников. Диодор Сицилийский, служащий единственным источником по персидскому боевому расписанию в данном сражении, говорит о приведенной с собой Арсамом из Киликии коннице и о наличии под командованием Мемнона также своей кавалерии, как можно предполагать, набранной с его имений в Троаде. В боевых порядках Арсит возглавлял конницу из Пафлагонии — региона на южном берегу Черного моря. Кавалерия из Мидии, Бактрии и Гиркании также числится в перечне, что может показаться подозрительным, поскольку эти провинции располагались в центральных и восточных районах персидского царства. Как бы там ни было, не надо думать, что их перебросили в регион специально для противодействия Александру. Скорее их тоже набирали на месте из числа поселенцев из тех отдаленных мест, и воины эти давно уже осели в Малой Азии на условиях несения военной службы в армии царя царей в данном ареале.

Наличие плодородной равнины вокруг Даскилия гарантировало обеспечение западноперсидской полевой армии всем необходимым для ее существования. Вдобавок городок стоял на скрещении стратегически важных дорог в регионе. Путь на юг приводил к столице Лидии, Сардам, и давал также доступ к большим и процветающим городам западного анатолийского взморья, как те же Эфес и Милет. Фактически же Сарды представляли собой «терминал» на западной оконечности знаменитого персидского Царского пути — дороги, которая пролегла в восточном направлении к столице, Сузам. К северу от Даскилия находился прибреж-

ный город Кизик, остававшийся автономным и поддерживавший македонцев. Поскольку во внутренних районах региона Троады господствует горный массив Ида, дороги в восточном направлении от Геллеспонта забирают на северо-восток и спускаются на Адрастейскую равнину, через которую и протекает река Граник. Коль скоро Александр приближался именно с этой стороны, персидское войско и его командующие выступили из Даскилия к городку Зелее (Зела) приблизительно в 30 км восточнее Граника.

Военный совет в Зелее

Как можно предполагать, персидские силы достигли Зелее ближе к концу мая и, по всей вероятности, находились там, когда командующим доложили о переправе Александра в Азию. В хрониках Арриана и Диодора Сицилийского содержится упоминание о военном совете, состоявшемся между персидскими сатрапами при участии Мемнона совсем незадолго до битвы, вероятно, буквально накануне сражения. Мемнон сразу указал на то, что наилучшим образом действий стал бы отказ от вступления в бой с Александром немедленно, поскольку македонцы пользовались «большим превосходством» в пехоте и их возглавлял их собственный верховный главнокомандующий, тогда как Дарий находился далеко от персидского войска. Как предлагал Мемнон, самым разумным для персов стало бы отступление с последовательным уничтожением всего фуража в оставляемой местности, преданием огню урожая и даже разрушением селений и городов региона. Такая политика выжженной земли лишила бы Александра жизненно важного для него продовольственного снабжения. Возникает соблазн предположить, что у Мемнона, вероятно, имелись данные разведки о наличии у армии Александра провизии всего лишь на месяц, как утверждает тот же Плутарх («Александр», 15.1). Диодор говорит также, будто вместо немедленного столкновения с противником в Азии Мемнон выступал за отправку сухопутных и морских сил в континентальную Европу и открытие некоего второго фронта для отвлечения сил Александра. Сомнительно, чтобы столь грандиозный план действительно выдвигался накануне битвы при Гранике, хотя, вполне возможно, подобные соображения обсуждались и рассматривались куда более серьезно на протяжении 334–333 гг., до тех пор пока Мемнон, как раз один из тех людей, который смог бы возглавить подобную экспедицию, не умер от болезни.

Предложение Мемнона, однако, подразумевало значительные жертвы со стороны сатрапов, которым пришлось бы фактически сдавать без боя собственные территории, дабы действовать в более широких стратегических интересах. Арсит, губернатор Геллеспонтийской Фригии, провинцией которого пришлось бы во исполнение политики Мемнона пожертвовать первой, отверг такую возможность наотрез. Обязанность сатрапа состояла в защите земель, власть в которых вручил ему царь царей, и попросту уничтожать материальные ресурсы сатрапии, отдав ее противнику даже без боя, означало нарушить обязательства персидского вельможи. Более того, как утверждает Диодор, совет Мемнона выглядел неприемлемым для персидских нобилей, по всей вероятности, еще и потому, что подобное поведение в их глазах представлялось недостойным.

Все прочие сатрапы согласились с Арситом, и предложение Мемнона дружно отвергли. Более того, затея Мемнона, как можно предполагать, в глазах остальных

выглядела до такой степени отвратительной, что они, вероятно, даже стали сомневаться в его истинных мотивах. Не исключено вообще весьма ревнивое отношение сатрапов к Мемнону из-за занимаемого им положения, причем иные ученые предполагают, что Арсит как губернатор Геллеспонтийской Фригии имел особенные причины не доверять греку, поскольку тот фактически владел землями на территории сатрапии Арсита. Как могли местные сатрапы, несмотря на верную службу Мемнона персидской короне в прошлом, послушаться греческого наемника и поступить вразрез с собственными интересами? С другой стороны, тот человек, рассказ которого о происходившем на совете послужил основой для соответствующих высказываний в трудах античных историков, мог намеренно домысливать ситуацию и выделять грека Мемнона и его мнение, показывая грека военачальником более мудрым и дальновидным, чем его персидские коллеги.

Хотя не раз и не два звучали утверждения о том, что-де Дарий уже на раннем этапе предпринимал действия, направленные против македонского вторжения, сам факт военного совета в Зелее косвенно показывает отсутствие у местных сатрапов четких указаний царя царей. Природа военного совета вызывает довольно любопытный вопрос о структуре персидского командования в битве при Гранике. Немало говорилось о коллегиальности в руководстве боевыми действиями у персов как о причине их поражения. Как бы там ни было, похоже на то, что положение, схожее с главнокомандующим, занимал все-таки Арсит. Ведь на его территории персам предстояло впервые столкнуться с Александром, Арсит же первый взял слово, дабы от имени всех сатрапов отвергнуть предложение Мемнона. И еще — что, вероятно, способно сказать нам еще больше — он, уцелев в сражении, позднее покончил с собой, а это может служить косвенным указанием на особую ответственность и на самом деле большую степень вины его по сравнению с прочими коллегами из персидского нобилитета, оставшимися в живых после Граника.

ПРЕЛЮДИЯ БИТВЫ

Приближаясь к реке, Александр вел войско «двойной» (*диплон*) фалангой, при этом фланги и фронт пехотинцев прикрывались формированиями конницы и заслоном из легкой пехоты и дозорных отрядов, ведущих разведку. Когда дозорные донесли о действиях персов, начавших разворачивать войска на берегу реки, Александр без особого труда быстро перестроил войско в боевые порядки. Учитывая расположение в центре фаланги глубиной в восемь человек, мы можем предположить, что македонское войско вытянулось в линию длиной приблизительно в 4 км от места втекания притока, где на правом фланге стоял Александр и его «товарищеская» кавалерия, далее в северном направлении туда, где на левом дислоцировалась конница под началом Пармениона.

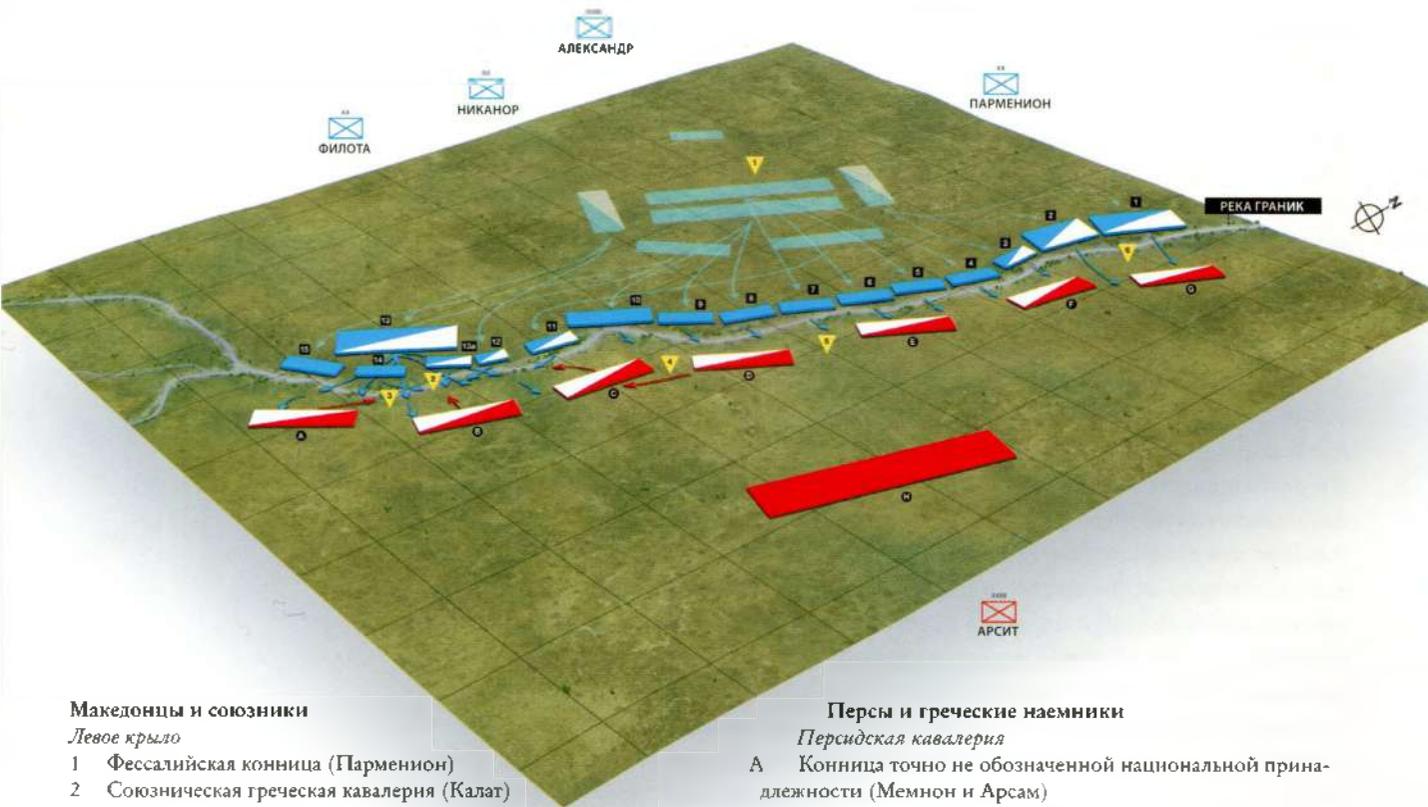
Диодор Сицилийский дает набросок персидского боевого расписания. Как это ни удивительно, Мемнон, оказывается, не командовал греческими наемниками, выстроенными позади фронта, полностью занимаемого персидской кавалерией. Численность отдельных контингентов дается разная — от 1000 до 2000 человек, — а всего конница у персов насчитывала, по всей вероятности, свыше 10 000 человек, иными словами, если брать приблизительно, вдвое больше, чем у Александра. Однако число греческих наемников-пехотинцев составляло около 5000 человек —

значительно меньше по сравнению с 12 000 воинов македонской фаланги. Решение имперского командования дислоцировать кавалерию на реке или вблизи нее, оставив пехоту позади, немало критиковалось учеными как серьезный тактический просчет, но подобная практика не являлась чем-то совершенно необычным для персов, тот же Ксенофонт упоминает о ее применении в «Анабазисе». Следовательно, и при Гранике, учитывая недостаток и очевидную слабость пехоты по сравнению с противником, персы мало что выиграли бы, если бы поставили имевшихся у них греческих наемников прямо против македонской фаланги, поскольку последние никак не смогли бы построиться в линию равной протяженности с македонской без того, чтобы сделать свой строй безнадежно тонким.

После того как обе армии построились, если верить Арриану, между командованием македонцев состоялся обмен мнениями, и Парменион посоветовал отложить сражение до следующего утра, причем предложение своего заместителя Александр решительно отменил. Сам главный источник этой версии, вероятно, был известен только Диодору Сицилийскому, поскольку, как он пишет, получается, что Александр все же последовал совету Пармениона: встал лагерем вечером, форсировал реку на рассвете и развернул войска прежде, чем персы успели остановить его. Две плохо стыкующихся между собой точки зрения по данному поводу — взгляды Диодора и Арриана — вызвали в последующие времена немало волнений в рядах историков при их попытках реконструировать ход событий. Плутарх держался мнения, что Александр перешел в наступление немедленно, бросился вперед в нетерпении, несмотря на опасения и сдержанность командиров, — мнение, вполне согласующееся с описанием происходящего по Арриану. Вряд ли Александр стал бы откладывать атаку, если уж ему удалось навязать персам бой. Вдобавок к этому представляется еще более невероятным, что и персы, видя все преимущества в плане надежности позиции, которые предоставляла им река Граник, позволили бы застать себя врасплох, как и получилось бы, если бы вся армия Александра беспрепятственно форсировала водный барьер и развернулась для битвы на следующее утро. Посему, как представляется, рассказ Диодора грешит в данном разрезе непоследовательностью, а потому ему верить не стоит.

Когда обе армии лихорадочно строились на противоположных берегах реки, враги, несомненно, знали, где находится Александр, по его внешнему виду и окружению. Его шлем с двумя большими белыми перьями неопровержимо указывал на владельца персам на другой стороне и, конечно, Мемнону, Арсаму и Арситу, находившимся как раз напротив. Многие сатрапы видели его не только перед боем, но и во время него, поскольку в ходе сражения Александр появлялся поблизости от них. Фактически, как следует из дислокации, в особенности Мемнона и Арсита, можно заключить, что уничтожение самого Александра являлось для персов главной тактической задачей. Нанесение удара по главе войска противника было типичным для персов приемом, а в данном случае он представляется особенно разумным. В битве при Кунаксе в 401 г. Кир приказал командиру греческих наемников Клеарху атаковать самого персидского царя царей в надежде, что, повергнув Артаксеркса, греки принесут ему победу. Возможно, дислоцировав кавалерию впереди их наемников-пехотинцев вразрез с принятой практикой, сатрапы надеялись как можно скорее добраться до самого Александра, твердо веря в то, что смерть молодого македонского царя позволит им покончить с угрозой в зародыше.

БОЙ КАВАЛЕРИИ НА ГРАНИКЕ

Македонцы и союзники

Левое крыло

- 1 Фессалийская конница (Парменион)
- 2 Союзническая греческая кавалерия (Калат)
- 3 Фракийско-одрийская конница (Агафон)

Центр

- 4 Пешая «товарищеская» «таксия» (Мелеагр)
- 5 Пешая «товарищеская» «таксия» (Филипп)
- 6 Пешая «товарищеская» «таксия» (Аминта)
- 7 Пешая «товарищеская» «таксия» (Кратер)
- 8 Пешая «товарищеская» «таксия» (Кен)
- 9 Пешая «товарищеская» «таксия» (Пердикка)
- 10 Гипасписты (Никанор)

Правое крыло (Александр)

- 11 «Продромой» (командир неизвестен)
- 12 Пеонийская кавалерия (командир неизвестен)
- 13а Ила «товарищеской» конницы Сократа (Сократ)
- 13 «Товарищеская» конница (Филота)
- 14 Агрианские метатели дротиков (Аминта выступал как общий командир «авангарда» из «продромой», пеонийской конницы, или Сократа и, по всей вероятности, агриан)
- 15 Критские стрелки (командир неизвестен)

Персы и греческие наемники

Персидская кавалерия

- А Конница точно не обозначенной национальной принадлежности (Мемнон и Арсам)
- В Пафлагонская кавалерия (Арсит)
- С Гирканская кавалерия (Спифридат)
- Д Конница точно не обозначенной национальной принадлежности (Мифридат и Ресак)
- Е Бактрийская кавалерия (командир неизвестен)
- Ф Конница точно не обозначенной национальной принадлежности (Реомифр)
- Г Мидийская конница (командир неизвестен)
- Н Греческие наемники (Омар)

События

1. Войско Александра подходит к реке маршевым порядком с обозом в тылу.
2. Первая атака через реку осуществляется силами илы Сократа, «продромой», пеонийской конницей и «отрядом» пехоты.
3. Александр и части «товарищеской» конницы вступают в бой с персидской кавалерией в воде. Выбравшись на правый берег, македонцы вместе с Александром атакуют персидскую конницу на равнине далее от берега Граника.
4. Мифридат и прочие сатрапы пытаются возглавить контратаку с целью остановить македонскую конницу. Мифридат погибает в бою.
5. Фаланга начинает выдвигаться через реку.
6. Парменион и кавалерия левого крыла переходят в наступление через реку.

ПЕРВАЯ АТАКА

Выстроенные и готовые для битвы воины в обеих армиях какое-то время простояли в тишине, глядя на врага. Вероятно, в процессе этого затишья сатрапы, возглавлявшие некоторые кавалерийские контингенты, начали двигаться в направлении позиции Александра на южном участке реки вблизи впадения в нее притока. Персы ждали, когда македонцы войдут в воду, где продвижение их потеряет скорость, тогда можно будет развернуть контратаку и смять дерзкого противника.

Александр велел Аминте, сыну Аррабея, возглавить авангард и вступить с ним в реку. «Продромой», пеонийская конница и контингент агрианских метателей дротиков спустились в воду, равно как и ила «товарищеской» кавалерии под началом Сократа. Персы отреагировали быстро и жестко, принявшись осыпать врага дождем дротиков, тогда как некоторые из их всадников тоже вошли в реку в стремлении помешать неприятельской коннице преодолеть водную преграду и выбраться на берег. Совершенно очевидно, персы намеревались атаковать македонцев в то время, пока те будут форсировать реку. В древних источниках отмечается, что в процессе продвижения усилия атакующих сковывал еще и скользкий грунт под копытами коней, что лишь больше затрудняло их действия.

Наступающие стали нести серьезные потери, при этом ила «товарищеской» кавалерии Сократа из 200 человек потеряла 25 всадников из своего состава. Несмотря на отважный напор и натиск, передовой отряд увязал в бою с более сильной персидской конницей под началом Мемнона и его сыновей. Вдобавок численное соотношение тоже стало меняться не в пользу македонян, поскольку командование персидской кавалерии принялось усиливать контратаку дополнительными отрядами. Какая-то часть сил наступления начала отходить к македонским порядкам, когда запели трубы и боевой клич македонцев охватил ревом все правое крыло их армии.

Передовой отряд Александра не смог закрепиться на противоположном берегу, но своими действиями притягивал к себе все больше и больше персидской конницы с той стороны. Авангард включился в бой с Мемноном и упорством своим привел в расстройство ровные порядки персидской обороны, поскольку многие части вместе с командирами устремились в направлении места первого соприкосновения войск, дабы сокрушить стойких македонян. Будучи чем-то несколько большим, чем просто обманный маневр, атака авангарда, пользуясь современными определениями, стала «оформлять поле битвы» в пользу Александра.

СТОЛКНОВЕНИЕ ГЛАВНЫХ СИЛ КАВАЛЕРИИ

И вот Александр обрушился на персидское левое крыло во главе «товарищеской» кавалерии — самой мощной силы в его армии. Войдя в воду, Александр повел свой отряд по косой справа от отрядов авангарда Аминты, которые увязли в тяжелых боях в реке и рядом с ней; те из них, кто утратил порядок, уже отступали или пятились перед натиском наседавших персов. Александр воспользовался притоком Граника, вливающимся в него как раз чуть южнее правой оконечности строя македонских войск, как защитой для своего правого крыла на случай, если бы противник попытался обойти его там. Формирование с самого начала двигалось по косой, но и этого мало; если верить Арриану, конница выстраивалась эшелонами

с задачей достигнуть противоположного берега широкой линией и не оказаться застигнутой врагом в колоннах. Такое веерное развертывание «товарищеской» конницы позволило ей добраться до правого берега в более или менее плотных шеренгах, поскольку эскадроны слева должны были снизить темп наступления по мере приближения к месту рукопашной схватки между авангардным отрядом и персидской кавалерией. Если основные силы персидской кавалерии двигались непосредственно в направлении изначального острия атаки, стремящаяся вправо «товарищеская» конница могла встретить меньшее противодействие при форсировании реки и на пути к точке выхода на берег. Александр, возглавлявший атаку «товарищеской» кавалерии, вступил в соприкосновение с неприятелем справа от участка, где противник остановил неудавшийся первый конный бросок. Именно там теперь сосредоточились силы персидской конницы и внимание самого командования, или, как пишет Арриан, «где сбилась вся их конница и стояли их военачальники».

Теперь кавалерия обеих сторон вступила в боевые действия в реке и около нее, а македонцы тем временем изо всех сил старались выйти на правый берег. Воины с обеих сторон перемешались между собой, ибо, хотя «сражение было конное, но оно больше походило на сражение пехоты» (Арриан, 1.15.4 [по пер. М.Е. Сергеенко]). И вот посреди всеобщего смятения и отчаянной рукопашной все большее значение приобретали дисциплина и выучка македонской «товарищеской» конницы. Хотя короткий меч служил неплохим оружием в рукопашной, Арриан приписывает причину перелома в сражении в пользу македонцев эффективному применению ими кавалерийских «ксистонов» с их длинными древками из древесины кизила, которыми всадники Александра разили врага, нанося удары в лица вражеским воинам и в морды лошадям. Удар «ксистоном» в морду коню давал наибольший эффект против седока, поскольку животное подавалось назад, вставало на дыбы, зачастую сбрасывая человека. Когда же «ксистоном» целили в грудь лошади или в какую-то иную часть тела, сила удара, необходимая для нанесения серьезной раны, зачастую приводила к растрескиванию и перелому копейного древка, тогда как раненый, но недобитый конь становился особо опасным, ибо без удержу бросался в стороны, лягая всех и каждого у себя на пути.

В гуще рукопашной схватки на поле битвы персидские сатрапы искали личной встречи с Александром. Все три древних источника сходятся на факте личного участия Александра в отчаянной рубке среди своих воинов и в том, что в какой-то момент он всерьез рисковал лишиться жизни. Сама возможность гибели в бою Александра на столь раннем этапе его умопомрачительной карьеры есть, пожалуй, наиболее интригующий момент во всей битве на Гранике.

Пока Александр и его «товарищеская» кавалерия вели борьбу с персами на македонском правом крыле, фаланга в центре тоже приступила к форсированию реки. Поскольку для расположенной на берегу в том месте персидской конницы не представлялось возможным остановить македонскую фалангу, всадники какое-то время ограничивались беспокоящими ударами или попросту стрельбой из луков и метанием дротиков с максимального удаления, после чего развернулись и обратили тыл. Можно только строить догадки насчет того, собиралось ли вообще персидское командование двинуть греческих наемников навстречу македонской фаланге, когда та появилась из реки. Арриан утверждает, что греки не двигались «от ужаса

КЛИТ СПАСАЕТ ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРУ

Как единодушно утверждают авторы древних источников, в какой-то момент в гуще рукопашного сражения на Гранике Александр столкнулся с сатрапами Мифридатом, Ресаком и Спифридатом. Данные хронистов не во всем сходятся, но основное событие данной реконструкции рассматриваемого эпизода сражения базируется на версии событий по Арриану. Сразив ударом персидского сатрапа Мифридата, Александр сам получил мечом по шлему от другого сатрапа, Ресака, которого все же сумел уложить копьём. Клинок Ресака пробил шлем Александра, и тот получил временную контузию. И вот еще один сатрап, Спифридат, замахнулся кривым копьем, чтобы прикончить македонского царя. Все решило секунды. В самый последний момент Клит, командир царского эскадрона «товарищеской» конницы, отсек Спифридату руку.

Диодор Сицилийский и Плутарх предлагают разные детали того, как все происходило, кто кого атаковал и в какой последовательности. Хотя сложить их варианты воедино возможным не представляется, в отдельных моментах оба автора сходятся. Первым делом, персидские сатрапы развернули контратаку на Александра в стремлении уничтожить именно его как самую главную цель.

Второе, их усилия едва не увенчались успехом, поскольку все рассказы о бое описывают удар, нанесенный врагом по голове Александра, и, вероятно, его приметный шлем спас жизнь царю, выдержав вражеский клинок или максимально ослабил его разрушительное воздействие. Третье, человеком, отвратившим смертельную опасность в следующий момент, являлся Клит, который и зарубил нападавшего.

Нет оснований считать данный эпизод литературным вымыслом хронистов с целью показать героизм царя, поскольку любая рукопашная схватка крайне драматична и непредсказуема, тогда как настоящим героем в данном случае выступает прежде всего Клит. Данная точка зрения представляется вполне разумной, особенно в свете совпадения основных событий у Арриана, Плутарха и Диодора, которые, судя по всему, позаимствовали историю у автора (или авторов), писавшего вскоре после эпохи Александра или даже еще при его жизни. Если так, тогда источник (или источники) вряд ли стал бы выдумывать или, наоборот, замалчивать подробности очевидно переломного момента в битве. (Ричард Хук © Издательский дом «Оспри».)

перед неожиданностью», и, как можно предполагать, они так и стояли на месте во время развития событий на поле боя. Выдвижение вперед с целью встретить македонцев в момент выхода на берег давало гоплитам определенные преимущества над вооруженными сариссами фалангитами, но если бы кавалерия на флангах у наемников не выдержала и побежала — как на самом деле и происходило, — они оказались бы опасно уязвимыми перед возможностью быстрого окружения силами македонской и союзнической конницы на обоих флангах. И вместе с тем иная судьба и не ожидала их в случае неблагоприятного для персов развития событий, пусть бы греки и находились в отдалении от реки.

Древние хроники уделяют левому крылу македонского строя довольно скудное внимание. В последующих битвах Александра с персами — при Иссе и Гавгамелах — фессалийская и прочая конница на левом крыле под началом Пармениона играла в основном сдерживающую роль, и, возможно, при Гранике она выполняла те же функции, но ничего определенного вывести из источников не представляется возможным. В какой-то момент сражения персидская кавалерия на правом крыле побежала, по всей вероятности, после того, как поворотили коней всадники в центре, а потому конница Пармениона на левом крыле смогла форсировать реку и принять участие в окружении и уничтожении несчастной фаланги греческих наемников, оставленных в тылу персами.

На правом крыле Александр и его «товарищеская» кавалерия шаг за шагом одолевали персидскую конницу, в чем им деятельно и действительно помогали агрианские метатели дротиков, перемешавшиеся с конницей обеих сторон. Кроме того, несколько командовавших войсками сатрапов пали в схватке, когда пытались убить Александра, что не могло не сказаться на боевом духе и качестве взаимодействия частей персидской кавалерии. Персидская контратака против отряда застрельщиков Аминты все получала и получала подкрепления от командования персов, когда оно заметило факт вступления в сражение Александра. Признаками реакции можно считать прибытие конного клина Мифридата, хотя сам командир пал в столкновении с Александром. Эта до известной степени отчаянная атака представляет собой единственный пример тактического передвижения персидской стороны, упомянутый в древних источниках, и, возможно, служит намеком на неспособность командной структуры предпринять действенные усилия для исправления ситуации после того, как изначальный план сражения утратил актуальность. Расстроенные и смешавшиеся персы явно оказались не в состоянии противоборствовать македонской кавалерии с ее длинными копьями, налаженным взаимодействием частей, натиском, решимостью и — как венец всего — напору и отваге македонского царя Александра.

Хотя точных указаний на продолжительность битвы в древних источниках не найти, стороны, вероятно, пробыли в боевом соприкосновении не более часа, когда персы в итоге не выдержали. Атака Александра скорее всего и стала тем моментом, когда наступил перелом в битве. Отряды персидского строя вправо от этой точки быстро пришли в замешательство на всем протяжении линии до центра, где кавалерия, попробовав силы в единоборстве с фалангой, обратилась в бегство. Брошенная в реку на противодействие македонянам конница постепенно погибала, тогда как другие персидские всадники на берегу тщетно пытались сдержать натиск «товарищеской» кавалерии и не допустить ее прорыва далее на равнину.

К этому моменту началось общее крушение левого и правого крыльев персидского войска, и, поворачивая коней прочь от реки, те, которые до сих пор еще держались, поспешили присоединиться к тем, кто уже бросился искать спасения в стремительном бегстве с поля.

ОКРУЖЕНИЕ ГРЕЧЕСКИХ НАЕМНИКОВ

Вместо преследования персидской конницы македонцы решили почтить вниманием греческих наемников. К тому времени македонская фаланга перебралась через реку и шагала по суше, стремясь покрыть расстояние протяженностью примерно в километр на восток и достигнуть расположения наемников на слегка возвышенной местности. Слева Парменион с фессалийскими и союзническими всадниками приступил к охвату пятидесяти тысячного контингента наемников справа, тогда как Александр и его «товарищеская» конница проделывали то же самое с левого фланга.

Брошенные персидской кавалерией, тяжеловооруженные греческие гоплиты оказались, конечно же, совершенно не в состоянии спастись от македонской конницы. Очувтившись в безнадежной ситуации, они обратились к Александру с просьбой пощадить их. Несмотря на очевидно отчаянное положение, наемники, по всей вероятности, отчасти все же рассчитывали на успех своего обращения. Невзирая на явное численное меньшинство, в котором они оказались, греки по-прежнему представляли собой грозную силу — решив уничтожить их, Александр неминуемо понес бы потери. Вероятно, они надеялись, что он предпочтет не посылать в ненужный бой собственных воинов. Плутарх говорит, что Александр, «руководствуясь скорее гневом, чем расчетом», ответил отказом на просьбу наемников и тут же дал старт последней атаке. Возможно, действуя под влиянием стремления преподать хороший урок всем эллинским наймитам на службе у персов или же просто терзаемый яростью из-за чуть не кончившегося для него печально столкновения в реке, победитель не собирался выслушивать никаких петиций и договариваться. Именно так Плутарх и представляет случившееся. Как бы там ни было, действия Александра могли стать вполне продуманной акцией — сигналом, направленным всем грекам, готовым польститься на персидское золото, — напоминанием им о том, что предателей он щадить не будет.

Македонцы перешли в массированную атаку на греческих наемников. На них, окруженных с трех сторон конницей, с фронта двинулась фаланга. Древние источники не балуют нас подробностями данного этапа сражения, но, наверное, греки построились в «каре», что логично предположить для пешего отряда в окружении. Несмотря на меньшую численность по сравнению с врагом, опытные и знакомые с дисциплиной наемники дрались отчаянно. Последняя победа нелегко далась македонцам, и, если верить Плутарху, в данной фазе битвы они понесли самые большие потери. Плутарх сообщает нам, что Александр потерял лошадь, убитую под ним мечом кого-то из наемников. Тем не менее вряд ли имеет смысл сомневаться в окончательном исходе столкновения. Греки были уничтожены. Около 2000 человек в итоге стали пленниками, и их в оковах послали в Македонию как рабов. Насытила или нет в тот день кровожадность Александра ненужная бойня, но она, вероятно, стала для царя источником лишних потерь

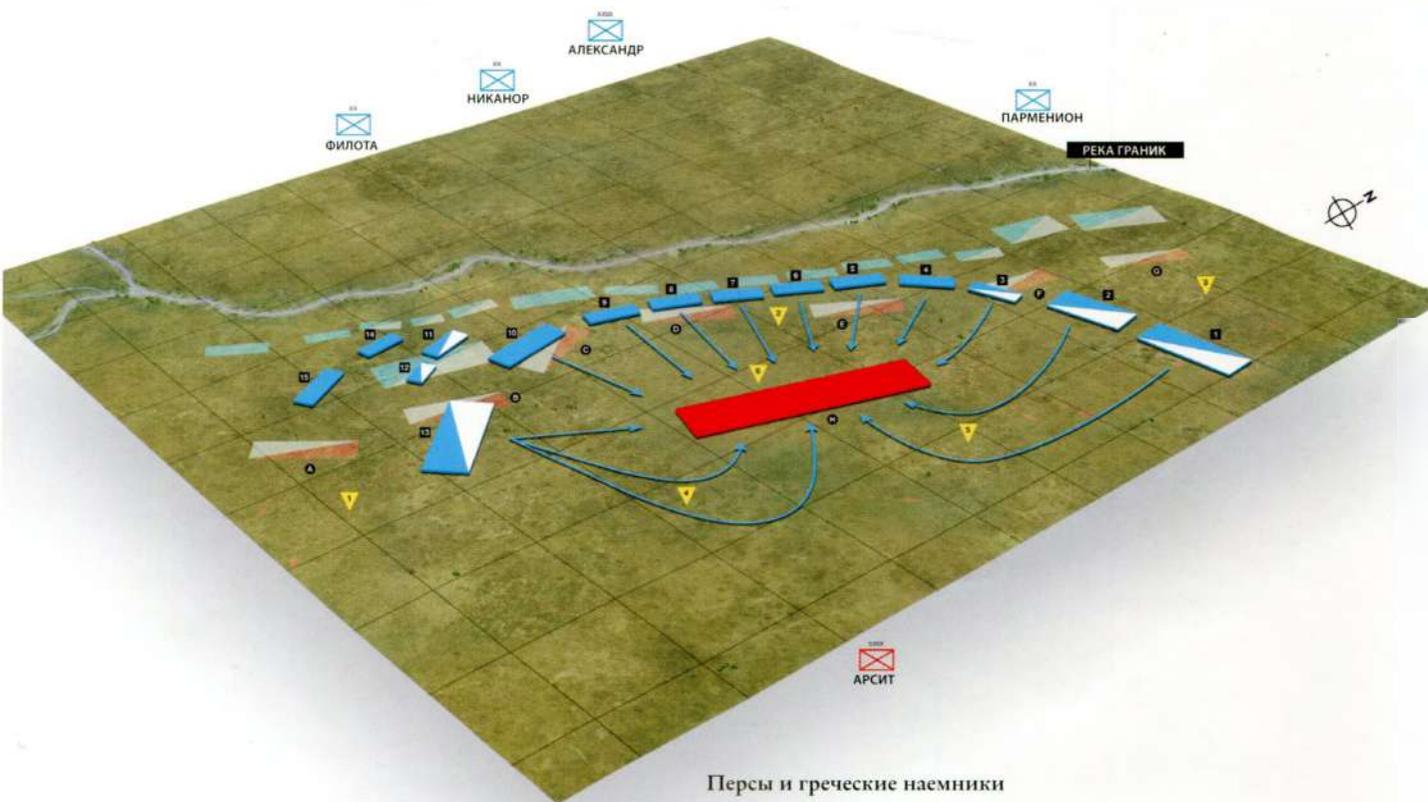
НА РАЗВОРОТЕ

Один из наиболее знаменитых артефактов, имеющих непосредственное отношение к Александру, саркофаг Александра, был обнаружен в Сидоне (Ливан) в 19-м веке. Какое-то время ученые полагали, что саркофаг принадлежал царю Абдалониуму Сидонскому, назначенному Александром после битвы при Иссе в 333 г., но ныне некоторые ученые считают саркофаг гробницей Мазея — персидского nobility и наместника Вавилона. Яркие краски, покрывавшие фигуры изначально, уже заметно потухли к моменту обнаружения саркофага и продолжали терять цвет потом, вследствие чего определение настоящего тона краски сделалось делом затруднительным. Похоже, первоначально орнаменты, оружие и конскую сбрую покрывали золото, серебро и бронза, но их содрали и похитили воры-гробокопатели. Считается, что македонцы и персы изображены во время столкновения под Иссом и на охоте; кроме того, одна сцена боя определяется как эпизод битвы при Газе в 312 г. с участием Абдалониума; ну и наконец, нашлось место для показа гибели Пердикки в 320 г. Фигуры с саркофага служат важным источником для реконструкций как образа внешнего вида солдат, участвовавших в сражениях Александра.

БОЙ ПЕХОТЫ НА ГРАНИКЕ

Македонцы и союзники

Левое крыло

- 1 Фессалийская конница (Парменион)
- 2 Союзническая греческая кавалерия (Калат)
- 3 Фракийско-одрисийская конница (Агафон)

Центр

- 4 Пешая «товарищеская» «таксия» (Мелеагр)
- 5 Пешая «товарищеская» «таксия» (Филипп)
- 6 Пешая «товарищеская» «таксия» (Аминта)
- 7 Пешая «товарищеская» «таксия» (Кратер)
- 8 Пешая «товарищеская» «таксия» (Кен)
- 9 Пешая «товарищеская» «таксия» (Пердикка)
- 10 Гипасписты (Никанор)

Правое крыло (Александр)

- 11 «Прозромой» (командир неизвестен)
- 12 Пеонийская кавалерия (командир неизвестен)
- 13 «Товарищеская» конница (Филота)
- 14 Агрианские метатели дротиков (Аминта)
- 15 Критские стрелки (командир неизвестен)

Персы и греческие наемники

- A Конница точно не обозначенной национальной принадлежности (Мемнон и Арсам)
- B Пафлагонская кавалерия (Арсит)
- C Гирканская кавалерия (Спифридат)
- D Конница точно не обозначенной национальной принадлежности (Мифридат и Ресак)
- E Бактрийская кавалерия (командир неизвестен)
- F Конница точно не обозначенной национальной принадлежности (Реомифр)
- G Мидийская конница (командир неизвестен)
- H Греческие наемники (Омар)

События

1. Персидская кавалерия на левом крыле обращается в бегство.
2. Персидская конница в центре разворачивает коней и откатывается от наступающей македонской фаланги.
3. Персидская конница на правом фланге бежит от атакующей кавалерии Пармениона.
4. Александр приказывает окружить греческих наемников, которые еще не принимали участия в битве.
5. Парменион и его конница левого крыла завершают окружение.
6. Наемники обращаются к Александру с просьбой о пощаде, каковую он отклоняет.
7. Македонская фаланга переходит в атаку с фронта. Наемники подвергаются нападению македонской кавалерии также с флангов и с тыла и уничтожаются.

в живой силе. Фактически же в дальнейшем он заметно пересмотрел отношение к греческим наемникам и в следующих столкновениях с неприятелем стал брать сдававшихся к себе на службу. Как бы там ни было, такая перемена политики не смогла совершенно заглушить память о Гранике, и по большей части греческие наемники на службе у персов предпочитали отныне драться до конца, чем идти на риск договариваться с македонцами.

ПОТЕРИ

Урон у персидской кавалерии по итогам битвы оказался весьма скромным по причине того, что она бежала с поля, не преследуемая конницей Александра. Если принять численность персидских всадников в сражении за немногим более 10 000 человек, тогда, согласно источникам, потери у них составили от 10 до 20 процентов. Уровень вполне обычный для боевых столкновений в античные времена. Как бы там ни было, доля погибших командиров оказалась куда выше, и Диодор Сицилийский видит в этом одну из наиболее значительных причин крушения персидского войска. Из источников получается, что едва ли не две трети персидских командиров нашли смерть на поле сражения.

Основные потери на стороне проигравших понесли, конечно же, греческие наемники. Арриан говорит о 2000 человек, в итоге взятых в плен, что может давать от 2000 до 3000 убитых или тяжело раненных греческих солдат на заключительном этапе битвы. Такой высокий процент — между 50 и 60 — объясняется их положением — окружением. Но мы не без дрожи представляем себе эту резню, пусть размах ее был и относительно невелик, как невелико было формирование наемников, насчитывавшее 5000 человек.

Урон на македонской стороне получился не в пример меньшим. Источники упоминают, судя по всему, округленное количество в 25 воинов «товарищеской» кавалерии из илы Сократа, павших в начале сражения, но, если верить Арриану, к ним придется прибавить 60 всадников из прочих конных частей. Плутарх говорит о всего 25 погибших конниках, тогда как Юстин поднимает планку до 120 человек для кавалерии. В отношении македонских пехотинцев показатель еще ниже. Как Плутарх, так и Юстин настаивают на потерях всего в девять македонских пехотинцев, но Арриан называет 30 человек. Данные могут быть заниженными — традиционная проблема с историей, которую пишут победители, а они склонны преуменьшать ущерб на своей стороне и раздувать цифры урона противника. Важно к тому же помнить и о том, что в источниках говорится только о погибших, но не о раненых, с учетом каковых общее число потерь получилось бы значительно более высоким. Раздавались и раздаются мнения в отношении возможной достоверности приводимых древними авторами выкладок, поскольку нельзя забывать, что пехотная фаланга фактически не участвовала в бою с неприятелем до того, как столкнулась с окруженными греческими наемниками на равнине за рекой. Учитывая ожесточенный и довольно беспорядочный характер конного боя на реке, потери в кавалерии должны были быть безусловно большими.

Александр не поленился посетить раненых и поговорить с ними после битвы, а на следующий день приказал устроить пышную погребальную церемонию,

причем не только для павших с македонской стороны, но также и для персидских командиров и греческих наемников. Самых больших почестей удостоились 25 «товарищей»: Александр велел своему личному придворному скульптору, Лисиппу, воздвигнуть бронзовые статуи в их честь в Дие в Македонии, где те простояли до 146 г., когда их убрали по воле римских завоевателей. Желая смягчить утрату потери близких детям и родителям в Македонии, Александр освободил их от налогов и от обязанностей несения некоторых служебных повинностей государству. Вдобавок он отправил 300 захваченных комплектов персидских доспехов

УНИЧТОЖЕНИЕ ГРЕЧЕСКИХ НАЕМНИКОВ

После разгрома персидской кавалерии по линии реки и ее бегства с поля битвы 5000 брошенных персами греческих пехотинцев остались на очень небольшой возвышенности к востоку от реки. До того момента они участия в сражении не принимали. Получив от Александра отказ на просьбу пощадить их, наемники на их позиции подверглись атаке македонской фаланги, тогда как кавалерия завершила окружение, отрезав все пути к бегству. Построенные в восемь шеренг, македонцы, вероятно, выглядели грозно, когда шли, целя во врага остриями «сариссай». Сарисса значительно превосходила длиной традиционное копье гоплита, давая македонской пехоте громадное преимущество над противником. Длинная сарисса позволяла им поражать первые ряды фаланги наемников до того, как оружие последних начинало представлять угро-

зу для македонян, а потому мало кто из греческих гоплитов располагал шансами прорваться через лес «сариссай» и схватиться с противником один на один.

Как бы там ни было, тяжеловооруженные греческие гоплиты являли собой грозную силу на поле, и их, построенных в восемь рядов, было не так-то просто сокрушить. Если гоплитам удавалось прорвать македонский строй, у них появлялась возможность нанести урон врагу ударами копий сверху или снизу. Бой в последней фазе битвы дался македонским пехотинцам нелегко, и, по всей вероятности, большинство понесенных ими потерь, если вообще не все, приходилось на этот этап боя. В конечном счете сопротивление наемников не могло спасти их, и неприятель со всей беспощадностью просто уничтожил греков. На этой иллюстрации художник изобразил их

в разнообразной форме и с множеством различных украшений на щитах с целью подчеркнуть неоднородность наемников, многие из которых пришли из Афин, Фив, Фессалии или Пелопоннеса и из греческих городов запада Малой Азии. В любом случае, однако, даже те счастливцы, что уцелели после резни, едва ли скоро увидели родные места. (Ричард Хук © Издательский дом «Оспри».)

в Афины, дабы горожане повесили их в Акрополе как дар Афине. Такими жестами Александр возвещал о важной победе на реке Граник по градам и весям по всей Греции, Македонии и Малой Азии.

На Гранике Александр продемонстрировал не только превосходство солдат его армии в мастерстве и в качестве подготовки, но также показал свой дар командующего. Он взял на вооружение тактику, опробованную его отцом и заключавшуюся в броске кавалерии по косо́й на одном крыле с последующим разворотом к центру при поддержке пехоты на том же направлении — в центре. Еще раньше, оценив поле и расстановку сил на нем, он отправил в бой вначале отряд застрельщиков в стремлении поколебать неприятельские порядки и расстроить их прежде, чем самому повести кавалерию в ударную атаку на утратившую единство персидскую конницу. Тем временем пехотинцы его в центре упрямо наступали, пока не вынудили вражеских всадников к бегству, тогда объектом ярости царя стали греческие наемники. После Граника Александр, вне всякого сомнения, перестал быть «темной лошадкой» для персов. Изменение настроений понятно по реакции на его продвижение многих городов в Малой Азии. Некоторые открыли ворота, другие решили попытаться удержаться, однако никто не отмахнулся от его присутствия. Александр представлял собой угрозу или долгожданного освободителя в зависимости от политической ориентации городов, и, совершенно очевидно, его никак нельзя было списывать со счетов.

МАРШ НА ЮГ К ПОБЕРЕЖЬЮ

После сражения Александр, как и намеревался изначально, явился в Азии в образе освободителя греческих городов. Движение в этом направлении представляло собой очевидно закономерный шаг. Рассматривал ли он свои следующие действия как первую ступень в рамках его гигантских стратегических планов завоевания, сказать с точностью нельзя. Освобождение на условиях Александра на тот момент оказывалось явно более приемлемым для персидских провинций правительства, чем для некоторых греческих городов-государств, которые и служили объектами зачастую непрощеных «благодеяний».

Александр назначил Калата губернатором только что завоеванной Геллеспонтийской Фригии. Город Зедея, откуда сатрапы выступили к реке Граник, получил прощение от Александра, поскольку тот счел жителей вынужденными покориться персам против их желания. Он отправил Пармениона дальше на восток с заданием обеспечить столицу провинции, город Даскилий, который македоняне нашли брошенным персидским гарнизоном. Александр с войском устремился на юг, к городу Сарды, и, не доходя километров пятнадцати до него, был встречен комендантом гарнизона Мифреном, который передал ему вполне пригодную для обороны цитадель и значительную казну без всякого боя. Между тем, когда Александр смог обратить внимание на греческие города восточного Эгейского региона, управлявшиеся раньше из Сард, он столкнулся отнюдь не с единодушным признанием. Четверо суток спустя, продолжая продвижение в юго-западном направлении к берегу, Александр достиг Эфеса, персидский гарнизон которого и наемники бросили город еще до его прихода. Он установил там демократическое правление под собственным сюзеренитетом, но, когда прежде господствовавшая там и ори-

ентированная на персов олигархия подверглась резне, Александр немедленно вмешался, дабы не допустить власти толпы. Города Лидии подчинились Александру без сопротивления, но дальше на юг, в Карии, ему предстояло столкнуться с противодействием.

Милет

Мемнон, уцелевший после Граника, развил активную деятельность на побережье Эгейского моря, материализуя на практике идеи, высказываемые им накануне сражения, и успешно действовал на море, в том числе за счет снабжения и поддержки греческих прибрежных городов против македонцев. Другая часть плана, состоявшая в проведении политики выжженной земли на суше с целью лишить Александра притока предметов снабжения, выполнению в создавшемся положении не подлежала, а потому македонская армия получала все необходимое. Милет, расположенный южнее Эфеса, мог бы достаться Александру довольно легко, если бы не персидские эскадры, включавшие в себя значительные финикийские и кипрские контингенты. Решение Гегесистрата, коменданта гарнизона, сражаться вынудило Александра приступить к первой осаде в рамках его похода. По счастью, греческая флотилия из 160 кораблей достигла данного ареала за трое суток до прибытия персидского флота с юга и бросила якоря вблизи острова Лада прямо напротив города. Фракийцы и 4000 прочих наемников дислоцировались на острове. Когда милетский командующий проведал о наличии поблизости спешившего к нему персидского флота, сдаваться он отказался. Когда имперские флотилии из 400 судов возникли в море напротив позиций Александра на выступе вблизи Милета, он не решился попытать счастья в морском сражении со столь многочисленной вражеской армадой. Милетяне же надеялись отсидеться под знаменем нейтралитета, но Александру все это надоело, и он приказал готовить осадные машины. Милетские уполномоченные, коротко пообщавшись с ним, уже позволили ему занять без боя нижний город. Затем корабли Александра проскочили к городской гавани с Лады и заперли бухту. Они построились на якорях на входе в нее, отрезав защитникам любую надежду на деблокирование с моря. Александр проложил себе путь в верхний город осадными машинами. Многие милетские граждане вышли к нему и предались на милость Александра, но некоторые все же предпочли драться плечом к плечу с солдатами-наемниками. Когда же осаждающие стали одерживать верх, некоторые из бойцов гарнизона попытались спастись вплавь, и 300 наемников добрались до маленького скалистого островка неподалеку от города. Захватив Милет, Александр приказал взять остров при помощи штурмовых лестниц, установленных на судах. Он, тем не менее, пришел в восхищение от отчаянной отваги наемников и принял уцелевших к себе на службу. Данный эпизод послужил своего рода маячком, просигнализировавшим начало изменения политики по отношению к греческим наемникам.

Персидские корабли были относительно небольшими и не имели пространства для хранения провизии, а потому ежедневно нуждались в сообщении с берегом. Александр воспользовался этой зависимостью для противоборства с персидским флотом, выжидавшим выгодного момента вблизи Милета. Он отправил несколько отрядов, чтобы солдаты отгоняли корабли, когда те пытались пристать где-нибудь у берега в районе Милета с целью пополнить запасы воды и продовольствия.

Им приходилось возвращаться на свои позиции в виду города, но, когда воды стало не хватать, персы снялись с якорей и ушли прочь. Александр же решил распустить основные силы военного флота ввиду дороговизны последнего и в качестве альтернативного подхода захватил города и порты на берегу, которые персидские моряки могли бы использовать как базы и/или как источники получения снабжения. Лишая врага безопасных убежищ и способности пополнения всего необходимого, Александр снижал вредоносное воздействие персидского флота. Роспуск собственной эскадры мог бы показаться рискованным предприятием в краткосрочном плане, но Александр умел считать и смотрел вперед, видя конечную точку своих стратегических замыслов.

Галикарнас

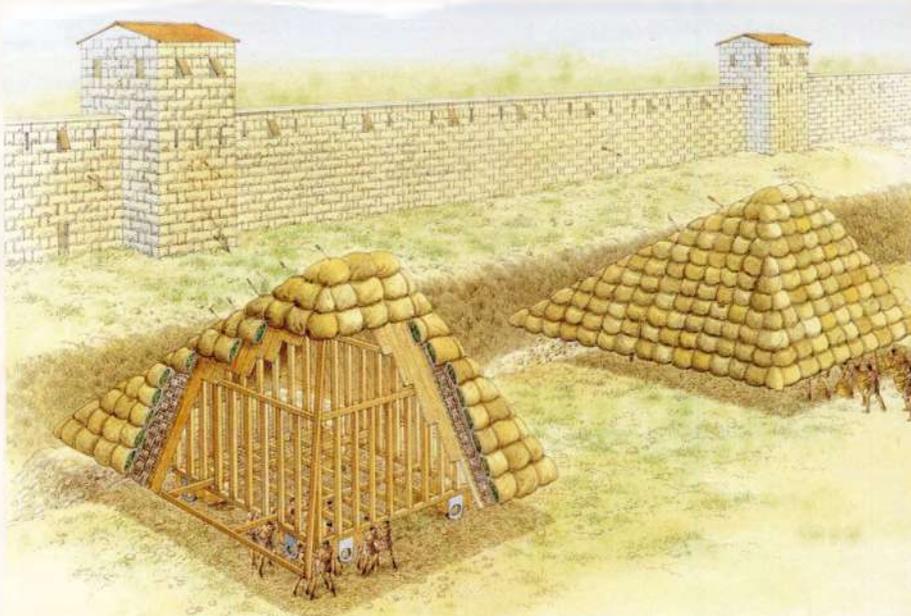
Самым важным городом и базой снабжения по соседству с Милетом являлся Галикарнас. По всей вероятности, наиболее надежно укрепленный город в Малой Азии, он находился словно бы в естественном амфитеатре и защищал себя несколькими сильными цитаделями. Незадолго до войны обороноспособность города усилили за счет рва более 13 м шириной и около 7 м глубиной. Мемнон

«ЧЕРЕПАХИ» ДЛЯ ЗАВАЛИВАНИЯ РВОВ ГАЛИКАРНАСА

В случае с Галикарнасом Александр очутился перед необходимостью заполнить вновь прорытый ров, чтобы иметь возможность подвести к стенам тяжелую осадную технику. Для достижения этого он решил воспользоваться специальными «черепахи». Если верить Афиней,

такие предназначенные для сравнивания с землей рвов «черепахи» обладали способностью передвигаться вбок так же, как вперед и назад. По всей вероятности, за счет подъема поочередно каждого угла и изменения положения осей. Для этого к каждому колесу приходилось при-

прикладывать усилия дюжины или более человек. Когда же машина выводилась на заданную позицию, внутри нее оставалось достаточно места для работающих там день за днем в безопасности людей. Пространство между покрытием и землей оказывалось достаточным для подтаскивания с тыла корзин с грунтом и разного мусора, а уже оттуда их выносили вперед и сбрасывали вниз, заполняя ров. (Брайен Делф © Издательский дом «Оспри».)

Родосский, удостоенный Дарием всей полноты командования на западе, собрал для защиты крепости греческих наемников из ближайших городов, а ввиду отсутствия у Александра способов блокировать город с моря, защитники его могли получать все необходимое водным путем. Поскольку персидские эскадры прикрывали город с моря, Александру приходилось разворачивать наступление с северо-востока или с запада. Источники преуменьшают тяготы осады, но она, как бы там ни было, продлилась два месяца, при этом в штурмах и обороне города стороны опробовали все приемы и методы, известные осадному делу античного мира. Вначале Александр немного медлил, ожидая подвоза осадной техники к Галикарнасу. После неудачной попытки взять городской порт примерно в 20 км от самого города, Александр велел воинам заваливать ров перед стеной при посредстве предназначенных специально для этих целей «черепаш». Заполнив рвы, осаждающие смогли приступить к подтягиванию к стенам осадных башен. Чтобы заставить защитников пригибать головы и не особенно мешать сравнивать с землей участки стены, македоняне применяли катапульты. Обороняющиеся не пали духом и устраивали ночные вылазки, затем прикрыли проломленный участок куртины внутренней блокирующей штурмующим путь стенкой. Ночной приступ на эту новую преграду, вероятно вдохновленные обильными возлияниями, защитники отразили, и в первый и единственный раз за всю историю войн Александра ему пришлось просить о перемирии для выноса убитых и предания погребению их тел. Вместе с тем Александр продолжал наносить врагу чувствительные удары

Миндские ворота Галикарнаса стали местом, где Александр впервые попытался попробовать на прочность основные укрепления города.

и урон, и, несмотря на эффективные контратаки и сооружение внутренних стенок для защиты на участках брешей, проделанных осадными машинами, Мемнон и его командиры осознавали неспособность долее удерживать город. Поэтому они сами предали огню внешние городские фортификации и отступили во внутренние цитадели. На следующий день Александр двинул войска в город и, как считается, приказал срыть его. По всей вероятности, это преувеличение, но Александр явно нуждался в пространстве для размещения машин для продолжения осады оставшихся форпостов и для дислокации в городе своих гарнизонов. Осознав, что тут персов голыми руками не возьмешь, Александр оставил для продолжения осады блокировочный отряд в 3000 воинов под началом Птолея и вручил управление городом представителям правящего семейства Мавсолов, персонифицированным сестрой старшего Мавсола, Адой. Цитадель продержалась еще целый год, служа базой снабжения для персидских кораблей. Александр, несомненно, показал под Галикарнасом упорство и настойчивость, но успех его нельзя назвать абсолютным. Хотя город он в итоге и взял, достигнуть этого удалось не в результате удачного штурма, а по причине стратегического решения оказавшегося в численном меньшинстве персидского гарнизона оставить прежние позиции и отойти для защиты снабженческой базы; разумность этого их шага подтверждается тем фактом, что форпост продолжал служить персидскому флоту еще на протяжении долгих месяцев.

Решив вопрос с Галикарнасом, Александр отправил в отпуска некоторых из солдат — тех, кто женился накануне похода, — а также послал одного из офицеров заниматься набором пополнений в Пелопоннесе. В ту зиму он повел людей на восток в Ликию. Продвигаясь через горный регион Ликии, Александр достиг берега в районе Фаселиса. Войско устремилось в Памфилию по специально подготовленному пути — перевалом через гору Климакс, тогда как сам Александр с небольшой частью армии продолжал движение по берегу. Передохнув в Аспенде, он провел кампанию против разбросанных в горах Писидии городков, прежде чем достигнуть Келен на дороге к Гордиону в сатрапии Великая Фригия. Добравшись до города через несколько недель, Александр, по всей вероятности, встретился с Парменионом и греческими союзниками, которых прежде отправил вести кампанию на уничтожение остатков персидских войск на Анатолийском плато. Там же к нему прибыли вернувшиеся из отпусков македонцы и новобранцы из Македонии и континентальных греческих земель: 3000 пехотинцев и 300 всадников — все македонцы — и 200 фессалийских конников, плюс 150 пелопоннесских наемников под началом своего командира.

В Гордионе Александру показали знаменитый узел, которым привязал ярмо и оглобли своей воловьей телеги к алтарю легендарный Гордий. По предсказаниям жрецов, тому, кто сможет развязать узел, боги даруют честь стать государем всей Азии — такого искушения Александр преодолеть не мог. Если верить Плутарху, Александр здорово расстроился собственной неспособностью разобраться с неподатливым узлом и нашел выход, достойный завоевателя, — разрубил его мечом. В другом варианте истории, приписываемом Аристобулу, говорится, будто Александр просто вытащил загвоздку, или проходившую насквозь через дышло стопорную чеку, и снял ярмо. В любом случае герой не опозорился, а пророчество оракула получило все шансы исполниться.

ALEXANDER M. D. A. R. I. V. M. V. I. T. S. V. I. E. R. A. T.
C. A. S. I. N. A. E. I. L. P. E. R. S. A. R. U. M. P. E. D. I. T. C. M. E. Q. V. I.
V. I. T. O. A. M. I. N. T. E. R. F. E. C. T. I. S. M. A. T. R. I. C. M. O. X. O. T.
C. O. N. I. V. G. E. L. I. B. E. R. I. S. D. A. R. I. R. E. G. G. A. M. M. I. A. N. D.
A. M. P. L. I. V. S. E. Q. V. I. T. I. B. E. F. U. G. A. D. I. L. A. P. S. C. A. P. T. I. S.

БИТВА ПРИ ИССЕ

ДОРОГА К ИССУ

В период нахождения в Гордионе летом 333 г. Александр, как надо полагать, получил неприятные известия о действиях Мемнона, прежде запертого в Галикарнасе, а теперь очутившегося на оперативном просторе и создававшего угрозу островам западного сектора Эгейского моря. Происки врага влекли за собой нарушение безопасности маршрутов поступления снабжения и линий коммуникаций с Македонией и грозили свести на нет достижения прошлого походного сезона. Как бы там ни было, как не раз и не два случалось в необычайной истории под названием жизнь Александра, полной чудесных причуд судьбы, устранявшей потенциально грозных врагов, серьезного противника устранила. Мемнон неожиданно заболел и скончался во время осады Митилены. Кроме того, похоже, и Дарий переменил мнение в отношении целесообразности ведения войны на подрыв позиций Александра у него в тылу и повелел отозвать флотилии и действовавших в их составе наемников на восток для включения их в состав войска, которое он уже начал собирать со всех концов империи.

Александр повел армию на юг через Анкиру к Киликийским воротам — горному перевалу, пролежавшему через горный массив Тавра и выходящему на плодородную равнину Алейя в северо-восточной части Средиземного моря. Александр возглавил наступление легковооруженных и крайне подвижных подразделений против персидского отряда под началом Арсама, поставленного удерживать Киликийские ворота. Арсаму не хватало воинов, и он предпочел уклониться от битвы и отойти, а заодно сжечь Тарс для предотвращения его захвата противником, но Александр действовал быстрее, он достиг города за один день и занял его прежде, чем персы успели предать Тарс огню.

Александр заболел после купания в ледяных водах реки Кидн около Тарса, а Дарий тем временем привел огромную армию из Вавилона к Сохам, что вблизи Аманского хребта к востоку от реки Исс, где в начале осени 333 г. несметное войско его и встало лагерем. Древние историки оценивают размеры персидской армии в что-то между 312 000 и 600 000 человек при 30 000 греческих наемников. Цифра 600 000 есть, по всей вероятности, некая экстраполяция — столько живой силы могло, вероятно, выставить все царство, и хронисты сочли такой вариант возможным по причине присутствия каких-то сил от всех провинций. Настоящее количество, судя по всему, все же ближе к меньшему числу, но даже если Дарий и верно собрал все эти 600 000 человек, они вовсе не обязательно находились на поле битвы в полном составе.

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
Представленная здесь иллюстрация является собой репродукцию написанной в 16-м веке Альбрехтом Альтдорфером картины — крайне романтизированной версии изображения битвы при Иссе.

Путь Александра от Граника к Иссу

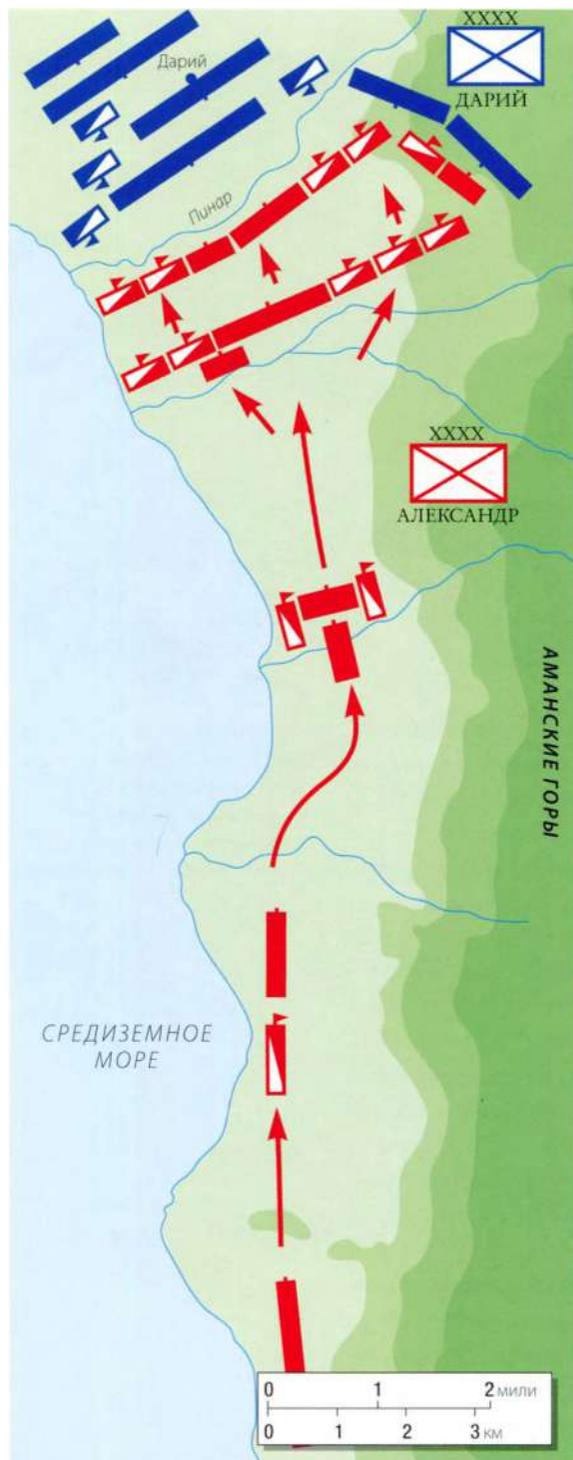
Оправившись от болезни, Александр вышел на поиски Дария. Когда же Дарий узнал о продолжающемся продвижении Александра, первой мыслью царя царей было остаться на занимаемой позиции. На Сирийской равнине огромное персидское войско получало сразу же массу преимуществ. По мере развития событий представилась возможность для решительного удара, и Дарий не пожелал упустить шанса.

Александр, постояв с войском у Малла в Киликии, устремился через узкий прибрежный проход в направлении Сирии и продвигался к небольшому портовому городку Исс, который македоняне уже заняли силами подразделения под началом Пармениона. Наступающие создали там временную базу, где оставили больных и раненых. Затем Александр пошел маршем в южном направлении по неширокой равнинной береговой полосе, пролежавшей между горами и морем, стремясь к так называемым Сирийским, или Ассирийским, воротам, расположенным южнее современного Искендеруна и служившим входом в Сирию. Возможно, он передвигался и ночными маршами, как и на пути к Киликийским воротам. Правда, на сей раз Александр возглавлял основные силы армии, а не подвижное ударное формирование. Дария, возможно, сбивала с толку кажущаяся повторяемость противника и сходство нынешних его действий с македонской стратегией в Киликии. Он решил двинуться окружным путем с целью отрезать Александра от базы в Иссе и от основного войска. Задачи Дария облегчались неожиданно разыгравшейся бурей, которая задержала Александра у Мириандра на берегу около Сирийских ворот. Дарий воспользовался преимуществом пути через долину чуть к востоку от Аманского горного кряжа и вновь повел армию на север, не встречаясь таким образом с войском Александра и обходя прибрежную полосу. Маневр этот, однако, имел тот недостаток, что выполнение его приводило персидскую армию в узкий равнинный ареал между морем и горами. Персы фактически добровольно оставили куда более просторную и широкую Сирийскую равнину, где им было бы гораздо удобнее развернуться.

Собственно персидская кавалерия под Иссом, изображенная на основе изучения фигур с саркофага Александра. (Саймон Чу © Издательский дом «Оспри».)

Исс — ПРОДВИЖЕНИЕ АЛЕКСАНДРА

Александра, конечно, удивил подобный ход противника, и он даже отправил трирему в Исский залив для подтверждения полученного донесения. И в самом деле, новый оборот событий не мог не воодушевлять — ничего так не прельщало Александра, как возможность дать врагу бой на узком поле битвы. Дарий же со своей стороны, как можно думать, скоро разочаровался в результатах затяжной им игры. Спустившись с гор возле Исса, он обнаружил там не более чем госпитальную базу. Персы перебили многих больных и раненых македонян, а других вывели из строя, сделав негодными к бою за счет отсечения правой руки. Чего-то подобного, вероятно, только и стоило ожидать — Дарий не мог оставлять у себя в тылу ни малейшего источника угрозы.

Тем временем Александр со всем находившимся при нем войском развернулся и поспешил на север. Дарий же, возможно, представлял себе намерения неприятеля прямо противоположным образом и думал, что тот попытается спастись бегством, и соответственно, повел армию на юг от Исса с целью не дать врагу уйти. Когда два противника сошлись лицом к лицу, войска их разделяла река Пинар — узкий и ныне довольно маловодный поток. Воины Александра смотрели на север, а Дария — на юг.

В таком положении Дарий «сидел» прямо на линиях коммуникаций македонян. Как бы там ни было, Александру со своей стороны ничто не мешало теперь же идти в Сирию, когда бы не угроза в тылу. Но если уж врагам предстояло встретиться на поле, условия довольно стесненной местности Киликии предоставляли преимущества Александру, ибо там горы и море снижали подвижность неприятельских войск и делали не столь важным их численное превосходство. На первый взгляд обстановка мало чем отличалась от ситуации в предыдущем сражении. Однако тот факт, что враги столкнулись на Гранике весной, когда река разлилась, а Пинар на исходе осени, напротив, полноводностью не отличался, менял характер поля битвы. Тем не менее, Александр вновь приготовился употребить себе во благо стандартную македонскую тактику со свойственной ей действенной координацией пехотного центра и кавалерийских крыльев. В процессе медленного и осторожного продвижения македонян на север узкая кромка прибрежной равнины слегка расширилась, давая Александру шанс построить войско эшелонами и наконец развернуть в боевые порядки. Сам Александр с «товаришеской» конницей дислоцировался на правом крыле, как раз у ограничивавших простор возвышенностей.

БИТВА

Ранее Дарий пребывал в уверенности, что по собственной воле Александр не станет искать решающего сражения, а посему царь царей, вероятно, чувствовал себя не в своей тарелке. Он отправил отряды застрельщиков из 30 000 всадников и 20 000 легких пехотинцев на юг от Пинара с целью выиграть время для дислокации войск. Дарий занял оборонительную позицию, использовав берега Пинара как прикрытие, — там же, где они не обеспечивали надежного заслона, царь царей велел возвести палисады.

Он имел под командованием 30 000 тяжеловооруженных греческих воинов, и они вместе с 60 000 персидских наемников составляли центр его авангарда, а следовательно, в их положении им предстояло противодействовать македонской фаланге. Дарий, безусловно, располагал куда большим числом азиатских пешеходов солдат, чем его сатрапы на Гранике. Таких воинов он разместил в качестве отрядов поддержки для передовых частей, построив их в линию через все узкое поле битвы; совсем недалеко справа плескалось море, а слева высились горы. В центре порядков находился сам Дарий на боевой царской колеснице. Занимать центральную позицию в сражении являлось вполне привычным для персидских государей, поскольку оттуда им было удобно отдавать приказы командирам отрядов огромных армий справа и слева от себя. Контуры предгорий под Иссом имели такую форму, что заставляли персидский фронт изгибаться вперед на левом фланге, создавая угрозу охвата правого крыла войска Александра. В центре отряды азиатской пехоты, построенные в локальные формирования (т.е. по народностям), стояли так плотно, что ввести их в бой представлялось делом довольно непростым.

В наступавшем войске Александра все отряды левее дислоцированной в центре фаланги находились под командованием Пармениона. На правом крыле стрелки и легковооруженные агриане были посланы выбить с предгорий нависавшие над оконечностью фланга армии неприятельские отряды. Стрелки и агриане удивительно легко достигли цели, и пехотинцы Дария быстро рассеялись, в поисках спасения забираясь выше в горы, откуда уже никакой угрозы не представляли. Тем не менее, Александр отрядил 300 всадников для присмотра за ними.

В последний момент он отозвал два эскадрона конных «товарищей» со сравнительно центральных позиций, которые они занимали, и отправил на усиление правого крыла. Данная перестановка имела, вне сомнения, важное значение, поскольку Александр уже перебросил изначально дислоцированную на правом крыле фессалийскую кавалерию на позицию слева, где сосредотачивались особенно большие силы персов. И в самом деле, Дарий, едва только он смог вывести конницу прикрытия из-за реки, сконцентрировал эти формирования у себя справа против Пармениона. Находившийся вблизи моря участок равнины там, безусловно, благоприятствовал действиям всадников. Оба последних перестроения Александр произвел скрытно. Фессалийцы поскакали в обход через тылы продвигающейся армии, а воины «товарищеской» конницы, которым строго-настроено наказали проделать все незаметно для противника, как можно предполагать, использовали в качестве прикрытия выступы породы, тянувшиеся от предгорий к морскому берегу.

Александр продолжал потихоньку идти вперед, следя, чтобы войско сохраняло ровный фронт. Затем он оказался на дистанции «огня» с неприятелем. И тут он

НА РАЗВОРОТЕ

Мозаика Александра есть, в сущности, произведение древнеримских зодчих, датированное приблизительно 200 г. и находившееся ранее в Доме Фауна в Помпее. Она является копией более ранней живописной картины, созданной, возможно, приближенным Александра Апеллесом с целью увековечить царя-триумфатора в момент битвы с персами. Обычно принято считать, что на мозаике изображен фрагмент сражения при Иссе, хотя некоторые ученые сегодня склонны относить эпизод к решающему столкновению у Гавгамел. Александр запечатлен тут слева в гуще битвы на коне Буцефале стремящимся добраться до Дария. Дарий же показан на колеснице отдающим вознице лихорадочные приказы мчаться его как можно скорее прочь с поля боя. Рука царя царей вытянута словно бы в стремлении прикрыться от Александра, или, возможно, положение ее таково потому, что он метнул дротик. Возница нахлестывает кнутом лошадей, дабы елико споро исполнить повеление господина.

неожиданно повел в стремительную атаку отряды правого крыла, лично возглавив «товарищей» в броске через реку и обрушившись на противника прямо перед собой. (То, как Александр, имитируя Кира при Кунаксе, ударил затем прямо в персидский центр, где расположился собственной персоной Дарий, возможно, не есть выдумка хрониста. Похоже, в тот период для предводителей войск было обычным делом искать личной встречи в бою. Если все-таки предания соответствуют действительности, данный эпизод относился, скорее всего, ко второй фазе сражения.) Как нередко происходило на полях битв в древности, успех на правом крыле приводил к удалению атакующих частей от центра и отрыву их от прочих войск. Крутые берега и неровная почва русла реки, не говоря уже о заграждениях Дария, особенно сильно осложняли фалангитам задачу сохранения строя, а уж поддержание взаимодействия с конницей Александра давалось им и подавно нелегко.

И вот в брешь, образовавшуюся между кавалерией Александра и македонской фалангой, вклинились греческие наемники Дария. Данное обстоятельство означало, что скоро они выйдут на позиции, с которых сумеют сбросить фалангитов обратно в реку и создать угрозу в тылу у македонской конницы, сокрушавшей персидский левый фланг. Нельзя исключать, хотя бы частично, как причины образования окна в македонском строю, принятого в последнюю минуту Александром решения усилить правофланговую кавалерию за счет центра.

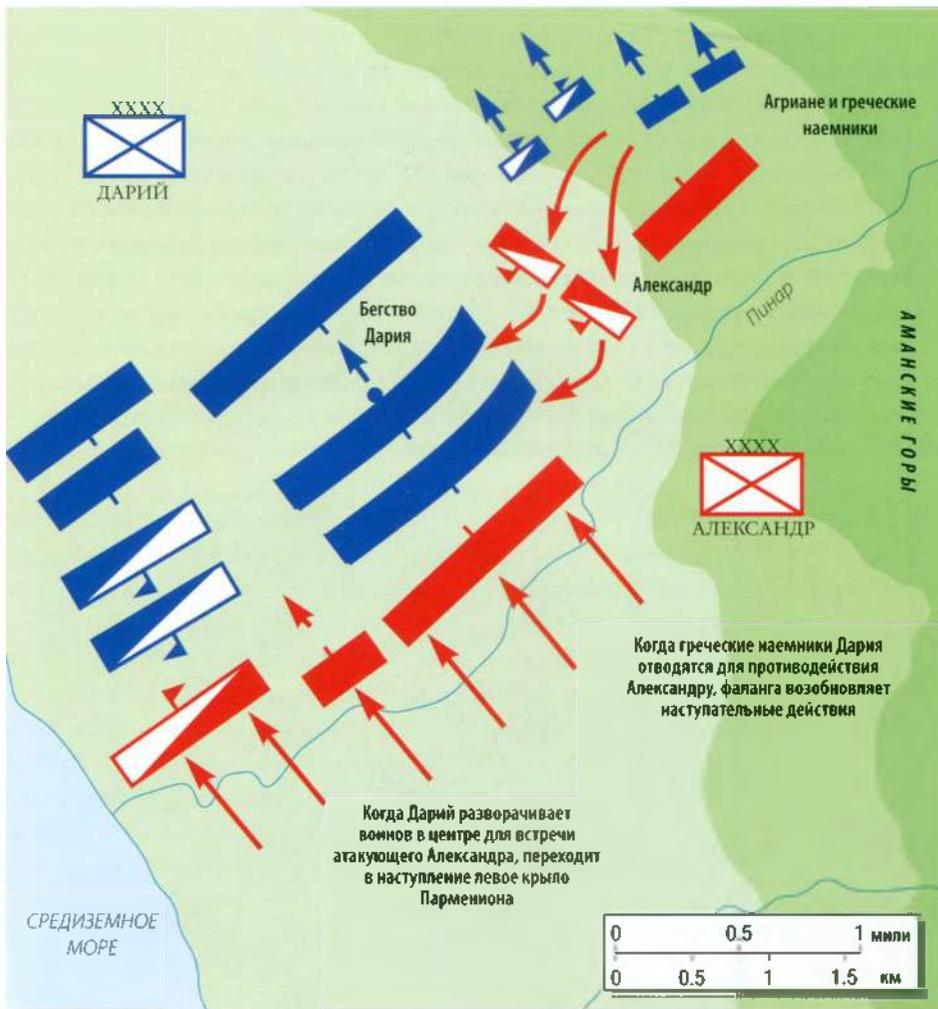
Фалангиты понесли большие потери, в том числе пал Птоломей, сын Селевка, однако они не дрогнули и продолжали драться. Они отразили опасную контратаку и смогли сдержать врага на выступе, образовавшемся справа от них, до тех пор пока Александр не сумел прийти им на выручку.

ОКСАФР ПОД ИССОМ?

В источниках говорится о том, что элита персидской конницы группировалась при Иссе вокруг царя царей. В ходе сражения Оксафр, брат Дария, дислоцировал собственную кавалерию между Александром и колесницей повелителя. Оксафр отважно бился с врагом, но в итоге тот сломил его сопротивление, и Дарию пришлось бросить колесницу и спастись бегством. Существует мнение, будто фигура перед Дарием на мозаике и есть Оксафр. Если это верно, Оксафр должен носить форму командира самого элитного кавалерийского полка во всей Персидской империи. На нем хитон либо из материала шафранового цвета, либо из золоченой ткани с пурпурной отделкой, а плащ имеет также пурпурную кайму. Как можно предполагать, он сидит на нисейской лошади. (Саймон Чу © Издательский дом «Оспри».)

Исс — поворотный момент событий

Обратив в бегство противника на персидском левом фланге, Александр развернулся в сторону своего левого крыла и, врубившись в ряды греческих наемников, расстроил их единство, вследствие чего вынудил либо откатываться от реки, либо умирать на месте. После этого македонская фаланга вновь смогла продолжить продвижение, уничтожая тех из вражеских пехотинцев, кто уцелел под ударами конницы Александра.

Войско Дария подошло совсем близко к успеху у себя на правом фланге в бою с македонским левым крылом, где командование принадлежало Пармениону. Там, у берега и на прилегавшей к нему ровной полосе суши, подавляющее превосходство в коннице, совершенно очевидно, могло превратиться в решающее преимущество. Получали ли командиры персидской правофланговой кавалерии в тот момент приказы непосредственно от самого Дария, сказать с точностью трудно, но в любом случае офицеры на этом участке едва мирились с отведенными им чисто оборонительными задачами, и скоро персидские всадники устремились че-

рез реку в атаку против фессалийской конницы, находившейся как раз напротив. Завязалось ожесточенное сражение, когда же воины персидского правого крыла стали свидетелями крушения центра и левого фланга войска и осознали опасность окружения, они бросились спасаться бегством. Как часто бывает, их попытка унести ноги целыми и невредимыми стала причиной еще большего урона, поскольку фессалийцы преследовали откатывавшегося в беспорядке противника буквально по пятам.

Разгром армии Дария на этом участке скоро принял катастрофические формы. Многие из беглецов имели тяжелое вооружение и снаряжение. Всадники или не успевали уйти от более быстрого неприятеля, или бросали оружие и оказывались беззащитными перед врагом, если тот нагонял их. Когда среди разрастающейся паники они сгрудились в узком горном проходе, лошади нередко падали на землю вместе с седоками, и немало их погибло, будучи затоптанными теми, кто напирал сзади. Кавалерия Пармениона преследовала их неустанно, и обратившиеся в бегство персидские пехотинцы, которых командование разместило позади конницы, теперь несли такие же большие потери, как и всадники.

Дарий не сидел и не ждал, пока рухнет его правое крыло. В тот момент, когда яростный натиск Александра привел к развалу левого фланга персов, царь царей поспешил покинуть поле на колеснице, которая несла его быстро и резко до тех пор, пока позволяла почва. Когда же повозка очутилась на каменистых тропках, что вели на восток и на север, он бросил колесницу вместе с оружием и кое-какими деталями одеяния, после чего вскочил на лошадь, дабы бежать уже без особых затруднений. Древние историки рассказывают нам, что впряженные в его колесницу кони были ранены и не годились для скачки, а потому он воспользовался заводной лошадью, привязанной позади колесницы как раз в качестве спасательного средства при возникновении подобной критической ситуации. В любом случае, ночь позволила персидскому государю ускользнуть от преследователей Александра, и македонскому царю достались лишь брошенные Дарием колесница и снаряжение.

ИСХОД БИТВЫ

Древние источники сообщают нам о 100 000 убитых или взятых в плен при Иссе персидских пехотинцев, потери же в коннице исчисляются в 10 000 человек. Данные представляются несообразно высокими и должны, вероятно, восприниматься как очередная попытка завышения нанесенного врагу урона историками Александра. Как бы там ни было, потери персидское войско понесло значительные. Вполне возможно, куда больше воинов полегло в бегстве после битвы, нежели в самом сражении, что бывало весьма обычным явлением в военном деле античности. Несколько высокопоставленных командиров у персов, проявивших себя более решительно и смело, чем Дарий, пали в том бою. Иные из них ранее пережили Граник. В отличие от противника, урон на стороне Александра оказался незначительным. Мы, между тем, имеем дело только с информацией из македонских пропагандистских источников, а потому истории вроде сенсационного описания единоборства Александра и Дария следует воспринимать с большой осторожностью.

ПОСЛЕДСТВИЯ БИТВЫ

Несмотря на уверенные успехи в войне против Персии, победы в сражениях никогда не даются бескровно, особенно пехотинцам, потери которых всегда или почти всегда более велики, чем у кавалерии. Урон у пехоты Александра в сражениях, весьма вероятно, намеренно занижался в целях пропаганды. Например, судя по приводимым данным, под Иссом у него пали всего 300 пехотинцев, хотя ожесточенный бой с греческими наемниками в центре заставляет усомниться в столь незначительном ущербе, нанесенном врагами македонянам. В анонимном папирусе, обнаруженном в Оксиринхе в Египте, приводятся заслуживающие большего доверия данные о 1000 убитых пехотинцах и 200 конниках. Нельзя

сказать, сколько из этого числа приходилось на «пезгетайрой» или гипаспистов, и совершенно невозможно привести какие-то расчеты по раненым и умершим от ран позднее, как и по отправленным домой или же переведенным на гарнизонную службу калекам. Вынос мертвых и раненых с поля битвы после ее окончания всегда служил источником тяжелых впечатлений для воина. Здесь мы видим, как двое оттаскивают в повозку бездыханное тело. Другие поддерживают и успокаивают раненого товарища, иные же тем временем роются среди павших, подбирая годное к дальнейшему употреблению оружие и обирая мертвецов. (Криста Хук © Издательский дом «Оспри».)

При Иссе Александр вновь использовал могучий молот кавалерии для раскалывания неприятельской обороны. Пусть переброска войск из центра и привела к образованию бреши, поставив под ненужный удар фалангу, его «хук» с правой в левое крыло войска Дария с последующим сломом центра, при явно продемонстрированном умении своевременно развить достигнутое преимущество, представляется блестяще выполненным всесокрушающим приемом. Трудное положение Пармениона на левом крыле, вынужденного сдерживать численно превосходящего врага, могло бы обернуться весьма тяжелой ситуацией, если бы дела пошли по-иному на других участках поля битвы, но даже если бы персидский правый фланг не бросился спасаться бегством, а продолжал сражаться, остальные отряды македонской армии помогли бы товарищам разделаться с противником после оставления поля левым крылом и центром персов. Выбор Александром выгодного для него поля боя позволил свести на нет главный козырь Дария — численное превосходство, но лишь решительное руководство принесло македонянину победу в описываемом столкновении.

Македонские воины быстро заняли персидский лагерь, где обнаружили и пленили мать, жену и детей самого Дария. Александр обошелся с женщинами царского дома по-рыцарски, заверил их в том, что Дарий уцелел, как и в том, что сам он лично ничего против него не имеет, поскольку воюет единственно с законными политическими целями, то есть за обладание Азией.

Деньги разгромленного царя царей, конечно, тоже достались победителю. Ариан ненароком упоминает «только 3000 талантов», однако ему есть с чем сравнить, поскольку вскоре, когда македонцы взяли Дамаск, Александр обогатился куда больше. Тем не менее и 3000 сумма немалая, и захваченной при Иссе казны должно было, безусловно, хватить для закупок снабжения и оплаты услуг наемников в предстоящей кампании.

На этом участке украшения саркофага Александра показан Александр в бою под Иссом. Царь изображен верхом на коне и с львиной мордой в качестве головного убора. Как предполагают ученые, второй македонский всадник около центра — Гефестион, тогда как другого часто идентифицируют с Пердиккой.

Несмотря на полученное в бою ранение в бедро, Александр присутствовал на торжественных похоронах убитых и посетил раненых солдат, кого-то утешая, кого-то подбадривая, а также раздавая награды отличившимся в битве.

После разгрома персов под Иссом Парменион занял Дамаск. Количество захваченных там сокровищ и важное положение отдельных из захваченных личностей говорит о функции данного города, послужившего не просто удобным местом для хранения казны и размещения нонкомбатантов; по всему видно, что Дарий намеревался превратить его в основную оперативную базу для войны с македонянином. Царь царей явно не предполагал, что потерпит сокрушительное поражение в одном-единственном боевом соприкосновении и будет вынужден искать спасения в глубине бескрайней державы.

Тем временем Дарий продолжал бегство на восток. К нему присоединились и другие уцелевшие после побоища числом около 4000 человек, и главной целью его служил скорейший переход Евфрата, дабы оставить эту могучую реку между собой и Александром. 8000 греческих воинов, прежде перебежавших в стан Дария, уносили ноги на запад. Добравшись до финикийского берега в Триполи около горы Ливан, они обнаружили корабли, которые изначально привезли их на восток с Лесбоса. Спалив лишние суда с целью предотвратить преследование, некоторые через Кипр ушли в Египет, а другие, по всей вероятности, избрали путь в Грецию, где поступили на службу к царю Спарты Агису.

Принимая во внимание решительную победу Александра и количество задействованных в столкновении сил, продолжительность самого боевого противостояния приходится считать поразительно короткой. Сражение разыгралось в ноябрьский день, вместе с тем светового дня явно хватило на длительное и результативное преследование разгромленного войска. Утром Александр медленно и осторожно продвигался в направлении персидских позиций, при этом у полководцев с обеих сторон еще хватило времени рассмотреть неприятельское построение и соответствующим образом передислоцировать части накануне битвы. Само сражение едва ли могло занять несколько часов.

Для Александра его победа и особенно вся ситуация в свете кончины Мемнона предоставила возможность продолжить завоевание и назначить на административные должности новых сатрапов, вручив им обязанности по подавлению сопротивления в Малой Азии. Антигон Монофталм, некий Птолемей (вероятно, даже родственник Антигона) и Балакр принялись энергично разделяться с оставшимися персидскими силами.

ПОСЛЕ ИССА

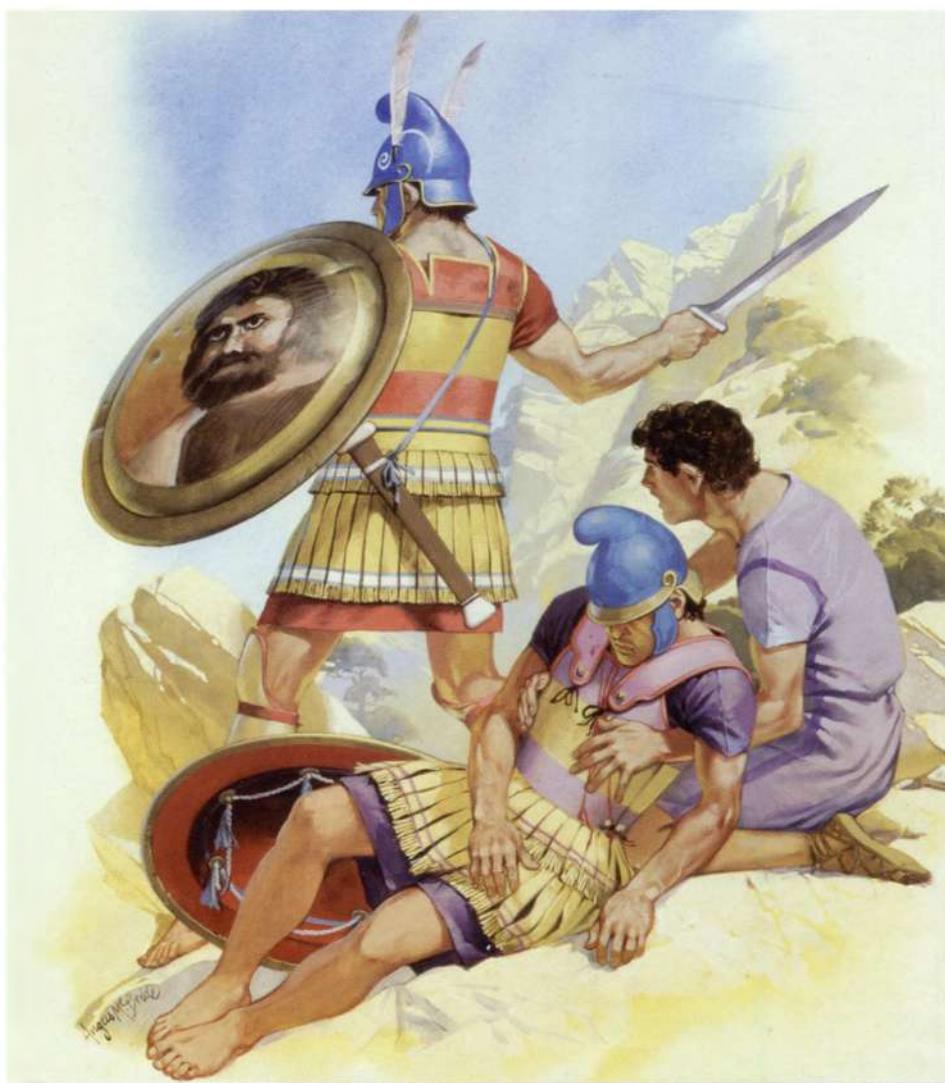
По смерти Мемнона командование эскадрами Дария в Эгейском регионе приняли персидские флотоводцы Фарнабаз и Автофрадат. Они продолжали базироваться на Хиосе, а также держались избранной Мемноном стратегии, основывавшейся на стремлении подорвать господство македонян на греческой континентальной территории и на островах, в то время как Александр преследовал собственные стратегические цели — завоевание Востока. Между тем в Греции у персов нашелся единомышленник — царь Спарты Агис, который размышлял сходным образом и стремился объединить собственные усилия с усилиями персидских адмиралов.

Он сел на трирему и без лишнего эскорта и помпы отправился на встречу с Фарнабазом на остров Сифнос в Кикладах. Цель визита состояла в получении вспомоществования от персов в кораблях и денежных средствах и гарантий оказания ими спартамцам всесторонней поддержки в войне против Антипатра в Греции.

Новости о побоище у Иссы достигли ушей Агиса и персидских командиров как раз тогда, когда они занимались обсуждением планов на Сифносе. Фарнабаз поспешил обратно на Хиос. Ему и в самом деле было чего опасаться — существовала опасность, что победа Александра воодушевит всех сторонников македонян на востоке побережья Эгейского моря на активную борьбу по низвержению персидского главенства. Учитывая сложившуюся ситуацию, Агис, безусловно, не получил той помощи, на которую рассчитывал: Автофрадат дал ему всего десять кораблей и 30 талантов серебра. Царь Спарты послал все это брату, Агесилаю, с указаниями полностью заплатить гребцам и отправить флотилию на Крит для предотвращения перехода острова на сторону македонцев. Операция прошла вполне успешно. Через несколько месяцев к Агису прибыли некоторые греческие наемники из числа воевавших против Александра при Иссе. Как бы там ни было, из Афин он поддержки не получил. На Пелопоннесе несколько городов выразили желание ответить на призыв Спарты и стать под ее знамена, но Мессана, Аргос и Мегалополь — все традиционные враги спартамцев — вовсе не собирались противодействовать македонцам. Основная проблема Агиса как раз и заключалась в численности, и когда он наконец оказался вынужден вступить под стенами враждебного Мегалополя в битву с македонским деблокировочным войском Антипатра, спартамцев сокрушила армия, вдвое превосходившая их количественно. Сам царь умер как герой, продолжая сражаться на коленях после того, как рана в ногу лишила его возможности биться стоя.

Примерно в то же время во внутренних районах Малой Азии наблюдались некие подъем и возрождение персидского военного могущества. Командиры Дария в Пафлагонии и Каппадокии сумели собрать местные ресурсы живой силы, к ним добавились беглецы из-под Иссы, многие из которых после разгрома держали путь на север. Войска эти начали создавать угрозу Антигону — командиру, получившему от Александра в управление Фригию. Антигон находился в особенно уязвимом положении, поскольку набирал воинов в поддержку операций Александра дальше на востоке, а посему фригийские гарнизоны изрядно поредели. Однако когда дело дошло до прямого боевого противостояния, Антигон одолел вновь созданное персидское войско в трех отдельных боевых соприкосновениях. И вновь перед нами доказательство верного решения Александра, ибо тот оставил позади себя человека, вполне способного выигрывать битвы, если до них дойдет дело, а потому самому завоевателю не приходилось отвлекать силы и внимание в нарушение собственных планов, что позволяло ему продвигаться далее на юг через Сирию и Палестину.

В Дамаске Александр пленил ряд высокородных персидских дам из семей офицеров Дария, оставленных там перед битвой под Иссом. С ними обращались весьма почтительно, если не считать одного исключения — Барсины, вдовы Мемнона и дочери персидского вельможи. Она стала любовницей Александра и позднее родила сына, нареченного отцом Гераклом в честь героя, которого он особенно почитал и считал своим предком.

Раненому воину из пеших «товарищей» помогает слуга, а тем временем старший солдат из все тех же пеших «товарищей» прикрывает их отход с поля битвы. (Энгус МакБрайд © Издательский дом «Оспри».)

Оказавшись по ту сторону Евфрата, Дарий решил обратиться к дипломатии — он стал посылать письма Александру с предложением денег и территорий в обмен на родственников. Однако обмен корреспонденцией между двумя царями показывал лишь неспособность персидского владыки признать всю серьезность опасности для его империи. Кроме того, Дарий упорно продолжал обращаться с Александром как с неким удачливым выскочкой, как с низшим, которого, как ему представлялось, он мог подкупить и удовлетворить жертвой ему Малой Азии и 10 000 талантов. Но Александр имел на руках козырные карты и вовсе не чувствовал себя в готовности перейти к дипломатии, если она не могла дать ему больше, чем сила оружия. Переговоры продолжались почти два года с повышением ставок — Дарий дошел до готовности предложить Азию к западу от Евфрата, 30 000 талантов и руку дочери, — но уступки перса не поспевали за завоеваниями македонянина. Куда было деваться Дарию, если Александр «брал копьём» все больше и больше земли?

ФИНИКИЯ И ЕГИПЕТ

Вести о разгроме персов под Иссом подтолкнули к отпадению от них в Финикии многих иных политических образований. Представители прибрежных городов наперебой бросились преподносить Александру золотые венцы в знак готовности признать его и подчиниться — Арад, Мараф и Библос (Библ) приняли его быстро и с покорностью. И хотя города встречали соответственно добрый отклик со стороны завоевателя, все же некоторых правителей — как того же Стратона Сидонского — он сместил, несмотря на сдачу города без боя. По всей видимости, сами сидонцы, встретившие Александра как освободителя особенно потому, что Артаксеркс III подавил восстание города с чрезвычайной жестокостью, не желали терпеть у власти человека, которого знали как многолетнего подручного персов. Если верить традиции, Александр предоставил право выбора нового царя свосму другу Гефестиону, а тот нашел неимущего члена царского дома по имени Абдалоним, низведенного из-за бедности в огородники, — тот сам без рабов и помощников обрабатывал свой сад, чем и жил, — и возложил корону на его голову.

Обладание Финикией представляло критически важное значение для самого выживания персидских флотилий. Александр же оставил попытки разгромить персидский военный флот на море и распустил македонские эскадры. Персидский флот, в состав которого входили и пираты, не просто численно превосходил македонский, но македонские суда и матросы к тому же уступали противнику качественно, и, что еще хуже, властям греческих морских государств никак нельзя было полностью доверять. Виделось куда более разумным лишить персидских моряков береговых баз, за счет чего ослабить врага без необходимости идти на риск потерпеть катастрофу на море, ибо она могла не только повернуть ситуацию в войне не в пользу Александра, но и, безусловно, навеки подпортить его репутацию непобедимого. Со своей же стороны персы, стремясь одновременно защищать, а иногда и угрожать множеству разных пунктов в Эгейском море, слишком сильно распляли имевшиеся у них ресурсы. Части персидского военного флота, попытавшиеся установить господство в Геллеспонте, получили хороший урок от македонских офицеров, Гегелоха и Амфотера, командовавших эскадрами Александра. Македонцы отбили Милет, вернув его себе, причем даже сам Фарнабаз угодил в плен на Хиосе. Команды пиратов, набранные персами, были выловлены, взяты под стражу и казнены.

Морская стратегия Александра продолжала действовать. Как только жители и правительства того или иного региона покорялись ему, их морские контингенты переставали поддерживать персидское дело. Вообще финикийцы очутились в довольно неловком положении, поскольку немало их граждан, в том числе и многие представители местных династий, служили в рядах персидского флота. Такие

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
На рельефе из храма Аммона
в Луксоре Александр Великий
увекочен как фараон,
приветствующий бога Амона.

ОСАДНОЕ ДЕЛО

История осадного дела характерна перемежающимися, словно полосы на теле зебры, периодами, когда в извечном соревновании оборонительных и наступательных приемов и технологий лидерство принадлежало то одним, то другим из них. В эпоху античности оборона царствовала в осадном деле почти безраздельно. Города опоясывались колоссальными по размаху фортификационными сооружениями, и такие укрепления подчас оказывались практически неприступными. Да, конечно, города сдавались из страха перед подступившим противником, но гораздо чаще горожане запирали ворота и выходили на стены в надежде, что стены и башни помогут им выстоять и не покориться.

В таком случае перед осаждающими открывалась возможность прибегнуть к одному из пяти средств. Они могли бросить воинов на укрепления со штурмовыми лестницами с земли или с насыпи, могли пробить стену тараном или подкопать ее. Третий вариант — прорыть тоннель под укреплениями. Дело было опасным, но при тщательном исполнении и наличии удачи возникало преимущество неожиданности. Если же ничего из вышеперечисленного не приносило плодов или же недоставало возможностей для применения таких приемов, почти всегда оставался шанс уморить защитников голодом, перекрыв пути поступления в город снабжения. По существу, данная стратегия представляется самой безопасной, но, в зависимости от количества запасов всего необходимого у жителей и плотности блокады, такая осада рисковала продлиться вечность. В качестве инструмента для проникновения за стены вполне годились предательство или хитрость. Одним из последних приемов порой служило притворное отступление от стен и мнимый отказ от продолжения осады. После этого расслабившихся горожан иногда застигали врасплох тайно оставленные в укромном месте отряды. Воины из их состава затем потихоньку пробрались в город как раз тогда, когда основные силы осаждающих возвращались.

Основным осадным орудием служил таран, способный пробить стену или ворота, если удавалось найти какое-то слабое место, но прислуга, обслуживающая такую машину, всегда оказывалась очень уязвимой перед противодействием неприятеля, а потому неизменно сущес-

твовал риск больших потерь. Войско могло попробовать овладеть городом путем эскалады (штурма), но попытки иной раз сопровождались большим уроном у атакующих, особенно если защитники ожидали чего-то подобного и успевали подготовиться к отражению приступа. В реальности наступающая армия располагала довольно скромными шансами взять неприятельский город штурмом. Избрав обложение и пассивную осаду, осаждающий обрекал себя на долговременное сидение под стенами, способное тянуться месяцами, а порой и годы — до тех пор, пока у противника внутри не кончатся запасы провизии. Неприятельский город приходилось окружать стеной со рвами и брустверами и выставлять на них сторожевые отряды, дабы не допустить проникновения в город обозов со снабжением. Это приводило к тому, что активные боевые действия, по сути, прекращались, и целая армия оказывалась прикованной к одному пункту. Для ускорения осады порой прибегали к насыпанию специального вала или насыпи. Первый такой осадный вал в регионе Эгейского моря велел возвести лидийский царь Алиатт, подступивший к Смирне приблизительно около 600 г. Персы вполне эффективным образом задействовали насыпи для преодоления сопротивления жителей укрепленных городов, не желавших покориться их правлению. Как бы там ни было, Лидия и Персия являлись богатыми и густонаселенными царствами, их государи располагали необходимыми ресурсами для крупномасштабных земляных работ и могли выделить значительное по численности войско для обложения твердыни на довольно продолжительное время, что по большей части находилось за пределами возможностей греческих государств.

Обычной целью наступательного похода служило стремление как можно быстрее навязать защищающейся стороне открытое сражение в поле. Самая большая сложность состояла в том, как принудить противника отказаться от отступления за стены и не допустить длительного сидения его там со всем необходимым для продолжительной обороны. Для выманивания защитников из безопасного места использовалась так называемая стратегия опустошения. Когда силы вторжения входили на основную территорию противника, они первым делом стремились добраться до объектов сельского хозяйства и причинить

им как можно больший ущерб. В стремлении достигнуть максимального эффекта к городам обычно приступали непосредственно перед моментом начала уборки урожая, когда тот еще находился на полях. Командование сил вторжения делало все возможное для приведения в негодность урожая или использовало его в своих целях. Воины вырубали фруктовые и оливковые деревья, заставляя обливаться кровью сердца владельцев. Если защитники не желали договариваться с противником, отвергали его условия, им порой волей-неволей приходилось делать вылазки и драться за урожай. Когда доходило до битвы, она обычно разворачивалась на ближайшей равнине, представлявшей собой удобную для столкновения двух армий гопплитов. Если оборонявшиеся предпочитали отсидеться за стенами, враг мог появиться снова на следующий год, потом еще, и делать так на протяжении нескольких лет в надежде за счет создания угрозы разрушения инфраструктуры сельского хозяйства вынудить хозяев земли выйти на бой или заставить жителей пустить в пищу предназначенные для сева запасы, что неизбежно оборачивалось для них голодом. При условии наличия в городе какого-то политического соперничества представителей той или иной партии представлялось возможным склонить к сотрудничеству с осаждающими, даже побудить их открыть врагу дорогу в город в целях экономии времени и для предотвращения ненужных потерь и напрасных мытарств.

Греки сполна прочувствовали потенциал механизации осадного дела с выходом на сцену событий в их регионе Филиппа II. Содержание осадного обоза обходилось дорого, а потому обладание таковым оправдывалось лишь намерением подчинять силой многие города, нужда в чем до начала македонской экспансии в Греции не возникала. Кроме того, Филипп имел под рукой профессиональную армию, действовавшую на постоянной основе, и воины его выражали куда больше готовности штурмовать укрепления, перед которыми пасовали ополчения граждан в предыдущем столетии. Что еще важнее, все тот же профессиональный характер македонского войска позволял включать в него и соответствующих специалистов, мастеров и механиков, ибо без них Александр не смог бы обзавестись современным осадным парком.

В третьей «филиппике» великий афинский оратор Демосфен выступал против македонской манеры ведения боевых действий, поскольку война, по Филиппу, пере-

ставала служить синонимом честного состязания воинов в поле в ясный летний день. Совершенно напротив, не представлялось возможным исключить шанс появления Филиппа под стенами того или иного города в любое время. Он приходил тогда, когда хотел, разворачивал свои машины и приступал к осаде.

Филипп II занимает особенное место в связи с развитием осадной техники в античности. Существует мнение, что примерно в 350 г. он основал постоянные мастерские для производства механизмов, однако его усилия в данном направлении продемонстрировали их неадекватность в ходе кампании 340 г., и для осады Византии царь назначил нового командующего «инженерными войсками», Полинда Фессалийского; имя это среди прочего связано со строительством гигантской осадной башни.

Древние авторы приводят длинный (но ни в коем случае не исчерпывающий) список городов, захваченных Филиппом благодаря осадам: Амфиполь в 357 г., Пидна и Потидея в 356 г., Мефона в 354 г., Феры и Пагаса в 352 г., Стагира в 349 г., Олинф в 348 г., Галос в 347 г., Пандосия, Бухета и Элатея в 342 г., не считая еще 32 фракийских городов, которые завоеватель приказал срыть до основания. Мефону македоняне брали, безусловно, штурмом и действовали особенно яростно, поскольку именно там Филипп получил стрелу в глаз и окривел. Амфиполь и Пидна пали, как считал Демосфен, за счет измены. За царем Македонии, несомненно, водилась слава политика и полководца, всегда готового найти кого-нибудь, кто пожелает принять деньги за услуги: городки Мекиберна и Торона значатся как захваченные путем предательства, и таких, по всей вероятности, можно насчитать еще довольно много. Как бы там ни было, Филиппу не всегда сопутствовал успех. В 340 г. стояние его под Перинфом окончилось полным пшиком, несмотря на использование всего набора средств из осадного парка царя, в том числе башни высотой в 80 локтей (более 35 м), таранов, подкопов и катапульт, пускавших большие стрелы. Перинф пользовался помощью персов и византийцев, а потому Филипп увяз там в бесперспективной осаде. Более того, одновременный удар по Византию, который, как ожидал царь, будет лишь слабо защищен, не добавил ему ничего, кроме ненависти, вспыхнувшей в сердцах граждан ближайших греческих сообществ, и Филиппу пришлось свернуть оба осадных предприятия.

правители преимущественно предпочитали покориться Александру в надежде сохранить власть, нежели оставаться верными Дарию. В отличие от них государи удаленной от берега сирийской территории выказывали больше склонности держаться законного персидского царя, и мы находим немало таких господ в окружении бывшего их сатрапа, Мазея, в рядах войска, вышедшего в 331 г. помериться силами с Александром у Гавгамел.

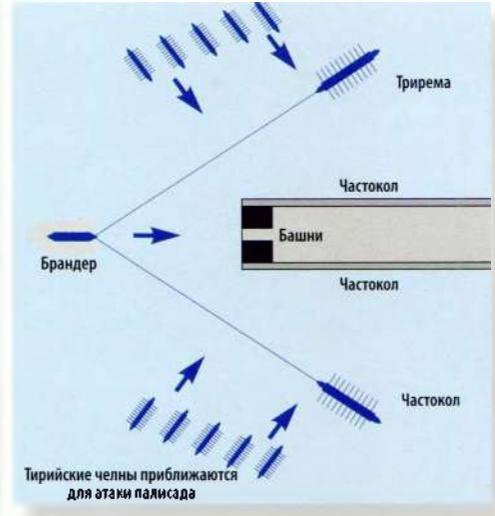
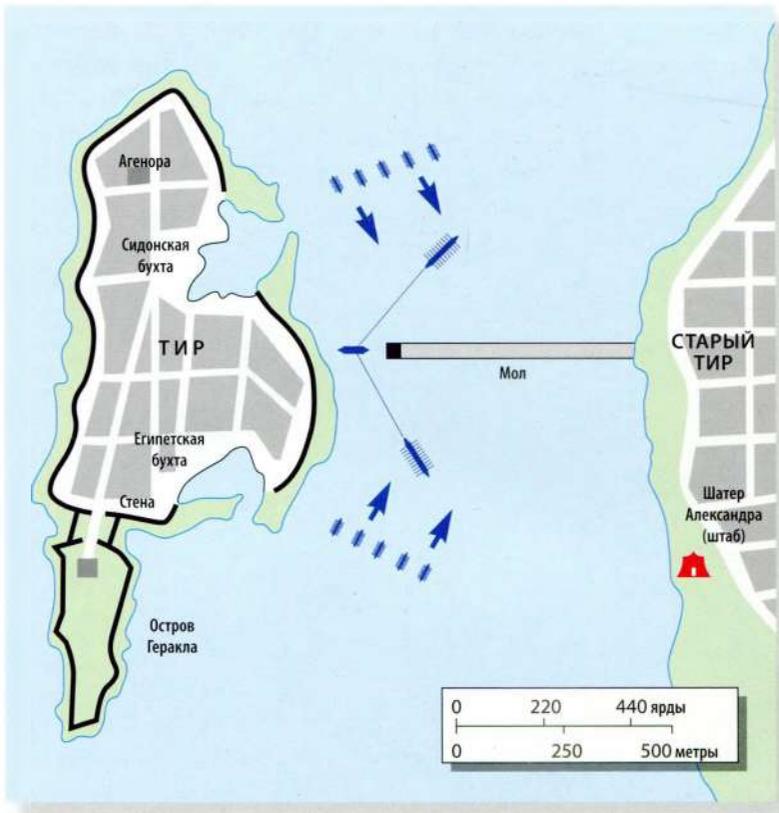
ТИР

Тогда как северные финикийские города капитулировали при известиях о приближении Александра, Тир отказал царю в просьбе принести жертвы Гераклу (Мелькарту) внутри города. Невинное на вид желание представлялось, разумеется, плохо замаскированной уловкой и прозрачным намеком на оккупацию Тира. Но тирийцы чувствовали себя в силах оставить за собой последнее слово, по крайней мере, у них имелись на то немалые основания, поскольку Тир и македонское войско разделяли добрые три четверти километра морской поверхности. В общем, отцы города выразили готовность потрафить желанию Александра, если только тот будет приносить жертвы Гераклу в Палетире, или Старом Тире, стоящем как раз на континентальной земле. Кроме того, они питали надежды — тщетные, как показало будущее — на помощь из их североафриканской колонии Карфагена. Однако как задачи великой стратегии, так и заработанная Александром репутация не позволяли царю оставить такой важный город незанятым. Главная цель данного этапа кампании состояла для Александра в ликвидации всех возможных персидских баз у себя в тылу до того, как он вновь не двинется на Восток и возобновит враждебные действия по отношению к Дарию. Делать исключения он не мог, особенно в случае такого могущественного морского центра, как Тир. Оборонительные сооружения города казались неприступными, но Александр, похоже, уже окончательно уверился в собственной непобедимости, и следовавшие за ним воины, конечно же, тоже считали его таковым.

Александр осознавал, каким нелегким делом будет борьба за островной город, как понимал и то, что продолжительная осада предоставит дополнительный выигрыш во времени его противнику. Поэтому он послал в город представителей, дабы те уговорили тирийцев сложить оружие. Но дипломатические средства потерпели фиаско, более того, послов схватили, казнили и тела выбросили в море.

Итак, утратив надежды на мирный исход, завоеватель решил построить через узкий пролив мол, соединивший бы континентальную территорию с островом. Поначалу сооружение дамбы шло у Александра довольно споро. Глубина у берега была маленькой, дно илистым, тогда как недостатка в строительных материалах вроде камня и дерева он не испытывал. Скоро в ил вколотили сваи и начали бросать в воду валуны, прочно застревавшие в вязком дне. Но по мере отдаления от береговой полосы глубина моря заметно менялась, а вблизи острова она достигала не менее 5 м. Так, задачи строителей сделались более сложными и опасными. Проблемы им создавала не только глубина, но и расстояние до противника — рабочие находились теперь на дистанции «огня» от защитников на городских стенах. Кроме того, ничто не мешало тирийцам подходить к работавшим на галерах и обстреливать их с моря, делая продолжение строительства едва ли не невозможным.

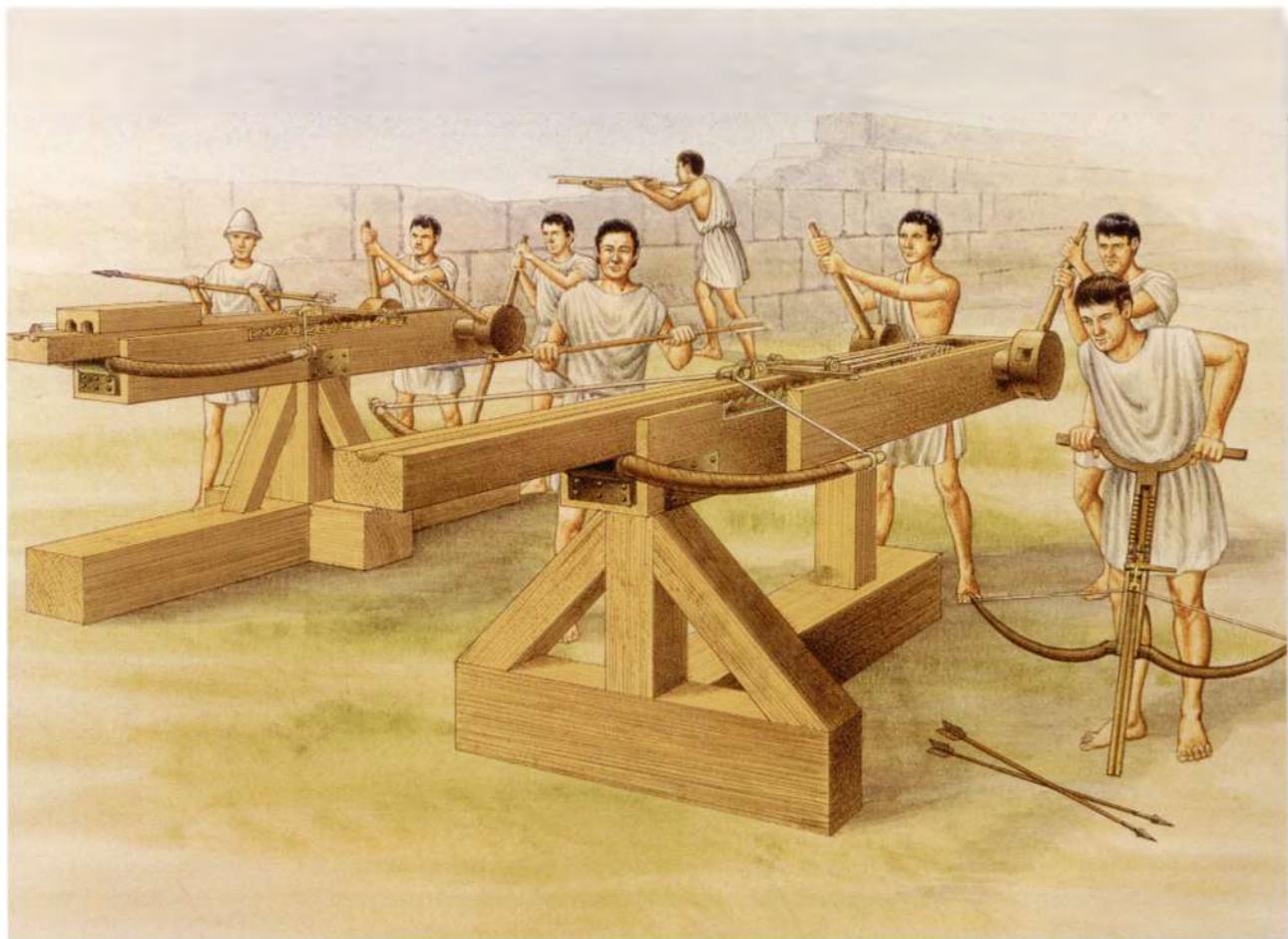
Осада Тира — АТАКА ПРОТИВ МАКЕДОНСКОГО МОЛА

На избранную врагом тактику Александр отозвался строительством на молу двух башен, деревянные каркасы которых покрыли шкурами для защиты солдат на них от метательного оружия и самой структуры от возгорания при обстреле зажигательными снарядами. Александр велел установить на башнях катапульты и смог таким образом дать отпор неприятельским кораблям путем обстрела их тяжелыми стрелами. Тирийцы быстро осознали необходимость любым способом уничтожить башни и решили применить брандер. Они взяли довольно крупное судно, служившее прежде для транспортировки лошадей, набили его деревом, стружкой, щепками, хворостом, смолой, серой и любыми тому подобными горючими материалами, которые только нашлись у них под рукой. К мачтам прикрепили двойные нок-реи, повесив на них котлы с маслянистой субстанцией, способной служить дополнительной пищей огню. С кормы брандер специально нагрузили балластом, дабы повысить поднять нос, чтобы весь корабль как можно дальше выдвинулся на сушу, оказавшись поближе к башням. И вот брандер двинулся к цели, буксируемый триремами, когда же объект оказался рядом, моряки команды разожгли огонь и попрыгали в воду.

Результат получился вполне предсказуемым — башни запылали как свечки. Прочие тирские галеры курсировали поблизости от пожара и поливали стрелами людей Александра, пытавшихся приблизиться к башням и потушить пламя. Кроме того, жители города устроили вылазку на челноках, высадились на молу и разместили оборонительные палисады. Дерзкие и отважные храбрецы подпалили уцелевшие от огня брандера катапульты.

Когда брандер вылетел на мол и, согласно плану, вызвал возгорания, повлекшие за собой, как следствие, пожар на башнях, прежде буксировавшие баржу триремы приблизились к молу и обрушились на пожарных Александра град метательных снарядов. Как только запылали башни, другие тирийцы сделали вылазку из города на лодках и, подпалив все еще не тронутые огнем машины на насыти, выдернули многие колья, укреплявшие их с боков.

Все произошедшее, совершенно очевидно, правомочно расценивать как крупную неудачу Александра, но как стратег он обладал неистощимым терпением, что явно контрастировало с его неутомимой порывистостью тактика в сражениях. По его приказу строительные работы продолжились, хотя в вопросе этом данные древних источников расходятся, а потому не вполне ясно, начал ли Александр сооружение нового мола, направленного к городу под несколько иным углом, или же просто велел расширить уже имевшийся. Представляется более вероятным все же второе — расширение мола и установка на нем еще большего количества башен. Пока все эти работы кипели на молу, сам завоеватель взял отряд гипаспистов и легковооруженных агрианских воинов и отправился к дружественным финикийцам в Сидон, где ранее оставил свои триремы. Александру требовался флот, поскольку взять Тир без установления господства на море не представлялось возможным.

К Александру присоединились морские командиры из Арада и Библоса, как и десять трирем с Родоса, 13 кораблей из городов на ликийском и киликийском берегу; пришла и одна 50-весельная галера из самой Македонии. Массовое дезертирство из персидского лагеря финикийцев с их 80 судами громким эхом отозвалось на Кипре, ибо тамошние цари забеспокоились, опасаясь оказаться на стороне проигравшего. Объединенная кипрская флотилия из 120 кораблей вскоре прибы-

ла в Сидон и послужила веской добавкой для растущей эскадры Александра. Такое своевременное и желанное подспорье на море следует считать большой удачей, хотя, разумеется, готовность помогать завоевателю со стороны городов объяснялась важной победой Александра под Иссом. В любом случае он не мог не радоваться изменению настроений среди прежде враждебных элементов, ставших теперь — и столь своевременно — его новыми союзниками.

Морские операции

Пока рабочие и мастера трудились над восстановлением парка «артиллерии», Александр предпринял рейд на аравийскую территорию далее от побережья и в результате десятидневного спектакля — демонстрации силы, в каковой он задействовал несколько кавалерийских эскадронов наряду с гипаспистами и агрианами, — добился подчинения населения региона. Возможно, он проводил эту операцию в рамках повышения качества военной подготовки солдат как своего рода учения, но в любом случае действия его вписывались в рамки генеральной стратегической линии, направленной на устранение любого потенциально способного вредить ему в тылу противника.

По завершении экспедиции Александр нашел в лагере Клеандра, сына Полемократа, которого отправлял в Грецию для вербовки наемников. Тот, как оказалось, ездил не зря и привел государю 4000 воинов с Пелопоннеса. Следовательно, македоняне вполне подготовились к следующему акту противостояния с тирийцами, и, что касается морской силы, козыри теперь находились на руках у Александра. До самого того момента, когда он стал выводить войска на исходные позиции для битвы, тирийцы даже и не знали, сколь значительно вырос его флот с прибытием в македонский стан финикийского и кипрского контингентов.

Возглавляя эскадры с палубы боевого корабля на правом крыле, Александр вознамерился было втянуть тирийцев в боевое соприкосновение в открытом море. На галерах он разместил морскую пехоту, чтобы корабли в тактическом плане могли действовать возможно шире, сочетая таран и abordаж. Однако убедившись в численном превосходстве неприятеля, тирийцы благоразумно отказались от схватки, сосредоточившись главным образом на охране входов в островные гавани перед лицом наступающего противника. Следовательно, воевать представлялось возможным только на узких участках, где численное преимущество Александра не давало ему особого выигрыша.

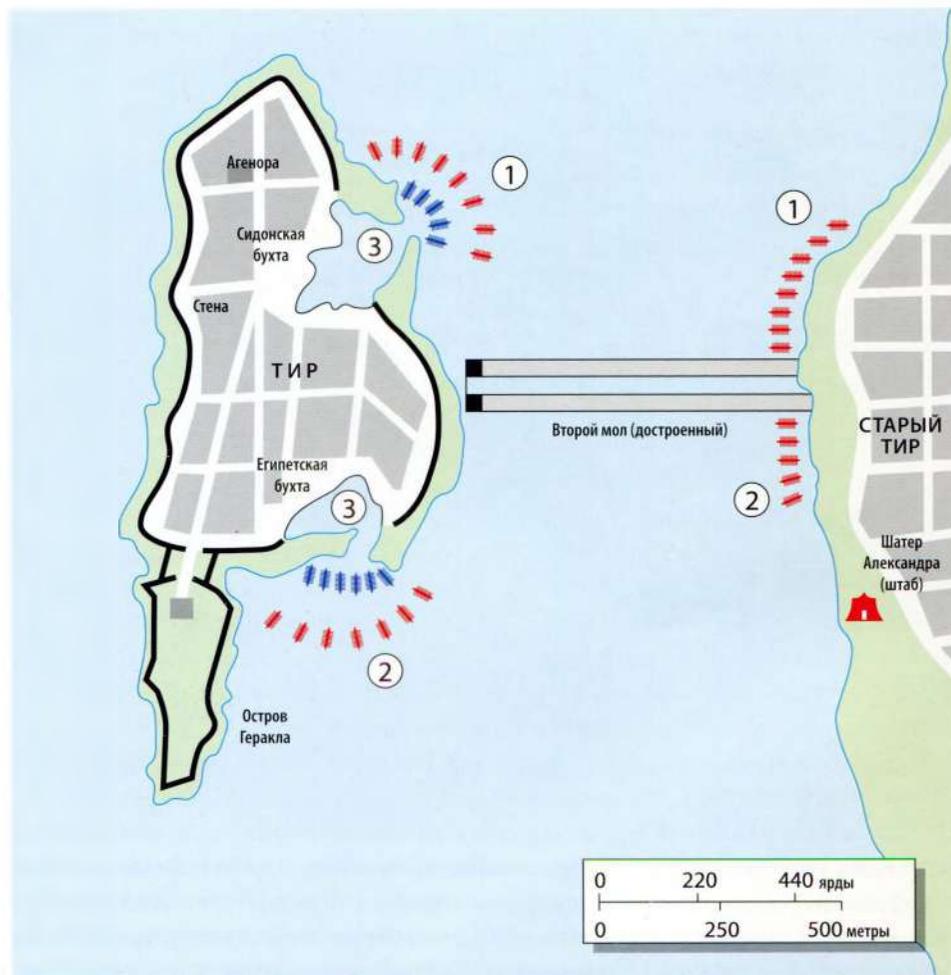
Две гавани на острове смотрели на север и юг соответственно, одна — в направлении Сидона, а вторая — в сторону Египта. Видя, что эти морские ворота тщательно охраняются, Александр поначалу не отважился посылать моряков на штурм. Когда он приблизился, устье северной гавани блокировали триремы, поставленные на якоря боком к македонянину. Однако капитаны финикийских галер потопили три стоявших несколько особняком вражеских корабля, протаранив их носами своих галер. Команды спаслись довольно легко, перебравшись вплавь на свою территорию — на остров.

После этой стычки Александр расставил корабли вдоль континентального берега и расположился на суше поблизости в том месте, где мол обеспечивал некоторое дополнительное прикрытие от стихии. Собственная штаб-квартира его разместилась южнее, так что как бы смотрела в направлении южной гавани острова.

На заре 4-го столетия мир, по всей вероятности, уже знал несколько вариантов гастрифетов. Гастрифеты представляли собой более раннее механическое орудие, чем катапульты. В основе их действия лежал большой композитный лук, состоявший из перемежавшихся между собой слоев дерева, рога и сухожилий. Когда дугу сгибали перед выстрелом, сухожилия по краям вытягивались, тогда как роговое «брюхо» сжималось. При высвобождении тетивы каждая из составных частей стремилась вернуться в исходное состояние, создавая мощное усилие, сообщающее ускорение стреле. Помимо изначального ручного гастрифета среди показанных на иллюстрации механизмов «горная» версия — как можно предполагать, для применения на сильно пересеченной местности — и «двухствольный» вариант. И то и другое — дело рук изобретателя Зогира Тарентского. (Брайен Делф © Издательский дом «Оспри».)

1. 120 кипрских кораблей под началом Андромаха.
2. 80 финикийских судов плюс 23 корабля с Родоса, из Ликии, Сол и Малла и одна македонская пентеконтера (50-весельная галера).
3. Тирские корабли.

Осада Тира — блокирование города АЛЕКСАНДРОМ

Он приказал кипрской эскадре блокировать северную сторону острова, тогда как южную отвел финикийцам.

Тем временем завоеватель привлек на службу значительное количество мастеров как с Кипра, так и с финикийского берега. При их усилиях процесс строительства осадных машин пошел быстро, и скоро их установили на дальней оконечности мола и на судах — на транспортниках и на тихоходных триремах, которые Александр велел поставить на якоря вокруг города в ходе подготовки к обстрелу необычайно высоких стен. По данным хронистов, со стороны мола они возвышались на 45 м. Даже если предположить, что речь идет о башнях, а не о куртине, все равно сведения кажутся преувеличенными. Так, даже мавзолей в Галикарнасе — одно из семи чудес света в древнем мире — поднимался лишь примерно на 40 м. Тем не менее кладка укреплений перед молотом состояла из массивных каменных блоков, скрепленных между собой раствором. Сверху на баш-

Осада Тира Александром

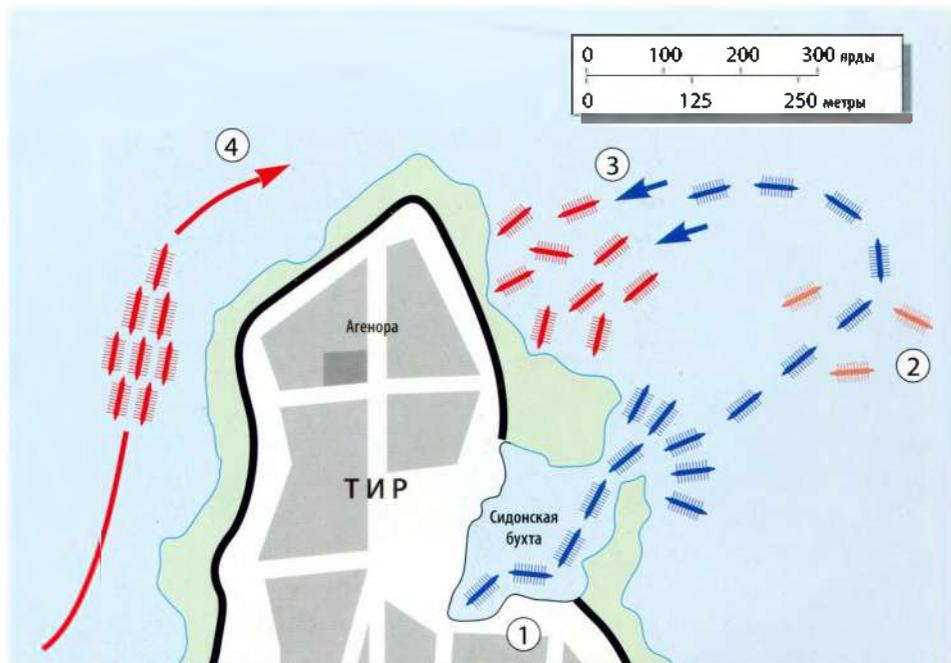
Как принято считать, Александр мобилизовал десятки тысяч людей для строительства дамбы в 2 плефра шириной (62 м) и 4 стадия длиной (740 м). Источником строительного материала служили постройки древнего города на континентальном берегу, а дерево поступало из горных районов Ливана — целые скалы и стволы погружались в воду, чтобы наращивать конструкцию. Ивовые заслоны защищали рабочих, а войска с двух осадных башен обеспечивали «огневое» прикрытие строительства. Тирийцы ответили брандером — крупным транспортным судном, наполненным горючим материалом. Корабль разогнали, начинку его подожгли, а когда он выбросился на дамбу, висевшие на ряях котлы в буквальном смысле добавили масла в огонь. Удалось нанести значительный урон осадным машинам, в том числе и уничтожить башни, но мастера Александра вновь взялись за работу и в итоге закончили дамбу.

Ныне от городских укреплений ничего не осталось, но утверждения Арриана о якобы 150-футовой высоте (45 м) стен вряд ли следует принимать на веру. Как Диодор Сицилийский, так и Курций Руф говорят об изобилии пускавших стрелы катапульт на стенах, а также об изобретательности городских механиков, придумавших множество устройств для противодействия македонцам. Так, заслоны из шкур прикрывали защитников, и последние вывешивали набитые морскими водорослями маты, служившие в качестве амортизаторов для камней вражеской осадной «артиллерии». На иллюстрации показана также «железная рука», или гарпакс, предназначенная для зацепления за любые препятствия и захвата их, будь то отдельные люди или же машины. (Адам Хук © Издательский дом «Оспри».)

ОСАДА ТИРА — ВЫЛАЗКА ЗАЩИТНИКОВ ГОРОДА

Полдень — корабли Александра стоят на якорях при почти полном отсутствии на борту команд.

1. Тирские галеры, прикрытые заслоном из кораблей в устье гавани.
2. Три кипрских судна потоплены.
3. Другие корабли киприотов «выдавлены» на сушу, где разбиваются о камни берега.
4. Вступление в дело Александра. Тирские корабли спешат к безопасной бухте, но немало их таранят галеры флотилии Александра (пять трирем и несколько квинквирем), прежде чем уцелевшие успевают достигнуть гавани.

нях тирийцы соорудили деревянные надстройки с целью еще увеличить высоту укреплений и достигнуть преимуществ над противником, они бросали и металы в корабли осаждающих всевозможные предметы, в том числе и зажигательные снаряды. Другим шагом тирийцев стало создание нагромождений из огромных валунов в море перед стенами, дабы препятствовать судам Александра подходить к ним вплотную. Где бывало возможно, моряки Александра вытягивали валуны, но производить работы удавалось только с поставленных на якоря рядом кораблей. Тирийцы со своей стороны снабдили часть трирем защитными стенками и пустили их против неподвижно стоявших кораблей противника, стараясь перерезать якорные канаты. Александр ответил оснащением такими же стенками нескольких легких 30-весельных судов для противодействия неприятельским триремам. Тогда тирийцы стали поручать подрезать канаты пловцам, но Александр и тут нашелся — велел заменить веревки на цепи. Кое-что удавалось предпринять и с суши — его воины накидывали веревки на валуны и, зааркавив их таким образом, вытаскивали с морского дна. Затем камни поднимали с помощью машин и выбрасывали в более глубокие места, где валуны не причиняли вреда кораблям. Так македонянам удалось расчистить подходы к стенам, и корабли Александра смогли подступить к ним.

Тирийцы со все возрастающей тревогой следили за происходящим, осознавая собственную неспособность бросить открытый вызов военному флоту противника в море. Тогда они решили бить врага по частям и вознамерились напасть на кипрский контингент, выбрав полуденное время, когда бдительность осаждающих ослабла и сам Александр удалился в шатер для отдыха. Тирийцы снарядили три квинквиремы, три квадриремы и семь трирем, поместив на них отборные коман-

ды — лучше всех вооруженных и самых отважных бойцов. Паруса тирских кораблей, специально загодя развешанные в гавани, послужили в качестве средств маскировки при всех этих приготовлениях, и моряки заняли боевые позиции на палубах незаметно для вражеских дозорных, наблюдавших за осажденными с моря и с суши. Затем тирская флотилия выскользнула из северной гавани. При выходе оттуда она следовала гуськом, постепенно выстраиваясь сначала по косой, а затем разворачиваясь фронтом к не чувшему беды неприятелю. На борту при этом все хранили гробовое молчание, и даже надсмотрщики за действиями гребцов не давали сигнала, помогавшего тем работать веслами в такт. Лишь тогда, когда они уже очутились в виду киприотов, зазвучали наконец слова команд, заглушенные скоро зычными боевыми кличами. Участникам вылазки удалось полностью застигнуть врасплох противника. Первым же делом они протаранили и пустили ко дну квинквирему кипрского царя Пнитагора, как и корабли Андрокла и Пасикрата — из кипрских городов Амафус и Фурион соответственно. Другим кипрским судам пришлось отступить к берегу, где они разбились о камни. Да и на самом деле, едва ли кто-то на этих кораблях смог бы что-то предпринять для серьезного противоборства с неприятелем, поскольку атака разворачивалась, когда большинство членов команд кипрской эскадры находилось на берегу.

Но удача сопутствовала тирийцам не во всем. В тот день случилось почему-то так, что Александр решил забыть о регулярной «сиесте» и почти сразу же вернулся к кораблям. Быстро осознав характер действий участников вражеской вылазки, он отреагировал немедленно и велел матросам занять боевые посты. Капитаны первыми изготовившихся к бою судов получили приказ блокировать устье южной гавани, дабы гарантировать флот от подобных же неприятностей с этого направления. Затем он с несколькими квинквиремами и пятью триремами обошел город, чтобы дать бой тем из врагов, кто уже вышел в море.

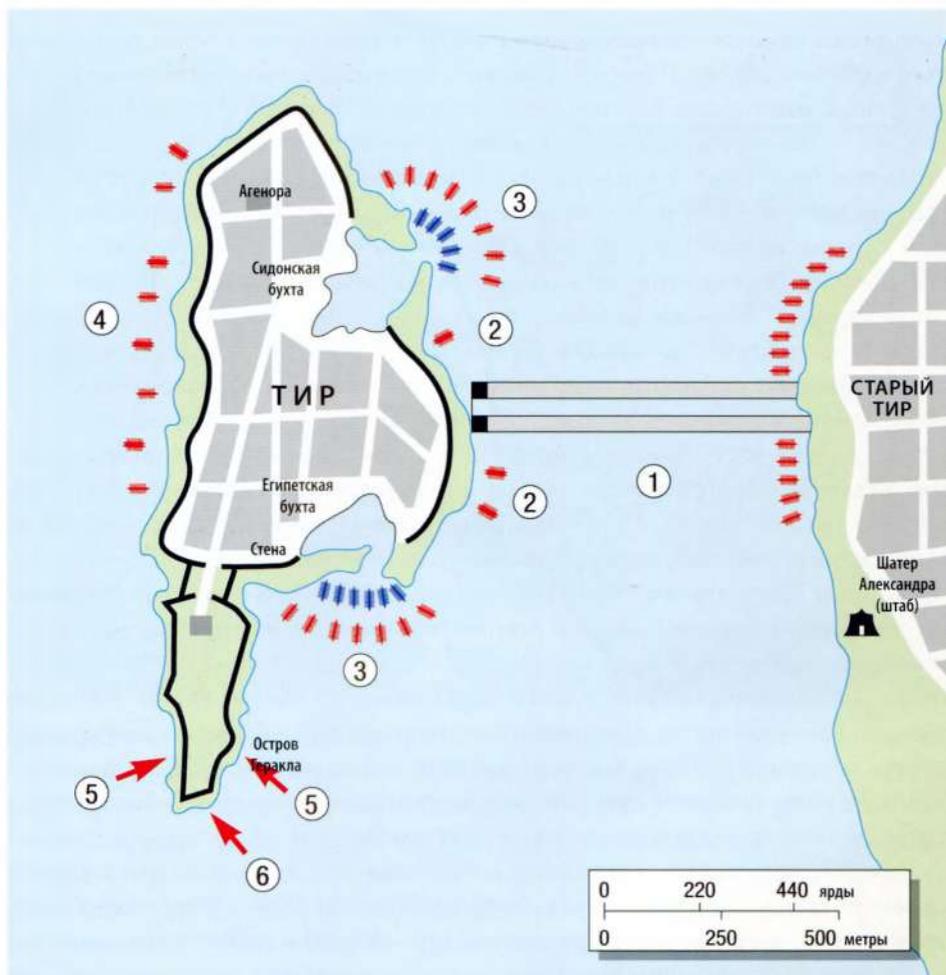
Расположившиеся на укреплениях и наблюдавшие за происходящим тирийцы заметили маневры Александра и попытались предупредить товарищей в море, но те ничего не слышали, разгоряченные удачным боем и упоенно поглощенные уничтожением противника. Когда же они наконец осознали складывавшуюся ситуацию, было уже поздно, и лишь несколько кораблей вернулось в гавань вовремя. Большинство же протаранили и вывели из строя моряки Александра. Одна квинквирема и одна квадрирема достались Александру как трофеи. Потери в живой силе у противника оказались, однако, небольшими, поскольку тирские матросы, как нередко происходило в морских сражениях в древности, сумели спастись вплавь.

Бреши в стенах

Наконец македонянин обложил Тир со всех сторон, и даже смелая вылазка защитников обошлась им дорого, обернувшись при этом лишь ограниченными достижениями. Сами стены продолжали оставаться грозной преградой. Греческий контингент на севере подтянул осадные машины, однако массивная кладка не поддавалась, и все усилия осаждающих оставались тщетными. На юге же на одном участке стену все-таки удалось поколебать, проделав небольшую брешь, в которую наскоро перебросили мостик. Однако тирийцы с легкостью отразили приступ македонской штурмовой партии, попытавшейся проникнуть в город этим путем. Но после трехдневного перерыва, когда установилась более тихая погода, македо-

Осада Тира — последний приступ

1. Мол закончен, но осадные машины бессильны против столь основательных оборонительных сооружений.
2. Осадная техника устанавливается на судах.
3. Входы в гавани защищают корабли тирийцев, а эскадры Александра держат противника в блокаде.
4. Отвлекающие действия. Суда выводятся на отмели под стенами для действий команды на суше или подходят совсем близко для обстрела неприятеля метательными снарядами.
5. Пробная атака.
6. Образование широкого пролома в стене.

няне подвели к слабому месту во вражеской обороне еще больше осадных машин и расширили пролом. Затем подошли два корабля со сходнями под командованием один — Адмета, а другой — Кена, после чего все изготовились для штурма. На приступ Александр отправил лучших бойцов. Действиями гипаспистов руководил Адмет, покрывший себя славой отважного воина во время развернувшегося штурма. «Пезгетайрой» возглавлял Кен, которому уже скоро предстояло стать одним из наиболее проверенных и доверенных командиров Александра. Одновременно по всему периметру обороны города другие войска предпринимали всевозможные отвлекающие приступы и маневры. Уже делались попытки пробраться в ту и в другую гавань. Тот участок стены, на котором в штурме принимал личное участие Александр, стал первым из захваченных атакующими, а Адмет взобрался на укрепления впереди всех. Штурмующие заняли некоторые венчавшие башни парапеты, что дало македонцам господство над примыкающими отрезками куртины. Скоро воины Александра продолжили себе путь в город. Даже сброшенные со стен и теснимые наступающим противником, тирийцы не сдавались, они собрались

в Агеноре в северном углу города — в цитадели, названной так в честь легендарного царя Тира Агенора. Многие защитники умерли там, где бились в последнем безнадежном бою. Остальных разметали и рассеяли гипасписты Александра. Войска македонянина текли в город отовсюду — из гаваней и со стен. Финикийская флотилия Александра прорвалась через заграждение на входе в южную бухту и уничтожила вражеские корабли там. На севере киприоты не встретили никаких препятствий и вошли в гавань почти в отсутствие противодействия. Когда в город ворвались солдаты Кена, вспыхнула кровавая резня. Македонцев обозлила длительная осада, а равно не остался забытым и случай, когда тирийцы казнили на стенах пленных на глазах осаждающих. Потери защитников Тира составили 8000 человек. Что до войск Александра, то тут в графе урона в живой силе непосредственно в ходе осады хронисты числят 400 македонцев, из которых 20 пришлось на гипаспистов, павших вместе с Адметом во время последнего приступа. В момент захвата Тира в городе находилось много карфагенян, прибывших туда как паломники с целью повидать родичей и отдать дань уважения Мелькарту, финикийскому аналогу Геракла, в храме которого они и искали убежища. Александр пощадил их, но всех прочих иностранцев вместе с уцелевшими защитниками Тира продал в рабство — всего до 30 000 человек. (Курций Руф [цит. соч. IV, 4.17] и Диодор Сицилийский [цит. соч. XVII, 46.4] оба говорят о двух тысячах мужчин [юношей во втором случае], защитников Тира, распятых или повешенных по приказу Александра. — А.К.)

Александр принес жертву Гераклу в ознаменование выполнения собственных изначальных намерений. Думается, божество было вполне удовлетворено чувством, которым удостоил его победитель. Осада продлилась с января по июль 332 г. Александр добился падения островного города за счет применения современной осадной техники, изобретательности и упорства. В какие-то моменты задача, вероятно, казалась невыполнимой, но в конце концов сбалансированное применение и грамотное взаимодействие кораблей и осадной техники плюс великолепное руководство перевесили чашу усилий тирийцев.

ГАЗА

Теперь Александру ничего не мешало продолжить путь в Египет для достижения самых насущных стратегических целей, суть которых состояла в подчинении всей прибрежной линии на востоке Средиземного моря. Ни один город не рискнул сопротивляться ему за единственным исключением — Газа. Форпост этот защищался так же фанатично, как и Тир. Финикийский правитель города набрал на службу множество арабских наемников и провел значительные приготовления. Однако действия вокруг Газы анализировать труднее, нежели осаду Тира, поскольку подробностей мало, тогда как авторы двух уцелевших описаний — Флавий Арриан и Квинт Курций Руф — не во всем согласны друг с другом. В отличие от Тира Газа не стояла на острове, хотя город помещался на высоком холме или выступе. Посему Газа тоже представляла собой серьезное препятствие. Механики и инженеры Александра запротестовали, указывая на то, что город расположен слишком высоко, а потому нет смысла привозить машины из Тира и собирать их вновь под Газой, поскольку технику все равно не

удастся подвести к стенам. Но Газа представляла угрозу для линий коммуникаций армии Александра, а потому он сделал выбор — огромная насыпь. Арриан настаивает на том, что сооружение имело в ширину 2 стадия (370 м) и около 70 м в высоту. Туда рабочие затащили катапульты и осадные башни, чтобы с них обстреливать защитников, пользуясь преимущественным положением. Курций говорит о том, что песчаный грунт давал осадку, приводя к затруднениям в работе ходовой части осадных башен и обрушению верхних ярусов со всеми вытекающими последствиями. Одновременно македоняне вели подкоп под стены с намерением обрушить их. По Курцию, получается, что главными инструментами для захвата города послужили тоннели. Газа продержалась два месяца. Осаждающие обстреливали врага сверху, когда же стена рухнула, македонцы устремились в проломы. Большинство мужского населения Газы сложило головы в отчаянной рубке с противником. Сам Александр получил две раны в сражении. После взятия города женщины и дети пошли с молотка на торгах, а губернатор, или наместник по имени Батис (он же Бат или Бетис), по всей вероятности, удостоился чести быть привязанным к колеснице Александра, на которой тот проносился по городу. Взятие Газы стало одним из замечательных достижений Александра. Он сумел воодушевить измотанную армию на осуществление дерзкого и трудного плана — подвинуть ее на сооружение огромной насыпи под палящим солнцем на исходе жаркого лета. Итак, он поставил на колени защитников двух очень хорошо подготовленных к обороне городов, один из которых находился к тому же на острове, совершив все это в течение десяти месяцев, — великое деяние по меркам античного мира.

ЕГИПЕТ

Имея перед собой поучительные примеры Тира и Газы, египтяне и не думали противодействовать Александру. Да Египет и отличался от всех прочих провинций Персидской империи. В 525 г. его завоевал царь Камбиз. Успешное сопротивление греков персидским вторжениям в 490 и в 480/479 гг. показали, что персов можно побеждать, и на протяжении большей части 5-го столетия Египет то и дело вспыхивал мятежами, добившись-таки в 404 г. независимости. Персия вернула его себе лишь за считанные годы до прихода Александра. Савак, персидский наместник в Египте, погиб при Иссе, а унаследовавший его полномочия вельможа принял требования Александра без малейших колебаний. Так наступил конец непродолжительной персидской оккупации и совсем краткого правления тридцать первой династии.

Египтяне приветствовали македонцев как освободителей, Александр же со своей стороны поливал бальзамом израненное чувство национального достоинства египтян, выказывая явное почтение к их богам. Александр принял от Мазака, последнего губернатора, казну провинции и поставил гарнизон в Пелузии — в восточной оконечности дельты Нила. Он объехал пустыню через Гелиополь и Мемфис, столицу Древнего Египта и место религиозного поклонения, вернувшись обратно вниз по Нилу к его устью севернее залива Мариа.

Из Египта он маршем выступил через пустыню для посещения оракула Амона в ливийском оазисе Сива. Что толкало его туда? Набожность, любопытство

АЛЕКСАНДР — БОГ

На протяжении своего правления Александр то и дело проводил сравнения и подчеркивал связи между ним и богами, а также героями. Помимо вечных для македонянина параллелей с воспетым Гомером Ахиллесом Александр с младых ногтей сопоставлял себя с Гераклом, а потому на монетах великий завоеватель нередко бывает запечатлен в головном уборе в виде львиной головы. В Египте он был провозглашен сыном египетского божества Амона, и вот в результате перед нами монеты более позднего периода, где

Александр изображен с рожками Амона, но иногда присутствует и то и другое — как львиная голова, так и рога. Позднее, уже после кампании в Индии, Александр добавил к числу ассоциируемых с ним богов Диониса. После кончины Александра наследники его нередко пользовались ликом завоевателя при чеканке монет, стремясь особо подчеркнуть легитимность собственного правления, его же представляя при этом в образе одного из богов, которых он имитировал или которым подражал при жизни.

или то и другое одновременно? Или вызов, который бросала ему природа? Между тем командующий армией-победительницей в любом случае путешествовал с определенными удобствами, по крайней мере он ехал верхом. В Сиве оракул признал в Александре сына Зевса, которому у египтян соответствовало божество Амон.

Возвратившись в Мемфис, завоеватель реорганизовал систему политического управления в Египте, заменив персидских чиновников египтянами, однако при этом оставил в Пелузии и в Мемфисе гарнизоны под командованием македонских офицеров. Тем временем к Александру прибыли скромные пополнения из региона Эгейского моря — 400 греческих наемников от Антипатра и еще 500 фракийских конников. Тегелох, победоносный командир Александра в северо-восточных районах Эгейского моря, тоже явился в Египет, привезя с собой пленников, хотя самый ценный — захваченный на Хиосе персидский флотоводец Фарнабаз — сумел сбежать по дороге.

Храм оракула в оазисе Сива, построенный где-то в 6-м веке. Александр посетил святыню в 331 г., как гласит легенда, последовав за воронами или же змеями, которые и провели его через пустыню, заменяя завоевателю спасававших перед стихией проводников.

ВОССТАНИЕ В ГРЕЦИИ

Когда Александр возвратился в Тир после продолжительного пребывания в Египте, ему донесли о серьезных волнениях на Пелопоннесе. Там спартанский царь Агис III, начавший сноситься с персидскими вожаками в Эгейском регионе вскоре после ухода Александра из Европы, бросил наконец открытый вызов македонской власти. Проявив отважную решимость, он одолел войско Коррага, вынудив таким образом самого Антипатра вести армию на юг. Силы Агиса нельзя назвать нестоящими — он собрал 22 000 человек из ближайших государств Элиды, Аркадии и Ахейи и с ними приступил к осаде Мегалополя. Антипатр же занимался тогда делами во Фракии, где тамошний военный губернатор Мемнон поднял самый настоящий мятеж. Однако Мемнон и Антипатр сумели быстро договориться, что высвободило войска последнего и дало ему возможность отбить охоту бунтовать у греков. Кроме того, тот факт, что Мемнон недавно посылал подкрепления Александру на Восток, объясняет известную мягкость в отношении к нему царя, который, возможно, посчитал резонным не расценивать действия Мемнона как предательские.

Так или иначе летом 331 г. македонское войско дало Агису бой под Мегалополем, и все восстание было, безусловно, подавлено до битвы при Гавгамелах. Вооружен-

ное столкновение македонцев с греками вновь показало остроту взаимоотношений между ними, ибо последние все еще сопротивлялись верховенству первых. Хотя Агис и пал на поле битвы, он заставил врага дорого заплатить за свою жизнь, как, впрочем, сделали и 5300 других греков, которым не довелось пережить того сражения. Но Александр, когда ему сообщили о данном боевом соприкосновении, подчеркнуто обозначил его как незначительное. Плутарх утверждает, что Александр даже позволил себе презрительную шутку в отношении войны Антипатра против Агиса, сказав следующее: «Похоже, друзья, что в то время, как мы побеждаем Дария, в Аркадии идет война мышей» (Плутарх, «Жизнеописание Агесилая», 15 [по пер. К.П. Лампсакова]). Однако в результате лежать мертвыми на поле осталось 3500 македонцев, и до тех пор пока конфликт не разрешился, дальнейшая деятельность Александра в восточных землях словно бы повисала в воздухе (3500 человек — по Диодору [XVII, 63.3], по Курцию же, «македонцев не больше тысячи», хотя и с добавлением: «почти никто не вернулся в лагерь без ран»; цит. соч. VI, 1.16. — А.К.).

БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ

И вот Александр завершил первую фазу великого стратегического плана. Теперь он прочно утвердился всюду в восточном секторе Средиземного моря. Затем летом 331 г. он вновь двинулся на восток для продолжения войны с Дарием, в августе достигнув Фапсака на Евфрате. Войска Дария под началом Мазея обороняли переправу через Евфрат и имели задачу не допустить форсирования реки македонским авангардом. Но, услышав о приближении армии под командованием самого Александра, бежали. Поскольку численно они насчитывали всего 3000 кавалерии и, вероятно, примерно столько же наемной пехоты, ничего другого их командиру, собственно, и не оставалось.

После переправы через Евфрат Александр не пошел немедленно на Вавилон, который, по всему, представлялся в тот момент следующей целью наступления, вместо этого он повернул в северном направлении, держась предгорий гор Армении, где легче давалось добывание продовольствия и не так сильно пекло солнце. Но завоеватель, по всей вероятности, подозревал — и соглядатаи скоро подтвердили его догадки, — что Дарий уже поджидает его на противоположной стороне Тигра с намерением напасть с тыла, если македонянин повернет и двинется в южном направлении. В то же самое время, по полученным им данным разведки, выходило, что персы рассчитывают блокировать его продвижение, если он попытается перейти реку. Фактически же в том месте выше по течению, где Александр форсировал водную преграду, Тигр никем не охранялся. Все это вовсе не гарантировало легкой переправы, поскольку сама полноводная и быстрая река выступала грозным противником. Солдаты и животные имели все шансы быть унесенными быстрым течением, и армии потребовалась остановка и хороший отдых после перехода на другой берег.

Тигр не являлся единственной природной помехой или источником опасности, нависавшей над войсками Александра в то время. Случившееся как раз тогда лунное затмение дало толчок распространению панических слухов среди македонских солдат, напуганных скверными предзнаменованиями и готовых взорваться мятежом. Как бы там ни было, мудрецы-египтяне, которых Александр взял с собой в поход на восток из уважения к их учености, сослужили завоевателю добрую службу. Они хорошо знали причины возникновения лунных затмений, однако компетентность их в вопросах астрономии дополнялась и заметным умением разбираться в вопросах человеческого естества, а потому, вместо попыток объяснять происходящее особенностями движения Солнца, Луны и Земли, они заявили, что лунное затмение — добрый знак, предвещающий гибель персов и, следовательно, победу Александра, чем вполне успокоили войско (по Курцию: «солнце — светило греков, а луна — персов... всякий раз, как луна затмевается, этим предсказывается поражение персов» [цит. соч. IV, 10]. — А.К.). Четверо суток спустя после перехода

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
Романтизированное
изображение триумфального
вступления Александра
в Вавилон после Гавгамел,
принадлежащее кисти Шарля
Лебрена.

Фессалийские конники с украшений саркофага Александра, облаченные в типичные фессалийские плащи. На обоих красные короткорюкавные хитоны. Только на войне справа, готовом вот-вот отступить в сражение, поверх панциря надет пурпурный длиннорукавный хитон. Лавровый венец служит, вероятно, знаком воинского различия, что также почти безусловно верно в отношении браслетов. Прочие элементы снаряжения и одежды сходны с аналогичными предметами у «товарищей», да и вообще у всей прочей кавалерии. Конская упряжь коричневого цвета, а не красного, который скорее всего предназначался для «товарищеской» конницы. (Энгус МакБрайд © Издательский дом «Оспри».)

Тигра дозорные Александра донесли о появившейся вдалеке персидской коннице. Получив эти сведения, Александр построил войско в боевые порядки и, развернув его для предстоящей битвы, приступил к осторожному продвижению. Позднее данные разведки позволили установить, что персидское формирование представляло собой небольшой авангардный отряд численностью едва ли больше 1000 человек. Оставив армию с заданием продолжать сближение с противником все теми же медленными темпами, сам Александр поскакал вперед с царским эскадроном и с подразделением легковооруженных всадников пеонов. Персы бежали при их приближении, но он велел гнать врага, и, выполняя команду, конники убили несколько противников и захватили многих других неприятельских воинов. От пленных Александр получил нужные сведения о численности войск Дария и их передвижении, а также о том, из каких контингентов складывалась вражеская армия. Пусть Александр отторг у Персидской империи Малую Азию, Египет и Левантийское побережье, царство Дария по-прежнему оставалось огромным и обладало мощным военным потенциалом.

ПЛАНЫ ДАРИЯ

Пока Александр находился в Финикии и в Египте, Дарий, убедившись в тщетности попыток договориться с противником, сколотил другое войско. В чем империя точно никогда не испытывала недостатка, так это в источниках получения живой силы, хотя, как предстояло узнать Дарию, одолеть столь яркого тактика, каким показал себя Александр, одной лишь численностью было невозможно. Персидская армия под Гавгамелами действительно включала в себя несколько контингентов, уже сталкивавшихся с македонцами ранее. Сирийцы, разбитые на Иссе, но по-прежнему верные Персии, вновь стояли плечом к плечу с персами, вавилонянами и мидийцами, образовывавшими бесчисленные полки царя царей. И вместе с тем по составу войска Дария на сей раз радикальным образом отличались от армии, которую он привел к Иссу. Бесс, сатрап Бактрии, расположенной на северо-востоке персидских владений, привел набранное в том регионе войско, включавшее в себя даже отряд индийцев. Прочие контингенты обеспечивали скифы из Азии, арахоты, гирканы из районов к югу от Каспия и их восточные соседи арии под началом сатрапа Сатибарзана. Держава призвала к оружию также племена ареала Персидского залива, мидийцев и близкие им народы, собрала отряды из регионов Суз и Вавилона, а также сирийцев Месопотамии, ведомых доверенным человеком Дария и опытным командиром Мазеем. Хронисты называют общую численность в 40 000 человек кавалерии, 1 000 000 пехотинцев, 200 колесниц с серпами на колесах и несколько слонов, вероятно, всех где-то 15, присланных персам индийцами, проживавшими к западу от Инда. Однако данные, по всей вероятности, отражают просто теоретические возможности империи, а не действительное количество выставленных в поле воинов, которое, надо думать, отличалось куда более скромными размерами.

Так или иначе персидское войско встало лагерем у Гавгамел (буквально «верблужий дом» [или «хлев», как в комментариях к цит. пер. К. Руфа. — А.К.]), селения подле реки Бумсла в 100–120 км к западу от Арбелы. Осознав просчет под Иссом, Дарий на сей раз выбрал широкое и ровное поле битвы, где представлялось возможным развернуть кавалерию и боевые колесницы, используя таким образом

собственные преимущества. Персидский царь даже приказал сровнять с землей некоторые выступы на поле для облегчения применения колесниц. Как уже наблюдалось под Иссом, Дарий готовился заранее, устраивая на площадке предстоящего сражения разные ловушки и заслоны на пути ничего не подозревающего противника. Правда, обо всех усилиях царя царей македонянам доносили перебежчики, а потому действенность всего это арсенала средств, использованных персами, представляется сомнительной.

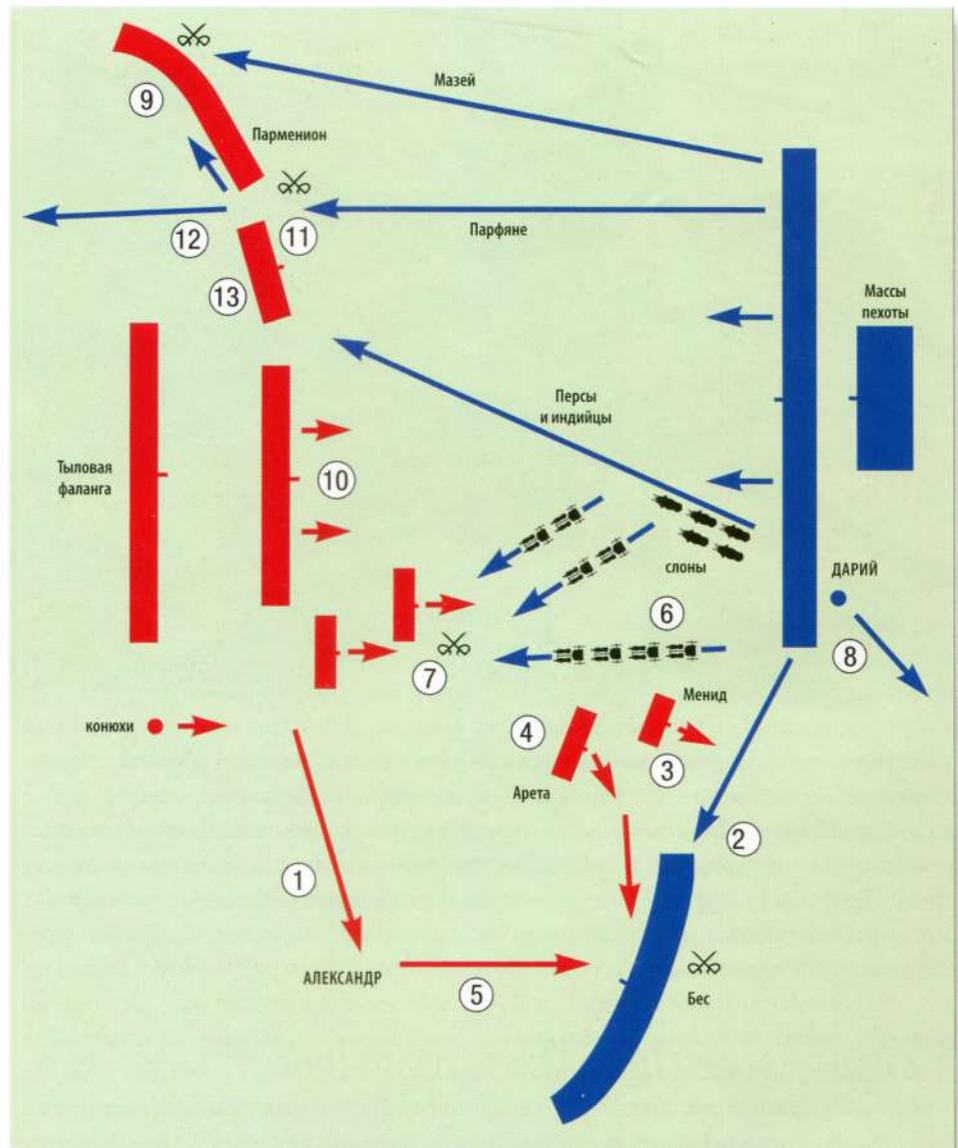
ПОСЛЕДНЕЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Как только Александр убедился в готовности Дария встретить его в сражении, он прекратил продвижение и велел разбить лагерь, окружив его рвом и палисадом. Там он оставил весь обоз вместе с вьючными животными, а также лагерную прислугу, нонкомбатантов и пленных, затем в ночь двинул боевые силы вперед в развернутых для сражения порядках и с оружием, но при минимуме снаряжения. Он намеревался вступить в битву с противником с рассветом. Лагерь той и другой армии разделяло расстояние где-то в 10 км., но между ними находился горный кряж, а потому враги не видели друг друга.

Александр снялся с места примерно во вторую стражу ночи, то есть, по всей вероятности, за считанные часы до полуночи. Покрыв около половины расстояния между стоянкой и неприятелем, македонянин очутился как раз на вершине пролежавшей там горной гряды. Оттуда персидские позиции просматривались как на ладони, хорошо освещенные лагерными кострами.

БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ: ФАЗА 1

1. Александр возглавляет направленную по косой к вражескому фронту колонну «товарищеской» кавалерии, тогда как пехота продвигается в линейных боевых порядках.
2. Бактрийцы и скифы пытаются охватить конницу Александра с фланга и сдержать его продвижение.
3. Менид с наемной кавалерией старается прорвать персидские порядки слева.
4. Когда Менид откатывается, отраженный неприятелем, бактрийцев и скифов атакует Арета.
5. Арете удается проделать брешь во вражеском строю. «Товарищи» бросаются на противника волнами — они осуществляют прорыв и рассеивают персов.
6. Персы разворачивают атаку колесниц.
7. Ударный бросок колесниц срывается слаженными усилиями стрелков и легковооруженных воинов Балакра.
8. Видя крушение левого крыла и ощутившись перед лицом надвигающегося леса копий фаланги, Дарий бежит в направлении Арбелы.
9. Конница на фланге под командованием Пармениона ведет оборонительный бой.
10. Пехота в центре у Александра движется вперед.
11. Появляется брешь между пехотинцами и кавалерией Пармениона.
12. Персидская и индийская конница врывается в «окно», затем частью атакует македонский лагерь, а частью разворачивается с намерением осуществить окружение конницы Пармениона.
13. Две части с левого крыла фаланги остановлены врагом в их попытках сдержать персидский прорыв и оказать поддержку Пармениону.

Холмы, на которых остановились македонцы, были, судя по всему, почти лишены деревьев, и там Александр решил развернуть войско для предстоящего сражения. Он держал военный совет с подчиненными командирами, и все вместе они решили отдохнуть на том месте, где находились, но оставаясь в боеготовности.

Прихватив с собой отряд «товарищеской» кавалерии и легковооруженных воинов, Александр поскакал на освещенную лунным светом равнину для рекогносцировки выбранного Дарием поля битвы. Как бы там ни было, особенно сближаться с противником он не стремился, поскольку не планировал ведения ночных боевых действий. Хотя, если верить хронистам, когда командующий вернулся на македонские позиции, Парменион как раз подал ему совет нанести удар ночью, застигнув персов

врасплох. Александр надменно отозвался в том духе, что он-де явился сюда не красть победу. Как обычно, он столкнулся с сопротивлением подчиненных командиров, но принял собственное решение, не беря в расчет их мнений. Безусловно, атака в темноте всегда чревата непредсказуемыми моментами и может оказаться опасной и даже вредной для того, кто предпримет ее. И хотя Александр не раз поражал врага, обескураживая его появлениями в неожиданных точках в результате форсированных ночных маршей, сражаться он, как видно, предпочитал все же при свете дня.

Как можно предполагать, персы опасались именно нападения в темноте, а потому, не построив защищенного лагеря, на протяжении ночи оставались при оружии прямо в боевых порядках. Македонцы тоже не разбивали укрепленного лагеря, однако возвышенность, на которой они располагались, сама по себе естественным образом служила в целях обороны, ибо те же колесницы Дария, безусловно, оказалось бы невозможным применять на такой местности, посему войско Александра получило возможность поесть и как следует отдохнуть.

Боевое расписание персидской армии известно с точностью, поскольку после битвы к победителям попали письменные инструкции Дария, розданные им командирам. На левом крыле, то есть напротив правого участка македонского строя и, следовательно, перед самим Александром, предстояло действовать бактрийской коннице, включавшей в себя азиатских скифов и арахотов (скифы в ту пору делились на азиатских и европейских. — А.К.). Сами персы дислоцировались в центре, где, в соответствии с давней традицией, находился царь царей с приближенными. На правом крыле сосредоточились воины из Сирии, Месопотамии и из окрестностей Персидского залива. Левое крыло прикрывал заслон, состоявший из скифской кавалерии, 1000 бактрийцев и 100 колесниц с серпами на колесах. Слоны и еще 50 колесниц занимали позиции впереди Дария. Греческие наемники, а также персидские отряды, дислоцированные по обеим сторонам, тоже построились перед царем царей в центральном секторе. Только на этих солдат и представлялось возможным полагаться в деле противодействия македонской фаланге. Войско Александра насчитывало 40 000 пехотинцев и 7000 конницы.

Хотя часто наблюдаемый «занос фаланги» вел к охвату левого фланга противника, всегда присутствовала опасность, что захлестывающие неприятельский строй отряды оторвутся от собственного центра, и это вызовет образование опасной брешии в строе, чем может легко воспользоваться враг. В тактике Александра подобное обстоятельство представлялось просчитанным риском. Его всегда держали в курсе происходившего, и при возникновении той или иной угрозы он вмешивался и принимал меры для исправления ситуации. Во-первых, правофланговая кавалерия находилась полностью под его управлением даже в моменты победного перелома и преследования разгромленного неприятеля, а потому под руками у главнокомандующего всегда имелось средство для оказания помощи центральной фаланге, если той приходилось тяжело. Ну и к тому же фаланга до известной степени представляла некую автономную и отчасти самодостаточную силу, способную удерживать позиции до подхода на выручку ей своих.

Ни в одном из сражений Александра сей четкий и работоспособный тактический механизм не проявил себя столь же блистательно, как при Гавгамелах. Осознавая верный шанс македонской фаланги оказаться отрезанной в то время, пока он с конницей будет действовать на оконечности правого фланга, Александр принял

КОЛЕСНИЦЫ ПРИ ГАВГАМЕЛАХ

Под Гавгамелами Дарий попытался смешать порядки македонской фаланги, пустив на нее колесницы, оборудованные косами. В соответствии с указаниями Александра, колесницам фаланга противодействовала несколькими способами. Если верить Диодору: «Отбивать атаку колесниц с серпами царь придумал следующим образом: солдатам было приказано при приближении четверни {квадриги, или колесницы с двумя колесами и упряжью из четырех лошадей} сомкнуть щиты и сариссами ударять в них, чтобы лошади, испугавшись шума, понесли назад; если они все же будут стремиться вперед, то расступиться на такое расстояние, чтобы колесница проехала, не нанеся вреда македонцам» (17.57.6 [по изд. МГУ, 1993]). По словам Арриана, «одни колесницы агриане и люди Балакра, стоявшие впереди конницы «друзей» {«товарищеской

конницы}, встречали градом дротиков, как только они приближались; на других у возниц вырывали вожжи, их самих стаскивали вниз, а лошадей убивали. Некоторым удалось пронестись сквозь ряды: солдаты расступались, как им и было приказано, перед мчавшимися колесницами» (по пер. М.Е. Сергеенко). Арриан заканчивает объяснение ситуации, сообщая, что, когда колесницы с их возницами стремительно пролетали через образованные войнами в фаланге промежутки, с врагом разделялись дислоцированные в тылу отряды. Он также уверяет, что македонцы значительного урона не понесли. Диодор, однако, держится по данному поводу иного мнения и говорит об ужасных ранах, становившихся следствием действия колесниц. (Криста Хук © Издательский дом «Оспри».)

меры для обеспечения запаса прочности собственным позициям. Первым делом он создал звено поддержки в виде дублирующего строя в тылу, которое в случае окружения могло бы развернуться и встретить атакующего с противоположного направления противника. Он также распорядился подготовить фалангу к растягиванию линии строя или к смыканию рядов в самый последний момент перед вступлением в фактическое боевое соприкосновение с врагом, а кроме того, позаботился о прикрытии — по крайней мере, на то время, пока пехотинцы будут выполнять данные операции, — разместив с обоих флангов заслоны из метателей дротиков агриан и македонских стрелков.

В некоторых древних рассказах содержится намек на то, что Александр проспал в то утро, тогда как накануне сражения всегда вставал рано, и командиры его, понимая важность хорошего отдыха для царя, сомневались, будить ли его. Так или иначе, сама битва началась, судя по всему, когда солнце поднялось уже довольно высоко. Обе армии медленно продвигались в направлении друг друга в боевых порядках, и полководцы с обеих сторон производили осторожные и рассчитанные предварительные маневры.

Широкая равнина давала большое преимущество Дарию, поскольку предоставляла ему возможность эффективно задействовать превосходство в численности. Персидское войско стояло куда более широким фронтом, чем армия Александра, бывшая много короче с каждого фланга, но Александр и на сей раз не отказался от излюбленного приема нанесения удара на правом фланге, а потом повел конницу вправо. Бактрийская и скифская кавалерия стала повторять маневр противника, спеша продвинуться в том же направлении и растягиваясь. Данные передвижения приводили к тому, что активно действовавшие войска с обеих сторон отодвигались от центрального участка поля, который Дарий специально выравнивал для применения там колесниц, и возникла опасность для персов не суметь использовать колесницы в соответствии с планами. Царь царей приказал отрядам на левом крыле, используя численное преимущество и большую протяженность их фронта, сдерживать боковой маневр Александра путем охвата образовывавшегося выступа, и подчиненные отправились исполнять повеление государя.

Видя перед собой вновь возникшее препятствие, Александр атаковал, целясь прямо в гущу охватывавших его отрядов, для этих задач он задействовал наемную кавалерию под началом Менида. Скифские и бактрийские воины контратаковали, но Александр послал против них пеонийских всадников и прочих наемников, сорвав вражеский контрудар, правда лишь временно — подошли новые силы бактрийцев, что позволило неприятельским командирам остановить и собрать бегущих. Так враг восстановил пошатнувшееся было положение, и македонянам пришлось нелегко в рубке с вражеской кавалерией, вследствие чего всадники Александра понесли серьезные потери. Перед ними оказался очень сильный оппонент, в особенности защищенные тяжелыми доспехами скифы. Царь македонцев бросал в бой на противника конницу волна за волной до тех пор, пока не прорвал вражеские порядки. Не исключено, что обходные фланговые передвижения Александра до известной степени представляли собой отвлекающие маневры, и атака нарочно рассчитывалась с прицелом застигнуть неприятеля в момент перегруппировки для противодействия угрозе — то есть тогда, когда ему представлялось особенно сложным дать организованный отпор нападающим. Такого рода тактическими

НА РАЗВОРОТЕ

Живописное полотно начала 17-го века с изображением битвы при Гавгамелах работы Яна Брейгеля Старшего.

приемами, по всей вероятности, и открылась битва при Гавгамелах, хотя избранная тактика не принесла Александру немедленного успеха.

В тот момент Дарий послал в бой колесницы с серпами на колесах. Их ждало полное фиаско — в точности то же самое, что произошло с боевыми колесницами Артаксеркса при Кунаксе. Как писал Ксенофонт, в том случае атакованные колесницами греческие воины просто открыли ряды и пропустили повозки, не лезя забрасывать метательными снарядами экипажи и лошадей, откуда те скакали по образованным греками «коридорам». Лучники и метатели дротиков в войске Александра, развернутые впереди как раз для обеспечения прикрытия кавалерии на случай возникновения такого рода угрозы, использовали ту же тактику, а в некоторых случаях они хватали лошадей за вожжи и вытягивали из повозок возниц. Те из колесниц, которые проследовали по «коридорам» без особого вреда для себя, в итоге были окружены македонскими гипаспистами и грумами. По крайней мере так выглядит ситуация по Арриану. Другие авторы рассказывают куда более страшные истории о воздействии серпов. Так или иначе, под Гавгамелами эффект атаки колесниц в любом случае, безусловно, нельзя назвать решительным, судя по всему, в плане достижения каких-то реальных результатов они прошли почти незамеченными. Колесницы, таким образом, стали синонимом тщеты Востока, поскольку пехотинцы бросили вызов действенности их еще в конце бронзового века, словом, к описываемым временам они превратились в чарующий анахронизм, не способный ни в коей мере поколебать воинов с холодным разумом и храбрым сердцем.

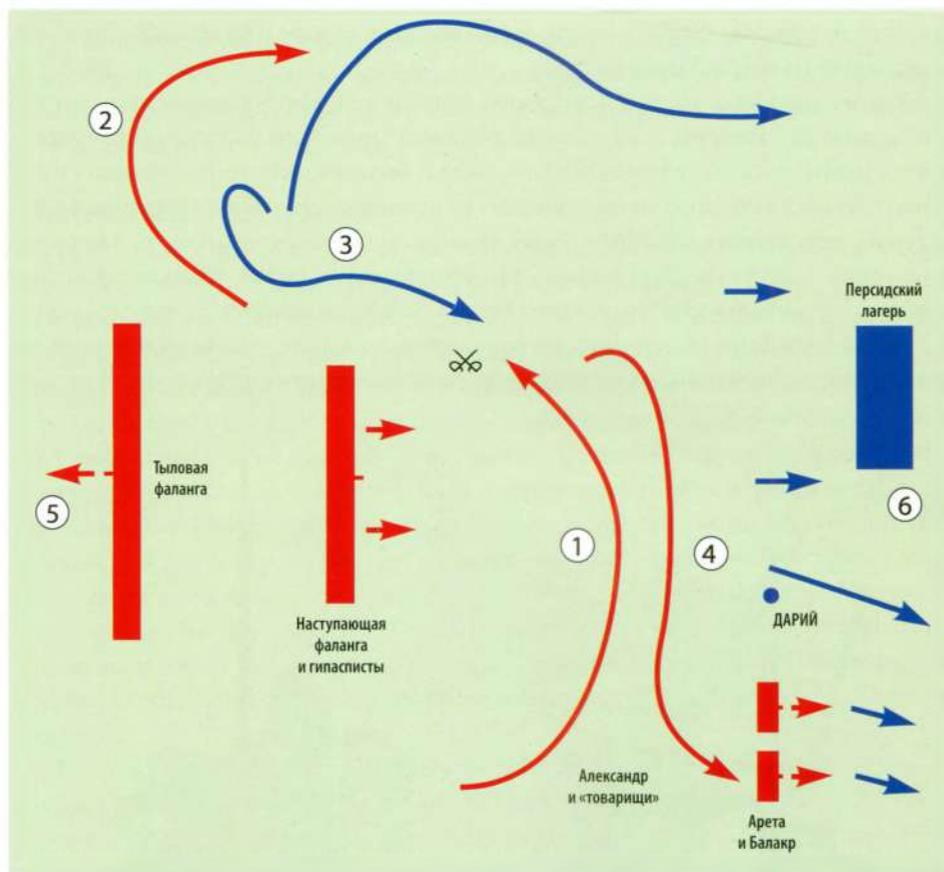
Как только колесницы исчерпали себя, а возможно, пока они еще не закончили своего раунда на поле, Дарий предпринял другую попытку сдержать продвижение Александра у себя на левом фланге, поскольку Александр, когда его конники отбросили бактрийского и скифского противника, продолжал вести кавалерию колонной прочь от центра.

В попытке блокировать его там Дарий отправил отряды персидской конницы с центрального участка, черпая силы из резервов своего несметного войска. Но данный шаг привел к образованию бреши в центре — появлению фатально слабой точки, что, вне всякого сомнения, создало ту самую возможность, которой ждал Александр, и предпринимавший, вероятно, свой ложный маневр в надежде на нечто подобное. Он тут же переменял направление движения и помчался влево. Оказавшись на пути правого крыла собственных пехотинцев в центре, он повел их, издававших леденящие душу боевые кличи, прямо в проталину во вражеских порядках, стремясь при этом ударить в то самое место, где расположился Дарий. Очень скоро туда подтянулись македонские фалангиты.

Дарий поступил точно так же, как при Иссе, — бежал, показав тем самым собственной армии пример. Можно, наверное, даже выдвинуть утверждение о том, что бегством своим он и проиграл сражение. Тем временем Арета — грозный кавалерийский командир из числа помощников Александра — в итоге сломил сопротивление персидских войск, задействованных на македонском правом крыле, а посему на данном участке македонцев можно назвать полностью победоносными. За разгромом последовали погоня, погоня же вылилась в резню.

На левом македонском фланге и в центре, однако, события развивались совершенно по-иному. Только части на самой крайней правой оконечности фаланги смогли последовать за Александром в его удалую до бесшабашности атаку против

БИТВА ПРИ ГАВГАМЕЛАХ: ФАЗА 2

1. Парменион просит Александра об оказании помощи. Александр ведет «товарищескую» конницу ему на выручку.
2. Натиск Мазея на фланг Пармениона начинает слабеть, и Парменион переходит к наступательным действиям.
3. Персы и индийцы, прорвавшиеся в тыл Пармениону, пытаются отойти, но наталкиваются на Александра, после чего практически перестают существовать как организованная сила.
4. Александр, узнав о перемене положения на позициях Пармениона, вновь бросается в погоню за Дарием.
5. Другие персы и индийцы добираются до македонского лагеря на расстоянии примерно семи-восьми километров. Тыловая фаланга Александра следует за ними и рассеивает надевавшегося на легкую поживу врага.
6. Парменион захватывает персидский лагерь. Александр преследует Дария.

Дария. Другим пришлось остановиться ради оказания поддержки собственным товарищам на левом крыле, ибо у тех возникли большие сложности. В порядках фаланги образовалась брешь, и в пролом этот полились персидская конница и воины индийского контингента. Они не сделали попытки атаковать фалангу с тыла, но углубились довольно далеко, держа путь дальше через открытую местность и целя в македонский обоз и лагерь. Даже учитывая какое-то расстояние, покрытое персами при общем продвижении тем утром, лагерь Александра находился по крайней мере в 7–8 км западнее основного места сражения. Ворвавшись на македонскую стоянку, атакующие перебили некомпатантов и освободили персидских пленников, которые включились в действия против недавних стражей.

Помимо тех, кто напал на лагерь, оставались еще также врुбившиеся в брешь в македонской фаланге воины персидской кавалерии, которые, судя по всему, развернулись и создали угрозу с фланга и тыла левому крылу Пармениона. Сей острый момент совпал с маневром на охват правофланговой персидской конницы, и всадники Пармениона очутились перед малоприятной перспективой вести сражение на два фронта. Оказавшись в весьма отчаянном положении, Парменион послал на другой участок поля битвы к Александру гонца с просьбой прийти на выручку.

Тыловая фаланга, специально дислоцированная так для противодействия неприятелю на случай возникновения подобной ситуации, развернулась и поспешила назад спасать лагерь, в то же время создавая угрозу персидской кавалерии, наседавшей на крыло Пармениона.

Как и при Иссе, воины Александра своими действиями вновь доказали его мастерство руководства войсками и продемонстрировали собственный уровень дисциплины, поскольку командующий смог совершенно спокойно оторвать их от приятной прогулки вроде преследования разгромленного противника и вновь повести в гущу жаркого сражения, давая как можно более быстрый ответ на призыв о помощи со стороны Пармениона. Но обстановка на поле в тот момент носила крайне запутанный характер, и вот на центральной равнине Александр столкнулся с уносившими с поля ноги массами персидской конницы — с многочисленными вражескими всадниками, которые, почуяв резкое изменение их положения на поле

Изображенные тут воины вполне типичны для скифов времен походов Александра. Скифы создали независимое царство к северу от Черного моря и показали себя опасными противниками как для персов, так и для македонцев. Кроме того, скифы служили источником едва ли не лучшей наемной легкой конницы в античном мире, причем участвовали в разное время в разных столкновениях на стороне как Дария, так и Александра. (Энгус МакБрайд © Издательский дом «Оспри».)

битвы, попытались побыстрее спастись бегством. Результатом стал дикий, ожесточенный и хаотичный бой конницы. Он, безусловно, задержал Александра на пути к Пармениону. В итоге «товарищеская» кавалерия рассеяла противника, заколов и зарубив многих вражеских всадников, а остальных сбросив с пути. Уцелевшие, забыв обо всем кроме собственного спасения, во всю прыть улепетывали подальше от поля проигранного сражения.

Окончательная победа

Спасительный для левого фланга маневр Александра плюс грамотные действия тыловой фаланги позволили устранить угрозу для крыла Пармениона, и македонские всадники оказались в более удобном положении для отражения флангового маневра противника, развернутого Мазеем, командовавшим кавалерией на персидском правом крыле. Мазей же и в самом деле так энергично действовал, что утратил контакт с царем, а потому довольно долго даже не представлял истинного положения вещей — не знал о бегстве Дария и крушении персидского войска слева и в центре. Получив же известия о происходящем, Мазей, разумеется, потерял весь запал. Наступление его мигом утратило напор. Он понял, что над ним нависла опасность окружения. Весь вопрос состоял теперь только в том, сколько пройдет времени, прежде чем македонцы, уже ставшие хозяевами центрального участка поля битвы, развернутся в его направлении. Да и более того, после бегства самого царя царей его войско — многочисленное и собранное из самых разных уголков восточной части империи — уже сделалось неспособным к продолжению сражения.

К тому моменту, когда Александр достиг участка Пармениона, наиболее серьезная угроза для македонского левого крыла потеряла актуальность. От Александра даже не требовалось атаковать Мазея, поскольку фессалийская кавалерия, героически выстояв под мощным натиском врага, смогла теперь сама перейти к наступательным действиям, и воины Мазея невольно отступали под ее ударами. Александр вновь развернулся и возобновил преследование Дария, а вслед за лидером и вся македонская армия покатились вперед, наступая на пятки бегущему неприятелю.

Персидский центр драпал без оглядки. Александр гнался за удирающими персами до наступления темноты, так он пересек реку Ликус и до полуночи дал отдых людям. Затем преследование продолжилось. Дарий же, однако, не расслаблялся и продолжал бежать от македонянина. Парменион, лишь немного отстававший от Александра, к тому моменту занял персидский лагерь на своем участке. Собственный обоз и лагерь македонцы спасли, перебив или рассеяв прорвавшуюся в критический момент им в тыл вражескую кавалерию, да в любом случае овладение персидским обозом вместе со слонами и верблюдами с лихвой компенсировало любые понесенные имущественные потери. Александр надеялся захватить Дария в городке Арбела, в 100–120 км восточнее поля битвы, но не смог настигнуть его и там. Александру вновь достались брошенная царем царей казна и пожитки, в том числе — точь-в-точь, как при Иссе, — его колесница и оружие. Опять-таки так же, как и у Иссы, можно констатировать тот факт, что Александру не удалось пленить Дария по причине нежелания бросить в трудном положении центр и левое крыло собственной армии. Сдержанность и осторожность македонянина кажутся оправ-

Александр атакует Дария в его колеснице. С изображения на амфоре конца 4-го столетия до н. э. (Архив [предметов] искусства/Археологический музей Неаполя.)

данными на фоне множества историй, столь часто рассказывающих нам о примерах других древних сражений, когда победоносное крыло одной армии в полном беспорядке мчалось за удирающим врагом, но по возвращении на поле битвы к ужасу своему обнаруживало, что стойкий противник выдержал натиск и вышел победителем из битвы.

Уровень потерь по данной битве у древних историков приводится разный, и в большинство выкладок верится с трудом. Согласно Арриану, Александр потерял вообще только 100 солдат, но при этом, правда, более 1000 лошадей, половина из которых принадлежала «товарищам». Урон у персидской стороны выражается в 300 000 убитых при еще большем количестве взятых в плен. Львиную долю ущерба победители причинили противнику в ходе бегства и преследования после наступившего в битве перелома.

При Гавгамелах Александр противостоял персидскому войску на широкой равнине, что давало Дарию верный, но так и не использованный шанс сполна воспользоваться численным преимуществом. Дарий чутко отреагировал на дейс-

твия Александра в начале флангового маневра «товарищей», не забыв, конечно, сокрушительного воздействия данного приема на персидскую армию под Иссом, но Александр опережал врага в расчетах. Он одна за другой бросал волны конницы против персидской кавалерии, посланной остановить его, связать боем и окружить. Было ли происходившее результатом некоей предпринятой с ходу переработки плана изначального маневра или же заранее продуманным отвлекающим приемом Александра, использованным для обретения способности ударить по врагу в момент перегруппировки последнего, так или иначе случившееся является примером яркого и отважного командования. Когда противодействие Дария броску македонской конницы привело к образованию бреши, Александр тут же развернул свою кавалерию и сделал сокрушительный выпад в слабое место обороны в центре. Столь характерное для него умение быстро воспользоваться открывающимся преимуществом мгновением возможно реализовать только в условиях, когда командующий руководит боем из самого центра событий, и, будучи как раз таким полководцем, Александр вновь привел воинов к победе.

Дарий же опять проиграл. Он решил бежать на северо-восток, в горные районы Мидии, верно предположив, что теперь Александр сосредоточит усилия на подчинении больших центральных городов царства, расположенных на юге, т.е. пойдет на Вавилон, Сузы и Персеполь.

АЛЕКСАНДР ОВЛАДЕВАЕТ ПЕРСИЕЙ

После того как Дарий в спешке покинул поле еще кипевшей битвы, войско его рассеялось и разбежалось по провинциям, откуда оно происходило, как обычно и получалось в те времена после разгрома. Те, кто командовал гарнизонами и отвечал за сохранность сокровищ империи в столичных городах, с готовностью покорились Александру. Мазей сдал Вавилон вместе с «газофилаксом» («хранителем казны») Багофаном, тоже стремившимся всеми силами понравиться новому государю. Александр вступил в Вавилон с величайшей помпой, и древний город целиком и полностью поклонился новому царю и выразил готовность снабжать его армию. Описываемое историками Александра событие, как некая спонтанная капитуляция, в действительности представляло собой ритуальную сдачу города, проигрывавшуюся в прошлом много раз церемонию вступления на престол законного наследника, вполне достойную и царя-завоевателя. Не желая оставаться в долгу, Александр назначил сатрапом Вавилона Мазея, хотя оставил в городе гарнизон и военных наблюдателей с задачей присматривать за новым наместником и населением. Несмотря на распространенное и вполне оправданное мнение о Гавгамелах как об одном из наиболее решительных сражений в мировой истории, решительным или решающим его можно с большей справедливостью называть для персидской стороны. Для Дария битва стала последним гвоздем, вбитым в его гроб. Александр, со своей стороны, вполне мог бы пережить поражение в Северной Месопотамии и тем не менее сохранить за собой западную часть царства. Но победа досталась македонцам, и могучая Персия зашаталась. Вавилон не тщился надеждами на организацию сопротивления, как и Сузы, а потому в стремлении избежать резни и разграбления они с покорностью приняли победителя. И в Сузах снова побежденный сатрап Абулит сохранил должность и получил разрешение править от имени Александра с македонским гарнизоном в крепости. Поскольку Дарий все еще оставался на свободе, Александр не мог сидеть сложа руки. Он реформировал и усилил войска и его командные структуры. Подкрепления продолжали поступать, а «армия — мстительница за Грецию» тем временем приближалась к окончательной точке — Персеполю.

ПЕРСИДСКИЕ ВОРОТА

Сатрап Персиды Ариобарзан собрал немалое войско и с 25 000 защитниками запер так называемые Персидские ворота в горах Загрос в попытке задержать македонцев до того, как удастся вывезти из Персеполя казну. Фактически перед

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
Реконструкция ворот Иштар
в Вавилоне.

Ариобарзаном находилась лишь часть македонских войск — самые тихоходные отряды с обозом под командованием Пармениона шагали в Персию так называемым Царским путем. Сам же Александр повел более подвижные контингенты через горы к Персидским воротам. Дело происходило в январе, и на земле лежал снег. Первая попытка прорваться через проход, судя по всему, закончилась едва ли не катастрофично — македонцам пришлось даже бросить без погребения мертвых. Тогда Александр решил обойти позиции сатрапа. Македонцы отважно двинулись по очень трудной местности в зимнем снегу и, возглавляемые проводниками из пленников, вышли в тыл войску Ариобарзана. Воины Ариобарзана очутились в окружении и подверглись беспощадной резне, в результате чего завоевателю оказалось не так уж сложно перейти Аракс, после чего Тиридат покорно сдал македонцам Персеполь вместе со всеми находившимися там сокровищами.

ПЕРСЕПОЛЬ

Символическая важность овладения Персеполем — само по себе греческое название Персеполь, или «Город персов», прочно ассоциировалось с Ксерксом и Великим вторжением — диктовала исход — захват города и его судьбу. Она оказалась весьма печальной и совсем не похожей на участь Вавилона и Суз — за взятием Персеполя последовали дикие победные вакханалии, разграбление, изнасилования и резня. Дворец также пал жертвой ярости победителя, но не раньше чем отсюда изъяли казну и отправили ее в Экбатаны. Затем намеренно — из спонтанного

МАЗЕЙ

Во времена царя Артаксеркса III Мазей служил сатрапом Киликии, а позднее Сирии и Месопотамии. В войске Дария III он, по всей вероятности, сражался на Иссе, хотя упоминаний об этом нет. В 331 г. Мазей получил приказ остановить форсирование реки Евфрат Александром в районе Фапсака, но не имел достаточных сил для выполнения задания, а потому ограничился лишь беспокоящими наскоками на строителей мостов. При известии о подходе самого Александра Мазей отступил на соединение с Дарием, следовавшим севернее вдоль русла реки Тигр. Под Гавгамелами Мазей командовал персидской конницей на правом крыле и возглавлял атаку плотной массы эскадронов, а также колесниц с серпами на колесах. Затем он отправил эскадрон скифских всадников для захвата македонского лагеря, сам же продолжал напирать на Пармениона и на фессалийскую кавалерию на левом фланге македонцев. В итоге все усилия Мазея пропали даром, разбившись о стойкость фессалийцев, а впоследствии все его достижения были совершенно сведены на

нет удручающим и деморализующим известием о бегстве Дария. Вполне вероятно, что на саркофаге Александра изображены смелые действия Мазея на Иссе, а это сообщение служит как веский довод в поддержку мнения, согласно которому гробница предназначалась именно для Мазея, а не для Абдалонима. С поля битвы при Гавгамелах Мазей бежал в Вавилон и вскоре без борьбы передал город македонцам. За проявление покорности он получил должность сатрапа, став первым персом, столь высоко пожалованным Александром.

На саркофаге Александра изображаются и важные персидские вельможи во время охоты на льва при участии Александра и других македонцев. Один из македонских всадников, возможно, Гефестион. Если сцена действительно запечатлела какое-то историческое событие, оно могло произойти только в конце 331 г., и, вероятнее всего, персом, в компании которого охотился Александр, являлся опять-таки Мазей. Мазей занимал полученную должность, верно служа новому государю до своей смерти на исходе 328 г.

Персидские ворота, удержать которые перед натиском Александра тщетно пытался сатрап Ариобарзан.

импульса отомстить — или все же вследствие случайности великолепное строение подожгли, и оно запылало. В соответствии с одной версией событий, виновницей пожара выступала некая афинская куртизанка, Таис (иначе Фаида), которая стала любовницей Птолемея, позднее царя Египта.

И все же уничтожение Персеполя следует назвать больше символическим, чем полным, поскольку он продолжал оставаться столицей провинции в эпоху правления наследников. На тот момент случившееся высветило определенные трудности, с которыми начинал сталкиваться Александр. С одной стороны, уничтоже-

НА РАЗВОРОТЕ
Развалины Персеполя сегодня.
(akg-images/Сюзен Хелд.)

ние Персеполя представлялось приемлемым как выражение определенной идеи и логическое завершение войны с целью мести, каковой и являлась формальная подоплека экспедиции. Посему союзнические отряды совершенно естественным образом полагали, что дальнейшим закономерным шагом станет их демобилизация. Однако Александр мог напомнить им о том, что, пока Дарий жив и остается на свободе, миссия их до конца не выполнена.

Но если смотреть на случившееся с иной позиции, уничтожение дворца и причинение страданий горожанам подрывали успехи пропаганды Александра, тогда как он уже на раннем этапе стремился позиционировать себя как законного наследника царя царей. Совершенно оправданно тот же Парменион высказывался против подобного рода действий, напоминая Александру, что свою собственность вовсе не следует обращать в прах. Но вместе с тем все, что могло опечалить и оттолкнуть от Александра людей в Персиде, не без определенного удовлетворения встречалось в Вавилоне и в Сузах, а также и в Экбатанах, поскольку все они оказались как бы в тени с приходом династии Ахеменидов и с ростом могущества Персеполя.

ПЕРЕМНЫ В АРМИИ АЛЕКСАНДРА

Находясь на пути в Сузы и проходя по плодородной территории провинции Ситтакена, армия Александра приняла крупные подкрепления из Македонии под командованием Аминты, состоявшие из 6000 македонских пехотинцев, 600 македонских же конников, 600 фракийских всадников, 3500 траллианцев и наемников всего числом в 4000 пеших и 380 верховых. Александр остановил войско и приступил к проведению первой серии реорганизационных перемен. Он также усмотрел возможность совершить некоторые чисто управленческие преобразования и произвести в офицеры способных воинов, дабы заполнить ими образовавшиеся во время похода командирские вакансии.

Значительность численности пополнений, даже несмотря на необходимость восполнять потери и увольнять солдат со службы, позволила Александру расширить ряды пехоты. Курций, судя по всему, говорит о гипаспистах, когда упоминает о перегруппировке «лохой» в прежде не существовавшие хилиархии. Новые командиры назначались исходя из военных способностей и заслуг. Фигурирует всего восемь имен, в том числе Филота и Гелланик, а потому есть основания думать, что количество частей возросло до восьми. Похоже также, что среди «пезгетайрой» возникла седьмая «таксия». В следующем году Александр оставил 6000 македонских пехотинцев (четыре «таксии») в Экбатанах для охраны казны, но взял с собой гипаспистов и полки Кена, Кратера и Аминты в преследование Дария и в гирканский поход. Применительно к Гидаспу, речь также идет о семи «таксиях».

Кавалерия тоже подверглась реорганизации. Ила стала делиться на две сотни из двух взводов, или полусотен каждый, и тут тоже должности вверялись командирам после изучения их послужного списка и в соответствии с военными заслугами. Целью реформ, по всей вероятности, служило облегчение управления, поскольку в плане руководства действиями одним человеком ила со всеми ее лошадьми, всадниками и конюхами представляла собой довольно крупное формирование.

С того момента конница стала исчисляться сотнями (*гекатостиями*), которые при упоминании о них применительно к кавалерии путают с лохом.

Действительно ли Александр и его командиры намеревались сжечь Персеполь, узнать нам едва ли когда-то удастся, но они, вне сомнения, прежде всего стремились уничтожить дворец Ксеркса в желании отомстить за разрушение греческих храмов в 5-м веке. На представленной здесь фотографии уцелевшей части дворца мы видим намеренно поврежденное молотком лицо у изображения царя.

Но перемены только начались, чтобы продолжиться, когда войско достигло Экбатан. Александр распустил и отослал по домам фессалийскую конницу и как пехотные, так и кавалерийские союзнические части. Многие из них, однако, остались в армии как наемники, и по мере приближения окончания периода его походов Александр все шире использовал наемников и азиатские отряды.

На заре 330 г., ввиду предстоящей трудной кампании в горных и пустынных районах Ирана и Средней Азии, «пезгетайрой» стали освобождаться от части доспехов. Если верить Полиену (4.3.13), Александр пошел на некую хитрость, переоблачив однажды победивших солдат в полукирасы («гемифоракион») вместо прежних панцирей, чтобы воины больше не поворачивались спинами к неприятелю, поскольку новый доспех прикрывал только грудь. Судя по всему, эпизод

с бегством македонян относится к первой и безуспешной попытке Александра штурмовать Персидские ворота, а потому такие сведения следует воспринимать как подлинные, пусть даже объяснение причины нововведения и не вполне верно. В период похода в Гирканию, например, «таксия» Кена характеризуется как «легче всех вооруженная в македонской фаланге»; «наиболее легко вооруженные в фаланге» упоминаются и годом позднее, применительно к операциям около Мараканд, а затем еще в 326 г. в процессе продвижения к скале Аорн, когда производился отбор «наиболее легко, но вместе с тем и лучше всех вооруженных воинов» из какого-то другого полка, кроме того, которым командовал Кен. Следовательно, есть смысл предполагать, что другая или же ряд других «таксий» могли тоже начать использовать более легкое снаряжение.

ВТОРЖЕНИЕ В СРЕДнюю АЗИЮ

Прежде чем снова двинуться на север через Мидию и преследовать там Дария, Александр назначил губернаторов для управления недавно завоеванными территориями. Среди наместников оказались и персидские вельможи, что представляет шанс усмотреть в этом действии проявление новой политики — возможно, далеко идущих военных целей, подразумевающих всеобщее гражданство для жителей империи, каковое намеревался установить Александр позднее, после того как одно лишь уничтожение противника перестанет служить оправданием для траты сил, времени и для продолжения принесения дальнейших жертв на алтарь завоевания.

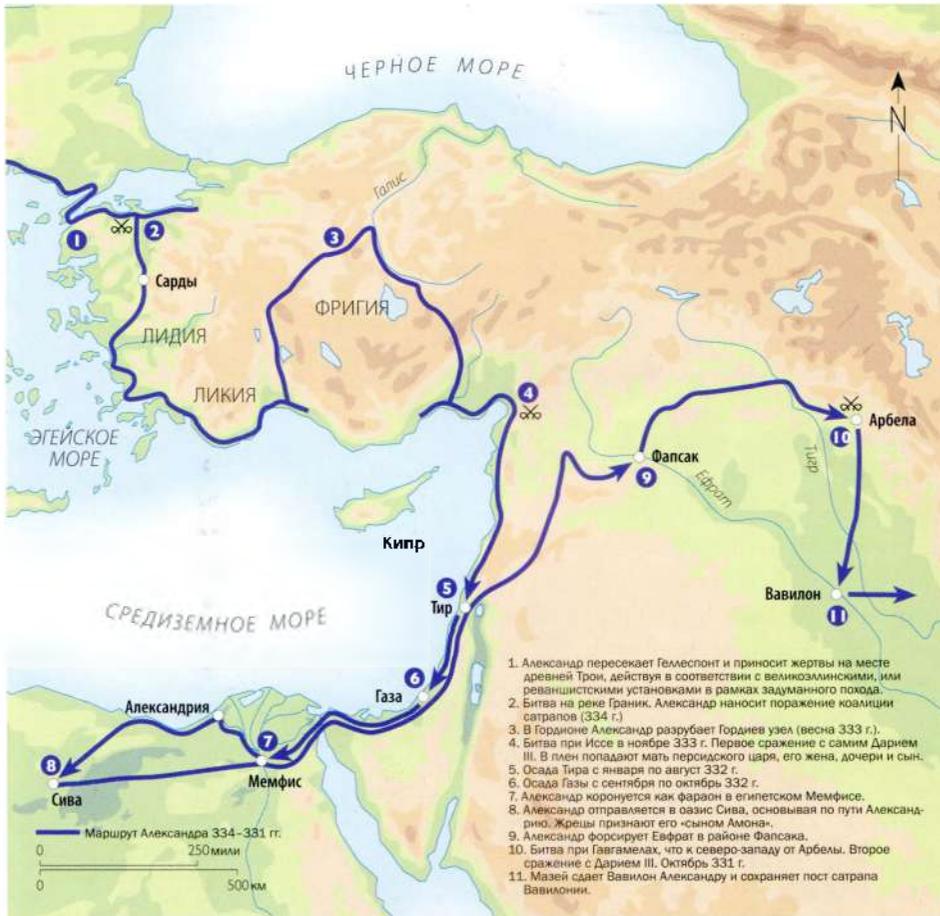
Историк Каллисфен

Если верить источникам, Каллисфен Олинфский приходился племянником философу Аристотелю и принял участие в экспедиции Александра в качестве официального придворного историка. Как считается, он отсылал хронику в Грецию по частям по мере накопления материала, совмещая обязанности историка, пропагандиста и военного корреспондента. Кроме того, Каллисфен обучал молодых людей македонского двора. Обязанность сопровождать Александра в его походах приводила Каллисфена в никогда не виданные прежде греками места и страны, поему, помимо рассказов о событиях войны, ему предоставлялась возможность поразмышлять над природой естественных явлений, и он, похоже, строил теории о местонахождении истоков Нила. Благодаря начитанности и хорошему знанию литературы философ все больше сравнивал Александра с новым Ахиллесом, и не будет ошибкой ставить Каллисфена в один ряд с лестцами, способствовавшими раздуванию самолюбия царя и

его окружения. Но хотя он и одобрял передачу владений в Памфилии одному придворному, бывшему земные поклонны (проскинеза) новому царю царей, Каллисфен тем не менее выступал против попыток введения Александром персидского придворного этикета в 328/327 гг. Результатом стала опала Каллисфена, вышедшего из милости у царя. Когда же позднее случился заговор с участием «пажей» или «царских юношей», Каллисфена оказалось легко записать в виноватые. Как подозреваемый в пособничестве «пажам», он угодил под стражу и скончался спустя несколько месяцев. Философы-перипатетики, последователи Аристотеля, никогда не простили этого Александру.

«История Александра Македонского» самого Каллисфена ныне утрачена, он, однако, считается создателем «Романа об Александре», правда, с авторством не все так просто, и написавшего эту книгу нередко называют Псевдо-Каллисфеном.

Путь Александра в Вавилон

В начале 330 г. Дарий сохранял контроль лишь над одной из столиц империи, Экбатанами (современный Хамадан). Находясь там, Дарий имел возможность получать донесения о деятельности Александра в Персии и в то же время стягивать подкрепления из северных сатрапий. Кроме того, там проходил Великий шелковый путь — своего рода коридор восток–запад, пролежавший южнее горы Эльбрус и Каспийского моря и севернее Великой Соляной пустыни. Однако многие советники предостерегали царя, что неразумно дожидаться Александра в том месте, и уговаривали Дария отступить в направлении Бактрии, расположенной за Мервским оазисом сразу на северо-запад от современного Афганистана.

Дарий в итоге признал целесообразность такого шага, но предпринял его слишком поздно, не успевая предупредить Александра, который возобновил враждебные действия, как только горные перевалы очистились от снега. Огромная колонна персидского царя отличалась крайней тихоходностью, поскольку Дарий вез привычное для обеспечения комфортабельных условий в путешествии царское снаряжение, не говоря уже о повозках с наложницами. Царский поезд медленно тащился через так называемые Каспийские ворота, несмотря на то что в путь его отправили

раньше войска. Лишь только 40 000 воинов из местного населения и 4000 греков остались с Дарием, и перебежчики — в том числе многие видные и значимые люди — валом валили в противоположном направлении навстречу македонским отрядам.

И вот в отдаленном селении Фара хилиарх Набарзан и сатрап Бактрии Бесс бросили вызов Дарию как вожда персов. Заручившись помощью других вельмож, они схватили царя и вскоре лишили жизни. Тело они бросили на дороге в надежде, что, найдя поверженного врага, Александр прекратит преследование. Набарзан попытался снискать поддержку в Гиркании и Парфии, Бесс же продолжал отступать в направлении Бактрии и Согдианы в сопровождении 600 всадников в намерении узурпировать трон.

Александр за три недели покрыл где-то 700 км: сначала с более крупными силами он продвигался на восток от Экбатан к Раги (т.е. от Хамадана к Рею, что совсем рядом с современным Тегераном), пройдя примерно 400 км за 11 суток, потом дал воинам пятидневную передышку и уже с меньшим конным войском проследовал следующие 300 км в погоне за Дарием. Тело Дария обнаружили ближе к вечеру на шестые сутки преследования. Александр распорядился похоронить убитого так, как подобает царю. Сам Бесс пока что ускользнул, между тем македонская армия растянулась и рассыпалась в ходе преследования, к тому же каждый день к Александру прибывали какие-то высокопоставленные перебежчики из персидского стана. Ситуация требовала времени на ее разрешение, а потому погоня за узурпатором откладывалась.

Некоторые из персов получили назначения сатрапами: Фратаферн — в Парфию, а Автофрадат возглавил землю тапуров, тогда как прочие остались в свите Александра в ожидании соответствующих назначений и тому подобных милостей. Получили прощение и два довольно опасных смутьяна — Набарзан и Сатибарзан. Первому следовало бы славить судьбу за то, что дело не кончилось для него казнью, он же пустился на козни с целью вновь обрести власть в Парфии и Гиркании. В итоге, однако, ситуация обернулась его арестом и гибелью. Сатибарзана поставили во главе бывшей его же сатрапии Ария (в регионе Герата в сегодняшнем Афганистане), но послали в тамошнюю столицу, Артакоану, подразделение из 40 метателей дротиков под началом Анакסיппа. Сатибарзан сумел разделаться с эс кортом и открыто взбунтовался, взбудораженный, вероятно, известиями об узурпации трона Бессом.

Через двое суток после донесения о предательстве Сатибарзана Александр прибыл в Артакоану, откуда мятежный сатрап уже унес ноги. Но когда Александр заменил его другим местным правителем, Арсаком, а сам отправился покорять Афганистан, Сатибарзан вернулся с целью вернуть себе провинцию. В начинании этом он совершенно не преуспел и погиб в поединке с македонским кавалерийским командиром Эригием.

Все трудности войны в напряженной политической ситуации вышли теперь на первое место. В сатрапии Бактрия Бесс провозгласил себя царем царей под именем Артаксеркса V и принялся разжигать пожар мятежа в Средней Азии. Но прежде чем предпринять марш на север, Александр погнался за греческими наемниками, служившими Дарию, вынудив их сложить оружие в Гиркании, расположенной южнее Каспийского моря. Во время похода на северо-востоке Персидской империи среди окружения Александра вспыхивали заговоры, вызванные прежде

Александр находит убитого персидского царя. Иллюстрация из персидского манускрипта.

всего его космополитическими воззрениями и стремлением к созданию единого царства из азиатских и европейских подданных. Пришлось казнить Филоту, сына прежде доверенного лица и заместителя царя, Пармениона, сразу же за тем, уже как мера предосторожности, последовало убийство Пармениона, оставленного во главе мидийского гарнизона. Во время пьяной ссоры Александр несколько позднее собственноручно убил Клита, спасшего ему жизнь при Гранике. Фактически Александр все чаще показывал себя как тиран, каковым видели его многие древние историки более позднего времени. Тем не менее, простые воины и командиры в войске преданно следовали за завоевателем.

Александр двинулся на юг и достиг там селений ариаспиан, живших вблизи озера Сакастан. Последние обеспечили снабжением его войско так же, как за 200 лет до того помогли Киру Великому, царю Персии, за что были переименованы в эвергетов («добродетелей»). Далее македонцы следовали по долине реки Гильменд, каковая вела их в направлении Арахозии. Там царь велел заложить новое поселение — Александрию-в-Арахозии (возле современного Кандагара), ставшее одним из многих городов и городков, возникших по его воле в тех краях.

Перед нами сделанные с саркофага Александра реконструкции метателя дротиков (слева), старшего солдата и пехотинца из числа греческих союзников, которые служили в войске Александра. (Энзус МакБрайд © Издательский дом «Оспри».)

В 329 г. Александр вступил в Бактрию, пересек Гиндукуш через перевалы Хавака и вышел к Кундузу. При приближении завоевателя вельможи из окружения Бесса послали сообщить о своей готовности выдать узурпатора. Так, раздетого донага, в цепях и с собачьим ошейником на шее Бесса оставили у дороги, где его подобрал приближенный Александра Птоломей. Однако сами предатели предпочли убежать, не желая подчиниться Александру и с намерением сохранить независимость в одном из наиболее удаленных уголков империи.

Древние историки расходятся в отношении подробностей смерти Бесса. Курций Руф уверяет, что его распяли точно в том месте, где прежде был убит Дарий III, Плутарх утверждает иное: Бесса разорвали на части в Бактрии после македонского суда, тогда как, по данным Арриана, узурпатора пытали, а затем обезглавили в Экбатанах. Бесс совершил нечто больше, чем просто убийство Дария — он бросил вызов Александру как соперник в империи. Однако претензии на власть всегда выглядели малоубедительными, если не поддерживались военной силой, как обнаружил предок и тезка Дария за много лет до описываемых событий, в 522–519 гг. Тогдашний пропагандистский «плакат» персидского царя представлял собой высеченную на скале в Биситуне надпись на трех языках. В ней утверждалось, что Дарий I должен править империей по велению Ахура-Мазды, или Ормузда.

Однако для подкрепления воли божества понадобились мощная армия, победы и публичные казни противников.

Когда Александр добрался до северо-восточной окраины царства, в Согдиане запахло очередным мятежом — появился новый претендент на трон, и беспорядки стали распространяться на Бактрию. Годы ведения Александром боевых действий в северо-восточных провинциях Персидской империи описаны историками в подробностях, хотя и не без множества нестыковок. Мы читаем о сражениях и о предательстве, о быстрых маршах и о форсировании рек, мы представляем себе воинов карабкающимися по отвесным скалам и овладевающими неприступными горными форпостами, мы узнаем о героических подвигах, совершенных Александром ценой ранений. В тот период, более чем когда-либо, объемы усилий и тяготы жизни, перенесенные армией-завоевательницей, кажутся огромными и несообразными с размерами достижений.

Как бы там ни было, используя кнут и пряник — силу оружия и дипломатию, — Александр сумел подчинить себе непокорное население региона. Он обеспечил за собой территорию, разместив гарнизоны из македонских и греческих солдат на всем ее протяжении.

Скифы к северу от реки Сырдарья представляли собой постоянную угрозу. Некогда они жили в землях, перешедших потом под управление персов, к тому же существовала опасность примыкания их к каким-нибудь инсургентам в самих северо-восточных провинциях. Прежде чем удалиться из данного ареала, Александру приходилось создать форпосты с гарнизоном из выдохшихся от переходов и боев людей для контроля за границей по Сырдарье. Он основал там город Александрия-Эсхата (Александрия Самая Дальняя, современный Ходжент).

В Самарканде Александр взял в жены Роксану — дочь согдианского вельможи. Женитьбу описывают как союз любящих сердец, что вовсе не исключено, как, впрочем, и некоторый политический расчет, тоже присутствовавший со стороны Александра. С помощью брачной церемонии македонский царь смог положить конец непрекращающейся партизанской деятельности, покончить с которой военными методами не получалось. В свое время Филипп II не раз и не два прибегал к политическим союзам с помощью браков, желая добиться определенных преимуществ. После семи лет кампаний Александр тоже воспользовался «старым добрым» средством.

Трудно сказать, насколько женитьба на Роксане повлияла на идеи Александра в отношении браков македонцев с персами и создания единой евразийской нации с греко-азиатской культурой. Некоторые древние писатели упоминают о брачных союзах между македонцами и женщинами из числа варваров, но в этом, возможно, следует искать отклик состоявшейся в 324 г. в Сузах массовой брачной церемонии. Кажется вполне очевидным, что именно после женитьбы на Роксане Александр и попытался ввести при дворе обычай персидского земного поклона (проскинезы). Затея столкнулась с отчаянным сопротивлением со стороны македонских военачальников и придворных, и царю пришлось нехотя отказаться от внедрения новой традиции.

ti pour retirer son corps usques
tant que les derniers furent
les. Toute celle nuit passa sans
mir en grant commotion de son
mar ne la lendemain nestoit
choicir pour ce quil n'avoit
de nauire avec ce qu'on ne pou
drener aucuns ponts sur la

plames de feux sur lesquelles
transnarent la nuar et ceul
qui passoient les venans se m
toient en bataille tandis que l
autres trouuoient. En ceste
mar le .v. iour avoua son ost a
sauter nuc.

Comment spitamenes pult

ВТОРЖЕНИЕ В ИНДИЮ

Политический брак Александра и Роксаны привел к прекращению партизанской войны в Бактрии и Согдиане, но боевые действия на этом не закончились. Предводитель македонского войска наконец-то смог обратить взор в сторону последнего уголка царства Ахеменидов. Оставались незавоеванными всего три провинции: земля парапамисадов, расположенная за перевалами Гиндукуша восточнее города Бактры (Балх, около Мазари-Шарифа); Гандхара (ныне северная часть Пакистана); и Хиндуш (Синд) в долине Инда. Перевалив через Гиндукуш, Александр вступил в регионы Баджаур и Сват, неумолимо шагая в направлении реки Инд, где авангардные отряды под началом Гефестиона и Пердикки навели понтонный мост из лодок, открывая войску путь на территорию царя Таксилы.

На марше Александр столкнулся с ожесточенным противодействием со стороны аспасиан и ассакенов. Главным городом последним служили Массаги, расположенные на Катгальском перевале и защищаемые женщиной по имени Клеофис, матерью (или, возможно, вдовой) главы местной династии Ассакена. Он умер как раз перед прибытием Александра к городу — по всей вероятности, погиб в попытке остановить македонцев ранее на марше. Фактически обороной руководил брат Ассакена, Аммина, располагавший помощью 9000 наемников, но легенда предпочитает заострить внимание на царице, которая вела переговоры о сдаче города и сохранила трон, сумев пленить Александра красотой. Однако историю о ней следует воспринимать с осторожностью, поскольку имя ее и действия заметно схожи с именем и действиями знаменитой на весь мир египетской царицы Клеопатры VII. И в самом деле, первый затронувший тему этого персонажа автор писал в эпоху императора Августа, когда о коварной Клеопатре слышали очень многие.

Некоторые ассакены бежали на казавшуюся неприступной скалу, называвшуюся у древних Аорн (вероятно, Пирсар, хотя некоторые полагают, что это гора Илам). Здесь, как и при осаде Аримаза, Александр преодолел крайне трудную местность, бросая вызов природе и заставляя многих из защитников погибать в попытках со страху слезть по крутым склонам утеса, нависавшего над водами Инда. Захватив эту точку, царь получил возможность утверждать, что перешагивая подвигами мифологического предка Геракла, которому некогда пришлось в этом месте отступить из-за землетрясения.

Перейдя Инд, Александр в своих честолюбивых планах вышел за рамки одного лишь овладения древнеперсидским царством. Если уж где-то и было бунтовать уставшему от бесконечной походной жизни войску, безмерно огорчая Александра,

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА

На иллюстрации к средневековому манускрипту показан момент перехода войска Александра через Амударью.

как случилось это потом, то именно тут. Однако армия, наслушавшаяся легенд о посещении Индии богом Дионисом, последовала за вожаком через Инд без всякого недовольства.

Александр вступил на территорию Таксила. Вообще же настоящее имя этого правителя было Амфи, но в истории Арриана он выведен как Таксил, по всей вероятности, из-за названия города, которым владел. Таксил правил регионом между Индом и Гидаспом (Желумом) и оказал Александру великолепный прием в собственной столице — Таксилах (около современного Исламабада). На него в ту пору особенно сильно наседали враги: с севера грозил хозяин тамошних земель Абисар (в Кашмире), а с запада — Пор, раджа из династии Пауравы. В обмен на поддержку Таксил принял македонский гарнизон и «наблюдателя» — Филиппа, сына Махаты. Но номинально государем на той территории оставался Таксил.

Тем временем Пор деятельно подстрекал Абисара помочь ему против Таксила и чужака-македонянина. Тот же, вероятно, дал понять Александру, что готов будет подчиниться, колеблясь в ожидании исхода событий. Когда же Пор потерпел поражение, Абисар послал Александру денег и слонов, а также выразил сожаления по поводу неспособности явиться лично по причине болезни — типичная отговорка правителей, оказавшихся в трудном положении перед лицом необходимости иметь дело с кем-то гораздо более могущественным.

Александр осознал, что дружба с Таксилом делает его врагом Пора. Соответственно, решившись на новую войну, он вновь пошел на восток в направлении реки Гидасп, по ту сторону которой занимался сбором армии Пор.

Войско Александра в Индии

Вероятно, именно в пору вступления войска в Индию сарисса достигла прежде невиданной длины, на каковую инновацию Александр пошел с целью обеспечить фаланге больше шансов выйти победительницей из схватки со слонами и их погонщиками. От панциря отказались вовсе, и стандартный набор снаряжения состоял из щита, меча, дротика и сариссы, которую держали сначала в левой руке, а потом, метнув дротик, переключивали в правую.

Македонская армия в Индии смотрелась, похоже, довольно странно. Перед новым походом Александр снабдил гипасписов посеребренными щитами, да и прочие пехотинцы тоже удостоились позолоченного и посеребренного снаряжения, а конскую сбрую завоеватель велел украсить позолоченными удилами. При всем этом роскошь соседствовала с некоей поразительной убогостью. Прошло уже восемь лет с тех пор, как войско Александра переправилось через Геллеспонт, и воины его покрыли расстояния в многие тысячи километров. Система обеспечения снабжением переставала работать — ей явно оказывался не по плечу такой размах. Поначалу солдаты переодевались в персидские хитоны, затем стали перекраивать индийские. Панцири и прочие элементы доспехов приходили в негодность, вследствие чего от них приходилось отказываться. Боевой дух воинов очень сильно подтачивало наличие у Пора массы слонов, а когда пронесся слух о 4000 слонах, якобы ожидавших македонян по ту сторону Гидаспа, вспыхнул бунт. Страх перед слонами являлся, по всей вероятности, основным соображением, побудившим Александра возобновить выдачу доспехов пехотинцам вскоре после мятежа.

ДРЕВНИЕ ИНДИЙСКИЕ АРМИИ

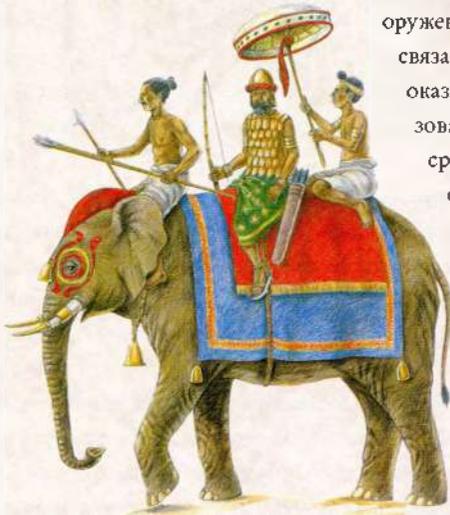
Армии различных индийских государств, совершенно очевидно, во многом походили друг на друга в смысле как внешнего вида, так и арсеналов вооружения. Основным тактическим шаблоном на поле битвы служило сочетание пехоты, конницы, колесниц и боевых слонов.

Лучники являли собой основной тип пехотинца в индийском войске, вставшем на пути Александра. Такие воины вооружались большими и мощными луками в соответствии с ростом самих стрелков, бывших людьми высокими, тетива изготавливалась из пеньки или сухожилий, и сильный человек мог оттянуть ее до самого уха. Материалом для длинных стрел служил тростник или камыш, а оперением — перья хищных птиц. Наконечник стрелы обычно выковывался из железа, но иногда бывал и роговым и, если верить некоторым греческим источникам, мог окунался в яд. Арриан говорит о большой мощи индийского лука, от стрелы которого не спасал ни один щит и панцирь. Однако некоторые командиры Александра считали оружие слишком тяжелым для прицельной стрельбы. Как бы там ни было, эффект от применения индийского лука в битве на берегу Гидаспа, похоже, нельзя назвать особенно значительным.

Судя по всему, на вооружении у индийских пехотинцев состояло несколько различных типов мечей, и можно даже предположить, что часть пехоты приходилась на мечников, хотя, по наблюдениям Неарха, индийские пехотинцы неохотно вступали в рукопашную.

Доспехи встречались редко, если вообще использовались. Часть пехоты вооружалась дротиками и строилась иногда впереди стрелков. Вполне возможно, они несли щиты для самозащиты и прикрытия стрелков, но сражались без брони.

Боевые слоны представлялись довольно дорогостоящим видом вооружения как в плане расходов на их приобретение, так и издержек, связанных с содержанием, а потому не все индийские государства оказывались способны набрать необходимые средства для их использования. Однако те, кто мог, применяли животных как весьма ценное средство — этикие «подвижные крепости». Они служили индийской коннице и пехотинцам либо в качестве заслона для отхода в случае неудачи, либо как прикрытия, из-за которого воины устраивали вылазки. Диодор Сицилийский и Курций Руф, вторя друг другу, живописуют линию слонов, изображая ее как стену с башнями, вырастающими из земли на равных интервалах. Диодор сравнивает пехоту с куртиной, или простенками между башнями-слонами. Арриан замечает, что отдельные отряды пехоты быстро выдвигались через пространства между животными из второго эшелона. (Ричард Гэйджер © Издательский дом «Оспри».)

БИТВА НА РЕКЕ ГИДАСП

Пор намеревался дать бой Александру и Таксилу в месте переправы через Гидасп вблизи современного Харанпура. Когда Александр вышел к Гидаспу, он нашел значительное по численности войско царя Пора выстроенным в боевые порядки на противоположном берегу. В древние времена сражения нередко происходили у переправ — река не просто являлась естественной преградой для обороняющегося, чем-то вроде природного рва с водой, но и служила источником поступления питьевой воды для расположившихся на берегах воинов. Гидасп в любом случае не был лишь ручьем или горной речкой, применительно к нему нельзя вести речь даже о реке средних размеров, которую обычно удается перейти в каких-то местах вброд. В особенности же справедливо он заслуживал звания могучего потока в период разлива, когда представлял собой полноводную и судоходную, но при этом не спокойную, а весьма стремительную водную магистраль. В общем, рассчитывать на повторение чего-то подобного тому, что удалось проделать на Гранике, Александру в данном случае не приходилось.

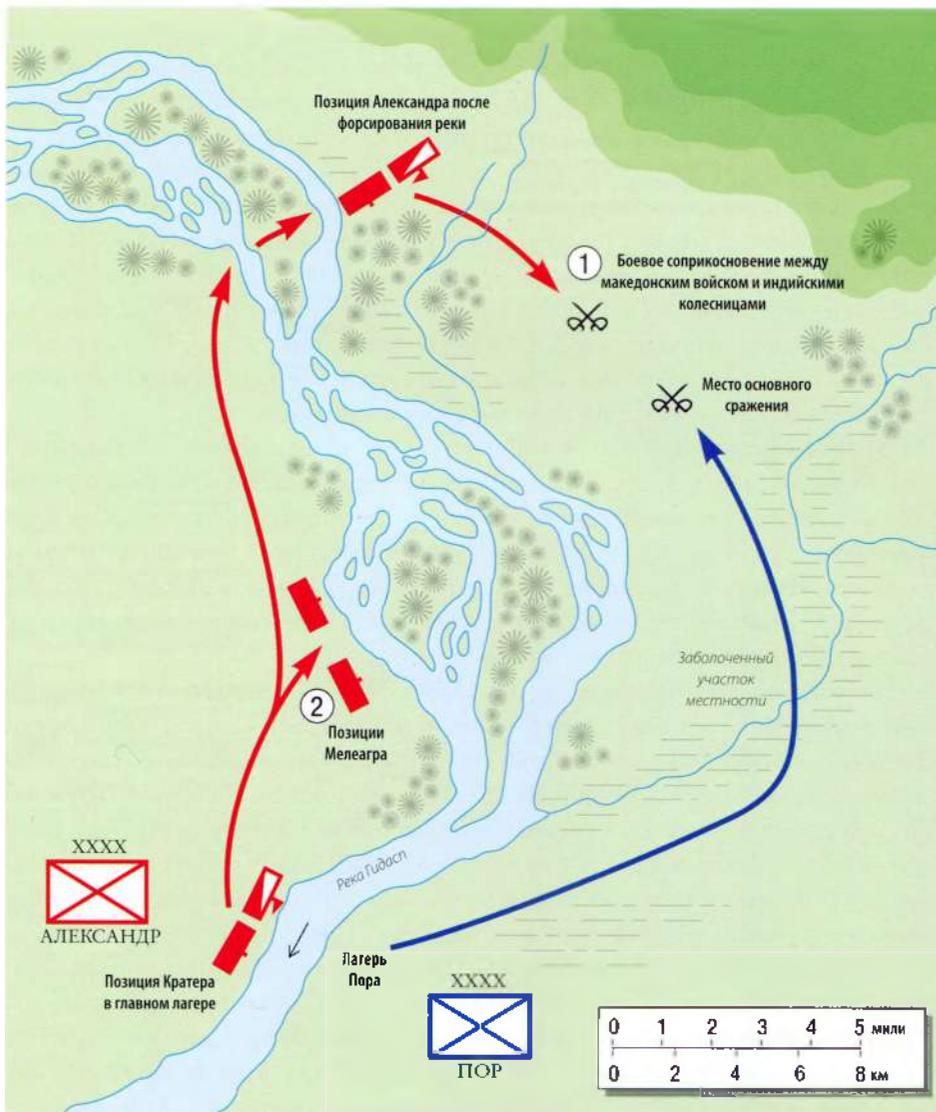
Воины обеих армий превосходным образом видели друг друга через широкую полосу быстро текущей и бурлящей, как и полагается в начале лета, реки. Численность войска Пора оценивается разными древними историками по-разному, и современные авторы не всегда сходятся между собой в интерпретации имеющихся сведений. Словом, разброс в оценках широкий, а потому разумнее всего принять за рабочие некие усредненные данные. По всей видимости, основные силы индийской армии исчислялись вот такими цифрами: между 20 000 и 50 000 пехотинцев, где-то от 2000 до 4000 конников, примерно 85 или более — вплоть до 200 — слонов и что-то между 300 и 1000 колесниц. Кроме того, имелось дополнительное усиление в лице брата Пора во главе контингента из 4000 человек кавалерии и 100 колесниц.

Александр возглавлял приведенное с запада немалое войско из множества азиатских отрядов, за исключением 5000 индийских союзников, но ядром армии по-прежнему служили македонские пехотинцы и «товарищеская» конница из-за Геллеспонта. Так или иначе войска, с которыми он собирался дать битву Пору, не превышали, по всей вероятности, 40 000 человек. Александр всегда считал такое количество оптимальным для обеспечения должной стратегической и тактической подвижности и вполне доказал свою способность побеждать в сражении армии любой численности, которые выставляли против него те или иные враги.

Ввиду разлива Гидаспа шанс на незамедлительное форсирование реки у Александра перед лицом неприятельского противодействия, разумеется, отсутствовал. Он «признал» неспособность соперничать с природой и публично высказался в том духе, что готов-де подождать до осени, когда вода опустится значительно ниже. Несомненно, Александр рассчитывал на болтунов и шпионов противника, ожидая, что подобные речи достигнут ушей Пора, хотя на самом деле, конечно же, строил совсем другие планы.

Решительно настроенный Пор пристально охранял все годные для паромной переправы точки, и слоны играли в выполнении этой задачи очень важную роль, поскольку, конечно же, приводили в панику любых лошадей в неприятельском стане, что делало высадку конницы с плотов или барж делом совершенно невозможным. Но Александра всегда отличала изрядная находчивость, она не подвела

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ ПЛАН БИТВЫ НА ГИДАСПЕ

1. Атака индийских колесниц на предварительном этапе битвы.
2. Кратер и Мелеагр удерживают участки на берегу реки и приковывают к себе внимание индийских войск, которые в противном случае могли бы быть использованы для противодействия Александру. Затем, когда Александр добивается победного перелома в сражении, Кратер и Мелеагр форсируют реку.

его и на сей раз. Как и запасливость. Перед выдвижением к границам территории Пору он велел разобрать лодки и галеры, задействованные на Инде. Суда поменьше разделили надвое, а 30-весельные галеры — натрое, узлы затем транспортировались по суше на подводах, а потом всю флотилию снова собрали на Гидаспе. Изначально суда могли ходили по реке, не вызывая реакции неприятеля, индийцы не сделали ни одной попытки помешать им.

На протяжении следующих недель Александр то и дело перемещал кавалерию вверх и вниз по берегу. Пор же, стремясь предупредить попытки любого сосредоточения войск Александра в какой-то одной точке, отправлял отряды, которые повторяли передвижения солдат Александра на противоположном берегу, ориентируясь на шум, намеренно поднимаемый македонцами. Любое место, где появлялась опас-

ность форсирования водной преграды противником, индийцы тут же прикрывали крупными силами. Но все шаги Александра являлись не более чем обманными маневрами. Ни разу ни один из них не материализовался в настоящую атаку, и внимание Пора в итоге заметно притупилось, чего, разумеется, только и ждал Александр. Теперь македонцы находились в удобном положении для прыжка через реку. Любой шум их передвижений оценивался противником как очередная ложная тревога.

Но конница Александра не просто прогуливалась туда и сюда, всадники подмечали наиболее подходящие для переправы места и докладывали обо всем главнокомандующему. Наконец он сделал выбор в пользу одного участка и составил план ночного форсирования Гидаспа. Александр оставил одного из командиров, Кратера, в месте изначальной дислокации македонской армии с частью конницы, обычно находившейся под началом данного офицера, придав ему также отряды азиатской кавалерии и местные индийские формирования общей численностью в 5000 человек, плюс к тому две части македонской фаланги.

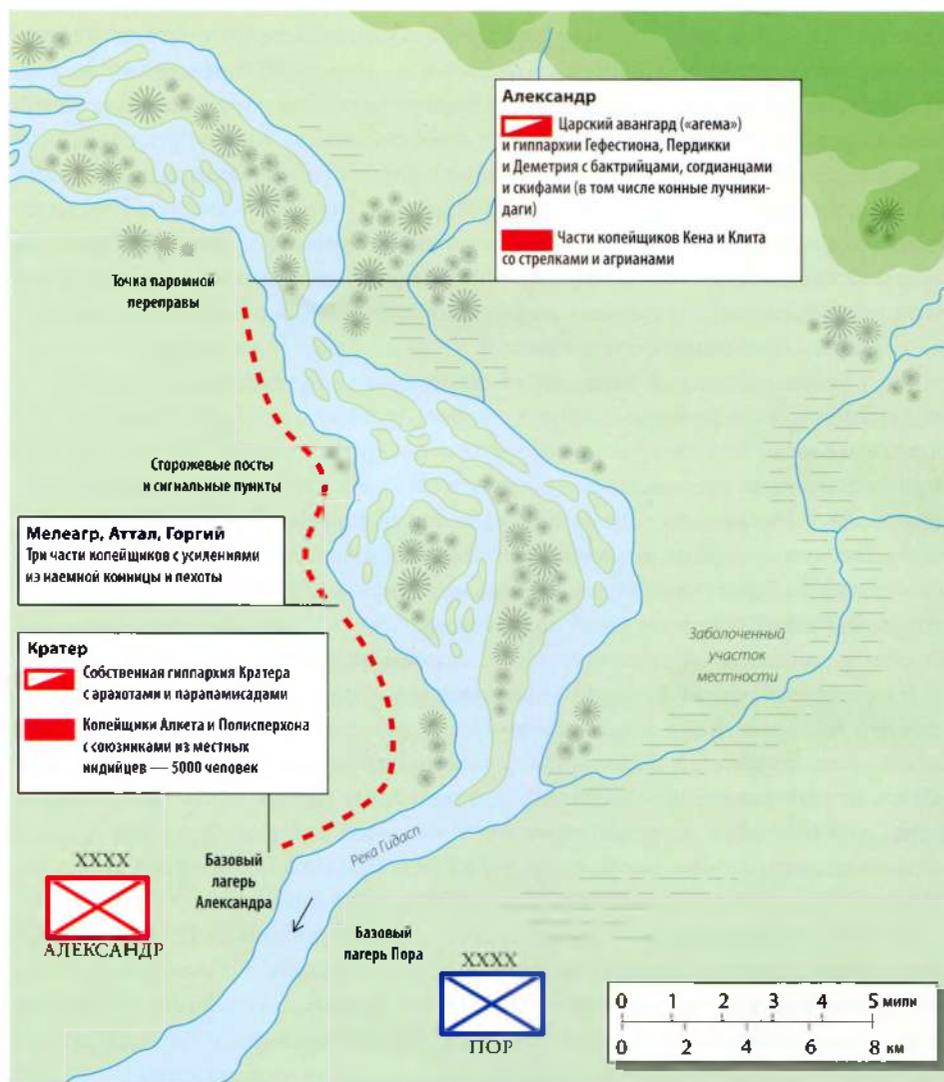
Сам же Александр выступил к выбранному месту во главе столь же смешанного, но более сильного отряда. В него входил авангард «товарищеской» кавалерии и конные части его ближайших командиров — Гефестиона, Пердикки и Деметрия. Формирования эти представляли собой гиппархии большей численности, чем те эскадроны, которыми Александр обычно оперировал в начале экспедиции в Малой Азии. С ним шли азиатские войска, в том числе конные лучники, и две части фаланги вместе со стрелками и агрианами.

Целью оставленного Александром в лагере крупного соединения служило введение в заблуждение Пора. Императив всей операции состоял в том, чтобы совершенно скрыть от индийцев истинные причины происходящего до тех пор, пока переправа не состоится. Он приказал Кратеру реагировать сообразно ситуации: если при известии о высадке противника Пор поведет против Александра лишь часть войска, придержав слонов в тылу, македонцам в базовом лагере надлежит оставаться на местах, притягивая неприятельские силы на противоположном берегу только одним своим присутствием; если же Пор совершенно покинет позиции, — выберет бегство или же противодействие Александру всеми силами, — тогда Кратеру и его людям можно будет спокойно переправиться. Фактически главным источником опасности для кавалерии являлись слоны. Как только их уведут, ничто не мешает македонцам приступить к форсированию реки, пусть даже остальные индийские войска останутся на ранее занимаемых позициях.

Действия ночью

Место, выбранное для переправы, располагалось почти в 30 км вверх по течению от основного лагеря македонян. Там, на противоположном берегу, на участке поворота реки находился мыс, в изобилии покрытый высоким кустарником и деревьями, а напротив него виднелся остров Адмана, также поросший подлеском и потому позволявший скрывать действия войска от рыскающей поблизости вражеской конницы. Вдоль македонской стороны реки Александр уже раньше разместил целую цепочку пикетов, воины в которых могли поддерживать связь друг с другом с помощью визуальных или звуковых сигналов. Как поступал и раньше, Александр намеренно позволил противнику привыкнуть к крикам и ночным сигнальным огням этих форпостов.

БИТВА НА РЕКЕ ГИДАСП — ФОРСИРОВАНИЕ ВОДНОЙ ПРЕГРАДЫ

При наличии всех этих отвлекающих моментов марш Александра проводился в обстановке глубочайшей тайны. Воины шли путем вдалеке от берега, возможно, срезая дорогу. Пока македонцы двигались в ночи, их застигла сильная гроза с дождем. Хотя они, конечно же, не испытывали восторга от низвергавшихся на них потоков воды, гроза послужила дополнительным фактором скрытности их действий.

В месте предстоящей операции по форсированию реки уже стояла наготове флотилия. Многие средства переправы представляли собой надувные маты, или плоты из бурдюков и мехов, которые к цели доставили пустыми, затем набили соломой и зашили, сделав водонепроницаемыми. Александр уже отработал подобную технику перевоза войск через реки на Дунае и Амударье. Рядом с такими плотами и лодками стояли и 30-весельные галеры, доставленные от берегов Инда по суше.

Вблизи от реки, в промежуточной позиции между базовым лагерем и паромной переправой, дислоцировались три командира — Мелеагр, Агтал и Горгий, — каждый со своей пехотной частью, усиленной конницей и пехотой из числа наемников. Как и Кратер, они получили приказ форсировать реку только в случае ухода противника с противоположной стороны. Переправу предстояло, по всей вероятности, осуществлять в три приема ввиду отсутствия достаточного количества плавсредств для доставки всех воинов и коней разом.

К рассвету гроза стихла. Когда паромная флотилия, возглавляемая Александром и его штабом, переправившимися на отдельной галере, начала движение через реку, македонцы какое-то время оставались вне видимости с противоположного берега. Когда же суда и плоты продвинулись дальше, скрывать происходящее долее стало уже невозможно, и соглядатаи противника со всей поспешностью помчались к командирам докладывать о переправе.

Тем временем воины Александра столкнулись с непредвиденными сложностями, поскольку суша, которую они сочли противоположным берегом, оказалась еще одним островом. Глубокая, хотя и узкая протока отделяла его от земли на другой стороне Гидаспа, и, преодолевая ее, люди и животные едва-едва справлялись с течением, погружаясь порой буквально по шею в воду. Завершив этот второй незапланированный этап переправы, Александр сумел собрать и построить войска на противоположном берегу при полном отсутствии неприятельского противодействия и вообще без каких бы то ни было дополнительных осложнений. Хотя во мнениях авторов древних источников нет единства, похоже, затем Александр двинулся вдоль берега навстречу войску Пора в боевом порядке. «Товарищи» вместе с лучшей кавалерией из имевшейся в распоряжении сосредотачивались впереди пехоты, а еще дальше перед ними шли 1000 конных лучников, служивших в качестве заслона и наилучшим образом приспособленных для нанесения ударов по слонам с большой дистанции. Основное соединение кавалерии — всего около 5000 человек — пользовалось фланговым прикрытием стрелков под командованием Таврона, которому приказали сделать все возможное, но поспевать за лошадьми.

В тылу у конницы шагали гипасписты под началом Селевка. Главная ударная фаланга, следовавшая в боевом построении, защищалась с обоих флангов агрианами и прочими метателями дротиков. Положение какой-то еще конницы, иначе как в передовых частях, не указывается, но такие отряды верховых либо замыкали все построение в самом тылу, либо прикрывали левый фланг гипаспистов.

Арриан предполагает, что Александр хотел, если представится возможность, дать бой всему войску Пора силами одной лишь кавалерии, но такое едва ли верно. Помимо всех прочих возражений можно привести одно — все тактические ухищрения Александра направлялись прежде всего на недопущение столкновения его конницы со слонами. Он поставил кавалерию впереди, по всей видимости, единственно из стремления прикрыть место высадки войска от атак конницы или колесниц противника. И в самом деле, вовсе не надо думать, что операция по форсированию реки полностью завершилась даже после выхода на сушу основных сил. Александр не имел средств для транспортировки всего войска разом, о чем говорит численность пехоты, с которой он переправился вначале, около 6000 человек — безусловно, меньше по количеству, чем все пешие отряды, выступившие из базового македонского лагеря.

Реакция индийцев

Когда известия о переправе противника достигли Пора, он не поверил в возможность осуществления высадки врагом в сколь-либо значительных силах и счел достаточным отправить для исправления ситуации подвижные войска под началом сына. Пора можно понять — он своими глазами видел воинов Кратера на противоположном берегу реки прямо перед собой и предполагал, что там находится основное македонское войско, чего, конечно же, и добивался Александр, вводя в заблуждение врага. Подразделение, брошенное против Александра, насчитывало лишь 2000 человек кавалерии и 120 колесниц. (По крайней мере, таковы данные офицера из армии Александра, Птолемея, принятые также и Аррианом.) В любом случае отряд колесниц подвергся мгновенному разгрому с предположительными потерями у индийцев в 400 человек убитыми, включая и юного царского сына. Лошади и колесницы по большей части достались победителям как трофеи.

Тут уже Пор уразумел необходимость выступить против Александра с основной частью армии. Между тем ему никак нельзя было забывать об отрядах Кратера, готовых вот-вот форсировать реку, и индийский царь оставил небольшой отряд для обороны берега, включая и часть слонов, которых, как он надеялся, будет достаточно для отпугивания македонской конницы, если та попытается достигнуть противоположной стороны реки. Сам же с основными силами выступил против Александра. Войско индийцев насчитывало около 4000 конницы, 300 колесниц, 200 слонов и 30 000 пехотинцев. Большая часть местности, по которой им приходилось следовать, осложняла продвижение из-за мягкой и раскисшей почвы, однако, найдя песчаную равнину, способную дать коннице простор для маневра, Пор остановился и стал готовиться к сражению.

Индийский фронт образовывали слоны, расставленные с интервалами приблизительно в 30 м. Позади слонов и в промежутках между ними дислоцировалась пехота с конным прикрытием на флангах и дополнительным заслоном из боевых колесниц на каждой из оконечностей всего фронта. Когда Александр увидел боевые порядки индийцев, он приказал войску остановиться и дал отдых пехотинцам, кавалерия тем временем несла дозорную службу вокруг позиций менее подвижных соратников-пехотинцев.

Прежде чем вступить в боевые действия против Пора, Александр произвел перестановки в командном составе войска. Офицеры его получили несколько иные задачи, при этом личная ответственность каждого не ограничивалась каким-то одним подразделением и даже «родом войск». Кена царь назначил командовать конницей Деметрия, тот же, вероятно, удовольствовался ролью заместителя. Селевк остался вожакom гипаспистов. Но предводителями пикинеров-фалангитов сделали Таврон и Антиген. Легко понять целесообразность подобного рода перетасовки. Форсирование реки и бой в поле — задачи не равновеликие, а потому вполне разумно предполагать, что они требуют от командиров разных качеств.

Пор значительно превосходил Александра в пехоте, но на стороне последнего находилось преимущество в кавалерии. Самое важное обстоятельство для Александра заключалось в предотвращении столкновения македонской конницы с индийскими слонами, способными вызвать у нее замешательство. Казалось наиболее оптимальным предпринять максимум усилий в данном направлении и постараться как-то избежать подобного рода конфронтации. И Александр почел за благо не заставлять всадников пытаться счастья в открытом противоборстве со слонами.

НА РАЗВОРОТЕ

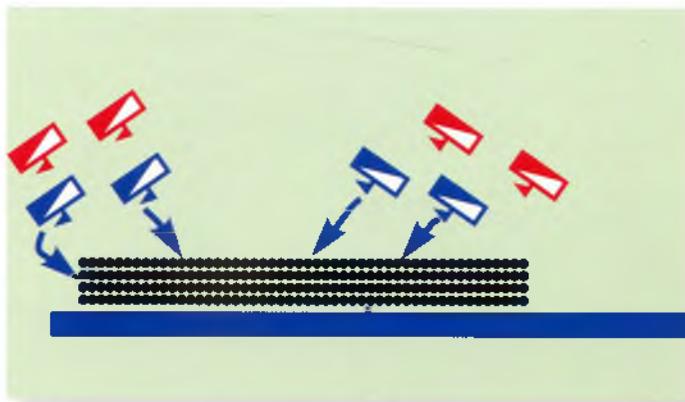
Полотно 17-го века работы Шарля Лебрена, изображающее Александра и Пору после поражения последнего на реке Гидасп.

БИТВА НА РЕКЕ ГИДАСПИ — СТРОЙ СЛОНОВ

На диаграмме показаны 200 слонов, поставленных один от другого на расстоянии 30 м. Построение в четыре ряда — предположительное.

Он открыл сражение атакой конных лучников, сумевших вызвать изрядное смятение в рядах воинов на левом крыле противника.

Колесницы Пора дислоцировались на обоих крыльях впереди конницы, и те из них, что находились слева, судя по всему, первыми получили порцию стрел от конных лучников Александра. Колесницы, как можно предполагать, представляли хорошие цели для атакующих, поскольку, как узнаем мы от хронистов, каждая из таких боевых повозок имела экипаж из шести человек, при этом щитами вооружались лишь двое.

Похоже, тут индийский царь пришел к решению передислоцировать части его армии, пытаясь вывести кавалерию вперед, поставив колесницы позади нее. Но Александр во главе «товарищеской» конницы обрушился на левофланговых индийских всадников, пока те еще продвигались вперед колонной, т. е. прежде чем им удалось развернуться в боевые порядки. Так все левое крыло Пора очутилось перед необходимостью перейти к оборонительным действиям.

На другой стороне поля правофланговая кавалерия индийцев сделала все возможное для исправления положения. Всадники бросились вперед через центральную равнину для контратаки во фланг Александру. Конники на левом краю у македонских пехотинцев находились, видимо, в меньшинстве, или же расстояние оказалось слишком большим, чтобы они могли помешать маневру индийцев. Но один из командиров Александра, Кен, действуя в соответствии с заранее подготовленным планом, отделился от прочих «товарищей» и повел свою конницу в обход, как можно предполагать, на галопе, чтобы зайти в хвост контратакующим индийцам, пока они скакали поперек через поле битвы. Нельзя исключать, что для выполнения данного задания Кен фактически прошел через тыл македонской пехоты, прикрывшись ею прежде, чем противник сумел заметить его приближение. Он, конечно же, возник перед врагом неожиданно, словно из-под земли, как раз тогда, когда индийская правофланговая кавалерия уже почти вошла в соприкосновение с «товарищами» Александра.

Внезапно индийцы очутились перед необходимостью вести бой на двух направлениях. Они отреагировали путем разделения сил и действия против обоих противников — Александра и Кена, — что требовало перегруппировки.

Но Александр, против всякого ожидания, вдруг резко развернулся и набросился на них посреди маневра. Даже и не пытаясь вступить в противоборство с сокрушительным молотом «товарищеской» конницы, индийцы кинулись под защиту слонов.

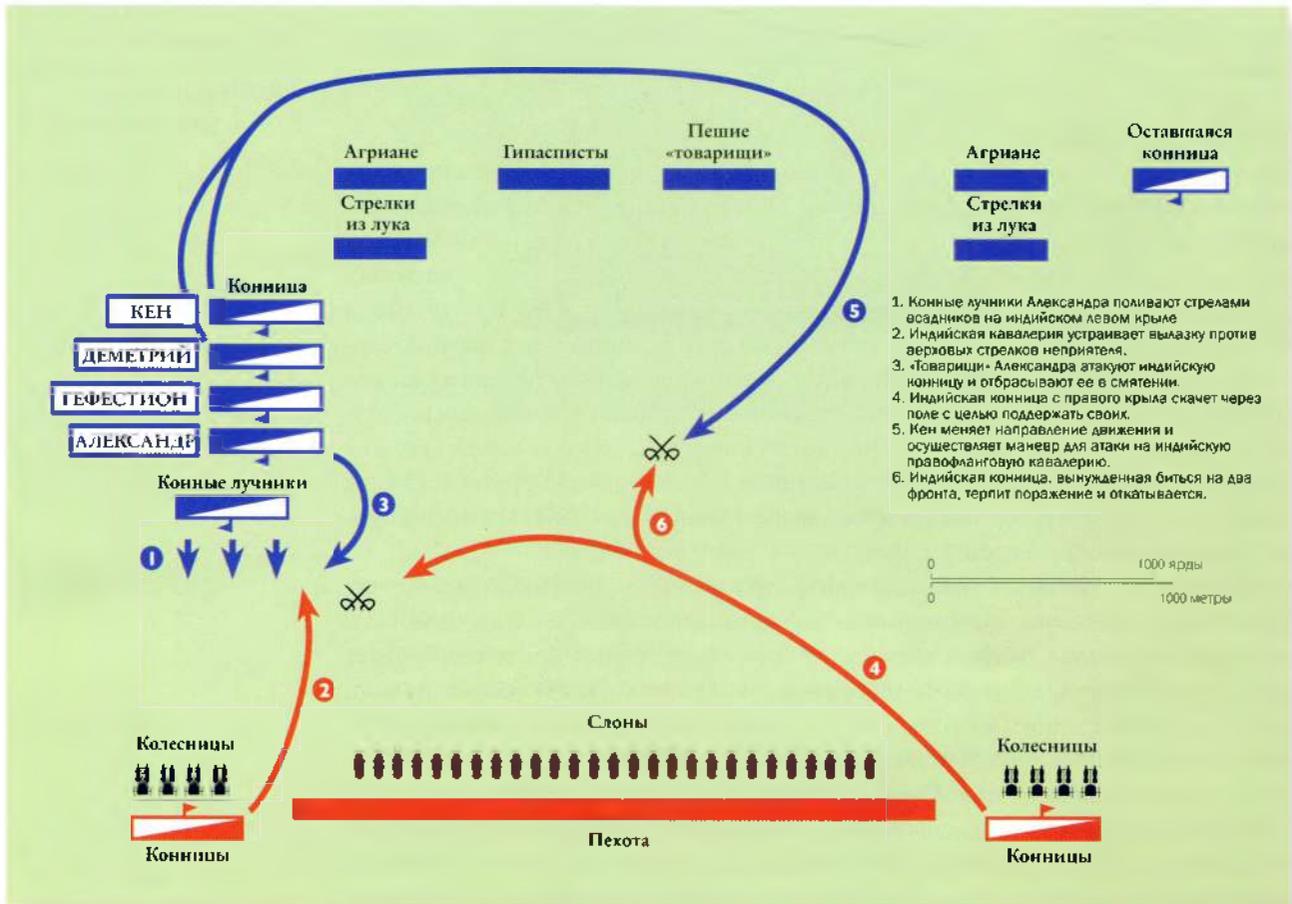
Поражение Пора

Тут наступил момент для слонов доказать свою ценность при сближении с наступающими македонскими пехотинцами. Несмотря на тучи метательных снарядов со стороны стрелков и бросавших дротики легковооруженных воинов Александра, фаланге здорово досталось от гигантских животных. Слоны затаптывали людей, пронзали их бивнями или ломали хребты хоботами, действуя с большой эффективностью отчасти и в силу полученной ими военной подготовки. Осмелев при виде сокрушительной мощи слонов, индийская конница бросилась вперед против кавалерии Александра, но македоняне вновь отбросили вражеских всадников и загнали их за слонов. На данном этапе битва представляла собой некое не вполне обычное действо, поскольку кавалерия с обеих сторон вместо того, чтобы находиться на флангах, скопилась вся в центре в тесноте, где пыталась маневрировать посреди всеобщей неразберихи.

Скоро наступление слонов выдохлось, утратив напор. Погонщики и прочие члены экипажей оставались уязвимыми для дротиков и стрел, а македонцы находились в положении, позволявшем им отходить и рассредотачивать строй перед натиском животных, затем вновь собираться и выдвигаться, когда слоны уставали, при этом рубя их хоботы мечами, а ноги — топорами. Обозленные ранами и обезумевшие от боли слоны переставали поддаваться управлению, даже если погонщики еще оставались на них. Сложилась вполне характерная для военного дела в древности ситуация, когда слоны выходили из-под контроля и начинали представлять опасность в равной степени как для своих, так и для неприятеля. Громадные животные Пора на берегу Гидаспа вовсе не являлись исключением, и стиснутые на все сжимавшемся пространстве между ними всадники невольно жались друг к другу, сбивались в кучу и погибали, смятые и раздавленные гигантами. Индийская пехота, лишенная всякой поддержки со стороны кавалерии, колесниц или слонов, никак не могла мериться силами с македонской фалангой, ибо та упорно шла вперед и напирала на врага, сомкнув щиты.

И вот наконец, когда все «рода войск» в армии Пора окончательно исчерпали свой потенциал, конница и пехота Александра стали полными хозяевами положения; они начали окружать противника и захватывать слонов, которые не желали больше двигаться, только издавали трубные звуки в отчаянном протесте против действий людей. В этот переломный момент индийская конница была размолота неприятелем и перестала существовать как военная сила, и те немногие счастливицы из войска Пора, которые нашли благословенную проталину во вражеском кольце, бросились спасаться бегством. Но это помогло не всем, поскольку Кратер и прочие македонцы, дислоцированные на правом берегу, форсировали реку и перехватывали измотанных беглецов. В сражении, и особенно во время преследования после него, пали, как доносят до нас хронисты, 3000 человек индийской кавалерии, погибли 20 000 пехотинцев и были превращены в обломки все колесницы. Уцелевшие слоны сделались добычей победителей.

ТАКТИКА СТОРОН НА ГИДАСПЕ

Пор, могучий человек огромного роста в прочном панцире, сражавшийся на спине слона, предпочел, в отличие от Дария, не бежать с поля, но биться до конца. Он лишь тогда перестал драться, когда получил рану. Александр отослал своего союзника, Таксила, к Пору, чтобы предложить тому сдаться, но Пор, все еще сидевший на слоне, пригрозил Таксилу копьём и прогнал того прочь. Тогда победитель отправил другого посланника, с которым у Пора в прошлом складывались менее враждебные взаимоотношения. В конце концов индийского царя удалось уговорить спуститься на землю и предстать перед Александром, тот же, восхищенный отважным противником и, по всей вероятности, не забывавший о дипломатических соображениях, пошел навстречу просьбам Пора и предложил ему дружбу. Подобное случалось далеко не так уж часто — несмотря на склонность к широким жестам и нередко проявляемое великодушие к побежденным, Александр вовсе не всегда удаивал столь несговорчивых оппонентов подобными милостями. Однако куда большая проблема состояла в установлении прочного и длительного мира между индийскими соперниками. Курций уверяет нас, что политический союз между Таксилем и Пором подкрепили брачным альянсом — обычное средство в таких случаях. Между тем соглашение не всех и не во всем устраивало. И хотя

Таксил, вероятно, заслуживал большего доверия, чем Пор, Александр нуждался в последнем для задуманного похода в Пенджаб.

На Гидаспе Александр действовал хитростью, как никогда прежде в больших битвах: он разделил армию, скрытно пробрался с частью ее вверх по реке и тайно переправился на другой берег под покровом ночи. Поступив так, македонянин вынудил Пору дробить силы накануне сражения, ослабил врага и смешал ему все карты в предстоящей игре. Когда началась битва, несмотря на опасения в отношении возможных последствий столкновения конницы со слонами, Александр направил всадников против вражеского левого крыла в соответствии с обычной практикой. Как бы там ни было, великий воитель подготовил планы на любой случай, что становится очевидным из сумасшедшего маневра Кена на галопе в тыл атакующего индийскую правофланговую кавалерию, когда та устремилась в контратаку на конницу Александра. Скоро Александр вынудил индийскую армию сражаться на два фронта и, подобно ситуации при Гавгамелах, развернул ударный кавалерийский бросок тогда, когда индийцам как раз приходилось перегруппировываться для противодействия македонцам в условиях по-новому складывавшейся ситуации. Хотя битва эта и не столь же тактически великолепна, как другие его сражения, действия Александра на начальном этапе весьма характерны, как типична и его мгновенная реакция на изменение обстановки на поле, а также способность на лету воспользоваться преимуществом, где бы оно ни возникало.

Поблизости от Гидаспа Александр основал два новых города, Никею и Букефалы. Последнюю он назвал так в честь любимого боевого коня, умершего, как видно, от старости. Завоеватель дал людям месячный отдых и примерно как раз в то время получил пополнения в виде фракийских отрядов, набранных македонским наместником в ареале Каспийского моря. Узнав о беспорядках в Ассакении, он отправил туда войска для исправления ситуации. Но вот Александру бросил вызов еще один царь по имени Пор. Этому второму Пору скоро, однако, пришлось искать спасения в бегстве при приближении Александра, но тот энергично преследовал неприятеля и перешел реки Акесин и Гидраот. Данные действия привели его к столкновению с племенем кафеев. Покорив их, завоеватель двинулся к реке Гифас (Биас), намереваясь перейти через нее и вторгнуться в неведомые и загадочные дали.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

ПРЕДЕЛ ЗАВОЕВАНИЙ

За рекой Гифас лежала густонаселенная, но малоизвестная страна — собственно Индийский субконтинент, или полуостров Индостан. Арриан предполагал, что Александр питал надежды на достижение «Великого океана», который, как считали греки, омывает все континенты и как бы окружает всю сушу. На берегах Гифаса измученные постоянными боями, истерзанные стихиями македонцы, одежда которых буквально гнила на воинах, потребовали остановки. Александр же жаждал все новых подвигов и все новых завоеваний — на сей раз он нацеливался на долину Ганга. Однако солдаты забастовали, и даже храбрейший и вернейший из офицеров Александра осмелился выступить на их стороне и говорить от их имени. Царь, раздосадованный поражением в роли агитатора, удалился в шатер в надежде, как видно, на перемену настроения солдатской массы, но воины и не думали сдаваться. Выхода не оставалось — приходилось поворачивать и уходить.

За этой традиционной и повсеместно принятой точкой зрения в отношении причин прекращения похода Александра на Восток кроется, возможно, другая и более сложная подоплека. В конце-то концов, почему такой опытный и искушенный военный предводитель, как Александр, позволил свободно разгуливать по армии слухам о каких-то необычайных опасностях или многочисленных врагах в экзотических местах? Как он вообще мог допустить распространение таких настроений среди солдат, которые, как он прекрасно знал, были деморализованы и утомлены? Если какие-то известия о неизведанной и пугающей Индии за Гифасом все же «просочились» в македонские войска, не правильнее ли думать, что этого хотел сам Александр? Сцены уговоров весьма походят на попытку сохранения лица таким же уставшим и вымотанным, как и солдаты, царем, который считал недостойным героя спасовать перед очередным вызовом — необходимостью идти и идти дальше ради новых побед и свершений. В такой обстановке представлялось более удобным переложить ответственность за прекращение славного похода в неизведанное на плечи простых вояк. Только упорное нежелание армии продолжить путь дальше вынудило Александра отказаться от ждавшей его за рекой и холмами еще большей славы. Такая принятая традиция — в таком виде история дошла до нас. Очередное свидетельство двуличности Александра в этой ситуации находим мы и в приказе расширить лагерь перед уходом до неестественных размеров и наполнить его предметами быта огромных размеров, чтобы в будущем местные жители стали думать, будто воины в армии завоевателя были непобедимыми великанами. Курций рассказывает, что Александр воздвиг 12 жертвенников в ознаменование величия содеянного, повелел разнести лагерные укрепления и поставить там огромные кровати, с целью оставить «чудесный, но неправдивый памятник для потомства» (IX.3.19).

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
Дионис на леопарде. Мозаика
из Пеллы. 4-й век. Когда
Александр достиг Индии,
он уже сравнивался с Дионисом,
а не только с Гераклом.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА ЗАПАД

Войско пустилось в обратный путь на запад, но не прямо. Переходить Гифас в поисках океана не требовалось. Александр прекрасно знал, что водная система реки Инд приведет его к морю, и именно в стремлении пройти по ней до самого устья он транспортировал разобранные суда. На пути он покорил воинственные племена — беспокойных соседей своего нового вассала, Пора. Среди них находились и маллы, племя из долины Инда, солидаризировавшиеся с кафеями.

Забывая о собственной безопасности и упуская из вида факт изрядной утраты македонцами тяги к войне и подвигам, Александр первым вскарабкался по лес-

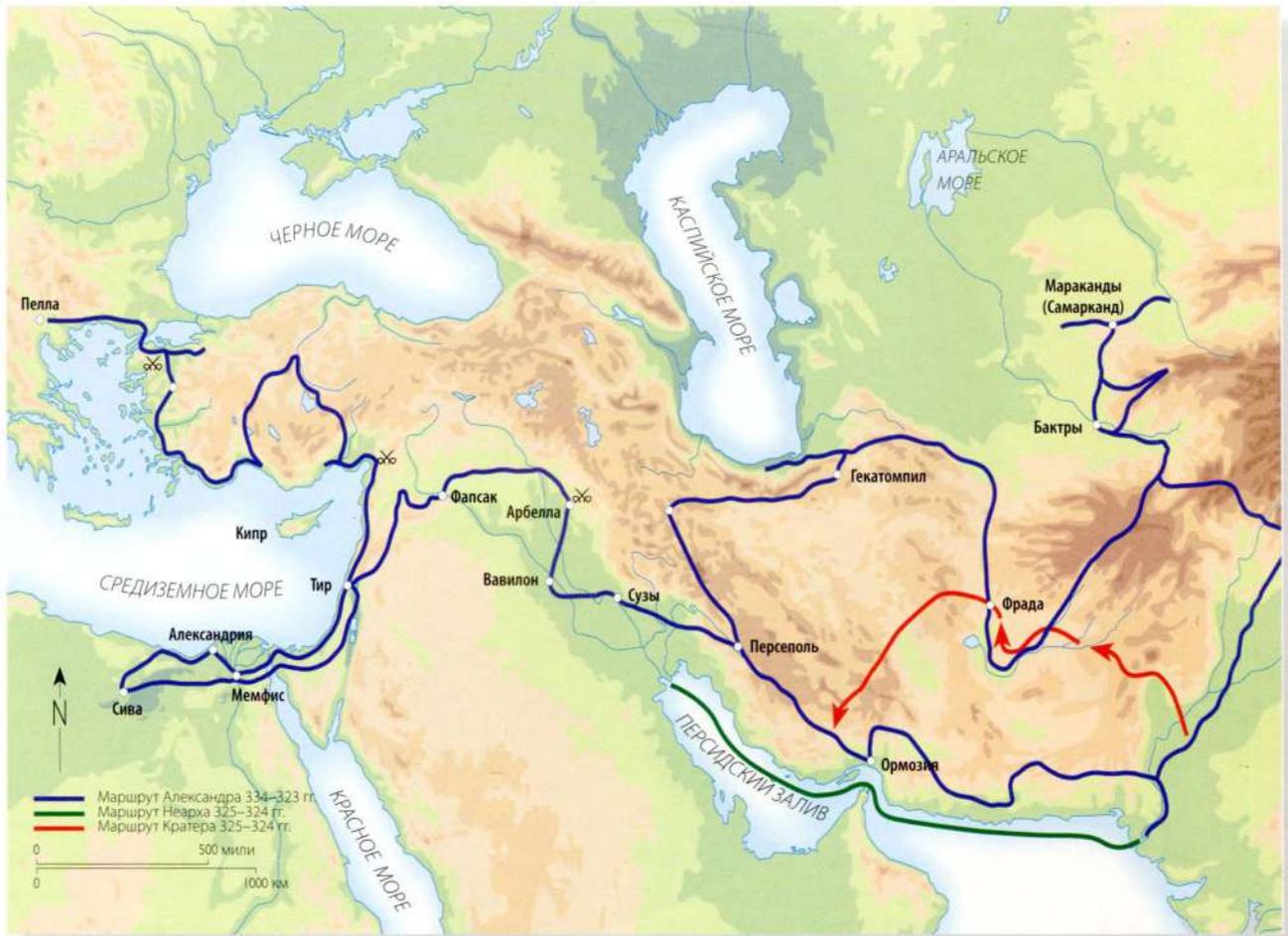
Тяготы походной жизни в войске Александра

Александр привел воинов в глубь Азии с Балкан и достиг с ними Инда, преодолев бескрайние пустыни и едва ли не самые высокие горные перевалы. Подсчитано, что пехотинец, участвовавший в кампаниях Александра в Европе в 336–334 гг. и сражавшийся с ним также в азиатском походе, к моменту кончины Александра в Вавилоне в 323 г. покрыл путь общей длиной в 33 500 км, то есть прошел в среднем более 2500 км в год. Но для многих марши на этом отнюдь не закончились. Например, аргираспиды отмеряли ногами дорогу из Киликии в Египет и назад (если только сначала не заходили в Мидию), а затем воевали в ходе кампаний вместе с Евменом в Месопотамии, Персии и на Иранском плато, добавив к вышеприведенной цифре еще по крайней мере 7000 или 8000 км, так что их останки судьба разбросала на протяжении очень и очень длинного пути во множестве стран. Маршрут Александра в Бактрию, а затем в Индию дважды приводил его на горные перевалы, расположенные на высоте примерно 3500 м. Многие из ветеранов Александра имели право с чистой совестью похвастаться переходами через реки Евфрат и Тигр, Амударью и Сырдарью, Инд и три его притока, как к тому же и переправой через Нил. Вдобавок к этим естественным преградам они видели и другие — отчасти рукотворные, — как те же неприступные крепости Тир и Газа, укрепления на скалах Арнамаз и Сисимифр, а кроме всего прочего на горе Аорн у Инда, охранявшиеся к тому же вооруженными и решительными защитниками. Многих унесли раны и болезни, тогда как поселения в Средней Азии кишели колоннистами — людьми, более неспособными участвовать в битвах («апомахой»). Иные оставались в подобных местах временно и позднее воз-

вращались в войско, но для многих такое прибежище становилось жалкой и едва ли желанной «отставкой». Речь таксиарха (или уже гиппарха) Кена, сына Полемократа, произнесенная на реке Гифас, дает возможность оценить, так сказать, «кумулятивное» воздействие всех физических и моральных факторов, представить себе тяжесть груза, давившего на солдат в походах Александра:

Мы выполнили все, что могли взять на себя смертные. Нам, измерившим моря и земли, все известно лучше, чем местным жителям. Мы стоим почти на краю света. Ты же хочешь идти в другой мир и проникнуть в Индию, неведомую самим индам, хочешь поднять с укромного ложа людей, живущих среди зверей и змей, и своей победой осветить больше земель, чем освещает солнце. Этот замысел достоин твоего гения, но он не по нашим силам. Твоя доблесть все будет возрастать, а наши силы уж на исходе. Посмотри на наши обескровленные тела, пробитые множеством ран с гниющими рубцами на них. Оружие наше притупилось, не хватает средств защиты. Мы надели персидские одежды, потому что нельзя подвезти наших; мы уподобились чужеземцам-варварам. У многих ли есть панцири? У кого остались кони? Прикажи выяснить, многих ли из нас сопровождают рабы, что у кого осталось от добычи. Всех победившие, мы во всем нуждаемся. И мы страдаем не от излишества: оружие войны мы израсходовали на войну же (Курций, IX.3.7–11 [по изд. МГУ, 1993]).

ПОХОДЫ АЛЕКСАНДРА

тнице на стену главного города маллов и прыгнул внутрь. Лишь одни телохранители последовали за ним, да и то не сразу. Когда воины увидели, что царь очутился в ловушке, они скопом бросились на лестницы, отчего те стали ломаться под тяжестью слишком большого количества людей. А тем временем по другую сторону стены, в городе, царь сражался под градом стрел. Один из офицеров, Аврий, погиб, спасая государя, два других, Певкест и Леоннат, позднее удостоились повышения и наград. (Аврий, иначе Абрея, «солдат-двудольник», т.е., скорее, старший воин, чем офицер; у К. Руфа он не упомянут, а погибшим защитником царя называется Тимей [IX. 5.15–16], или Лимней у Плутарха [63], зато говорится еще об Аристоне, о котором молчат остальные. — А.К.) Александра удалось отстоять, но глубоко в груди у него засела стрела, и, когда воины проникли наконец за укрепления, они мстили и не щадили никого, убивая всех — мужчин, женщин и детей.

Как ни удивительно, Александр уцелел, хотя на протяжении изрядной части пути вниз по Инду он находился в тяжелом состоянии. Ко времени достижения устья реки завоеватель, однако, поправился и вышел в Индийский океан, чтобы

*Монета с профилем
Александра в головном уборе,
символизирующем слона
и победу в Индии.*

принести жертвы богам на границах своего необъятного царства, как сделал это на Геллеспонте в 334 г.

Военные и политические соображения заставили Александра отправить Кратера и основные силы войска маршем через Арахозию и город Александрию (Кандагар), основанный им там. Помыслы самого Александра занимали теперь открытия и исследования. Между тем он собрал оставшиеся части и сопровождавшую войско флотилию в Паттале, в дельте Инда, в рамках приготовления к обратной дороге как по морю, так и по суше.

В соответствии с планом флоту под началом Нearchа предстояло идти по воде вдоль пути сухопутных отрядов Александра, когда те выступят в западном направлении. Эскадру, однако же, задержал муссон, и она скоро утратила контакт с армией Александра. Флотилия двигалась вдоль побережья и в итоге прошла Ормузским проливом в Персидский залив; путешествие вовсе не стало легким, напротив, оно было полно тягот, лишений и опасностей. Команды и пассажиров нередко приводили в трепет незнакомые и чуждые условия Индийского океана, в том числе такие необычайные явления, как мощные отливы и приливы, к тому же диковин-

ные животные — киты. Нескольким кораблям не довелось добраться до конечного пути флотилии, они пропали по дороге.

Но люди на суше страдали куда сильнее. Ведомые Александром воины прокладывали себе путь через пустыню Гедрозия. Поначалу они тащили с собой добычу, приобретенную в восточных войнах, а также везли женщин и детей. Но вот начало заканчиваться продовольствие и вода. Курций так описывает этот марш:

Израсходовав свои запасы, македонцы начали терпеть нужду, а потом и голод и стали питаться корнями пальм, так как произрастают здесь только эти деревья. А когда и этой пищи стало не хватать, они закалывали вьючных животных, не жалели и лошадей, и, когда не стало скота, чтобы возить поклажу, они предавали огню взятую у врага добычу, ради которой и дошли до крайних восточных стран (IX.10.11–12 [по изд. МГУ, 1993]).

По горькой иронии судьбы, изнемогавшее от жажды войско постигло великое несчастье именно от воды, поскольку, притягиваемое жалкими каплями ее, оно разбило лагерь в русле пересохшей реки. Внезапно над далекими горами разыгрался сильный тропический ливень, мгновенно превративший тонкий ручеек в бурный и стремительный поток, в котором утонули многие женщины и дети. Как люди, так и животные несли на марше значительный урон. Больных или потерявших последние силы бросали там, где они падали, ибо ни у кого не осталось мочи поднимать их, не говоря уже о том, чтобы нести ослабленных. Когда страшный ветер стер с лица земли все приметы и запорошил песком все тропы на местности, ставя в тупик не умевших ориентироваться по звездам проводников Александра, они опустили руки, не будучи в состоянии найти дорогу. Очутившись в безвыходном положении, Александр сам, руководствуясь лишь интуицией и чувством направления, повел людей к морю, где на покрытом галькой берегу удалось найти источник пресной воды. По счастью, их оказалось несколько, и вот так, освежаясь водой из таких ручьев, войско шло берегом следующие семь дней. Пусть Александр стойко

КРАТЕР

Кратер начал экспедицию как таксиарх — командир полка «пезгетайрой». Он служил в качестве заместителя командующего войсками левого крыла под непосредственным началом Пармениона, на смену которому готовил его Александр. Кратер всегда оставался незыблемо верным Александру офицером, и карьерный рост этого человека неизменно отражал его истинные способности. По мере течения событий похода Кратеру все больше доверялись отдельные задания. Во время возвращения Александра на запад по пустыне Гедрозия Кратер повел более тихоходные части и инвалидов через Боланский перевал в направлении современного Кандагара. На пути он ус-

мирил бунтовщиков и заключил под стражу зачинщиков беспорядков, каковых взял с собой на царский суд.

В 324 г. Кратер получил назначение сменить Антипатра в роли царского наместника в Македонии. Выполнение задания пришлось отложить из-за смерти Александра и начала Ламнийской войны. В 321/320 гг. Кратер возвратился в Азию и в битве у Геллеспонта столкнулся с Евменом Кардийским. Кратера сбросила лошадь, и знаменитый военачальник оказался затоптан копытами коней — печальный конец для талантливого воина, много лет верой и правдой сражавшегося бок о бок с Александром.

ГЕФЕСТИОН

Гепестион, сын Армитора, являлся ближайшим другом Александра с самого детства. Еще мальчишками они вместе учились в Миесе, где под присмотром Аристотеля воспитывался наследник престола. Те, кто восхищались Александром и не чуждались романтизированных взглядов, сравнивали молодых людей с Ахиллесом и Патроклом. Были ли они действительно любовниками, как склонно думать большинство современных авторов, не совсем ясно, но Александр, конечно же, продвигал Гепестиона по карьерной лестнице, несмотря на то что тот, похоже, не обладал особо выдающимися качествами лидера и военными талантами. Вместе с тем он показал себя как одаренный организатор, и Александр доверял ему многие вопросы тылового обеспечения и тому подобные задачи — поставки снабжения, транспортировку снаряжения, наведение мостов и основание поселений. К тому времени, когда войско достигло Индии, Гепестион уже очень раздражал иных командиров, а особенно сильно его положение задевало Кратера. В какой-то момент чуть не дошло до настоящего побоища, когда они едва не схватились друг с другом на мечях на глазах собственных

друзей и воинов. Александру пришлось вмешаться. Хотя он и рассердился на Гепестиона, поскольку поведением своим тот будто бы не желал признавать, что «был бы ничем, если бы кто-нибудь отнял у него Александра», оба оставались преданными их многолетней дружбе. В октябре 324 г. болезнь унесла Гепестиона, к безутешному горю царя. Если верить Плутарху, Александр велел остричь гривы всех лошадей и мулов в армии, срыть укрепления ближайших городов, а врача Гепестиона приказал распять на кресте и к тому же запретить музыку в лагере. Александр планировал устроить другу самые пышные похороны, в том числе и возвести для него пирамиду. Проект этот так никогда и не воплотился в жизнь, хотя, как говорят, лев в Хамадане представлял собой часть плана. Многие не устояли от соблазна связывать смерти Александра и Гепестиона, сравнивая их с Ахиллесом и Патроклом, при этом намекая на якобы данную и этими двумя друг другу некую клятву уйти из жизни вместе, особенно в свете того факта, что Александр лишь ненадолго пережил друга, скончавшись через восемь месяцев после Гепестиона.

выносил все лишения вместе со своими людьми — и в самом деле, именно в этом походе он сполна показал истинное благородство, — все же марш его представлял собой самый откровенный кошмар — истинную катастрофу.

В конце концов Александр соединился с Кратером на суше, в Кармании (Кермане). Кратер предоставил измотанным македонцам выючных животных и слонов, в общем, остаток пути армия проделала в относительно цивилизованных условиях.

При входе в Персидский залив воины Неарха встретили говорившего по-гречески человека, отбившегося от войска Александра, и Неарх отважился пойти на север с небольшим отрядом искать Александра. Как бы там ни было, после радостной и полной восторгов встречи сухопутная и морская колонны экспедиции продолжили движение отдельно. Неарх пересек воды Персидского залива, достигнув сначала устья Евфрата, а потом и Тигра, чтобы окончательно присоединиться к Александру в Сузах. Рассказы о том, какое время занял этот вояж, довольно сильно разнятся между собой и порой совершенно несопоставимы. Но наиболее вероятным представляется, что Неарх отбыл из устья Инда на исходе периода юго-западных муссонов в октябре 325 г. и добрался до Суз весной 324 г.

По возвращении в Сузы в 324 г. Александр с большой помпой отпраздновал заключение смешанных браков. Сам Александр взял в жены Статиру, дочь Дария III, и Парисату, дочь Артаксеркса III. Другая дочь Дария, Дрипет, стала спутницей Гефестиона, и едва ли не сотня персидских женщин и девушек из знатных персидских семей сделались женами македонских командиров. Трудно сказать, сколько солдат женились на представительницах варварских народов, но в данном случае речь, по всей вероятности, идет зачастую лишь о придании законного статуса отношениям сожительствовавших с некоторого времени пар. Свадьбы эти представляли собой часть грандиозного плана Александра по созданию царства на основе культурного сплава из всех живущих в нем народов и племен. Между тем среди аристократии гуляли иные настроения, и после кончины Александра многие вельможи расторгли браки с персидскими женами.

Comet furent foules .m. vietois

СМЕРТЬ ЗАВОЕВАТЕЛЯ

КОНСОЛИДАЦИЯ И СЛИЯНИЕ

Войны Александра привели к завоеванию громаднейшего царства и установлению греко-македонского порядка — правления эллинских государств — над пестрым в этническом отношении населением, находившимся прежде под властью персидских владык. Греческому предстояло прийти на смену арамейскому и стать официальным письменным языком Востока, хотя и местные говоры и наречия сохранились и продолжили жить, как прежде, поскольку культуры и верования регионов не стираются разом и навеки по мановению властвующих коронованных особ. Но успех и неуспех экспедиции следует измерять скорее эффективностью процесса консолидации завоевания, чем единственно скоростью покорения стран и народов и их количеством.

Фактически же македонское завоевание еще не завершилось, поскольку многие области и районы удалось подчинить лишь временно, тогда как другие пришлось намеренно обойти и оставить на потом для ускорения погони за персидским царем и быстрейшего наступления на нервные центры державы Ахеменидов. На протяжении территорий Востока остались целые острова фактически независимых или не желавших подчиняться и грозивших мятежом государств. Писидия, Каппадокция и Армения — вот лишь самые заметные примеры северо-западного региона; оксианцы, бравшие плату с персов, вступавших на их земли, но согнанные Александром, вновь вернули себе независимость в эпоху наследников (диadoхов).

И вот Александр возвратился в сердце Персии, где Македонии предстояло еще немало потрудиться на ниве консолидации завоеваний и выплавки нового царства. Как бы там ни было, первым делом следовало покончить с самыми неотложными делами. Попытки ввести при дворе персидские ритуалы вроде проскинезы и вменение в обязанность офицерам брать себе персидских жен ни в коем случае не обрадовали окружение царя, солдат же раздражало включение в состав македонской армии большего количества воинов из числа варваров. Страсти все накалялись, пока, наконец, войско, недовольное засильем иностранцев, не взбунтовалось в Опиде на Тигре. Александр утихомирил раздосадованных солдат утешительными речами, но зачинщиков мятежа схватили, заковали в цепи и бросили в Тигр. Десять тысяч ветеранов, многие раненые и покалеченные, были отосланы в Македонию под командованием Кратера, который и сам-то чувствовал себя неважно. Некоторые и на самом деле добрались до родных мест, но война не оставляла их в покое — им снова пришлось сражаться. Другие не успели покинуть даже Киликию, как их вновь поставили в строй, чтобы пополнить войска вспыхнувшей вскоре войны наследников (войны диadoхов).

НА СТРАНИЦЕ СЛЕВА
На представленной здесь иллюстрации к появившемуся в 15-м столетии французском манускрипту «Истории Александра Македонского» Курица Руфа запечатлены боевые слоны Александра. (Архив [предметов] искусства/ Библиотека муниципалитета г. Реймса.)

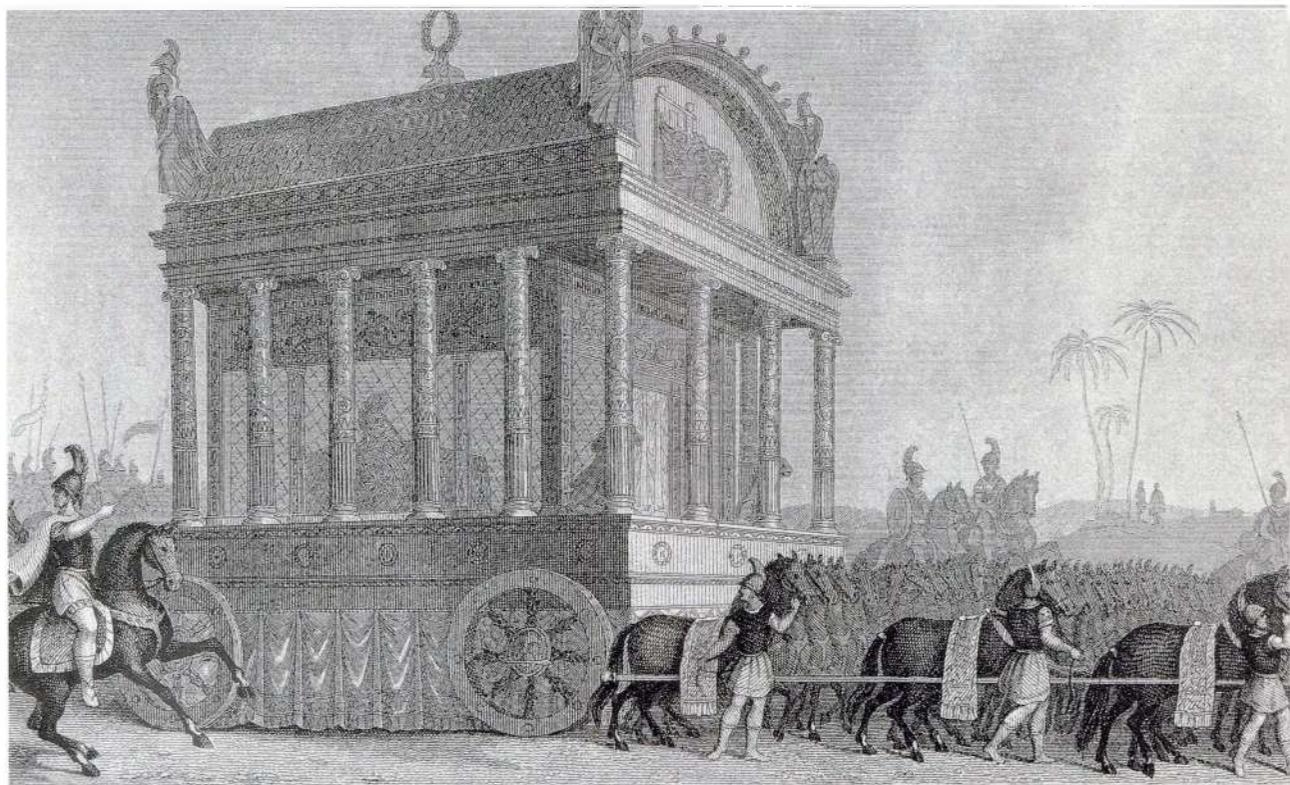

Иллюстрация с изображением погребальной церемонии Александра Великого.

В отсутствие Александра в его вновь созданной империи возникли признаки коррупции и разложения. Гарпал, оставленный заниматься вопросами фиска, совершал чудовищные по размаху махинации и злоупотребления, а потому со страху бежал в Грецию. Первым побуждением Александра стало намерение послать за лихоимцем вдогонку и взять его под стражу, но скоро пришли успокаивающие известия, каковые делали все усилия в этом направлении более ненужными, поскольку Гарпала прикончили собственные подчиненные.

Когда Александр Великий ушел из жизни, после него остались дневники («Гипомнемата»), позволявшие судить о новых грандиозных планах завоевания Северной Африки и прорытия канала для обеспечения возможности обогнуть по воде Аравийский полуостров, хотя на самом-то деле перед ним стояли задачи по приведению к покорности многих стран, которые прежде подчинили или начали подчинять персидские цари. Появление новых господ, еще более чуждых им, чем Ахемениды, лишь усиливало решимость к сопротивлению народов в тех ареалах. Некоторые регионы взбунтовались еще при жизни Александра, подстрекаемые самими персидскими чиновниками, им же назначенными на должности сатрапов и гипархов.

В пограничных провинциях на востоке царили граничащие с хаосом брожение и неразбериха, вызываемые враждебным элементом на окраинах и нежеланием части тамошних греческих гарнизонов находиться в местах дислокации. В результате распространения слухов о преждевременной смерти Александра, после едва не обернувшегося катастрофой штурма города маллов в Пенджабе, греки в Бактрии и в Согдиане — около 10 000 человек — воспылали надеждой

бросить вверенные им форпосты и вернуться на запад. Если бы они совершили это, то, несомненно, затмили бы достославные достижения тех «Десяти тысяч», что ушли домой из-под Вавилона три четверти века назад. Первую попытку, совершенную в 324 г., удалось предотвратить буквально на корню, вторая — непосредственно сразу же после кончины Александра — завершилась резней большинства участников вследствие предательства Пифона, в обязанности которому вменялось подавление мятежа.

Не исключено, что помимо уже упомянутых выше планов в отношении Северной Африки и Аравийского полуострова Александр обдумывал экспедиции в западном направлении, поскольку около 324 г. он принимал в Вавилоне эмиссаров из Ливии, Карфагена, Испании и Галлии. Но судьба не позволила ему возглавить более ни одну экспедицию или завоевать хоть один народ, ибо в 323 г. он скончался после неожиданно скрутившей его лихорадки.

КОНЧИНА АЛЕКСАНДРА

Посетив кишачие комарами болота Евфрата вблизи Вавилона, регион крайне опасный из-за малярии, царь вернулся в город. Вскоре как-то его пригласили на пирушку в дом Медия Ларисского. Выпивая, Александр внезапно почувствовал острую боль — «словно бы стрела или копьё пронзили его горло». Вскоре он вернулся к себе, но здоровье его продолжало стремительно ухудшаться. Но тем не менее, поспав, вымывшись и отдохнув, он продолжил пьянствовать по крайней мере еще какое-то время. И вот Александра охватила лихорадка, становившаяся

ПТОЛЕМЕЙ

Птолемей является для современного читателя, по всей вероятности, самым известным из командиров Александра, но даже и в 323 г. он находился далеко от большой власти, вовсе не будучи одним из числа наиболее высококордных, влиятельных и признанных военачальников в окружении царя. Родившийся в 360-е, он был несколько старше многих молодых полководцев и, похоже, получил первое командование не ранее конца 331 г., когда Александр брал Персидские ворота. Птолемей возвысился как воинский предводитель в ходе кампании в землях, на которых ныне находятся Афганистан и Пакистан; с 330 г. он также принадлежал к числу телохранителей государя. Когда Александр умер, Птолемей получил власть как сатрап в Египте, где немало потрудился на ниве улучшения административной и экономической системы провинции. Потом выкурить его оттуда уже не представлялось возможным, и он царствовал до 283 г., в период с 285 по 283 г. разделяя трон с сыном Филадельфом. Птолемей дал

себе труд составить «Историю Александра Македонского», ныне утраченную, но послужившую в свое время основным источником для написания труда Квинта Эппия Флавия Арриана.

все более сильной, и вскоре после того он стал утрачивать способность говорить. К тому моменту, когда окружение узнало о тревожном состоянии государя, он уже не мог обращаться к помощникам, но делал еще жесты, позволявшие понять, что он узнает людей. 10 или 11 июня 323 г. Александр умер, не дожив даже до 33-го дня рождения.

Причины смерти Александра были и останутся темой для споров и питательной средой для всевозможных догадок и домыслов. Возможно, во всем виноваты тиф, холера или малярия. Более драматично — его могли отравить по воле части составивших заговор полководцев. Версия об убийстве представляется, однако, почти точно фальшивкой времен Войны наследников, наверняка использовавшейся в политических целях для достижения тех или иных преимуществ кем-то из соперников. Нельзя исключать, что великий человек пал жертвой депрессии и пьянства. Доказать это наиболее трудно, поскольку нет никакой возможности подвергнуть Александра психоанализу и установить, насколько сильно алкоголь сумел разрушить его здоровье. За македонцами вообще водилась дурная слава заядлых пьяниц, по крайней мере, по стандартам античности, и существуют даже сказания о состязаниях по части того, кто кого перепьет, причем победители в таких соревнованиях обычно редко доживали до получения приза. Как бы там ни было, истории об алкоголизме Александра тоже весьма подозрительны — их, по всей вероятности, придумывали или, по крайней мере, приукрашивали писатели вроде Эфиппа Олинфского, стремившиеся очернить и опорочить царя.

Потеря любимого государя сама по себе была тяжелой утратой, но непредсказуемость будущего усугублялась тем фактом, что он не оставил никаких распоряжений в отношении возможных преемников, тогда как в плане политическом в ту пору разом проводились несколько противоречащих один другому курсов. Взять хотя бы опубликование «Декрета о ссыльных» Александра, в соответствии с которым все греческие изгнанники получали право вернуться в родные города, разом свергнувшего в хаос всю политику греческого мира, или приказ Кратеру сменить

ПЕРДИККА

Пердикка находился в числе тех нескольких молодых и талантливых командиров армии Александра, которые бросились помогать власти после смерти царя. В 336 г. он служил в отряде гипаспистов-телохранителей Филиппа II и тогда ему не повезло, поскольку убийство государя произошло в день дежурства Пердикки. Однако Александр произвел его в таксиархи, и как таковой тот стал возглавлять полк пеших гвардейцев, или «пезгетайрой». По всей вероятности, в 330 г. он стал одним из телохранителей Александра, а вскоре после этого мы встречаем его уже как гиппарха в «товарищеской» кавалерии.

Похоже, он ладил и легко взаимодействовал с Гефестионом, однако другие находили его трудным партнером. После смерти Гефестиона Пердикка сделался, несомненно, наиболее влиятельным офицером в окружении царя, а по смерти Александра представлялся логически вполне обоснованной фигурой как глава правительства в Вавилоне. Как бы там ни было, Пердикка нажил немало врагов, а честолюбие и заносчивость превратили его в объект недоверия и ненависти многих. В 320 г. он возглавил вторжение в Египет, но оно провалилось, и Пердикку устранили собственные подчиненные.

ХРОНОЛОГИЯ ЭРЫ НАСЛЕДНИКОВ (ДИАДОХОВ)

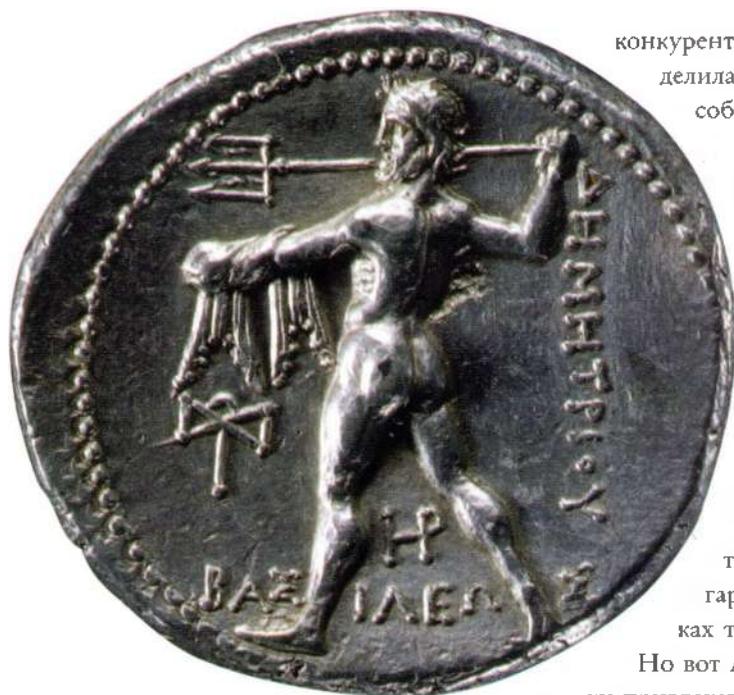
323	Смерть Александра Великого; Филипп Арридей становится царем, а Пердикка назначается регентом
322	Рождение сына Александра Великого, Александра IV
320	Первая война наследников; Пердикка гибнет от рук собственных офицеров
319	Вторая война наследников
301	Антигон находит смерть в битве при Ипсе, которая становится предвестницей окончательного распада царства Александра

Антипатра в роли командующего войсками в Европе. Выдвигались грандиозные и дорогостоящие планы, как по возведению монументов — в том числе гигантского погребального костра для Гепфестиона, так и по снаряжению военных экспедиций. Скоро, однако, стало ясно, что, хотя завоевание подошло к концу, война грозила продолжением, причем в самом ближайшем будущем, и грызня между военачальниками Александра обещала стать куда более ожесточенной и кровопролитной, чем столкновения с персидским противником.

Александр не сделал никаких распоряжений по части наследования престола, он не назвал ни имени преемника, ни хотя бы исполнителя его воли. Его жизни и раньше угрожали болезни и раны, но и в прошлом он также не выказал никакой склонности назначить главу царства на случай своей смерти. Гибель в сражении могла настичь его в любой момент, но он, как можно предполагать, никогда не давал себе труда сосредоточиться на вопросе выбора наследника для созданного им государства. Возможно, лежа на смертном одре, Александр пожелал видеть регентом Пердикку, ибо как будто бы ему протянул кольцо с печатью. Но современные ученые вообще сомневаются в реальности такого жеста, считая данный эпизод чистой воды изобретением пропагандистов Пердикки и/или его военного преемника, Евмена Кардийского. Если история с кольцом выдумка, получается, что Александр умер, не сделав никакого намека в отношении будущего империи, а коли так, он либо не хотел указать на наследника, либо ему было уже все равно. Он, думается, осознавал отсутствие вокруг себя хотя бы одного полностью законного и одновременно сильного преемника, способного удержать в руках такое царство. Следовательно, он уходил, осознавая, что война все равно разгорится и вести ее будут все, в ком хватит духу и сил на попытку отхватить хотя бы часть пирога.

БОРЬБА ЗА ТРОН ИМПЕРИИ

И вот история сделала шаг от эры несравненного и гениального завоевателя к эпохе его наследников (диадохов). Александр всегда относился ко всем офицерам одинаково, не выделяя никого особо, вероятно, в целях повышения собственной же безопасности. Когда он избавился от более старых военачальников с их партиями, или фракциями, ему вовсе не хотелось самому создавать новых могущественных соперников. Вместо того он уравнивал новое назначение кого-то одного повышением кого-то другого, поддерживая дух соревнования и даже подстегивая

Эту тетрадрахму пустил в оборот Деметрий Полиоркет после смерти отца Антигона, сложившего голову при Иссе в 301 г. Деметрий всегда выбирал для монет оформление, отражавшее тот факт, что он правит морской державой. На представленной вниманию читателя монете изображен бог моря Посейдон с его знаменитым трезубцем, надпись же переводится как «царя Деметрия». (Британский музей.)

конкурентов к открытой конфронтации. В результате разделилась и армия, при этом каждая ее часть выступала за собственного командира или за союз командиров.

Произошел даже раскол по родам войск — распря, в которой по разные стороны баррикад очутились кавалеристы и пехотинцы. Короче говоря, мирный и технически эффективный переход власти в какие-то одни руки оказался ни в коем случае не возможным.

Филипп Арридей, сводный брат Александра, в момент его смерти находился в Вавилоне. Сын Филиппа II и его жены Филинны Ларисской, Арридей был слабоумным и не годился в правители. Но сводный брат всегда очень нравился Александру, и он брал его в походы для того, чтобы не беспокоиться за его жизнь и для гарантии от его превращения в марионетку в руках тех, кто захотел бы покуситься на царский трон.

Но вот Александра не стало, а Арридей стал политически привлекательным инструментом для любого, кто смог бы выступить в качестве защитника его прав. Кроме того, в момент

кончины царя его жена Роксана носила ребенка — потенциального наследника Александра. Разгорелся конфликт в отношении того, надо ли сделать государем Арридея как ближайшего живого родственника Александра или ждать родов Роксаны. Но родит ли она мальчика? Удалось достигнуть компромисса — царем как Филипп III будет провозглашен Арридей, когда же и если Роксана произведет на свет сына, он станет царем и соправителем дяди под именем Александра IV. Управлять в действительности не мог ни один из них, а потому регентство принял Пердикка. Обоим царям не довелось особенно зажить на белом свете — в свой черед они погибли в ходе разразившейся борьбы за престол завоевателя.

На ранней стадии подход военачальников Александра состоял в обретении права руководить делами империи от имени недееспособных или не вполне законных кандидатов на трон или же нахождении оснований бросить вызов такой власти с прицелом урвать для себя кусок царства пожирнее. В числе последних находились и Птолемей, которому вовсе не улыбалось выполнять приказы такого же, как он, командира, и Пифон, бывший телохранитель. Среди сторонников поддержки родни Александра мы встречаем Пердикку, Аристона, Евмена и, по всей вероятности, Кратера. Между 323 и 321 гг. (или 320 г.) делались приготовления к отправке тела царя из Вавилона в оазис Сива, где тот смог бы покоиться словно в объятьях божественного отца Амона. Подобного не случилось, поскольку Птолемей решил завладеть телом почившего царя и превратить его в инструмент для отстаивания собственной независимости. Тем временем центробежные тенденции в государстве и армии набирали силу. Их либо поддерживали, либо подавляли различные партии внутри офицерского корпуса в зависимости от того, какого курса держалась та или иная из них, — выступала ли за сепаратизм или в тщетных попытках старалась сохранить целостность империи.

СЕЛЕВК I НИКАТОР

Селевк сражался рядом с Александром на протяжении его кампаний от Малой Азии до Индии. После смерти Александра он отхватил себе сатрапию Вавилония, а в ходе разгоревшейся войны взял Мидию, Сузиану и Персию, затем ходил на восточные провинции и достиг Бактрии и региона Инда. Победа при Ипсе дала Селевку Северную Сирию и Киликию, а одолев в 281 г. Лисимаха, он подмял под себя Малую Азию. Затем Селевк развернул военное предприятие с целью обретения Македонии, но исполнить задуманное не успел, поскольку пал от руки убийцы.

Селевк женился на бактрийской принцессе, Апаме, ставшей матерью его наследника, Антиоха. Начиная с этого союза, Селевкиды держались политики династических брачных альянсов с представительницами негреческих династий. Селевк царствовал совместно с сыном-соправителем с целью обеспечения прочной преемственности, укрепления механизма престолонаследования и для сохранения у власти собственных потомков. Судя по его действиям после кончины Александра, — по тому, как Селевк расширял и укреплял собственную империю, — мы можем сделать вывод о нем как о наиболее способном из наследников.

Первыми протянули руки к наследству Александра командиры из тех, что выросли при македонском дворе и вместе с ним обучались в Миесе. Они же и ушли первыми. Некоторые задержались надолго и основали династии, которым предстояло еще долгое время править так называемыми эллинистическими царствами — Селевк, Лисимах и Птолемей, — но другие, подобно Антипатру и Антигону Монофтальму, были в 323 г. уже седыми ветеранами. Первый ненадолго пережил царя. Антигону, однако, судьба позволила протянуть подольше — до 301 г., когда он пал на поле битвы при Ипсе. Мало кто из «товарищей» Александра переступил порог старости, а те, кому это удалось, умерли все же не в своих постелях. Птолемей, сын Лага, более известный как Птолемей I Сотер Египетский, являет собой редкое исключение из правила.

Александр не смог или не захотел назначить наследника, что повергло его державу в пучину гражданских войн и привело все на грань разрушения сразу же после его смерти. Хотя кончина его не исключала вовсе шанса на спасение царства, события скоро привели к его распаду. Вся ситуация особенно осложнялась враждебностью армии к навязчивым планам Александра по включению персов как в вооруженные силы в целом, так и в командную структуру в частности. Требовались

перемены, без которых составленная из множества стран и народов с их культурами империя не могла сделаться единым целым. Следовало обязательно перенести правительство в какую-то центральную точку — по всей вероятности, в Вавилон, хотя некоторые оспаривают такое мнение, поскольку управлять восточными землями из Пеллы совершенно не представлялось возможным.

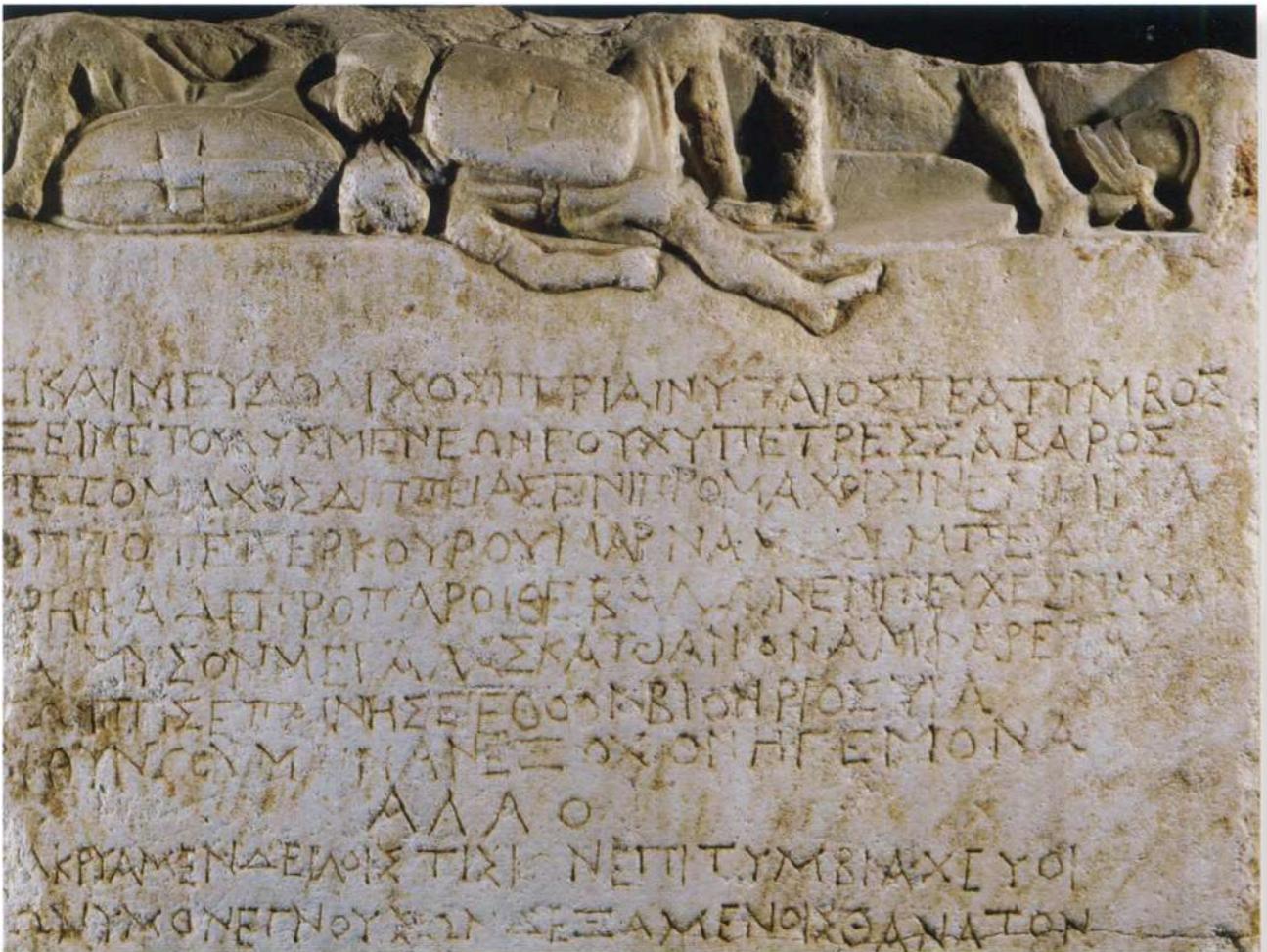
Соответственно, диадохи, начиная действовать со слабых и шатких позиций, едва ли могли преуспеть как спасители наследия великого завоевателя. Потомки помнят их как мелких интриганов, поставивших под удар нечто большое и великое и пожертвовавших им ради удовлетворения личных амбиций и материальных приобретений. Кажется, что их мелочность, соперничество и старые обиды позволили им растоптать все содеянное Александром, погубив в процессе склок и распрей бесчисленное множество людей. Такой приговор истории все же отчасти несправедлив. Скорее преждевременная смерть спасла репутацию Александра и навсегда обеспечила прочный пьедестал под памятником его величия. Служившим под его началом военачальникам попросту пришлось заниматься расчисткой навоза. Как было им осилить процесс консолидации и укрепления завоеванного им царства, если ни один из них не располагал властью и авторитетом того, кто его создал?

Войны наследников длились до конца 280-х, когда Лисимах пал в битве при Курупедии, а затем победитель его и счастливый завоеватель Селевк сделался жертвой беспринципного оппортуниста, сына Птолемея Сотера, прозванного Кераном («Молниеносным»). Потом клочки империй наследников перешли в руки потомков завоевателей (эпигонов) — так сложились и сформировались эллинистические царства Востока.

Антигониды (отпрыски Антигона Монофталма) правили Македонией и играли господствующую роль в делах юга посредством поддержания гарнизонов в так называемых Оковах Греции — Деметриаде (около современного Волоса), Халкиде и в Акрокоринфе. В 197 г. при Киноскефалах Филипп V потерпел поражение от римлян в так называемой Второй Македонской войне. Третья Македонская война, в которой сын Филиппа Персей не выстоял перед армией Луция Эмилия Павла, фактически привела к прекращению правления Антигонидов.

В Египте династия Птолемеев наслаждалась периодом процветания в третьем веке, особенно во времена правления «Царя-Солнце», Птолемея II Филадельфа, но к концу второго столетия она пришла в упадок и всерьез угрожала уничтожить себя изнутри. Непопулярный и слабый монарх, прозванный жителями Александрии Авлетом («Дудочником»), держался у власти только благодаря помощи римлян, как в свою очередь и его дочь, Клеопатра VII, которая связала собственную судьбу с Юлием Цезарем, а затем с Марком Антонием, сумев достигнуть величия и, по крайней мере, остаться памятной в веках. В итоге, однако, близость с могущественными политиками и полководцами Рима принесла ей унижение и привела к уничтожению царства.

Наиболее крупная и пестрая в этническом смысле территория — фактически большая часть империи Александра — нашла своих государей в лице потомков Селевка Никатора. Уже в его правление самые восточные сатрапии пришлось уступить Чандрагупте. Как бы там ни было, когда власть мауриев в Индии пришла в упадок, земли эти вновь удалось отбить говорившим по-гречески царям — наследникам наместников Александра с потомками солдат их гарнизонов в Бактрии и в Афганиста-

не. Монеты с греческими и индийскими надписями служат свидетельствами правления в Индии на протяжении третьего и второго столетий ни много ни мало почти 40 индо-греческих царей. Во времена наследника Селевка, Антиоха I, в Малую Азию вторглись галаты, они расселились вокруг Гордиона и современной Анкары, превратившись в угрозу эллинистической Малой Азии, которая шаг за шагом склонялась перед правителями Пергама. Третий государь в этой династии, Аттал I Сотер, собственно и дал имя династии. Он искал дружбы с Римом в качестве средства защиты от Антигонидов на западе и Селевкидов на востоке. Его политическая ориентация на самом деле дала ему только непродолжительные и недолговечные преимущества, в долгосрочной же перспективе римские заступники лишили Пергам свободы действий во внешней политике. В 133 г., умирая, Аттал III оставил царство римлянам, которые вскоре превратили его в провинцию Азия.

Что до Селевкидов, их сильно ослабила «Война братьев», разгоревшаяся во второй половине третьего века. Некоторый всплеск и усиление власти потомков Селевка при Антиохе III оказались непродолжительными, поскольку в 189 г. царь потерпел решительное поражение от римлян. Заключенный затем Апамейский мир лишил Селевкидов земель к западу от гор Тавра, не говоря уже о наложении

Борьба между наследниками за обладание империей Александра растянулась на годы. Эта плита с могилы Мена, погибшего в битве при Курупедии в 281 г., когда войско Селевка Никатора нанесло поражение армии Лисимаха.

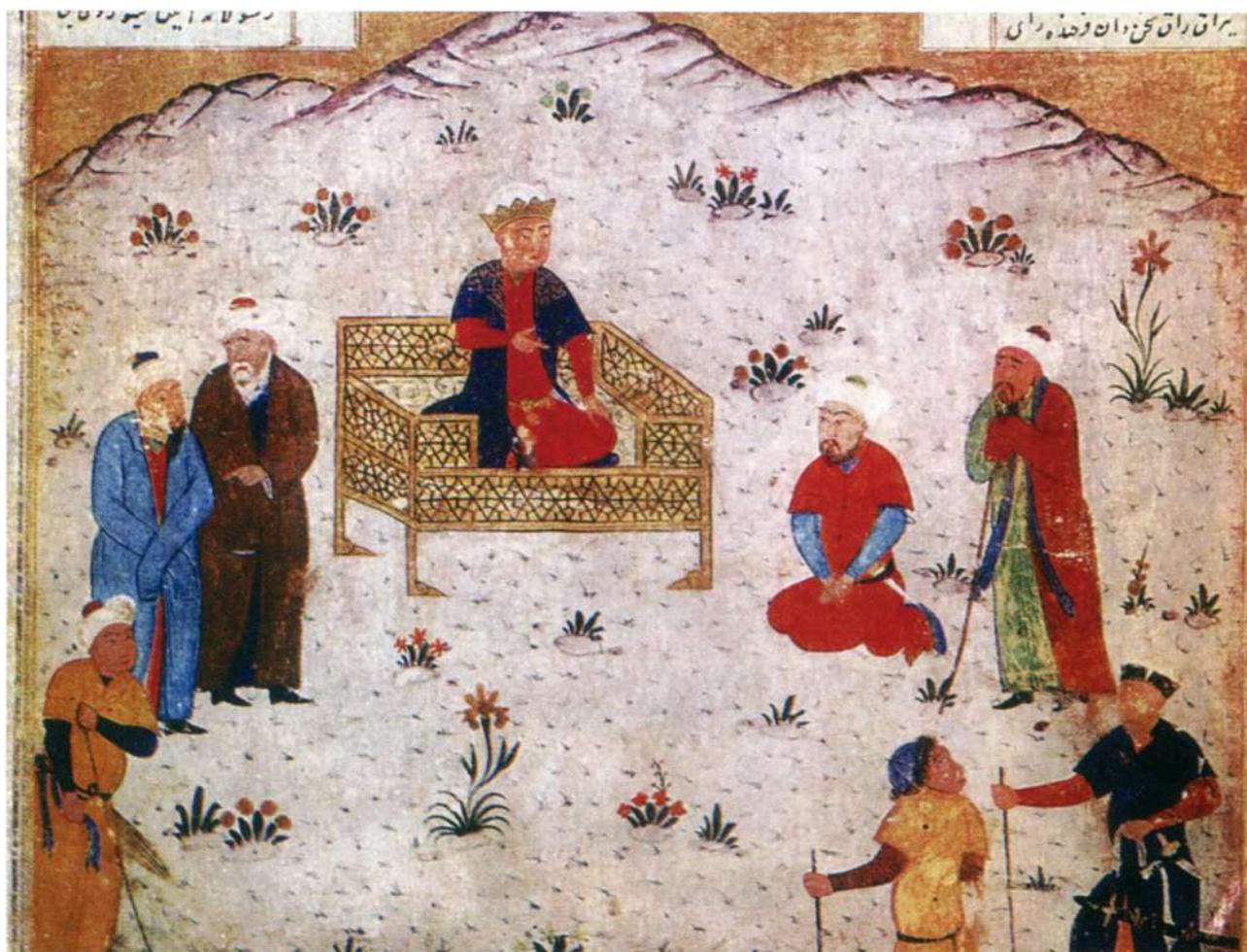
*Фреска из Помпей
с изображением свадьбы
Александра Великого
и Статиры, дочери Дария.
(Архив [предметов] искусства/
Археологический музей
Неаполя.)*

огромных контрибуций на побежденных победителями. С того момента история династии есть история постепенного заката. Испытывая натиск парфян с востока и угрожаемые возрождающимся царством Птолемеев с юга, Селевкиды к тому же погрязли в целой серии гражданских войн, разгоревшихся между соперничавшими претендентами на царский престол. К середине первого столетия дрязгам и постоянной борьбе за власть пришел конец, некогда великую династию окончательно доконали вцепившиеся ей в горло непримиримые с ней и между собой противники, — состязавшиеся за первенство каждый в своем роде римский империализм, парфянский экспансионизм и еврейский национализм.

АЛЕКСАНДР ВЕЛИКИЙ?

Нет никакого сомнения в том, что Александр оправданно считается великим военным предводителем — выдающимся полководцем. Унаследовав армию и тактику, которые подарил ему и Македонии отец, юный царь превратился в грозного противника. Он не проиграл ни одного сражения, и в большинстве случаев его победы представляли собой сокрушительные успехи, поскольку противник — часто численно превосходивший его войско — бежал с поля боя в полном беспорядке. Зачастую командуя с переднего края, Александр взял на вооружение и довел до совершенства тактические приемы, прежде невиданные персами, и всегда проявлял себя как отважный и решительный лидер перед лицом неприятеля. Он использовал данные разведки, полученное образование и недюжинный талант военного для введения в заблуждение оппонентов неожиданными и блистательными стратегическими решениями, как произошло на берегах того же Гидаспа, он не боялся разделять силы для достижения целей, как случилось в войне с Пором и ранее у Персидских ворот, и сохранял достаточную степень гибкости для того, чтобы использовать любое преимущество, как только его удастся достигнуть на поле битвы, лучше всего продемонстрировав эту способность при Гавгамелах. Если сравнить полные динамики и маневра сражения Александра со статичным, ритуализированным военным делом всего какие-то десятилетия до него в Греции, где голпиты сталкивались исключительно на ровных площадках и только в подходящие сезоны, то мы увидим перед собой просто два бесконечно далеких друг от друга мира. Уже Филипп II приступил к перестройке македонского войска, но Александр завершил его труды, создав отлично подготовленную постоянную армию из тяжелой пехоты и конницы, способных выполнять сложные тактические маневры в нужный момент, и союзнических отрядов, включенных в эти вооруженные силы и применяемых с наибольшей отдачей именно там, где они имели возможность максимально показать свои преимущества. Воздействие чужеземных военных приемов и тактических подходов на процесс развития македонской армии очевидно, но итогом стал некий уникальный продукт, принадлежавший Македонии, а небывалые успехи Александра во главе созданной им армии навсегда изменили военное дело античности. Другим свидетельством его величия как главнокомандующего следует считать верность, которую он умел вдохнуть в следовавших за ним воинов. На Гранике Клит забыл о собственной безопасности ради спасения Александра от нацеленного на него персидского копья, когда же Александр ворвался в город маллов без поддержки, воины спасли государя и командира, а затем жестоко отомстили жителям за ранение их любимого вождя. Македонцы и их союзники шли

Александр, правящий суд в Китае, — иллюстрация, сделанная по мотивам персидского манускрипта в Средние века или несколько позднее. Сказания и легенды об Александре Великом находят бесконечные отражения в исламском искусстве и в литературе повсюду от южных районов России и до ворот Индии.

за ним и шли тысячи километров, при этом большинство шагали пешком под жаром пустыни, в зимних снегах, по чужеземным горам и бескрайним равнинам. После десятилетия, проведенного в походах, находясь на другом конце мира, уцелевшие в битвах и стычках воины Александра вдруг отказались идти дальше, но и то, что до того момента он держал армию железной хваткой, неизменно воодушевляя личный состав армии на продвижение вперед и вперед, само по себе уже крайне примечательно. В источниках мы находим намеки на заботу и внимание со стороны командующего к простым солдатам, например, на зиму он отсылает недавно женившихся воинов из Малой Азии домой. Александр никогда не ужимал их в возможности поживиться добычей после битвы, посещал раненых и воздавал дань памяти погибшим. Несмотря на наказания и кары тем, кто разочаровывал его, и на постоянную опасность, в которую он ввергал воинов, Александр, похоже, был настоящим отцом солдатам, служа им примером и заставляя следовать за собой добровольно, а не по принуждению.

Хотя три крупнейших сражения, состоявшиеся между войском Александра и персидскими армиями, наиболее известные и хорошо освещенные составляющие его кампаний, Александр показал себя весьма успешным военачальником и в осад-

ном деле. В данном виде боевых действий он использовал совершенно иной подход, чем его отец, редко прибегая к содействию предателей или перебежчиков. Гений Александра применительно к осадному делу особенно показателен на блестящем примере войны с Тиром, которая, несмотря на продолжительность и огромное напряжение сил, поразила древний мир в силу мастерского использования технических приемов. Осады Тира и Газы совершенно неопровержимо доказывают способность Александра к ясному видению всего спектра крупномасштабных операций подобного рода и свидетельствуют о воле к доведению начатого до победного конца. Непоколебимое упорство его отчетливо проявилось под Манагой в 327 г. и у скалы Аорн. В динамичном осадном деле по Александру не было и не могло быть места пассивному сидению под вражескими укреплениями. Хотя он иногда прибегал к стратегии окружения объектов обводными стенами, само по себе это не являлось главенствующим средством. Например, во время похода против взбунтовавшихся согдианских городков в 329 г. Александр велел Кратеру обнести самый сильный из них, Кирополь, рвом и палисадом. Он держал одних бунтовщиков запертыми там, тогда как сам между тем приводил к покорности других. Вернувшись к Кирополю, он приступил к энергичному натиску на противника, и в итоге воины его проникли в город по высохшему водному руслу.

Успехи его как нападающей стороны приписываются наличию превосходной осадной техники. Не отказываясь от начатой отцом традиции применять знания и навыки механиков, Александр использовал подобных людей для строительства осадной техники в ходе своих кампаний. Частое применение Александром «артиллерии» стало, по всей вероятности, возможным благодаря техническим достижениям инженеров Филиппа. Создание и развитие торсионной катапульты представляло собой, должно быть, медленный процесс проб и ошибок, и камнеметы, появляющиеся под Галикарнасом и Тиром, едва ли могли оказаться мощными. Тяжеловесная и сложная машинерия, зачастую разворачиваемая македонскими армиями, надо полагать, обходилась дорого в изготовлении и доставляла уйму хлопот при транспортировке. После падения Милета Александр велел перевозить осадный обоз к Галикарнасу морским путем, и «артиллерия», обстреливавшая Газу, тоже была перевезена к городу из Тира по воде. Сухопутный способ доставки оказался бы, судя по всему, куда более дорогостоящим, а вот осадные башни конструировались разборными, позволяя Александру задействовать осадные машины даже в горной местности Гиндукуша.

Разумеется, возможность или невозможность применить осадные машины определялась множеством факторов, не в последнюю очередь силой и местом расположения оборонительных сооружений врага, и Александр также с готовностью разворачивал штурмы без поддержки тяжелых машин, как наблюдали мы в случае под Фивами в 335 г. Аналогичным образом техника, собранная для приступа против главного города маллов в 326/325 гг., не поспела к месту действия так быстро, как хотелось бы Александру, а потому он дал приказ брать крепость без машин, тогда как под Сангалой, несмотря на наличие приспособлений для взлома вражеской обороны, воины завоевателя предпочли подкопать стену и перебрались через развалины с помощью лестниц.

Что касается военных вопросов, Александр, безусловно, являлся новатором и смельчаком с несгибаемой волей к победе, но вот вопрос: а был ли он действи-

тельно великим властителем? Ему никогда так и не представился действительный шанс заняться управлением собственного царства, а потому мы не знаем и так никогда и не узнаем, справился ли бы он с удержанием завоеванных столь же блистательно, сколь с покорением земель. Управление такой огромной, сотканной из множества народов и только что образованной державой оказалось бы задачей, посильной далеко не всякому, но как человек — и даже бог, — завоевавший такое несметное царство, Александр, безусловно, мог бы рассчитывать на большие шансы на успех, чем все прочие — простые смертные. Образование, полученное от Аристотеля и других мыслителей древности, дало Александру знания, которые он и употреблял с уверенностью в деле превращения собственной особы в высшего правителя и неподражаемого завоевателя. Он пришел мстить персам за их злодеяния против Греции, но как новому государю Персидской империи ему пришлось оставить подобные лозунги после победы, а потому он начал позиционировать себя как наследник Кира Великого. Александр проводил недвусмысленные параллели между собой и Ахиллесом, претендовал называться сыном Амона и идентифицировал себя с героем Гераклом. Польза, приносимая им городам, вполне была достойна широты божественной природы, а его фантастические свершения делали Александра и в самом деле равным многим богам. В Сиве, еще даже до Гавгамел, он поинтересовался у оракула, каких божеств надлежит чтить ему, когда он доберется до океана, дойдет до конца мира. При этом он не просто демонстрировал самоуверенность и честолюбие, но также и набожность и уважение — по всей вероятности, подлинное — по отношению к богам, каковых считал собственной семьей.

НАСЛЕДИЕ АЛЕКСАНДРА

Эллинистическая эра

Александр ушел из жизни, будучи господином гигантской империи, протянувшейся от континентальной Европы до полуострова Индостан. Несмотря на раскол при диадохах, завоевания его дали продолжительный и очень живучий культурный эффект. Для обеспечения прочности обретенному царству и по причине уверенности, что поддержание культуры и правление возможны только на основании городской системы греческого типа, он на протяжении бесконечных кампаний то и дело основывал поселения. Существует 70 городов или форпостов, раскиданных по всей Азии и претендующих на право считать Александра человеком, заложившим в их основание первый камень. Многие из них и названы в его честь, в том числе Александрия в Египте, Искендерун в Турции, Искандария в Ираке и Александрия на Инде (Александрия-Букефалия) в Пакистане. Наверное, они и есть самый неискоренимый его след в истории. С помощью таких городков и поселений и стараниями его странствующего двора Александр принес в Азию греческий язык и обычаи. Во многих областях и районах державы Александра эллинистическая цивилизация процветала, оказывая неизгладимое влияние на искусство, архитектуру, религию и философию. Греческий превратился в международный язык цивилизованного мира, постигаемый всеми, кто стремился к успеху, принятый римлянами для интеллектуальных бесед и обнаруживаемый на индо-греческих надписях и в древнееврейских писаниях.

Пример для подражания

Человек, достигший такого величия, как Александр, так быстро, как он, да к тому же в таком раннем возрасте, неизбежно становился источником вдохновения для отдельных амбициозных личностей, пытавшихся повторить его достижения или использовать действительные или мнимые связи с великим человеком в погоне за собственными честолюбивыми планами. Все наследники прекрасно понимали необходимость ассоциировать себя с Александром.

Пердикка избрал себе регентство, дабы править от имени законного царского наследника — ближайшего родственника Александра. Птолемей завладел телом царя и вместо отправки его в Сиву, как предполагалось изначально, поместил в Мемфисе, потом в Александрии, причем видеть останки великого вонтеля представлялось возможным еще на протяжении 300 лет. В царствах, нарезанных для себя от великой империи наследниками, все они выпускали монеты с изображением Александра на них, а также и с своими собственными, но выполненными с расчетом непременно напоминать Александра.

Римляне особенно восхищались Александром, и многие из них хотели ассоциировать себя с ним. Юлий Цезарь, как говорят, однажды зарыдал у статуи Александра и сетовал, что он, будучи уже в возрасте более старшем, чем Александр, еще не совершил достойных его деяний. Помпей Великий вообще отыскал плащ Александра и носил его, тогда как Август приехал в Александрию возложить венок на гробницу Александра. Еще позднее император Калигула велел взять доспехи Александра из захоронения и носил их сам.

Иллюстрация с некоей фантастической сценой, в которой Александр занимается изучением моря в стеклянном «батискафе» вместе с кошкой и петухом. Она позаимствована из появившегося в 15-м столетии манускрипта Le Livre et la vraie histoire du bon roy Alexandre (Книга и правдивая история доброго короля Александра), хранящегося теперь в Британской библиотеке. Легенды и мифы об Александре множались и переходили из уст в уста на протяжении 2000 с лишним лет после его смерти.

Легенды и сказания

Как человек Александр так и остался до конца не познанным, его дальнейшие завоевательные планы и задачи, преследуемые им в «добытом копьем» царстве, остались нереализованными и нерешенными, они исчезли, растаяв в бесконечно далеком прошлом. Современные историки смотрят на него с разных точек зрения, так было, есть и будет продолжаться, поскольку наличествующей информации в любом случае недостаточно для ответов на вопросы, которые невольно возникают даже после поверхностного знакомства с историей жизни Александра. Первич-

*Коллин Фаррел в роли
Александра Великого в фильме
2004 г. «Александр».*

ные тексты, вышедшие из-под пера тех, кто лично знал Александра или хотя бы черпал данные у таких людей, утрачены практически полностью, если не считать немногих сохранившихся отрывков. В число современников, посвятивших себя созданию его жизнеописаний, входят Каллисфен, Птолемей, Аристокбул, Нearch и Онесикрит. Другие очень важные работы принадлежат Клитарху и Тимагену. В отсутствие всего этого у нас имеется доступ к пяти уцелевшим повествованиям о жизни Александра, основанным на первоисточниках, а именно — к историям Арриана, Квинта Курция Руфа, Плутарха, Диодора Сицилийского и Юстина.

Арриан, уроженец города Никомедия в Вифинии (в Малой Азии), создал *«Историю Александра Македонского»* в первой половине 2-го века от Р.Х. Будучи сам военным, образцом для себя в творчестве писатель избрал Ксенофонта. Как правило, историю Арриана считают наиболее достойной веры из всех работ, написанных об Александре и дошедших до нас, поскольку он пользовался современными событиями источниками — трудами Птолемея и Аристокбула. Данное соображение плюс внимание к подробностям и последовательность стиля делают его крайне ценным для ученых. Диодор Сицилийский писал об Александре во второй половине 1-го столетия до Р.Х. и опирался на Клитарха, составившего около 300 г. жизнеописание Александра, основанное на рассказах очевидцев. Диодора иногда считают неразборчивым компилятором наследия более ранних историков, хотя, пожалуй, такое мнение излишне сурово. Плутарх в его *«Жизнеописании Александра»* тоже отдал должное Клитарху, как и другим ныне недоступным источникам. Работа его биографическая, она не чуждается морализаторских тенденций и пересказывания басен и побасенок. Несмотря на это, сведения Плутарха и Диодора важны, ибо служат своего рода противовесом Арриану — его порой излишне трезвой и, безусловно, написанной с позиции «верха» истории. Датируемая 200 г. от Р.Х. эпитама сочинений Помпея Трога — его всемирной истории, или «Истории Филиппа», принадлежащая Юстину, являет собой, как вытекает из определения, краткий пересказ всеобъемлющего труда Помпея Трога, уроженца Южной Галлии, ведшего повествование от ассирийских царей. Похоже, основой для творчества в интересующем нас разрезе данному автору служили те же предания, что Диодору и Плутарху. Курций Руф являлся ритором, написавшим в середине 1-го века от Р.Х. для римского читателя *«Историю Александра Македонского»* в десяти книгах. Базировавшиеся, по крайней мере, отчасти на наследии Клитарха, две первые книги хроники не уцелели, как утрачены и разделы из некоторых других. Курций не был придирчивым историком, его цель состояла в другом — он стремился развлечь читателя и показать Александра как личность. Он позволяет себе перетасовывать хронологию, домысливать одни факты или замалчивать другие, хотя собственно совершенных небылиц он не рассказывает, если не считать по большей части «реконструированных» речей и писем, включенных им в свое повествование. Принимая во внимание отношение того или иного из этих авторов к разным источникам и несогласованность их описаний в некоторых деталях, неудивительно, что истории порой противоречат друг другу в подробностях, причем даже и в основных моментах жизни Александра. Сказания или предания, которые тот или иной хронист пытается изложить и преподнести читателю в пересмысленном виде, иногда отличаются друг от друга в зависимости от выбранного писателем жанра, к тому же все сохранившиеся источники содержат определенное количество домыслов, если уж не фантазии в чистом виде.

Воспевание и мифологизация Александра начались еще при его жизни под действием сказок и небылиц, распространяемых им самим и его окружением, как та же овеванная романтикой встреча с мистической царицей амазонок. Конца этому увлекательному творческому процессу не видно и по сей день.

Экзотические и цветистые декорации, служащие фоном событий, монументальные битвы, стойкость и негибкость его воинов, пройденные с боями и стычками многие тысячи километров, придворные скандалы, восстания и заговоры, особенно в конце правления Александра, — все они весьма плодородная почва для возникновения легенд и мифов в последующие столетия.

По всей Европе Александр — легендарный герой, появляющийся во многих народных сказаниях в Греции и далеко за ее пределами. Через несколько столетий после его ухода возник «Роман об Александре», написанный или скомпилированный из повествовавших о нем легендарных материалов. Текст пересматривался и подвергался переосмыслению и переработкам на протяжении эпохи древности и в Средние века. На исходе Античной эры роман перевели на латинский и сирийский языки. И уже с этих списков появились версии на всех наиболее распространенных языках Европы и Среднего Востока, превратившиеся в одно из основных чтений во времена, предшествующие современной эпохе.

Как и цари-Ахемениды до Александра, он тоже удостоился упоминания в Библии. В пророчестве в книге пророка Даниила содержится ссылка на царя Греции, покорившего мидийцев и персов, царство которого затем разделилось на четыре части. Короткое жизнеописание Александра появляется в Первой книге Маккавейской.

На большей части территории Юго-Западной и Средней Азии он тоже признанный герой, известный как Искандер, или Искандар Зулкарнаин. Однако зороастристам он помнится «проклятым Александром» — завоевателем их царства и разрушителем Персеполя. «Шахнаме» Фирдоуси, одно из старейших произведений литературы на современном персидском, являет собой эпическую поэму, написанную около 1000 г. Р.Х. Александр в этом сказании представлен в качестве героя мифической истории Ирана — сына персидского царя и дочери римского государя Филиппа. Возможно, он выведен и в Коране как «Двурогий», хотя данное допущение давно уже служит пищей для споров, но вот в «Искандарнаме» персидские предания о македонском царе явно перекликаются с тем, что находим мы в «Романе об Александре».

Тема Александра продолжает плодоносить в культуре и в литературе до сего дня, служа на протяжении столетий вдохновением для художников и скульпторов, писателей современных романов, композиторов, режиссеров голливудских фильмов, авторов-ведущих телевизионных программ и составителей компьютерных игр. Словом, способность его поражать умы и сердца не померкла и поныне. Имя Александра Великого живет и будет жить.

ГЛОССАРИЙ

«Агема»	Стража из гипаспистов.
«Аконтистай»	Метатели дротиков.
Анталкидов мир	Мирное соглашение, заключенное греками с персидским царем Артаксерксом II в 386 г.
Аргираспиды	Буквально «серебряные щиты», или среброшитные, — элитное формирование из ветеранов-гипаспистов.
«Артилаба»	Рукоять на внутренней стороне щита.
Архигипасписты	Командиры гипаспистов.
«Астгетайрой»	Подвид «пезгетайрой»; значение термина оспаривается, но он может скрывать под собой элитные «батальоны», или отряды, набранные в Верхней Македонии, или тех, кто в бою занимал позиции ближе всего к самому царю; возможно, «астгетайрой» имели лучшее вооружение и экипировку или специально обучались сражаться бок о бок с гипаспистами.
Ахемениды	Правящая династия Персидской империи, основанная Киром Великим.
«Байварабам»	Персидская воинская часть численностью 10 000 человек, эквивалентная греческому мириаду.
«Байварпатиш»	Командир «байварабама».
«Басилике ила»	Царский эскадрон в македонской «товарищеской» кавалерии.
«Бафос»	Глубокое построение в войске Александра.
«Гетайрой»	Македонская «товарищеская» кавалерия, или царские «друзья».
«Гипархой»	Персидские правители административно-управленческих единиц, меньших, чем сатрапии, хотя термин зачастую используется как синоним слова «сатрапы».
«Гипаспнстай базиликой»	«Царские гипасписты», или гвардейцы из числа аристократии и нередко бывшие царские «пажи». Какая именно функция возлагалась на них в сражении, точно не известно.
Гипасписты	Буквально «щитоносцы», элитная пешая гвардия из воинов, отобранных за физическую силу и храбрость.
Гипергипасписты	Гипасписты, прикрывавшие щитами царя и, вероятно, вооружавшиеся более крупными их разновидностями, чем обычная пельта.
Гиперет	Адъютант в македонской кавалерии.
Гиппарх	Командир гиппархии.
Гиппархия	Кавалерийская «бригада», состоящая из двух, трех или четырех «илай», или ил.
Гоплит	Буквально «вооруженный человек», или воин, — солдат-гражданин в греческом городе-государстве.

«Датхаба»	Часть из десяти воинов в персидской армии; десять таких отделений составляли сотню — «сатаба».
«Декада»	Изначально пехотная колонна из 10 человек, позднее выросшая до 16 человек.
Делийская лига	Союз, сформированный Афинами и другими городами-государствами в 477 г. для ведения войны с персами.
Диадохи	Наследники Александра Великого.
Дори	Обычное копье гоплита длиной около 2,5 м.
«Дорифорой»	Буквально «копьеносцы». Возможно, еще одно название для гипаспистов, когда те экипировались, как традиционные гоплиты.
Ила	(Мн.ч. «илай», или же илы.) Кавалерийский эскадрон численностью 200 человек в составе четырех «тетрархий», или полусотен, — основная часть в македонской коннице. Ила базилевса представляла собой царский эскадрон в «товарищеской» коннице.
Иларх	Командир эскадрона.
«Кавсия»	Широкополая шляпа с покатыми полями.
Каллийский мир	Формальное мирное соглашение, заключенное Делийской лигой и Персией в 449 г.; после подписания этого договора Персия на 30 лет оставила Грецию в покое.
«Кардака»	Воины как неперсидского, так и негреческого происхождения из числа дворовых людей персидского царя или, возможно, царские наемники.
Копис	Длинный и изогнутый меч всадника.
Коринфская лига	Федерация греческих государств, образованная Филиппом II в 338 г. и им же возглавляемая.
«Ксистон»	Кавалерийское копье, изготовленное из древесины кизила.
Линофоракс	Панцирь с «юбкой», изготовленный из нескольких слоев льняной ткани.
Лох	(Мн.ч. «лохой».) Формирование из «декад», организованное по принципу 16 x 16, насчитывающее всего 256 человек.
Лохаг	Командир лоха, а позднее синтагмы.
«Мелофорой»	Буквально «яблоконосцы», 1000 копейщиков из числа «Бессмертных», получивших такое название по причине наличия на тыльной стороне их копий утолщений-противовесов в виде золотых яблок.
«Мидизм»	Симпатии к персам, называвшимся у греков также мидийцами.
«Пезгетайрой»	Тяжелая пехота, вооруженная сариссами и, возможно, также мечом.
Пелопоннеская лига	Оборонительный союз между Спартой и другими городами-государствами Пелопоннеса; Лига начинала действовать только в том случае, если кому-то из членов альянса угрожала прямая опасность.

Пельта	Маленький щит, которым вооружались пельтасты.
Пельтасты	Легковооруженные воины, обычно пользовавшиеся кинжалом, дротиком, давшим им название небольшим щитом, или пельтой, и, вероятно, мечом, но обходившиеся минимумом доспехов или вовсе не носившие их.
«Пентакосиархия»	Половинная хилиархия, т.е. воинская часть из 512 человек.
«Пикнос»	«Тесные порядки», или сомкнутый строй в войске Александра.
Пилос	Конический шлем.
Полис	Греческий город-государство — объединение граждан того или иного города.
«Продромой»	Буквально «дозорные», термин, обычно применяемый к фракийским конным эскадронам в македонской армии, но иногда и в более широком смысле к вспомогательной кавалерии; как следует из названия, задача их состояла в ведении дозорно-пикетной службы на маршруте продвижения войска и в сборе разведанных.
Проскинеза	Персидский обычай «земного поклона», требовавший от всех при дворе опускаться на колени и бить челом перед сидящим на престоле повелителем; по возвращении из индийского похода Александр попытался было ввести такое правило и у себя, что вызвало решительное недовольство македонцев.
«Псилой»	Легковооруженный пехотинец.
Птеруги	Полоски «юбки» панциря, расположенные по вертикали вниз от области поясницы.
Сарисса	(Мн.ч. «сариссай») Копье длиной 4,5–5,5 м.
«Сариссофорой»	Буквально «несущие сариссы», или попросту копьеносцы; термин, использующийся вперемешку с «продромой», применительно к отрезку времени после перехода Александром Геллеспонта, что намекает на вооружение дозорных более длинным копьем, или сариссой.
«Сатаба»	В персидской армии часть из 100 человек в составе большего формирования — «хазарабам».
Сатрапия	Провинция Персидской империи, управляемая сатрапом.
«Синасписмос»	Строй с сомкнутыми щитами.
Синтагма	Более позднее название лоха.
«Спарабара»	В персидском войске щитоносец в стрелковой паре.
Стратег	Полководец, военачальник, или «генерал»; термин также применяется для обозначения военного губернатора или наместника какого-то завоеванного региона.
«Такабара»	Персидские пехотинцы, вооруженные копьем и «така», или щитом.
Таксиарх	Командир «таксии»; когда армия подверглась разделу на «дивизии», военачальник, или стратег (генерал) выполнял также функции таксиарха.

«Таксия»	(Мн.ч. «таксии».) Часть из шести «лохой», насчитывающая 1536 человек, или, иными словами, полк.
«Тара»	Индивидуальные щиты персидских стрелков, предназначенные для защиты на тот случай, если противник прорвет заслон щитоносцев.
«Токсарх»	Командир «роты» из 500 «токсотай».
«Токсотай»	Стрелки (лучники).
Трирема	Греческая галера с тремя рядами скамеек для гребцов.
Фаланга	Буквально «боевое построение»; как правило, под этим термином понимаются определенным образом выстроенные тяжеловооруженные пехотинцы.
Фалангиты	Пехотинцы, образующие фалангу.
Форакс	Панцирь.
«Хазарабам»	Персидская часть из 1000 человек, эквивалент греческой хилиархии.
«Хазарапариш»	Командир «хазарабама».
«Хамиппой»	Пехотинцы, сражавшиеся в рядах конницы.
Хилиархия	Четыре «лохой», или лоха, — строевая часть, насчитывающая 1024 человека, также полк.
Экзомис	Короткорукавный хитон греческого и македонского солдата.
«Эктактой»	Внештатные, или нестроевые, члены войска; они не сражались в рядах фаланги, а передавали команды и приказы воинам в лохах. В войске Александра при переправе через Геллеспонт в 334 г. один «эктакт» придавался каждой «декаде» в качестве слуги для присмотра за багажом.
Эра наследников	Примерно полувековой временной отрезок сразу после смерти Александра, когда его офицеры вели борьбу за власть в его царстве. Называется также эпохой диадохов.

БИБЛИОГРАФИЯ

ДРЕВНИЕ ИСТОЧНИКИ

Arrian, *The Campaigns of Alexander* (trans. A. de Selincourt) (Harmondsworth: Penguin Classics, 1971)

Curtius Rufus, Quintus, *The History of Alexander* (trans. J. C. Yardley) (Harmondsworth: Penguin, 1984)

Diodorus Siculus, *Library of History*, VIII (trans. and ed. C. Bradford Welles) (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, Loeb Classical Library, 1963)

Justin, *Epitome of the Philippic History of Pompeius Trogus*, Books 11—12: *Alexander the Great* (trans. J. C. Yardley) (Oxford: Clarendon Ancient History Series 1997)

Plutarch, *The Age of Alexander* (trans. Ian Scott-Kilvert) (Harmondsworth: Penguin Classics, 1973)

СОВРЕМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Adcock, F. E., *The Greek and Macedonian Art of War* (Berkeley: University of California Press, 1957)

Boardman, J., Hammond, N., Lewis, D. and Ostwald, M. (eds.), *The Cambridge Ancient History Vol. 4: Persia, Greece and the Western Mediterranean c.525 to 419 BC* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988)

Borza, E. N., *In the Shadow of Olympus: The Emergence of Macedon* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1990)

Bosworth, A. B., *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988) Bosworth, A. B., *Alexander and the East: The Tragedy of Triumph* (Oxford: Clarendon Press, 1996) Bosworth, A. B. and Baynham, E. J. (eds.), *Alexander the Great in Tact and Tiction* (Oxford: Oxford University Press, 2000)

Briant, P., *Histoire de l'Empire Perse de Cyre a Alexandre* (Paris: Fayard, 1996)

Cook, J. M., *The Persian Empire* (London: Dent, 1983)

Engels, D. W., *Alexander the Great and the logistics of the Macedonian Army* (Berkeley: University of California Press, 1978)

Errington, R. M., *A History of Macedonia* (trans. C. Errington) (Berkeley: University of California Press, 1990)

Fuller, J. F. C., *The Generalship of Alexander the Great* (New York: Da Capo, 2004)

Green, P., *Alexander of Macedon, 356—323 BC: A Historical Biography* (Berkeley: University of California Press, 1991, rev. ed.)

Hammond, N. G. L., *The Genius of Alexander the Great* (London: Duckworth, 1997)

Heckel, W., *The Marshals of Alexander's Empire* (London: Routledge, 1992)

Holt, F. L., *Alexander the Great and Bactria: The Formation of a Greek Frontier in Central Asia* (Leiden: E. J. Brill, 1988)

Lane Fox, R., *Alexander the Great* (London: Penguin, 2004, rev. ed.)

Marsden, E. W., *The Campaign of Gaugamela* (Liverpool: Liverpool University Press, 1964)

Olmstead, A. X., *History of the Persian Empire* (Chicago: University of Chicago Press, 1948)

Pearson, L., *The Lost Histories of Alexander the Great* (New York: American Philological Association, 1960)

Roisman, J. (ed.), *Brill's Companion to Alexander the Great* (Leiden: Brill, 2003)

Stewart, A. E., *Faces of Power: Alexander's Image and Hellenistic Politics* (Berkeley: University of California Press, 1993)

Wilcken, U., *Alexander the Great* (New York: W. W. Norton, 1967)

Wood, M., *In the Footsteps of Alexander the Great* (London: BBC Books, 2004)

КАВЕ ФАРРОХ

ПЕРСЫ

АРМИЯ ВЕЛИКИХ ЦАРЕЙ

Предисловие

Могучее персидское воинство

Знаменательно, что арабское слово «фарис» одновременно означает как представителя нации, так и человека, наделенного властью, а кроме того еще и всадника. Вот чем славились иранцы: от нагорья, где они обитали, и до степей Средней Азии – на протяжении всей истории их существования – своей конницей. Иранские всадники всегда были выходцами из самых знатных семей и на поле боя составляли главную боевую силу. Они резко отличались от пехотинцев любой армии, с которой им приходилось сталкиваться, начиная с греческих гоплитов или римских легионеров, хотя в сражениях победа доставалась то одной, то другой стороне.

История персидского воинства начинается с того момента, когда они пришли из Средней Азии несколько тысяч лет назад. Приручение лошади произошло намного раньше. Сначала лошадей использовали – тогда еще без седла и уздечки – для того, чтобы пасти овец и крупный рогатый скот. Но вскоре появились колесницы, которые у индо-иранцев почти не отличались от тех, что были у греков во времена Гомера. В любом случае знать в те времена уже ездила на колесницах. Иранцы распространились на запад и в сторону Индии, наводя повсюду страх и ужас. На востоке они завладели такими областями, как Хорезм, Согдиана и Бактрия и другими малонаселенными землями, где обитали такие племена, как дравиды, а на западе мидийцы и персы заняли земли, которые до их прихода принадлежали эламитам, маннам и другим прикаспийским племенам. Вскоре местное население усвоило язык захватчиков. Можно предположить, что иранцы были в этом смысле сходны с появившимися позже тюрками, завоевавшими Азербайджан и Анатолию.

Вскоре мидийцы благодаря своим лошадям стали настолько сильны, что бросили вызов могучей Ассирийской империи. Согласно Геродоту, первым правителем, который стал набирать рекрутов из мидийских племен, был Киаксар. Пехотинцы в его войске орудовали копьями, всадники составляли конницу. Таким образом впервые появилось регулярное войско. Хотя по-настоящему армия стала могущественной во время правления Великого Кира, тем не менее даже прообраз этой армии представляется весьма действенным. Примерно в это же самое время Армения раздвинула границы своего царства от Анатолии до захваченного ею Азербайджана.

Несмотря на то что Кир Великий благодаря женитьбе оказался связан тесными узами с царским домом мидян, тем не менее именно Дарий стал основателем Ахеменидской державы. Империя сделала шаг вперед в развитии цивилизации по срав-

нению с существовавшими до того царствами, так как впервые появились отдельно «царские законы», стоявшие над религиозными законами многих царств, входивших в огромную единую империю. Именно царские законы стали тем фактором, который скреплял империю на протяжении нескольких столетий. О чем свидетельствует и надпись на гробнице Дария на скале Накши-Рустам:

«Сколько стран находится под властью Дария? Посмотрите на фигуры тех, кто держит помост с царским тронном. И тогда вы осознаете, как далеко простирается власть персов».

В самом начале правления династии Ахеменидов армия стала той действенной силой, что позволила совершать захват новых территорий и подавлять мятежи и восстания. К сожалению, постепенно армия выродилась. По мере того как росло число присоединенных народов, менялся состав воинов. Войско становилось все менее контролируемым и менее профессиональным, что вынуждало Ахеменидов набирать в армию греческих наемников. Александр Македонский – гениальный полководец – повел за собой эллинскую армию, покончив с правлением Ахеменидов.

После короткого периода правления Селевкидов из Средней Азии в Иран прибывает новая сила – Парфяне – или Аршакиды, как еще называют их династию. Во время правления парфян в армии было введено три новшества: одно из них – «парфянский стрелю» – конник; второе – сложносоставной лук, который увеличивал дальность полета стрелы и точность попадания; и, наконец, поединок перед битвой двух бойцов из противоборствующих станом. И хотя всадники, искусно владевшие сложносоставными луками, внушали ужас римлянам, победитель в поединке становился главным персонажем этой героической эпохи. К концу правления Ахеменидов на передний план выступил новый тип всадника в доспехах на столь же защищенной броне лошади: прообраз европейского рыцарства. Это были катафракты с копьями в руках – еще более опасные противники римлян. Возможно, именно в это время или чуть позже появились и стремени, которые дали всаднику, с одной стороны, устойчивость, а с другой – большую мобильность. В этот же период иранской истории мы становимся свидетелями появления такой мировой религии, как манихейство, что позволило христианству вступить в соперничество с зороастризмом.

Период правления Сасанидов – время консолидации центральной власти и появления новых объединений в рядах армии, не имевших аналога: элитной конницы Сасанидов – «асваранов». В этот период государственная власть и ортодоксальная религия активно действовали рука об руку. Бесконечные битвы на двух фронтах – против Византии и хлынувших захватчиков из Средней Азии – поддерживали боеспособность армии. Сасанидская империя богатеет. Для упорядочивания торговых сделок были введены монеты. С самого начала правления династии Сасанидов большая часть чеканных монет оставались серебряными. Эти монеты ценились очень высоко даже за пределами империи и по отношению к монетным единицам других стран, уступавших сасанидским. Из исключительно сельскохозяйственной державы Сасанидская империя превратилась в крупнейший торговый центр. По ее дорогам тянулись караваны на Дальний

Восток и в Африку. Вместо того чтобы воевать, проще стало откупаться от захватчиков. И таких примеров становится все больше и больше. Последний правитель могущественной империи – Йездегерд – погиб на северо-востоке, спасаясь от арабов, как в свое время там же погиб Дарий, сражаясь с кочевниками.

В этой книге доктор Кавей Фаррох представил нам картину истории Персии под другим углом, в ином ракурсе, чем тот, который долгое время превалировал под влиянием греков и римлян в нашем понимании истории и войн между этими государствами. Доктор Фаррох описал очень много нововведений, сделанных за время существования Персии, что позволяет по-новому взглянуть на историю. Нам остается только поздравить издательство «Osprey» с публикацией книги, благодаря которой нам открываются новые аспекты противостояния Запада и Востока в древние времена.

Профессор Ричард Нелсон Фрай.
Сентябрь 2006.

Введение

Персия или Иран?

Персия или Иран? На самом деле и то и другое верно, если речь идет о срединной империи, которая располагалась между величайшими цивилизациями Китая и Индии с востока и греко-римского мира с запада. Первую иранскую империю Ахеменидов греки называли Персейя или Персия. В то время как сами иранцы называли себя «Айр-ан» или «Ир-ан» (земля ариев).

Иранцы ведут свое происхождение от целой семьи народов, которые включали в себя мидийцев, персов, а также в основном исчезнувших северных иранцев (саки/скифы и сарматы). Таким образом, изначально Иран или Персия была многоязычной и разнообразной по этническому составу страной. И в нынешнем Иране господствует не только новоперсидский язык, в нем в изобилии представлены другие языки: курдов, балучей, лури и мазандарани. Тюркоговорящее население преобладает в иранском Азербайджане – на северо-западе, в то время как на побережье Персидского залива и в Хузистане на юго-западе мы видим представителей арабского языка. В Иране множество самых разнообразных районов, отличающихся по климату и по территории.

Большая часть потомков иранцев ведут свое происхождение с районов севера и северо-запада, которые граничили с Кавказом и Анатолией, а также из Средней Азии, где и возникли исконные персы и мидийцы. Побережье Персидского залива и по сей день простирается по изначально иранским землям. Термин «Персия» – правилен, когда он включает в себя все иранские народности, в особенности курдов и азеров – основных потомков древних мидийцев, истинных основоположников Ирана. Они заложили основы для утверждения империй Кира и Дария. Северные иранцы сыграли главную роль не только в создании Персии как таковой, но и для ее сохранения после того, как Александр разрушил империю. Они еще долгое время служили живым звеном в передаче культурного наследия Ахеменидов на этом плоскогорье и после падения державы.

Парфяне не только восстановили Персию, но и заложили основу для империи Сасанидов, культурное наследие которой продолжает существовать и по сей день. Парфяне и Сасаниды с блеском выиграли многочисленные битвы в сражениях с Римом и доказали право считаться достойными наследниками могучей державы. Несмотря на то что Сасаниды все же проиграли арабам в VII веке нашей эры, их культурное наследие нашло отражение на Кавказе, в арабском мире, Европе, Китае, Японии, Индии и на Дальнем Востоке.

Хронология

- 10000 до н.э. Подъем сельскохозяйственной экономики в нынешних районах западного Ирана, северо-центрального Ираке, Сирии, Ливии и Палестины. Появление протоиндоевропейцев (ПИЕ) в районах восточной Анатолии – северо-западе Ирана – Армении – Ираке – Курдистане.
- 8000 до н.э. Представители ПИЕ распространяются через Анатолию и через побережье Эгейского моря в Европу.
- 5000–4000 до н.э. ПИЕ переселенцы заселяют Украину.
- 4000 до н.э. На Украине появляются всадники.
- 4000–3000 до н.э. Зарождение общества курганных воинов. Распространение на восток и на запад в континентальную Европу.
- 3000 до н.э. Подъем уральской Андроновой культуры в восточных областях Украины, понтийско-каспийском регионе и на большей части Казахстана.
- 1600–1200 до н.э. Арии Андроновской культуры продолжают миграцию в Среднюю Азию.
- 1500 до н.э. Первые индо-арии (еще не разделившиеся арии) мигрируют из Средней Азии на Иранское плато и в Месопотамию-Сирию. Здесь они смешиваются с уррианами из Митании.
- 1200–1000 до н.э. Полномасштабное переселение ариев на Иранское плато и в Афганистан.
- 811–730 до н.э. Налеты ассирийцев на Иран.
- 727 до н.э. Первый мидийский царь мидян Дайуку (Денак); изгнание Саргона II в Сирию в 715 г. до н.э.
- 674–653 до н.э. Правление Фархада 652–625 до н.э. Вторжение в Мидию саков-паравров.
- 624–585 до н.э. Правление Киаксара, объединение ариев на иранском плато: формы спады.
- 612 до н.э. Падение ассирийской столицы Ниневии; Киаксар объединяется с Вавилоном, чтобы разбить Ассирию. На Кавказе царство Урарту гибнет под ударом мидийцев.
- 584–549 до н.э. Правление Астияга – последнего царя мидян.
- 575 до н.э. Рождение Великого Кира.
- 550 до н.э. Кир наследует трон Аншанов (западная Персия). Персия поглощает древнее царство Элам (2700–539 до н.э.).
- 550 до н.э. Великий Кир разбивает Астияга в Экбатане. Объединение персов и мидийцев в Ахеменидскую империю.
- 547 до н.э. Кир захватывает Лидию; поражение Креза в лидийской столице Сард.
- 539 до н.э. Кир овладевает Вавилоном.
- 530 до н.э. Кир погибает в Средней Азии, сражаясь с царицей Томирис и с массагетами.
- 530–522 до н.э. Правление Камбиза II. Захват Египта в 525 г. до н.э. Смерть в результате восстания из-за борьбы за трон.

- 521–522 до н.э. Правление Дария Великого. Империя достигает наибольших размеров под управлением Дария.
- 520–513 до н.э. Дарий захватывает часть Индии (Синд и Пенджаб).
- 519 до н.э. Дарий побеждает саков в Средней Азии.
- 512 до н.э. Военный поход Дария и падение саков-парадратов.
- 499–494 до н.э. Восстание ионийцев против империи. Дарий восстанавливает контроль над территорией.
- 490 до н.э. Поражение Дария и Ахеменидов в битве при Марафоне с греками.
- 486–465 до н.э. Правление Ксеркса I.
- 484 до н.э. Ксеркс нападает на Грецию с многочисленной многонациональной армией. Дорогостоящая победа при Фермопилах, разграбление и сожжение Афин. Поражение в морском сражении при Саламине.
- 464–425 до н.э. Правление Артаксеркса I. Подавление египетского восстания в 459 г.
- 448/447 до н.э. Каллиев мирный договор между Артаксерксом I и Делосским союзом.
- 431–404 до н.э. Пелопоннесская война.
- 404–359 до н.э. Война со Спартой.
- 382–336 до н.э. Приход к власти Филиппа II в Македонии.
- 373 до н.э. Отпадение Египта от империи.
- 368–367 до н.э. Восстания в сатрапиях.
- 359–338 до н.э. Правление Артаксеркса III. Новый захват Египта в 342 г. и подавление мятежей.
- 336–330 до н.э. Правление Дария III, последнего царя Ахеменидов.
- 334–330 до н.э. Александр Македонский захватывает Ахеменидскую Персию.
- 322–301 до н.э. Диадокские войны. Селевк Никатор (годы правления 312–281) овладевает Месопотамией, Мидией, Иранским нагорьем, восточным и северным Ираном, современным Афганистаном, частью восточной Анатолии, Сирией и Средней Азией.
- 300–200 до н.э. Мигранты – парии из объединения даков прибывают из Средней Азии в Парфию (иранский северо-восток).
- 261–246 до н.э. Правление Антиоха II Теоса. Отделение Греко-Бактрии.
- 247–245 до н.э. Селевкидский сатрап Парфии Андрагор поднимает восстание против Селевкидов.
- 241 до н.э. Ашк завладевает Парфией и изгоняет Андрагора.
- 209–206 до н.э. Антиох III (годы правления 223–187) нападает на Парфию, требуя от Ашка II признать Селевкидов.
- 191 до н.э. Поражение Антиоха III в битве при Фермопилах в Греции.
- 189 до н.э. Поражение Антиоха III в битве при Магнезии в Анатолии.
- 171–138 до н.э. Правление Мехрада I. Захват Селевкии и царя Димитрия II (годы правления 146–141).
- 129 до н.э. Фархад II (годы правления 138–127) разбивает Антиоха VII (годы правления 138–129) в битве при Экбатане.

123 до н.э.	Правление Мехрада II.
100 до н.э. – начало 200 н.э.	Подъем кушан. Развитие индо-иранско-греческого буддийского искусства и распространение буддизма.
120 до н.э.	Создание Ктесифона.
100 до н.э.	Появление саков из Средней Азии. Поселения на юго-востоке и северо-востоке Ирана.
52 до н.э.	Поражение армии Марка Люциния Красса от парфянского полководца Сурены в Каррах.
51–39 до н.э.	Пакор затевает ряд сражений с римлянами. Союз с Квинтом Аттием Лавинием в 40/309. Поражение Лавиния и Пакора в 26.
36 до н.э.	Неудачное вторжение Марка Антония в Парфию и его поражение в мидийской Антропатене.
20 до н.э.	Переговоры императора Августа с Фархадом (годы правления 38–32).
63 н.э.	Вологез I (годы правления 51–80) и император Нерон достигают компромисса относительно Армении.
75 н.э.	Вторжение в Иран северных иранских аланов.
115 н.э.	Император Траян предпринимает неудачный поход против Парфии.
117 н.э.	Император Адриан предлагает парфянам вступить в переговоры.
162 н.э.	Вологез IV (годы правления 147–181) нападение на Армению и римскую Месопотамию. Люций Веру делает ответный удар и захватывает Ктесифон в 164 г.
198 н.э.	Антиримские настроения и действия Вологеза V вынуждают Септимия Севера на ответный удар. Римляне в третий раз берут Ктесифон.
217 н.э.	Нападение римлян на парфян. Неубедительная победа в Нисибине.
224 н.э.	Арташир (годы правления 224–241), царь персов, объединяется с мидянами и курдами. Победа над парфянами в Хормозгане.
233 н.э.	Попытка императора Александра Севера разрушить новую Сасанидскую империю. Тяжелое поражение под Ктесифоном от руки Арташира.
241–272 н.э.	Правление Шапура I. Поражение Гордиана III в битве под Мисихе в 244 г.
256 н.э.	Шапур I побеждает Филиппа Арабского в Барбалисосе.
260 н.э.	Шапур I разбивает Валерия в Каррах и Эдессе. Валериан взят в плен вместе с 70 000 воинами. Шапур возвращает Сирию и Каппадокию.
260–261 н.э.	Одена, царь Пальмиры, оттесняет Сасанидов за пределы своих границ. Неудачный поход на Ктесифон и возвращение в Сирию.
296 н.э.	Нарсес (годы правления 293–301) разбивает Галерия в Армении.
337–350 н.э.	После разгрома вторгшихся в страну арабов в 320 г. Шапур II (годы правления 309–379) нападает на Нисибин, но вынужден перебросить войска в Среднюю Азию, чтобы отразить нападение хионитов

- в 357 г. Шапур возвращается в Нисибин в 350 году и захватывает Амиду (Диярбыкыр) в 359-м.
- 363 н.э.** Император Юлиан предпринимает массивное вторжение в Персию, одерживает победу при Маранге. Смерть Юлиана во время кавалерийского наезда 26 июня.
- 421 н.э.** Бахрам V (годы правления 420–438) одерживает великолепную победу над эфталитами в Средней Азии в битве при Мерве.
- 438–457 н.э.** Правление Йездегерда II.
- 449 н.э.** Указ Йездегерда с требованием, чтобы армяне отреклись от христианства. Это приводит к широкомасштабному восстанию, которое Сасаниды подавляют 2 июня 451 г. Противостояние длится еще в течение десятка лет.
- 484 н.э.** Поражение и смерть Пероза I (годы правления 459–484) в битве с эфталитами. Империя вынуждена платить ежегодную дань эфталитам. Подъем «социалистического» движения Маздака. Царь Балаш I (годы правления 484–488) соглашается признать за армянами право исповедовать христианство.
- 488–496 н.э.** Первое правление Кавада I. Подавление движения маздакитов.
- 498–531 н.э.** Второе правление Кавада I. Подавление движения маздакитов.
- 502–504 н.э.** Первая война Кавада с Византией.
- 527–531 н.э.** Вторая война Кавада с Византией.
- 588 н.э.** Вторжение тюрков и эфталитов из Средней Азии в Сасанидскую империю. Бахрам Чубин разбивает тюрков-эфталитов и разбивает войска восточного и западного тюркского каганата в Средней Азии.
- 590 н.э.** Рост популярности Бахрама Чубина и свержение Ормизда IV (годы правления 579–590).
- 591 н.э.** Сын Ормизда IV – Хосров II (годы правления 591–628) – добывается трона с помощью императора Маврикия.
- 602 н.э.** Смерть Маврикия от рук наемных убийц. Хосров предпринимает вторжение в Византию.
- 602–621 н.э.** Сасанидская армия захватывает Месопотамию, Сирию, Иудею, Ливию, Египет, Анатолию и осаждает Константинополь.
- 619 н.э.** Тюрки и эфталиты вторгаются в Сасанидскую империю из Средней Азии. Багратуни разбивает тюрков-эфталитов в Средней Азии.
- 622–628 н.э.** Император Ираклий возвращает потерянные территории. Казнь Хосрова II в Ктесифоне, и Сасанидская империя заключает мир.
- 637–651 н.э.** Арабы побеждают армию Сасанидов в битве при Кадисе (637) и захватывают Ктесифон (638). Йездегерд III (годы правления 632–651) – последний царь Сасанидов – отчаянная попытка оказать сопротивление в Ялуле и Нихаванде терпит неудачу. Конец Сасанидской империи. Исламский халифат поглощает Персию.
- 651–838 н.э.** Упорное сопротивление халифату в северной Персии со стороны дайламитов. Бабак Хоррамдин три десятилетия возглавляет антихалифатское движение в Азербайджане (816–817).

Часть 1

Ахемениды

В расцвет своего существования первая «мировая империя» простиралась от Фракии и Эгеи на Западе и до Средней Азии и Индии на Востоке. Среди достижений Ахеменидов следует назвать: Царский путь, первую почтовую систему и единую денежную систему в экономике. Однако, наверное, самым большим вкладом в общее достояние человечества стала декларация Кира, в которой утверждались права человека, уважительное отношение к различным религиям, культурным и лингвистическим отличиям разных народов, населявших империю.

Глава 1

До Ахеменидов

Становление воинственной Курганной культуры: первые протоиндоевропейцы

Долгое время считалось, что индоевропейский язык возник на территории нынешней Украины в 5000–4000 гг. до н.э. Однако проведенные учеными в последние годы археологические раскопки, лингвистические изыскания, а также генетический анализ представили доказательства иной, более сложной картины¹. Если район Украины сыграл решающую роль в распространении всех индоевропейских языков, то, как считает большинство современных исследователей, подлинные его носители ведут происхождение из тех регионов, которые сегодня соотносятся с современным северным Ираком, южной Арменией, северо-западным Ираком, восточной Анатолией, иранским Азербайджаном и, возможно, древней Албанией². Благодаря генетическому анализу³ обнаружилось, что начало сельского хозяйства в «плодородном полумесяце», распространившееся затем по Ближнему Востоку, и стало причиной заселения этих мест тремя различными генетическими и языковыми семьями: протохамито-семитами, протоэламо-дравидами и протоиндоевропейцами⁴.

Язык, на котором говорит большинство европейцев, иранцев и индусов, в конечном счете ведет происхождение от этих индоевропейских земледельцев⁵. Подъем полностью сельскохозяйственной экономики, известный как Халафская культура, похоже, имел место приблизительно 12 000 лет назад в западном районе «плодородного полумесяца»⁶.

Следы земледельческой деятельности на Ближнем Востоке образуют своего рода дугу, связывающую Курдистанское нагорье западного Ирана с Месопотамией, через Сирию, частично захватывая Иорданию, Ливан и районы Палестины⁷. Изыскания археологов также доказывают наличие первых домашних животных и первые в мире сельскохозяйственные приспособления для выращивания зерновых в северном и восточном Ираке и западном Иране⁸.

Расширяя свою деятельность, индоевропейские земледельцы постепенно проникли в Европу через Анатолию в Эгею, а затем и в Европу примерно в восьмом тысячелетии до н.э. Плотность населения составляла одного человека на десять квадратных километров и была самой обычной для уклада жизни ранних охотников-собирателей. Средняя скорость распространения протоиндоевропейцев в Евро-

ПРЕДЫДУЩАЯ СТРАНИЦА.

СЛЕВА: Ахеменидский дворец в Персеполе. Его начали возводить за 80–100 лет до афинского Акрополя (А.Брайан).

СПРАВА: Золотая фигурка воина сака-параграва. IV век до н.э. из могильника Кул Об на Украине. Всадники такого типа составляли авангард тех арийских племен, которые обосновались на Иранском плато, в горах Заргоса, северной Месопотамии и восточной Анатолии (Вернер Форман. Из собрания музея Эрмитаж в С.-Петербурге).

Бронзовый мунштук с нащечным декоративным украшением из Луристана (западный Иран). Ранний железный век, X–VII век до н.э. Сложная декоративность – характерная черта луристанских бронзовых изделий. Потертости свидетельствуют о том, что мунштук был изготовлен не только для того, чтобы его положили как подношение в могильник (Британский музей).

пу – как показали последние исследования –1 км в год⁹. И к 5000–4000 гг. до н.э. земледельцы достигли района Украины. Земледельцы неолита постепенно ассимилировали аборигенов популяции мезолита, еще не овладевших приемами обработки земли. Решительный перелом в способах обработки и оказал глубочайшее влияние на ход истории.

Конная революция: украинский всадник

Приручение лошади и езда верхом оказали самое сильное влияние на ход истории человечества и развитие языка. И в державах доисламской Персии и Мидии, у ахеменидов, парфян и сасанидов – везде видны следы присутствия и развития первых всадников. Именно на Украине зародились традиции конников. И именно на Украине возник индоевропейский язык, каким он известен нам сейчас, распространившийся затем в Европу, Центральную Азию, Персию и Индию.

До того момента, как произошло приручение коня и появились наездники, дикие стада лошадей свободно перемещались по обширным пастбищам, протянувшимся от степей Украины до границ, где возвышаются горные цепи Тянь-Шаня и Монголии. Из-за того что пастбища истощались и травы редели, зубы лошадей при-

Бронзовые мечи
из Луристана. XI век
до н.э. (Р.Шеридан.
Древнее искусство
и архитектура).

способилась к тому, чтобы обходиться самыми скудными остатками растительности. В результате произошли изменения челюсти: между передними резцами и жевательными зубами возник промежуток, позволивший человеку найти остроумное приспособление – мундштук!

Результаты исследовательской деятельности последних лет доказали, что следы наездничества относятся к 4000 г. до н.э. – то есть намного раньше, чем считалось прежде¹⁰. И выяснилось, что человек сел на лошадь верхом именно на Украине еще до того, как в древнем Шумере (современный юго-восток Ирака и Кувейта) было изобретено колесо. Наиболее продуктивным в пересмотре этого вопроса оказалось открытие археологами останков зубов жеребца на Украине. Этим останкам примерно 6000 лет, а потертости и сколы свидетельствуют о том, что жеребец был взнуздан¹¹.

Пока еще не совсем ясно, каким образом люди, обитавшие на землях древней Украины, ловили диких лошадей: возможно, это было примитивное приспособле-

ние в виде веревки с петлей. Как бы то ни было, лошадь начали использовать в работе: она тянула повозки, тележки, очевидно, и колесницы, а также на ней скакали верхом.

То, что человек при помощи вставки между зубами лошади, а также ремней, опутывающих ее голову, приспособил скакуна для своих нужд, – самое замечательное из человеческих достижений¹². Приручение лошади и езда верхом принесли неоспоримую выгоду и дали массу преимуществ. Лошади давали молоко, их можно было в случае необходимости забить на мясо. На этих же лошадях можно было легче отслеживать пути миграции диких животных и отлавливать их. Охота на лошадях становилась делом более простым и безопасным.

Упрощался и вопрос перевозки тяжестей. Наличие лошадей позволяло намного расширить используемую территорию и передвигаться в отдаленные районы. Более всего это сказалось на возможности ведения военных действий. Воин на лошади получал преимущество в скорости, подвижности, внезапности нападения с несомненным превосходством над своими «безлошадными» соседями. Оседлое население с его процветающими центрами становилось чрезвычайно уязвимым при нападении стремительных воинов-всадников, легко преодолевающих границы государств и, в сущности, недоступных для ответного удара.

Индоевропейская курганная культура: военное общество

Переворот, вызванный тем, что человек оседлал лошадь, стал ключевым моментом в распространении курганной культуры – зародыша протоиндоевропейского языка и общества¹³. Протоиранцы стали творцами наезднической культуры на Украине, и ее основные особенности проявились как в охотничьих мотивах, так и в мотивах воина на коне у Ахеменидов, парфян и персидских Сасанидов.

Курганная культура воинов постепенно продвинулась на восток, в Среднюю Азию, где и появились арии. Успех курганной культуры – следствие военных преобразований, связанных с верховой ездой. Само слово «всадник» (equestrian) является производным от исконного индоевропейского слова (ekuо), которое переводится как «конь».

Появление ариев: Андроновская культура

В третьем тысячелетии до н.э. распространение курганной культуры в восточном направлении привело к появлению в бронзовом веке Андроновской культуры на Урале, граничащем с северной частью Каспийского моря и северной частью Центральной Азии на западе¹⁴. Именно в Андронове, расположенном в районе уральской реки Ситашта (Петровка), впервые были обнаружены следы присутствия протоариев с их протоарийским языком¹⁵. Их отличительная особенность – добыча руды в горах Алтая и то, что их поселения состоят из деревянных домов¹⁶.

Слово «арий» со староиранского языка переводится как «знатный», «господин», «свободный человек» и имеет мало общего с евроцентрическим учением о превосходстве нордической расы, которая была сформулирована в XIX веке расистским филосо-

фом Чемберленом. Археолог Дж. Р. Мэддори утверждает: «...как этническое обозначение слово [арий] по своей сути ограничивается индо-иранцами и наиболее уместно для обозначения более позднего периода, когда оно дало имя для страны Иран... великий персидский царь Дарий называл себя арийцем»¹⁷.

Индийцы слово «арии» употребляли по отношению к аристократам, а всю нацию они определяли как «бхараты» – обозначение, сохранившееся и по сей день. Право употребить название «арии» по отношению к себе вместе с иранцами имеет только часть древнего населения Европы – кельты и их потомки ирландцы.

Название «Иран» (дословно – «земля ариев») восходит к «арьянам» (множественная форма в языке «Авесть»). Позже оно перешло в «Эран/Эйран» и «Иран»¹⁸. Дополнительные современные свидетельства тому, как происходила трансформация слова, найдены в среде ираноговорящих потомков древних аланов в Республике Грузия и в России. Они известны как «осетины»¹⁹ и именуют себя «ир-он», а свое сообщество как «Иристон». Осетинское слово «истон» есть эквивалент иранского в Персии «истан» (например, Курдистан, Луристан и т. д.). Западные специалисты называют культуру ариев, которая восходит к Андроновскому региону, «индо-арийской» или «протоиранской», потому что индийские арии откололись от основной массы ариев, ставших иранцами (персы, мидяне, саки-скифы, аланы и т. д.).

Археологи выделили главные особенности культуры ариев на самых ранних этапах ее становления. Отличительная черта ариев заключается в обряде погребения, когда хоронят колесницу и лошадь. Колесница – важнейшая составляющая черта в арийских кастах Индии²⁰ точно так же, как и в ахеменидской Персии. В поздних *яштах* (персидские гимны) присутствуют многочисленные признаки культа коня – его священной роли²¹. Такие же традиции прослеживаются и в среде остальных иранских народов Средней Азии, например у массагетов²² и у армян на Кавказе²³. Герои-арии в Персии неизменно изображаются в момент схватки или в святилище, где совершается жертвоприношение²⁴. Эту традицию сохранили и арии, основавшие Ахеменидскую, Парфянскую и Сасанидскую империи²⁵. Луры на западе Иран, возможно, последние индоевропейцы наших дней, которые торжественно поклоняются божеству Коня, точно так же, как они блюдут и другие древние арийские обряды²⁶. Насыпные курганы-могильники воинов (мужчин и женщин), очень часто с их лошадьми, можно видеть в северо-западном Иране, особенно в Азербайджане.

Успехи ариев в приемах ведения войны

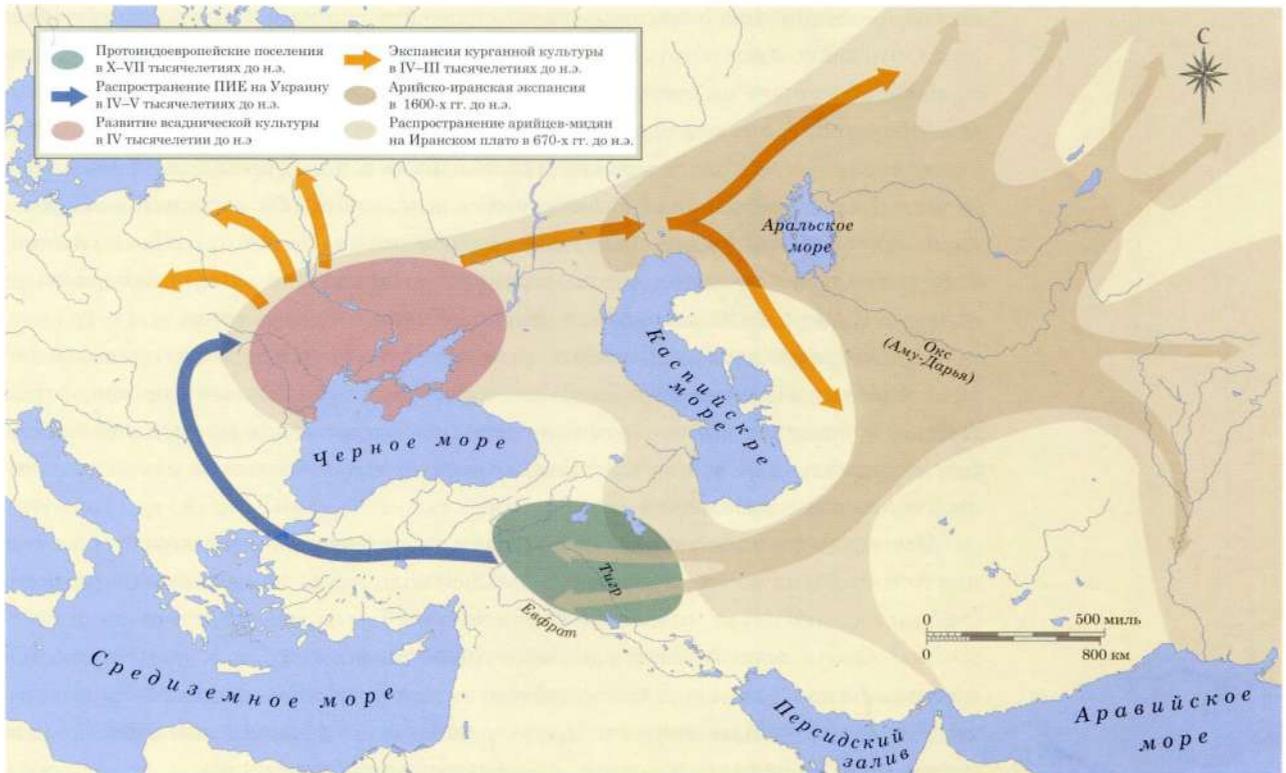
На заре цивилизации между Ближним Востоком и громадными евразийскими степями существовали тесные контакты. Новшества, появившиеся в одном месте, очень быстро перенимали в других регионах в результате торговых или военных операций. К третьему тысячелетию до н.э. шумеры (современный юг Ирака – Кувейта) соорудили помост из теса, который с помощью пазов устанавливался на четырех примитивных колесах²⁷. Эту повозку тащили за собой дикие ослы (онагры), запряженные грубым приспособлением из ремней на морде и шее, затруднявшим дыхание животного. Учитывая примитивную технологию и приличный вес самой повозки, наиболь-

шая скорость передвижения всего этого сооружения – 12–15 км в час. Шумерская колесная технология быстро распространилась по Ближнему Востоку, Индийскому полуострову и в Европе.

Нет сомнения, что шумеры благодаря торговле имели связи и с ранней курганной эпохой²⁸. Так, колесо появилось на Украине²⁹, а затем распространилось в послекурганной культуре – Андроновой, что послужило толчком к изобретению военной колесницы³⁰ ариев во втором тысячелетии³¹. В последние годы было обнаружено множество колесниц в захоронениях Синташта-Петровка (нынешний Казахстан)³². Там же были обнаружены и самые ранние образцы, признанные как исходные колесницы ариев³³. Большая часть ученых соглашаются в том, что военная колесница внедрялась на Ближний Восток завоевателями – индо-ариями, хититами и гиксосами, – двигавшимися с Иранского плато, из Анатолии и Средиземноморья в указанном порядке³⁴.

Изначально задуманная для охоты, арийская военная колесница изготавливалась из легкого прочного дерева, помост сооружался из прочного кожаного плетения, способного выдержать вес возницы и стрелка из лука. Каждое колесо весило не более 27 кг. Передок получил полукруглую обтекаемую форму, позволяющую сводить на нет сопротивление воздуха. Скорость лошади в сочетании с легкой повозкой в итоге дали поразительный результат. Новая колесница стала намного стремительнее и более подвижной, чем шумерская предшественница. Она дала три бесспорных преимущества в военных действиях против пехоты: скорость, приподнятую над землей

Курганная и арийская культуры, 10 000–670 гг. до н.э.

платформу для стрелка из лука и мобильность. Сочетание этих элементов приносило потрясающие результаты. После того как началась выплавка бронзы, воины курганной культуры получили более надежное, долговременное и прочное вооружение – мечи и наконечники для стрел, – чем их противники, которых они захватывали во время своего продвижения с Украины. Кинжалы, ставшие более удобными, чем в период раннего бронзового века, удлинились, приняли форму меча. Множество таких кинжалов-мечей найдено в Луристане (западном Иране).

Лук и стрелы, использовавшиеся как оружие, можно проследить до 50 тысяч лет назад в раннем палеолите и в Ориньякском периоде (поздний палеолит). Лук – первое механическое приспособление, увеличивающее мускульное усилие, а стрела трансформировала эту потенциальную энергию в кинетическую. Первые луки делались из прямых древесных веток или какого-либо другого гибкого материала, и два его конца соединялись тетивой. Прототипы сложных видов луков найдены в районах Средней Азии и Египта. Но мы не будем здесь затрагивать тему Египта в силу того, что воины-арии уже владели составными луками, когда достигли Ирана и Индии. Тем не менее нет полной ясности в вопросе о том, существовала ли эта технология в Средней Азии до того, как представители курганной культуры появились в этих местах. На данный момент представляется совершенно очевидным, что луки хорошо известны представителям курганной культуры на Украине, свидетельством чему служит современное английское слово «arrow», которое восходит к индоевропейскому корневому слову *arkw* (буквально – «поклон», «сгибаться»)³⁵.

Составные луки эпохи бронзового века стали подлинным эволюционным скачком по сравнению со своими палеолитическими прототипами. Разница заключается в том, что такие луки изготавливались из нескольких различных материалов, а не из какого-то одного³⁶. Составной лук позволил увеличить скорость полета стрелы, ее убийственную силу, а также протяженность полета до 90–180 м. Сложносоставной лук также повлиял и на стрелы, они стали разнообразнее. Хотя преимущество составных луков в боевых операциях не вызывало сомнения, время их изготовления и дороговизна оставались высокими по сравнению с обычными. Как бы то ни было, именно сочетание сложносоставных луков с колесницами обеспечило мощное продвижение ариев на Иранское плато, Ближний Восток и Индийский полуостров.

Стремительность, подвижность и огневая мощь – не только эти качества обеспечивали победу и выживание в бою. Воинство нуждалось в защите от ранений – стрел и мечей противника. Первые доспехи появились уже у ранних ариев, в особенности тех, кто прибывал с Ближнего Востока, и они состояли из бронзовых или медных колец, пришитых на кожаную основу.

Эти «бронжилеты» тоже были трудными в изготовлении и достаточно дорогими для того, чтобы их могли поставлять в большом количестве, поэтому ими можно было снабдить далеко не все многочисленное воинство. Тем не менее доспехи стали зачаточным образцом для будущей массовой военной технологии. Эта структура осталась неизменной до III века до н.э., когда Ахемениды встретились лицом к лицу с гоплитами Александра Македонского. И только во время парфянской династии иранцы смогли вывести на поля сражений весьма защищенную кавалерию.

Захват ариями Иранского плоскогорья

Регион Андроновой культуры – от восточной Украины, Понтийско-Каспийского района и большей части Казахстана – стал тем ядром, откуда началась великая экспансия ариев. Первоначально арии двигались в восточном направлении в Среднюю Азию и уже оттуда сместились в сторону Иранского плоскогорья, к югу; главный маршрут шел со стороны нынешнего Хорасана к иранскому северо-востоку. Из Хорасана арии распространились в западную часть Азии, достигнув Хурриана и семитского мира. Миграция арийских племен в западную Азию шла двумя различными волнами.

Первые отряды ариев, проникнувшие в западную Азию, еще нельзя считать полным переселением народа. На тот момент арии еще не выделили индийскую ветвь, получившую название индо-ариев. Миграция шла также в Месопотамию и Сирию. Наиболее знатные воины (марьянну) обосновались в той части, которая ныне входит в северную часть Сирии, Ирака и юго-восток Турции. Это произошло за 1500 лет до н.э., и этот регион находился под управлением королевского дома Хурриана. В результате слияния местного населения и пришельцев образовалось царство Миттани. Марьянская аристократия поглотила хуррианский правящий класс. Подобно первоариям они сражались, используя луки, носили прочные кольчуги, мчались на колесницах и собирали по крупицам знания о лошадях и колесницах, благодаря чему и мог появиться такой труд, как «Трактат Киккули». Текст, который ведет свое происхождение от тех же самых ариев Средней Азии, которые создали иранскую «Авесту». Как и в гимнах «Авесты», в «Трактате Киккули» даются подробные наставления относительно возничего и обращения с колесницами. Руководство считалось столь важным, что его перевели на аккадский – семитский язык, которым пользовались как в Вавилоне, так и в Ассирии.

Вторая волна ариев полностью изменила этнический состав всего ареала от восточной части древней восточной Месопотамии до Афганистана. Таким образом, первая решающая миграция и колонизация Иранского плоскогорья произошла в железном веке, или 1000–800 гг. до н.э. Эти арии шли в Западную Азию, достигли горной цепи Загрос и оттуда распространились по нынешнему иранскому Курдистану, северному Ираку, Азербайджану на иранском северо-западе и оказались в древней Гиркании (север Ирана). Ассирийские тексты середины IX века до н.э. содержат упоминания о мидийцах и персах³⁷. Другие иранские народности, такие как партава (парфяне), согдийцы и бактрийцы, появились на северо-востоке Иранского плоскогорья³⁸. Эти арии дали расцвет языкам, культуре, мифологии и военным традициям ахеменидов, парфянов и сасанидов Персии. Средняя Азия продолжала сохранять различного рода связи с Персией, и одна оказывала влияние на другую, причем влияние было взаимным, в результате чего впервые в мире появились по-настоящему вооруженные рыцари.

Долговечность наследия ариев в Иране

Подобно переплетению нитей в узорах иранского ковра, нынешнее население Ирана – богатая смесь языков, генетических профилей и этнических особенностей – следствие последующих волн вторжений арабов, тюрков и монголов. В современном

Иране легко можно увидеть белокурых азиатов или представителей южной Азии. Поэтому любая попытка серьезно провозгласить иранцев «чистой» расой – сама по себе является оксюмороном. Те арии, которые мигрировали в Элам, конечно, пережились с местным населением, на что указывает появление ахеменидской «бессмертной гвардии» в Сузе, большинство представителей которой отличает заметно более темная окраска кожи, соответствующая эламо-дравидам доарийской Индии.

И хотя для иранцев характерно расовое многообразие, очень сильный арийский элемент выдержал испытание временем. Что особенно бросается в глаза в селениях и группах кочевников на Иранском плоскогорье (т.е. район Ахмад Кокелу-Бойер), в северном Иране (Талиш, Гилан, Мазандаран, Горган), турецкоговорящем северо-западе (Азербайджан) и западном Иране (Курдистан и Луристан). Превосходные, но немногочисленные генетические исследования на Ближнем Западе в конечном счете подтвердили дополнительно то, что историки, лингвисты, этнографы и археологи давно подозревали в течение столетия: многие иранцы и армяне делят с европейцами общий генетический фонд³⁹. Исследовательская группа, возглавляемая профессором Мартином Рихардом, обнаружила, что генетический профиль курдов, азербайджанцев и армян – «производный тип от европейцев и типов Северного Кавказа»⁴⁰. Европейский генетический профиль обнаруживается крайне редко или вообще не существует среди арабов⁴¹. Заключение исследователей состоит в том, что найденное «не является неожиданным для историков и лингвистов»⁴². Немногочисленные генетические исследования британских и иранских ученых также обнаружили следы уникального генетического наследия, которые датируются десятым тысячелетием, что служит дополнительным свидетельством: современные азербайджанцы генетически не связаны с турецким народом, несмотря на то что турецкий язык у них на данном этапе является преобладающим⁴³. Но эти исследования требуют продолжения, так как группа Рихарда не затронула Балухей, персов и северный Иран⁴⁴. Однако прежние результаты большого числа антропологических исследований в северном Иране и групп кочевников в Иране, проведенные в 1960–1970 гг., подтверждают те же самые открытия, к которым привели генетические исследования Рихарда⁴⁵. Ученые пришли к выводу, что Средний Восток обладает большим генетическим многообразием, чем Европа, что неудивительно, если учитывать его соседство с Европой, Африкой и Азией. Это говорит о том, что термин «Средний Восток» – искусственное образование, не имеющее никакого отношения к научной терминологии, и является всего лишь следствием имперских интересов Британии XX столетия. Термин «Средний Восток» также проистекал из глубочайшего недопонимания в идентификации Ирана и иранцев, в особенности в Северной Америке, где почти 90 процентов населения, включая ученых и политиков, не подозревают об арийском наследии Ирана⁴⁶.

Экспансия ариев в Индию, Монголию и Китай

Второе великое разделение ариев произошло в момент их вторжения в Индию, где осела арийская аристократия, в особенности в северном регионе (так называемый Пенджаб и Кашмир). По этому поводу Хиз заметил: «Первое главное вторжение (в

Луристанский «топор» с рукояткой. X–VII века до н.э. Лезвие образуется из головы неизвестного животного. Так называемый звериный стиль, а также мотивы охоты и молитвы на разного рода изделиях появились в Персеполе. В изделиях скифов в Европе проявляются приемы греческих мастеров. Рисунки животных продолжают украшать сасанидскую геральдику и батальные флаги с III по VII века н.э. (Британский музей).

Индию) проделали воинственные племена ариев, которые принесли в эту страну лошадей, колесницы и сложно-составной лук из Ирана»⁴⁷.

Это вторжение на Индийский полуостров совершила часть ариев Иранского племени. Арии спускались с Гиндукуша, гор в Средней Азии. Более развитый Мохенджо-Даро – укрепленный город-государство в доарийском Пенджабе, Синде и Кашмире – и прилегавшие к нему селения не были готовы встретить вызов ариев. Местному населению нечего было противопоставить в военном отношении колесницам, бронзовым орудиям, снаряжению, кольчугам и сложносоставным лукам ариев. В результате эламо-дравидская цивилизация Мохенджо-Даро и Харрапы была повергнута и поглощена завоевателями. Следствием успешного вторжения стало полное доминирование арийского языка, культуры и мифологии в Индии. Как и на Ближнем Востоке, в Греции и в континентальной Европе, захватчики-арии принесли побежденным свои технологии.

Варварское и разрушительное нашествие ариев было настолько мощным, что городская жизнь в Индии прекратила свое существование почти на два столетия. Это не случайность, что арийское божество, которое связывается с разрушительным началом, – есть не кто иной, как Индра, разрушитель крепостей, разъезжающий на мистической колеснице. В Персии пророк Зороастр перевел Индру в низшую сферу – сферу демонов – и переименовал его в Индара.

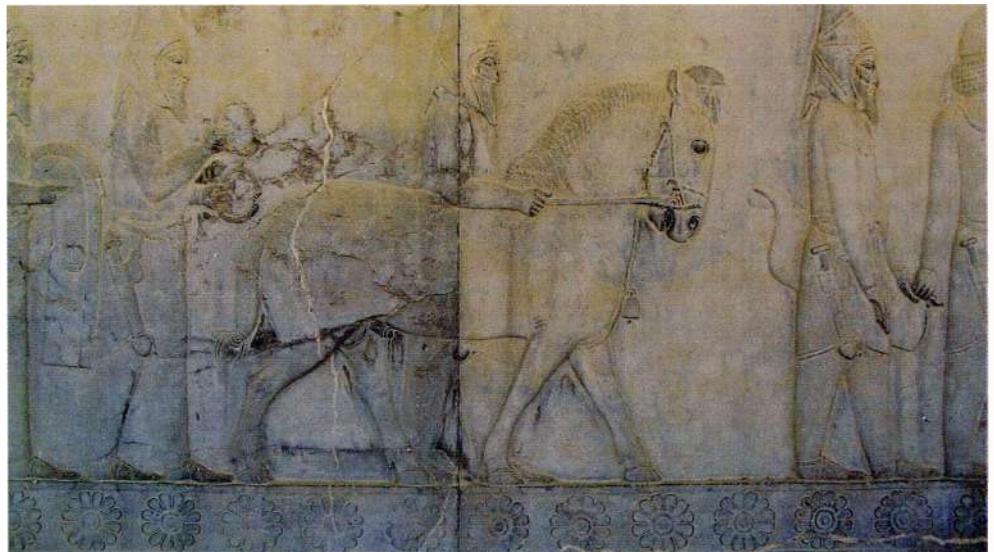
Через район Алтая арии проникли дальше – в западную Монголию и северо-западный Китай. Свидетельства этого переселения были скрыты почти до самого конца XX столетия, пока в тех местах не была найдена мумия с характерными кавказскими признаками. И что наиболее интересно: вместе с мумией была найдена одежда в зороастрийском стиле – остроконечная «ведьмовская шляпа»: точно такую носили маги-зороастрийцы в Персии и Мидии⁴⁸. Подобные же головные уборы носили сакки-тиграхауда у Ахеменидов⁴⁹. На одежде мумии также найдены символы и знаки высокого происхождения, характерные для Персии⁵⁰.

Погьем саков (скифов)

Арии из Андроновского ареала продолжали мигрировать в западном направлении в Среднюю Азию между 1600–1200 гг. до н.э. Они говорили на наречии, близком к древнеиранскому языку «Авесты»⁵¹. Эти племена известны в истории как саки или скифы. Слово «саки» ведет свое происхождение от древнеиранского слова «стрель»⁵². Они разделялись на три группы: саки-тиграхауда, саки-сугдамы и саки-хаумаварга. Название «тиграхауда» (т. е. «саки в колпакообразных шляпах») было связано с высокими кожаными головными уборами, похожими на те, что носили древние кельты в Уэллсе. Саки-сугдамы обитали за Согдианой. Саки-хаумаварга (т. е. «варящие хаому») назывались так, потому что это слово ведет происхождение от священного напитка зороастрийцев *хаома* (*сома* у ариев Индии).

В IX веке до н.э. имела место и миграция ариев в западном направлении, от западного региона (Срубна) из Андропова к Понту и на Украину⁵³. Первая волна киммерийцев (древнеиранское название для жителей побережья) несла с собой и первых ираноговорящих номадов железного века, которые пришли в основном из Понтийско-Каспийских степей. Затем последовала другая группа саков, известная в ираноговорящем мире как саки-парадрайя или «саки за морем», имеющих отношение к тем племенам, что жили за Черным морем. У греков и европейцев за ними закрепилось наименование «скифы»⁵⁴. Вполне возможно, что и фракийцы, которые появились на северо-западе Древней Греции, также имели отношение к иранскому субстрату⁵⁵, однако их индоевропейский язык ближе к древней Иллирии (современная Албания в Европе) и дакам (современная Румыния), чем к иранскому. Наследие скифов проявляется в иранских названиях таких великих рек в Восточной Европе, как Дон (вода), Донец, Днепр (Дальняя река) и Днестр (Ближняя река).

Саки, мигрировавшие в Центральную Азию, стали известны как сауроматы, а позже сарматы, аланы и массагеты. Их родина – степи, раскинувшиеся западнее Волги и Дона⁵⁶. Они появились в позднем бронзовом и раннем железном веке. Линг-

Сакские воины, вооруженные короткими мечами без ножен, приносят дары в честь празднования Новруза в Персеполе. Саки (скифы) были чрезвычайно востребованными в ахеменидской коннице (Ливан).

висты и антропологи⁵⁷ относят их к северным иранцам в связи с тем, что они продолжали пользоваться авестийским языком и развивали его⁵⁸, пока он не растворился в среде тюркоговорящих народов к IV столетию н.э.⁵⁹ Авестийский или древнеиранский язык в западной Азии продолжал видоизменяться в течение тысячелетий и превратился в такие современные иранские языки, как персидский, курдский, балучи и лури. Потомки северных иранцев – осетины на Кавказе, продолжают говорить на дигорском и ирон наречии – последнем выжившем варианте древнего авестийского языка⁶⁰. Говорящие на пушту тоже относятся к потомкам северных иранцев.

Скифы: оружие и обработка металла в Европе

Первые образцы вооружения в достаточно представительном объеме были найдены в иранских могильниках скифов или саков в Сибири. И датировка их относится к промежутку между V и II веками до н.э.⁶¹ В этих могильниках имеются три различных типа вооружения, главным образом осколки или пластины, доспехи и даже кольчуги, свидетельствующие о том, как долго все это развивалось, прежде чем подобного рода вооружение стали использовать в Европе пехотинцы и всадники. Доспехи для наездников продолжали постепенно совершенствоваться в среде ираноговорящих саков на Украине и в Средней Азии. Эти достижения оказали огромное влияние на их потомков в Персии.

Усовершенствованные виды вооружения распространились в западном направлении – в нынешнюю Россию и на Украину⁶², и этот процесс, в свою очередь, оказал сильное влияние на Европу. В своих работах Лозинский утверждает: «Пристальное изучение луков и доспехов свидетельствует: такой тип оружия и доспехов появился в Европе под влиянием Азии в течение первого тысячелетия н.э.»⁶³ Распространению этого новшества мы обязаны носителям языка «Авесть», который превалировал на огромном пространстве от Европы до Сибири. Но в Сибири его поглотили юэчжи (потомки урало-алтайцев), а столетие спустя их потомки – племена гунно-тюрков. Многочисленные находки, сделанные в XX веке, дают ключ к тому, как происходило продвижение этой технологии в Евразию⁶⁴. Именно вышеупомянутые типы вооружения, имевшие место у саков-парадравов, распространились среди населения нынешней России и Украины, а затем уже были переняты в центральной Европе и Скандинавии⁶⁵. Нет сомнения, что именно этот тип вооружения оставался неизменным по крайней мере до X века н. э.⁶⁶ Осознание роли «восточного» влияния на древние традиции металлургии и развития вооружения в Европе получает все более широкое распространение в западной историографии. Так, например, общераспространенной ошибкой было утверждение, что железный плуг является несомненным изобретением «европейцев», в то время как в действительности впервые он появился в среде ираноговорящих народов столетиями раньше⁶⁷.

Мидийцы и персы

Арийские племена, в особенности мидийцы, превалировали на Иранском плато в IX веке до н.э. Можно смело утверждать, что если бы не Мидия, то пришедшая ей на смену Персия, от Ахеменидов и до нынешнего Ирана, никогда бы не возникла как

таковая. И хотя многие обитатели Ирана утверждают, что они и есть потомки мидийцев, истинные их наследники – это нынешние курды и азербайджанцы Ирана. Мидийцы были наиболее могущественными племенами, занявшими Иранское плато, именно они сумели противостоять ассирийцам с их кавалерией. Мидийцы не одни прибыли в западную Азию, они шли вместе с близкими родственниками – арийскими племенами, известными как парсы или персы. И во время нашествия этих главных иранских племен – мидийцев и персов они вступали во взаимодействие с множеством народов Кавказа и южного Ирана.

Западный Иран до появления там арийцев был населен самыми различными представителями кавказской расы, западноазиатских и эламо-дравидских народов. Мидийцы столкнулись с представителями Урарту, маннеями, кути, луллуби, кадузами, в то время как персы (позже переместившиеся к юго-западу) поглотили эламитов с их продвинутой цивилизацией⁶⁸. Большая часть этого региона в 600-х гг. до н.э. пришла в упадок вследствие постоянного нападения, военного преобладания и политического влияния Ассирийской империи. А население мидийцев и персов на плато значительно выросло и окрепло благодаря открытию ирригационной технологии – *ganat*, которая позволила оросить многие засушливые районы Иранского плато и начать там сельскохозяйственную деятельность. Именно эти достижения дали возможность арийцам захватить регион и поглотить остатки населявших его народов (западноазиатских и эламитов).

Первое упоминание в истории названия «мада» (или мидийцы) принадлежит ассирийскому царю Шальмансеру III (858–824 гг. до н.э.). Геродот, писавший в V столетии до н.э., перечисляет шесть различных племен мидийцев, населявших западный Иран и внутреннее Иранское плато⁶⁹. Парсы сначала обосновались в том же районе, что и мидийцы – нынешний западный Иран, особенно в нынешнем Керманшахе (иранский Курдистан). Последний раз о парсах в районе Керманшаха говорит ассирийский царь Саргон II⁷⁰. Любопытно, что в следующий раз о них высказался Синанхерб (705–681 гг. до н.э.), который помещает парсов к югу – недалеко от Аншана, – как союзников, настроенных против ассирийцев-эламитов (в нынешнем Иране – Хузистан и Фар). Причины, по которым они перебрались с северо-запада на юго-восток Ирана, пока не выяснены. Возможно, что среди парсов, продвигавшихся с мидийцами на запад Ирана, выделилась группа, которая направилась в Элам, на юго-запад⁷¹. Более интересным представляется толкование слов «Паросуа», «парсы», «Парфия», которое ведет свое происхождение от древнеиранского *parasaва* (дословно – «граница», «сторона», «ребро»)⁷². В таком случае персы были пограничными жителями Мидии. Парсы в Мидии, парсы, обитавшие на границе Элама, и жители пограничной Средней Азии – парфяне – располагались по краям империи мидийцев. Нечто подобное наблюдается в названии «Украина», которое на языке славян обозначало «пограничная». Лингвистическая гипотеза относительно *parasaва* не является бесспорно принятой всеми, но что считается безусловным, так это их культурное и лингвистическое родство, то, что мидийцы и парсы очень близки в культурном и лингвистическом отношении. Эту близость отмечал еще Страбон, который писал: «Персы и мидяне... говорят примерно на одном и том же языке с небольшими различиями»⁷³.

Нападения ассирийцев

Империя ассирийцев (1813–612 гг. до н.э.) на тот момент была чрезвычайно могущественной в военном отношении. Она далеко шагнула вперед в архитектуре, искусстве, технологиях и военном деле, оказав влияние на цивилизации Ближнего Востока, особенно на Вавилон. Многие из ее достижений переняла империя Ахеменидов (мидийцев и персов) и положила начало обоюдному культурному взаимодействию между средиземноморцами и западной Азией на тысячелетия вперед.

Ассирийцы совершали военные набеги на Египет, Среднюю Азию и на Кавказ, откуда они привозили добычу – пленников и их имущество. В ассирийских надпи-

Стела в честь победы у Нарам-Сина, на которой изображен поход аккадского царя против большого числа воинов из западного Ирана – это могли быть курды или мидяне. Стела из розового известняка. 230 г. до н.э. Оригинал находится в Месопотамии, найден в Сузах, Иран (Эрих Лессинг).

сях есть свидетельства того, что они привезли около 4,5 миллиона людей на родную землю между 750 и 620 гг. до н.э. И этих пленников расселили, разбросав по всей западной Азии. Хотя цифра представляется сильным преувеличением, эти сведения позволяют объяснить присутствие общин евреев в Вавилоне в период захватнических выступлений Великого Кира. Ассирийцы изгоняли евреев к мидийцам во время правления Саргона II и Сенанхерба, что сказывается и по сей день – тысячелетия спустя – общины евреев присутствуют в Иране и особенно в Хамадане⁷⁴.

Ассирийский царь Шальмансер III совершал походы и на Иранское плато, где происходили сражения с мидийцами и персами. Царица Семирамида и ее сын Адад-Нерари III (811–783 гг. до н.э.) возглавили широкомасштабные походы в Иран. Эти походы не прекратились и с восшествием на престол Теглат-Фалласара III (745–727 гг. до н.э.). К этому времени арийские племена сильно укрепились на плато. Царство Элам на юго-западе Ирана также привлекало военное внимание ассирийцев. Между 743 и 730 гг. до н.э. Теглат-Фалласар организовал большие кавалерийские походы, глубоко проникая во внутренние районы страны на ее северо-западе – возле нынешнего Тебриза⁷⁵.

Экономические причины объясняют причину таких рейдов в Иран. На настенном рельефе в Нимруде видно, что мидийцы подносят дань ассирийцам в виде лошадей – отдававшим особенное предпочтение особой породе – мощных и выносливых скакунов из Несейи. Выгодные торговые связи, которые пронизывали все Иранское плато, тоже становились источником раздора между ассирийцами и урартинцами⁷⁶.

Влияние иранцев на кавалерию ассирийцев

Ранние конные войска Ближнего Востока должны были иметь двух ездоков: один держал поводья, другой стрелял из лука – точно так же, как и на колесницах присутствовала пара воинов. Интересно, что ранние арабские отряды на верблюдах, которых

Ассирийские стрелки из дворца Саргона II в Хорсабаде, VIII век до н.э. Поздние мидо-персидские лучники были объединены Ахеменидами с отрядами ассирийских стрелков и пехотинцев, которые должны были, но не сумели противостоять голлитам греков (Сильвио Фиоре).

нанимали ассирийцы, а потом Ахемениды использовали их как союзников, тоже состояли из пары воинов – наездника и стрелка. Арийцам принадлежит нововведение в воинском искусстве – стрельба из лука с лошади, – которое было применено еще в начале железного века (возможно, и ранее). И это искусство заключалось в том, что наездник одновременно управлял лошадью и стрелял из лука. Это новшество распространилось среди арийцев всей Центральной Азии, Украины и Иранского плато в конце первого тысячелетия до н.э. Возможно, первое изображение всадника мидийцев – «парфянского стрелка», когда наездник на полном скаку стреляет из лука, – находится в ассирийском дворце Нимруд⁷⁷. Теперь колесница переходила в разряд устаревшего средства. Арийский всадник становился и наездником, и стрелком одновременно: более подвижным, стремительным, проворным, чем колесницы, особенно на пересеченной местности. И это превосходство арийцы жестко продемонстрировали ассирийцам в 704 г. до н.э., когда царь Саргон II был убит в сражении против киммерийцев на северной границе. Нет сомнения, что в начале первого тысячелетия до н.э. «ассирийская армия состояла в основном из пехотинцев»⁷⁸, в отличие от иранской, пускавшей в ход конницу, способную «нанести поражение менее маневренным ассирийским колесницам»⁷⁹. Неудивительно, что еще до 679 г. до н.э. ассирийцы в конечном счете прекратили свои попытки вторгнуться в Киммерию. Военачальники-ассирийцы осознали, что они должны спешным образом преобразовать свою кавалерию, чтобы удержать ариев на побережье. И первым шагом в этом направлении стало использование киммерийцев как наемников в своем войске⁸⁰. В самом начале VII века до н.э. ассирийские всадники овладели искусством езды и стрельбы верхом. Раннеассирийские всадники были оснащены составным луком, мечами и, возможно, чем-то вроде булавы, но у них не было доспехов, кроме бронзового шлема и круглого щита. Ассирийская конница развилась в более искусную и грозную военную силу, и уже при Теглат-Фалласаре III у воинов появились латы и копьё. Саргон II вывел на поле сражения 1000 конников. Позже ассирийские всадники в Эламе в 655 г. до н.э. уже были облачены в доспехи, ноги у них тоже были защищены, а наряду со сложными луками у них были пики.

Мидийцы, согласно ассирийским хроникам, выставили против них наездников с луками, отдававших предпочтение тактике стремительных бросков и отступлений. Именно из-за этой тактики ассирийцы вынуждены были совершить перевооружение своей конницы. Мидийцы, кроме того, выставили конницу саков, в которой воинов защищали пластинчатые доспехи⁸¹. Однако ассирийцы по какой-то причине не перешли на новый тип вооружения.

Мидийское царство

Первым правителем независимого царства мидийцев стал Дайукку (Денак), хотя относительно степени его значимости в становлении царского дома существуют различные противоречивые мнения. Конечно же, его влияние на Иранском плато не распространялось за пределы Мидии и Персии, а ограничивалось районом, который располагался на северо-западе Ирана⁸². Дайукку, как о нем говорится в надписях Саргона «Дайукку

из Миси» (провинция маннеев), был сослан вместе со своей семьей Саргоном II в Сирию в 715 г. до н.э. Саргон II распространил владычество ассирийской империи до «отдаленных гор Бикни» (горы Демаванд – недалеко от Тегерана) в 715–713 гг. до н.э. и возвел сторожевые заставы, одна из которых называлась «Тах-а-Ран», в настоящее время Тегеран, что на арамейском языке означало «место, куда следует вернуться». Саргон также образовал ассирийские окраинные районы в управляемом мидийцами Иране. Но этот успех не получил дальнейшего развития из-за мидийских и персидских всадников-лучников, проявивших себя в сражении на Иранском плато. Ассирийская конница так и не достигла необходимого уровня для того, чтобы одержать верх над своим противником – ариями, которые утвердили свое превосходство на большей части западной Азии. Ассирийцы оказались не способны разбить и горную пехоту мидийцев – партизан, которые вели бои на территории современного Азербайджана и Курдистана, – предтеч нынешних *пешмерга* (воинов-смертников)⁶³.

Тяжелая восьмиступная колесница ассирийцев. Ее изображение – VII век до н.э. – сохранилось в Ниневии. Превосходство над такими колесницами доказала конница мидян (Роджер-Вайоллит).

Бронзовое кольцо для упряжи из Луристана, X–XVII века до н.э. (Британский музей).

К середине VII века до н.э. мидийцы сумели не только восстановить свое царство, но и распространить его под управлением Фраорта (Фравартиш) (674–653 гг. до н.э.), который овладел Персией⁸⁴. Среди его достижений – строительство столицы мидийцев Экбатана (Хамадан). Тщательные раскопки археологов дали основание утверждать, что мидяне того периода были весьма искусными инженерами, о чем свидетельствуют руины Нуш-е-Джан и другие дворцы, например в Кенгавере (иранский Курдистан), Мелайер (провинция Хамадан) и Боруджерт (Луристан) в западном Иране⁸⁵.

Появление скифов (652–625 гг. до н.э.)

Скифы (саки парадрайя) захватили Крым в 780–750 гг. до н.э., где они окружили и разрушили ядро киммерийцев на Украине⁸⁶. Уцелевшие киммерийцы, преследуемые скифами, добрались до Кавказа, где они в 710 г. до н.э. основали царство Урарту. Из Урарту киммерийцы передвинулись на Ближний Восток, откуда скифы в течение 30 лет сумели отгеснить их к границе могущественного царства Ассирии. В конце концов киммерийцы обосновались в Анатолии, большей частью в Каппадокии и Фригии. Потомки киммерийцев, выдержавшие испытание временем, обитают в Крыму (юг Украины), на побережье Черного моря.

Подобно киммерийцам, отступившим под натиском пришельцев, скифы двигались на Ближний Восток через Кавказ, о чем свидетельствуют остатки наконечников от стрел, найденные в древнем дворце урартинцев Кармир-Блур в Армении⁸⁷. Скифы шли через Дербентский проход, и пути их следования выявлены на берегу озера Урмия в Азербайджане. Похоже, что они намеревались достичь границы с Ас-

сирией в 650 или 640 г. до н.э. Не в состоянии противостоять мидийцам на Иранском плато, ассирийцы заключили военное соглашение со скифами⁸⁸. В результате армия мидийцев под предводительством царя Фраорта была атакована и разбита в иранском Азербайджане скифами, которыми руководил Мадий – сын скифского царя Партатуа⁸⁹. Господство скифов закончилось весьма драматически: царь мидян Киаксар (сын Фраорта) пригласил скифскую знать на пир (625 г. до н.э.) и убил их всех до единого⁹⁰. Киаксар сумел использовать образовавшийся вакуум власти, так как ассирийцы на Иранском плато утратили свое бывшее могущество.

Большинство ученых соглашаются с тем, что этнический характер иранцев и скифов, а также их языки находятся в родстве с мидянами и персами⁹¹. Как пишет Коттерел: «...родство скифов (саки) и персов более всего обнаруживается в том, что они говорили на близкородственных языках и понимали друг друга без переводчиков»⁹².

У скифов, ставших союзниками мидян и персов Ахеменидской империи, а потом и союзниками парфянской династии (247 г. до н.э. и 224 г. н.э.), прослеживаются коренные связи с ними. Близкая материальная, лингвистическая и интеллектуальная культура мидо-персов со скифами отмечалась еще в греко-романских источниках⁹³. Жившие по соседству с иранцами народы, не имевшие отношения к ариям, судя по всему, не делали различия между мидянами и скифами⁹⁴.

На тот момент культура ариев, снаряжение всадника, его вооружение отличает поразительное единообразие на Кавказе, в Иране и на Украине. Археологические раскопки подтверждают, что скифы использовали трехгранный наконечник для стрел, и образцы таких наконечников найдены в курганных захоронениях на Украине и на всем пути от иранского Азербайджана до западного Ирана. Подобный тип наконечников использовали и позже – в армии ахеменидской Персии. Иранское или арийское влияние на Ассирию, в том числе и на Вавилон, проявляется в особенной формы (остроконечных) шлемах, известных у вавилонян как *карбалатту*. Эта форма шлема – характерная черта Ахеменидской конницы мидо-персов⁹⁵. Геродот, описывая одно из скифских племен, которое находится в Мидии, дает прямой перевод с иранского слова *тиграхауда* (остроконечная шапка)⁹⁶. Дьяконов отождествляет их не только с обитателями Средней, но и Малой Азии, которые оставались там еще и при византийцах⁹⁷. Ассирийцы, теснившие к северу жителей Урарту, неожиданно встретили на своем пути воинов, которые, как и они сами, использовали бронзовые наконечники для стрел по типу скифских⁹⁸. Иранский (или арийский) тип обмундирования всадника (т.е. кожаные пластины) утвердился позже и у вавилонских конников Набонида⁹⁹.

Луристанская бронза и производство железного оружия

Существует огромное количество мест, чрезвычайно важных для археологов, которые указывают на период до и после появления арийцев: Хасанлу, Сиалк, Курвин, Калураз, Гейтарих, Марлек и Луристан¹⁰⁰. Ремесленники в этих местах изготавливали великолепное оружие, которое оказало огромное влияние на военное производство Ближнего Востока и в особенности на соседнюю Месопотамию. Достижения этих районов и сыграли главную роль в подъеме мидян и Ахеменидской империи. Объе-

Мидийская империя в 550 веке до н.э.

мы книги не позволяют мне углубиться в рассмотрение всех сторон этой деятельности, поэтому я позволю себе сделать лишь краткий обзор развития искусства и технологии Луристана.

Луллубы (современный иранский Курдистан и Луристан) соприкасались с семитскими народами на западе и с касситами на юге. Поскольку пока неизвестно, каким языком они пользовались, думается, что они отличались от семитского и уррианского мира. На севере луллубы граничили с каспианами-кадусиями, обитателями Каспийского моря, с урартинцами на Кавказе и уррианами на севере Ирака¹⁰¹. Ощущая свою силу, луллубы бросили вызов Аккадской империи. Их отношения особенно обострились в 2300–2200 гг. до н.э., до прихода мидо-персов. Но к началу 600 г. до н.э. луллубы полностью растворились в империи мидян. Их потомки остались среди западных иранцев, что чувствуется в названии «Лур» и «Луристан», как и в названии «лулли» курдского племени¹⁰². Луристан – одно из важнейших мест, поскольку именно там находится главный культурный центр, где развивалась арийская мифология, искусства и военная технология.

Именно в Луристане, Мидии и Курдистане появилось огромное количество лавок, где продавались изделия кузнецов, использовавших самые «современные» приемы (так называемый гармоничный стиль – см. ниже). В западной Персии и в Луристане в особенности появилось новое поколение горнов, при помощи которых можно было поднимать температуру до точки плавления металла. Добыча руды быс-

тро распространилась в тех районах, где имелись природные ресурсы, – в западной и северной Персии. Луристанские клинки служили образцом для ремесленников. Исследование луристанских клинков выявило, что они практически не имеют окалины (менее 4 процентов железных окислов) и углеродный состав остается однородным. Они заложили основу традиционных методов досовременной металлургии, и нам до сих пор неизвестно, как ремесленники Луристана могли поддерживать постоянную высокую температуру (т.е. 1400 градусов в течение 40 часов), необходимую для производства таких клинков. Короткие мечи высочайшего качества начали появляться среди арийских племен северного Ирана в 1000 г. до н.э. К 900 г. до н.э. протоперсидские арийские племена изготавливали уже такие короткие мечи с рукоятью, которые выдерживали удары в сражении лицом к лицу с противником. Такого же уровня изделия были найдены в Древней Греции, Сирии и на Украине. Тысячелетие спустя сасанидские мечи стали продолжением традиций, заложенных предшественниками. Луристанские рукояти и ножны для клинков украшали скифским звериным стилем¹⁰³.

Многие типы луков из Месопотамии и Ассирии ведут свое происхождение от скифских мастеров Луристана¹⁰⁴ – района, который изобилует бесчисленными находками бронзовых наконечников¹⁰⁵.

Объединение ариев

Классические историки отмечали культурную и лингвистическую близость между арийцами Ближнего Востока, Афганистаном и Средней Азией. Согласно Страбону:

«Те, кто называет себя ариями, распространились очень широко от Персии и Мидии к Бактрии и Согдиане на севере, все они говорят на одном и том же языке с небольшими различиями»¹⁰⁶.

К тому моменту, когда к власти пришел Киаксар (624–585 гг. до н.э.), арийские племена в Мидии, Персии, на Иранском плато и в Центральной Азии были связаны между собой только языком и культурой; никакого объединения или политического союза еще не существовало. Ситуация напоминала ту, что существовала в греческих городах-государствах в Европе и Анатолии, несмотря на их общее эллинское наследие. Они оставались независимыми от центра, пока наконец не срослись в единое целое.

И хотя Геродот связывает объединение иранских племен с именем Фраорта, на самом деле это удалось сделать только его сыну – Киаксару. Широко распространившиеся мидяне, утратившие свое культурное и лингвистическое единство с ариями (Айр-ан или Иран – земля ариев), образовали вместе с ними политический, экономический и военный союз – единую монархию. Скифы тоже ассимилировались с их ираноговорящими кузенами в Мидии и поддерживали их в противостоянии ассирийцам. Царство персов тоже вошло под управление мидян, когда Киаксар подчинил их своей власти в 625 г. до н.э.¹⁰⁷

К тому времени в нынешнем Фаре и Хузестане ассирийцы подточили политическую власть эламитов. В зените своего величия древнее царство эламитов (2700–539 гг. до н.э.) включало в себя большую часть юго-западного Ирана. В этническом отношении эламиты относятся к эламо-дравидам, у них была иная культурная закваска и цивилизация¹⁰⁸. Несмотря на героическое сопротивление эламитов, в 640 г. до н.э. ассирийцы разрушили их столицу – Сузы¹⁰⁹. И хотя эламиты все еще сохранили свое культурное единство, в политическом и военном смысле они больше никогда не смогли восстановиться. Их поражение совпало с моментом появления иранских народностей, таких как мидяне, персы и сарматы, которые начали осваивать Иранское нагорье. Персы вступали в брачные отношения с обитавшими здесь эламитами, в результате чего образовался мощный симбиоз, получивший расцвет в 600 г. до н.э. Элам принял правление царя Киаксара и стал полунезависимым пограничным царством¹¹⁰. А в 539 г. до н.э. он окончательно присоединился к Персидской империи, которая восприняла их наследие в отношении искусства и архитектуры, а также пантеон эламитов. Их жрецы-маги весьма почитались иранцами. Примечательно, что язык эламитов стал одним из официальных языков и административным языком Персидской империи¹¹¹.

В 616 г. до н.э. Киаксар захватил и царство Манни, которое растворилось в иранском царстве. Царство Урарту к тому времени настолько ослабло, что не представляло угрозы ни ассирийцам, ни мидянам¹¹². Но ослабление такого мощного противника уже не сыграло в судьбе ассирийцев особой роли, так как на востоке появился новый опасный противник – объединенный союз ариев, имевший организованное и профессиональное воинство, известное как *спада*.

Организация спада

Мидийская спада (армия) или *тахмаспада* была реорганизована, повторяя в основных своих чертах ассирийскую армию, и элементы этой организации дошли до Ахеменидской империи. Профессиональную спаду образовали *кара* (люди) или «военные люди», – по роду занятия – в армии Великого Кира. Ахемениды переняли традицию и терминологию мидян¹¹³. К началу 600 г. до н.э. воинство царя Киаксара стало могучей, хорошо тренированной со своим обмундированием кавалерией – *асабари* (всадники). Конница стала той силой, при помощи которой в союзе с вавилонянами и скифами мидянам удалось повергнуть ассирийскую державу¹¹⁴. Кроме всадников, Киаксар разделил все войско на отдельные отряды по типам вооружения: лучников (*анувания*), копьеносцев (*рсика*), а также создал осадный отряд (батальон) со специальными орудиями¹¹⁵. Пехота (*насти*) набиралась из крестьянского населения по образцу ассирийской армии. Вооружение мидян также претерпело изменения¹¹⁶.

Археологи находят фрагменты уздечек и сбруи, выполненные как из бронзы, так и из железа. Наибольшей популярностью пользовалась знаменитая порода лошадей – «нисейская», с юга Хамадана. Самый высокий жеребец этой породы достигал 1,36 м в холке. Благодаря этой породе лошадей со временем появились стремена, а следом за ними могущественная конница парфян и сасанидов. На Персепольском рельефе в Мидии имеется изображение аристократа в костюме, похожем на туни-

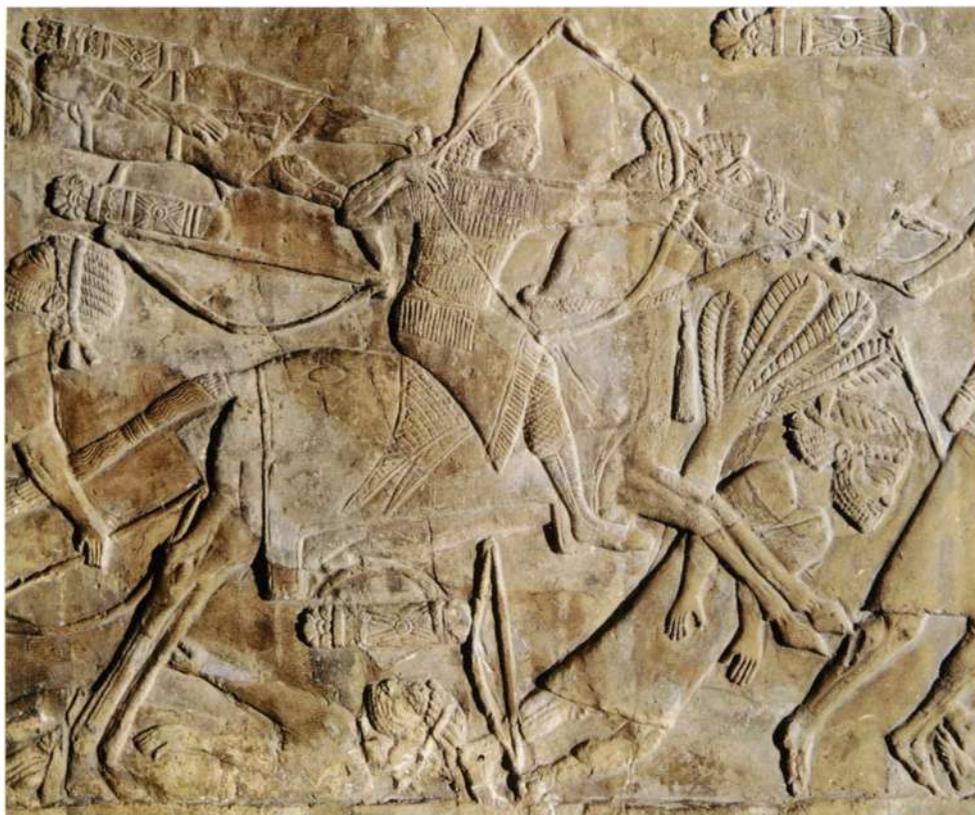
ку с длинными рукавами, кожаной куртке, плотно облегающих бриджах и мягких (скорее всего, кожаных) полуботинках. Это и был тот тип одежды, который носили почти все поголовно иранцы, осевшие в Анатолии на Иранском плато, Средней Азии и Западной Европе. От мидян ведут свое происхождение уздечки, поводья и сбруя, которые распространились по всему иранскому царству. Декоративное убранство персидских всадников также берет свое начало у мидян. На персепольском рельефе в представительной группе мидян мы можем видеть коня со стремянами и сбруей, хвост у него завязан узлом, грива его декорирована. Все это могло служить одновременно указателем статуса, ранга или определенного положения.

Ключевым моментом возвышения военной мощи Мидии стал союз Киаксара со скифами, которые обосновались на севере и западе Ирана. К тому моменту многих киммерийцев и скифов вытеснило из Анатолии к северо-западу Ирана возмужавшее царство Лидия. Это и дало возможность Киаксару организовать спад. Именно скифы доказали преимущества конницы и демонстрировали мастерство лучников сначала в Мидии, а затем и в Ахеменидской державе. Геродот, например, пишет, что Киаксар доверял тренировку своих детей в стрельбе из лука скифам¹¹⁷. Так что мидяне стали великолепными лучниками, что подтверждает поэт Симонид, который отзывается о них как о «лучших стрелках из лука». Традиции скифской конницы укрепились по всей оси на юге (Иранское плато) и на севере (степи Центральной Азии), эта связь позволила передать культурное и военные достижения в Евразию¹¹⁸.

Пагение Ассирии и Урарту

К тому времени Вавилон, так и не покоренный Ассирией, не представлял собой для нее никакой угрозы в военном отношении. Однако союз с иранским объединением под водительством Киаксара менял расклад сил. Вавилонский царь Набополасар ощущал таящуюся опасность с запада и с юга. Что же касается северных пограничных районов, то они давно были вынуждены смириться с тем, что ассирийцы фактически присоединили Анатолию к своим владениям, в особенности после появления киммерийцев (700 г. до н.э.). В ответ Вавилон провозглашает себя полностью независимым от Ассирии. А в 615 г. до н.э. Набополасар даже отправляется в поход и окружает столицу Ашшур, правда, захватить ее он так и не смог. Мидяне поддержали вавилонян и напали на Ассирию с запада на Урук. Следующий поход Киаксар совершил в 614 г., миновав Ниневию, он все-таки захватил Ашшур. После чего империя ассирийцев была обречена. В 612 г. до н.э. объединенные войска вавилонцев-иранцев (мидян-скифов) достигли крепости Ниневия, которая пала под их натиском через три месяца сопротивления. У ассирийцев остался последний оплот – в Харране, который продержался при поддержке египтян до 610 г. до н.э.¹¹⁹ Вскоре были сметены и последние следы ассирийской империи, территорию которой поделили между собой Вавилон и Мидия. Величайшая военная машина и наиболее действенное государство, которые до сих пор существовали в истории, исчезли с исторической арены.

Первые записи о царстве Урарту у ассирийцев, датированные 1270 гг. до н.э., свидетельствуют о том, что они представляли собой ряд объединенных племен¹²⁰. Несмотря на то что урартцы были родом с Кавказа и их язык имел то же самое лингвистическое

На Ассирийскую империю большое влияние оказала конница мидян, киммерийцев и саков-парадрайя. Ассирийская конница при Саргоне II на какое-то непродолжительное время стала самой профессиональной армией. Они совершали походы на мидо-арийские области и доходили даже до нынешнего Тегерана (Р. Шеридан. Древнее искусство и архитектура).

тическое происхождение, что и язык жителей Хуррании, они все отличались друг от друга. Название Урарту на аккадском языке означает «горцы». Сами жители называли себя «бианини» (от наименования озера Ван). В период своего наивысшего расцвета урартинцы держали под контролем большую часть Грузии, Армении, иранского Азербайджана и северную часть Месопотамии, их влияние распространялось до Черного моря¹²¹. К моменту появления мидян границы государства Урарту сжалась до района, который занимал пространство между тремя озерами – Севан, Урмия и Ван. Бесконечные столкновения с ассирийцами истощили их силы. К 714 г. до н.э. ассирийский царь Саргон II окончательно подорвал власть Урарту¹²². Окончательное падение царства произошло во времена правления Киаксара. Столица Урарту – Тушпа (или Ван) – оказалась в руках мидян в 609 г. до н.э.¹²³ Падение Урарту было вызвано не только нападением мидян, оно уже было сильно ослаблено и после вышеупомянутого вторжения скифов в 590 г. до н.э.¹²⁴

Урарту оставило Ирану богатое наследство в виде ремесленников, умевших обрабатывать металл, овладевших приемами строительства¹²⁵. Однако истинная наследница традиций Урарту – это Армения. Армяне ассимилировали аборигенные кавказские народы, а именно хурритов и урарту, так же, как и хетто-лувийцев, говорящих на индоевропейском языке, с североиранскими скифами. Все они вскоре подверглись армянскому влиянию, что вело к гомогенизации культуры, истории и языка, которые были тесно переплетены с Персией на протяжении столетий¹²⁶. Вполне

возможно, что название горы Арарат имеет отношение и связано с названием государства Урарту. Современная Грузия тоже является наследницей славного царства Урарту и обнаруживает много культурных взаимосвязей с Персией как в нынешнем времени, так и в древности, вплоть до 1700 г. до н.э.¹²⁷

Вторжение Ксиаксара в Анатолию

Из Книги Иеремии становится ясно, что в конце концов урарту и манен оказались под владычеством Мидии¹²⁸. Однако небольшое скифское царство – Фригия – в иранском Азербайджане еще держалось само по себе. Но Ксиаксар решил положить конец существованию маленького независимого государства. В 590 г. до н.э. объединенные скифско-мидийские войска обрушились на Фригию, вынудив живших здесь скифов бежать на запад, в Лидию, которой правил царь Алиатт (619–560 гг. до н.э.). Его отказ выдать Ксиаксару этих скифов привел к войне. Спада Ксиаксара успешно захватила Каппадокию в западной Анатолии, сместив границы Лидии к западу. Однако Ксиаксару пока не удалось покорить Лидию, успевшую обновить конницу, в рядах которой появились копьеносцы. А долгие военные действия против ассирийцев и Кавказа истощили силы спады. Безуспешное противостояние продолжалось до 28 мая 585 года до н.э. В тот день во время противостояния двух армий на реке Галис произошло солнечное затмение. И та, и другая сторона расценили это явление как плохое предзнаменование. При посредничестве Вавилона и царя киликийцев Свенеса было принято решение прекратить военные действия. Граница между Мидией и Лидией проходила теперь по реке Галис (современный Кызыл-Ирмах), как раз посередине между западными и восточными частями Анатолии. Договор был закреплен браком между сыном Ксиаксара Астиагом и дочерью Алиатта Арриеннис. Царь Небополасар II женился на дочери Алиатта Амитис. Установившееся равновесие в результате этих династических браков между Вавилоном, Лидией и Мидией продолжалось до момента возвышения Великого Кира.

Астиагу (584–549 гг. до н.э.) суждено было стать последним царем Мидии. Во время его правления она достигла наибольших размеров. Если Ксиаксар сосредоточил все свои усилия для распространения страны на иранский запад, Астиаг успешно раздвигал границы своего царства на востоке. Восточный Иран – нынешний Хорасан, Афганистан, и Балучистан (юго-западный Иран), а также большая часть Центральной Азии вошли в состав Мидии вместе с Бактрией и большей частью саков, примкнувших как независимые союзники¹²⁹. На севере Гиркания и Кадусия (близкие к арранам на Кавказе – в настоящее время территория Республики Азербайджан) подчинились власти мидян, хотя вполне возможно, что это произошло еще во время правления Ксиаксара. На юге в состав нового царства вошла вся прибрежная линия Персидского залива, в частности Персия и Элам.

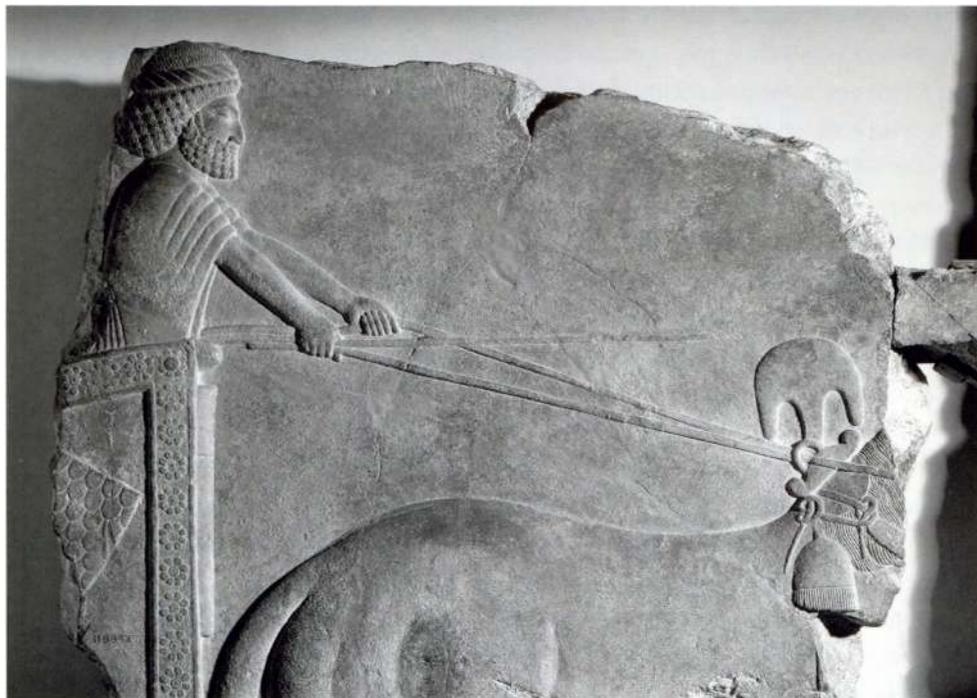
Глава 2

Кир Великий и ранние Ахемениды

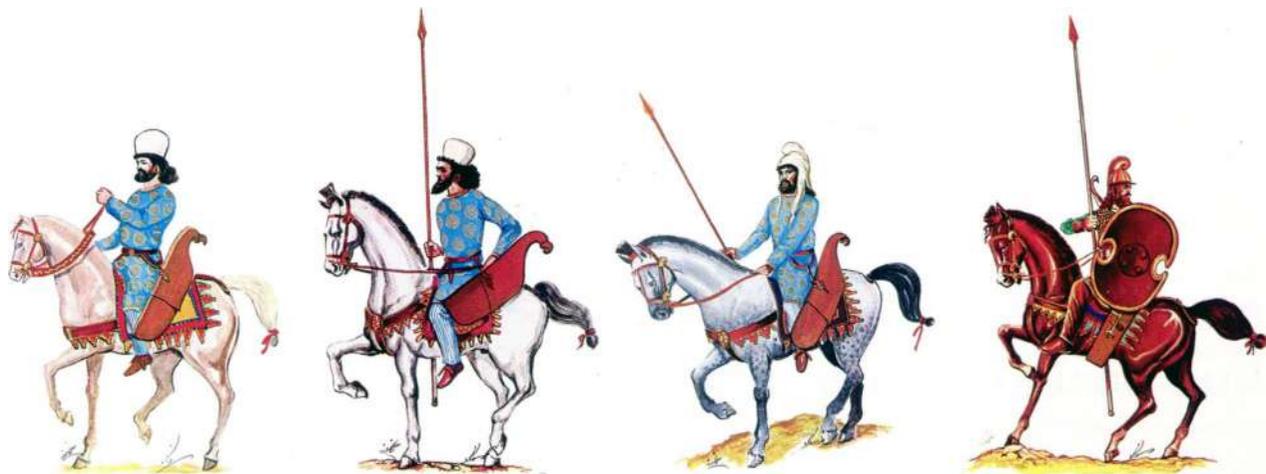
Возвышение Кира Великого

В 559 г. до н.э. на Ближнем Востоке существовали четыре державы: Мидийская империя, Вавилон, царство Лидии в Анатолии и Египет. После падения ассирийцев в 612 г. до н.э. между ними установились твердые границы. Похоже, что мидян устраивало это равновесие, и они поддерживали его до тех пор, пока положение решительно не изменилось с появлением на исторической арене Кира.

Следы того, как происходило становление династии ахеменидов, можно проследить до Хахаманиша, или Ахемени, который правил племенами ариев в Персии в VII веке до н.э. – во времена, когда Ассирия достигла пика своего могущества. Сын Ахемени – Тиспес – разделил Персию между двумя своими наследниками: Арьяранесом и Киrom I¹. Первый из сыновей управлял восточной Персией, в то время как

Каменный рельеф с изображением царской колесницы. Этот рельеф украшал лестницу восточного крыла на северной стороне Ападаны в Персеполе (Британский музей).

Это иллюстрация из превосходнейшим образом оформленной очень редкой книги по военному искусству персов. Издана в 1971 г. в честь 2500-летия Ахеменидской империи. В ней представлены одежда и вооружение древних персидских воинов, а также фотографии самого торжества, которое проходило по этому случаю в Персеполе.

СЛЕВА НАПРАВО:
Мидийский офицер на лошади с колчаном и коротким мечом. Всадник с копьем, солдат с капюшоном, всадник в доспехах и со щитом в руках (Из книги «К 2500-летию основания Персидской империи»).

в западной Персии (или Аншан) власть в свои руки взял Кир I. Его старший сын Камбий (Камбиз)² продолжил правление Аншаном. Кир – сын Камбия I – родился в 575 г. до н.э.

О нем сложено множество легенд, некоторые из них даже утверждают, что Кир не был царским отпрыском, тем не менее, историки сходятся в том, что отцом следует считать Камбия I, а матерью принцессу Мандану³ – дочь царя мидян Астияга. По преданию, решение выдать свою дочь замуж за мелкого правителя Астияг принял под действием приснившегося ему сна⁴. А когда у Манады родился сын, он приказал убить мальчика, потому что в том сне было предсказано, что мальчик унаследует его трон⁵. Убийца внял совету военачальника мидян, и тот вместо того, чтобы убить его, спрятал мальчика у пастуха и его жены. Узнав о нарушении приказа, Астияг приказал отрубить голову сыну Гарпага и подал ее на пиршестве отцу. Военачальник затаил злобу против царя, но таил свое чувство мести до той поры, пока маленький Кир не достиг совершеннолетия. После чего Гарпаг открыл Киру его царское происхождение и убедил свергнуть Астияга.

Кир II (575–530 гг. до н.э.) взошел на престол Аншана в 559 г. А вскоре он завладел и второй ветвью царского дома Ахеменидов в восточной Персии и объединил всю Персию под своим владычеством. Сначала Астияг не придавал серьезного значения борьбе за власть в Персии. Это отношение изменилось после того, как Кир отказался признавать власть Астияга и тайно принялся понуждать племена ариев на Иранском плато к неповиновению Астиягу, чем сильно пошатнул его авторитет. Это вынудило Астияга предпринять поход против Кира в 550 или 549 г. до н.э.

Сражение произошло в Мургабе – примерно в 650 км к югу от столицы мидян Экбатаны. Армия Астияга встретилась с армией молодого претендента на трон. И Кир выиграл сражение, так как Астияг и его мидийские отряды уже не пользовались популярностью. Это отметил Миллер⁶, который писал, что «Мидия была уже ослаблена предательством» Астияга. Его старания укрепить централизованную власть в мидийской империи вызывали отторжение у знати, которая прямо на поле сражения перешла вместе со своими отрядами на сторону Кира⁷. Этим объясняется и то, что сражение оказалось столь коротким – Геродот в своих хрониках упоминает только

две стычки⁸. Вскоре – в 550 г. до н.э. – Кир занял и столицу – Экбатан. Потерпевшему поражение деду новый царь не пытался мстить, а вел себя по отношению к нему уважительно и почтительно⁹. Так как Мидия в этническом отношении была близка Персии, положение ее подданных в правительстве и армии осталось неизменным. Таким образом, не будет преувеличением утверждение, что битва при Мургабе не разрушила империю мидян, а лишь изменила кое-что в ее управлении. Парфяне на северо-востоке Ирана (вблизи от Центральной Азии) и жители Гиркании северного Ирана (поблизости от Каспия) вскоре тоже почувствовали руку нового правителя Кира¹⁰. Царь Ирана считал себя мидо-персианином и поддержал североиранских саков как своих союзников¹¹. Их культурная и этническая близость навеки запечатлена в Библии, в книгах Эсфири и Даниила, – говорится о мидянах и персах как о народах, придерживающихся единых законов¹².

Мидяне принесли с собой ценный опыт управления государством и империей, великолепную армию и придворный этикет, который перенял Кир II. Несмотря на то что у государства Ахеменидов еще не было таких навыков централизации власти, как у их предшественников-мидян¹³, оно успешно продвигалось на запад, на территории, где проживали неиранцы. Влияние Мидии можно видеть даже на таком простом примере: эламитское одеяние персов оставалось популярным у мидянских всадников вплоть до времен Дария I.

Кара: первоначальная армия Великого Кира

В понимании устройства военной машины Ахеменидов очень много нам дают «иллюстрации»: искусно вырезанные рельефы Персеполя и Суз, саркофаг Александра в Сидоне, помпейские мозаики с изображениями Дария III и Александра Македонского¹⁴, находки в Аму-Дарьинском кладе и другие произведения искусства¹⁵. Греческие источники – работы Геродота, Ксенофонта и Курция Руфа, точно так же, как и более поздние греко-романские хроники, дают ценные подтверждения, помогающие современным историкам в их попытках реконструировать организацию армии у ахеменидов.

Слово *кара* идет от староперсидского «имперский набор» (рекруты)¹⁶, «армия» или «война», и у него есть аналоги в литовском *karis* или *karias* (война, армия) и немецком *harjis* (армия, на современном литературном, или так называемом высоком, языке – *Heer*)¹⁷. Когда Кир начал свое наступление, у него еще не было настоящей армии в профессиональном отношении. Термин «кара» существовал для обозначения друзей – всадников в одном из племен. И только после того как был свергнут Киаксар, в объединенном мидо-персидском войске утвердилась профессиональная система мидян – спада, послужившая основой для организации ахеменидской армии¹⁸.

Многое из ассирийского наследия ахемениды восприняли через мидян. Сходство наблюдается во всем¹⁹. Практика набора рекрутов тоже унаследована с ассирийских времен; система распределения земель (имущества) для элитарной конницы и лучников тоже идет оттуда, и эта система сохранилась до правления Сасанидов и во время установления ислама. Ахемениды использовали все приемы осады, перенятые ими у ассирийцев: тараны для пробивания брешей в крепостных стенах, способы

штурма – лестницы и стрельба большого количества лучников и метателей пращи, которые отвлекали внимание защитников и не давали им мешать боевой инженерии вести свои действия.

Роль *hasarpatish* – тысячников, известная грекам как *chiliarch* – по-настоящему еще не выяснена. Но большинство соглашается с тем, что это не просто военачальники, стоявшие во главе отрядов в тысячу человек, но еще и особенные, доверенные лица царя²⁰, ответственные за встречу гостей во время церемонии во дворце, а также несущие охрану царских сокровищ²¹. Начальник над хазарпатишами командовал тремя различными военными частями: сатрапами (военными генералами), элитной царской гвардией и вассальными иностранными войсками. Хазарпатиш сам принимал участие в битвах и часто погибал в сражениях²². К концу существования династии статус начальника-хазарпатиш стал чрезвычайно влиятельным, примерно такой же, как у нынешнего премьер-министра²³. Существовала также избранная группа «друзей» в окружении царя²⁴, различного разряда²⁵, они исполняли роль советников в периоды войны и мира. Наибольший интерес, быть может, представляет группа шпионов, известных как «глаза и уши» царя²⁶. В их задачу входило собирать вокруг себя интеллигенцию в провинциях и на иностранных территориях.

В греческих источниках говорится, что в империи имелись отряды, которые проводили ежегодные проверки гарнизонов царства²⁷. Районы, находившиеся поблизости от Персеполя и других царских резиденций, проверял сам царь; а для проверки более отдаленных районов Центральной Азии или, например, Анатолии выезжали члены Ахеменидского дома. После окончания рейда отряды собирались в заранее указанном месте общего сбора²⁸. Главная цель таких проверок: военная дисциплина, обмундирование и готовность отрядов к сражениям. Сатрапы, основные военачальники, и даже хазарпатиши тоже постоянно проводили подобные проверки своих отрядов. Тех солдат или военачальников, которых отличали в отчетах, награждали, а тех, кого указывали как нерадивых, наказывали²⁹.

Первоначальные военные установки

Сражения Ахеменидов в самом начале становления империи проводились только в дневное время³⁰, и походы начинали обычно весной³¹, только после праздника Навруз (начало нового года – весеннее равноденствие). Тактика Ахеменидов заключалась в соединении военных приемов: сосредоточение массы лучников и быстрых, стремительных атак. Лучники располагались в центре. За ними следовали те, кто метал пращу – камни или свинцовые ядра. По замыслу они вносили смятение в ряды противника, что позволяло коннице Кира, обычно расположенной по флангам, совершать стремительный бросок. Раннеахеменидская конница была, скорее, «повергающими в страх» отрядами, чем отрядами, ведущими ближний бой с помощью копий и дротиков или луков. В этой тактике много общего с тем, как вели войну всадники с луками мидян, саков или киммерийцев – они не были силами, которые шли на «прорыв». Пастухи-кочевники, такие как даки, сарды и марды, поставляли Киру конников без доспехов.

Близко к лучникам стояла регулярная пехота, вооруженная акинаками (*akenakes*) – короткими мечами или копьями. Они вступали в бой последними, и

на их долю оставалось только добивать оставшихся противников. Военачальники, принимавшие участие в бою, располагались в центре своих отрядов³². Пехотинцев в первоначальный период правления ахеменидов также обучали владению луками. А лучники могли выступить и как пехотинцы. Они прикрывались легкими щитами, наподобие тех, которые использовались в армии ассирийцев. Их вооружали короткими мечами и дротиками для ведения ближнего боя. Ахеменидская тактика ведения боя оказалась чрезвычайно успешной во время ранних походов-набегов Кира II на Лидию и Вавилон, а позже – Ксеркса на Египет. Стремительные и решительные победы ранних ахеменидов привели к тому, что они ощутили неверное чувство военного превосходства. Эта вера была разрушена во время экспедиции в Грецию.

Захват Лидии

Лидийский царь Крез начал войну против Персии, объясняя ее желанием покарать Кира за свержение сводного брата Астияга, хотя на самом деле это, возможно, была попытка отвоевать территорию царства на востоке. Вероятно, Крез считал, что необходимо нанести «опережающий удар» против все усиливающейся власти на востоке. Поход Креза против Кира стоил ему царства³³.

Лидийская армия состояла в основном из защищенной пехоты, в которую входили ионийские греки Эгейского побережья³⁴. Конница была собственно лидийской, и опытные всадники использовали в сражении копья. Эти войска представляли наибольшую угрозу для отрядов Кира³⁵. В 547 г. до н.э. Крез вторгся в Каппадокию, находившуюся под управлением иранцев со времени правления мидян. Из Каппадокии Крез мог проникнуть на Иранское плато и в Азербайджан. Кир и его армия пересекли реку Тигр ниже города Арбела и встали лицом к лицу с противником в персидском районе Каппадокии. Первое столкновение, видимо, не было доведено до победы. Крез, оценив превосходящие силы врага, на следующий день двинулся со своей относительно целой армией назад к столице Сард. Войска Креза, достигнув столицы, рассеялись в полной уверенности, что основные войска Кира доберутся до города не раньше чем через месяц. По этому сценарию Крез мог бы легко вновь собрать войско и даже обратиться за поддержкой, объединив силы Спарты, Египта и Вавилона против Кира. Однако Крез недооценил предприимчивость и смелость противника. Кир догадывался, что войска противника, прибыв в столицу, расслабятся, и поэтому шел след в след за отступающим врагом после битвы в Птерии. Его неожиданно быстрое появление у стен столицы застало лидийцев врасплох, и Крез был вынужден оказать сопротивление Киру со значительно поредевшим войском.

Чтобы нейтрализовать конницу противника, Гарпаг предложил Киру неожиданный план: использовать верблюдов, которые шли в обозе, в сражении. Кир расположил пехотинцев за отрядом верблюдов. Конница шла за пехотинцами. Ключом этой стратегической операции было предположение, что лидийские кони, учуяв запах незнакомых животных, оглушенные непонятными звуками, утратят способность ориентироваться. Этот прием сработал именно так, как и предполагал Гарпаг: конница утратила дисциплину и боевой порядок, когда им навстречу вышли верблюды. Из-за

Золотая модель ахеменидской колесницы из Амударьинского клада, V–IV века до н.э. (Британский музей).

чего всадники вынуждены были спешиться, чтобы вступить в бой. На «беззащитную» линию лидийских лучников и метателей пращи обрушилась кавалерия Кира, а за ними – воодушевленные успехом пехотинцы.

Лидийские отряды спешно устремились назад в Сард. Войска Кира начали осаду города. Отчаявшийся Крез послал за помощью к спартамцам. Но это обращение оказалось бесполезным: Сард после 14 дней осады пал³⁶. Новая империя Ахеменидов присоединила территорию Лидии к своей. Победитель обошелся с побежденным Крезом с большим почетом и уважением и обеспечил его высокое положение при дворе. Вернувшись в Экбатану с Крезом, Кир задумал захватить ионийских греков на Эгейском море, а также Фригию, Карию, Лицию и Мазаров, возложив это дело на военачальника Гарпага³⁷. Захват Лидии не только открыл земли западной Анатолии, теперь граница Ахеменидской империи соприкасалась на севере с империей Вавилона, дни которой уже были сочтены.

Завоевание Вавилона

Когда царь Набонид занял трон Вавилона в 556 до н.э., его царство уже было в союзе с иранцами около 75 лет. Завоевание Киrom Лидии изменило стратегический баланс между иранцами и вавилонянами в пользу первых, особенно после вторжения Кира в Вавилонию в 539 до н.э.

Захват Вавилона значительно облегчал тот факт, что Набонид не пользовался популярностью у своего народа, в особенности в среде священнослужителей. Дело в

том, что Набонид особенно почитал северомесопотамскую богиню луны Сен в Харране, и его отрицание священного божества Вавилона – Мардука – вызывало отчуждение жрецов. Набонид выстроил в пустыне на севере Аравии в 540 г. до н.э. свою резиденцию в оазисе города Тайма. Войдя в Вавилон, Кир обнаружил, что народ не желает подчиниться своему царю. Благодаря дипломатии Кир завоевал себе мощного союзника в лице Гобрива, недовольный Вавилоном губернатор одной из провинций вошел в состав Ахеменидской империи. А он был опытным военачальником и служил прежнему правителю Вавилона – царю Навуходоносору (605–562 гг. до н.э.). Его военная поддержка обеспечила Киру беспрепятственное покорение Вавилона.

«Вавилонская стена» была на самом деле не стеной, окружавшей столицу – Вавилон, но «срединной стеной» между реками Тигр и Евфрат. Ее выстроил царь Навуходоносор, чтобы задержать возможное нападение мидян с северо-запада. С правой стороны стены (со стороны Тигра) он возвел город-крепость Опис. А слева (со стороны Евфрата) ее охранял Сиппар. Тигр сам по себе служил естественным препятствием против захватчиков с запада. Стратегическое расположение «срединной стены» в 539 г. в чем-то напоминает «линию Мажино» во Франции 1940 г. Обе были выстроены таким образом, словно враг непременно должен пойти предсказуемым путем, прямо на выстроенные фортификационные укрепления. И никаких

Персеполь. 13 октября 1971 г. Солдаты Иранской государственной армии, одетые, как ахеменидская пехота, участвуют в параде по случаю празднования основания Ахеменидской империи 2500 лет назад. На праздновании Орсоном Уэллсом был снят фильм.

других мер не принималось на тот случай, если враг просто обойдет «стену» с другой стороны. Кир не имел ни малейшего намерения атаковать там, где его ждали – со стороны аккадской равнины, чтобы упереться, истощив силы, в «срединную стену». Поэтому он обошел ее и ударил с севера. Предварительно договорившись с Гобрией, Кир объединил войска вавилонского военачальника со своими, чтобы ударить по Опису, пересечь Тигр и таким образом обойти «срединную стену» с юго-запада. Прежде чем напасть на Опис, Кир придумал, как преодолеть реку с тыла укрепленного гарнизона. По сообщениям Геродота, инженеры Кира почти месяц работали над тем, чтобы разделить русло притока Тигра на несколько отдельных рукавов.

Пересохший Тигр дал возможность Киру атаковать Опис в октябре. И некоторые другие уловки позволили ему выиграть, поскольку его армия получила серьезное подкрепление, когда к ним присоединилась регулярная армия Набонида вместе с аккадскими отрядами. Взятие Описа, после того как войска перешли Тигр, дало возможность обойти «срединную стену». Кир разделил войска на две части. Отряды Гобрии вместе с персидскими войсками он направил к Вавилону со стороны юга. Сам Кир ударил по Сипару с юго-запада и овладел им. Тем самым армия Вавилона была нейтрализована³⁸.

Судя по всему, он почти не встретил сопротивления, что и позволило войскам Кира почти беспрепятственно войти в Вавилон. Бежавшего в свою южную резиденцию Набонида догнали и пленили. Падение Вавилона – как отмечали авторы хроник Набонида – было мирным и не потребовало больших усилий. Кира приветствовали как освободителя метрополии: «Кир вошел в Вавилон... провозгласив мир. Кир послал приветствие Вавилону»³⁹. Вполне возможно, что его сторонники помогли Киру обеспечить порядок в городе. Кир вошел в храм Бел-Мардука и совершил подношение божеству⁴⁰. Что произошло потом с Набонидом, трудно выяснить. Согласно некоторым утверждениям, Кир великодушно отпустил пленника, позволив тому удалиться и жить в полном достатке в изгнании в Германе (нынешний Керман). Существует и противоположная версия, которой придерживается Ксенофонт (431–350 гг. до н.э.), который утверждает, что царя убили придворные Кира в тронном зале вавилонского дворца⁴¹. Если это так, тогда становится вполне понятным желание Кира умиротворить вавилонских жрецов и остальное население.

Из всех древних цивилизаций, которые граничили с прежней империей Вавилона, теперь остался только Египет. То, что Вавилон достался Киру, – уже само по себе было ценнейшим даром: Месопотамия с ее утонченной городской культурой, опытным купечеством и давними традициями ныне становилась центром, где происходил симбиоз связей через Иранское плато с Центральной Азией и Кавказом. Приморские города Сирии, Палестины и Финикии также выразили свою преданность Киру после того, как пал Набонид. Финикийцы – прежние подданные Вавилона – с их флотом тоже вошли в Империю Ахеменидов. Эти корабли использовал Дарий Великий, чтобы заложить основы первой морской империи. Захват Вавилона также положил конец тысячелетнему господству Месопотамии над семитскими народами. А господству ирано-европейцев в Месопотамии пришел конец тысячу лет спустя – с нашествием арабских воинов ислама.

Цилиндр Кира

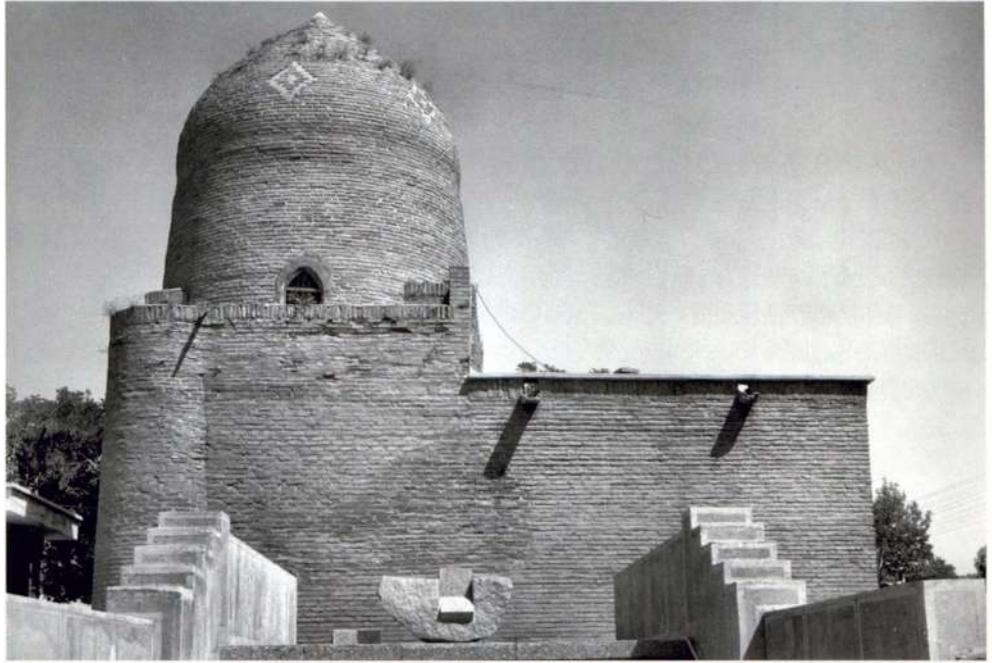
Кир не внес никаких существенных изменений в административное управление Вавилона и Лидии. Единственное новшество касалось лишь провинций, которые он обустроил по той же модели, что и в Мидии. Районы делились на сатрапии, и каждой из них управлял назначенный сатрап. Гениальность Кира как правителя заключается в принятии лингвистических, религиозных и человеческих прав всех своих подданных. Ксенофонт очень высоко отзывается о Кире в своей «Киропедии», описывая его как человека, свободного от коварства, лживости, невежества и высокомерия. Этот правитель, по словам Ксенофонта, подобно отцу, заботился о благе всех людей. Это первый в мировой истории «образец для подражания» в основном в том, что касается указов, направленных на объединение народов в единую империю, с полным уважением ко всем языкам, верованиям и религиозным практикам. Александр Македонский, бесконечно восхищавшийся Киром, после завоевания Персии позаимствовал «мантию Кира» – его идеи как «образец для подражания».

Указы царя навсегда увековечены в его «цилиндре» – глиняном барабане, на котором Кир в 538 г. до н.э. вскоре после захвата Вавилона издал свой декрет. Этот цилиндр Кира считается первым сводом прав человека в истории. Кстати, схожей политики некогда придерживался и царь Вавилона Хаммурапи. В указе Кира были три главных момента: политическое оформление расового, лингвистического и религиозного равенства; разрешение вернуться в родные дома всем, кто вынужден был покинуть родину; и все разрушенные храмы должны были быть восстановлены. Священнослужителям Вавилона разрешили восстановить исконные святилища и разрушить те храмы «обманых богов», которых жрецы считали таковыми. Забота Кира о простых людях выразилась в том, что он разрушил трущобы и возвел на их месте новые дома по заранее разработанному плану. Обеспечение прав евреев послужило мощным толчком для развития иудаизма.

Цилиндр Кира – первая в мире декларация прав человека независимо от расы, языка и вероисповедания. Точная копия с цилиндра Кира стоит перед входом в здание Организации Объединенных Наций в городе Нью-Йорке (Британский музей).

Гробница Эсфирь и Мордохая в Хамадане, северо-запад Ирана. Возможно, на этом же участке хранятся останки цудейской царицы Сасанидской Персии. Евреи с большим почтением относятся к правлению Ахеменидов (Родже-Вайолет).

Кир и освобождение иудеев

Иудеи восстали против империи Вавилона в 597 г. до н.э. Навуходоносор, подавив бунт, разграбил Иерусалим и разрушил храм Яхве. Огромное количество пленных иудеев привезли в Вавилон вместе с их вождами. Более раннее переселение иудеев ассирийцами в начале 700 гг. до н.э. означает, что иранские иудеи стали первыми поселенцами за пределами своей родины, особенно в Экбатане, Мидии и Сузах. Еврейские религиозные писатели предсказывали падение Вавилона⁴². Разгромив Набонида, Кир официально провозгласил свободу пленным иудеям. Впервые в истории имел место случай, когда власть гарантировала охрану иудейской религии, обычаев и культуры. Евреи, сыгравшие жизненно важную роль в торговле древнего Ирана, получили полную культурную свободу.

Вполне вероятно, что около 40 тысяч месопотамских евреев вернулись в Иерусалим. Кир позволил им также восстановить храм и оказал им поддержку, выделив средства из царской сокровищницы. Империя продолжала и далее оказывать им содействие, что отмечается в указах Дария Великого в 519–618 гг. до н.э.⁴³ Последовал и приказ вернуть священные предметы евреев, конфискованные до того Навуходоносором, их владельцам. Щедрость Кира отмечена в книге Исаяи, где царя величают «помазанником Яхве»⁴⁴. Кореш – имя Кира на древнееврейском, провозглашается мессией для иудеев. Согласно Исаяе, Господь говорит о Кире: «пастырь Мой, и он исполнит всю волю Мою»⁴⁵. Но не все евреи захотели вернуться в Иерусалим, поскольку успели пустить корни и наладить свои торговые отношения в Месопотамии. А с приходом Кира они получили возможность беспрепятственно отправлять свои богослужения. Потомки этих евреев оставались в Месопотамии на протяжении 2000 лет. И очень мало кто осознает, что треть населения Багдада, подвергшегося бомбар-

дировкам, – вполне возможно были иудеями¹⁶. Такие библейские фигуры, как Ездра, Даниил, Эсфирь и Мордехай, играли исторически важную роль при персидском дворе. Отношение к иудеям в империи оставалось по-прежнему терпимым даже в те времена, когда в Сирии или Египте происходили восстания⁴⁷.

Крылатый символ Ахура Мазды с пророком Зороастром в центре. Рельеф на стене дворца Персеполя.

Зороастризм: богословские основы персидского правления

Факты жизни пророка Зороастра остаются невыясненными, однако его пять основных правил известны по сей день. Первая идея состоит в признании абсолютной власти единого бога – Ахура Мазды (высшего Ангела). Второе: что Ахура Мазда борется за добро для всех. Третье: Ахриман – извечный высший противник – представитель зла – Ахура Мазды и его созданий. Четвертое: личная добродетель состоит в том, чтобы являть пример добрых слов, добрых дел и добрых мыслей. Пятый принцип: каждое существо имеет право совершить добровольный выбор между добром и злом и тем самым принять на себя личную ответственность за свои действия. Принятие Ахура Мазды – тоже личный выбор. Быть может, следствием этих правил было то, что никакого принуждения не последовало в завоеванных землях и все боги других национальностей принимались с уважением, подтверждением чему служит то, что царь Кир совершил подношение вавилонскому богу Мардуку. Как отмечают Граф, Хириш, Глизон и Крефтер: «Вера в жизнь на небесах для тех, кто вершит добро, и мучительные наказания для следующих путем зла отчасти стала причиной того, что ахеменидскому царю удалось объединить моральными правилами представителей разных национальностей...»⁴⁸

Благодаря тому что царь и его приближенные (во времена Ксеркса) исповедовали зороастризм, другие культы арийцев, такие, как Митра и Анахита, оставались по-прежнему в почете⁴⁹. Когда к власти пришел Дарий, священные тексты «Авесты» уже изучали в школах города-дворца Персеполя⁵⁰. А когда Александр Македонский в 330 г. до н.э. захватил Персию, зороастрийские маги стали полностью законченной жреческой организацией с установившимися ритуальными действиями.

Можно найти массу примеров близости между зороастрийским дуализмом и иудейским богословием. Зороастрийская концепция личной ответственности за выбор между добром и злом находит параллели в иудейской *yetzer tov* (добрым побуждением) и *yetzer hara* (злым побуждением)⁵¹. Идея *arta* (правды), противопоставляемой *druj* (лжи), просматривается и в древнеиудейских манускриптах ессеев (рукописные тексты Мертвого моря). Зороастрийский пантеон *yazata* (ангелов), которым противостоят *daeva* (демоны), можно найти и в ангелах и демонах иудеохристианства. Особенное внимание, которое зороастризм уделял Апокалипсису, находит отклик в Судном дне. Древнеиранские определения рая (*paridaeza*) находят отражение в иудеохристианской традиции деления на небеса и ад. А идея зороастрийцев *saoshiant* – то же самое, что Мессия у иудеев. Как уже говорилось прежде, царя Кира в иудейских книгах Эзры и книге Исая рассматривают как спасителя. Эти параллели вызывают ожесточенные споры ученых: что можно считать источником, а что заимствованием? Существуют две школы: одна отрицает какую-либо параллель, придерживаясь убеждения, что совпадения никак не связаны и являются случайными. Другая школа признает влияние зороастризма на развитие иудаизма, в особенности после того, как Кир захватил Вавилон.

Кир и первая мировая империя

К моменту восшествия на престол Дария Великого персидская империя объединяла три континента: Африку, Европу и Азию. Такого рода империи еще не существовало в мировой истории. Именно принципы зороастризма – чрезвычайно прагматичные – сыграли основную роль в управлении такой обширной и разнообразной империей. Ахемениды отказались от жесткого самоутверждения, как это делали ассирийцы в побежденных странах, что, конечно же, объединило побежденных в их желании противостоять захватчику. Кир пришел к выводу, что ему не удастся успешно управлять огромной империей путем насилия и военного подавления. Преемники Кира, пытавшиеся уйти от философии управления, заданной Киrom, тотчас сталкивались лицом к лицу с то тут, то там вспыхивавшими очагами сопротивления, которые они вынуждены были погашать.

Айр-ан, или Персия, была больше, чем просто империей ариев. Пришельцы-арии успели ассимилировать множество доарийских народов Ирана, таких, как эламиты и маннеи. Высшие власти принимали семитоговорящих аристократов из могущественной некогда Ассирии и Вавилона. И самым важным, скорее всего, было то, что в империи признавалось и принималось многоязычие ее обитателей. Государственные (имперские) указы часто писались на нескольких языках, включая эламитский, арамейский, вавилонский и староперсидский. И хотя Ассирия пала, носители ее языка

выжили в иранском мире. Главным языком империи стал не столько староперсидский, сколько арамейский язык. А наследие Кира сохранилось и по сей день в современном Иране, где по-прежнему можно видеть многонациональный состав: говорящие на иранском (курды, персы, балучи, джиланы и т.д.), говорящие на тюркском (азербайджанцы, кашкаки, туркмены и т.д.), а также арабы в Хузестане.

Трагическая кончина Кира: царица Томирис и массагеты

В начальный период своего правления Кир не пытался раздвинуть прежние границы царства мидян на восток и север Ирана. После завершения военной кампании в Лидии и Вавилоне на западе, Кир вознамерился двинуть свои войска дальше, в направлении саков и бактриан⁵². Юго-восток – Памир и Гиндукуш – пока не привлекал его внимания, но, может быть, лишь временно. Возможно, он не исключал и походов в эти регионы. Кир основал укрепление Куртак (Кирополис) на реке Яксарт, которое сохранилось вплоть до вторжения арабов.

Он сосредоточил свое внимание на массагетах – проживавших на территории Туркестана Центральной Азии. Сначала он направил послание царице Томирис, предлагая ей женитьбу, надеясь тем самым завладеть ее царством без вторжения. Когда Томирис ответила отказом, он начал в 530 г. до н.э. подготовку к военному походу и выстроил первым делом мост через реку Яксарт, чтобы двинуться на территорию массагетов⁵³. Именно в тот момент царица Томирис отправила свое послание Киру, предлагая ему воздержаться от нападения. В том случае, если он не изменит своего намерения, Томирис предлагала два варианта: либо она будет его ждать в трех днях пути от моста, либо ее войска перейдут мост, а Кир отодвинет свои войска на три дня пути к югу⁵⁴. Больше всего голосов сошлись на том, что предпочтительнее будет отойти к югу. Но Крез, один из полководцев, настоял на том, чтобы войска перешли мост. И Кир принял его предложение. После чего он отправил гонца к царице Томирис с уведомлением, и она приняла вызов. Ахеменидское войско вошло на земли массагетов. Перед выступлением Кир отправил своего сына Камбиза II назад, в Персию.

Тактика похода следовала предложению Креза. После одного дня пути Кир сделал остановку и отобрал более слабые отряды для того, чтобы они встали лагерем. Им выдали самую хорошую еду, которая соблазнила изголодавшихся массагетов на нападение. А основные силы Кир расположил лагерем на некотором отдалении. Массагеты – это была лишь треть от истинного войска Томирис – и в самом деле не устояли перед искушением напасть на эти отряды и разбили их. После кровопролитной битвы победители устроили роскошное пиршество из тех запасов, что были демонстративно выставлены напоказ. В этот момент на них неожиданно напал Кир со своими основными силами, поверг массагетских конников и захватил большое количество пленных, в том числе и сына царицы Томирис – Спаргаписа. Томирис немедленно потребовала освобождения сына, пригрозив уничтожить противника⁵⁵. Спаргапис предпочел самоубийство позорному пленению.

Гробница Кира Великого в Пасаргаде. Законы, изданные Киrom, а также его благожелательное отношение к покоренным народам нашли отражение в иудеохристианской религии, точно так же, как и его первый «манифест о правах человека».

И тут Томирис выступила со своими основными войсками, чтобы сразиться с Киrom. Две армии выстроились друг против друга. Геродот не дает описания того, как было устроено войско Томирис, однако описывает ее воинов как «похожих на скифов (саки-парадравы)... одни ехали верхом, другие – нет (т. е. использовались и пехота и конница)»⁵⁶. По общему мнению, внешне эти армии были очень похожи друг на друга. Сражение началось с мощного обстрела лучниками – до тех пор пока они не израсходовали весь запас стрел⁵⁷. Вероятно, в этой атаке участвовали как лучники-пехотинцы, так и всадники. После чего ряды противников сомкнулись в яростной схватке лицом к лицу, пустив в ход, как это было принято, «копья и кинжалы (что-то наподобие коротких мечей)». Возможно, царица Томирис сделала осторожную попытку направить лучших своих всадников-лучников, чтобы они поразили Кира, но эта попытка оказалась безуспешной.

Судя по всему, силы оставались равны до тех пор, пока «массагеты не одержали верх... персидская армия была сметена.. и самого Кира убили»⁵⁸. Геродот не вдается в подробности, не объясняя, каким образом массагеты «одержали верх». Однако мы можем представить, какую роль в этом сыграла кавалерия. Томирис выставила на поле главного сражения конников, снаряженных по-новому: их тела полностью закрывала кольчуга, головы – металлические шлемы, а в руках у них были копья⁵⁹ – что на тот момент можно назвать самой передовой технологией⁶⁰. Даже у коней спереди закреплялись специальные бронзовые латы⁶¹. Эта тяжелая кавалерия пробила брешь в рядах пехотинцев, не имевших такого снаряжения. Потеря вдохновлявшего их полководца окончательно деморализовала силы ахеменидов. Они отыскали после битвы тело своего царя и похоронили его в специально выстроенном мавзолее в Пасаргаде.

Короткое правление Камбиза II

Камбиз II (Камбий) (530–522 гг. до н.э.) – сын Кира II и принцессы Кассанданы⁶², унаследовал трон после смерти отца в Центральной Азии. Он был провозглашен наследником еще до гибели Кира, так как ахемениды не придерживались правила наследования по принципу первородства. Камбиз управлял Вавилоном, и его резиденция находилась в Уруке вплоть до осени 528 г. до н.э. Классические историки характеризуют Камбиза как склонного к безумию, нетерпимого и невежественного в военном отношении⁶³. Современные ученые считают, что Геродот черпал свои сведения из тенденциозных источников, а на самом деле Камбиз был талантливым полководцем и, подобно отцу, с полным уважением относился к побежденным и их обычаям⁶⁴. Истории про то, что Камбиз якобы убил быка Аписа и насмеялся над египтянами, скорее всего, придумали жрецы, отвергнувшие реформы царя, которые могли сказаться на их положении.

Несмотря на поражение, которое потерпело войско Кира от массагетов, Камбизу относительно быстро удалось установить равновесие на северо-восточной границе.

Золотой ахеменидский браслет с двумя окончаниями в виде грифонов из Амударьинского клада (Архив Вернера Формана).

А в 525 г. до н.э. Камбиз преисполнился решимости завершить давнее намерение отца: завоевать Египет. Последняя главная сила на Ближнем Востоке, которая еще оставалась за пределами Ахеменидской империи. Камбиз начал приготовления к военному походу в Египет с набора воинов неиранского происхождения – ионийцев и эллинов⁶⁵. Финикийский царь, который после падения Вавилона принял правление Кира, обещал поддержку с моря. Продовольствие предполагалось сосредоточить на юге, на побережье Палестины. Но все же этот поход был очень рискованным, так как Синайская пустыня была суровой, а источников воды в ней – мало. В этой местности обитали воинственные наездники-бедуины. К тому же египтяне владели мощным флотом, который мог доставить сухопутные отряды в тыл ахеменидской армии. Камбиз заручился поддержкой перебежчика из египетской армии по имени Фанес – командира греческих наемников в египетской армии. Фанес встретился с Камбизом и сообщил ему все необходимые сведения о внутренней ситуации в Египте и особенно относительно его военного положения⁶⁶. А для того чтобы благополучно пересечь пустыню, Фанес посоветовал Камбию договориться с местными арабскими вождями Газы и Синая. Арабы не только дали согласие на то, чтобы Камбиз прошел по их землям, но и пообещали снабжать воинов водой, наполняя меха из верблюжьей кожи, пока те будут пересекать Синайскую пустыню⁶⁷. Дальнейшим ухудшением позиции египтян стали переговоры с «пятой колонной» – военно-морскими силами. Уджа-Горресент – египетский адмирал – уверил Камбиза, что флот останется в порту на все время похода ахеменидов.

Наследник Кира пересек Синай в 525 г. до н.э. Псаменит – сын стоявшего у власти фараона Амасиса – приготовился к сражению, которое состоялось в Пелусии, в устье Нила. Когда Камбиз со своей армией сошелся с противником, началась битва, в результате которой египтяне были полностью разбиты. Кое-какие сведения позволяют восстановить подробности: «когда началась упорная битва... египтяне бросились бежать»⁶⁸. Схватки лицом к лицу с короткими мечами, дротиками и копьями не были каким-то новшеством для египтян, они владели этими приемами, и «обмундирование» соответствовало подобной тактике боя; в их рядах также воевали хорошо подготовленные греческие наемники. Скорее всего, важную роль в битве против египтян сыграло мастерство ахеменидских лучников-пехотинцев и лучников-наездников. Последние могли оказаться неожиданностью для египтян, хотя они до этого уже сталкивались с подобного рода воинами-ассирийцами несколько поколений тому назад.

После поражения у Пелусии египтяне отступили к Мемфису, который тоже пал под натиском ахеменидов. Но египтяне упорно не желали сдаваться, что вынудило Камбиза задержаться в Египте почти на три года. Его поход в Аммон, где находился храм Сивы, потерпел неудачу из-за песчаной бури, но эти утверждения и по сей день вызывают споры⁶⁹. Потом был взят стратегически важный оазис Карга, что позволило полководцам Кирену и Барка пройти дальше на запад. Ливия, похоже, не оказала сопротивления и признала владычество Камбиза⁷⁰. Попытка захватить Карфаген оказалась неудачной, так как финикийские моряки, поддерживавшие Камбиза, отказались участвовать в сражении против этнически близких им представителей Северной Африки. К тому времени стали прибывать воины с Кипра, чтобы

вступить в армию Камбиза. Геродот описывает вторжение в Нубию как полное поражение⁷¹. Однако тщательное изучение персидских источников дает противоположную картину⁷², и подтверждением их правоты служит то, что во время правления Великого Дария Нубия уже входила в империю как одна из ее частей. Скорее всего, Камбиз вторгся на ее территорию⁷³ и захватил какую-то часть, но остановился из-за того, что не хватало съестных припасов для пропитания воинов.

Камбиз выполнил задуманное: Египет стал провинцией его империи. Захват Египта в конечном счете привел к тому, что его империя образовала единый мир, не считая Греции, Индии и Китая, – и это была самая большая империя по своим размерам, когда-либо до того существовавшая в истории. Камбиз принял полномочия фараона 27-й династии и отнесся с должным почтением как к религиозным, так и к светским ритуалам покоренной страны⁷⁴. Местная администрация осталась на своих местах⁷⁵. Камбиз погиб в 532 г. до н.э. в результате несчастного случая уже после того, как вернулся в Персию, – он наткнулся на свой собственный меч, когда садился на коня⁷⁶. Так закончилось его семилетнее правление. Перед смертью Камбиз узнал о том, что его брат Бардия (по-гречески Смердис) поднял восстание в Сузе. Смятение, которое началось в результате этого восстания, и тот факт, что Камбиз не оставил сына-наследника, могли привести к гражданской войне в стране.

Глава 3

Дарий Великий

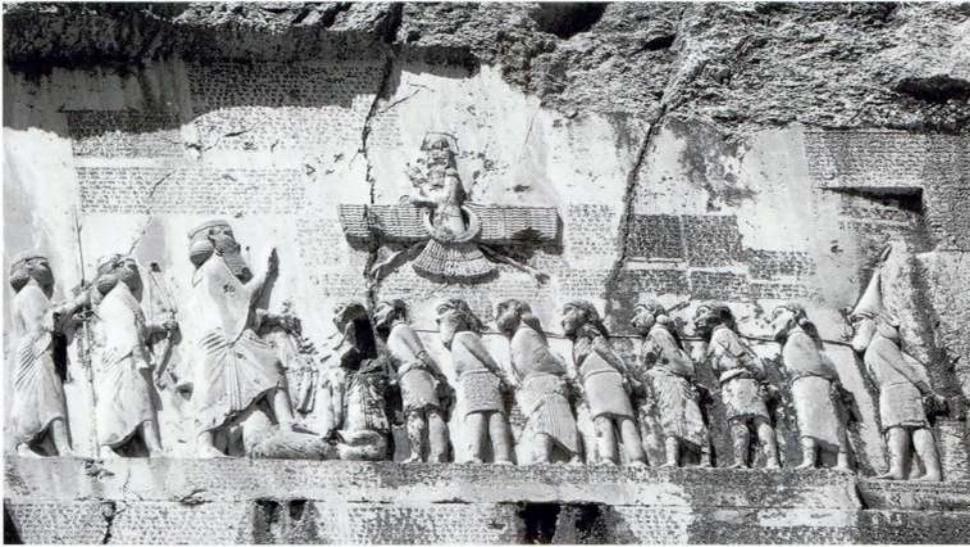
Дарий (на староперсидском Дарьявахуш) (521–486 гг. до н. э.) был *arshti-bara* (копьеносцем) в египетской армии Камбиа. Дослужился до высокого чина потому, что принадлежал к царскому роду ахеменидов. Только семейство Дария относилось к ария-арамейской ветви ахеменидской линии¹.

Дарий и шесть заговорщиков² составили план захвата персидского трона. Но вопрос, кто станет царем, оставался открытым. Согласно Геродоту, семь заговорщиков договорились встретиться в условленном месте на рассвете. И чья лошадь заржет первой, тот и должен был стать правителем персидской империи. Если верить этому преданию, лошадь Дария помогла ему занять трон. Вопрос, каким образом это произошло, по сути, не столь важен, поскольку более важным был вопрос о том, как усмирить подданных. Империя расплзлась на куски из-за большого числа претендентов на трон, и Дарию пришлось приложить немало сил, чтобы удержать власть в своих руках.

Усмирение повстанцев

Бунт, о котором сообщали Камбию перед его смертью, поднял его брат Бардия³. Он выдвинул свои притязания на трон Персии и Мидии 11 марта 552 г. до н.э., и эти страны поддержали его⁴. Вавилон официально признал его 14 апреля, а в июле Бардия стал владыкой империи. После того как он объявил о том, что прекращает взимать налоги на воинские нужды в течение трех лет, его популярность чрезвычайно возросла. Видя, какой успех принесла эта уловка, Бардия совершенно перестал считаться с магами и арийскими феодалами. Жреческая прослойка ощутила себя оскорбленной, а феодалы – ущемленными. Новая налоговая политика выглядела покушением на их исконные права и на их власть.

Личность мятежника Бардии вызывает серьезные сомнения. По одной версии, подлинный Бардия был убит до начала восстания «Бардия». Геродот, который называет подлинного Бардию Смердисом, утверждает, что тот был убит Прексаспесом – главным советником Камбиа, и что убийство держалось в тайне от населения империи. Если это верно, кто же поднял мятеж, провозгласив себя Бардией? Дарий был полностью убежден, что подлинного Бардию убил его брат Камбий еще до египетс-

Триумф Дария Великого – он стоит с поднятой рукой – над побежденными мятежниками в Бехистуне перед лицом крылатого арийского божества Ахура Мазды. Справа в отдалении стоит Скунха, поднявший восстание среди сакоттиграхавдов. Под изображением имеется надпись, описывающая историю восхождения и победы царя над персами, вавилонянами и эламитами.

кого похода в 525 г. Самозванец Гаумата – из жреческого сословия, поднял мятеж, убедив мидян и персов, что он и есть настоящий Бардия. С другой стороны, Ольмстед не согласен с такими предположениями и считает, что Дарий просто узурпировал власть и бросил тень на Бардию, искажив события, чтобы придать своему правлению легитимность⁵. Что является несомненным в этой истории, так это то, что Дарий победил в сражении и убил Бардию/Гаумату 29 сентября 522 г. до н.э. в крепости Сикайяватиш в Мидии.

Приход Дария к власти после восьми месяцев царствования Бардии/Гауматы был только первым шагом на его пути. Действия Бардии/Гауматы стали своего рода катализатором к огромному количеству мятежей, вспыхнувших по всей империи. Существуют свидетельства о появлении «царя» в Эламе, а также «Навуходоносора III» в Вавилоне в начале октября 522 г. до н.э. По имеющимся сведениям, армия Дария была не столь многочисленной, но зато это были опытные и профессиональные воины из мидян и персов, участвовавших в египетском походе.

Сначала Дарий в 522 г. направился в Элам, где ему быстро удалось подавить неподготовленных мятежников и восстановить порядок. В декабре следующего года Дарий со своим войском отправился в Вавилон и пересек Тигр. После двух сражений мятежники потерпели поражение, и Навуходоносор III был казнен. Какое-то количество мятежей в Эламе также были подавлены в 519 г. до н.э.⁶ Ассирия тоже осталась в подчинении у ахеменидов. Но более серьезные мятежи последовали со стороны иранских противников. Из надписей в Бехистуне становится ясно, что против Дария выступали в Персии и Мидии⁷. Персия выдвинула своего претендента на ахеменидский трон – Вахьясдату⁸. Мидяне, которых вел за собой Фравартиш, надеялись восстановить авторитет царского дома Киаксара. Но всех, кто был настроен против ахеменидов, удалось вытеснить в Армению.

Восточный Иран также поддался мятежному искушению. Некий Фрада возглавил бунт в Маргиане. Чтобы подавить волнения во всех этих «горячих точках»,

Вельможи с рельефа у северной лестницы Ападаны в Персеполе. Два представителя северных иранцев (сака-скифов) несут горилу (футляр для лука). На второй фигуре справа – мидийская одежда, у третьей фигуры справа традиционный персидский наряд. На самой последней фигуре слева – плащ с рукавами – «канди», который начал появляться среди германских воинов в III–IV веках н.э., когда они вступили в непосредственный контакт с иранцами в Восточной Европе. Несколько вельмож держат мечи-акинаки (Ливан).

Дарий разделил армию, чтобы вести сражения в Персии, Парфии, Маргиане и Армении. Все военачальники отрядов были близкими и доверенными людьми из его окружения: так, например, отец Дария возглавлял сражения в Парфии, а Видарана, один из заговорщиков, возглавлял сражения в горах Загроса. Дарий встал во главе войска, которое он двинул в северную Мидию, и пересек Раг (Райн), недалеко от того места, где располагается нынешний Тегеран. Откуда он направился на северо-запад через мидийский город Атропартен (иранский Азербайджан). Скорее всего, именно во время этой военной операции произошла битва в Кундуруше. Сочувствующие мидянам жители города Атропартена позволили настроенным против Дария силам повернуть в сторону Армении на Кавказ. Подчинив Мидию, Персию и Армению, Дарий смог сосредоточить свои силы против упорных парфянских мятежников и полностью разбить их. Отчасти о степени жестокости этих битв повествуют надписи Бехистуна. Парфянские, армянские и персидские походы закончились тем, что около 36 000 мятежников были взяты в плен или убиты, а мидяне насчитывали свои потери в 20 000 человек.

Любопытно, что сатрапы Малой Азии придерживались нейтралитета в ожидании, кто же займет трон Персии. Единственным актом возмездия в Анатолии после восстания некоего сатрапа Лидии, Ориентеса, стала его казнь. Ориентес пытался использовать удобный момент, чтобы захватить контроль над ахеменидской частью Малой Азии. Восстание произошло и в Египте, однако оно имело место, скорее всего, в какой-то отдельно взятой части Египта, и Дарий подавил его в 518 г. до н.э.

В августе 521 г. до н.э. Дарий полностью завершил свою геркулесову задачу: восстановление порядка в империи. Теперь она стала полностью управляемой. На северо-западе Бактрия и Маргиан признали власть Дария. Только саки-тигракхауда и массагеты оставались независимыми. Более того, саки оказывали военную поддержку и выступали на стороне мятежников⁹. Потенциальная угроза – вероятность нападения со стороны саков – вынуждала Дария готовиться к схватке с ними в самом ближайшем будущем.

Восстановление олигархии

Надписи в Бехистуне в западном Иране утверждают, что Дарий «вернул народу» все то, что было конфисковано Бардией/Гауматой, в частности земли, пастбища, рабов и стада. Святилища, разрушенные Бардием/Гауматой, он восстановил. Под «народом», о которых говорится в бехистунских надписях, скорее всего, имеются в виду представители правящей власти, потерявшие свою собственность. Мятежниками становились, как правило, политические вожди не из числа преуспевающих, а из неимущих – каковой была большая часть населения. Это объясняет, почему персидские крестьяне, точно так же, как и мидийские, присоединялись к Бардии/Гаумате. Победы Дария, несомненно, несли выгоду и укрепляли власть и положение арийских феодалов, которых теперь связывали более крепкие узы с ахеменидским царским

Ворота всех наций
в Персеполе (Джованни
Дагли Орти/ Корбис).

домом. Возможно, что имелись и богословские противостояния: отдельные арийские жрецы поддерживали Бардию/Гаумату, а другие – встали на сторону Дария. Скорее всего, как мы считаем, Бардия/Гаумата притеснял последователей культа Митры¹⁰, он же, в отличие от Дария¹¹, разрушил и многие неарийские храмы аламитов.

Дарий обеспечил себе успешное продвижение, потому что окружил себя преданными людьми, потому что поддержал оскорбленную знать¹², а также потому, что к нему присоединились отборные части мидо-персидского войска¹³. Немалую роль сыграло и то, что его противники не сумели объединиться в борьбе против него, и в результате Дарий разбил их всех по отдельности. Но нет сомнения в том, что Дарий был чрезвычайно талантливым полководцем: в течение одного года он разбил всех своих многочисленных врагов, вернул уважительное отношение к имперской власти и стал во главе ее. Он стал одним из самых значительных государственных деятелей в истории.

Восстановив прежнюю систему, он невольно оказал содействие и тому, что при дворце вновь восторжествовала коррупция и семейственность, что самым неблагоприятным образом сказалось в дальнейшем на деятельности имперской администрации и в военной среде. К тому же все это сопровождалось постоянным ростом замораживания системы управления и ее негибкостью, в особенности в среде дворцовой знати. Ахеменидский царь, в отличие от Кира, становился все более отчужденным и отделенным от народа. Даже самые ближайшие советники не имели возможности непосредственно вступать с ним в отношения. Все это самым неблагоприятным образом сказалось на том, что преследовались только краткосрочные интересы. Порочность управления сказалась и в том, что лесть придворных помешала провести необходимое обновление в армии, которое попытался предпринять Ксеркс во время вторжения в Грецию в 490 г. до н.э.

Военный поход Дария на саков-тиграхавдов

Первые военные походы после прихода и упрочения своей власти Дарий предпринял против своих врагов в Центральной Азии¹⁴. Эти действия были продиктованы тем, что саки захватили северо-западную часть царства во время мятежей. К тому же Дарий хотел восстановить авторитет империи в Центральной Азии, заметно поколебавшийся после гибели Кира в сражении с царицей Томирис двадцать лет тому назад. По имеющимся у нас скудным данным, можно сказать, что тактика ведения сражений тех лет состояла в непосредственном столкновении противников на поле боя. Осознавая, что встретиться придется с сильным противником, Дарий выбрал новую стратегию. Он отправил свои отряды на кораблях с побережья Каспия северной части Персии. По морю они преодолели расстояние до западного берега – нынешний Туркестан. Когда войска вышли на берег, они оказались в тылу противника, и Дарий, воспользовавшись внезапностью, захватил в плен лидера саков-тиграхавдов – Скунку. Эта блестящая победа Дария и изображение плененного противника впоследствии были запечатлены на рельефе Бехистуна. Это отношение ахеменидов к Скунке как к «мятежнику на троне» объясняется тем, что он в свое время активно поддерживал противников Дария.

Успешный захват Центральной Азии был настолько важным, что это сказывается и по сей день. Во-первых, потому что наконец установились прочные торговые связи между Иранским плато и Центральной Азией. И эти связи были стабильными в пределах единой империи¹⁵. Этот обширный регион – некогда недоступный – слился с Анатолией, Вавилоном, Ассирией, Египтом и Индией. А во-вторых, Персия переняла все последние военные достижения саков, в частности лучников на лошадях и хорошо защищенную кавалерию.

«Хорошо защищенная кавалерия» появилась сначала на обширных степных просторах Центральной Азии, России и Украины, опередив в этом ахеменидов по меньшей мере на столетие¹⁶. Эти новшества в виде хорошо защищенной и вооруженной копьями для ведения боя кавалерии ввели саки-массагеты Хорезма (ныне Туркестан). И после победы Дария персидское войско смогло использовать достижения своего противника в этой области. Однако не стоит упускать из виду, что заимствования имели место и до того. Уже в V веке до н.э. в северных и восточных частях Ирана приемы ведения конного боя, вооружение всадников постепенно распространялись и в среде ахеменидов¹⁷. Имеются описания того, что восточные иранцы и конники саков, находившиеся в услужении у ахеменидов, носили кольчуги, панцири и шлемы, а также оружие для ведения ближнего боя¹⁸. Это является несомненным свидетельством того, что ахеменидская армия в середине и последней части правления своей династии уже двигалась по пути новейшего перевооружения.

Вторжение Дария в Индию

По персидским источникам, Индия числилась среди тех регионов, которые находились в подчинении ахеменидов. Но сведения о каких-либо конкретных сражениях отсутствуют. И в греко-романских источниках тоже нет этих свидетельств. Но современные историки сходятся во мнении, что в империю и мидян, и Кира Великого входила территория, известная как Гадхара и Тхатагуш, про которую Геродот говорит как о месте, которое населяли саттагиданы. Тем не менее Кир, по сути, никогда не вторгнулся в Индию. По мнению ариев, «никто, даже Кир, не покорил Индию». Нирчос¹⁹ считает, что Кир понес большие потери, попытавшись вторгнуться в Индию через Балучистан. И только с приходом к власти Дария Империя Ахеменидов наконец успешно захватила северо-запад Индии.

Из бехистунского рельефа можно сделать вывод, что район Тхатагуша также оказался вовлеченным в отряды мятежников, выступивших против империи. Никаких сведений о том, как он вновь оказался в подчинении, не имеется. Тем не менее, когда Дарий задумал новый поход в Индию – между 520–513 гг. до н.э., этот район уже находился в составе империи или же Дарий присоединил Тхатагуш, когда двинулся дальше на юго-запад Индии. Во время этого похода армия Дария захватила Синд и совершила ряд набегов на территорию нынешнего Пенджаба. Это подтверждает Геродот, который заявляет, что «Дарий покорил индусов»²⁰. Этот поход отчасти совпадает и с походом Дария в Египет, но если последний сразу ему подчинился, то индийское сопротивление Дарию продолжалось довольно долго.

Золотая ваза из украинского могильника в Кул Обе с изображением сака-парадрова (скифа), натягивающего лук. Персы и мидяне находились под сильным влиянием искусства изготовления луков своих северных иранских соседей (Чарльз О. Реа/Корбус).

Захват Синда и Пенджаба оказался очень важным в экономическом и военном отношении для империи. Успешно добравшись до реки Инд, Дарий тем самым дал толчок экономическому развитию державы в торговых отношениях и пополнил царскую сокровищницу. Эти районы были богаты золотом и рудами. Индия также стала поставлять ему воинов для будущих сражений с греками. И что самое главное – иранцы и индусы, вполне возможно, обходились без переводчиков, если учитывать, что язык ариев был для них общим и у них были сотни родственных слов. Однако надо заметить, что к началу правления сасанидов (220 г. н.э.) индийский и иранский языки уже разошлись довольно далеко друг от друга.

Поход Дария против саков-парадров

Европейские саки-парадравы, или скифы, не входили в состав империи Дария. Поводом для вторжения на территорию Украины стали имевшие место до того набеги скифов на мидян. Все придворные поддержали намерение Дария захватить европейских саков. И только брат Дария – Артабан – предупреждал, что военный поход на Украину чрезвычайно рискован, но даже в случае успеха не принесет сколько-нибудь заметной экономической выгоды для империи. Дарий вежливо выслушал советы брата, но остался при своем мнении и в 512 году до н.э.²¹ выступил со своей армией. Добравшись до Суз, он двинулся по направлению к Халкиде, уже по главной военной дороге. Чтобы добиться численного превосходства, Дарий набирал отряды из Малой Азии и с Босфора. Но утверждение Геродота, что армия ахеменидов состояла из 700 000 воинов²², вызывает серьезные сомнения²³. Население всей империи едва ли могло поставить больше 70 000–150 000 человек, что, впрочем, тоже являло по всем классическим образцам внушительную силу.

Продвижение такого числа воинов из Малой Азии в Европу – задача весьма трудная. Войска преодолели Геллеспонт (Босфор) в Халкиде и высадились во Фракии. Оттуда Дарий двинулся на северо-восток, пересек Дунай и вошел в восточную Румынию – западная часть Украины к северу от Черного моря. С заданием возвести мост справился Мандроклис – греческий инженер с острова Самос. Ссылаясь на греческие тексты, иранские историки утверждают, что длина моста Мандроклиса равнялась 22 200 м. Преодолев Геллеспонт и войдя во Фракию, Дарий присоединил ее к своей державе²⁴.

Пехоту Дария поддержали морские войска ионийских греков, которые спустили на воду 600 галер, чтобы добраться к северному побережью Черного моря, к устью Дуная, где они выстроились в одну линию, образовав своеобразный гигантский понтонный мост, ожидая прихода Дария²⁵. Его войска прибыли в полном боевом порядке и прошли через мост в Скифию. Но даже тогда они не увидели никаких признаков подготовки скифов к войне. Они обратились за помощью к соседним племенам, но не получили желаемого ответа. Союзники получили приказ уничтожить флот и присоединиться к силам ахеменидов. Однако ионийский полководец посоветовал царю оставить флот и разрешить его воинам остаться, чтобы охранять галеры. Дарий мудро прислушался к совету²⁶. Ионийцы остались на месте высадки войск, чтобы в течение двух месяцев ожидать возвращения царя. Если в течение этого времени он не появится, они могли возвращаться домой.

Три главных племени скифов возглавляли Скопасис, Таксас и Идантисус, который командовал всеми силами скифов. Скифы придерживались своей тактики, избегая прямого столкновения, так как им было «не по силам одолеть такого мощного противника в битве...»²⁷ Идантисус избрал политику «выжженной земли»: все источники провианта и все колодцы на пути следования противника были уничтожены²⁸, что не давало возможности воинам-ахеменидам пополнить запасы. Скифы разбились на две части: Идантисус преследовал Дария по пятам, в то время как его союзник Скопасис опережал противника на один день пути, примерно 30–35 км, увлекая армию Дария за собой на обширную и совершенно безжизненную территорию²⁹. Их цель состояла в том, чтобы заманить его еще дальше в глубь украинских степей, измотать воинов, а потом совершать стремительные конные набеги³⁰.

Чем дальше в глубь земель уходили Скопасис и Идантисус, тем все сильнее и многочисленнее становилось их войско, под их знамена вставало все больше скифов³¹. Конница скифов и ахеменидов была экипирована почти одинаково, в особенности снаряжение всадников-лучников, «однако создатели упряжи обладали большим преимуществом»³². Вместо того чтобы двигаться дальше на восток в безжизненные места, преследуемый неуловимым врагом Дарий решил покинуть негостеприимные скифские степи. Бросив раненых и больных на произвол судьбы, Дарий с остатками войск вернулся к Дунаю. К счастью, две попытки Скопасиса убедить ионийцев предать Дария обернулись неудачей: те остались на своем месте, как обещали³³.

Историки уверенно повторяют следом за Геродотом, что вторжение Дария потерпело полную неудачу³⁴. Однако несмотря на то что Дарий вынужден был отступить, все же территория Фракии оказалась вовлеченной в орбиту империи. Найдено нема-

ло глиняных табличек ахеменидов в Румынии, что позволяет представить, насколько глубоко проникало влияние империи на территорию Балкан³⁵. Дарий мог получить большее преимущество, если бы набирал воинов из числа саков и восточных иранцев своего царства, чтобы уравновесить военное превосходство скифов. Однако его поражение в этом походе выглядит не таким масштабным по сравнению с тем, что произошло в последовавшей вскоре войне с греками.

Дарий и его методы управления

Если защита прав человека при Кире стала огромным скачком вперед для того времени, гений Дария заключался в методах управления и расширения торговли. При нем империя была разделена на 20 больших сатрапий, что упрощало управление и сбор налогов³⁶. Его система сильного, эффективного и централизованного правительства действовала весьма успешно до окончательного падения империи. Именно во время его царствования империя преобразовалась из арийской в «восточную» империю.

Дарий задумал систематизировать законы для всех подвластных ему народов. Эти реформы обеспечили стабильность империи до конца ее существования, даже несмотря на последовавшее поражение в греко-персидской войне. Системе законов Дария возносил похвалы Платон³⁷, который описал его как правителя-«законодателя». Следуя примеру Кира, Дарий положительно воспринял Библию³⁸. Законодательные реформы Дария оказали скрытое, но глубокое влияние на греко-романский мир, и в особенности сказались в контексте будущей романской империи. Множество регионов под управлением ахеменидов претерпели цивилизационное влияние, получили свои права со своими местными законами (Вавилон). Систематизированное законодательство Дария, распространившееся по всей территории империи, принесло большую пользу аналогичным процессам в таких местах, как Египет. Законодательство и права, которые издавались в таких районах, как Иония, Египет и Вавилон, были переписаны и распространены чиновниками судебной системы сатрапий.

В империи существовали две различные юридические системы. Первая занималась разбором тяжб в семейных конфликтах (распрях), вопросами наследования и собственности. Вторая рассматривала те вопросы, которые «касались империи», как, например, измена царю, проступки против правительства, представителей власти, вандализм или кража общественной собственности и сбор налогов. Во главе суда стоял датабрадара (носитель закона), который мог объединять в своем лице, если пользоваться современными выражениями, судью, генерального прокурора и даже полицейского. Идею «царского законодательства» — новшество, введенное ахеменидами³⁹, — переняли позже в Римской империи⁴⁰.

Серебряная и золотая чаша, декорированная лучниками на наружной стороне. Возможно, что это члены «бессмертной» гвардии. Их изображение напоминает те фигуры, что имеются в Персеполе. V век до н.э. (Эрих Лессинг).

Ахеменидская армия оставила свои отряды – поселенцев мидо-персиян на захваченных ими территориях, включая Малую Азию, Египет и Вавилон. Для поощрения этим поселенцам выделялись участки земли в отличие от тех римских отрядов, которые захватывали пограничные земли. Представители одного гарнизона обыкновенно принимали имя командира гарнизона, как, например, Багадата (сын Аспадаста), который обосновался со своим гарнизоном в Вавилоне⁴¹. Они образовали свои общины багадатов, которые сохранились вплоть до вторжения арабов, и во время халифата Аббасидов стали называться на арабский манер «аль Багдад». Эти гарнизоны могли состоять из саков или хорезмских отрядов. Были отряды, состоявшие и из неиранцев: ассирийцев, вавилонян, финикийцев, лидийцев, фригийцев, индусов, египтян и евреев.

Первый город-дворец Персеполь

Наиболее значительным из наследства ахеменидов считается город-дворец Парсов⁴², известный грекам, а от них и всему западному миру, как Персеполь (по-гречески «город персов»). Современные курды, азеры, лури и персы часто связывают его с местом, которое называется «Тахт-и-Тамшид» (трон Джамшида). Это общераспространенная ошибка или заблуждение, поскольку единственным дворцом в империи был именно Персеполь. Хотя существует множество упоминаний в разного рода источниках⁴³ и о других подобных местах. Появлялось множество совершенно официальных заявлений о том, что найден большой дворец ахеменидов в Болаги, датированный временем правления Великого Дария⁴⁴. О предназначении большого дворца в Сузе – как зимней столицы, – точно так же, как и дворца в Экбатане, хорошо известно историкам. Они в основном сходятся во мнении, что Дарий перемещал свою столицу из Пасаргады в местность, которую сейчас именуют Ширазом, которая и стала Парсой или Персеполем. При Дарии в 520 г. до н.э. начали возводить огромный дворец, который соединялся переходами. Эти работы продолжались и при Ксерксе. Центральное место в Персеполе занимали Ападана (дворцовый двор), Тахара (летний дворец) и Хадиш (трон, царская резиденция), множество самых различных художественных стилей и мотивов переплелись здесь⁴⁵. Все строительные работы в Персеполе закончились только после разрушения его Александром Македонским⁴⁶.

Мало кому известно, что главное предназначение Персеполя – «торжества по случаю празднования персидского нового года, имевшего государственное значение»⁴⁷. Навруз (Новый год) символизировал гармонию, уважение, единство и многообразие, выживание, и в этот момент происходил обмен дарами. Празднество во всем его лингвистическом и культурном разнообразии можно видеть на художественных произведениях из Персеполя. Как отмечает Доусон, «официально персидское искусство было свободно от ассирийских варварских празднеств»⁴⁸. На ассирийских изображениях, по сути, представлены побежденные народы – арабы, евреи или эламиты – пленные, униженные и оскорбленные. Подобных изображений не найдено в произведениях искусства ахеменидов или в архитектурных памятниках, кроме рельефа из Бехистуна, где Дарий демонстрирует свое превосходство над поверженными врагами, бросившими вызов его трону и его праву на власть. Но все же это изображе-

ние посвящено не жестокой победе одного народа над другим и его поруганию, его смысл связан с политическими противниками, а не с этнической принадлежностью к той или иной группе. А на рельефах Персеполя представители подчиненных народов, такие как африканцы, египтяне и лидийцы, изображены как люди, приносящие дары к празднованию Навруза.

В художественных изделиях и архитектуре Персеполя соединились в единое целое стили Египта, Вавилона, Ассирии и Лидии. И в результате образовался новый стиль, получивший название «персепольский». Наиболее отчетливо он проявился в новой форме колонн, до сих пор не имевшей места в Древнем мире⁴⁹. И хотя действительно мастеров из Египта, Греции, Вавилона и Ассирии приглашали для работы в Персеполь, но все же техническое исполнение, сами мотивы и архитектурные планы разрабатывали и исполняли мидо-персидские инженеры и архитекторы⁵⁰. Истинная цель этих архитекторов – выразить идею зороастризма как гармонического единства наций. Но в их произведениях находил продолжение и древнеиранский «звериный стиль».

Персеполь: молчащее наследие в искусстве, архитектуре и культуре

Роль греческого влияния в архитектуре и художественных традициях на развитие европейской культуры бесспорно. Но что известно намного меньше (или остается под вопросом), особенно европейской научной мысли, – это симбиоз, который существовал между греками и персами. Как отмечает профессор Артур Уфам Поуп: «Искусство Ирана – непреходящий вклад иранцев в историю народов мира»⁵¹. Масса художественных изделий из Персеполя оказывалась в Анатолии, на Кавказе, в Европе, Центральной Азии и западной Азии по торговым путям империи благодаря культурным и политическим связям. Образцы богато украшенных изделий ахеменидов с крылатыми львами или быками – блюда, ковши, кувшины, курильницы для ладана и с животными наподобие грифонов – были выполнены из металла. Их уникальные ритоны⁵² обрели окончательную форму и вид спустя век – во время правления Сасанидов⁵³. Скифская (европейская) культура зародилась на северо-западе Ирана и в Луристане⁵⁴. Узловой пункт передачи культурной и художественной традиции с Иранского плато на Украину (через Кавказ) находится в районе, расположенном неподалеку от озера Урмия на северо-западе Ирана⁵⁵. Это произошло, когда мидяне восприняли и соединили в единое целое свои традиции и наследие Месопотамии и Урарту. Вся иранская мифология с ее разнообразными большеглазыми и большеклювыми богами-птицами, львами и хищниками, терзающими своих жертв, – все варианты «звериного стиля» представлены на изделиях из золота и серебра, на щитах, на ножнах, мечех и т. д. Находки из погребальных курганов и произведения искусства, обнаруженные на севере Ирана, на Кавказе и Украине, были взяты с собой теми скифами, которые покинули Иран после того, как мидяне пришли к власти в 625 г. до н.э.⁵⁶ «Уцелевшие» скифы вернулись на Украину вместе с наследием мидян Ирана.

Этот стиль увековечен в городе-дворце Персеполе как раз в тот период, когда босфорское искусство Украины пришло к моменту своего расцвета. Украина и Иранское

плато поддерживали культурные связи через Кавказ и Понтийские районы до того момента, пока весь район Босфора (Южная Украина) не был разрушен тюрко-язычными мадьярами (гуннами) в IV веке н.э. Иранские и греческие художественные традиции и архитектура претерпели синтез в Босфоре – на территории Украины. В это время там образовалось множество греческих поселений по всему побережью Черного моря. Греческие поселенцы смешивались с местными народностями, говорящими на иранском языке, в результате чего образовался неповторимый стиль в искусстве и архитектуре. «Сарматский» стиль – это соединение утонченного, отшлифованного эллинистического стиля и персепольских мотивов. Синтез мидо-персепольского стиля с эллинистическими мотивами распространился далее на запад, в нынешнюю Румынию, и оттуда перешел к кельтам, в искусстве которых прослеживается глубокое влияние иранцев⁵⁷. Яркий пример тому – божества птицы в сокровищах, найденных в погребальном кургане Саттон Ху в Англии⁵⁸.

Культура и цивилизация Европы, в частности Рим и все западные цивилизации, в неоплатном долгу перед классической Грецией. Но все западное побережье Средиземного моря имело прочные связи с Востоком, в особенности с империей Ахеменидов. Средиземноморье – связующее звено с Анатолией, которая вступала в самые разнообразные отношения с Месопотамией, Сирией–Палестиной и Иранским плато. Спатари принадлежит высказывание о том, что персидская империя достигла беспрецедентного

Золотое нагрудное украшение саков-парадравон (скифов) с изображением битвы между реальными и мифическими животными. Этот мотив не только вошел в произведения искусства Персеполя, но нашел отражение и столетия спустя на каменных рельефах и в изделиях из металла в Сасанидскую эпоху.

уровня культуры, искусства, архитектуры и научно-инженерной мысли, в котором соединились все достижения Центральной Азии, Иранского плато, Месопотамии, Сирии–Палестины, Анатолии и Египта. Эта культурная система связала воедино Ахеменидскую империю персов с прибрежными районами Греции, Египет и южную Италию, в особенности Калабрию. Присутствие греческих поселенцев в южной Италии отчетливо прослеживается по многочисленным свидетельствам западных историков, особенно на калабрийском побережье. Менее известно, что на юге Италии находились и поселения мидо-персов в 500–450 г. до н.э.⁵⁹ Этим объясняется наличие почему-то не принимаемой во внимание оси Иранское плато–Анатолия–Средиземноморье, которая давала возможность проникать «восточному» влиянию в произведения искусства и архитектуру. Примером такого влияния может служить образ Великого Дария из Персеполя (см. стр. 84) и статуя богини Персефоны⁶⁰ (буквально: та, которая говорит на персидском), которая находится в Государственном музее в Берлине. А также поразительном сходстве между колоннами Персеполя и такими же колоннами в кафедральном соборе в Калабрии⁶¹. Еще один яркий пример влияния ахеменидов на классическое искусство Греции можно видеть в мавзолее – Одеоне Перикла, найденном на южном склоне Акрополя в Афинах. Западные исследователи сравнили размеры Одеона (68,5 × 62,4 м и 90 колонн) и нашли необычайное сходство с самым древним Залом ста колонн в Персеполе (225 × 225/68,5 м). То есть упрощенная версия Зала ста колонн – демонстрация «вторжения» Ксеркса в Грецию.

Развитие астрономии в Вавилоне

Дарий не только проявил себя как блестящий организатор в сфере управления и торговли, но очень много сделал и для развития наук, особенно в Вавилоне. Но тут надо учитывать, что в Вавилоне – задолго до становления Ахеменидской империи – уже имелась своя давняя традиция в математических науках и астрономии, которая насчитывала 2000 лет. Вавилонская научная школа – достойный соперник египетской и греческой. Расчеты вавилонских астрономов двинули вперед математическую науку. Дарий Великий оказывал всемерную поддержку вавилонским ученым, очень многие из них получали приглашение жить при дворе для того, чтобы усовершенствовать календарь и уточнить дату наступления иранского Нового года, который уходил своими корнями в более древний праздник вавилонян – Нисанну (Nisann). Вавилонские ученые не утратили своего положения при царском дворе и после Дария. Примером тому может служить хотя бы ученый Кидинну (Сиденас) во время правления Артаксеркса II. Расчеты Кидинну настолько точны, что имеют незначительные расхождения с нынешними часами.

Дарий Великий и развитие средств сообщения

Необъятные размеры империи Дария требовали более совершенных способов сообщения. Вот главная причина того, что появился так называемый царский тракт и почтовая система. Царский тракт способствовал более быстрой доставке изделий и товарообмену между Анатолией и Иранским плато.

Царский тракт соединял Сузы (юго-запад Персии) и Сард (западная Анатолия), его протяженность – около 2700 км⁶². Специально выстроенные служебные здания на всем протяжении дороги содействовали укреплению торговых, культурных и военных связей между Эгейским морем и Иранским плато⁶³. Геродот называет ее «Великолепной»⁶⁴. К концу правления Дария (а может быть, и чуть раньше) были выстроены гостинные дворы через каждые 4 парсанга⁶⁵ (примерно 24 км). Разного рода должностные лица, впрочем, и самые обычные путешественники, отправившиеся в дорогу по торговым, государственным или военным делам, имели возможность передохнуть на пути следования. При каждом постоялом дворе имелось огороженное место, где путники оставляли лошадей и вьючных животных.

Долгие годы все внимание ученых привлекал только тракт Сузы–Сард, но на самом деле в империи существовали и другие пути. Районы, расположенные в западной части империи (Центральная Азия и Индия), были не менее важными, чем восточные сатрапии. Халлок, например, нашел описание путешествия принцессы из Суз в Кандахар, расстояние между ними равняется примерно 1000 км⁶⁶. Во времена ахеменидов было возведено огромное количество мостов, что чрезвычайно способствовало развитию путешествий и торговли⁶⁷. Хорошо развитая система дорог в империи позволяла очень быстро перебросить военные отряды в нужные точки. На случай войны на всем протяжении главной дороги были установлены склады с определенным количеством продовольствия для снабжения воинов⁶⁸.

Вопрос о том, насколько этот царский тракт оказал влияние на европейскую цивилизацию после того, как по нему прошел захватчик Александр Македонский, остается пока спорным. Греки, несомненно, знали об этой дороге и о том, какое она имеет значение. Некоторые иранские ученые высказывают предположение, что римляне отчасти позаимствовали свою систему устройства дорог от ахеменидов. Как бы то ни было, римские тракты – серьезное свидетельство существования независимой европейской дорожной системы, например, у вышеупомянутых кельтов существовала развитая сеть дорог. Вполне возможно, что римляне знали про постоялые дворы персов, но это всего лишь предположение, которое требует дальнейших исследований и доказательств.

Одно из самых высочайших достижений ахеменидов – создание «экспресс-почты» для доставки сообщений. Постоянно действующая администрация в такой обширной империи, нуждавшаяся в подготовленных всадниках и лошадях, способствовала тому, что появилась особая порода лошадей. Постоялые дворы, расположенные на расстоянии одного дня пути, позволяли наездникам, которые везли спешные сообщения, брать свежих лошадей и затем снова скакать верхом целый день. Именно такая система позволяла доставлять послания с невероятной быстротой. Если до того для передачи «письма» из Суз в Сард требовалось три месяца, то новая «экспресс-почта» сократила этот срок до семи дней. Кроме того, были выстроены башни, где при помощи огня по особо разработанному коду передавались важные сведения от станции к станции⁶⁹. Эффективность этой системы выдержала проверку временем, она существовала в Иране до XIX века. Только с появлением телеграфа она утратила свой смысл. Маццарино считает, что греки переняли самые существенные моменты в коммуникативной системе персов, а затем это перешло к римлянам.

Золотой гарик с изображением Дария Великого. Это была единственная монета, которая имела хождение в обширной империи, чтобы облегчить и упорядочить торговые сделки. То, что дарик удалось найти в Западной Европе, свидетельствует о том, что европейские саки (скифы) выступали посредниками в торговых связях между Персией и Европой.

После завоевания Персии Александр Македонский ввел точно такую же почтовую систему, которая оказала огромное влияние на эллинистический, а затем и на романский мир. Римская почтовая служба повторила то, что было достижением Ахеменидской державы. Благодаря римлянам ее унаследовали в Европе, и эта почтовая система продержалась до века электроники. Кажется, лучше всего охарактеризовал почтовую систему персов и ее эффективность Геродот: «В мире нет никого, кто бы продвигался быстрее, чем персидские курьеры... и ничто не могло помешать им совершить дневной перегон в самое скорейшее время... ни снег, ни дождь, ни ветер, ни тьма...»⁷¹

Универсальная валюта Дария: гарик

Во времена царствования Дария появилась и универсальная денежная единица, известная как дарик, имевшая долговременные последствия.

Описывая правителя Ахеменидов, Геродот отзывается о нем как о царе, который «умел из всего извлекать выгоду...»⁷² Впервые в истории появление единой валюты позволило установить и единые нормы в торговле, которые не зависели от языка, континента, людей и обычаев. Захватив Вавилон, Ассирию и Лидию, Кир быстро наполнил сокровищницу империи⁷³. Это вызывало рост людских ресурсов, домашнего скота, строевого леса, металлов и других ценных предметов потребления. Присоединение Лидии также открыло новые возможности для империи: денежную единицу. Именно царь Лидии впервые ввел золотую и серебряную монету как государственную валюту⁷⁴. Маллован высказал предположение, что Кир позаимствовал лидийское новшество для своей империи⁷⁵. Вероятно, это так и есть, но зато Дарий первый официально утвердил монетную денежную систему в качестве единой стандартной международной валюты⁷⁶.

За дарик – золотую монету – можно было приобрести товар или оплатить какие-то услуги во всей империи. Думается, не будет преувеличением сказать, что дарик стал главной валютой того времени, и он был известен далеко за пределами империи, в том числе кельтской центральной Европе. Только на царском дворе имели право выпускать золотые дарики, в то время как сатрапы и высшие военные чины имели право выпускать серебряный дарик. И они использовали их для того, чтобы оплачивать греческие купеческие караваны в западной Анатолии.

Дарик был предметом гордости на международных торговых путях, чему способствовали разветвленная сеть дорог, царский тракт, почтовая система и финикийский торговый флот. Подъем международной торговли привел к расцвету ремесел. Ткани, ковры, сухофрукты, одежда, изделия из металла и другие изделия потекли с одного конца империи в другой, обмен происходил между Азией, Ближним Востоком, Африкой и Европой⁷⁷. Это привело к тому, что в экономике впервые образовался «общий рынок». Товары и услуги теперь были приведены к «единому денежному знаменателю»⁷⁸. Дарий не только совершил революционный переворот в цивилизации того времени, но и заложил основы для валютной системы нынешнего времени.

До появления дарика сборщики налогов забирали собственность. Когда стал выходить дарик, установилась и новая форма сбора налогов: определенная такса на землю, крупный рогатый скот, за место на рынке и т. д. Это привело к невероятному росту доходов государства. Часть доходов от налогов шла на поддержание и развитие инфраструктуры. Доходы от налогов позволяли строить ирригационные системы в прежде засушливых районах, тем самым развивая сельское хозяйство. Все земли измерялись, определялось, какой доход получает владелец, и на каждого налагалась определенная такса.

Весь комплекс налоговой системы привел к необходимости организации государственных банков, прообраз их уже существовал в Вавилоне, и Дарий ввел их во всей империи для облегчения сбора налогов. Самой известной банковской фирмой была фирма Мурашу и сын, организованная в Нипуре. Эта фирма и многие другие, подобные ей, имевшие место при Дарии, нашли продолжение в нынешней банковской системе с выдачей кредита клиентам и получением процентов. Кроме того, во всей империи была утверждена единая система мер и весов⁷⁹.

Сеть дорог, облегчавшая торговлю и связи между людьми, установившаяся при Дарии, оказала огромное положительное влияние на развитие культуры, стимулировала установление связей между греческими, вавилонскими и египетскими учеными. Один из таких ученых, которому установившиеся в империи связи принесли несомненную пользу, был Пифагор (582–500 гг. до н.э.) из Самоса, живший в Ионии, которая находилась под управлением ахеменидов. Пифагор – один из основоположников такой дисциплины, как геометрия, – путешествовал в Египет; Платон (IV век до н.э.) и Фалес также общались с египетскими учеными. Платоновский трактат «Алкивиад II» свидетельствует о том, что философ был очень хорошо знаком с обычаями, религией и знаниями персов. Выказанное им глубокое понимание мысли персов, возможно, впоследствии привело к утверждению о дуальности мира и, быть может,

Золотые пластины из Амударьинского клада. На центральной пластине изображен мужчина в одежде мидянина и несущий в руках меч-акинак (Библиотека изображений Анн Ронан).

было выдвинуто под влиянием зороастризма. Фалес (624–546 гг. до н.э.) – тоже родом из Ионии, учился в Древнем Египте и Вавилоне. Еще один известный философ, живший на территории, находившейся под управлением Ахеменидской империи, – Демокрит из Абдеры (460–370 гг. до н.э.) – хорошо известен как автор гипотезы о существовании атомов. Он учился в Вавилоне и затем изложил все, что узнал от тамошних ученых, грекам. Несмотря на то что вавилонская астрономия оказала влияние на греческую (и оттуда на Европу), ее изучение в Афинах было запрещено как богохульство в V веке до н.э. Примером тому служит Анаксагор из Клазомен (Иония), которого изгнали из Афин из-за высказанной им гипотезы о местоположении Солнца.

Дарий и морская торговля

Персидский залив из-за его соседства с Арабским морем и Индийским океаном имел чрезвычайно важное значение. Последний правитель Вавилона царь Набонид все время пытался – пока его не победил Кир Великий – достичь полного контроля над морскими путями Персидского залива⁶⁰. Эту задачу окончательно завершил ахеменидский царь Дарий, в его руках сосредоточилась вся власть над торговлей морем в Персидском заливе, откуда корабли отправлялись в Оман, Арабское море, Индию и к южному побережью Ирана – очень богатую торговыми традициями территорию.

Божество из семейства кошачьих на колонне дворца Ападана, Персеполь. Также изображался в более позднее время и сенмурв (птица-дракон Симуург) в эпоху Сасанидов (Поль Алмаси/Корбис).

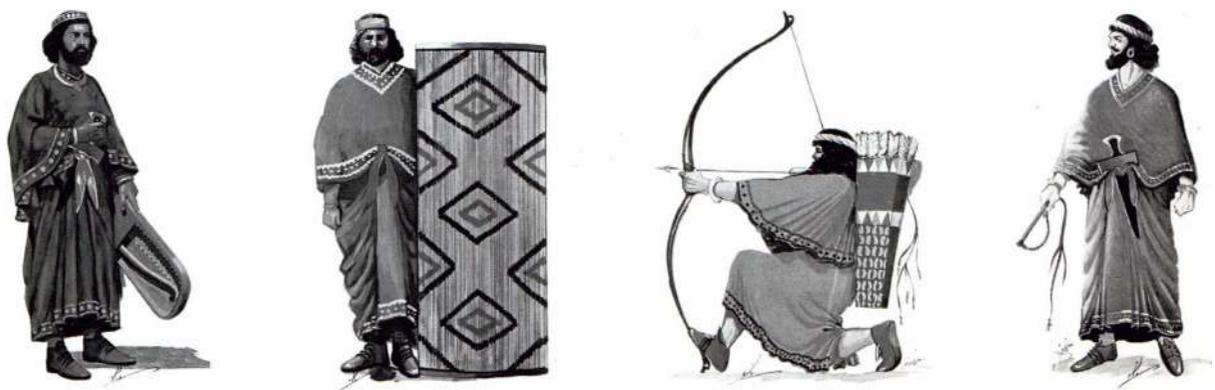
Но окончательное завершение организации этих путей произошло все-таки позже – столетие спустя, после прихода сасанидов. Многие тексты, найденные в Сузах, свидетельствуют о переправке легкого и прочного строительного материала для строительства кораблей из Месопотамии по рекам к Персидскому заливу. Это подтверждает мысль о том, что цепочка «Месопотамия–Иранское плато» вместе с Персидским заливом находилась под властью Дария.

Геродот упоминает о том, что Скилак из Карьянды (современный юго-запад Турции) получил от Дария полномочия для проведения морской разведки, предшествовавшей Индийской кампании. Скилак добрался до Инда, оттуда до египетского Суэца, – таким образом он стал первым, кто прошел морским путем и установил связь Индии с Красным морем. Еще одна задача, которую ставил перед собой Дарий, – облегчить торговые связи между Красным морем и Средиземным. Попытка египетского фараона Нехо (610–595 гг. до н.э.) в этом направлении закончилась неудачей. Скилак установил, что узкий перешеек между Египтом и Синайским полуостровом служит преградой для прохода из Красного моря в Средиземное. Инженеры Дария справились с задачей прорыть канал, теперь известный как Суэцкий, открывший путь для кораблей из Красного моря в Средиземное в 498 г. до н.э.⁸¹ Он был настолько широким, что в нем могли разминуться два корабля. После торжественного открытия канала по нему прошло, как свидетельствуют тексты, два десятка, а может быть и больше, кораблей. От дальнейшего расширения канала инженеры вынуждены были отказаться из-за угрозы наводнения долины Египта⁸².

Кораблестроение времен Ахеменидов

После воцарения царя Кира ахеменидская держава большей частью представляла из себя сухопутную державу. Это положение изменилось во времена Дария. К V веку до н.э. Ахемениды уже пересекали Черное и Эгейское моря, их корабли ходили вдоль берегов, которые образовывали «дугу» Палестина–Финикия–Египет на Средиземном море, и совершали плавания в Персидском заливе. Дарий стремился добиться превосходства империи не только на земле, но и на море. Главной его заботой стало то, что империя не имела собственного флота. И хотя морские сражения имели место в Древнем мире, по сути, ни одна империя не имела своего «имперского флота». Так что ко всем остальным его заслугам следует причислить и то, что он изменил положение вещей в этой сфере, хотя и моряки и суда нельзя назвать чисто иранским изобретением. Но под властью Дария оказались типично морские страны Средиземного моря, такие как Финикия, Египет, Кипр, и греки Эгейского побережья. И первыми моряками ахеменидской державы стали финикийцы (в основном из Сидона)⁸³.

Суда ахеменидов строились мастерами-финикийцами на своих же верфях. Первый корабль ахеменидов был длиной примерно 40 м и достигал в ширину 6 м; на нем могла поместиться группа людей численностью 300 человек⁸⁴. Поскольку государственный арсенал перевели в другое место, то надо было искать и где строить новые суда, где их можно держать на якоре и приводить заново в порядок. Таким местом стал, например, Мемфис, где в V веке до н.э. появилось судно нового типа⁸⁵. Подобно-

Ахеменидские пехотинцы. Слева – персидский офицер несет колчан. Пехотинец с плетеным щитом. Вставший на колено лучник с колчаном, полным стрел. Воин с кнутом.

го рода цейхгаузы начали появляться на территории Персидского залива, заложив основы могущества персидской морской традиции, сохранившиеся в этом регионе до прихода в середине XIX столетия Британской восточной индийской компании и Королевского морского флота.

Небольшие суда, принимавшие максимум 100–200 человек, патрулировали Баб-эль-Мандебский пролив и Персидский залив, устье Нила в Египте, Евфрат и водный путь мимо Синда (провинция Пакистана) в Индию. Корабли ахеменидов защищали металлические щиты, располагавшие по носу, они были оснащены баграми и крючьями, чтобы цеплять суда противника. В их снаряжении имелись метательные снаряды с запасом тяжелых камней для них и легковоспламеняющиеся вещества, чтобы противостоять кораблям противника и судам береговой линии. Ахеменидские моряки впервые стали применять лодки, чтобы поддерживать связь корабля с берегом (устьем рек) и друг с другом⁸⁶. О чем дошли свидетельства Ксенофона⁸⁷, который описывает мост, возведенный через Тигр при помощи стоявших вплотную друг к другу 37 судов во время военных действий. Есть упоминания и о другой переправе из семи судов через реку Меандер. Необычным решением стало использование для переправы через реки в качестве понтонов хорошо высушенных и обработанных шкур животных, наполненных воздухом⁸⁸. В Ираке они известны как калак и, возможно, появились еще в ассирийских морских отрядах.

Имелись три главные военно-морские базы. Первая располагалась вдоль водного пути Баб-эль-Мандебского пролива, который пролегал через районы иранского Хузестана и вел в Персидский залив. Оттуда ахеменидские корабли выходили, чтобы патрулировать водный путь и береговую линию империи на юге, сюда же входил контроль и за такими важными пунктами, как Бахрейн. Поселенцы начали густо заселять эти места, образовав Йемен и Оман, а торговые суда, миновав Персидский залив, устремлялись к главной цели пути – Индии. Вторая военно-морская база охраняла восточную и южную части Средиземного моря, главным образом Палестину-Иудею, Финикию и Египет. Оживленная торговля шла между Египтом, Ливанским берегом, Эгейей и Южной Италией, в особенности Калабрией и Сицилией. Задача ахеменидских моряков состояла в том, чтобы держать эти уже установившиеся торговые – и очень выгодные – пути, а также жителей береговой линии под защитой имперских законов. Местонахождение третьей базы Ахеменидов оказало самое силь-

ное влияние на Грецию и, несомненно, западную историю в установлении связей с Персией. По сути, это первая морская база, расположенная в Сицилии, контингент которой всегда был готов вступить в немедленное сражение за власть над Средиземным морем⁸⁹. И она служила прямым вызовом эллинской морской державе в борьбе за торговое превосходство в Эгейском море.

Вторжение Дария в Грецию: поражение при Марафоне

Хотя сфера интересов Дария была направлена в основном на Индию, он многое сделал для того, чтобы вовлечь в свою державу ионийских греков (в нынешнее время западная часть Турции), что и осуществил в 517 г. до н.э. Это были те самые греки, которые поддерживали Дария на море во время его похода в 512 г. до н.э. против скифов. Но воцарившееся после этого похода мирное сосуществование вскоре нарушилось. Среди западных историков превалировало мнение, что восстание греков и последовавшие затем греко-персидские войны – это была борьба демократии (как об этом заявляли греки) против «персидской тирании». Яркий образец того, как подобная «интерпретация... борьбы греков за свободу является наложением современной концепции на прошлое и вводит нас в заблуждение»⁹⁰. Не менее, если не более важным фактором, который привел к войне, кроме политических причин – желания сохранить независимость от власти ахеменидов, – являлась экономика: соперничество в этой сфере.

Современные историки начали наконец-то видеть причины столкновений в морских притязаниях ахеменидов и греков. Греческие поселения уже обосновались в Калабрии и далее – вдоль современного побережья Франции, в особенности в Никее (современная Ницца) и Массилии (Марсель). Греческие суда доходили и до Кавказа, где также образовывались новые поселения, некоторые из них сохранились и по сей день в нынешней Республике Грузия. Большинство историков соглашались в том, что в 513 г. до н.э. Дарий отправил эскадру, на которой имелись проводники-греки и ученый Демосед, для разведки и составления карты берегов Греции и южной Италии, а также для устройства небольшого поселения мидо-персов в Южной Италии. Греков чрезвычайно обеспокоила все возрастающая власть Ахеменидов в Эгее, и подобная экспедиция выглядела прямым вызовом и явной угрозой: доставка зерновых злаков с Украины в Эгей и Средиземное море могла оказаться полностью под контролем ахеменидов⁹¹. Если бы ахемениды смогли потеснить главенствующих на этих просторах эллинов, то не осталось бы никого, кто мог бы задержать продвижение морских сил империи – и в политическом и в военном отношении – дальше по Средиземному морю. А из последовавшей затем войны между персами и греками, однако, сделан вывод, который продержался и до нынешнего времени: что именно в Эгейском море впервые проявилась и была обозначена линия противостояния так называемых Востока и Запада.

Ионийцы западной Анатолии на берегу Эгейского моря действительно были по происхождению греками, родственными афинянам. Демократически настроенные ионийцы, которые придерживались тех же политических и культурных идеалов, что

Дарий в смертельной схватке со злобной сущью. Изображение на внутренней стороне двери в Тахару, Персеполь (Жерард Дегеорг).

и материковые греки, в 499 г. до н.э. восстали против империи. Вскоре к ионийцам присоединились карианы и греки Кипра, и весь этот район охватил пожар восстания, перекинувшийся затем в 498 г. до н.э. и на Сарды. Афиняне материковой Греции начали с 497 г. оказывать постоянную поддержку ионийцам. Эретрийцы тоже приняли участие в судьбе ионийцев, поддерживая их сопротивление. Дарий разработал двойную стратегию для подавления восстания. Первая состояла в том, чтобы разделить противников, ведя переговоры с отдельными ионийскими городами-государствами. Вторая заключалась в том, что он начал подготовку к тому, чтобы мощным ударом вернуть потерянные территории. Но усилия ахеменидов закончились неудачей, им не удалось подавить восстание. В 495 г. до н.э. ионийцы добились полной независимости от Ахеменидской империи.

Несмотря на неудачу, империя начала собирать силы и разбила ионийских греков в 494 г. до н.э. Ахемениды устроили сражение, сосредоточив свои силы против ионийского флота в Милете. А потом по отдельности разгромили города-государства. Но Дарий отдавал себе отчет, что ему нужно искать другие методы усмирения ионийцев. Мардоний – зять Дария – был направлен в эти районы, чтобы преобразовать местное деспотическое управление по принципам демократии. В результате ахеменидам снова удалось вернуть в свои ряды Фракию и Македонию, которые во время восстания ионийцев вышли из-под их власти⁸³.

Теперь взор Дария обратился к материковой Греции, откуда шла поддержка ионийским мятежникам. И он не собирался оставить эти действия безнаказанными. Царь потребовал признания полного подчинения греческих городов-государств. Кто-то из них смирился с требованиями Дария, но Афины и Спарта решительно отказались. Так началось первое противостояние Европы против Азии.

Датис – полководец мидян как на суше, так и на море – начал сражение против материковых греков, в основном с Афинами и Спартой. Войска для битвы привозили

Ваза из Апулеи. Конец IV века до н.э. На внешней стороне изображен сидящий на троне Дарий Великий. Он обсуждает план битвы при Марафоне. Его советник стоит на круглой платформе (Нимиталла).

морем, на специальных транспортных судах, которые тащили лошади. Суда вели моряки с южного берега Анатолии. Цель Датиса – прибегнуть к хитрости, чтобы ввести в заблуждение греков относительно его истинных намерений. Сначала он поплыл к северной части Эгейского побережья, чтобы убедить противников в том, что оттуда он собирается начать вторжение. Но это был отвлекающий маневр. На самом деле Датис отправил корабли и на запад Эгейского моря, чтобы, ударив оттуда, застать греков врасплох. Ему удалось таким образом быстро захватить Эвбею (со столицей Эретрия) и Наксос. И высадка войск Датиса на берегу в Марафоне с пехотой в 20 000 человек и конницей стала полной неожиданностью. Войска двинулись быстрым маршем к западной части гор Драконера и остановились к северо-востоку от Афин.

Марафонская битва

Войска Датиса прошли вперед, чтобы встретиться лицом к лицу с силами афинян. Союзники-спартанцы не принимали участия в этом сражении, поскольку в этот момент отмечали религиозный праздник. И когда они прибыли на выручку, битва уже была закончена. Только 1000 тяжеловооруженных пехотинцев (гоплитов) из Платы смогли оказать поддержку Афинам. Гоплиты афинян искусно выбрали место на возвышении, использовав Арголики и Котрони, чтобы выдержать первый натиск конницы Дария. После того как персы заняли свою позицию, две армии, приглядываясь друг к другу, не предпринимали никаких попыток к нападению в течение девяти дней. Инициативу взяли в свои руки афиняне 12 августа или 9 сентября 490 г. до н.э.

Гоплитов-афинян окружали лучники-пехотинцы и конные стрельки. Они привыкли двигаться единым строем, где каждый воин шел впритык к другому, образуя так называемую фалангу. И если в первом ряду кто-то падал раненый, его тотчас заменял воин сзади. С расстояния полутора километров афиняне устремились вниз прямо на ахеменидов. Гоплиты растянулись в линию, разредив центр. Это не давало ахеменидской коннице ни единого шанса прорваться сквозь их ряды. К тому же атака оказалась полной неожиданностью для персов, так как они поили и кормили своих лошадей. Нападение противника не предвещал привычный для ахеменидов обстрел лучников или конников, и выглядело чистым самоубийством. Геродот описывает ощущение воинов-ахеменидов при виде этой греческой колонны как «лишенной каких-либо чувств и готовой стоять насмерть»⁹⁴. Несмотря на неудачу со скифским походом, ахемениды все еще верили в свое абсолютное воинское превосходство. Даже Дарий и его полководцы начали смутно догадываться, как это чувство превосходства смогут поколебать неумолимо надвигающиеся все ближе и ближе ряды гоплитов. Ахемениды спокойно ждали приближения афинян, чтобы они оказались на линии полета стрелы, и начать обстрел из луков. После чего обрушили на афинян целый шквал стрел. Но в этот раз тактика ахеменидов оказалась бесполезной. Плотные ряды щитов закрывали противников непробиваемой стеной от персидских ударов. Голову каждого гоплита к тому же закрывал бронзовый шлем, ножные латы и латы на теле, которые сводили на нет эффект от стрел персов. Потрясенные ахемениды увидели, что противник достиг линии близкого боя. И тогда началось сражение лицом к лицу. А в приемах рукопашного боя греки достигли высочайшего мастерства.

Изображение поединка между воинами на греческой вазе с умирающим гоплитом на земле. Когда ахемениды вступили в бой с греками при Марафоне, они встретились лицом к лицу с воинами, которые уже целое столетие отработывали приемы боевого искусства. На греческих вазах и других изображениях можно увидеть, насколько «современной» выглядела тренировка греческих воинов, которые толкались, пинались и боролись под руководством ветеранов-наставников, прошедших испытание в боях. Подготовленности как в физическом, так и в нравственном отношении придавалось большое значение. В иранском мире огромным уважением пользовались лучник и мастерство стрельбы из лука, в то время как в классической Греции лук рассматривали всего лишь как оружие второго сорта. Литературные произведения греков являют тому наглядный пример (Эрик Лессинг).

Ахемениды были менее подготовленными и в отношении доспехов, и в отношении практики непосредственного участия в таких схватках. Гоплиты начали крушить ахеменидских лучников и пехотинцев.

К этому времени конница ахеменидов вернулась к главным силам и немедленно бросилась вперед на защиту тесных товарищей. Несмотря на тяжелые потери, персидская конница и конница саков прорвались в центр афинян⁸⁵. Но этот успех был лишь призрачным, так как гоплиты, мгновенно перестроившись, превратили эту мнимую победу в смертельную ловушку. И ударили по ахеменидам одновременно слева и справа. Ахеменидские всадники пытались сделать все, чтобы защитить фланги, но безуспешно. После того как фланги были разбиты, ахемениды осознали, что окружены со всех сторон греками, которые, не теряя времени, уничтожали их одного за другим. Уцелевшие воины отступили к югу, на берег, где они могли спастись благодаря предусмотрительно оставленным судам. Греки догоняли отступавших и успели убить большое число воинов, которые так и не смогли добраться до кораблей⁸⁶. Часть отступавших погибла в болотах, оказавшихся на их пути. Число погибших греков в битве при Марафоне составляло 192 человека, в то время как потери ахеменидов равнялись 6400 человекам⁸⁷.

Поражение при Марафоне оказалось первым в последовавших затем ударах, которые в конечном счете разрушили империю. Эта битва продемонстрировала уязвимость ахеменидской военной тактики. Урок, из которого империя, к сожалению, не сумела извлечь пользы. Теперь греки полностью вытеснили ахеменидов из Эгеи и Фракии. Дарий еще лелеял замысел подготовить следующий поход против греков, но мятеж в Египте не дал ему возможности воплотить эти планы в жизнь. Дарий умер в 486 г. до н.э., через четыре года после Марафонской битвы, не утратив имперской мантии, которую он передал своему сыну Ксерксу.

Глава 4

Ксеркс и конец империи

Воцарение Ксеркса после смерти Дария в ноябре 486 г. до н.э. произошло без каких-либо происшествий. А они могли иметь место, поскольку царица Атоса – мать Ксеркса – убедила Дария провозгласить Ксеркса своим наследником несмотря на то, что он не был старшим из царских сыновей. И придя к власти, Ксеркс сразу же был вынужден подавить опасный мятеж, вспыхнувший в Египте и Вавилоне.

За четыре месяца до смерти тяжелобольного Дария предупредили о готовящемся мятеже в Египте. Но тот ничего не предпринял для того, чтобы подавить его в зародыше, и Египет практически сумел освободиться от власти персов. Когда на трон взошел Ксеркс, Египет провозгласил свою независимость. Ксеркс тщательно продумал и очень хорошо подготовился к походу в Египет и вновь покорил его. Это произошло в 484 г. до н.э., после чего он обложил страну непомерными налогами, которые легли тяжким бременем на плечи народа¹. Его взаимоотношения с побежденными были совершенно иными, чем у его предшественников. Вместо просветительства он принялся разрушать храмы и отбирать принадлежавшие им земли².

Как только в 484 г. до н.э. закончился поход против Египта, вспыхнуло другое, не менее серьезное восстание – в Вавилоне. Ксеркс подавил его с особенной жестокостью и сбросил статую Мардука³. Новые карательные способы выражения имперской власти в Вавилоне и Египте показали подданным, что нынешний правитель очень далек от философии Кира и Дария. Все более ужесточавшиеся методы вызывали отвращение подданных, что в конечном счете привело к падению империи, случившееся 150 лет спустя.

Подготовка армии к вторжению в Грецию

Египтяне и вавилоняне остались в подчинении империи. Другое дело – греки. Ксеркс задумал преобразовать доставшуюся ему в наследство державу и взялся за наведение порядка в армии, чтобы подготовиться к походу на греков. В тот момент Ахеменидская империя была разделена на топархи (княжества), в которые входило то или иное число сатрапий со своей юрисдикцией⁴. Например, на западе район Анатолии и Армении образовывали один топарх. К концу V столетия до н.э. этот район возглавлял Кир Младший⁵, он же стоял во главе пехотных войск и внушительных морских сил⁶. На востоке Согдиана, Бактрия и Хорезм были объединены в единую админис-

тративную (или военную) зону⁷. Геродот называет шесть главных полководцев, принявших участие в походе на греков⁸. Ксеркс возглавлял седьмой топарх⁹. Количество топархов уменьшилось до четырех во время правления Артаксеркса II¹⁰. Теперь ахемениды учли слабость и уязвимость прежней системы ведения боя и ввели новую¹¹, неизвестную до того древним грекам. Вся армия была разделена на корпуса, полки и более мелкие отряды. Всего таких подразделений насчитывалось около десятка¹².

Подробное описание устройства ахеменидского войска и снаряжения не входит в задачу этой книги. Тем не менее даже из поверхностного описания состава армии Ксеркса и тех сил, которые он привлек для исполнения своей затеи, станет ясно, в чем кроется уязвимость военной машины ахеменидов по сравнению с греческой¹³.

Полководцы империи уделяли большое внимание выбору наиболее выгодной позиции для сражения. И если место будущей битвы все же не совсем отвечало требованиям военной операции, инженеры должны были сделать все необходимые предварительные приготовления. Например, во время вторжения Ксеркса в Грецию он приказал вырыть Афонский канал для продвижения имперского флота, чтобы избежать опасности плавания вокруг мыса. А в битве при Гавгамелах Дарий III приказал выровнять поле будущего сражения, чтобы ничто не мешало свободе передвижения и мобильности конницы и колесниц¹⁴. Нападавших увлекали за собой полководцы. Однако случались и отступления от правил, так, например, в битве при Кунаксе Кир Младший сам вел колесницу против Артаксеркса II. Но обычно во время сражения царь находился в центре армии, откуда он мог командовать отрядами. И его неизменно окружали элитные войска, или «бессмертные». Согласно Ксенофону, именно Кир Великий приказал организовать из 100 000 отборных воинов элитное объединение, названное им «бессмертными»¹⁵. Геродот говорит, что число 10 000 оставалось постоянным: взамен павших набирались новые воины¹⁶. При внимательном изучении Персепольского рельефа и других ахеменидских памятных стел можно заметить, что защитники царя вооружены луками, колчанами со стрелами, щитами и короткими мечами. «Бессмертные» также часто изображаются с церемониальными пиками, украшенными золотыми гранатами или золотыми яблоками на конце¹⁷. Пики «двойного назначения» – церемониальные и

Так называемый саркофаг Александра, на котором изображена битва между греками и ахеменидами (Ерик Лессинг).

предназначенные для сражения – были затем восстановлены в элитной коннице сасанидов – асваранов – столетие спустя. В греческих источниках описываются изображения воинов с такого вида оружием на рельефе в Сузах:

«Они служили в армии и могли стать командирами, начиная с двадцати до пятидесяти лет, как пехотинцев, так и конницы... у них ромбовидные плетеные щиты; наряду с колчаном на поясе у них висели мечи и кинжал; а на голове – конусообразная шапка, грудь защищали пластины из металла... у каждого из них имелись лук и праща...»¹⁸

Спарабара (щитоносцы) несли огромные плетеные щиты, которые защищали весь строй. Десять щитоносцев выстраивались в одну линию, за каждым из них следовали девять рядов стрелков из луков, вооруженных короткими мечами и колчанами. Иногда щитоносцы были вооружены пиками длиной в 1,8 м на тот случай, если вражеские пехотинцы подойдут вплотную к их линии.

Из воинов, не являвшихся мидо-персами, важной составляющей частью ахеменидской военной машины¹⁹ были саки/скифы, партавы (парфяне), хорезмийцы, арианы, бактрийцы и согдийцы. Саки в основном входили в конницу как стрелки из луков. Эсхил описывает бактрийцев как «цвет персидских союзников», только они одни могли поставить 30 000 человек для ахеменидской армии²⁰. Сарматы с Иранского плато сражались верхом на лошадях, в чем очень походили на мидо-персов и саков. К ним – за высокое мастерство – относились с очень большим уважением. Их главным оружием был плетеный аркан с петлей на конце²¹, предназначенный для того, чтобы выдергивать противников из седел во время битвы. Для защиты, судя по текстам, сарматам служили кинжал и боевой дротик²².

Геродот утверждает, что основной состав тяжеловооруженных пехотинцев набирался из лидийцев и ассирийцев²³. Лидийцы – близкие соседи эллинистического мира, и их военная доктрина создавалась под большим влиянием греков²⁴. Подобно лидийцам, ассирийские пехотинцы готовились для сражения в ближнем бою, отдельно от лучников. Ассирийские лучники – наследники давней искусной традиции – соединились с тяжелой пехотой под командованием ахеменидов. То, что в ахеме-

Рельеф персепольской сокровищницы внутреннего двора, на котором изображены сидящий Дарий Великий и коронованный принц Ксеркс, стоящий позади него.

нидской армии меньше уделяли внимания тренировкам ассирийских пехотинцев, и то, что на поле боя их смешивали с лучниками, – стало одной из главных причин снижения уровня боеспособности ассирийских воинов, находившихся на службе империи. Вавилонских стрелков из лука тоже, скорее всего, соединяли с ассирийскими копьеносцами и пехотинцами. Во времена Ксеркса как ассирийцы, так и вавилоняне могли надевать некое подобие панциря на иранский манер²⁵.

Кариане вооружались кинжалами и дрепанами (серповидные мечи), о которых упоминается в описаниях одной из последних битв – битвы при Гавгамелах²⁶. У египтян были луки с двойным изгибом²⁷. В рукопашном сражении египтяне пользовались мечами, дротиками, пиками и копьями. Они надевали латы, бронзовые шлемы для защиты головы от удара²⁸ и несли огромные деревянные щиты. У ливийцев имелись боевые колесницы, в которую запрягалась четверка лошадей, – явное заимствование у греков²⁹, – и у них были дротики с закаленными наконечниками³⁰. Эфиопы вооружались пиками, которые заканчивались навершием из рога антилопы, и довольно примитивными луками³¹. Арабские отряды оснащались мечами, которые воины забрасывали с помощью перевязи за спину, а их стрелки из лука управляли верблюдами. Финикийцев набирали в армию ахеменидов как моряков, и еще их описывают как воинов со «шлемами в греческом стиле... панцирями... щитами без обода и копьями»³². Стрелы индийских воинов заканчивались железными наконечниками³³, а их большие мечи были примерно 80–100 см длины и 10–12 см ширины.

Ахеменидские всадники, принимавшие участие в походе Ксеркса против греков, похоже, носили кольчуги под обычной военной одеждой. Головы их защищал шлем. Их вооружение могло состоять из пика лука. Далеко не все всадники были защищены кольчугами и шлемами. Многие не могли приобрести необходимое снаряжение из-за того, что его просто-напросто не хватало для всех, ведь его требовалось в огромном количестве. Часть ахеменидских всадников экипировалась в греческом стиле. Скифы, без сомнения, как и греки, использовали ножные латы и шлемы. В ближнем бою конница ахеменидов пускала в ход мечи, которыми наносились рубящие удары. Пафлагонийцы из внутренней Анатолии составляли превосходную по своим боевым способностям конницу ахеменидов не позже начала IV века до н.э.³⁴

Сначала ахемениды для хождения по морю на своих судах и для перевозки воинов прибегали к помощи финикийцев. Каждое судно могло принять на борт до 30 иранских воинов (персов, мидян или саков)³⁵. Капитан именовался навпати или наупати (морской командир). Неиранцы также могли достичь звания «капитана», примером тому служит Псамсинет – навпати египетского отряда воинов. И такое положение дел сохранилось и после нападения на греков. Геродот насчитал 1207 судов, принимавших участие в нападении на Грецию. Сюда вошли и 300 финикийско-сирийских судов, 150 кипрских, 100 сицилийских, 200 египетских, 100 ионийских, 50 ликийских и 70 карийских. Ахеменидские моряки много сделали для того, чтобы заслужить славу и доказать мощь своих судов. Перед вторжением Дария в Грецию ахеменидские галеры могли перевозить отряд в пятьсот человек. Считается, что только для доставки необходимого армии продовольствия и фуража для лошадей потребовалось 3000 транспортных судов³⁶.

Вторжение Ксеркса в Грецию: конец империи

Создается впечатление, что самым знаменательным событием, с точки зрения Запада, во время правления Ксеркса стало его нападение на Грецию. И что это вторжение вызвало сильнейший отклик в греко-романском мире, получивший продолжение и в становлении западной цивилизации вообще. Но, с точки зрения Ксеркса, это нападение было всего лишь «продолжением дела» его отца – Великого Дария, которое тот не закончил. По мнению ахеменидов, греки посягнули на авторитет царя, и их необходимо было приструнить. Ксеркс просто обязан был выступить против сопротивляющихся греков, чтобы не уронить престиж империи и своего трона. Он начал новые военные действия против греков ровно через десять лет после Марафонской битвы³⁷. Геродот, описывая нападение Ксеркса, называет число воинов в пять миллионов человек, что было совершенно немыслимо, если принять во внимание и демографические способности империи того времени, и военные условия. В своих последних работах Янг пересмотрел число нападающих и свел их к 120 000, в то время как Олмстед остановился на цифре 180 000³⁸.

Чтобы армия в 120 000 человек могла пересечь Геллеспонт, Ксеркс выстроил гигантский мост через пролив между Азией и Европой. Его образовали 670 судов, тесно связанных друг с другом веревками³⁹. Нападение было тщательно продумано в математическом отношении. Заранее на всем пути продвижения войск были заготовлены продовольственные базы.

Учитывая катастрофу, которая произошла во время похода Дария с полководцем Мардонием (разыгравшаяся на море буря стала причиной потери большого числа кораблей), Ксеркс приказал своим инженерам найти путь, позволявший его флотилии преодолеть перешеек более безопасным способом. Огромное число людских ресурсов было задействовано для того, чтобы прорыть Афонский канал через полуостров в 2,4 км длиной и шириной, позволявшей пройти двум судам сразу (в один ряд). Самые новейшие исследования (съемки из космоса) и мнение геологов свидетельствуют о том, что канал – одна из самых гигантских инженерных работ в то время, – был действительно прорыт в 480 г. до н.э., т. е. во времена правления Ксеркса⁴⁰.

Фермопилы

Армия Ксеркса успешно прошла через Фракию, Македонию и Фессалию. Но этот темп быстрого продвижения нарушился, когда армия 17 сентября 480 г. до н.э. подошла к

Золотые ножны для церемониального меча-акинака из Амударьинского клада с изображением сцены охоты на льва (Британский музей).

Греко-персидские войны

узкому проходу в Фермопилах. Охранявшие проход греки напали на мидян и отбросили тех, причем мидяне понесли большие потери. Причиной тому были два фактора. Первый: в узком проходе ахемениды не могли воспользоваться своим преимуществом в численности. Второе: в узком проходе сражались лицом к лицу небольшое количество воинов. Полководцы ахеменидов уже получили представление десять лет тому назад, насколько опасно иметь дело с греками в ближнем бою. Но в их армии по-прежнему не было бойцов, способных противостоять грекам в таких схватках. Тучи стрел, которые неслись в сторону противника, не меняли положения дел. Патовая ситуация разрешилась только благодаря тому, что в стане греков нашелся предатель, который пробрался в лагерь Ксеркса и сообщил ему о другом, тайном проходе, который позволил армии ахеменидов окружить небольшую горстку воинов-греков. Обнаружив это, греки вынуждены были отступить. Но часть защитников – знаменитые триста спартанцев под предводительством царя Леонида – стояли до самого конца, пока не погиб

СЛЕВА НАПРАВО:
ахеменидский
копьеносец; копьеносец,
изготовившийся к бою;
гвардеец из отряда
«бессмертных»;
ахеменидский боевой
штандарт («К 2500-летию
юбилея со времени
основания Персидской
империи»).

последний воин. Потери греков, по имеющимся данным, составляли 4000 человек. Скорее всего, столько же пало воинов и из армии ахеменидов.

Теперь греческая армия сосредоточила свои силы для того, чтобы продумать защиту Коринфского перешейка. За Фермопилами открылась Аттика, которую начала разорять вторгшаяся армия Ксеркса. Такие города, как Феспия и Платея, были разрушены⁴¹. Вражеские войска приблизились к Афинам. Почти все жители покинули город, только в Акрополе остались забаррикадировавшиеся защитники⁴². Отряды Ксеркса расположились на возвышавшемся неподалеку холме (холм Ареса) и принялись метать в завалы деревьев горящие стрелы. Защитники Акрополя сражались яростно и отчаянно, забрасывая камнями тех, кто пытался взять крепость штурмом, используя лестницы. Начавший впадать в отчаяние Ксеркс высказал предположение, что «за воротами (Акрополя)... есть пустое место, которое не охраняется никем»⁴³. Нападавшие воспользовались этим упущением и сумели захватить Акрополь. Все его защитники пали до последнего человека. 27 сентября Афины полностью разграбили и подожгли. Исключительно для того, чтобы наказать греков за их упорное сопротивление.

Саламина

Многочисленной сухопутной армии Ксеркса оказывали поддержку с моря 1207 судов⁴⁴. Их главная задача состояла в том, чтобы прикрыть отряды Ксеркса с флангов – со стороны Эгейского моря. Но разыгравшийся сильный шторм вывел из строя очень много судов. Оставшиеся тем не менее решительно вступили в бой под Артемисией – в сентябре 480 г. до н.э., потеряв еще 30 судов. Это сражение закончилось в тактическом отношении вничью. Еще 200 судов Ксеркса пострадали 17–18 сентября от вновь обрушившегося шторма уже после битвы под Артемисией. Несмотря на эту неудачу, флот ахеменидов снова вступил в бой с греками 19 сентября, и те понесли серьезные потери. Теперь суда персов уверенно курсировали в греческих водах, потому что в противном случае сухопутные войска ахеменидов остались бы не защищенными со стороны моря. Фемистокл – афинский политик и полководец – осознал, что сражения в открытом море выгоднее ахеменидам, которые по-прежнему обладали численным

превосходством. Он убедил греческих моряков пройти узким Саламинским проходом и увлечь за собой суда противника. Артемисия – царица Галикарнаса – союзница Ксеркса настоятельно отговаривала царя преследовать Фемистокла по узкому проливу. Она обращала его внимание на то, что крупные финикийские суда будут менее маневренны, чем греческие, уступавшие им по размерам, в таком узком проливе (примерно 1,6 км шириной). Царица считала, что в этом нет необходимости, так как Ксеркс пока обладает явным преимуществом. Мощные суда заблокировали восточный выход из пролива. Все, что остается Ксерксу, – это продолжать держать блокаду, не давая выхода греческим судам¹⁵. Однако и сам царь, и полководец Мардоний жаждали прямого столкновения, видимо, самоуверенно считая, что добьются «явной победы». И флот двинулся через Саронический залив Эгейского моря. Видимо, Ксеркс считал, что осталось самое малое – догнать греческие суда и разбить их в узком проливе Саламин. Элитные войска высадились на остров Пситалия для поддержки с суши.

Но точно так же, как и в битве при Марафоне, греки подготовили персам смертельную ловушку. Фемистокл выстроил часть греческих кораблей в гавани Саламина. Устремившись в узкое горло пролива, Ксеркс упустил возможность вырвать победу путем блокады. По узкому проливу суда шли один за другим, чем сводили на нет свое численное преимущество. Как только головные суда вошли в пролив, «ловушка Фемистокла» захлопнулась. Греческие триремы молниеносно проскакивали мимо финикийских судов, разбивая их весла и не давая им тем самым двигаться дальше. А когда судно останавливалось, триремы вставали к ним вплотную, греческие воины перепрыгивали на вражескую палубу, и начиналась рукопашная схватка. Это была кровавая резня. Тела ахеменидских воинов и членов команды с кораблей падали в воду, следом за ними летели сломанные мачты. Те суда, что слепо шли следом, осознавали, что их ждет судьба товарищей. Но в этот момент Фемистокл уже отправил запасные корабли, оставленные в гавани, чтобы они ударили с другой стороны прохода. Корабли ахеменидов, до которых еще не добрались греки, двинулись назад, смятая тех, что еще стремились принять участие в сражении¹⁶. Во время этой битвы погиб Ариябиг – полководец и брат Ксеркса. Греческие голплиты под водительством Аристиды высадились на острове Пситалия, где они смяли и полностью уничтожили

Скифская колесница с лучником. Первые скифские колесницы ничем не отличались от такого же рода колесниц, которые имелись у греков. Но в Ахеменидской империи впервые стали использовать колесницы в военных целях. Новшеством в изготовлении боевых колесниц стало то, что место, где стояли воины, было перенесено на осевую часть. Такие колесницы представляли смертельную опасность для пехотинцев. Мчавшиеся на противника колесницы пробивали брешь в их рядах, позволяя ударить с тыла. Тело управлявшего колесницей воина закрывала кольчуга, на морды лошадей надевалась «маска». Но Дарий III тщетно пытался противопоставить колесницы в битве с Александром Македонским («К 2500-летию со времени основания Персидской империи»).

элитный отряд «бессмертных». Вместе с ними пал и племянник Ксеркса. Огромное число воинов – персов и мидян просто-напросто утонули, а тех, кто сумел выбраться на берег, греки захватили в плен. Ксеркс наблюдал за устрашающим поражением со своего трона, который установили на вершине ближайшего холма. В гневе он объявил командиров судов – участников операции – трусами. Битву при Саламине по своему значению сравнивают с битвой при Трафальгаре в 1805 г.

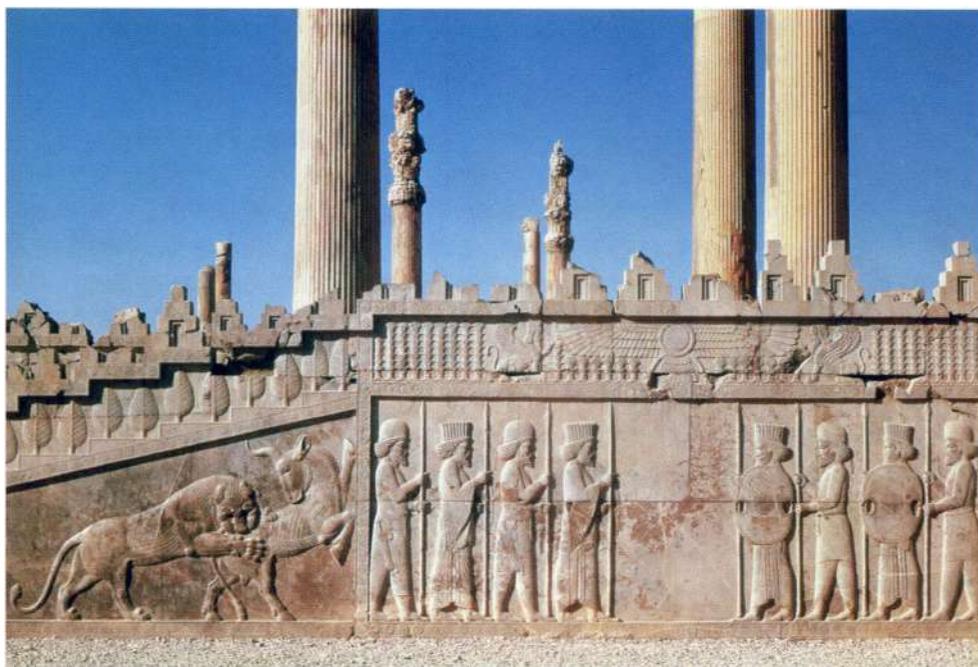
Поражение на море вынудило Ксеркса принять решение вернуться назад в Сард. Остатки ахеменидского флота теперь стояли в порту Самоса и уже не могли противостоять грекам на море. Тем не менее большая часть греческих земель, в особенности на севере, все еще оставалась под властью ахеменидов. Отступая, Ксеркс оставил большое число воинов (как уверяет Геродот⁴⁷ – 300 000 человек, но это, скорее всего, сильное преувеличение, более реально – треть от этого числа) под командованием Мардония. Его союзники – северные греки – вряд ли могли выставить больше, чем 30 000 гоплитов. Тем временем Мардоний предложил Афинам перемирие, а также помощь в восстановлении Афин. Греки ответили отказом.

Афиняне постоянно просили спартанцев помочь им, и желанная поддержка имела место в битве под Платеей, которая произошла в августе 479-го, почти через год после похода Ксеркса. Мардоний расположил войска севернее реки Асоп, неподалеку от Платеи, маленького городка, расположенного в 50 км к северо-западу от Афин. Против внушительного войска Мардония выступили объединенные силы эллинов (афиняне, спартанцы и гоплиты из различных городов-государств Греции) численностью 40 000. Во главе этой армии шел спартанский полководец Павсаний. Он остановился на южном берегу реки Асоп. Противники встретились лицом к лицу после семидневных маневров, во время которых они присматривались друг к другу. Мардоний отдал приказ своим конникам совершить несколько стремительных рейдов, чтобы внести смятение в ряды противника, нарушить единство союзников, а также для того, чтобы бросить яд в источники с водой. Павсаний решил отступить на менее уязвимые позиции к югу и отдал приказ двинуться ночью. Центр греческого войска при этом оставался сплоченным. Но вот афиняне (левый фланг) и спартанцы (правый фланг) двинулись маршем позже, уже на рассвете, что заметил Мардоний. Его воины быстро пересекли реку. Стрелки из лука выпустили буквально тучу стрел, которые заставили спартанцев полностью закрыться щитами. Именно против 11 500 спартанцев Мардоний и направил главный удар. Его союзники – северные греки – напали на 8000 афинян. И в этот раз повторилось то, что произошло при Марафоне. Противники переждали штормовой поток стрел и благодаря щитам и благодаря тому, что каждый из них по отдельности был хорошо защищен. А затем быстро перестроились и двинулись на ахеменидов, застав их полностью не подготовленными к ближнему бою. Отбросив луки в сторону, ахемениды храбро пытались буквально голыми ладонями удержать надвигавшиеся на них копья. Но сдержат натиск спартанской фаланги было невозможно. Пехота и стрелки несли тяжелые потери, а конница ахеменидов почти ничего не могла сделать. Афиняне тоже добились преимущества в сражении с северными греками (Фивы) – союзниками Мардония – возле храма Геры, начав теснить их.

Мардоний с оставшейся частью войска вынужден был отступить за реку Асоп. Иранская конница прикрыла отступление. Но греки, воодушевленные победой, желали закрепить свой успех. Мардония убил спартанский военачальник Эмнестус; все попытки ахеменидов отбить тело Мардония закончились неудачей. Артабаз, принявший на себя командование, продолжил отступление, позволив грекам захватить главный лагерь ахеменидов, где погибли последние сподвижники Мардония. Артабаз и его отряды пересекли Геллеспонт в Малой Азии. В этом сражении Мардоний не прислушался к совету Артабаза – воздержаться от утренней атаки⁴⁸, – точно так же, как он не принял совета Артемисии в Саламине.

Битва при Платее стала последней и самой крупной битвой ахеменидской армии в Европе. Поражение Мардония и его войска означало и конец территориальным имперским притязаниям. Ахемениды не только потеряли огромное количество воинов; греки также разрушили в битве при Микале в Самосе ядро военно-морских сил державы, владевшей до того ионийским побережьем. В военном противостоянии наступил перелом. Греки из оборонявшейся стороны стали наступающей. Спартанцы, доплывшие до Геллеспонта, обнаружили, что мост, возведенный Ксерксом и соединявший два континента, успели разрушить до их прибытия. Афиняне напали на город Сестос – самую сильную крепость, расположенную в узкой части Геллеспонтского пролива. Город пал после нескольких месяцев сопротивления. Ахеменидского сатрапа предали казни.

В конце 460 г. до н.э. греки стали свидетелями подъема Афинской империи и Делосской лиги. Союзники опробовали свои силы, смело напад на Памфилию в Малой Азии, принадлежавшую ахеменидам. А в сражении при Эвримедоне финикийские суда Ксеркса были полностью разбиты. Чтобы закрепить победу на море, Кимон –

Восточная лестница Ападаны в Персеполе с рельефом, на котором изображены персидские элитные воины. Два воина справа несут щиты в виде «виолончели». У ахеменидских воинов были слишком слабые щиты, которые легко пробивались греческими воинами, что и послужило одной из главных причин поражения Дария, хотя в численном соотношении армия греков была меньше. Слева на рельефе – типичная для саков-парадратов сцена охоты: лев, терзающий свою добычу.

афинский полководец – высадил войска и разбил ахеменидов, расположившихся лагерем у реки. Это не только подтвердило военное превосходство греков над ахеменидами, но навсегда перечеркнуло попытки имперских войск в ближайшем будущем вновь двинуться на греческие земли. Кимон забрал богатую добычу из лагеря мидо-персов, которая, видимо, пошла на восстановление Акрополя. Мощь греков росла день ото дня. Однако они все еще не были готовы к тому, чтобы захватить империю ахеменидов. Они мало знали Персию и не представляли истинного положения дел в ее армии. Сведения об этом они получили позже, от греческого купца, который делал поставки для мятежного Кира Младшего – этот человек известен в истории как персонаж «Анабазиса» Ксенофонта.

Поражение Дария при Марафоне сильно пошатнуло статус империи, поражения Ксеркса и Мардония ускорили этот процесс. Судя по всему, для Ксеркса это стало мощным психологическим потрясением, во всяком случае, он почти никак не проявил себя за все оставшиеся годы после сражения с греками. В конце концов в 465 г. до н.э. его убили в спальне.

Слабость ахеменидов, выявленная в сражениях с греками

Ученые не находят внятного объяснения, почему ахемениды так и не предприняли серьезной попытки исправить свои ошибки и подготовить воинов для ближнего боя с гоплитами, а позже – против фаланг Александра Македонского⁴⁹. В этом проявилась негибкость их военной машины. А те вялые усовершенствования, которые они все же попробовали внести после поражения в Греции, мало что изменили в соотношении сил.

Пехотинцы ахеменидов по-прежнему уступали грекам, которые уделяли много внимания и оружию, и подготовке воинов для ведения рукопашного боя. Ахеменидский кинжал нельзя было сравнить с теми видами оружия, которые использовали греки для схватки лицом к лицу с противником. Греки наносили удары по незащищенным плечам, шее и в лицо противника, а короткие мечи-кинжалы ахеменидов были почти бесполезными и практически не причиняли вреда грекам, идущим в фаланге, тем более что тела их полностью закрывали латы. Греческие историки подтверждают⁵⁰ и тот факт, что копья ахеменидов были намного короче спартанских, которые достигали в длину 2,7 м и заканчивались железным наконечником. Это означало, что против вставших фалангой и оцетинившихся штыками спартанцев персы были практически беззащитны, им нечего было противопоставить такому строю.

Основной акцент в армии персов делался на быстроте натиска лучников, которые не имели навыков ведения ближнего боя. У воинов, встретившихся лицом к лицу с греками, не было шлемов и нагрудников, способных выдержать удар меча противника⁵¹. Даже более защищенные своими кольчугами саки не выдерживали колющих и рубящих ударов гоплитов. Именно незащищенность пехотинцев и обнаруживала главную слабость ахеменидского воинства. То же самое можно сказать и про плетеные щиты ахеменидов. Их легко, как «виолончель», пробивали копья гоплитов, а

несколько позже и сариссы или пики македонцев. Немаловажное значение имело и отсутствие шлемов у основной массы пехотинцев, хотя у кого-то они все же были. В связи с этим ахемениды начинали набирать большое число солдат-наемников из числа греков для того, чтобы они могли вступить в сражение на равных. Воины-греки очень много времени уделяли подготовке каждого воина для ближнего боя, а лучники ахеменидов не могли причинить серьезного ущерба фаланге, где все воины двигались вперед, закрывшись плотными щитами. Когда фаланга вплотную подходила к лучникам, те оказывались практически безоружными⁵².

Главная беда ахеменидского воинства заключалась в его многонациональном составе. И если иранцы – мидо-персы и саки – еще могли объясняться между собой, то это уже было невозможно с неиранским контингентом, в который входили египтяне и эфиопы. Это можно назвать военным парадоксом: ахемениды могли выставить на поле боя огромное число воинов, но это же становилось и главной помехой. Языковой барьер становился решающим фактором в координации сил между союзниками – иранцами (ариями) и отрядами иностранцев. Каждый полк сражался со своим видом оружия и доспехами, используя свои собственные тактические приемы, но во время сражения ими было трудно управлять⁵³. Каждый из союзников придерживался своих собственных излюбленных приемов. Ахемениды много сил уделяли для организации высшего военного командного состава, но они были не в силах согласовать боевой порядок огромной воинской массы, чтобы вовремя ударить в нужную точку на поле сражения⁵⁴. К тому же у союзников-иностранцев, набранных для того, чтобы захватить территорию Европы, не было такого уж сильного желания и готовности сражаться до конца и умереть за империю⁵⁵. На отсутствие высокого боевого духа в не-иранском составе войск указывали Геродот и Ксенофонт. Живописуя разнообразный национальный состав ахеменидского войска во время вторжения Ксеркса в Грецию, они говорят о том, что этих воинов навстречу противнику приходилось «гнать кнутами»⁵⁶. Преданность и верность также не были присущи им. Многие греки из Малой Азии, призванные на службу к Ксерксу, изменяли царю во время битвы; другие просто-напросто выступали как «пятая колонна»⁵⁷. Греки осознавали эти моменты и умело их использовали.

В отличие от захватчиков греки сражались за свое существование – за свой народ, культуру и за свои национальные ценности. Их противники (от Дария до Ксеркса) безжалостно уничтожали все, что встречали на своем пути. Каждый греческий воин бился за свой дом, за свою семью и свою нацию. Эти эпические битвы также можно охарактеризовать и как религиозное противостояние, поскольку ахемениды, захватив статуи греческих богов, увозили их в Персию. Читавших своих богов греков возмущали погранные ахеменидами святыни: в особенности устроенный ими пожар в Акрополе и надругательство над храмами⁵⁸. Когда греки вели морской бой с флотом Ксеркса, они пели пэаны: «Дети Греции – вперед, за свободу отечества... Мы должны победить!» Греки никогда не забывали про тот ущерб, который нанесли им ахемениды во время вторжения, и про разрушенные храмы на родной земле. Память об этом призывала их к отмщению, и реализовать это стремление суждено было Александру Македонскому.

Глава 5 Ахеменидская империя от Артаксеркса I и до подъема Македонии

Позолоченный
серебряный щит
десятника из
Амударьинского клада
(Из собрания
Британского музея).

Артаксеркс I и Дарий II

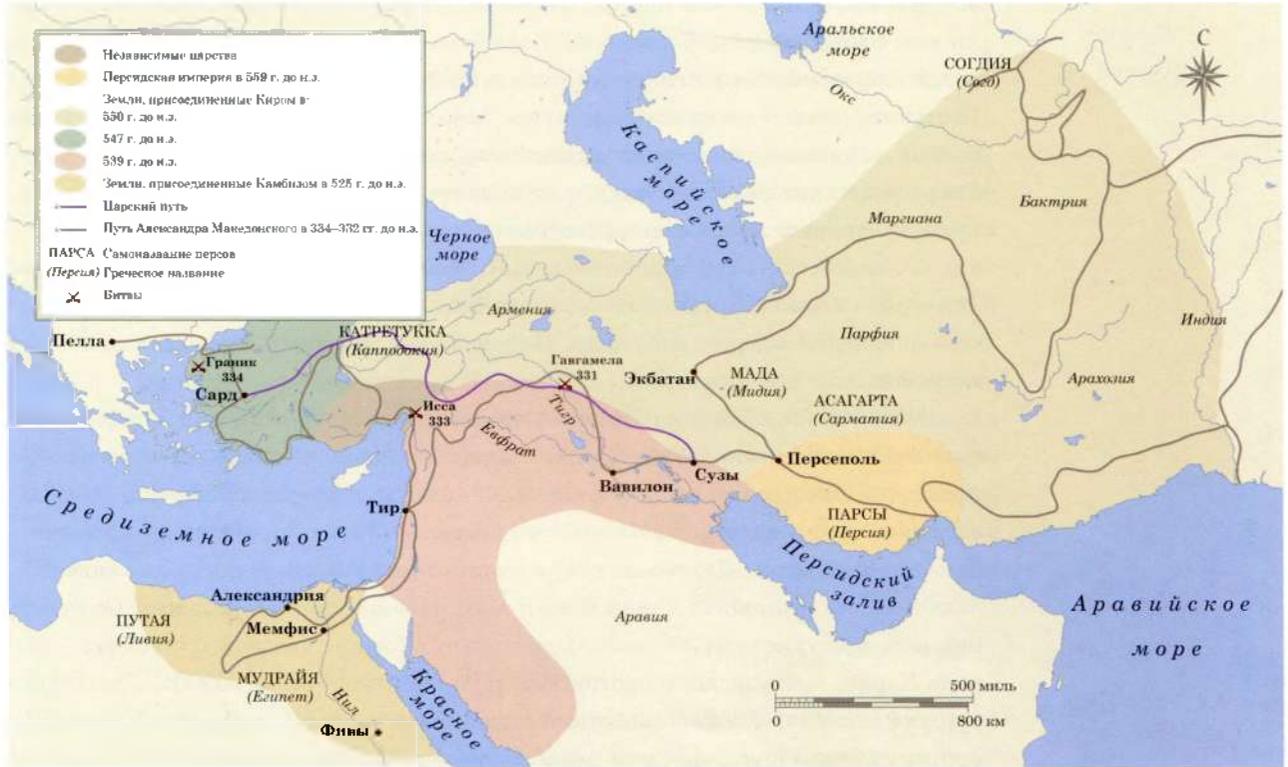
Араксеркс I (на староперсидском – Артакшатра) пришел к власти в 464 г. до н.э.¹ По общепринятым представлениям, Ксеркса I убил Артабан (один из его сыновей) и евнух Спитама. Впоследствии их обоих вместе с принцем Дарием убил Артаксеркс II.

Новый царь продолжил по отношению к иудеям заложенные Ки-ром традиции, на что указывает дальнейшее восстановление Иерусалимского храма. В знак благодарности за поддержку иудаизма имя Артаксеркса с большим почетом упоминается в книгах Неемии и Ездры². Плутарх в своей книге «Артаксеркс» тоже описывает царя как человека «мягкого и благородного»⁴.

При Артаксерксе усилились связи с Грецией, влияние эллинистического мира увеличилось не только на Ионийском побережье, но оно уже ощущалось и в западной части державы – во внутренней Анатолии. Фемистокл, разгромивший морской флот персов при Саламине, вынужденный покинуть Афины, которые подвергли его ostracism, получил убежище у Артаксеркса. Как принято считать, он пообещал царю, что они завоюют Грецию, но умер, не успев выполнить своего обещания. В 495 г. до н.э. египетский мятежник Инару (сын Псамметиха) пришел из Ливии, чтобы завоевать

Ахеменидская империя

Верхний Египет. Ахемениды нашли поддержку у Мемфиса и выступили для подавления повстанцев на суше и на море. Генерал Мегабиз разбил армию Инара вместе с союзниками-египтянами³. Арсам – сатрап Египта, вел бой на море и разбил флот, присланный из Афин для поддержки египтян. После этого примерно на 60 лет Египет затих, тем не менее до последних дней существования империи он доставлял немало хлопот.

В 448–447 гг. до н.э. Артаксеркс I подписал Каллиев мирный договор с Делосской лигой, которую возглавляли Афины. Этот договор положил конец греко-персидским войнам, начатым Великим Дарием. Обе стороны обозначали сферы своих интересов и поклялись не вмешиваться в дела друг друга. Ахемениды не должны были вторгаться в Эгейское море, в то время как греки признали право Персии на ее владения в Анатолии, в особенности на Ионийском побережье. По этому договору Персия должна была предоставить автономию жителям Ионии. Речь шла, конечно же, в первую очередь об ионийских греках, о которых пеклись материковые греки, что в свое время и послужило главной причиной похода Дария Великого. И хотя договор позволял четко определить геополитические границы между эллинским миром и Ахеменидской державой, со временем, как и многие другие договоры в истории, он был нарушен в силу того, что две силы не доверяли друг другу.

После победы над Дарием Великим и Ксерксом власть Афин и их авторитет росли с каждым днем. Делосская лига, организованная в 478 г. до н.э., теперь владела

профессионально подготовленными морскими силами, которые можно было в самые быстрые сроки направить против ахеменидов. Афины постепенно трансформировали этот союз в Афинскую империю. Политика, которой придерживались Афины, и ее все возрастающие претензии стали причиной того, что в ответ Спарта образовала Пелопоннесский союз, чтобы не дать возможности Афинам достичь абсолютного превосходства⁶. Ахемениды всячески поддерживали противостояние между Афинами и Спартой и на дипломатическом уровне, и путем обычного подкупа и взяток. Они выпустили огромное количество золотых дариков (с изображением персидского лучника), чтобы обострить соперничество между Афинами и Спартой. По иронии судьбы, этот «стрелок» оказался намного эффективнее, чем реальные лучники в предшествовавших войнах Дария и Ксеркса. Персидское золото теперь стало главной силой империи на эгейской сцене.

В 420 г. до н.э. посланцы еще курсировали между спартанцами и персами, но царь знал о том, что спартанцы еще не определились окончательно в своем выборе. Артаферн – доверенное лицо Артаксеркса I, – направлявшийся в Спарту, в 424 г. был захвачен афинским судном. После чего афиняне отправили обходным путем свои предложения царю. Далеко не все условия мирного соглашения выдерживались, пока к власти не пришел Дарий II, но и те соглашения, которых удалось достигнуть при нем, просуществовали недолго, поскольку афиняне поддержали Писута – сатрапа Карики, выступавшего против империи. Афинский военачальник Ликон сдал сатрапа ахеменидам⁷, но незаконный сын сатрапа – Аморг – продолжал сражаться против империи при поддержке Афин. Видя, что афиняне активно вторгаются в его

На этой фотографии, сделанной крупным планом, гробницы Артаксеркса I в Нагши-Рустаме видны детали колонн, что позволяет представить, как, скорее всего, выглядели колонны в Ападане Персополя до своего разрушения (Ливия).

районы, Дарий II объединился со Спартой. Он приказал своему сатрапу в Малой Азии заключить союз со спартанцами против афинян. Благодаря персидскому золоту спартанцы смогли выстроить свой дорогостоящий флот. Персидское золото и военная поддержка Спарты, сумевшей значительно повысить свою боеспособность, вынудили афинян в 440 г. до н.э. отказаться от прежних притязаний. Спартанцы в обмен на поддержку Персидской империи попросили право первенства на Ионийском побережье. Перевес на Эгейском море в сторону ахеменидов подкрепился соглашением, по которому Тиссаферна в начале 400 г. до н.э. назначили военачальником всех военных сил в Эгее.

Артаксеркс умер своей смертью в 425 г., его похоронили два его сына – Ксеркс II и Согдиан. Царем стал Ксеркс II, но почти через два месяца его убил Согдиан. В 423 г. до н.э. Согдиана убил незаконный сын Артаксеркса I. В Греции его называли Нот (бастард). Нот был сатрапом Гиркании, и он присвоил себе титул Дарий II. Ему удалось продержаться на троне до 404 г. Ксенофонт упоминает про мятеж в Мидии⁸ в 404 г. до н.э. и на Каспийском море (Кадусии)⁹ в 405 г. до н.э. Однако они не распространились широко, длились недолго и не причинили особого урона империи. Дарию II также пришлось подавить бунты в Лидии и Сирии в 413 г. до н.э.

Артаксеркс II и Кир Младший

У Дария II и его жены Парисатиды было два сына: Артаксеркс II (404–359 гг. до н.э.) и Кир II (423–401 гг. до н.э.), известный еще и как Кир Младший. Парисатида отдавала предпочтение Киру и использовала все свое влияние, чтобы тот получил место сатрапа в западной Анатолии, куда входили Каппадокия, Фригия и Лидия. И Кир возглавил местный ахеменидский гарнизон в 408 г. до н.э. Вскоре ему удалось завоевать популярность в самых различных слоях населения, как у греков, так и у негров своей сатрапии.

В 405 году до н.э. Дарий призвал сыновей к своему смертному ложу. Несмотря на все усилия Парисатиды, он объявил своим наследником Артаксеркса II. Кир Младший был раздосадован, и когда сын Дария II умер, подбил Читрафарну (по-гречески: Тиссаферна (умер в 395 г. до н.э.) – сатрапа Галии, резиденция которого находилась в Лидии, на государственную измену, убедив его выступить против своего собственного брата Артаксеркса II. Кир даже предпринял попытку покушения на правителя¹⁰. Только благодаря мольбам Парисатиды Кир Младший избежал казни. Ему разрешили вернуться в Анатолию.

Но стоило ему вернуться в свою сатрапию, как он начал формировать войска. Официально Кир заявил, что делает это исключительно ради похода против племен писсидийцев, располагавшихся возле Тарса. Но Читрафарну эти заверения не убедили, он догадывался об истинных намерениях Кира. Тем более что Кир набирал в свою армию греков, в особенности ветеранов – участников битв в Пелопоннесе. Что, конечно же, еще более укрепляло подозрения Читрафарны. Греческих воинов в армии Кира вел спартанский командир Клеарх, в то время как Ксенофонта (афинянина) назначили командиром отрядов, которые должны были прикрывать тыл. Впос-

ледствии Ксенофонт в своих записках «Анабасис» подробно описал, как происходили эти события: борьба Кира за царскую корону.

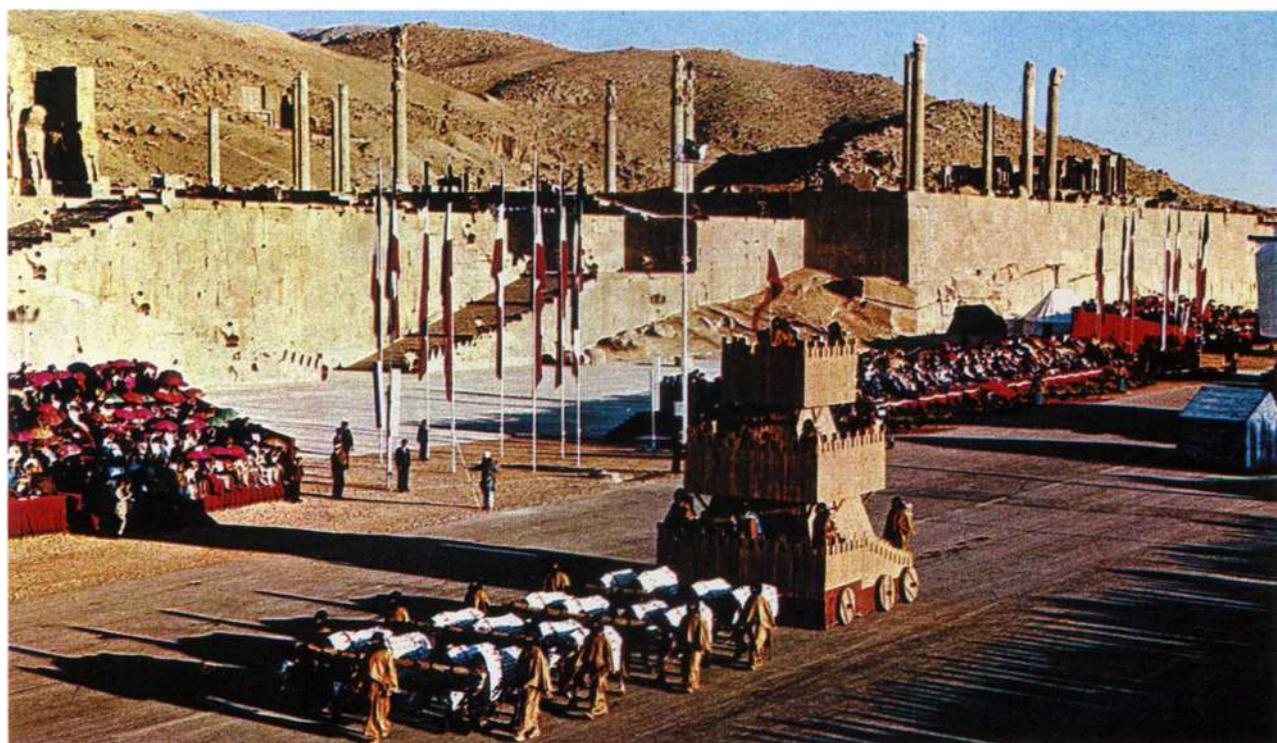
Тайные приготовления Кира, несмотря на всю секретность, не остались незамеченными. Читрафарна донес царю о том, что войска Кира слишком велики для ведения кампании против племен писсидийцев. Царь наконец всерьез обеспокоился и начал собирать свое собственное войско. Численность воинов, по запискам Арриана, достигала фантастических размеров: 114 000 у Кира и 1 200 000 у Артаксеркса¹¹. Современные исследователи придерживаются другого мнения, большинство из них пришли к мнению, что их было значительно меньше, примерно 30 000 против 60 000. Более убедительно выглядит описание Арриана отрядов греков, находившихся на службе у Кира: число этих воинов достигало 10 000 или 14 000. В основном это были спартанцы, фракийцы выставили 2500 воинов, среди них были и греки – метатели пращи, 200 отличных лучников прибыло с Кипра. Спартанцы поддержали Кира, надеясь, что после победы вынудят его к ряду уступок.

Битва в Кунаксе

В 401 г. до н.э. Кир двинул свою армию на запад. До момента прибытия в Тапсак на реке Евфрат Кир не объявлял о своих притязаниях на трон. И только после этого присоединился к битве против Артаксеркса, которая состоялась в Кунаксе (недалеко от Багдада), рядом с Вавилоном.

Эту упорную битву Кир вполне мог бы выиграть, если бы не погиб. Во всяком случае, правое крыло – греческие отряды Кира – одержали верх над египетскими

Реконструкция осадной башни ахеменидов на колесах («К 2500-летию юбилея со времени основания Персидской империи»).

наемниками, лучниками и кавалерией, которых вел Читрафарна. Артаксеркс попытался обойти врага с фланга, используя свое правое крыло, и встретился лицом к лицу с Киrom, который возглавлял в битве против своего брата левый фланг. Во время сражения Кир нечаянно допустил опасную оплошность, расстроив линию воинов. Читрафарна решил использовать это, рванувшись вперед, он добрался до головного отряда Кира. Теперь Кир вынужден был вступить в непосредственный поединок с Артаксерксом. Ему удалось ранить брата копьём и сбросить с коня. Но почти в этот же момент Киру в висок угодил дротик. Кир упал, еще один дротик вонзился ему в колено, а затем кто-то добил его, ударив камнем¹².

Греческие командиры пришли в замешательство, но все же захватили в качестве заложника Читрафарну, чтобы получить разрешение покинуть в полном составе Вавилон, вернуться в Анатолию, а оттуда – в Грецию. Это было эпически-драматическое возвращение, которое навеки запечатлел Ксенофонт в «Анабасисе». Пятимесячное отступление «Десяти тысяч» (без кавалерии) тоже оказало влияние на Александра Македонского, когда он принимал решение 70 лет спустя.

Визехоффер описывает тактику Артаксеркса в битве при Кунаксе:

Панель из глазурованного кирпича из Суз с двумя крылатыми львами-божествами, над головами которых располагается протозороастрийский символ. Львы вдохновляли вавилонян, а крылья остались как напоминание о ранних ассирийских формах (Эрик Лессинг).

«Враги могли видеть, как сверкала бронза доспехов и наконечники копий. Всадники на левом крыле были в белых доспехах... рядом с ними шли пехотинцы со слабыми щитами, а затем гоплиты с деревянными щитами, доходившими до ступней. Видимо, это были египтяне. А потом снова всадники и лучники. А затем племенные отряды. Перед ними и, скорее всего, на некотором расстоянии от них – скифские колесницы»¹³.

Из этого описания нетрудно сделать вывод, какое значение придавали ахемениды расположению войск в армии, чтобы сохранить мобильность, а также внезапность нападения скифских колесниц. Как обычно, битве предшествовала перестрелка лучников, после чего выступала конница. Пехотинцев Артаксеркса со «слабыми щитами» должны были поддержать более защищенные египетские гоплиты, в то время как Кир Младший полагался на греческих наемников. Новшество в тактике ведения боя заключалось в том, что самая важная роль в битве отводилась коннице.

Артаксеркс II и война со Спартой

Взаимоотношения между империей и Спартой ухудшились, что привело к войне в 400 г. до н.э., как раз через год после победы Артаксеркса в Кунаксе. Причиной опять послужили греки Малой Азии. Противостояние длилось почти 13 лет (400–387 гг. до н.э.) с постепенным перевесом в пользу Артаксеркса II. Царь пустил в ход дипломатические ухищрения: теперь благодаря персидскому золоту начали подниматься Афины, которым стали уступать спартанцы.

Изнурительные войны, которые греки вели между собой, были на руку империи. Постоянное противостояние означало, что ни Афины, ни Спарта не смогут достичь абсолютного превосходства в эллинистическом мире и что нет опасности их полного объединения против ахеменидов. Истощив свои силы, греки обратились к царю выступить посредником. Так в 387–386 гг. до н.э. был провозглашен «Царский мир» или же «Анталкидов мир» – по имени посланника спартанцев, которого они отправили к Артаксерксу. Греки выразили согласие не вторгаться в области, подчиненные империи в Ионии – западная часть Анатолии. Снова персидское золото добилось того, чего не смогла персидская армия: сдержать натиск греков, пусть и на непродолжительное время. Правда, имперское желание взять реванш, которое не покидало ахеменидов после поражения в войнах Дария–Ксеркса, им так и не удалось утолить.

Неудача Артаксеркса в Египте и мятежи в сатрапиях

Несмотря на призрачный успех, которого удалось достичь на Эгейском море, империя заметно ослабела и в военном смысле, и политическом. Это явственно проявилось во время вспыхнувшего мятежа в Египте (405 г. до н.э.). Артаксеркс возглавил поход в Египет в 373 г., и в основном он вел греческих наемников – 12 тысяч воинов, вооруженных новыми копьями – 3,6 м длиной, и 8000 тысяч регулярных гоплитов¹⁴. Египтяне сумели оказать им сопротивление и добиться полной независимости. Это был серьезный удар по авторитету Артаксеркса. Почти сразу после этого похода, окончившегося поражением, вспыхнули многочисленные мятежи в западных сатрапиях. Датам (сатрап

Каппадокии) в 368–367 гг. до н.э. провозгласил свою независимость от царской короны. Его примеру последовал Ариобарзан (сатрап Даскилеи), а за ним – Оронт (сатрап Армении), Автофрадат (сатрап Сард) и Мавсол (сатрап Карики). Положение усугублялось тем, что эти сатрапы теперь получали поддержку от спартанцев, египтян и всей Анатолии¹⁵. К счастью для империи, Ароанд, вставший во главе всех повстанцев, предал своих товарищей по оружию Артаксерксу. Разобшение в рядах бунтарей царь умело использовал, чтобы разбить Ариобарзана, а затем Датама. Из-за того что в Египте никак не могли определиться с тем, кто унаследует власть, войска оттуда не пришли на помощь мятежникам¹⁶. Если бы на тот момент мятежники сохранили сплоченность, они могли занять всю Персию и уже тогда покончить с властью ахеменидов.

Подавив бунт, Артаксеркс удержался от карательных мер и даровал прощение всем его участникам. Очевидно, царя беспокоило то, что империя ослабела. Если бы он приказал казнить всех зачинщиков, в ответ снова могло вспыхнуть восстание, чего империя уже не в состоянии была вынести. Среди мятежников превалирующее число воинов составляли греческие наемники, что лишний раз подтверждало слабость военной силы ахеменидов. Империя угасала и уже явно не могла противостоять вторжению со стороны.

Правление Артаксеркса III

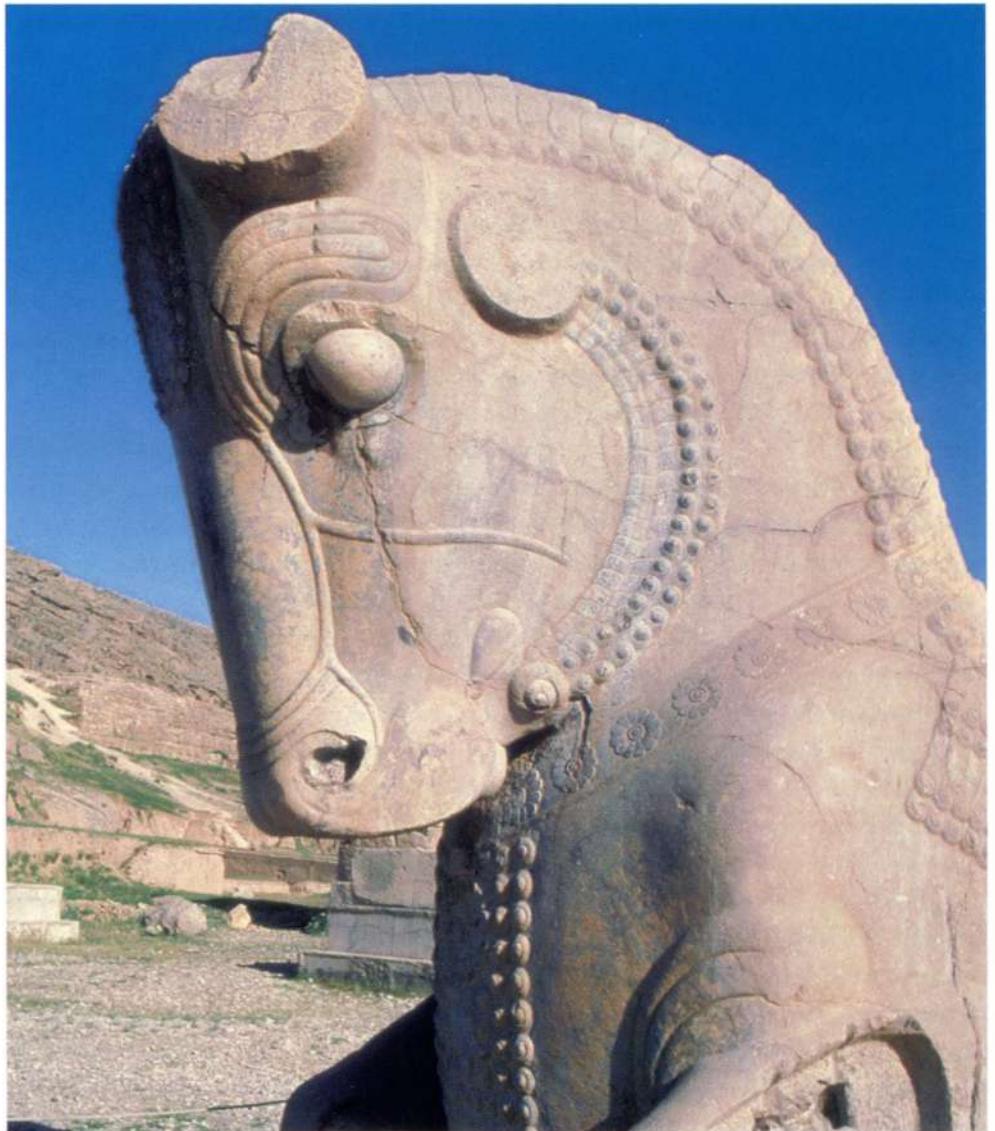
Артаксеркс III (359–338 гг. до н.э.) пришел к власти после кончины его отца, Артаксеркса II в 359 г. до н.э. Его воцарение сопровождалось жестоким тайным приказом убить брата и всех членов семьи. И все его дальнейшие действия отличались особенной безжалостностью и свирепостью¹⁷. И точно так же, как и его предшественники, взойдя на трон, Артаксеркс столкнулся с мятежами. Новый царь отдал приказ Арта-

Ахеменидский цилиндр-печатка из агата с изображением царской охоты на львов. Надпись сделана на эламском, вавилонском и староперсидском языках (Топхам пикчелойнт).

вазу (сатрап Даскилеи и Фригии) и Оронту (сатрап Мисии, бывший сатрап Армении) расформировать отряды греческих наемников. Сатрапы отказались и подняли бунт против царя. Афины активно поддержали их, но угрозы Артаксеркса III вынудили их отказаться от этой затеи. Несмотря на то что Фивы помогали мятежникам, восстание было подавлено, и Артаваз вынужден был в 353–352 гг. до н.э. искать убежища в Македонии у Филиппа II.

Подавив бунтующую Анатолию, Артаксеркс III задумал вернуть то, что потерял его отец: египетское царство. Закончив нужные приготовления, он в 351–359 гг. до н.э. двинулся в поход, но потерпел сокрушительное поражение от фараона Нектанеба II. Еще один удар по престижу империи, который вызвал очередную цепь мятежей в 345 г. до н.э. в Киликии, Палестине и Финикии. Все они (за исключением Сидона) были подавлены в том же году. Но существование независимого Египта продолжа-

Персидский бык или священная корова – навершие одной из колонн в большом зале Персеполя. Священные коровы были весьма распространены во многих арийских ритуалах Древнего Ирана и Индии и, конечно, перешли и в митраистский культ из Персии в Римскую империю. Соперником этого культа стало христианство (Жерард Деджордж).

Божество птица-гракон из Персеполя, ставшая прототипом птицы Симура. Этот мотив впоследствии перешел в качестве орнамента на плащи элитных сасанидских всадников-асваранов. Птицу Симура чрезвычайно почитали скифы и сарматы. Как декоративный элемент изображение получило широкое распространение в европейском искусстве, в особенности в готическом стиле.

ло сказываться на положении империи и на ее военной репутации. Что заставило Артаксеркса предпринять еще один поход против непокорного царства. Он снова набрал воинов из профессиональных наемников-греков. Артаксеркс сам стал во главе войска и повел его в Египет. Вновь подчинившийся царю Сидон тоже выделил своих воинов. На этот раз кампания закончилась победой в 342 г. до н.э. Главные противники персов вынуждены были отступить в Нубию.

Успех Артаксеркса III смутил эллинов, успевших к тому времени окрепнуть. Исократ (436–338 г. до н.э.), афинский оратор, призывал греков в своих панегириках объединиться в панэллинский союз и пойти «крестовым походом» против Персии. Этого объединения удалось добиться лишь македонскому царю Филиппу II (382–336 г. до н.э.). Он сумел соединить греков в единое целое под своим началом. Те греческие города-государства, которые не желали признавать Филиппа II, он сумел разгромить в битве при Хироне в 338 г. до н.э. Артаксеркс не пытался помешать Филиппу II и даже не делал никаких шагов в этом направлении. И теперь Филиппу II принадлежала вся Эгея.

Видимо, империя по-прежнему придавала намного больше значения Афинам и Спарте и не придавала большого значения военному и политическому росту северной Греции, особенно Македонии. А военное превосходство было тем опаснее, что македонцы развили новую тактику – сарисса-фалангу, которая стала лучшим военным достижением времени. Объединенная Греция готовилась к вторжению в Персию. И только убийство Филиппа II немного поколебало баланс сил в эллинистическом мире. «Пост» лидера панэллинизма перешел к сыну Филиппа II – Александру III (356–323 г. до н.э.). Демосфен (384–322 г. до н.э.) видел в правителе Македонии худшего врага для греческой демократии, чем империю ахеменидов. Но эти чувства были погребены под золой, которая осталась после того, как Александр, подавив антимакедонское восстание в Фивах, сжег город дотла. Теперь дни Персии были сочтены.

Глава 6

Дарий III и падение империи

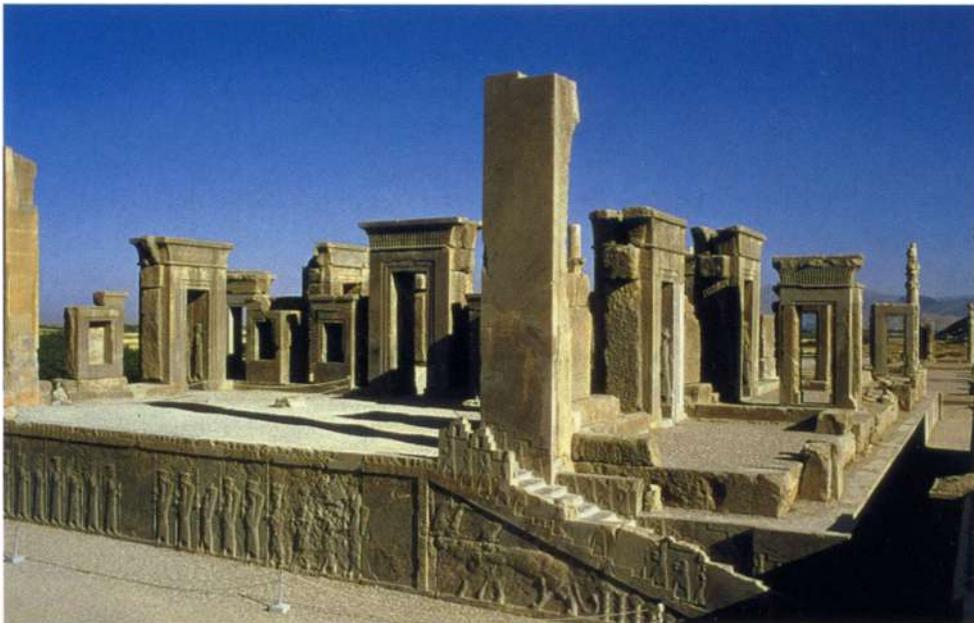
Дарий III: наследник пошатнувшейся империи

Диодор утверждает, что Артаксеркса III отравил евнух Багой, занимавший положение главного советника или визиря. Багой убил и всех сыновей Артаксеркса, кроме Артаксеркса IV (по-гречески: Арс), которого он поставил царствовать, хотя практически все дела вершил сам¹. Однако эти исторические выдумки далеки от действительности, поскольку в Британском музее есть клинописный документ, в котором говорится, что Артаксеркс умер естественной смертью². Большая часть историков сходится во мнении, что Багой действительно пытался убить Артаксеркса через два года после того, как тот занял трон, но ему это не удалось. Тем не менее коварный евнух не оставил своего намерения и достиг своей цели: поставил на его место своего фаворита – знатного человека по имени Кодоман, – сына Аршама (Арсама). Аршам был внуком Остана (Останеса), одного из братьев Артаксеркса II. До того как начался его путь к славе, Кодоман был обычным придворным³. Как храбрый воин он проявил себя в битве против кадусийцев⁴ и, кажется, довольно бегло говорил по-гречески⁵. Взойдя на трон, он принял имя Дарий III (время правления 336–330 гг. до н.э.) и немедленно сделал все, чтобы добиться своей независимости от Багоя. Для начала новый царь решил отравить евнуха. Тот понял, что ему принесли отраву, но царь заставил Багоя выпить яд⁶. Придя к власти, Дарий III получил известие об очередном мятеже в Египте, который произошел в 337 г. до н.э. Царь Хабабаш, обосновавшийся в Мемфисе, теперь контролировал большую часть Египта. Дарий III попытался подавить мятеж в 336 г. до н.э., в то самое время, когда он стал царем, но его едва заметный успех вряд ли мог замаскировать тот факт, что недовольные подданные будут восставать вновь и вновь. Другая опасность таилась в том, что сатрапам теперь не было нужды в преданности трону. Богатство и земельные наделы⁷, жадность и коррупция знатных придворных и государственных чиновников росли день ото дня, в то время как основная масса была доведена до полной нищеты непомерными налогами ради утоления их прихотей. На тот момент экономическое состояние империи выгля-

дело тенью того, что было прежде, еще и потому, что постоянно приходилось устраивать дополнительные сборы на подавление то и дело возникавших восстаний. Потеря доходов, которые приносили такие районы, как Анатолия, Индия и побережье Египта, также сильно ударила по экономике⁸. Иранцы не могли добиться независимости, чего нельзя было сказать о финикийцах, сирийцах, египтянах и, конечно, ионийских греках. Все эти факторы, вместе взятые, вдобавок к уже вышеупомянутой военной слабости, создали ситуацию, при которой Персия была совершенно не подготовлена к тому, чтобы встретить одного из самых величайших завоевателей, которых до того знала история, – Александра Македонского.

Подъем эллинов

Царь Македонии Филипп II образовал Коринфский союз для того, чтобы отомстить персам. Война, к которой он готовился, была объявлена и «священной войной», поскольку во время вторжения Ксеркса были поруганы многие греческие храмы. Филипп II направил в Малую Азию военачальников Аттала и Пармениона. Они должны были освободить те греческие области, которые попали под власть ахеменидов. Под их руководством воины очень успешно и быстро заняли Ионию. И вскоре такие области, как Троя, тоже вошли под начало греков. Военные действия Аттала–Пармениона сказались в двух направлениях. Во-первых, Геллеспонт окончательно перешел под управление греков. И это означало, что греки теперь контролировали «береговой плацдарм» в Малой Азии, откуда они могли двинуться на Персию. Во-вторых, греческие полководцы убедились, что в военном отношении ахемениды уже не в состоянии оказать им должного сопротивления, во всяком случае, Малую Азию (и в частности, Ионию) им удалось покорить очень легко.

Вид на зал Тахары в Персеполе (Жерард Деджордж).

Ахеменидский крылатый «каменный козел» из западного пограничного района империи. В позе животного чувствуется греческое влияние. Копыта козла стоят на голове египетского демона (Лувр).

Однако в 336 г. до н.э. Филиппа II убили, и он не смог осуществить свой план: вторжение в Персию, предоставив исполнение этой идеи сыну – Александру III (годы правления 336–323 до н.э.). Арриан пишет, что поводом вторжения в Персию для Александра стало подозрение, что Филиппа II убили тайные агенты Дария⁹. Но более убедительным выглядит то, что Коринфский союз провозгласил Александра III гегемоном, который обязан довести до конца «священную войну» против Персии.

Армия Александра состояла из 40 000 воинов¹⁰. Диодор сообщает, что в ней насчитывалось 32 000 пехотинцев (включая 1000 стрелков из лука) и 4500 всадников (вместе с 1800 македонцами и 1800 фессалийцами)¹¹. Александр придавал большое значение различным родам вооружения, действовавшим совместно на поле боя. – по тем временам это было новшество, которое не утратило значимости и по сей день. Роль, которая отводилась македонским фалангам, заключалась в том, что они принуждали врага занимать ту позицию, которую им навязывал Александр. А затем на них обрушивалась македонская конница (правый фланг фаланги) и фессалийская конница (левый фланг фаланги). Поскольку они занимали еще и оборонительную позицию, то их следовало бы назвать весьма эффективно действующей «тяжелой» конницей эллинского мира. Македонская конница шла в атаку клином. Армия Александра пополнилась также всадниками из Фракийского союза, как это было с лидийцами во времена Кира.

Вслед за атакой конников в бой вступали отборные элитные пехотинцы самого Александра (гипасписты), которые добивали врага; они двигались за фалангой македонцев. Их продвижение, по распоряжению Александра, поддерживали очень эффективно действовавшие объединения стрелков из лука, вспомогательные отряды гоплитов и пехотинцы, метавшие дротики. Для осады Александр применял особую «артиллерию». Сам он возглавлял два конных эскадрона с копьями и пехотинцев, которые составляли его личную царскую гвардию – гетайры или «друзья царя».

Разгром Дария III Александром Великим

В 334 г. до н.э. Александр со своим войском пересек Геллеспонт и вступил на землю Малой Азии. Как уже говорилось выше, ахеменидов к тому времени вытеснили из этой области еще при правлении Филиппа. Дарий III был вынужден предпринять какие-то контрмеры, так как осознал всю степень угрозы со стороны молодого царя македонцев. Поскольку эти события были самым тщательным и подробным образом описаны британскими, французскими и немецкими историками, я предлагаю читателям взглянуть на то же самое «другими» глазами – с точки зрения ахеменидов.

Река Граник

Александр продвигался все глубже и глубже в Малую Азию, и Дарий III устроил совещание со своими полководцами. Мемнон – греческий военачальник, находив-

шийся на службе у ахеменидов, предложил Дарию отдать приказ отступить, чтобы позволить Александру проникнуть еще дальше на территорию Персии. После чего ахемениды должны были напасть с моря на Македонию и вынудить Александра вернуться. Предложение Мемнона свидетельствует о том, что этот военачальник опасался вступать в прямое столкновение с могучим войском Александра. Однако Александр, предвидя возможность такого хода, предусмотрительно оставил в Европе большое войско под предводительством Антипатера¹². Остальные полководцы Дария отвергли предложение Мемнона и предложили в мае 334 г. до н.э. встретить войска Александра недалеко от реки Граник, протекавшей рядом с древней Троей.

На левом крыле армии Дария располагались лидийские, фригийские и каппадокийские конники под командованием Мемнона и Арсамана (Арсамнеса). Пафлагонийские всадники стояли за левым крылом. Правое крыло состояло из гурганских конников из северной Персии, их вел Спитродат (Спитродатес), зять Дария. В центре армии Дария сосредоточились всадники из самых различных областей империи. Пехотинцы и лучники выстроились в тылу, за всадниками, видимо, по той причине, что они вряд ли могли по-настоящему противостоять пехотинцам противника¹³. В классических источниках существуют разногласия относительно количества сил Дария. Диодор насчитывает 100 000 пехотинцев и 10 000 всадников, в то время как Арриан приводит другую цифру: 20 000 пехотинцев и 20 000 всадников¹⁴. Пирний утверждает, что общее число воинов Дария составляло 35 000–40 000 человек, что примерно равнялось силам Александра¹⁵. В армии Дария находились 4000–5000 греческих наемников под предводительством Мемнона; остальные делились поровну между пехотинцами и всадниками-лучниками. Греческие наемники представляли особую ценность, так как были более подготовлены и снаряжены для встречи с захватчиками. Александр тоже принимал их во внимание, когда обдумывал, каким образом нанести свой мастерский удар.

Дарий расположил свои войска на западном берегу реки Граник. Александр пересек реку и приказал кавалерии ударить в левый фланг при поддержке пехоты. Дарий бросил в поддержку правый фланг (Спитродата), и греков удалось отбросить назад. Однако эта атака Александра служила лишь отвлекающим маневром. После чего молодой полководец повел свою конницу вместе с тяжеловооруженными всадниками, которые прорвались в центр и смяли ахеменидских всадников¹⁶. В этот разлом бросились элитные наездники ахеменидов, чтобы сдержать нападение противника. Несмотря на их храбрость и бесстрашие, многие из них были повержены, хотя один из них едва не убил Александра до того, как сразили его самого. Пробив центр, Александр развернулся и ударил по правому крылу гурганской конницы, объединившись с левым македонским флангом. Это позволило непобедимой македонской фаланге двинуться в центр, чтобы разбить ахеменидских пехотинцев-лучников, которых буквально насаживали на длинные копьё-сариссы. Если бы греческих наемников не держали в резерве, они бы, наверное, смогли бы предотвратить полный разгром. Но теперь битва была проиграна. Левый фланг Дария и остатки его войска бежали, оставив поле боя Александру. По сведениям историков-классиков, потери греков составили 115 человек¹⁷. Число убитых и раненых ахеменидов было несрав-

Золотой церемониальный кинжал из Хамагана. XVII век. 43 см длины. Рукоятка украшена головой льва (Р. Шеридан. Древнее искусство и архитектура).

Бронзовая подставка для штандарта в виде льва. Часто изготовлялись из золота или серебра. Изображение льва оказывало сильное воздействие на идущих в бой воинов, его можно было видеть на штандартах в Иране почти до конца XX века (Эрик Лессинг).

нимо выше. Диодор называет 10 000 пехотинцев и 2000 всадников¹⁸. Несмотря на то что конники Александра в соединении с тяжеловооруженными всадниками могли нанести серьезный урон ахеменидам, все же приведенные выше цифры кажутся сильно преувеличенными.

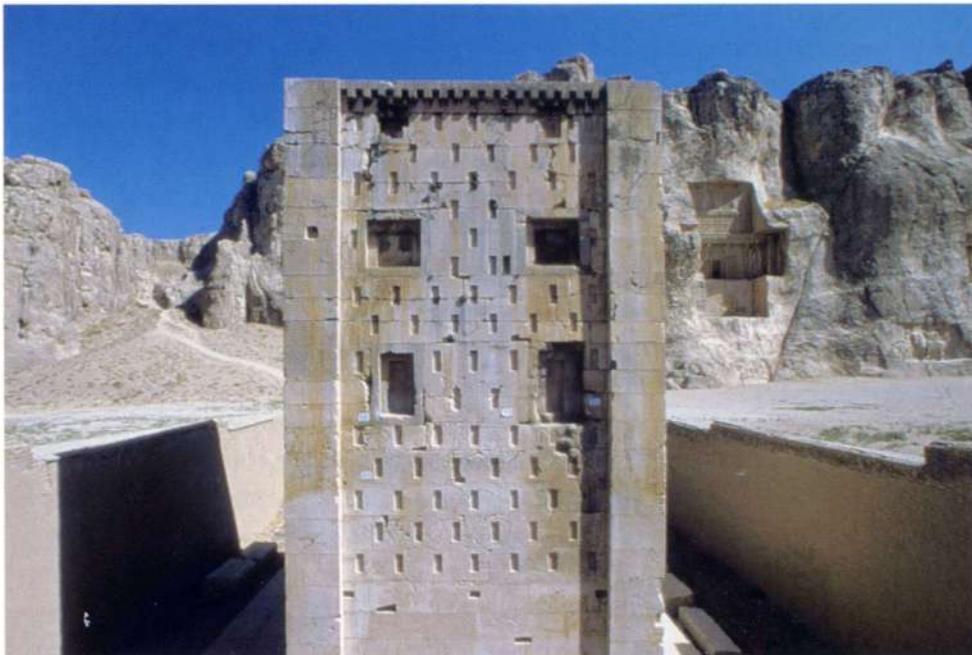
Преследовал армию Дария, отступавшую через горы Тавр. Митрен, иранский сатрап Сард и Лидии, который присоединился к войскам Александра. Они захватили Милет и Галикарнас, которые оказали серьезное сопротивление. После падения Милета и Галикарнаса военачальники Оронтопат и Мемнон вынуждены были уйти морем. После чего Александр принялся завоевывать греческие города-государства, многие из которых отчаянно сражались с ним. Успешные сражения в этой части позволили ему войти во внутреннюю Анатолию. Западные районы Малой Азии были теперь навеки потеряны для империи. Отсюда Александр мог пойти дальше в двух направлениях: либо по направлению к Персии, либо в сторону Сирии и Палестины. Благодаря тому что Александр захватил Ионийское побережье, он пресек потенциальную угрозу со стороны персидского флота, насчитывавшего 400 судов в Эгейском море¹⁹.

Потерпевшие сокрушительное поражение полководцы ахеменидской армии и Дарий окончательно осознали военное превосходство войск Александра: они ничего не могли противопоставить соединению пехотинцев и всадников, а также были абсолютно беззащитны перед македонской фалангой. Какие-то надежды на кавалерию еще оставались, хотя иранские всадники и в тактическом отношении, и в технологиях уже были не в состоянии дать отпор фалангам, оснащенным сариссами, и эллинскому соединению пехотинцев и всадников как единому целому. Это означало, что греческих наемников под водительством Мемнона необходимо было ставить на передовую линию. Их число перед грядущей битвой составило внушительную цифру – 30 000.

Мемнон был польщен высоким доверием, которое ему оказали Дарий и арийская знать. И он снова предложил прибегнуть к тому самому плану, который он предлагал ранее: вынудить Александра отступить в Македонию, чтобы избежать его дальнейшего продвижения в Азию²⁰. Но надежды, которые возлагали ахемениды на реализацию этого плана, рухнули из-за внезапной болезни и смерти Мемнона. Дарий не смог найти достойной замены греческому полководцу и вынужден был сам встать во главе армии²¹. Военачальники-ахемениды приняли решение сосредоточить все силы в Вавилоне, где Дарий начал готовиться к следующему сражению с Александром. По мнению Диодора, число воинов в армии Дария достигло фантастической цифры – 400 000 пехотинцев и 100 000 всадников²². Курций Квинт приводит более заниженные цифры: 220 000 пехотинцев и 73 200 всадников²³. Относительно числа греческих наемников – 30 000 – они проявляют единодушие.

Битва при Иссе

Александра тревожило, что вновь собранная армия Дария переберется из Вавилона в Сирию, и поэтому он перебросил свои силы в Киликийскую приморскую равнину и вскоре достиг Сирийских Ворот (нынешняя Турция, южнее Искандеруна). Дарий действительно вошел в Киликию и достиг Иссы. Предположив, что Дарий непременно пройдет через узкий проход Белен, Александр задумал напасть на него именно здесь, пока огромная армия персов еще не успела организовать. Но Дарий сумел избежать этой ловушки, его войско прошло стремительным маршем и оказалось в тылу греческой армии. Позиция, выбранная Дарием, представляла неудобства для Александра и в смысле снабжения воинов, и в отношении связи между отрядами. К тому же в заливе Исса выстроились корабли Дария. Это давало возможность пер-

Куб Зороастра в Нагши-Рустаме (8 км от Персеполя). Точно такой же монумент, называемый Зендан, имеется в Пасаргаде. За кубом находится гробница Дария II (закрывается кубом), справа – Артаксеркса I и далее, тоже вправо – Дария Великого. Гробница Ксеркса не попала в кадр. У основания скалы есть рельеф, выполненный в конце Сасанидского периода.

сидскому царю высаживать отряды по всей береговой линии залива. Александру не оставалось выбора: он должен был двинуться к Иссе, где его ждал Дарий. Войска встретились 1 октября 333 г. до н.э.

Дарий выставил греческих наемников в самом центре, их должен был поддерживать слева Карадак (число его воинов составляло 20 000–60 000 человек). Он должен был встретить натиск греческих тяжеловооруженных пехотинцев. Склон горы Амана вынуждал Карадака расположить свои отряды в виде латинской буквы «L». Часть его воинов заняла место по высохшему руслу реки Пинар. Дарий встал в центре армии. Ахеменидские всадники выстроились по правому флангу, недалеко от побережья. Большая часть пехотинцев и лучников остались за тяжеловооруженными пехотинцами и всадниками.

Сначала Дарий решил ударить по легковооруженным силам греков, стоявших у гор Аман. Но Александр быстро отразил этот выпад. Битва началась с мощного обстрела ахеменидских лучников²⁴. Александр ответил на это ударом по левому флангу войск Дария, где стоял храбрый, но совершенно неопытный Карадак. Какие-то части иранской кавалерии попытались вмешаться, но не смогли остановить атаку Александра. И лучники, выступившие ему в поддержку, тоже не принесли большой пользы.

Фаланга эллинского центра состояла из гоплитов (слева) и гипаспистов (справа). Фаланга и поддерживавшая ее пехота бились вместе с основными силами Александра и его кавалерий, но, несмотря на все их усилия, в рядах войска образовалась брешь. Дарий бросил в этот разрыв тяжеловооруженных пехотинцев, которые понесли большие потери, а фалангистам удалось сохранить ряды. Воины опытного полководца Пармениона и фессалийская тяжеловооруженная конница (левый фланг войска) также выстояли под натиском кавалерии Дария. Очередную атаку Александр сопровождал градом ударов метателей дротиков и пращников. Сломав упорное сопротивление левого фланга противника, Александр, повернув налево, ударил в самый центр армии Дария – по его тяжеловооруженным пехотинцам, тем самым разъединив ряды ахеменидского войска. Теперь целью Александра стала золотая колесница Дария. Оксидатр – брат Дария – бросился ему на помощь со своей конницей, чтобы не дать грекам захватить царя. Он поверг большое число македонцев²⁵, но не сумел сдержать их натиск. Дарию пришлось оставить колесницу и покинуть поле боя верхом на коне. Общее число убитых в ахеменидском войске среди пехотинцев составило 100 000 человек и 10 000 среди всадников²⁶. Потери македонцев были незначительными: 130 пехотинцев и 300 всадников²⁷. Оксидатр позже вошел в почетную свиту Александра.

Дарий не просто проиграл битву в Иссе. Ахеменидов после этого оттеснили за пределы Месопотамии, Кавказа и с Иранского плато. Большая часть незаменимых военачальников были убиты. Ахемениды утратили свое положение и в остальных частях Анатолии, Сирии и, конечно же, в Египте. Дамаск со всеми его сокровищами достался Александру. Финикийское побережье и Сирия были захвачены, хотя город Тир упорно не сдавался в течение семи месяцев, прежде чем был взят. Тир был стратегически важным местом как главный центр, где располагались морские силы ахеменидов. Потом пала Газа, а следом за ней и Египет. Египтяне встретили Александра как освободителя. Но самым унижительным для Дария было то, что пос-

ле поражения в Иссе Александр захватил в плен его жену, мать и большую часть его свиты. Правда, Александр отнесся к пленникам с большим уважением.

Перед своим последним сражением Дарий попытался заключить мир с Александром, выразив готовность признать за Александром все земли западнее реки Галис²⁸. Александр отверг это предложение и потребовал все земли западнее Евфрата, 30 000 серебряных талантов, руку его дочери, а также положение сопровителя Дария²⁹. Тот в свою очередь отверг это предложение. И Александр продолжил захват ахеменидской империи и то, что лежало за ее пределами.

Битва при Гавгамеле

Два года потребовалось Александру на то, чтобы овладеть Палестиной, Сирией и Египтом. Покорив эти районы, он двинул свои войска из Финикии по направлению к Евфрату и Тигру, в Месопотамию, чтобы оттуда пойти прямо к сердцу Персии. К этому времени империя утратила всякую надежду на возвращение Малой Азии. В 331 г. до н.э. Дарию предстояло дать последнее сражение при Гавгамеле.

Греческая армия разделилась на три части: левое крыло, центр и правое крыло. Александр встал во главе правого фланга, который составляли его друзья-конники, македонцы и отряды из других районов Греции. Конница стояла перед лучниками, которые располагались рядом с фалангами. Что касается фаланг, то они образовали две линии. Александр намеревался повторить свой удачный прием, который уже не раз использовал мастерским образом. Левый фланг Пармениона вместе с фалангой должны были сдерживать натиск ахеменидов. Этот фланг состоял из фракийцев, фессалийцев и других объединений греческих наемников. В центре сосредоточились отряды фаланг, в поддержку которым стояли запасные полки, а также отряды критских лучников, ахейцев и агриан.

Ахемениды много сделали для того, чтобы оправиться после поражения при Гранике и Иссе. Военачальники постарались обеспечить воинов более длинными щитами³⁰ и мечами с длинными клинками³¹.

Дарий делал ставку на скифские колесницы, которые он надеялся противопоставить тактике Александра и военному превосходству греков. Правда, колесницы были по-прежнему старомодными. Тем не менее Дарий надеялся, что они, вкупе с тяжеловооруженными всадниками, сумеют прорвать линию противника. Это была своего рода попытка образовать «боевой кулак». Скифские колесницы должны были пробить вражеский строй при поддержке всадников, которые устремились бы в образовавшийся разлом. На самом деле, как уже показала практика, скифские колесницы оказались малоэффективными при столкновении со сплоченными и хорошо организованными отрядами Александра, который уже сражался против колесниц во Фракии. В том бою Александр приказал своим воинам, как только к ним приблизятся фракийские колесницы, просто лечь наземь и закрыться щитами плотными рядами. В результате колесницы прокатились по ним, не причинив ни малейшего вреда; а потом лучники Александра сразили возничих. На этот раз Александр решил применить другой прием: он приказал расступиться и пропустить их. Промчавшись мимо, колесничие не успевали развернуться и оказывались беззащитными перед лучника-

Помпейская мозаика увековечила эпическое сражение персов с Александром Македонским. На колеснице стоит Дарий III, его правая рука вытянута в сторону Александра, который, судя по всему, сжимает копые. Это изображение вступает в противоречие с общепринятым мнением, будто у Александра были светлого цвета волосы. Возможно, заблуждение вызвано неправильным переводом греческого слова, которое на самом деле означает «светло-каштановый».

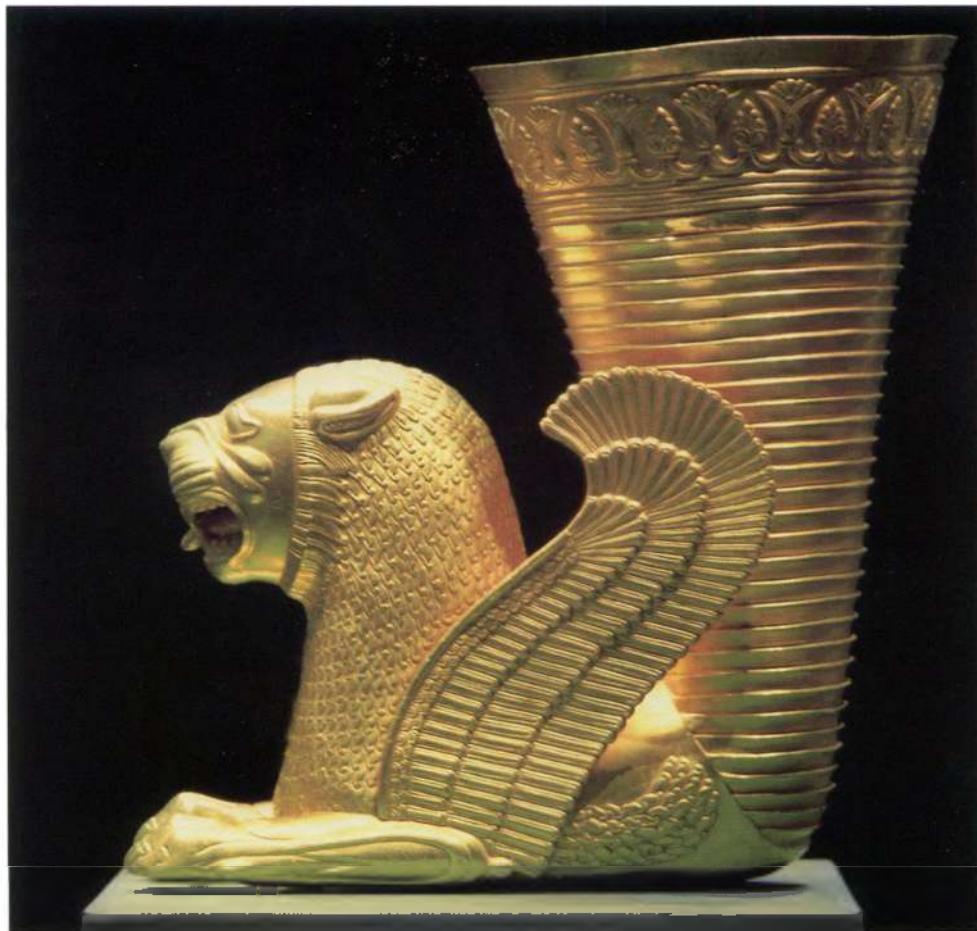
ми и оцетинившимися копьями воинами. Кроме того, Дарий выставил 50 слонов на передней линии, хотя в бою они были малопригодны.

Как и в битве при Иссе. Дарий встал в центре с лучшими пехотинцами. Справа стояла царская конница, мидо-мардианские лучники, бессмертная гвардия из элитных воинов, греческие наемники, а также карийские и индийские всадники. Мазей – один из полководцев Дария – командовал правым флангом, который состоял из иранцев (парфян, мидян, гиркан и саков), каппадокийцев, армян, сирийцев, месопотамцев и тапурийцев (север Персии), албанцев и всадников-саков. Многие саки находились под пятой империи, но пришли сразиться за Дария как союзники¹². Массагеты также направили в бой своих конников¹³. Командование левым флангом вел Бесс. Здесь располагались отряды западноиранской конницы, в особенности саков (даков), парфян, арахов и бактрийцев. Конница Бесса из Иранского плато и гор Загрос состояла из персидских, сузских и кадусийских воинов. Албанцам и сакасиям Бесса предстояло встретить удар левого фланга Александра, в то время как армяне и каппадокийцы Мазея должны были идти в лобовую атаку. Скифские колесницы занимали место впереди линии войск Дария, а также перед левыми и правыми флангами.

Дарий выбрал для сражения место, которое располагается неподалеку от нынешнего Эрбиля (Арбелы – в древности) в иракском Курдистане, известное как Гавгамела. Инженеры Дария расчистили поле для того, чтобы неровности не мешали быстротности и маневренности колесниц и кавалерии, а также для того, чтобы фланги левого и правого крыла могли свободно передвигаться в нужном направлении. Количество воинов, которых выставил ахеменидский царь, если верить Арриану, достигало фантастического числа – один миллион пехотинцев и 400 000 всадников. Плутарх приводит другую цифру. Общее число воинов, по его мнению, составляло

один миллион³⁴. Пирний соглашается с Квинтом Курцием, что число пехотинцев составляло 200 000 человек и всадников – 45 000³⁵. Согласно утверждению Пирния, соотношение сил ахеменидов и греков равнялось 5–6:1. При виде огромной армии ахеменидов в среде македонцев поднялась паника, которую Александр подавил благодаря силе своей личности и полководческому дару³⁶.

Александра тоже беспокоило, не окружит ли армия противника его маленькое войско. Но – это стало проверкой гениальных способностей греческого полководца – он решил обернуть свою слабость в силу. Его войска медленно двинулись вперед, чтобы выманить всадников противника, а правое крыло, как приказал Александр, слегка сместилось. Если бы Дарий ничего не предпринял, то отряды фалангистов могли достичь того места, где колесницы уже ничего не смогли бы предпринять против них. Дарий не хотел атаковать первым, но ему ничего не оставалось делать, как пустить колесницы в образовавшийся «пролом». Они пронеслись, не причинив никакого вреда грекам. Но с тяжеловооруженной кавалерией было не так легко справиться. Мазей давил на отряды Пармениона с такой силой, что почти смял их. Бесс ударил всей массой своих отрядов на правый фланг Александра. Однако конный бросок Мазея и Бесса открыли центр, где находился Дарий. Александр тотчас решил воспользовать-

Ритон в виде мифического животного, напоминающего льва.

ся этим упущением и повел тяжеловооруженные отряды в центр, поддерживаемый своими сподвижниками-конниками. К нему присоединились фалангисты и элитные отряды воинов. Гвардия бессмертных и греческие наемники в войсках ахеменидов бились отчаянно, но были обескровлены, так что Дарию пришлось отступить, чтобы не попасть в плен. Бросившись в атаку на центр, Александр отдавал себе отчет, что должен двигаться очень стремительно, чтобы его не смяли с двух сторон. Теперь перед ним было два выбора: броситься в погоню за Дарием и захватить его в плен, пожертвовав левым флангом, или защитить левый фланг, позволив Дарию ускользнуть. Мазей продолжал давить на левый фланг Александра, где открылся «проем» между Парменионом и центром эллинов. В этот проем немедленно ринулась персидская и индийская тяжелая кавалерия, но вместо того чтобы напасть на ослабевшие ряды Пармениона, они устремились к главным отрядам Александра, чтобы не дать ему захватить родственников Дария и завладеть ценной добычей.

И хотя положение Пармениона оставалось крайне тяжелым, он все же выстоял, дождавшись, когда Александр со своим отрядами пришел к нему на выручку после того, как разгромил центр ахеменидов. Парменион выдержал натиск, так что теперь всадникам Мазея пришлось отступать. За ними в погоню устремились фессалийцы и другие греческие отряды, нанеся тяжкий урон. Не преуспев в битве и Бесс. Теперь центр войска ахеменидов был полностью смят и раздавлен, а Дарий покинул поле боя. Его стоянка была захвачена и разграблена.

По сообщениям Арриана, ахемениды потеряли 300 000 пехотинцев и 1000 всадников в отличие от греков, потери которых исчислялись следующим образом: 100 пехотинцев, 1000 всадников из войска Александра. По отчету Диодора, ахемениды потеряли 90 000 тысяч, македонцы – 500³⁷. Быть может, величайшей тактической ошибкой ахеменидов в этой битве было то, что они выставили персо-индийскую кавалерию между Парменионом и центром. Если бы кавалерия стояла на правом фланге, исход сражения мог бы стать иным. В этом случае атака Мазея на ряды Пармениона закончилась бы успешно, и Александр потерял бы большую часть своего войска.

Победа Александра при Гавгамеле открыла ему дорогу во внутреннюю часть Месопотамии. Дав воинам передохнуть в течение месяца в Арбеле, Александр двинулся к Вавилону. Этот огромный город с хорошо продуманной сельскохозяйственной системой был способен выдержать долгую осаду³⁸. Однако Вавилон предпочел не оказывать сопротивления войску Александра. Большую часть награбленного разделили между воинами. Это сразу подняло их боевой дух, поскольку люди были уже изнурены длительным походом, который проходил вдали от родного дома. Теперь Александр мог продолжить поход уже в самое сердце Ирана.

Конец Ахеменидской империи

После падения Вавилона армия Александра двинулась на юго-запад Ирана и через 20 дней дошла до Суз. Западные историографы придерживаются того мнения, что горожане не стали оказывать сопротивления и просто открыли ворота города воинам Александра. Но иранские археологи, которые проводили раскопки с 1982 г. под

руководством Мир Абедин Каболи, обнаружили 160 каменных шаров, которыми обстреливались стены, и остатки 400 стрел, что вызывает сомнения относительно предположения «не встречая сопротивления». Каболи пишет:

«Хорошая сохранность дворца Ападана, который удалось найти во время раскопок в Сузах, указывает на то, что Александр не смог добраться до трона. Он сохранился во всем своем великолепии, и даже изразцы, украшавшие его, остались нетронутыми...»³⁹.

Вполне вероятно, что город в конце концов оказался в руках Александра, о чем свидетельствуют классические источники, но только после упорного сопротивления. Возможно, Сузы не стали разрушать до основания по той причине, что все огромные богатства империи, хранившиеся там, достались Александру. Во всяком случае, находки археологов, которые проводили раскопки под руководством Каболи, заставят теперь пересмотреть предания о том, как пали Сузы.

Последнее противостояние перед Персидскими воротами

У Александра был выбор, каким путем достичь Персеполя: по царской дороге, идущей от Суз, или же через горы Загрос. Благодаря тщательным исследованиям Спекка, Коха и Пирния этой части похода Александра⁴⁰, мы имеем ясную картину того, как все происходило. После того как он пересек реку Паситигр, полководец почти не встречал сопротивления. Вскоре армия достигла нынешнего Хофтгеля, где Александр решил разделить свои войска на две части. Парменион должен был двинуться в Персеполь по царской дороге, в то время как Александр выбрал более опасный путь через Загросские горы. Встретив сопротивление со стороны племен уксниев, Александр беспощадно истребил их, после чего ни одно из племен не посмело встать у него на пути. Перейдя реку Карун, которая разделяла Элам и Персию, Александр в январе 330 г. до н.э. неизбежно должен был провести свои отряды через Персидские ворота (ныне город Ясудж) – скалистый проход в горной цепи. Военачальник Ариобарзан, перегородив проход земляным валом, устроил засаду, поджидая его там с 25 000 воинов⁴¹. Отряды Александра миновали Персидские ворота и двинулись по узкому проходу. Когда они обнаружили перед собой завал, смертельная ловушка захлопнулась. Камни и стрелы обрушились дождем на воинов Александра. Часть греческих воинов попыталась спрятаться в одном из боковых ответвлений, но оказались на скользком льду и снежном насте, и на них по-прежнему сыпался град стрел. Попытка закрыться от стрел крепкими щитами тоже закончилась неудачно, потому что валуны, катившиеся со склонов, разбивали их в щепы⁴². Александру не оставалось ничего другого, как поспешно отступить назад, бросив мертвых бойцов. Полководец понял, что преодолеть завал нет возможности. Оставалось искать обходной путь, и ему это удалось. После чего один из военачальников, по имени Филот, внезапно обрушился на расположившихся лагерь персов, а Александр напал на головной отряд Ариобарзана. Все защитники погибли в битве. В этой последней схватке, по иранским преданиям, принимала участие женщина-воин Ютаб – сестра Ариобарзана. Она героически сра-

жалась, пока ее не убили. Даже безоружные защитники бросались в битву с воинами Александра. Ариобарзану удалось вырваться, и он направился к Персеполю, чтобы там дать последний бой захватчикам. Греческие всадники бросились вдогонку. Ариобарзан и горстка уцелевших воинов, которых окружили преследователи, вступили в бой с македонцами⁴³. По одной версии, Ариобарзан был убит в этом сражении, по другой – ему удалось оторваться от преследователей и скрыться на севере, где его и его братьев все же настиг Александр⁴⁴.

Восстановить, как все происходило на самом деле, невозможно, но историки не оспаривают того, что этот поход дорого обошелся Александру. Он понес огромные потери в Персидских воротах, о чем свидетельствуют классические источники, но точного числа убитых никто не называет. Согласно Диодору, самый большой урон был нанесен в тот момент, когда Александр в первый раз вошел в проход. В память об этом героическом деянии местные жители переименовали место в «Долину Ариобарзана» (Танг-е-Ариобразан).

Разрушение Персеполя

Разгромив отряд Ариобарзана, Александр устранил последнюю помеху на пути к Персеполю. Перед тем как войти в город, Александр обратился к своим воинам с такой речью:

«У греков не было врага хуже, чем столица персидского царя... отсюда Дарий и Ксеркс начали священную войну с Европой... разрушив ее, мы успокоим души наших предков»⁴⁵.

Воодушевленные этой речью, ближайšie сподвижники Александра и фалангисты вошли в город в апреле 330 г. до н.э., осознавая, что они наконец могут отомстить за вторжение Ксеркса в Грецию. Жестокость, с которой Александр обошелся с Персеполем, подробно описана Диодором⁴⁶. Тысячи вьючных животных, приведенные из Вавилона и Суз (в том числе и верблюдов), вывезли из города более 2500 тонн золота. Это был «запас всех союзных сил» империи, который складывался еще со времен Кира Великого. Дворцы и дома были полностью разграблены, всех женщин, в том числе из числа знатных, забрали в плен в качестве рабынь. Всех пленных мужчин предали казни⁴⁷. Подобное разграбление по своим масштабам сравнимо разве только с тем, которое устроили арабы столетие спустя, захватив в 638 г. н.э. Ктесифон, столицу Сасанидской империи. По общепринятому мнению, чтобы окончательно унижить некогда могущественный город повергнутой империи, в пьяном угаре, побуждаемый греческой куртизанкой, Александр сжег дворец⁴⁸. Персеполь был настолько разрушен, что даже во времена парфянской и сасанидской империй его не смогли восстановить. Только остатки колонн и стен этого гигантского города молчаливо свидетельствуют о великольном прошлом и его бесславном падении.

Несмотря на то что Александр так беспощадно обошелся с Персеполем, к Киру Великому – как к героической личности – он относился с почтением и восхищением, что засвидетельствовано во многих документах. Греческий полководец хотел непре-

Иллюстрация к персидской поэме «Шах-наме», на которой изображена сцена гибели Дария III, голова которого покоится на коленях Александра Македонского. Примечателен тот факт, что в написанной уже в исламский период поэме Александр и Дарий находятся почти в братских отношениях (Архив искусств, Бодлианская библиотека, Оксфорд Эллиот).

менно поклониться гробнице Кира в Пасаргаде. И, как свидетельствует Арриан, был немало огорчен, обнаружив, что гробницу Кира разграбили, а останки правителя разбросаны в беспорядке⁴⁹. Александр распорядился привести в порядок гробницу Кира, все, что сохранилось, сложить в гроб и замуровать вход. Оставив нетронутой передовую крепость Куртак, возведенную Киrom, он переименовал город на греческий манер. Отныне он должен был называться Кирополисом⁵⁰.

Смерть Дария III

После того как Александр разрушил Персеполь, ему осталось уничтожить последний символ власти Ахеменидов – Дария III, который, покинув Гавгамелу, укрылся в древней столице мидян – Экбатане. Отсюда царь разослал обращение пополнить

ряды воинов, но никто не ответил на этот призыв. Александр, зная о том, что саки и кадусии остались верны Дарию, двинул свои войска в Мидию, но получил сообщение, что царя уже там нет⁵¹. Достигнув Экбатаны, Александр приказал Пармениону вывезти из городской сокровищницы «столько, сколько он сможет». И это была тоже огромная добыча. А еще Александр заказал скульпторам изготовить фигуры в честь погибшего ближайшего друга Гепастiona. И в современном Хамадане до сих пор стоят эти каменные львы (шир-е-санг)⁵².

Дарий двинулся на северо-восток в тщетной надежде собрать нужное количество воинов. Его сопровождали Бесс, военачальник, принимавший участие в битве при Гавгамеле, и сатрап Бактрии. Большая часть оставшихся воинов покинула персидского царя, когда они достигли города Райен, поскольку Александр начал преследовать отступавших. После пяти дней отдыха в Райене Дарий продолжил марш к северо-востоку, но когда он почти догнал оставшуюся группу преданных царю людей, Бесс убил Дария III. Иранские и некоторые классические источники расходятся в том, мог ли умирающий Дарий говорить с Александром. Квинт Курций полагает, что в тот момент, когда Александр настиг царя, тот уже был мертв. Но Диодор утверждает, что он застал персидского царя живым⁵³. Согласно иранским преданиям, умирающий Дарий обратился к Александру с просьбой не ставить правителем страны иранца и не убивать никого без справедливого суда. Бесса – убийцу Дария – схватили и казнили. Однако есть версия, по которой схваченного Бесса Александр привел в Экбатану и там повесил. По другим источникам, Бесс скрылся в Бактрии и там провозгласил себя Артаксерксом IV. Если это так, значит, Бесс пытался организовать сопротивление и набрать свежую конницу на севере Ирана.

Вигение Александром объединения ариев и греков

У Александра было свое грандиозное представление о будущем завоеванной территории: он мечтал создать союз иранцев и греков, добиться слияния Персии и Греции, чтобы стать правителем этой обширной империи⁵⁴. Он поощрял брачные союзы между македонскими военачальниками и знатными иранками Суз⁵⁵. Персы передали македонцам свои военизированные отряды, многие иранцы получили статус «сподвижников» Александра наравне с македонцами, что вызвало волну возмущений в его войске⁵⁶. Однако он продолжал придерживаться своей линии. И вполне возможно, что именно сотрудничество с персами чрезвычайно помогло Александру в управлении покоренной империей⁵⁷. Он назначал иранцев сатрапами наравне с греко-македонцами. Молодые иранцы обучались у греков приемам ведения рукопашного боя и тактике⁵⁸. Имеются свидетельства, что Александр на пирах взывал к гармонии, чтобы греки и иранцы пили из одной и той же чаши. Александр настоятельно советовал македонцу Пецестасу (сатрапу Персии) изучать персидский и надевать на публике персидскую одежду⁵⁹. Однако незадолго до смерти (начало 324 г. до н.э.) настроение Александра переменилось: он стал сильно сомневаться в преданности иранских гарнизонов и приказал разоружить их⁶⁰.

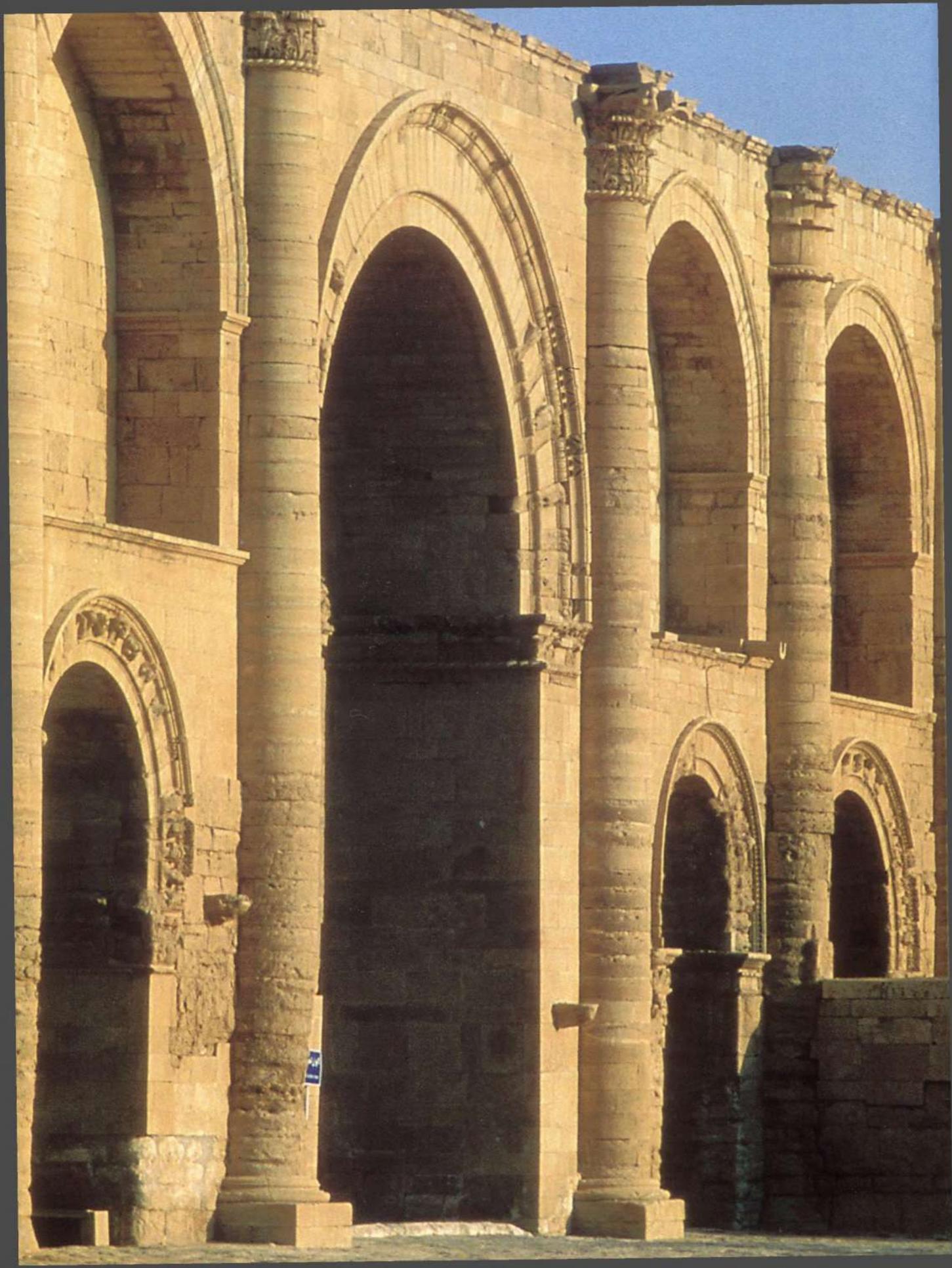
Несмотря на то что Александр видел будущее в тесном сотрудничестве с иранцами, он обрушился на арийских священнослужителей, в особенности на магов. В зо-

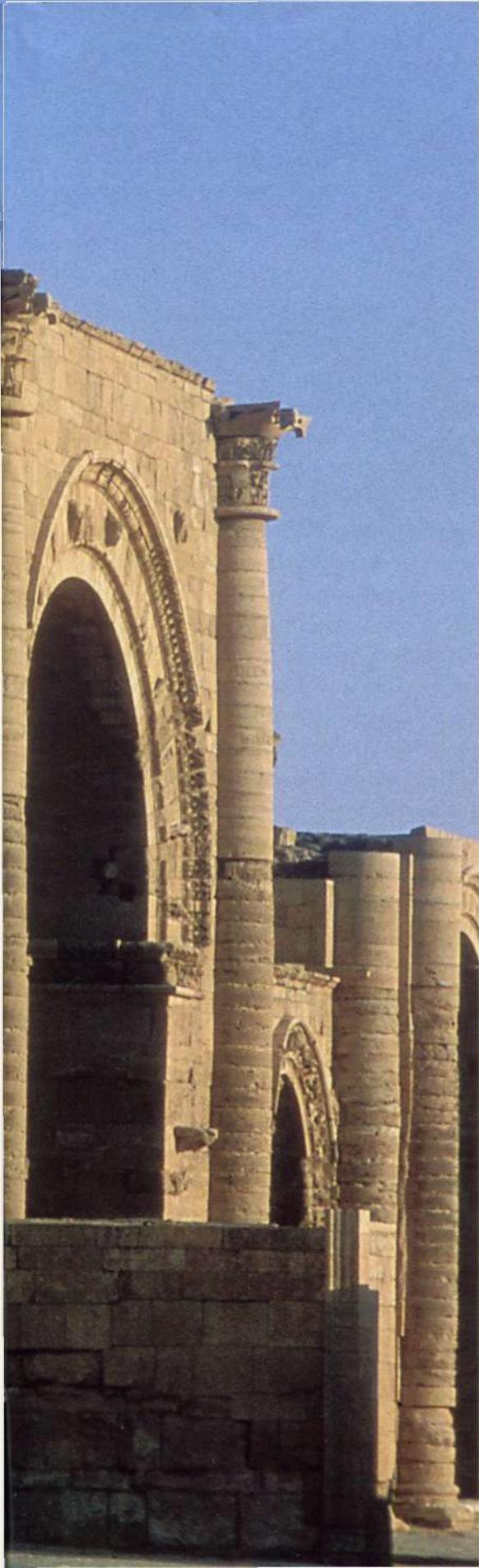

роастрийских источниках об Александре упоминают как о «величайшем разрушителе», убийце магов и о том, что он сжег оригинальные тесты «Авесты» раннеарийского происхождения⁶¹. В традиционных текстах зороастрийцев о нем пишут, что он «убил магов... многих наставников, законодателей, херабатов (низшая ступень мага), мобадов (высшие маги)»⁶². Большая часть литературного наследства персов, в особенности работы об учении, и сами зороастрийские тексты были бесследно уничтожены во время правления Александра⁶³. Существовало три исходных текста высказываний Зороастра: в Сузах, Персеполе и Мараканде (нынешний Самарканд). На сегодняшний день сохранились только куски исходного текста «Авесты»: фрагменты «Зенд-Авесты», что в буквальном переводе означает «сторевшая Авеста», – где упоминается о вторжении Александра. Из-за того что Александр сносил все, что имело отношение к исконной вере, невольно возникает вопрос: не был ли Фратарак (храм в Персеполе) построен после, а не до его вторжения?⁶⁴ Возможно, зороастрийские источники сильно преувеличивают бедствия, обрушившиеся на них во времена Александра, но никто не станет отрицать, что многие из магов и само учение Зороастра сильно пострадали при иноземце-императоре. Можно предполагать, какие мотивы побуждали Александра к таким действиям: желание отомстить за сожженные и поруганные греческие храмы во время вторжения Ксеркса в Грецию или желание обезопасить свое положение, – в магах и арийских священниках он видел потенциальную угрозу авторитету эллинской власти в Персии. Тексты магов и они сами могли вызывать у местного населения возмущение против иностранного засилья в стране. Однако зороастризм пережил вторжение Александра и успешно расцвел при селевкидах.

Мечта Александра об объединении так и не воплотилась в жизнь, несмотря на пышные демонстративные проявления. В самом начале похода в Аравию Александр выпил на пиру в Вавилоне чашу с вином, которую ему преподнес друг Мидий из Лариссы, и внезапно заболел. Многие современные историографы придерживаются версии, что император умер от «лихорадки» 7 июня 323 г. до н.э., но есть и такие, которые считают, что его отравили за то, что он стал слишком «арийцем». У классиков существует немало свидетельств того, что Александр усвоил многое из местных нравов: надел тиару – символ имперской власти, носил «варварскую» – персидскую одежду⁶⁵. Он также воспринял ахеменидский обычай и требовал, чтобы придворные простирались перед ним, как перед царем. Возможно, это было связано с тем, что Александр уверовал в свое собственное божественное происхождение⁶⁶.

Но последующие события свидетельствуют о том, насколько резко отрицательно македонцы относились к идеям Александра об объединении. После его смерти военачальники развелись с иранскими женами, а Кассандр в 310 г. до н.э. убил вдову Александра Роксану и ее сына⁶⁷. Сатрапов-иранцев отстранили от власти. Македонцы не только не собирались входить в союз с персами, они и между собой не могли найти согласия. Внезапная кончина Александра привела к тому, что многие полководцы начали воевать друг с другом, поскольку император не назначил наследника. Огромная империя Александра очень быстро распалась на многочисленные эллинские государства, в том числе и на селевкидскую Персию.

Часть 2

Парфяне

Парфяне восстановили независимую Персию после правления селевкидов, пришедших на смену империи Александра. Они развили новые приемы ведения войны, где за основу была взята исходная – всадническая – культура, и довели ее до кульминации. Войско парфян превратилось в тяжеловооруженных конников с копьями, действовавших в союзе с подвижными, смертельно опасными лучниками – всадниками. Именно эти воины сдерживали амбиции римлян на побережье Эгейского моря. Время их существования ознаменовало появление поистине первого в мире по-настоящему феодального общества и одновременно возрождение иранской культуры, искусства и архитектуры.

Глава 7

Селевкиды и возвышение парфян

Диадохские войны: правопреемники Александра

Селевк стал первым наследником Александра в Персии. Почти сразу после смерти Александра *Diadochoi* (буквально «правопреемники») начали вести сражения за захваченные территории. В конечном счете произошло размежевание по тем областям, которые были в свое время определены еще Александром: Птолемию I (367–283 гг. до н.э.) достался Египет, Палестино-Финикийское побережье, остров Кипр, а также Киликия на юго-западе Анатолии; Кассандр управлял эллинами – от Македонии до Спарты на юге включительно. Большой анклав западных греков взял власть над Эпиром (северо-запад Греции и юг Албании). Лизимах стал правителем Фракии, западной части Малой Азии и побережья Черного моря. Селевк Никатор (время правления – 312–281 гг. до н.э.) принял бразды правления Месопотамией, Мидией, Иранским плато, восточным и северо-восточным Ираном (большая часть Мидии), современным Афганистаном, восточной частью Анатолии, Сирией и Центральной Азией (включая Хорезм и объединение даков).

После взятия Суз Александр поручил Селевку организовать кавалерию из знатных иранских всадников – их число достигло 10 000 человек¹. Официально Селевк управлял Ираном из Вавилона. Но в 305 г. до н.э. он выстроил свою собственную столицу на западном берегу реки Тигр, которая вошла в историю как Селевкия или «Селевкия-на-Тигре». Напротив Селевкии возвышался вавилонский город Опис, который парфяне позже переименовали в Ктесифон. После сражения при Ипсе в 301 г., когда Селевк захватил Сирию и восточную Анатолию, появилась вторая столица селевкидов, известная в истории как Антиох-на-Оронте – в северной части древней Сирии. Эктабана служила для селевкидов летней резиденцией. Греческие колонисты продолжали прибывать и заселять прежнюю Ахеменидскую империю: они обосновывались в Сирии, Месопотамии и Иране вплоть до начала 250 г. до н.э.

Некоторые иранские ученые считают, что Селевк совершенно не вписался в историю Ирана², в то время как западные историки утверждают обратное. В последнее время возобладала позиция, где признается тот факт, что власть эллинов никогда не проникала во внутренние или племенные территории Персии. Как пишет Фрай: «Селевк контролировал только главные дороги Ирана, и ничего более»³. Во всяком случае, правление эллинов трудно не называть «неподходящим» для политического,

ПРЕДЫДУЩАЯ СТРАНИЦА

САЕВА: храм в Хатре. Город гордился своей неприступностью. Римлянам ни разу не удалось взять его: ни Траяну в 116 г. н.э., ни Септимию Северу в 198 г. (Жерард Деджордж).

СПРАВА: золотая парфянская пряжка инкрустированная бирюзой, на которой изображен орел с добычей в когтях. Луристан, Иран, I век до н.э. – I век н.э. (Британский музей).

военного и культурного развития Ирана. В этой главе как раз и обсуждается вопрос о положении дел после смерти Александра и как все случившееся в Селевкии самым прямым образом сказалось на развитии Персии и успехах Парфии.

Уязвимость положения селевкидских правителей в Персии

Селевкидские правители, пришедшие на смену Селевку Никатору, никогда не могли ни добиться стабильности положения в подчиненных им иранских территориях, ни установить сильную централизованную систему власти. Шаткость их положения вкупе с ростом парфянских сил привели к тому, что греки не смогли удержать власть над Персией.

Прежняя ахеменидская империя занимала гигантское пространство, которое включало Малую Азию, Ближний Восток и Египет. Как оккупационной власти селевкидам просто не хватало греко-македонских воинов⁴, чтобы держать в подчинении такую обширную территорию: западный Иран, часть Средней Азии, Иранское плато, северную Персию, Мидию, мидийскую часть Атропатены и Месопотамию. А задействовать в полной мере объединения иранцев они тоже опасались. В западной части Ирана селевкиды ощущали постоянное сопротивление со стороны «наследников» Египетской династии и западной Анатолии. Восстания и мятежи в царстве Селевкидов правители еще могли подавить при помощи своих гарнизонов, но на западе, где военное противостояние становилось все отчетливее, их возможности резко уменьшались. Ситуация обострилась еще сильнее в связи с первыми захватническими походами римлян через Эгейское море как раз тогда, когда Антиох III в 209 г. до н.э. попытался проверить, насколько независимы парфяне в северных областях Ирана. Селевкидов (после Антиоха) настолько занимало положение – политическое и военное – в западных районах, что они не заметили подъема Средней Азии и северного Ирана.

Греческие колонисты представляли собой отдельные островки эллинского мира на огромном протяжении иранской территории. Арийские землевладельцы-феодалы оставались по-прежнему в силе и защищали свои интересы на всем пространстве бывшей империи. А греческие колонисты, за исключением греко-бактрийского царства, не прилагали никаких усилий для того, чтобы ассимилировать эллинизм с арийским культурным наследием Ирана. Самое интересное то, что за пределами иранского плато культура греков и иранцев смешивалась естественным образом в таких местах, как Каппадокия, Коммагена, на Понтийском побережье Анатолии, на северных берегах Черного моря и в Калабрии на юге Италии. Греко-иранский синтез в этих областях вызвал большой скачок в искусстве, архитектуре, культуре и в технологиях, в то время как эллинское влияние, несомненно, имевшее место на Иранском плато, не дало таких результатов, какие мы видим за пределами Ирана и Греции.

Селевк I Никатор
(Андреа Багучци).

К 250-м гг. до н.э. полностью оформилось греко-бактрийское царство. Этот серебряный тетрадрахм был в ходу в начале II века до н.э. Отчеканен во время правления Агатохла, бактрийского царя. Несмотря на всю законность своего правления, Агатохла чеканил на монетах изображения своих предшественников, в том числе Александра Великого, Антиоха II и Диодота – первого бактрийского царя. На этой тетрадрахме изображен Геракл со шкурой льва. Надписи, идущие в трех разных направлениях, гласят: «Агатохла справедливый» (Британский музей).

Иранское население видело в греческих колонистах прежде всего чужаков-захватчиков. Селевкиды, взявшие власть в свои руки, уже не допускали в свои ряды иранскую знать и держались только благодаря силе. Историки очень часто обсуждают, какую пользу принес бы эллинизм и идея Александра создать союз многих наций. Но селевкиды, как можно видеть из свидетельств очевидцев, не делали ничего для развития исконной культуры Ирана или хотя бы для роста благосостояния основной массы населения. Скорее всего, селевкиды проводили дискриминацию и в отношении снабжения населения провизией. Время от времени недовольство могло выливаться в военные мятежи, как, например, восстание, в котором приняло участие 3000 воинов (его подавил сатрап Селий, заманив участников бунта в ловушку, где им устроили резню селевкидские македонцы и фракийцы)⁶. Выказывали непокорность и во-

ины, которые входили в селевкидскую армию, в особенности когда начинались боевые действия против парфян. Поскольку селевкиды вынуждены были постоянно оказывать давление на огромную массу иранского населения, они оказались не в состоянии удержать стремительный политический рост влияния парфянской династии.

Воздействие эллинизма в западной Персии на тот момент было меньше, чем столетие до того, наступившее после захвата Александра. Селевкиды не могли сдерживать успешное отделение южного Афганистана (древнего Харахувати) и Балучистана (древней Гедрозии) в начале 280 г. до н.э. Но самым угрожающим для них стало отделение в 238 г. до н.э. Парфии – области, имевшей крепкие военные и культурные связи с саками Средней Азии.

Распространение эллинизма

Существует масса умозрительных теорий насчет влияния эллинизма на иранское население. Эллинистическое искусство, конечно, сказалось на раннем этапе развития творчества парфян после падения власти селевкидов в Иране. Но убеждение, что греческая мифология оказала сильное воздействие на персидскую мифологию, неверно, так как корни как той, так и другой являются производными и в своем пантеоне, и в языке от одной (курганной) индоевропейской основы. Хотя кое-какие следы особенностей эллинистического пантеона, несомненно, прослеживаются, как, например, статуя Геркулеса в Бехистуне.

Более всего сказалось глубокое проникновение греческого языка, которым пользовались в Иране и Средней Азии во время правления селевкидов. Греческий язык широко распространился в западной Анатолии и в позднеахеменидские времена, а затем во время вторжения Александра, которое дошло до Средней Азии и Индии. Это можно сравнить только с тем, что произошло позже – с арабским языком после победы ислама⁷. Большая часть арийской знати знала греческий язык, и пришедшие потом к власти парфянские правители Ирана имели представление и о греческой культуре, и о греческом языке. В отличие от греков, которые не прилагали ни

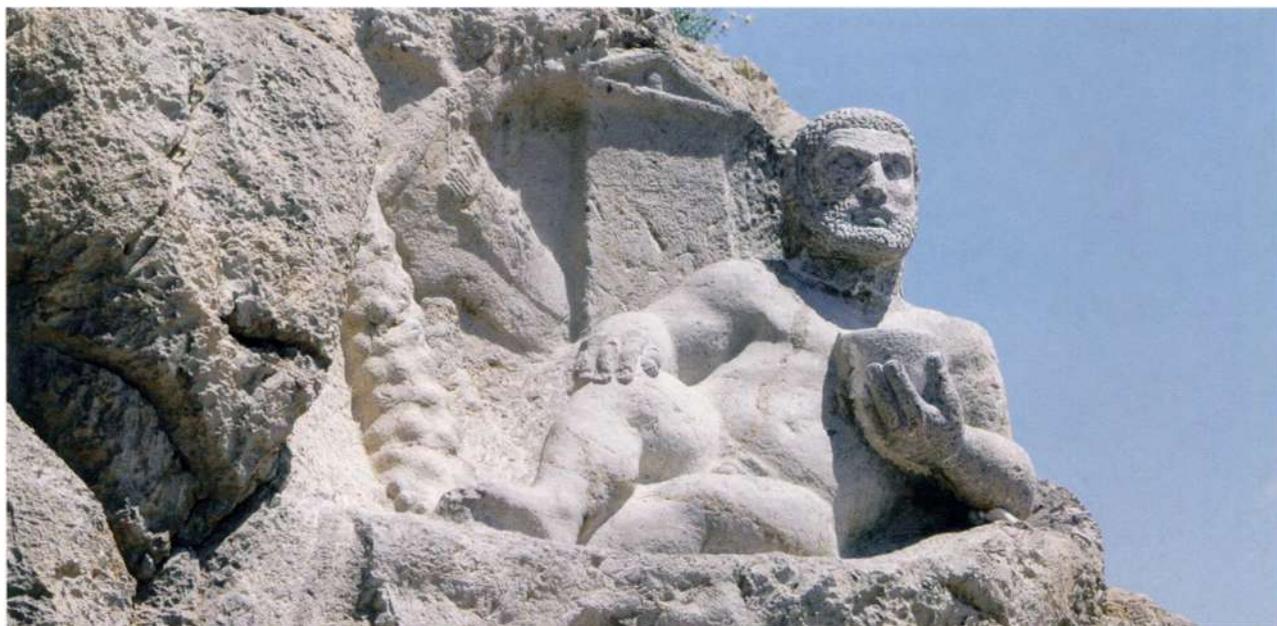
малейших усилий, чтобы выучить персидский. Часть классических историков и их современные последователи сильно преувеличивают размеры городских зданий, возведенных Александром⁸, но самое печальное в этом то, что вся греческая система городов-полисов исчезла в таких местах, как Селевкия-на-Тигре или Ай Ханум в Средней Азии. В этих городах существовали театры, общественные бани, спортивные залы⁹, как в Греции. Там жили простые граждане, ремесленники, торговцы и люди самых разных профессий, в том числе и специалисты военного дела¹⁰. Но эта городская жизнь никак не влияла на образ жизни кочевников Ирана, в то время как арабское вторжение большей частью повлияло на жизнь городов, где они обосновывались. И эти города послужили образцом для подражания тем, кто непосредственно соприкасался с ними на Иранском плато, в особенности это относится к Экбатану, Райену, Мерву в Средней Азии и современному Афганистану, Сузам на юго-западе Персидского залива и Индии на востоке.

Эллинизм никак не затронул сокровенную часть иранской души, поскольку греки и не пытались втянуть народную массу в эллинизм или в политическую систему греков или искоренить арийские культы Ирана¹¹. Арийское наследие иранского народа выказало высокую гибкость и способность к выживанию, что и привело к полному возрождению иранской национальной идентичности и культуры, – процесс, который произошел в I веке нашей эры.

Анtioх I Сотер и Анtioх II Теос

Анtioх I (годы правления 281–261 до н.э.) был воплощением того, о чем мечтал Александр относительно национального единения между греками и ариями. Его мать Апама, знатная иранка, вышла замуж за Селевка I. Очевидно, к моменту его прихо-

Статуя Геракла в Бехистуне – один из ярких образцов искусства селевкидов в Иране, которые перенесли греческий пантеон в империю (Ливия).

да к власти Фракия и Македония уже отсоединились, потому что он искал способы воздействия на управляемые иранскими династиями Каппадокию и Битинию на северо-западе Анатолии, вдоль Черного моря. На Ближнем Востоке Сирия часто становилась предметом раздоров между селевкидами-птолемеями, как и такой важный город, как Дамаск, который занимал то один правитель, то другой. Антиох сделал попытку завладеть Пергамом в западной Анатолии, но был разбит в битве при Сарде в 261 г. до н.э. Единственное, самое заметное его деяние – победа над неукротимым галатами (союзом трех кельтских племен), которых он разбил в 278 г. до н.э. в Анатолии, благодаря чему заслужил титул Спасителя (Soter).

Еще одно заметное событие произошло на юго-западе Ирана. К сожалению, точное время установить пока не удалось, достоверно лишь то, что, видимо, в самом начале правления Селевка I² и во время правления Антиоха I (или же II–III) персы в какой-то момент начали печатать свои собственные монеты, создавая только видимость вассальной зависимости селевкидам. Судя по всему, селевкиды потребовали определенную денежную сумму за предоставление автономии, поскольку пока что только они одни владели полной властью на Иранском плато.

Антиох II (годы правления 261–246 до н.э.) взошел на трон в 261 г. после смерти его отца, которая последовала после поражения под Сардами. Вообще-то престол должен был унаследовать старший сын Селевк, но он к тому времени уже был казнен (262 г.), очевидно, за то, что поднял восстание против своего отца. Как и все его предшественники, Антиох сосредоточил свое внимание на Фракии, где он получил имя Теос (то есть Бог) от жителей Милета, которых он освободил от тирании. Он удачно сразился с египетским правителем Птолемеем II Филадельфом, выиграв битвы на южном побережье Анатолии. Когда Селевк II Каллиник Погон (годы правления 246–222 до н.э.) был венчан на царство, ему почти сразу же пришлось выступить в поход против успешно наступавшего из Египта Птолемея III (годы правления 246–222 до н.э.). Селевк II вынужден был отступить назад, за Тигр. Однако ему потом удалось отвоевать Сирию. Эта «западная» операция отвлекла селевкидов от необходимости что-то срочно предпринимать перед лицом опасности дальнейшего развития всей восточной линии северных областей Иранского плато и Средней Азии.

В ходе завоевания Александр встретился лицом к лицу с невероятно упорным военным сопротивлением бактрийцев и согдийцев¹³. Это вынуждало его оставлять хорошо укрепленные гарнизоны, чтобы навязать власть греков силой, а также для того, чтобы предупредить угрозу нападения саков из Средней Азии. Но вскоре в их собственной среде завелись «сепаратистские» тенденции. Это проявилось во время правления Антиоха II, который не сумел заставить греков Средней Азии признать власть селевкидов. Диодот – селевкидский сатрап Бактрии – сумел не только объявить, но и добиться независимости в 255 г. до н.э.¹⁴ А в 250 г. Диодот основал свое греко-бактрийское царство¹⁵; провинция Парфия тоже отделилась от селевкидов. Греко-бактрийство царство располагалось в основном на территории нынешнего Афганистана и просуществовало до 125 г. до н.э., вплоть до того момента, пока по Ирану не прокатилась волна кочевников-юзйчжей, которые дошли до запада Средней Азии. Царь Деметрий (годы правления 200–180 до н.э.) напал на индийский полуостров и

Селевкидское царство и Парфянская империя в 145 г. до н.э.

обосновал там в 180 г. до н.э. индо-греческое царство. Это царство разрушили после двухсотлетнего существования – в 10 г. н.э. – саки, кушане и парфяне.

Усиление парфян

Уже во времена ахеменидов упоминается как нечто довольно отчетливое – провинция Парфия со столицей Тус¹⁶. Этот регион, очевидно, был связан с Гирканией (в нынешнее время Горган на севере Ирана, прямо под Каспийским морем). Но позже парфяне отделились от них и соединились с хорезмейцами из Средней Азии. Парфяне часто оказывали поддержку ахеменидам своей конницей¹⁷. Сатрапы Парфии посылали и своих воинов сражаться против Александра.

Ученые часто спорят, были ли эти парфяне, о которых идет речь, в ахеменидский период тем же самым народом, который принял вызов римлян, или нет? Однако не вызывает сомнения то, что после распада Ахеменидской империи Партава или Парфия находилась под управлением династии селевкидов. Похоже, что этот район частично совпадает с существующим ныне Хорасаном в восточном Иране. Нет разногласий и по поводу того, что район Парфии пережил нашествие подгрупп северо-иранских саков из Средней Азии, известных историкам как апарни/парни, – главное племя объединения даков, – под предводительством Ашка (Арсака). Это близкие родственники североиранских саков и ранних массагетов¹⁸. Мигранты-пар-

ни появились, скорее всего, в самом начале правления Селевка I. К 200 г. до н.э. парни уже существенно преваляировали в области, расположенной на юго-востоке Каспийского моря. Термин «парфяне» сейчас ассоциируется с политическим и этническим сплавом восточных и северных иранцев. Культурные и политические связи между Парфией и североиранскими саками продолжались в течение множества династий¹⁹.

Рост независимости Парфии

Вскоре после изгнания греко-бактрийцев Андрагор – селевкидский сатрап Парфии – восстал против Селевка II. Это произошло в 247–245 г. до н.э., за год до смерти отца Селевка – Антиоха II. Видимо, Ашк взял в плен Андрогора где-то в 248 г. до н.э.²⁰ В классических текстах историков Арриана и Синкелла не приводится более подробных сведений о том, как Агафокл оскорбил Ашка²¹. В ответ Ашк и его брат Тирдад сговорились с пятью соотечественниками свергнуть Андрагора. Эта история настолько повторяет те предания, где речь идет о Дарии и шести заговорщиках, что вызывает большие сомнения в ее правдивости. Возможно, что восстание Андрагора было затем «приписано» Ашку, тем самым превратив «сепаратистское» восстание в движение за отделение «иранцев». Как бы то ни было, контроль над Парфией перешел в руки Ашка.

Почти все ученые соглашаются с тем, что именно в это смутное время началась миграция или вторжение северных иранцев с восточного берега Каспийского моря в Парфию. Похоже, что среди вновь прибывших была большая группа саков-парни из объединения даков под названием абаршар (апаршар)²². Об этом упоминается в иранском тексте «Бундахишн»²³. Вольский предлагает свою версию и хронологию захвата власти в Парфии Ашком²⁴. Сначала парни отправили в 241 г. до н.э. «группу захвата» в Парфию. Затем Ашк повел парни на захват кушан (астана) в 250 г. до н.э. и был коронован в столице кушан в 247 г. до н.э. Большинство ученых сходятся в том, что в 241 г. до н.э. Тирдад (правление 247–211 до н.э.) захватил сатрапию Парфию в свои руки, а затем Ашк и Тирдад свергли Андрагора, который умер в 238 г. до н.э., в результате чего в Парфии полностью прекратило существование греческое правление.

Точно так же, как и греко-бактрийцы, селевкиды не сумели предотвратить отделение Парфии от их империи. После битвы Селевка II с египетским правителем Птолемеем III у него не осталось достаточного количества воинов, чтобы вступить еще и в войну с отделяющейся Парфией. Чувствуя, что эллины теряют контроль над этой страной, Селевк II в 238 г. до н.э. начал мощную наступательную операцию, возможно, заручившись поддержкой Диодота из Греко-Бактрии²⁵. Парфия, однако, не только провозгласила свою независимость, но еще и присоединила к себе в 235 г. до н.э. Гирканию. Диодот II – сын и наследник Диодота I – повел политику, совершенно противоположную той, которую вел его отец: вместо враждебности по отношению к Парфии он заключил неожиданный союз с Ашком²⁶. Этот успех дал возможность Ашку основать свою собственную столицу в Гекатомпиле. Основав парфянскую династию, Ашк начал освобождать Иранское плато от селевкидов. Первый парфянский

центр метрополии был вскоре основан в Шахр-е-Кумисе (недалеко от Дамгана) и в Нисе с крепостью Митрадаткерт (теперь в Средней Азии). Они служили столицами в разное время начала правления династии.

В 223 г. до н.э. Антиох III Мегас Базилевс (с греческого «Великий царь», возможно, как подражание ахеменидским царям) унаследовал трон вслед за своим убитым старшим братом Селевком III Сотером (годы правления 225–223 до н.э.). Антиох III получил в наследство совершенно обнищавшую и находившуюся в полном смятении страну. Западная часть Малой Азии была утеряна, Греко-Бактрия и Парфия тоже откололись. Северной частью Персии (Гиркания) завладели парфяне, что могло послужить опасным примером для создания новых иранских объединений против селевкидов. Александр и Молон – селевкидские правители Персии и Мидии – тоже восставали. Дальше, к западу, власть селевкидов проходила проверку на прочность и в Иудее.

Антиох III подавил «национальное» восстание Аратабазана в Мидии и Ксеркса в Армении²⁷. Закрепив западный фронт, Антиох III в 209 г. до н.э. повел свои войска на Парфию²⁸. Он успешно прорвался в Гирканию и захватил парфянскую столицу Гекатомпил. В 206 г. до н.э. Ашк II²⁹ признал власть Антиоха III. На какой-то короткий период возникло ощущение, что авторитет греков на территории Парфии восстановился. Но в 208 г. до н.э. Антиоху пришлось начать кампанию против Эфидема из Бактрии, который, несмотря на потерю конницы в битве на Хари Руд (река Ариев)³⁰, успешно отразил штурм Антиоха III столицы Бактрии. Через два года Антиох вынужден был признать независимость Бактрии и отдал свою дочь замуж за Эфидема³¹. Затем Антиох III, следуя политике своих предшественников, предоставил Персии автономию с тем условием, что она будет хранить верность. Наверное, Антиох III просто осознал, что его военные ресурсы истощаются, если он будет пытаться удерживать эти области силой³². Ведь его «успешное» покорение Парфии продолжалось очень недолго. А потом Антиох III потерпел поражение в битве с римлянами в Фермопиле в 191 г. до н.э. и в Магнесии в Анатолии в 189 г. до н.э. Затем римляне в 188 г. до н.э. навязали ему мирное соглашение в Апамее, вынудив Антиоха уступить им всю территорию селевкидов севернее Таура, всех боевых слонов и морские суда. Вдобавок к этому Антиох должен был заплатить римлянам 15 000 талантов. Финансовые затруднения заставили Антиоха напасть на храм Элам в юго-западном Иране. Это предприятие кончилось полным крахом: царь потерял в этом походе (3–4 июля 187 г. до н.э.) и свою жизнь³³. Сын Ашка и его наследник Приапат (годы правления 191–176 до н.э.) решился на контрудары и сумел вернуть все то, что Антиох III прежде отнял у Парфии.

Парфянская бронзовая пряжка (внутри свинец) для ремня. III–II века до н.э. У всадника, изображенного на пряжке, волосы связаны пучком, как это было принято в парфянском искусстве. Парфянские пряжки украшали самые разные декоративные мотивы: обнимающаяся пара или излюбленные в то время изображения животных. Одним из популярнейших мотивов было изображение статуй из города Хатры – тогдашнего торгового центра – в Северной Месопотамии (Британский музей).

Фархаг I: погьем Парфии

Парфия начала заново расширять свои пространства во время правления Антиоха III – наследника Селевка IV (время правления 187–175 до н.э.). Селевку IV удалось силой заставить армянского царя Арташеза (Аршеза) признать его власть и восстановить авторитет селевкидов в городах по всему Персидскому заливу, но он почти ничего не смог предпринять против все растущей силы Парфии³⁴. После его смерти младший брат Антиох IV (годы правления 175–163 до н.э.) стал царем³⁵. Точно так же, как и его предшественникам, Антиоху IV не удалось взять штурмом храм Элама, а вскоре после этого ему пришлось покинуть Персеполь, где вспыхнуло восстание народных масс³⁶. Относительного успеха он достиг только в отношениях с Нумением (наместником Месены), который разбил персидский флот в проливе Хормизд, судя по всему именно во время правления Антиоха IV³⁷. После поражения в битве с персами в Эламе Антиох IV укрылся в Экбатане. Царь умер в 163 году до н.э. на юге Мидии, упав с колесницы. И сразу же после его смерти вспыхнули восстания в Мидии и Армении. Во время правления Фархада I (Фраата) (годы правления 176–171 до н.э.) парфянам снова удалось расширить свои владения и захватить большую часть Эльбруса и Гиркании, утраченных при Антиохе. В стратегическом отношении возвращение бывших владений в Гиркании означало, что Парфия теперь имела важный пункт, откуда она могла ударить по Мидии, а также для окончательного освобождения Персии от эллинов³⁸. Гарнизоны мардианских племен (нынешний Мазандаран на севере Ирана) укрепились в западной части Гиркании³⁹. Отсюда парфяне могли двинуть свои войска в Экбатану. Фархад не только перекрывал грекам возможность управлять все уменьшающейся Селевкидской империей и Греко-Бактрией, но он также угрожал авторитету власти селевкидов в Персии.

Кавказ: мидийская Атропатена и Албания

Во время Александра Македонского сатрапия Мидии включала большую часть иранского Курдистана, Луристан, часть иракского Курдистана, Иранское плато до Гиркании на севере и иранского Азербайджана на северо-западе. На севере Азербайджана, за рекой Аракс, находилась Албания (ныне Республика Азербайджан). Албанию в VII веке до н.э. захватил Киаксар, но преобладающая часть жителей этой области говорила на квартельском языке. Иранский Азербайджан (южнее реки Аракс) был заметно иранизирован мидянами, а также скифами, которые вторглись на эту территорию с Украины. Весь этот район оставался ираноговорящим до тех пор, пока его в XI веке н.э. не захватили тюрки-сельджуки.

Область Мидии на северо-западе Ирана – Атурпатак (буквально «земля хранителей огня») получила свое наименование от одного из полководцев Дария II, во времена греко-римлян стала известна как мидийская Атропатена. К концу правления селевкидов в Атропатене было две столицы: Прааспа (неподалеку от нынешнего Мераге) – для пребывания в зимний период, и Ганзака (на древнеиранском «сокровище» – неподалеку от нынешнего Меандооба) – летом. Статус правителей Атропатены при селевкидах соответствовал персидскому слову «власть» и был ограничен

ее вассальным положением. В классических источниках даже утверждается, что Атропатена фактически находилась под управлением селевкидов⁴⁰. Антиох III в 220 г. до н.э. добился того, чтобы Артабазан платил ему дань, но никаких попыток лишить его власти не предпринимал. Армянский царь Тигран Великий пытался захватить Албанию в начале I века до н.э., но это удалось сделать только римлянам. Парфяне сохранили название Атурпатека и отличали его от Албании, позже получившей наименование Ардан, или Арран⁴¹.

Вот почему исторически иранский Азербайджан всегда был частью Мидии, которая именовалась как Атурпатека, позже была переименована арабами в Азербайджан. Поскольку Азербайджан оставался одним из ключевых центров, где происходило развитие иранской цивилизации и литературы по крайней мере вплоть до ахеменидов, Албания постепенно, в течение столетий, иранизировалась. Иранская зороастрийская культура в Албании смешалась с уже существовавшими здесь кавказскими элементами (посткартавельскими). Этот процесс особенно проявился на Кавказе, где влияние Ирана заметно возросло при Сасанидах: «Наиболее сильное стороннее влияние на Транскавказ издавна оказывала Персия... многие народы, включая армян и грузин, точно так же, как персы и курды... взаимодействовали намного теснее друг с другом... в период Сасанидов на юге и востоке больше, чем с (греко-римским) миром на западе»⁴². Наиболее четкое разделение между Албанией-Арраном и историческим Азербайджаном в Иране проводится в греко-римских источниках, в частности Аррианом, который пишет, что «район севернее реки Аракс называется Албания, а к югу от Аракса – мидийская Атропатена», и это перекликается с тем, что говорится в исламских источниках⁴³. После вторжения аланов в 75 г. н.э. иранский язык был более распространен в Албании, чем армянский и картвели. Тот факт, что и Албания-Арран, и исторически иранский Азербайджан были ирано-говорящими до вторжения тюрков-сельджуков в XI веке н.э., согласуется с тем, что пишут исламские авторы в XX веке н.э.⁴⁴ Албания-Арран сохраняла свои исторические названия вплоть до 1918 г., пока ее не переименовали в Азербайджан по предложению младо-турок, занявших весьма активную позицию на Кавказе и до и после революции⁴⁵. В самом Иране исторический Азербайджан всегда играл чрезвычайно важную роль как у парфян, так и во времена империи Сасанидов.

Падение селевкидов

Мехрад I (Митридат) (годы правления 171–138 до н.э.) известен как человек, укрепивший власть Парфии. Сначала он обрушился на греко-бактрийское царство Эвкратиды на северо-западе и захватил не только исконные пограничные владения парфян, но и районы, подвластные бактрийцам, – Тапурию и Траксиану⁴⁶. Утвердившись на северо-востоке, Мехрад теперь мог сосредоточить свои силы, чтобы вернуть Мидию. Союзник Эвкратиды – Тимарх, правитель Мидии, был свергнут Деметрием I Сотером, который не нашел достаточно сил противостоять нападению Мехрада на Экбатану в 148–147 гг. до н.э.⁴⁷ На тот момент селевкиды были вовлечены в многочисленные конфликты, которые не давали им возможности объединить свои силы

Мехрад I (годы правления 171–138 до н.э.) объединил иранцев после того, как разбил в битве и взял в плен Деметрия II (годы правления 146–141 до н.э.) (Толфото).

против Мехрада. И к 141–140 гг. до н.э. Мехрад занял столицу селевкидов (Селевкия-на-Тигре). Он взял в плен селевкидского царя Деметрия II (годы правления 146–141 до н.э.) и короновался сам в 139 г. до н.э. Захват столицы селевкидов означал, что теперь парфяне получили экономическое превосходство, ведь им достались плодороднейшие районы Месопотамии. Затем Мехрад овладел Персией, Эламом и Мидией. К концу своего правления Мехрад распространил власть Парфии по всему Иранскому плато, на большей части Месопотамии (Вавилон), а также частично в Средней Азии. На востоке Мехрад утвердился до границ с Индией⁴⁸. Когда Фархад II (годы правления 138–127 до н.э.) стал царем, селевкиды предприняли последнюю попытку покорить иранцев. Антиох VII (годы правления 138–129 до н.э.) собрал в 130–129 гг. до н.э. огромную армию в 89 000 человек⁴⁹. Вначале несколько побед в сражениях с парфянами остались за ними. Селевкиды продвинулись до долины Месопотамии и завладели Селевкией и Сузами. На какой-то момент возникло ощущение, что селевкиды вот-вот восстановят свое прежнее положение в Иране.

Однако весь народ Мидии оказывал упорное сопротивление жесткому правлению вновь вернувшимся селевкидам. Фархад II воспользовался этой ситуацией и в 129 г. до н.э. неожиданно появился со значительным парфянским войском у ворот Экбатана. Селевкидское войско отступило, большую часть знатных придворных селевкидов заключили в темницы⁵⁰. Сражение при Экбатане поставило последнюю точку в 150-летнем присутствии греков в Персии.

Парфяне не стали уничтожать все эллинистическое наследие селевкидов. Греческая культура продолжала пользоваться уважением, о чем свидетельствует надпись на монетах, выпущенных при Мехраде: *Phil-Hellene* (друг Греции). Возможно, что это было сделано отчасти, чтобы потрафить чувствам трудолюбивых греков, которые по-прежнему продолжали жить в Селевкии.

Вторжение саков в Парфию

После знаменательной победы в Экбатане Фархад II приготовился к покорению Сирии и там покончил с тем, что еще оставалось от селевкидов. Однако новая опасность с северо-востока помешала его дальнейшему продвижению на восток. Граница со Средней Азией так и оставалась очень нестабильной во все последние месяцы правления Мехрада. Юэджи (или тохары) – племена, говорившие на иранском языке, – вынуждены были покинуть свои места в западной части Монголии, под давлением наступавших сюнну (прото хун-тюрков). Юэджи шли через Турфан и современный Карашар, вступая по дороге в стычки с северными иранскими племенами. Вскоре они достигли земель саков, которые обосновались на этом пространстве с тех самых пор, когда происходила первая арийская волна проникновения в Среднюю Азию. Теперь саков вытеснили на юг новые пришельцы, вынудив их во время правления Фархада II двинуться в Парфию.

Вместо того чтобы вступать с ними в войну, Фархад решил включить саков в свое войско для борьбы с Антиохом VII. Саки прибыли после падения селевкидов и не желали уходить, не получив платы или же без того, чтобы с ними не разделили добычу. Фархад неохотно выполнил их требования, после чего постарался не прибегать к их услугам в других сражениях, так как саки решительно отказывались идти дальше Месопотамии на восток⁵¹. Тем временем нахлынувшая масса саков в Средней Азии подавила греко-бактрийцев и уже готовилась к вторжению в Хорасан на северо-востоке Ирана. Фархад и парфянская армия вступили в битву с саками в местности, что находится поблизости от нынешнего Туркестана, но были разбиты. Фархад погиб в сражении. Основной причиной поражения стали греческие тяжеловооруженные пехотинцы, которые избежали плена после проигранной битвы в Экбатане⁵². Битва с саками продемонстрировала парфянским военачальникам, насколько ненадежны греческие воины-пехотинцы. И к тому времени, когда Мехрад завершил преобразование, греческие пехотинцы исчезли из армии парфян⁵³.

Ардаван I (годы правления 127–124 до н.э.) (Артабан) – сын и наследник Фархада II, восстановил прежние границы в Средней Азии, дав позволение сакам пройти на юго-запад Ирана, где они и осели, образовав ряд объединений. Эта юго-восточная часть Ирана первоначально получила название Сака-истан (ныне Сеистан)⁵⁴. Все это напоминало тот же самый процесс, который происходил во время более раннего вторжения в западный Иран и Ближний Восток скифов, которые затем, растворившись в среде своих родственников – иранских мидян, получили название сак-ванд. Осевшие саки в Иране одновременно напоминают и об аналогичном процессе, который происходил с обживанием германским народом Римской империи, – их тоже вначале привлекали для участия в войнах империи. Большое количество саков продвинулось к границе на северо-западе Индии (нынешний Пакистан), где они образовали индо-парфянское царство. Ардаван I, видимо, погиб в битве с саками, и только Мехрад II нашел политическое решение интегрировать «индо-парфян» в Парфянскую империю.

Мехрад II: возрождение Персии

Парфяне намеревались восстановить идею мидо-персов объединения иранской державы. Во время правления Мехрада (Митридат) II (123–88 гг. до н.э.) Парфия превратилась из маленького царства в мощную империю. Мехрад II восстановил титул «царя царей» (шаханшах), существовавший при мидо-персах. В классических трудах сообщается, что парфяне желали оживить ахеменидское прошлое. Тацит говорит о парфянах как о преемниках Ахеменидской империи, а Арриан утверждает, что парфяне как наследники Артаксеркса называли себя Арсак (аршакидами), когда становились царями⁵⁵. Нотки исторической иронии проскальзывают у Юстиниана, который пишет:

«... в парфянской деревне под названием Тхара бессмертные боги... предсказали, что персидская империя продолжит свое существование в стране (Персии), которая унаследует их владычество...»⁵⁶

Однако следует отметить тот факт, что восстановление объединения иранцев началось в Парфии, в той самой области, где умер Дарий Ш.

Истинный продолжатель традиций ахеменидов Мехрад запечатлел свои деяния под барельефом в Бехистуне (иранский Курдистан), который приказал выбить Дарий Великий за столетие до того. Это было символом возрождения наследия ахеменидов и прежнего положения Персии, в том числе и восстановление прежнего статуса зороастризма. Столь же значимым стало и то, что парфяне объявили государственным иранский язык, поскольку во время правления селевкидов главным административным языком общения в Персии был греческий.

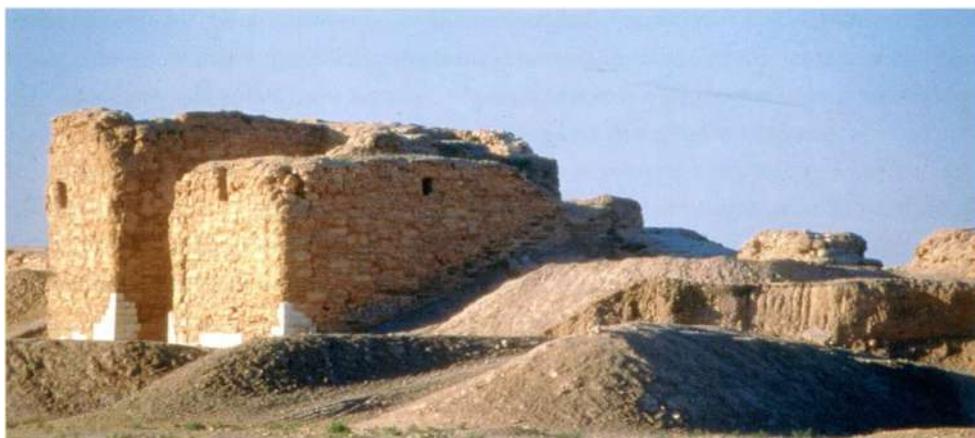
Усмирив западные границы, Мехрад сосредоточил все свое внимание на западном направлении, в первую очередь севере Месопотамии, где правил Химер (124–123 гг. до н.э.), квазинезависимый грек, правитель Вавилона, обращавшийся со своими подданными с большой жестокостью⁵⁷. Утвердившись в Вавилоне и Селевкии, Мехрад повернул к Харксу – южной части Месопотамии (сейчас – юг Ирака и Кувейта).

Селевкидский сатрап Харакса, взявший иранское имя Аспасин (Гиспасин) (125–127 гг. до н.э.), провозгласил свою независимость примерно в 125 гг. до н.э. в южной части Месопотамии и выступил против Химера. Некоторые историки считают, что Аспасин между 127–126 гг. до н.э. захватил Селевкию и Вавилон; однако это достаточно спорный вопрос⁵⁸. В 124 г. до н.э. Мехрад напал на Харакс и через год или два захватил столицу Аспасина. В ознаменование своей победы он приказал перепечатать монеты Аспасина. Мехрад восстановил власть Парфии над Месопотамией до реки Евфрат в 113 г. до н.э. По имеющимся сведениям, Парфянская империя при Мехраде владела 18 «царствами», из которых семь находились в Месопотамии⁵⁹. Ключевыми городами в Месопотамии были Ктесифон (столица империи), Вавилон, Арбела (столица Адиабены), Нисибин и позже Хатра. Этот город впоследствии стал важнейшим торговым и ремесленным центром, космополитичным городом, где смешались иранцы, арамейцы и арабы⁶⁰. Месопотамия стала важнейшей областью для империи, так же, как и впоследствии для Сасанидов. Этот район не один раз становился мишенью для будущих нападений римлян.

Овладев Месопотамией, Мехрад двинул свои войска на Сирию и захватил Дура-Европос. Так было положено начало взаимоотношениям между Римом и Парфией⁶¹, главным образом между Оробазом (Оробазес) – послом парфян – и римским наместником Сицилии в 95–92 гг. до н.э. Они не достигли каких-то определенных соглашений, возможно, просто обговорили, каким образом в будущем избегать конфликтов между Парфией и Римом. На Кавказе Артаваз, царь Армении, был смещен, а его сына Тиридата (Тирдадетс) взяли как заложника и определили при дворе Мехрада. Через какое-то время его отпустили в обмен на весьма существенную часть территории Армении. Вскоре – в 95 г. до н.э. – Тиридата объявили парфянским правителем Армении.

Подъем Ктесифона и Великий шелковый путь

Близкое соседство изначальной столицы парфян Митрадаткерта (Ниса) к среднеазиатским сакам вынудило их переместить центр власти в западную часть. Вторая парфянская столица расположилась в Гиркании (северная Персия) в Гекатомпиле (не-

Город Дура-Европос (буквально «город-крепость») основал в 303 году до н.э. Никанор – один из полководцев Селевка I. Парфяне захватили город в 113 г. до н.э. Во время своего похода город взял сначала Траян, а затем Корбулон в 165 г. н.э. С тех пор он оставался под властью римлян, пока не перешел в руки Шапура I в 256 г. н.э. (Хегда Эю).

подалеку от нынешнего Дамгана). После того как Мехрад в 139 г. до н.э. сверг и взял в плен Деметрия II, его войска расположились лагерем на восточном берегу реки Тигр, напротив Селевкии. Так было положено начало городу Ктесифон, который был основан в конце 120 г. до н.э. Во время правления Готар I (Готарзес) (91–80 гг. до н.э.) Ктесифон стал главным политическим центром. Но окончательное утверждение города как столицы империи произошло только при правлении Орода (Ородес) II в 58–57 гг. до н.э.

Судя по всему, город значительно расширился во время правления Валакша I (Вологеза) (51–80 гг. до н.э.) В особенности расцвел Ктесифон при Сасанидах как главный центр иранского искусства, музыки и культуры. Город поглотил Селевкию и другие ближайшие поселения, превратившись в один огромный, разбросавший свои шупальца в разные стороны метрополь, который арабы называли аль-Мада-ин (буквально «города»). Многие из архитектурных стилей и искусств «Великого Ктесифона» оказало влияние (и перенималось в свою очередь) на западную Византию. После прихода арабов в VII веке н.э. Ктесифон оказал заметное влияние на искусство и архитектуру исламского мира.

Мехрад II обошелся с Селевкией очень гуманно, он даже предоставил сообществам греков существенную автономию. Он руководствовался практическим смыслом, так как греки вносили большой вклад в экономику Парфии и торговлю. Товары, прибывавшие в Ктесифон, можно было переправлять через Тигр в Селевкию на западный берег Тигра, используя обширные торговые пути с востока на запад. Имея Иранское плато и стабильную Месопотамию, Парфия теперь контролировала все главные торговые дороги, протянувшиеся из Индии в Персию, а оттуда на запад. Благодаря тому, что в Средней Азии воцарился мир, Парфия и Китай открыли новые возможности для торгового обмена. В 115 г. Мехрад II подписал торговое соглашение с Китаем. Так было положено начало Великому шелковому пути через Среднюю Азию. Спустя три столетия после правления Мехрада II торговые станции Пальмира, Хатра и Мезина (Харакс) превратились в крупные города. Парфяно-китайские торговые связи увеличили доходы государства, а также сказались на взаимообмене архитектурными стилями и на искусстве в целом.

Персия при Мехраде стала связующим звеном в торговле между «Востоком» (Китай) и «Западом» (Рим). По сети римских дорог доставлялись многочисленные товары для вывоза: различные сорта масла, вино, золото, мануфактура, – и по ним же ввозили индийскую сталь, слоновую кость, китайскую парфюмерию, специи и шелк. Парфянский царь в китайских текстах именуется как Манч-иу, и там говорится, что он присылал подарки императору Китая, в частности львов и страусов⁶². Шелковый путь оказал сильное влияние на китайское кулинарное искусство. Парфия вывозила в Китай различные продукты: лук, огурцы и шафран. В ответ китайцы научили их выращивать шелкопряд и абрикосы. Шелковый путь привел к экономическому процветанию империи, что стало приманкой для Рима.

Подъем Армении

Падение Антиоха III серьезно отразилось на положении Кавказа. Антиох отправил двух военачальников с иранскими именами Арташез (Аршез) и Зарех (Зариандр) управлять восточной и западной Арменией в соответствующем порядке, после мятежа Ксеркса в Армении. Если следовать Магнезию, то два военачальника образовали свои собственные царства. Зарех напал на Софене и северную Месопотамию, в то время как Арташез создал «Великую Армению» в пределах нынешней Армении на Кавказе⁶³. Арташез начал продвигаться на юг через реку Аракс в Атропатену. Артавазд, который принял власть от своего отца Арташеза, утвердил власть армян на северо-западе Ирана. Мехрад II вскоре ответил ему ударом и сверг Артавазда⁶⁴. Что происходило потом, не совсем ясно. Но несомненным является то, что Тигран II (позже Великий) был взят заложником и находился при парфянском дворе, но он не был сыном Артавазда, а сыном Тиграна I⁶⁵. Фрик высказывает предположение, что Мехрад, свергнув Артавазда, возвел на трон Тиграна I, который мог быть дядей Артавазда⁶⁶.

Монеты, выпущенные за время правления Мехрада и после его смерти, свидетельствуют о том, что многочисленные «цари» постоянно боролись за власть в этой области, в особенности Готар (Готарзес) I на востоке и Ород I (Ородес) на западе⁶⁷. Эти династийные притязания между претендентами на власть между 96–58 гг. до н.э. дали возможность Тиграну II сразиться с Парфией. Тигран вернул себе северо-запад Ирана в Атропатене и даже захватил Ардан/Арран (современная Республика Азербайджан) и часть Месопотамии, в особенности верхнее течение реки Тигр в Гордиене⁶⁸. Наверное, самым большим вызовом для авторитета Парфии стало то, что он присвоил себе ахеменидский титул «царь царей» в древней столице Мидии – Экбатане, на которую по этой причине претендуют как Иран, так и Армения.

Однако Тигран, видимо, покусился на слишком большой кусок, в особенности когда захватил селевкидскую Сирию. Это вызвало ответные военные действия со стороны Рима в лице консула Люция Лициния Лукулла (118–56 гг. до н.э.). В 69 г. до н.э. Лукулл подошел к городу Тиграносерт и окружил его (о местоположении ведется много споров, он даже мог быть неподалеку от границ Парфии, в северной части Месопотамии). Число его воинов составляло 12 000 римских солдат и 3000 всадников. Тигран собрал 200 000 пехотинцев и 55 000 всадников. Перед началом битвы река

разделяла армянские и римские войска. Лукулл отдал приказ войскам двинуться маршем влево, что создало у Тиграна впечатление, будто противники отступают. Его самоуверенность дорого ему обошлась. Лукулл нашел брод, пересек реку и оказался на другой стороне. После чего сразу же атаковал армянскую тяжеловооруженную кавалерию (катафрахов) с правого фланга, застав их врасплох. Он отвлекал их внимание, пока две его когорты заняли невысокий холм, расположенный неподалеку от армянских войск. Римские солдаты хлынули с холма с обнаженными мечами на катафрахов, поражая их коней и незащищенные ноги. Это нападение расстроило сплоченные ряды армянских конников, и они отступили. Возможно, эта победа в Тиграносерте, так легко давшаяся Лукуллу, послужила в дальнейшем причиной тяжелейшего поражения римлян в битве при Каррее в 53 г. до н.э. Тиграносерт стал первым опытом битвы с послеселевкидской иранского типа кавалерией. Победа Лукулла вкупе с предшествовавшими победами римлян в столкновениях с разными народами внушила им ложное чувство военного превосходства над иранцами. Несмотря на умелый тактический ход Лукулла, римлянам еще предстояло встретиться лицом к лицу с хорошо защищенными катафраusernameтами (кавалеристами) парфянского типа вооружения, а также смертельно опасными лучниками Средней Азии.

Поражение армянского царя и падение столицы Тиграносерт дал возможность парфянам вернуть потерянные территории в Месопотамии, мидийской Антропатене и Ардана/Аррана. Однако вполне возможно, что этот процесс восстановления Парфии проходил параллельно с наступательными операциями полководца Лукулла. Похоже, что именно восьмидесятилетний парфянский царь Синатрук вернул Месопотамию и большую часть Ирана. С того времени Армения стала важным буферным государством, играющим ключевую – военную, культурную и политическую – роль в постоянно меняющихся взаимоотношениях между Персией и Римом вплоть до исламского периода.

Понт и Каппадокия: греко-персидский синтез

Так как Парфия заняла ведущее место на Иранском плато и в Месопотамии, иранское культурное влияние в Анатолии усилилось. Поскольку Ахеменидская империя была повержена всего лишь пятьдесят лет тому назад, наследие иранской культуры никогда не исчезало из жизни населения восточной и средней Анатолии. Через двадцать лет после смерти Александра Македонского два независимых царства возникли в Анатолии – Понт и Каппадокия. Тут надо отметить тот факт, что они провозгласили себя наследниками Ахеменидов⁶⁹, в отличие от западных частей Ирана, располагавшихся за рекой Галис в западной части Анатолии, которые после нашествия Александра сильно эллинизировались. Каппадокийские иранцы сражались против Александра в битве при Гавгамеле в 331 г. до н.э. и продолжали оказывать грекам сопротивление и после падения Ахеменидской империи⁷⁰. Характерные черты каппадокийцев отметил позже император Август Страбон, который считал, что Каппадокия – «живая часть Персии»⁷¹. Несмотря на то что Александр Македонский разрушал зороастрийские арийские храмы в Малой Азии, в Каппадокии продолжа-

ли действовать арийские святилища и зороастрийские маги до того самого момента, когда парфяне смогли взять власть в свои руки в Персии⁷².

Храмы Каппадокии как центры культовых церемоний для населения Армении и Понта⁷³ значили больше, чем храмы мидийской Антропатены для мидян, персов, гирканийцев и других иранцев Парфянского царства. Вторжение Александра и последовавший затем эллинский период привели к политическому дроблению империи на множество различных монархий, но культурное единство Ахеменидской империи выдержало испытание временем. Влияние Ирана продолжало ощущаться и на Ионийском побережье вдоль всего Эгейского моря. Плутарх отмечает, что мощный культурный взаимообмен (в особенности в архитектуре и искусстве) особенно был заметен в Эфесе (неподалеку от современного Измира в западной части Турции), что в дальнейшем привело к «варваризации»⁷⁴. В Лиции иранские имена были очень распространены, и, что особенно важно, среди знати⁷⁵. Но было бы сильным упрощением утверждать, что эта область была полностью иранизирована.

Восточная Анатолия несла на себе сильнейший отпечаток эллинизма и одновременно сохранила следы присутствия армян. Во времена ахеменидов греческие города возникали по всему побережью Черного моря, но в эти же места приезжали и жители империи, знатные придворные, а также иранские маги. Процесс слияния двух культур, греческой и иранской, в этих местах похож на тот, который имел место на Украине, где точно так же возникали греческие города на территории ираноговорящих скифов, в результате чего происходило глубокое проникновение одной культурной стилистики в другую.

Эллинизм также пустил глубокие корни в Каппадокии: этот процесс развивался очень медленно и постепенно – уже спустя век после появления войск Александра Македонского. Но к I веку до н.э. Антиох I из Коммагены демонстрировал соединение мифологии и культуры Греции и Персии. Он утверждал, чтобы ведет свое происхождение от ахеменидов и от Александра Македонского⁷⁶. Антиох говорил на греческом языке, но одевался в иранские одежды и требовал, что маги носили персидское платье. Сохранившиеся статуи и архитектура в Нимруд-Даге со всей очевидностью показывают синтез греческого и персидского искусства и архитектуры⁷⁷. Интересным представляется и тот факт, что районы Каппадокии и Понта намного меньше привлекали греческих переселенцев, чем, скажем, области, расположенные дальше в востоку и югу от Ирана и Месопотамии. Как пишет Радитса, «эллинизация в землях, подобных Понту и Каппадокии, напоминает, скорее, самоэллинизацию»⁷⁸.

Во времена правления Мехрада II началась вторая волна подъема иранской культуры в Анатолии. Там образовался понтийский царский дом Мехрада (Митридата) VI Евпатора. Царский дом Мехрада вызывает интерес тем, что в нем сочетаются эллинская манера, наложившаяся на ахеменидско-иранский стиль. Мехрад Евпатор является воплощением мечты Александра: цари гордились своим греческим и арийским происхождением. С детства владевший греческим языком, Мехрад Евпатор выучил персидский и местный, понтийский, язык⁷⁹. Согласно Плутарху, женщина-телохранительница Мехрада Гипискратия, была «девушкой... выказывавшей мужской дух... готовая пойти на любой риск... и одевалась на персидский манер»⁸⁰.

Бронзовая статуя парфянского принца. Обнаружена в Шами. Хузестан (Ливия).

Успехи римлян в Малой Азии и Армении: разделяй и захватывай

Мехрад Евпатор действовал в союзе с царями Коммагены и Каппадокии. Границы его империи быстро вышли за пределы Анатолии, и вскоре он нашел союзников за Эгейским морем в Греции. Мехрад Евпатор восстановил наследие ахеменидов в Анатолии и в Эгее и вскоре утвердился на юге Украины – в районе Крыма. Экспансия Мехрада вызывала ревность Рима. Вследствие чего римляне предприняли ряд военных вылазок в Малую Азию. Евпатор попросил военной поддержки у парфян⁸¹. Наверное, парфяне отдавали предпочтение тому, что в Понте правит проирански настроенный царь, а не армянский царь Тигран, однако они никак не отозвались на призыв о помощи⁸². Тогда Евпатор решил найти себе союзника в лице Тиграна Великого. Если бы правящие дома Армении и Парфии на время забыли про свои разногласия и объединили усилия, чтобы поддержать Евпатора, этот союз стал бы очень опасным для римлян. Но именно армяно-парфянское противостояние позволило римлянам в конечном счете захватить в 62 г. до н.э. Понтийское царство.

Император Тиберий (42 г. до н.э. – 37 г. н.э.) напал на Коммагену в 14 г. н.э. под тем предлогом, что царь ведет тайные переговоры с Парфией. Греко-персидское царство было захвачено римлянами (восточный Понт в 64 г. н.э., а Коммагена в 72-м). С этого времени этот район стал частью Римской империи и постепенно «романизировался»⁸³. Однако культурное наследие Ирана в этих районах никогда не исчезало бесследно, даже после прихода арабов и турок в исламский период⁸⁴.

СЛЕВА НАПРАВО: парфянский всадник с митраистским символом; всадник с солнечным символом; тяжеловооруженный всадник с символом белой лошади; наездник с символом гракона (из «К 2500-летию со времени основания Персидской империи»).

Большая часть центральной и восточной Анатолии оказалась под властью Рима, который распространил свое влияние и на Армению. Теперь у Парфии открылся незащищенный северо-запад. Завладев Сирией, Рим стал угрожать парфянской Месопотамии и западной части империи. Соблазн последовать примеру Александра Македонского и занять парфянскую Персию, конечно же, искушал римских военачальников. Но римляне также действовали против Парфии и на дипломатическом уровне.

К счастью для римлян, Лукуллу удалось убедить Фархада III не оказывать поддержки Тиграну Великому и Мехраду Евпатору⁸⁵. Таким образом, Парфия стала жертвой классической римской доктрины «разделяй и властвуй». В 66 г. до н.э. по указанию из Рима вместо Лукулла полководцем в Малой Азии и Армении назначили Помпея. Сразу после получения назначения Помпей предложил руку дружбы Фархаду III вместе с твердым обещанием сохранить за ним его территорию. Помпей не только не собирался выполнять данное слово, но тут же предложил Тиграну земли в Гордиене, которые находились в руках парфян. Парфянские отряды постепенно заняли Гордиену, не вняв протестам Мехрада. Римляне выказали полное и, видимо, вполне обдуманное пренебрежение к Мехраду как главе государства. Но парфяне подписали мирное соглашение с Суллой. Очевидно, по той причине, что с большим почтением и опасением относились к мощи Рима и боялись рисковать, вступив в противостояние с такой силой.

В конечном счете Парфии, к своему возмущению, пришлось иметь дело с лейтенантом Помпея – Гамбием. Фархад настоятельно требовал, чтобы Евпатор оставался владыкой пограничных территорий, но Гамбий демонстративно пренебрег его заявлениями и двинулся в поход на восток через земли Евпатора и достиг Тигра. Дерзкая выходка римского военачальника и полное неуважение к законности притязаний Парфии были выказаны самым демонстративным образом. Помпей и сам заявлял о том, что собирается занять Парфию⁸⁶. Когда, наконец, Тигран и Фархад решили забыть о своих разногласиях, Помпей предложил выступить в качестве посредника между ними. В результате этих переговоров были очерчены границы, которые пролегли на севере по Адиабене (современный иракский Курдистан) и по городу-крепости Нисибин. Сирия перешла в руки Рима.

Глава 8

Парфия бросает вызов Риму

Возрождение армии Ирана

Основной урок, который извлекли иранцы из греко-персидских войн, состоял в том, что ахеменидская пехота оказалась не в состоянии сопротивляться эллинским гоплитам и отрядам фалангистов. Наиболее эффективно действовавшими силами в ахеменидском войске были отважные, хорошо вооруженные всадники саков-хорезмийцев, особенно отличившиеся в битве при Гавгамеле. Со временем иранские всадники стали еще более умелыми в тактическом отношении, их доспехи тоже усовершенствовались. Но соединения Александра на поле битвы действовали таким образом, что не давали им ни малейшей возможности проявить свои преимущества. Несмотря на то что Александру все же удалось захватить Персию, иранские конники совершенствовали свое мастерство на территории Иранского плато, в восточной части Ирана и Средней Азии, где ведущей силой оставались саки. Долгие войны с селевкидами тоже сказались на организации, тактике и снаряжении парфянской армии. В результате создалась такая военная сила, которая вполне могла противостоять военной машине Римской империи.

Парфянская тяжелая кавалерия

Тяжелая кавалерия была известна парфянам уже в начале III века до н.э. Типичные парфянские «рыцари» были облачены в кольчуги, шлем с защитой для лица, специальные покрытия служили защитой и для коней. Главное оружие парфянских катафрактов – копье длиной 3,6 м, меч кинжального типа и булава с шипами. Парфянские «копья с наконечником... способны были пронзить сразу двух человек»¹. Рассказывая о вооружении парфян, Плутарх пишет:

«...их конники вооружены копьями, которые могли пронзить все на своем пути², а их доспехи выдерживали любой удар... их шлемы и нагрудные латы сияли как пламя, их маргианская сталь сверкала, их лошадей защищали пластины из бронзы и стали...»³

Первые скифы отличались дисциплиной во время нападения, они сохраняли боевой порядок и спаянность даже после того, как прорывали линию обороны противника⁴.

И хотя нет никаких прямых свидетельств тому, что подобная дисциплина удерживалась и среди катафрактов, вряд ли стоит в этом сомневаться, так как парфяне относились к скифо-сакам, и поэтому их боевой порядок не отличался от сакского. Парфяне настолько хорошо вооружились, что теперь вполне могли противостоять римским копьеносцам⁵. Хотелось бы обратить внимание читателя на замечание Кассия Дιο о том, что у парфянских рыцарей не было щитов⁶. Это можно понять, если учитывать, что всадникам, когда они надвигались на противника, приходилось удерживать длинное копьё двумя руками. Их доспехи были сделаны из сыромятной кожи, на которой крепились железные или стальные пластины, способные выдержать сильные удары⁷. Этот жилет закрывал торс всадника и доходил ему до колена. Традиционное описание парфянского воина принадлежит Трогу Помпею, который отмечал: «...их доспехи и доспехи лошадей состоят из пластин, которые накладываются одна на другую, как перья птицы, и полностью закрывают воина и его коня»⁸. Есть описания и другого типа доспехов для рук и ног, сплетенных из колец. Самая прочная защита (она могла достигать 57 кг⁹) располагалась в наиболее уязвимых местах, как, например, в области сердца, на груди и плечах, чтобы защитить воина во время битвы.

Парфянские рыцари надевали «стальные шлемы»¹⁰. В последний период династии парфяне надевали конусообразный шлем с заклепками, обрамленный ободом у основания. Таким образом, можно утверждать, что катафракты были хорошо защищены для рукопашной битвы, выдерживали удар булавой, секирой, кинжалом и длинным мечом. В разное время оружие сохраняло признаки исходного меча саков и кушан, хотя те, что кузнецы ковали впоследствии, все же постепенно изменялись под влиянием северо-западной Индии (нынешний Кашмир, Пакистан и Пенджаб) с их «широкими лезвиями». Кажется, наиболее интересное описание «всаднической культуры» парфянской конницы принадлежит Юстиниану, который отмечал:

«Они всегда находятся верхом на коне, приезжают на всевозможные торжества и праздники, останавливаются и ведут беседу... разница между рабами и свободными людьми заключается в том, что первые ходят пешком, а вторые – только верхом»¹¹.

Парфянские цари, как и впоследствии сасанидские, появлялись на поле боя, вооруженные, как рыцари; с оружием, в шлемах и в доспехах самого высокого качества¹².

Во времена ахеменидов седла воинов располагались на ковре, которое покрывало всю спину лошади. На парфянских терракотовых статуэтках воинов хорошо видны эти покрытия, которые позволяли воинам хорошо удерживаться в седле с копьем в руках или орудуя мечом в рукопашной битве. Для копья теперь делался специальный упор, который позволял всаднику удерживать равновесие, когда удар достигал цели. Лучники уделяли главное внимание тому, чтобы передвигаться с наибольшей быстротой и чтобы стрела поражала противника с первого выстрела. Совершенство подков тоже связано со все возрастающим мастерством конников. До того момента, когда у коней не было подков, конники не могли надевать тяжелые доспехи, которые сильно увеличивали вес, и можно было повредить копыта на неровной, гру-

бой поверхности. Подкова сразу разрешила эти проблемы, и конница стала более мобильной и действенной. Сочетание же подков и хорошей дорожной системы, организованной ахемендами, позволяло всаднику на быстроходной лошади покрывать расстояние примерно в 560 км менее чем за 3–4 дня. Есть основания предполагать, что во время битвы при Каррае, которая произошла в 53 г. до н.э., подковы уже были достаточно распространены.

Парфянские всадники-лучники

Парфянские «рыцари» на поле битвы действовали рука об руку со всадниками-лучниками, которые были родом из менее знатных родов других иранских племен. Эта часть воинов надевала более легкие доспехи и часто имели при себе небольшой овальный щит. Парфянские лучники иногда вооружались еще и длинным мечом¹³ или кинжалом для нападения или обороны. По сути, они производили «ошеломляющее впечатление»: агрессивные, стремительные и мощные¹⁴. Задача лучников состояла в том, чтобы выпустить как можно больше стрел в единицу времени, и они оставались ведущей силой на поле боя до самого конца парфянского царства. Вывод о том, какую роль они играли, нетрудно сделать, глядя на колчаны парфянских рыцарей, отправленных на подкрепление для подавления мятежников в Фирузабаде. В сасанидскую эпоху мастерство и приемы лучников продолжали совершенствоваться.

Парфянские луки в Средней Азии составлялись из различных пород деревьев, костей и сухожилий¹⁵, что значительно улучшало их качество, увеличивало упругость и, следовательно, дальность и точность полета стрелы. Мощность среднеазиатских луков была такова, что стрелы пробивали даже крепкую броню римских воинов во время битвы при Каррах:

«на них обрушился поток стрел... они отступили, пытаясь найти укрытие... что стало причиной... беспорядка и страха, поскольку стрелы настигали их, пробивая броню, независимо от того, крепкой она была или нет»¹⁶.

Римляне быстро осознали, насколько их луки и стрелы уступают парфянским¹⁷.

Количество стрел, которые мог выпустить лучник на лошади, имело свои ограничения: в скифских *горитах* (колчаны для стрел) помещалось 30 штук. А чтобы расстроить ряды таких мощных противников, как римляне, требовалось очень большое количество стрел. Среднее число стрел, которые мог выпустить в минуту парфянский лучник, сидящий на лошади, по меньшей мере 8–10¹⁸. Более опытные могли достигать и лучшей огневой мощи. Но это означало, что через 2–3 минуты после начала битвы лучники расходовали весь свой запас. Учитывая, что требовалось по меньшей мере 20 минут, чтобы повергнуть врага во время сражения, среднее число стрел, которое требовалось каждому лучнику на лошади, – 160–200. Если исходить из этого и попытаться сосчитать, какое количество стрел выпустили 10 000 лучников-всадников, участвовавших в битве при Каррее, получается ошеломляющая цифра: 1,6–2 миллиона стрел за 20 минут¹⁹. Изготовление такого количества стрел и стало главной заботой империи, как это произошло при ахемендах и что удалось выпол-

нить Мехраду II. Сеть мастерских, где работали опытные мастера, раскинулась по всему Луристану, Хузестану, Персии, Хорасану, Гиркании и Мидии²⁰. Изготовление наконечников для стрел берет свое начало на Иранском плато и в Средней Азии, где обнаружили многочисленные следы их производства, прослеживающиеся на всем западном Иране. Реформы Мехрада II позволили справиться также и с нелегкой задачей быстрой перевозки готовой продукции на поле боя и снабжения воинов-лучников необходимым запасом стрел. Это позволяло сохранять непрерывность в стрельбе довольно длительное время. В битве при Каррах караваны верблюдов успевали подвозить груз к тому моменту, когда парфяне истощали свои запасы стрел.

Все это в сочетании с силой удара, подвижностью и стремительностью парфянских всадников делало их грозной силой. Меткость их тоже была поразительна, при том, что они стреляли в нескольких направлениях и на всем скаку. «Парфянские лучники», или всадники-лучники, остались в истории как самые лучшие стрелки. Они буквально осыпали противника стрелами и при нападении, и в момент возвращения²¹. Парфянские лучники появились в ассирийское время²², не говоря уж об

Реконструкция парфянского наездника-лучника (Дарио Вилек).

иранских саках²³. Несмотря на прошедшие с тех пор тысячелетия, лучники остались как одно из существенных проявлений в жизни дуров в западном Иране. Мужчины там и по сей день продолжают демонстрировать свое мастерство на различного рода торжествах (свадьбах, племенных собраниях и т. д.)²⁴ и спортивных состязаниях между селениями и племенами Луристана, в особенности сак-ванды (скифские племена). Парфяне использовали своих всадников-лучников и для устрашения римлян во время ведения переговоров: они выставляли их на видном месте с луком в руках, чтобы подчеркнуть свою доблесть и превосходство²⁵.

Главное – это конница

Тактика ведения боя у парфян была простой и очень эффективной. Сразу бросается в глаза отличие между теми задачами, которые возлагались на стремительно налетавших всадников-лучников, обрушивавших на врага поток стрел, и на тяжеловооруженных рыцарей, которые затем устремлялись на противника с копьями. С атаки всадников-лучников, как правило, начиналась битва: они успевали заметно ослабить линию противника перед тем, как выходили копьеносцы. Идея выражается в классическом афоризме: нападай на врага там, где он слабее всего, и избегай его там, где он силен. Копьеносцы устремлялись туда, где после лавины стрел всадников-лучников образовывалась брешь. Копьеносцы использовали момент потрясения, который испытывали римские воины после предыдущей атаки, и вступали в рукопашную схватку с хорошо тренированными римскими пехотинцами только в случае крайней необходимости. Они всегда держали в запасе свежих всадников-лучников, которые сменяли тех, что устали в продолжительной схватке.

Доведенное до совершенства мастерство парфянских стрелков в сочетании с тяжеловооруженными копьеносцами придало завершенность идее ведения боя только при помощи конницы. Лучники часто служили также и «приманкой», вызывая желание у противника броситься вслед за ними. Тем самым они заманивали уже измотанных атакой врагов в ловушку. И чем дальше двигались отряды врага, тем больше стрел обрушивалось на них для того, чтобы полностью дезориентировать и деморализовать противника. После того как парфянские стрелки заканчивали свое дело, выступали тяжеловооруженные копьеносцы²⁶. Они смыкали свои ряды, чтобы дать возможность лучникам-стрелкам подготовиться к новой атаке. Такие совместные действия давали возможность тяжеловооруженным воинам выгадать мечи для рукопашной схватки, когда те видели, что ряды противника смешались. Сочетание двух типов всадников пришло на смену устаревшей постаалександровской селевкидской армии.

Поражение римлян в Каррах

Ород II и Мехрад III – сын Фархада III – составили тайный заговор против своего отца и убили его в 58–57 гг. до н.э.²⁷ А затем началось сражение за империю. Победителем вышел Ород, жестоко расправившийся со своим братом²⁸. Так получилось, что Ород II и Мехрад III положили начало печальной традиции отцеубийства и братоубийства, которая преследовала все парфянские династии до их последних дней.

Монета с изображением Орода II. При его правлении Сурена смог столь блестяще предотвратить вторжение римлян под водительством Марка Лициния Красса (из коллекции Британского музея).

К счастью для парфян, эта династийная вражда пришлось на тот короткий промежуток времени, когда римские военные амбиции еще не проявились в полной мере. Уже через неделю после захвата Селевкийи Ород II приготовился к вторжению римлян, полки которых вел Марк Лициний Красс. Один из представителей Триумvirата, он преисполнился чувством собственной значительности и веры в свой талант полководца после того, как ему удалось в 71 г. до н.э. разбить восстание рабов под предводительством Спартака. А затем он задумал захватить Парфию, чтобы присоединить ее к владениям Рима.

Красс стал наместником в Сирии в апреле или мае 54 г. до н.э. в возрасте 69 лет. Вступив в должность, он питал надежду стать вторым Александром Македонским и решил использовать Сирию как плацдарм для вторжения в Персию. Несмотря на то что римляне заключили договор о ненападении с Парфией, Красс начал военные приготовления, чтобы разрушить Парфию и покорить Персию. Его действия не нашли полной поддержки в римском сенате, так как не было реального повода для нападения на парфян. Со своей стороны, Парфия во время военной кампании Помпея и Лукулла постоянно вела политику сдерживания и избегала прямого противостояния, насколько это было возможно. Такая примиренческая позиция Парфии объясняет, почему римляне не держали большого количества военных отрядов в Анатолии – Месопотамии – Сирии, и этим же объясняется, почему римский сенат был против захватнических планов Красса.

Свое вторжение Красс начал с того, что пересек Евфрат. Ему легко удалось одержать победу над Силацием – парфянским сатрапом. Римляне организовали несколько военных гарнизонов в Месопотамии, но городов они там не выстроили (за исключением Зенодии). На зиму Красс вернулся в Сирию, чтобы здесь дожидаться возвращения сына Публия из военного похода в Галлию (большая часть современной Франции). В течение зимы Красс готовился к полному покорению Парфянской империи. Весной 53 года до н.э. Красс и его сын Публий снова пересекли реку Евфрат уже с многочисленным войском, которое теперь состояло из семи римских легио-

нов и других вспомогательных сил, которые включали в себя армянских и арабских наемников. Армянский царь Аставад обещал выставить 16 000 конников и 30 000 пехотинцев для Красса, но полностью своего обещания так и не выполнил²⁹. Агбар, или Акбар, вел за собой 6000 арабов; он также выступил проводником Красса в пустыне. Полное число действующих воинов в армии Красса составляло 40 000–42 000 человек и 4000 составляли конники³⁰. Четверть их предоставил Юлий Цезарь, отправив их для поддержки Красса из Галлии.

Ород II хотел во что бы то ни стало сохранить мир, поэтому отправил послов к Крассу, узнать, дал ли согласие римский сенат на его поход. Красс велел послам передать, что ответ будет дан в Селевкии. Один из старших посланников парфян вытянул руку и произнес: «Красс, скорее на этой ладони вырастут волосы, чем ты увидишь Селевкию». Нежелание, а может быть, неумение Красса принять всерьез парфянскую конницу вскоре привело к одному из самых известных поражений римлян.

Первая грубая ошибка Красса состояла в том, что он двигался по совершенно плоской и открытой местности – территории современной Сирии – по направлению к Селевкии и Ктесифону вопреки советам армянского царя Аставада, который предлагал избегать Крассу таких пространств, удобных для тяжелой и легкой кавалерии парфян. Ород II ожидал нападения со стороны Армении, где иранские тяжеловооруженные всадники не имели возможности так эффективно действовать среди холмов и ущелий. Это бы вынудило иранцев сражаться в рукопашном бою с римскими легионерами, которые, конечно же, были более подготовленными к таким сражениям.

Поэтому парфяне разделились на две части. Ород двинулся в сторону Армении (видимо, с большей частью пехотинцев³¹) и там поджидал Красса. Это остановило Аставада, и он не смог присоединиться к римскому полководцу. К своему величайшему разочарованию, Красс обнаружил, что армяне и парфяне объединились против него. Ород и Аставад закрепили свой союз брачными узами между сыном Орода – Пакором и сестрой Аставада. Молодой полководец Сурена возглавлял другое – значительно меньшее – войско, состоявшее из 1000 тяжеловооруженных всадников и 10 000 всадников-лучников. И поскольку Красс решил идти через Сирию, именно Сурена с его более малочисленным войском встретил врага лицом к лицу. Вполне возможно, что арабский проводник находился в сговоре с Суреной и привел войска Красса прямо к тому месту, где стояли войска парфянского полководца. После чего арабы нашли отговорку, чтобы отступить. Если бы легкая арабская конница осталась с Крассом, это могло бы предотвратить тяжелейший разгром, который понесла римская армия. Тем не менее соотношение сил было один к трем, и к тому же Красс привык к легким победам и чувствовал себя совершенно уверенным. Быть может, Красс также невольно сравнивал свое вторжение с тем, которое совершил Александр несколько сотен лет назад. И это заставляло его видеть в Сурене молодого полководца слабой армии. Но когда сражение началось, выяснилось, что теперь иранские стрелы свободно пробивают доспехи и щиты своих противников в отличие от того, что происходило в битве при Маратоне, Фермопилах и Платее. И насколько фессалий-

ская и македонская конница Александра была сильнее в битвах с персами и саками в Гавгамеле. настолько же тяжелая конница Сурена теперь была несравнимо более мощной, чем римская.

Битва при Каррах

Смутное беспокойство охватило Красса, когда он достиг окрестностей Карр (неподалеку от Харрана, Турция). Передовой отряд римлян встретился с кавалерией Сурена и был смят. Из гарнизона, расположенного на левом берегу Месопотамии, дошли вести о том, как проявила себя парфянская конница. Один из выживших утверждал:

«...противники появились настолько внезапно... что не было никакой возможности... противостоять им... стрелы летели быстрее света и пробивали любую защиту, копьа закованных в доспехи всадников проходили сквозь любые латы. в то время как их доспехи не могло взять никакое оружие»³².

Когда римляне в конце концов достигли Карр. Красс выстроил войска таким образом, чтобы они образовали огромный квадрат с выемкой посередине. Кассий – один из старших офицеров – советовал Крассу выставить римскую пехоту впереди с конниками по бокам. Но когда римляне начали выстраиваться в эту позицию, Красс передумал и приказал им выстроиться квадратом с 12 когортами (каждая из них состояла из 500 человек) с каждой стороны в сопровождении всадников и легких пехотинцев. Красс со своей личной гвардией и сыном Публием вместе с 1000 галльских конников заняли место посередине квадрата.

Сурена выжидал. Сначала он намеревался прорваться сквозь линию римлян со своей тысячей тяжеловооруженных всадников в сопровождении лучников. Но потом он решил ввести римлян в заблуждение и приказал своим рыцарям закрыть доспехи шкурами и куртками. Основную часть парфянских войск он также спрятал. Похоже, уловка Сурена сработала. Когда римляне увидели парфян, они были приятно поражены, не увидев всадников в доспехах. А затем Сурена дал сигнал сбросить кожаные покрытия, и доспехи засверкали на солнце. Парфянские барабанщики отбили особую дробь, давая знак всадникам. Под ударные звуки барабанов Сурена повел всадников прямо на линию римлян. Несмотря на то что у парфян были очень длинные копьа, они все равно не смогли пробить оборону противника. И возникла опасность, что всадников сбросят наземь, им придется спешиться и вступить в рукопашный бой, который им дорого мог обойтись. Но атака не была совершенно безуспешной, им удалось все-таки пробить брешь благодаря большому числу воинов, вступивших в битву. Красс сумел восстановить линию. Тогда Сурена отдал приказ рыцарям освободить пространство для атаки лучников, которые, окружив со всех сторон большой римский квадрат, начали атаку.

Красс ничего не мог предпринять против лучников, потому что они появлялись и тотчас исчезали, обстреливая ряды римлян с расстояния 45–50 м. В отличие от битвы при Тиграносерте, атака легких пехотинцев Красса ничего не давала, так как парфяне-стрелки, выпустив заряд стрел, тотчас исчезали. То же самое относи-

лось и к римской коннице. Парфянские лучники просто не соприкасались с ними. Римские копьеносцы тоже оставались в беспомощном состоянии: их ряды легко обстреливались издали парфянскими лучниками. Римляне, которые попытались спастись бегством от лучников на конях, стали жертвами парфянских стрелков-пехотинцев.

Наконец римляне осознали, что парфянские стрелы легко пробивают их щиты и доспехи. Смертельные исходы от шквального огня стрел усилились благодаря тому, что римляне стояли плотно сомкнутыми рядами. Прибывшие многочисленные навьюченные верблюды с новым запасом стрел разрушили последние надежды на то, что этот шторм когда-нибудь иссякнет:

«но пока они [римляне] надеялись, что у врагов [парфян] истощится запас стрел и это вынудит их вступить в рукопашную битву, римляне держались; но когда они увидели, что появилось множество верблюдов, откуда парфяне... берут новые стрелы... Красс понял, что этому не будет конца, и потерял терпение»³³.

Поскольку непрерывный поток стрел заставлял римлян держаться на месте, Сурина решил атаковать римлян с тыла.

Красс «отправил послание сыну Публию с приказом вступить в сражение с врагом, пока их не окружили»³⁴. Публий решил напасть на всадников-лучников с восемью когортами, 300 легковооруженными воинами и 500 стрелками-пехотинцами в сопровождении галлийских кавалеристов. Поскольку парфянские всадники начали отступать, Публий устремился им вдогонку, не догадываясь о том, что его заманивают в ловушку. Лучники на лошадях слились с основными силами парфян, включая тяжеловооруженных рыцарей, которые выступили в атаку. Галлийская конница Публия сражалась храбро, но их копья не пробивали доспехи парфян, а сами они были одеты в очень легкие доспехи, число раненых все росло и росло³⁵. Только 500 галлийских воинов выжили и попали в плен. Галлийские воины пытались скользнуть под лошадей парфян, чтобы стащить их с седла, что потом повторилось в битве римлян против элитных сверхтяжело вооруженных рыцарей-асварнов в 363 г. н.э.³⁶ Помимо этого, галлы использовали другой прием – выдергивать катафрагтов из седел, схватившись за копье, что напоминает действия ахеменидов, которые пытались удержать копья гоплитов в битве при Платее в Греции за столетия до того. Несмотря на отчаянную храбрость, которую проявляли воины, это был смертельно опасный ход, так как парфянские копья могли пробить насквозь сразу двух человек. В это же самое время стремительные всадники-стрелки обстреливали воинов Публия. Раненый полководец отступил с остатками своих гвардейцев к холмам, где они сражались до последней капли

Керамическая пластина с изображением парфянского наездника-лучника (Р. Шеридан. Древнее искусство и архитектура).

крови, не желая сдаваться. Раненый Публий и его ближайшие сподвижники решили покончить жизнь самоубийством или же приказали своим щитоносцам убить их. Парфяне отрезали голову Публия, водрузили ее на копьё и поскакали обратно к главным силам Сулены.

Получив известие о смерти сына, Красс приказал своим воинам не прижиматься к земле, а двинуться в атаку на противника. Это мало что им дало. Парфянские стрелки продолжали обстреливать их, постоянно нарушая ровную линию римского строя. Пытаясь прикрыть бреши, воины вносили сумятицу, так как раненые падали на землю, мешая товарищам стать в строй. Римский профессионализм, подготовленность и храбрость ничего не значили на этом поле битвы.

Используя психологическое давление, Сулена приказал пронести голову Публия на копьё перед линией римских воинов. Римляне поняли, что обречены, и Сулена пообещал Крассу сохранить ему жизнь, если они сдадутся. Красс попросил одну ночь для размышлений и для того, чтобы похоронить сына. Осознавая неизбежность поражения, ведущие полководцы войска Красса приняли решение отступить в укрепленный город Карры. Сражаться дальше было бессмысленно, и римляне отступили ночью, зная, что парфяне не привыкли к ночным вылазкам. Парфяне не заметили, как противники это проделали. Утром они обнаружили пустой римский лагерь и массу брошенных раненых воинов.

Отступивший Красс должен был смириться с мыслью, что «бросок Александра» ему не удался. Однако какая-то надежда в нем еще теплилась. Если бы ему удалось добраться до стен Карр, он мог бы остаться там и занять оборону. В сущности, это действительно могло стать спасением, поскольку парфяне не владели приемами осады и у них не было осадных машин. Однако войска Красса не хотели оставаться в крепости: запасов провианта у них было немного, а до холмов Армении оставалось рукой подать. Положение ухудшалось тем, что на Ближнем Востоке отсутствовало войско, которое могло прийти им на подмогу, поскольку все силы были уже задействованы в этом походе.

Красс и другие полководцы самого высшего ранга – Кассий и Октавий – начали стремительное отступление. Кассий двинулся в сторону Евфрата с 500 всадниками. Октавий – в сторону холмов с 5000 воинов. Красс примерно с 200 человек следовал за ним на расстоянии примерно в милю. Парфяне снова бросились в атаку. Однако Октавий, объединившийся с Крассом, – теперь число их воинов составило 7000 человек, – более или менее успешно отразил стремительный налет парфян. Римские метатели пращи могли сбить на скаку парфянского лучника и тяжеловооруженного всадника. Но оба римских полководца осознавали, что это всего лишь временный успех и временная передышка. Инициатива полностью перешла к парфянам. И Сулена не собирался упускать такую возможность. В любом случае исход битвы уже был предрешен.

И вновь Сулена обратился к Крассу с предложением почетной сдачи. Сначала Красс колебался, но потом, взвесив все за и против, решил принять предложения Сулены и начать переговоры. Красс и его самый главный военачальник встретились с Суеной, чтобы обговорить условия сдачи. Однако молодой полководец парфян не

испытывал доверия к римлянам, поскольку они сами нарушили условия мирного договора Рима с Парфией. Поэтому Сурина заявил: «...у вас, римлян, очень плохая память насчет условий договора»³⁷, – и потребовал, чтобы поражение и сдача Красса должны были быть утверждены в письменной форме. По каким-то невыясненным причинам, которые затем последовали, Красс был убит то ли парфянами, то ли своими же людьми. Сурина взял голову Красса и Публия и привез их во дворец армянского царя, где Аставад и Ород отмечали свое союзничество. В этот вечер исполнялась греческая пьеса Еврипида «Вакханки», и головы поверженных противников выставили на сцене. Греческий актер Ясон усилил макабрическую сторону представления, подняв тяжелую голову Красса во время своего выступления. Ород распорядился, чтобы в рот Крассу насыпали золотых монет, и обратился к нему со словами: «Будь доволен – твое желание исполнилось».

10 000 уцелевших воинов было взято парфянами в плен, их поселили в парфянской области, которая сейчас называется Мерв в Средней Азии. Возможно, что часть этих пленных воинов нашли путь в Китай. Китайские источники сообщают о потерпевшем поражение главаре варваров в 35 г. до н.э., который был наемником и сражался, выказывая владение греко-римскими приемами боя.

Последствия битвы при Каррах

Поражение при Каррах обнаружило слабость римских воинов. Эта битва стала настоящим потрясением для римлян, свидетелей непрерывных успехов своей армии в Испании, Галлии, на Балканах, в Греции, Карфагене, Армении и Понте.

И хотя селевкиды уже потерпели крах до того, Карры стали символом конца владычества Александра в Персии. Сурина сумел победить римские войска, в три раза превышавшие его силы. Из 40 000 легионеров 20 000 были убиты и 10 000 попали в плен. Захваченные римские штандарты были сложены в персидских храмах, их вернули только после переговоров с Августом. Римляне осознали, что парфяне отличаются от кельтских воинов Европы, и вынуждены были признать границу по Евфрату, которая пролегла между ними и Парфянской империей. Как отметил Бивар: «Результатом поражения (при Каррах) стало бесспорное признание Парфии как равной им»³⁸. Пошатнулся миф о непобедимости римлян и среди иудеев, которые были не только дружелюбно расположены к парфянам, но их исторические связи с Персией не раз отмечались в библейских текстах. И вскоре римляне столкнулись с мощными восстаниями евреев на восточных территориях.

Римское воинство развивалось под сильнейшим влиянием того опыта, который они получили, столкнувшись с парфянами. Римляне пытались набрать парфянских конников в свою армию во время гражданской войны Помпея и Кассия³⁹. Наемная парфянская конница в 42 г. до н.э. принимала участие в сражениях против Октавиана⁴⁰. Потрясение от поражения в Каррах и позже в Азербайджане (37 г. до н.э.) в конечном счете привело к тому, что римляне начали перенимать приемы и методы парфянских стрелков из лука. Озабоченные той опасностью, которая представляла парфянская объединенная конница, римляне успешно преобразовали свои силы,

набрав в войска дополнительные силы (стрелков из лука и тяжеловооруженных воинов), а также стрелков-пехотинцев. Эти дополнительные войска должны были оказывать поддержку основным силам Рима – тяжеловооруженным пехотинцам, которые начали разрабатывать тактические приемы защиты от войск парфян⁴¹.

Еще одним результатом поражения при Каррах стала парфянизация Армении. Женитьба сына Орода Пакора на сестре армянского царя заложила парфянскую линию в царском доме армян, что стало продолжением долгих родственных отношений между армянами и иранцами. Известен тот факт, что после падения царского дома парфян в Персии в 226 г. н.э. знатные парфяне продолжали управлять в Армении⁴². Многие из иранской феодальной культуры и воинских традиций восприняли армяне, и многое из этих навыков впоследствии перешло в армию Византии.

Наступательные операции Пакора: утрата возможностей

Если бы после победы в Каррах Сурена двинулся походом в Сирию, правлению римлян на Ближнем Востоке пришел бы конец. Римляне пребывали в замешательстве, и у них не имелось достаточного количества отрядов, чтобы помешать вторжению парфян. Они бы побоялись вступать в кровопролитные сражения со столь сильным противником. Но Ород II вскоре после блистательной победы Сурены казнил полководца. Зависть Орода и его подозрительность в отношении Сурены – вот из-за чего Парфия упустила появившуюся перед ней возможность. Контрудар парфяне нанесли только через три года после Карр.

Ород решил поставить своего сына Пакора во главе войска. И Пакор в 51 г. до н.э. предпринял ряд коротких сражений с римлянами, которые продолжались в общей сложности 25 лет. Он пытался захватить Сирию и большую часть Анатолии, но это все были, скорее, кавалерийские наскоки, чем полный захват территории. Парфяне не развивали свое осадное мастерство и теперь заплатили дорогой ценой за это упущение. Все мастерство лучников и тяжеловооруженных пехотинцев не могло причинить никакого вреда римским войскам, засевшим в городах-крепостях, благодаря чему Кассий и Цицерон смогли сохранить Сирию в своих руках. Ород приказал сыну отступить, и через год, в 50 г. до н.э., Пакор вновь пересек Евфрат уже на обратном пути в Парфию.

В последующие годы положение римлян сильно ухудшилось на международной политической арене, и это давало еще одну возможность парфянам добиться преимущества. Если бы Ород действовал разумно, он бы достиг большего, используя тайные связи на западных фронтах, путем переговоров с римлянами и сумел бы присоединить намного более значительные территории. Но Ород решил начать второе вторжение в римский Ближний Восток в Сирии и Анатолии. И снова Пакора назначили главнокомандующим, вместе с Квинтом Аттием Лавинием, который был настоящим римским республиканцем и выступал против «империалистической» внешней политики своей страны.

В 40 или 39 г. до н.э. Пакор и Лавиний персекли Евфрат с очень большой парфянской армией. Главной точкой нападения должна была стать римская сторожевая застава в Апамее, возведенная еще Селевком Никатором примерно в 300 г. до н.э. Первая же атака подтвердила, что парфяне по-прежнему не подготовились к ведению осады и у них отсутствовало подходящее снаряжение. Тем не менее многие римские отряды в Сирии решили присоединиться к Лавинию. Римляне под предводительством Десидия Сакса отчаянно сопротивлялись объединенным войскам Лавиния и Пакора⁴³, к которым присоединились римские дезертиры. Парфянская кавалерия нанесла большой урон римлянам и подорвала боеспособность объединенный Сакса. После чего на сторону парфян перешло еще большее количество римских воинов. Теперь Апамея не могла противостоять нападающим и сдалась, быть может, получив ложное известие о гибели Сакса⁴⁴. Лавиний отделился от Пакора и отправился вдогонку за Саксом. Сакс намеревался достичь Киликии, но Лавиний догнал его и разбил, захватив Антиохию. После победы над Саксом Лавиний не только захватил Киликию, но и очистил всю Малую Азию от римских легионеров. Еще одним ударом по престижу римской армии стало то, что захваченные штандарты отправили в парфянские храмы, где их выставили вместе с теми, которые были взяты в битве при Каррах. Снова римляне продемонстрировали полную неспособность выдержать натиск парфянской конницы, которая стремительно прошла через Сирию и Палестину. Тир парфянам не удалось взять, поскольку им не хватало поддержки с моря, чтобы захватить его⁴⁵.

В Палестине иудейский народ встретил парфянскую конницу как освободителей. Известно, что Антигон даже предложил тысячу талантов Пакору, чтобы он остался в Палестине как представитель Парфянского царства. Иудеи воспринимали их как продолжателей давних взаимоотношений, установившихся еще с мидянами и Ахеменидской империей. У римлян никогда не было друзей среди евреев, и они оказались не способны выкорчевать их проперсидские настроения⁴⁶. Намного меньше известно то, что евреи Месопотамии и стали источником еврейской ортодоксии, которая вдохновила многих западных иудеев, в особенности в Иудее⁴⁷. Приход Пакора в Палестину означал, что снова Месопотамия и Иудея будут вместе (правда, на очень короткий период), объединенные в новой иранской империи. Парфяне тоже оказали большую поддержку фарисеям – секте, к которой римляне относились в основном с

Парфяно-сасанидская пряжка. Иран. III век н.э. В центре изображение вельможи-наездника с собакой, преследующей газелей. Охотничья тема появилась в произведениях искусства и стала пользоваться большой популярностью у аристократов Европы на целое столетие позже (Государственный музей Эрмитаж, С.-Петербург).

очень большой прохладцей: «похоже, что фарисеи чувствуют, что они получили намного больше понимания со стороны Парфии, чем со стороны Рима, и постоянно будут поборниками пропарфянских партий»⁴⁸.

Восстановление Рима после вторжения парфян

Пакор и Лавиний успокоились, считая, что они навсегда изгнали римлян с Ближнего Востока, но тут ситуация повернулась иным образом. Первым пал Лавиний в Малой Азии в 40 году до н.э. Римский полководец Вентидий⁴⁹ высадился на берегу Малой Азии (западное побережье нынешней Турции) и захватил Лавиния врасплох. Лавиний отправил послание Пакору с просьбой прийти ему на помощь. Тем временем Вентидий стремительно отгеснял Лавиния во внутреннюю часть Анатолии, вынудив его искать убежища в горах Тарсуса. Как только Вентидий достиг предгорий, он остановился. И та и другая сторона ждали подкрепления. Лавиний ждал появления тяжеловооруженных всадников парфян⁵⁰. Вентидий – прихода тоже тяжеловооруженных пехотинцев, прежде чем ударить по противнику. Вместо того чтобы совершенно неразумным образом выстроить свои войска на ровной площадке, как это сделал Красс, Вентидий предусмотрительно расположил воинов на возвышениях. Совершенно по необъяснимым причинам парфянские рыцари, ведомые Лавинием, очень необдуманно двинулись на холмы, где их поджидали отряды Вентидия. Холмы мешали успешным действиям рыцарей и не давали им возможности проявить ударную мощь. Они обрушились на отдельные, компактные, хорошо защищенные отряды римских пехотинцев и вступили с ними в рукопашный бой. В результате Вентидий разбил парфянских рыцарей, которые отступили с поля боя по направлению к Киликии, бросив Лавиния на произвол судьбы. Тот совершил попытку ускользнуть от противника и достичь спасительной Киликии. Но на его пути встали предусмотрительно выставленные в засаду воины Вентидия. Лавиния схватили и бросили в одну из римских тюрем.

Таким образом, Вентидий укрепил позиции римлян в Киликии, и оттуда начался захват утраченных территорий⁵¹. Помпидий Сило встал во главе конницы, которая двинулась к Сирийским Воротам, разгромив встреченные им войска в Сирии, вынудив парфян покинуть эту страну. Пакора беспокоило то, что римляне стремятся захватить Персидские Ворота, и он отправил «рыцарей» под предводительством Фарнапата, чтобы перекрыть им дорогу. А сам решил переместить свои войска на север Сирии и Коммагены. Союзники-иудеи теперь должны были сами защищаться в ожидании возвращения парфянской конницы. К большому сожалению иудеев, Пакор так и не вернулся. Когда Помпидий Сило добрался до Сирийских Ворот, он увидел поджидавших его там парфянских всадников во главе с Фарнапатом. Парфянскому полководцу почти удалось одолеть противника⁵². До победы оставалось совсем немного, когда подоспели войска Вентидия с тяжеловооруженными всадниками, и соотношение сил сразу изменилось. Фарнапат и многие другие всадники были убиты. Поскольку позиция парфян в Сирии сильно пошатнулась, Пакор пересек Евфрат и отступил с остатками своих сил в Месопотамию. Он собирался реорганизовать свои

отряды зимой, прежде чем двинуться на Сирию весной. Теперь Вентидий завершил захват Сирии и большей части Малой Азии.

Видимо, парфяне все еще пребывали в полной уверенности, что сумеют справиться с римлянами, поскольку они едва не одержали верх у Сирийских Ворот. Весной 39 г. до н.э. Пакор собрал новые силы, чтобы вернуть Сирию и разгромить Вентидия. Но тот развернул хорошо продуманную кампанию по дезинформации, распуская ложный слух в лагере парфян, вследствие чего они приняли решение пересечь Евфрат в его нижнем течении.

Перейдя Евфрат, воины Пакора двинулись через Сирию прямо на римские позиции. Вместо того чтобы дать бой парфянам на плоской местности, Вентидий применил ту же самую тактику, что и при битве в Тарсе. Он расставил отряды на возвышенности, и повторилось то, что произошло в Тарсе: всадников, бросившихся в атаку на римских воинов, почти сразу же разбили³¹. В этой битве погибли Пакор и большая часть царских гвардейцев, которые сражались до конца, не желая, чтобы мертвое тело принца досталось противнику. Остатки парфянских войск бросились к переправе. Но Вентидий, перестроив своих воинов, начал преследование тех, кто выжил, не давая им спастись бегством. Римляне преследовали даже тех, кто успел добраться до переправы, добывая и тех, кто сел в лодки. Только очень небольшой части воинов удалось достичь Коммагены в западной Анатолии, где их принял местный царь Антиох. Так закончился захват парфянами Сирии и Анатолии. То, чего они достигли, удалось повторить только столетия спустя, когда территории оказались в руках сасанидских царей Шапура I и Хосрова II.

Глава 9

Парфия: от Марка Антония до нашествия алан

Поражение Марка Антония в мидийской Атропатене

Ород II был так подавлен известием о смерти своего сына Пакора, что решил в 38 году до н.э. отречься от престола в пользу одного из своих тридцати сыновей – Фархада IV (Фраата IV) (годы правления 38–2 до н.э.). Сын отплатил отцу тем, что сначала убил его, а затем всех своих братьев и даже собственного сына (37 г. до н.э.). Он также приговорил к смерти многих своих придворных. Те, кто уцелел, сбежали к римлянам. Один из таких придворных, Монес, встретившись с Марком Антонием, начал убеждать его захватить Парфию. Монес и другие парфянские изгнанники сумели создать впечатление у римского полководца, что ненависть к Фархаду IV в Персии так велика, что захватить страну будет нетрудно. Марк Антоний уже давно (еще в начале 41 г. до н.э.) вынашивал план вторжения в Парфию, но сначала хотел утвердиться в Египте и Сирии, а потом уже ударить по Персии из Сирии, где вел подготовку войска к битвам с иранцами. Армению вынудили к тому, чтобы она заключила союз с римлянами с обязательством, что царь Аставад снабдит союзников конницей. В 38 г. до н.э. Антоний начал готовить воинов Греции к главному походу – на Персию.

Римляне набрали гигантскую армию, в два раза больше, чем собрал в свое время Красс. В марте 36 года до н.э. под началом Антония было уже более 100 000 человек, включая 10 000 иберийских (испанских) всадников, ездивших на лошадях, которых можно отнести к раннему «протоарабскому» виду, из семейства тех, что разводили в Финикии или Карфагене. Маленькие иберийские кони тем не менее доказали, что могут выступить против своих родичей из западного Ирана и Армении. Озабоченный известиями об этих приготовлениях, Фархад IV собрал 400 парфянских азатанов (арийских феодалов), которые выделили ему 50 000 всадников для противостояния против вторжения Антония¹. Тот начал свой поход с ввода войск в мидийскую Атропатену. Следуя совету Аставада, он двинулся на северо-запад, с его лесистыми горами, избегая больших открытых пространств, где парфянские рыцари и всадники-лучники получали заметное тактическое преимущество. Римские полководцы

надеялись, что вынудят иранцев вступить в рукопашный бой с легионерами. Однако римляне недооценили мидийских пехотинцев царя Атропатены – Артавазда.

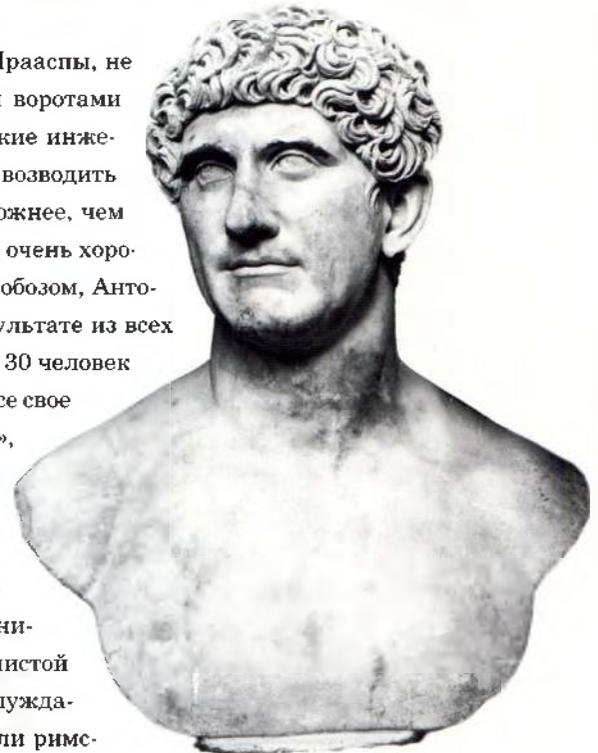
Римляне пересекли Евфрат и двинулись на северо-западный Иран, минуя Маранд, а затем вокруг восточного берега озера Урмия². Они намеревались напасть на царский дворец-крепость парфян под названием Прааспа, в наше время – Маракеш³. И здесь Антоний совершил главный стратегический промах. Обозы с продовольствием и осадные орудия сильно затрудняли продвижение, и он решил разделить силы. Антоний выделил под командование Статиана два легиона, обоз и осадные машины, чтобы он следовал со всем этим как можно быстрее за главными войсковыми соединениями. Но если теперь отряды Антония могли продвигаться довольно быстро и сообщаться друг с другом, тяжело нагруженные обозы очень медленно пробирались по заросшим лесом холмам Азербайджана и по узким горным дорогам. Как показали дальнейшие события, для Антония было бы лучше добраться медленнее, не разбивая своих сил.

Парфянские полководцы поняли, что для них настал удачный момент: они могли сосредоточиться на каком-то одном из двух отрядов и разбить его, используя преимущества знания высокогорной местности, где чужеземцы ориентировались намного хуже, чем представители древней Ассирийской империи. Мидяне-пехотинцы напали на обоз Антония и убили более 10 000 легионеров. При этом они нанесли непоправимый урон осадным приспособлениям, в том числе и огромной стенобитной машине высотой 24 м, которую римляне собирались пустить в ход, чтобы разрушить ворота Прааспы. Неудачный Аставад вместе со своей конницей отступил в Армению. Утрата конницы стала еще одним, может быть, еще более серьезным ударом, чем разгром Статиана.

Тем временем Антоний со своим войском добрался до Прааспы, не встретив помех на пути. Он оказался перед знаменитыми воротами еще до того, как произошло нападение на Статиана. Римские инженеры, несмотря на утрату осадных приспособлений, начали возводить насыпи. Но взять осажденный город оказалось намного сложнее, чем это представляли себе римляне, так как крепость оказалась очень хорошо защищенной. Получив известие о том, что произошло с обозом, Антоний принял решение контратаковать противника, но в результате из всех парфянских всадников ему удалось убить только 80 и взять 30 человек в плен¹. Придя в ярость от этой неудачи, Антоний обрушил все свое негодование на собственных воинов, обвинив их в «трусости», и приказал казнить каждого десятого легионера.

А вскоре отряды Антония начали страдать от голода. Тех, кого отправляли в лес, чтобы настрелять добычи, подстерегали парфянские копьеносцы, всадники-лучники и мидийцы-пехотинцы. Римляне считали, что парфянские всадники не смогут эффективно действовать на «европейской» холмистой местности северо-западных районов Ирана, однако они заблуждались на этот счет. И пехотинцы-мидяне умело противостояли рим-

Марк Антоний вошел и захватил район мидийской Атропатены (современный Азербайджан), сумев свести на нет все усилия парфянской конницы. Этот поход закончился крупнейшим поражением римлян в 36 г. н.э. (Алинару/Топфото).

ким легионерам. Осада Прааспы потерпела поражение, силы римлян быстро слабели, они уже не могли оказать серьезного сопротивления нападениям пехотинцев и парфянской конницы.

Положение Антония становилось безвыходным: армия голодала, воины страдали от болезней. Начавшиеся резкие порывистые снегопады подтвердили и то, что римляне совершенно не были готовы к тому, чтобы вести зимнюю кампанию на северо-западе Персии. Антоний вынужден был смириться с тем, что потерпел поражение, и решил отступить до того, как его войско будет полностью уничтожено. Он отправил посланников к Фархаду, который принял их, «сидя на золотом троне и пощипывая тетиву своего лука»⁵ Парфянский царь согласился на то, что позволит римлянам уйти с миром. Однако как только Антоний собрал лагерь и двинулся в обратный путь, парфяне, нарушив договор, напали на них. Марк Антоний потерял более трети своего воинства⁶ В это число вошло 2000 пехотинцев, 4000 всадников, а в дальнейшем еще 8000, которые погибли во время перехода из Армении в Сирию в основном из-за тяжелых погодных условий⁷ Поход на Прааспу стал своего рода повторением катастрофы, которую римляне пережили в битве при Каррах. Им повезло только в том, что царица Клеопатра могла снабдить остатки разбитого войска Антония нужным количеством провизии, деньгами и свежим обмундированием, когда они добрались до Сирии. Фархад отпраздновал свою победу тем, что перечеканил монеты Марка Антония, захваченные в обозе. Персия снова нанесла серьезный удар престижу римской армии.

Антоний собрал новую армию для следующего похода на Кавказ, но на этот раз он решил избегать военных действий против парфян. Римляне вступили в 34 г. до н.э. в северную Атропатену – в Армению. Аставад получил предложение от Антония встретиться с ним для того, чтобы обговорить вопрос о женитьбе своего сына Александра на дочери армянского царя. Но как только Аставад прибыл в лагерь римского полководца, тот приказал арестовать его, обвинив в тайном сговоре с Октавианом. Сын Аставада бежал к парфянскому царю, и Фархад дал ему убежище. Римские войска вошли в Армению и заняли ее. Вернувшись с Аставадом в Египет, Антоний казнил армянского царя.

Давнее противостояние между Аставадом и Фархадом из-за спорной территории Атропатены дало возможность и повод Антонию снова напасть на Персию. Он заключил союз с Артаваздом – царем Атропатены – и объединил два войска для более эффективных действий. Встреча союзников с парфянской армией, которую возглавил сын армянского царя Артаксеркс, произошла в 33 г. до н.э. Победа осталась за римским полководцем. Однако ситуация сложилась против Антония, который вынужден был отступить, поскольку обострилось его противоречие с Октавианом. Это дало возможность парфянам сосредоточить свои силы против Артавазда и взять под свой контроль мидийскую Атропатену⁸ Октавиан разбил Антония в 31 г. до н.э. в битве при Акциуме. Это означало, что Фархаду предстояло столкнуться с более мощным противником со стороны Рима.

Несмотря на успешные действия парфян против римлян, положение Фархада не было достаточно прочным. В 31 году до н.э. его сверг узурпатор Тиридат III. Найдя спасе-

ние у саков. Фархад вскоре снова вернулся в Парфию и вынудил Тиридата бежать в Сирию. Откуда тот в 27 г. до н.э. предпринял еще одну попытку завладеть Месопотамией, надеясь на то, что римляне его поддержат, но его надеждам не суждено было сбыться. Фархад в следующем году вытеснил Тиридата и вернул себе столицу Селевкию. Тиридат снова ретировался в римскую Сирию и больше уже не делал никаких попыток завладеть трон⁹. Выдержав два нашествия римлян и едва удержав власть в своих руках, Фархад вынужден был стать более сговорчивым по отношению к римлянам.

Переговоры с Августом

Октавиан (63 г. до н.э. – 14 г. н.э.), победитель битвы при Акциуме, стал Августом в 27 г. до н.э. К этому времени парфяне полностью держали под контролем Иранское плато и Месопотамию, а также чрезвычайно выгодный шелковый путь, который проходил по этим землям. Они еще шире распространили свое влияние и на Кавказ. Август отказался от политики прямого противостояния Парфии. Он пустил в ход дипломатические ухищрения и переговоры, чтобы утвердить спорные поселения римлян на востоке.

Когда Тиридат ускользнул в Сирию в 31 г. до н.э., он сумел взять в заложники одного из сыновей Фархада. Римляне вернули его, добившись согласия Фархада, что взамен он отпустит большое количество римских пленников из темниц и вернет все штандарты, взятые в Каррах. И Фархад выполнил свое обещание в мае 20 г. до н.э. Римские легионеры, томившиеся в плену, вернулись на родину вместе со штандартами, которые находились в парфянском Дарб-е-Мехре (в митраистских и зороастрийских храмовых комплексах). Эти штандарты вручили лично императору Августу. Жители Рима восприняли это как очень большой успех дипломатических переговоров: новый император восстановил честь государства. Этот факт ознаменовали строительством триумфальной арки в Риме и выбили новые монеты. Бесполезные попытки императоров повторить подвиг Александра Македонского и захватить Иран были на какое-то время забыты. Как политический деятель Август сосредоточил свое внимание на укреплении экономики империи и улучшении жизни граждан.

От Фархага V go Готареса II

Быть может, самым драгоценным подарком из тех, что получил Фархад II от императора Августа, была прекрасная девушка-рабыня по имени Теа Муза¹⁰. Она родила от Фархада сына, названного Фархадом V (время правления 2 г. до н.э. – 4 г. н.э.). Фархад отправил своих сыновей, в том числе и Фархада V, в Рим, чтобы они могли получить там образование. Самым парадоксальным стало то, что сын убил отца, видимо, подстрекаемый Музой. И в течение короткого правления Фархада V парфяне и армяне вытеснили всех проримских правителей Армении – к большому удовольствию Тиграна. Августу пришлось мобилизовать все свои усилия, чтобы вернуть их всех на прежние места. Правителем он назначил своего внука – Гая. Военного противостояния постарались избежать и Фархад V, и Гай, уладив армянский вопрос с выгодой для Рима.

После того как закончились переговоры, Фархад V во 2 г. н.э. женился на собственной матери – Музе. Инцест вызвал резкий протест местной аристократии, которая, объединившись в своем неприятии Фархада, подняли восстание. Усилиями мелкопоместных феодалов Фархада V удалось выдворить из страны. Он бежал в Сирию в 4 г. н.э.¹¹ Ород III, занявший место на престоле после Фархада V, был убит в 7 или 8 г. н.э. Вместо него на трон взошел Варан I (Вонон) (годы правления 8–12 н.э.), еще один сын Фархада IV, ставленник Рима. И он был больше римлянином, чем его предшественник Фархад V. Его интересы ограничивались только лошадьми, королевской охотой и пиршествами во дворце.

«Римская» манера поведения царя вызывала протест у иранцев, как в среде знати, так и у простого народа. Что позволило выдвинуться Артавану III (Артабан) (годы правления – 12–38 н.э.), который был до того парфянским царем в мидийской Атропатене. Артаван долгое время прожил среди саков (даков) на восточном побережье Каспийского моря. Он носил традиционный костюм иранского наездника, который остался почти неизменным с тех самых пор, как Иранское нагорье тысячу лет тому назад заселили протоиранские племена. Артаван III собрал войско и в 12 г. н.э. сверг Варана I.¹² Занявшему теперь престол Артавану пришлось побороться за то, чтобы вернуть власть Парфии над Месопотамией. На севере Ктесифона в результате восстания иудеев под предводительством Асиная и Анилая, которые собрали свою небольшую армию, было установлено независимое мини-государство¹³. Оно просуществовало недолго, примерно 15 лет, а затем Артаван все-таки покорил его. Правление Артавана протекало относительно мирно вплоть до самой его кончины в 38 году н.э.

После на него на трон взошли два его сына, Готарес II (годы правления 40–51 н.э.) и Вардан I (40–47 гг. н.э.), каждый из которых управлял отдельными частями империи. В 47 г. н.э. Готарес захватил обе части, убив брата, когда они отправились на охоту. Через год Готаресу пришлось сражаться за власть с еще одним внуком Фархада IV – Мехрадом, которого призвали из Рима придворные парфянского царя. Готаресу удалось одержать верх над Мехрадом – это событие царь приказал запечатлеть на рельефе Бехистунской скалы, которая продолжает стоять и по сей день. На рельефе Готарес изображен как парфянский копьеносец; в греческих текстах о нем писали как о сыне мифического Гива (иранского воителя-героя).

I век н.э.: упадок эллинизма или возрождение иранской культуры?

В этот период произошло то, что можно назвать иранским ренессансом в искусстве, способах чеканки монет. Заметный сдвиг в сторону усовершенствования и шлифовки произошел и в языке. Ахемениды в искусстве начинали с подражания эллинистическим темам, как это можно судить по находкам в скифо-сарматской Украине или итальянской Калабрии. А руины Хатры и по сей день сохранили величие удивительного архитектурного стиля, соединившего иранские, греческие и местные традиции. В Хатре мы можем увидеть одетых в парфянские одежды аристократов – мужчин и женщин. То же самое откроется нашему взору и в Пальмире, где правил

преимущественно арабский царский дом, но этот город находился под сильным влиянием Парфии в том, что касалось одежды, организации военного дела, искусства и архитектуры.

Рост отрицательного отношения к эллинизму, вполне возможно, стал следствием отчуждения, которое демонстрировало и не пыталось этого скрыть греческое население в Селевкии-на-Тигре. Жители города устраивали бесконечные мятежи (по крайней мере, их было десять за последние исследуемые годы), чтобы доказать свою мнимую независимость от Парфии. И каждый раз парфяне восстанавливали свою власть, так как этот город был одним из оживленнейших перекрестков, по которому проходили торговые пути, в том числе и Великий шелковый путь. Что можно сказать совершенно определенно, так это то, что на парфянских монетах во время правления Артавана III перестали выбивать слова «любящий эллинов». На смену полному принятию эллинизма, которое демонстрировали парфянские цари раннего периода, как Мехрад I, пришло отрицание.

Процесс стремительного иранского возрождения продолжался полных два столетия, до появления сасанидов. Особенно следует отметить заслуги Вологеза I (51–80), который очень много сделал для укрепления иранской культуры. Арамейский алфавит для пахлави появился на парфянских монетах раньше, чем греческий. Вообще появление арамейского – очень важный момент, так как означал возрождение главного языка Ахеменидской империи. Теперь греческий язык перестал играть ту ведущую роль в иранской культуре, которую он играл прежде. Сильно подорвало греческое влияние и то, что Вологез укрепил статус Вавилона, расположенного неподалеку от Селевкии, – города по преимуществу эллинского. Именно в Вавилоне появился пророк Мани, чье учение оказало сильнейшее влияние на Запад и христианскую теософию. Другие города, как Мерв и Сузы (Шуш), тоже отказались от греческой культуры в пользу своей, отечественной. И, быть может, наиболее значительным стало то, что государственная власть поддержала возрождавшийся зороастризм. Изображение горящего алтаря появилось и на монетах империи. В иранских текстах также говорится о том, что Вологез I собрал зороастрийские гимны и манускрипты «Авесты» столетие спустя после того, как Александр уничтожил оригинальные арийские тексты. Восстановление основ «Авесты» стало залогом того, что эта религия продолжала развиваться и при Сасанидах два столетия спустя. Парфянский царь-просветитель также основал столицу Вологез – торговую соперницу Селевкии, – что тоже сказалось уже в более поздние времена существования империи¹⁴

Борьба за Армению: Вологез I против Нерона

Вологез I (Валакш) (годы правления 51–80 н.э.) взошел на трон вместе со своими братьями, Тиридатом I (Тирдадом) и Пакором, в 51 г. н.э., сместив после короткого правления отца Варана II. В полной уверенности, что братья сохраняют верность и преданность трону, он отдал правление мидийской Атропатеной Пакору, а Армению передал в руки Тирдата, который воцарился там в 54 г. н.э. Вологезу I пришлось иметь дело с Санабаром (годы правления 50–65 н.э.) – соперником царя Парфии с

50 года. Санабар обосновался в Мерве, который сделал своей столицей и где он правил 15 лет благодаря династической вражде, которая велась в империи. Но все-таки Вологез сумел сместить Санабара и вернул Мерв под управление Парфии.

Глубоко недовольный тем, как развивались события на Кавказе, римский император Нерон планировал полномасштабное вторжение в Армению, чтобы свергнуть Тирдата. Остается спорным, начал Нерон вторжение в Армению в союзе с парфянами, чтобы избежать крупного военного столкновения, или нет. Вести римскую армию на Кавказ предстояло полководцу Корбулону. Полководец тщательно взвесил свои силы, чтобы понять, насколько римское войско может противостоять парфянам, и пришел к выводу, что римляне пока не готовы к войне. Он начал с того, что заставил легионеров пройти суровую, тщательную подготовку, на что потребовалось два года. Известно, что эта подготовка закончилась для многих воинов весьма печально, в предгорьях Кавказа многие из них пострадали от обморожения. В 58 г. н.э. Домиций Корбулон счел, что достаточно подготовился для похода в Армению. И его поход закончился успешно, Тирдат вынужден был отступить в Артаксарту, которую преследовавший его Корбулон разрушил. Армянский царь не получил никакой поддержки со стороны Вологеза, который в это время вынужден был вести упорную борьбу за трон¹⁵, а кроме того, в Гиркании (север Персии, сегодня – Джилян и Мазандара) началось движение за отделение от империи. Вначале, когда Парфия начала объединение иранцев, Гиркания первой поддержала ее в этом, но теперь выступала против царского дома. Гирканцы даже отправили посланника к Корбулону, чтобы объявить ему о том, что их страна теперь не зависит от Ктесифона¹⁶.

Именно нестабильное положение в Парфии в основном и позволило Корбулону добиться таких успехов в Армении и в 59 г. н.э. вплотную подступить к Тигранокерту. Встретившись с ожесточенным сопротивлением, Корбулон сжег некоторых представителей знати. И Тигранокерт сдался на милость победителя. Тирдат попытался отвоевать город в 60 г. н.э., но его попытка оказалась безуспешной. Теперь Корбулон фактически держал под контролем всю Армению, что позволило ему возвести на трон ставленника Рима. После чего римляне смогли продвинуться до северо-западных границ Персии. Но Нерон пока решил ограничиться захваченными землями Армении. Он не собирался повторять ошибок Марка Антония. Добившись исполнения тех задач, которые перед ним поставил Нерон, полководец Корбулон оставил Кавказ и вернулся в Сирию.

Однако успехам Нерона суждена была короткая жизнь. Подавив в конце концов мятежников в Гиркании и устранив претендентов на трон, Вологез собрал новое войско, чтобы выступить против римлян на Кавказе. И парфянам удалось довольно быстро вернуть все потерянные территории, а также восстановить свое политическое влияние на Кавказе. Полководец Корбулон в этот момент был занят подавлением восстания в Сирии, и теперь новым главнокомандующим, который должен был вести за собой римских воинов в Армению, назначили полководца Пета.

Западные историки не совсем справедливо обвиняют Пета в «некомпетентности»¹⁷, не учитывая того факта, что полководец встретился с совершенно новыми обстоятельствами, которые отсутствовали во время вторжения Корбулона. Успех

Статуи членов царской семьи из Хатры. Преобладающее арабское население города носило парфянские одежды и вооружение, оставаясь верным парфянам до их исчезновения в III веке н.э. (Археологический музей Багдада).

предыдущего полководца был в первую очередь вызван тем, что ему не пришлось сражаться с парфянской конницей, занятой подавлением мятежей, в частности в Гиркании. Пета и его воинов встретила по-настоящему полноценная армия. Вот почему его вместе с его легионерами очень быстро вытеснили из Армении. Полководец подготовился к новому походу в 62 г. н.э. и должен был сделать это в кратчайшие сроки, так как приближалась суровая, холодная зима. По всей видимости, он очень хорошо помнил урок, полученный Антонием и его отрядами на северо-западе Персии, поэтому позволил многим воинам вернуться в Рим. Вот на этом основании и можно говорить о том, что Пет все же оказался плохим полководцем, так как сильно ослабил свои силы перед началом снегопадов. Вологез использовал удачный момент и обрушился всей своей мощью на противника. Он полностью разбил римлян. Пет отступил с остатками своего войска из Армении и, по свидетельству историков, проходил в день по меньшей мере 64 км, бросая по дороге раненых. Так что Нерон вновь не смог добиться своей цели.

Осознав, что ему не удастся захватить Армению силой, Нерон решил в 63 г. н.э. договориться с Вологезом. В результате дипломатических переговоров Тирдад остался парфянским царем Армении, но должен был получить свою корону от Нерона в Риме¹⁸. В ответ, следуя договоренностям, Нерон отправил римских мастеров, которые должны были помочь заново отстроить армянскую столицу Артаксату¹⁹. Но пожар войны не утих, «армянский вопрос» то и дело вспыхивал вновь, продолжая служить причиной бесконечных раздоров вплоть до прихода к власти Сасанидов. Тем не менее между римлянами и парфянами на пять десятилетий установился мир. Хорошие отношения связывали Вологеза и императора Веспасиана (годы правления 69–79 н.э.). Парфянский царь даже выделил 40 000 всадников, чтобы помочь тому в борьбе с Авлом Вителием Германиком (69 г. н.э.). Закрепив мир на Кавказе, Веспасиан предложил установить западную границу Парфянской империи по Евфрату. Ряд небольших промежуточных государств мирным путем оказались включенными в сферу влияния Рима. Наиболее значительным из них была Пальмира. Веспасиан не желал напрасно истощать силы своего войска в борьбе с парфянами. Благодаря чему смог сосредоточить все свои усилия против континентальной Европы.

Погъем кушан

Кочевые племена юэчжей, со временем получивших название «кушаны», захватили Среднюю Азию, подчинив в 100 г. н.э. в этом регионе множество мелких иранских и греческих княжеств и полностью вытеснив саков. Попытка подобным же образом захватить Парфию, которой в это время правил Вологез I, не удалась. Парфяне бросили все свои силы на укрепление своих границ на востоке и северо-востоке против нового – Кушанского – царства. Своего высочайшего положения это царство достигло в период между II и III веками н.э., когда его территория располагалась в современном Афганистане, Средней Азии и северной части Индии. Во II веке н.э. Кушанское царство распространилось до Дальверзина, где оно оказалось в близком соседстве с Китаем. Однако их вскоре начали теснить племена сюнну. Военные успехи китайского императора Мин (58–75 гг. н.э.) вынудили сюнну примерно в 75 г. н.э. покинуть страну, что сильно сказалось на культуре и политической жизни Персии, в особенности при Сасанидах.

Кушаны, парфяне и развитие буддизма

Кушанская империя достигла зенита своей славы при правлении царя Канишки Великого (78–144 гг. н.э.), который сделал чрезвычайно много для развития и пропаганды буддизма и буддийского искусства на Дальнем Востоке. Всем известно, что именно во времена кушан монахи успешно распространили буддизм по Средней Азии и в Китае, в то время как важная роль Парфии в этом вопросе сказалась только на отдельных образованных личностях. Вполне возможно, что именно парфяне – первые иранцы, познакомившие китайцев с буддизмом. Нет никаких сомнений в том, насколько тесные связи существовали между Китаем и Парфией во время правления Мехрада II благодаря налаженному сообщению по шелковому пути. Китайские

источники сообщают о приезде парфянского аристократа (или даже царевича) Ань-Ши-гао – буддийского миссионера – в Лаоянь в 148–170 гг. н.э., ныне столица Китая. Ань-Ши-гао даже основал монастыри в Китае, и благодаря ему начался перевод буддийских хинаянских текстов. Известны и другие парфянские проповедники буддизма, как, например, торговец Ань-Сюан (прибл. 180 год н.э.), Ань-Фачин (281–306 гг. н.э.) и Тан-ди (прибл. 254 г. н.э.).

Месопотамия при парфянах

Одно из достижений парфянского правления – данный ими мощный импульс для подъема народонаселения Месопотамии, а также находящейся неподалеку Сирии. Торговые пути, которые проходили по Месопотамии, создали благоприятнейшую

Портрет Зороастра в Дуре-Европосе, парфянской крепости в Сирии, которую в 165 г. н.э. заняли римляне. Этот портрет создан после изгнания парфянских воинов, что свидетельствует о сильнейшем влиянии на римлян Ближнего Востока таких иранских вероучений, как зороастризм и митраизм.

экономическую зону в этом районе. В результате сюда устремились экономические эмигранты. Наиболее многочисленными из них стали арабы с Арабского полуострова – первые поселенцы Хатры. Арабские племена обосновались и в Сирии, где они первыми освоили пустынную Пальмиру. С севера сюда шли армяне, которые связывали себя брачными узами с представителями местного населения, говорившего на арамейском языке.

После разграбления иерусалимского храма, которое произошло в 70 г., именно в северном Ктесифоне постепенно образовался мощный иудейский центр, известный в истории как Нехардея. Эмиграция евреев в Месопотамию вызывает особый интерес, так как свидетельствует о том, что в этой области они многие столетия обретали защиту и покровительство – поскольку впервые им даровал освобождение еще Кир Великий. За несколько поколений иудеи образовали сплоченную группу и достигли известного положения в Месопотамии. Они активно занимались торговлей, политикой и отправляли свои культы. Пророк Мани тоже принимал участие в древнеиудейских гностических обрядах. Еврейские мигранты, приехавшие из Ираиля в Месопотамию, присоединялись к процветающим в этом районе поселенцам-мастеровым. Месопотамия стала местом жительства и большого числа иранцев. Они отличались от тех мидийцев, которые жили на севере Месопотамии и в восточной части Анатолии с тех самых пор, как прибыли вместе с ранними ариями еще в первом тысячелетии до н.э., поскольку незаметно и постепенно вписались в среду по преимуществу арамейскоговорящего населения, наследников древней Ассирийской империи. На севере Ирака их так и называли ассирийцами, и они составляли там значительную часть вплоть до Первой мировой войны²⁰. Многие области и по сей день заселяют ираноговорящие курды, раньше бывшие ассирийцами, о чем свидетельствует город Киркук. Название идет от арамейского – «Карха Д-Бет Слох», что означает «оборонный вал» или «осадный вал».

При парфянах, точно так же, как и во времена правления ахеменидов, иранцы, прибывшие в Месопотамию, входили во властные государственные структуры, становились административными чиновниками и военными. Но многие из них посвящали себя торговле или какому-нибудь ремеслу. Когда устанавливалась стабильная обстановка по долине Месопотамии и по Иранскому плато, большие группы иранцев могли свободно передвигаться с востока на запад в любом направлении. Хотя основные поселения иранцев образовались в Месопотамии еще во времена ахеменидов, этот процесс усилился при парфянах и не уменьшился ни до, ни после Сасанидской династии. Что помогает понять, почему «персидское» наследие так заметно проявляет себя в современном Ираке²¹.

После нашествия Александра Македонского во времена правления Селевкидов образовалось много чисто греческих поселений, в отличие от них Месопотамию можно назвать поистине космополитической областью, где жили люди самых разных национальностей: греки, пахлави (средняя Персия), арамейцы, вавилоняне, иудеи, аккадцы и арабы, – и все они находили общий язык друг с другом. Парфяне и пришедшие им на смену Сасаниды не пытались ущемлять права каких-то народностей, отдавая предпочтение другим, и никак не выделяли в Месопотамии иранский эле-

мент. В результате их политического правления, которое предоставляло автономию всем при сохранении общего курса, образовался по-настоящему многонациональный регион, где жители обменивались и обогащались новыми идеями и изобретениями технического характера. Археологические раскопки свидетельствуют также о том, каким развитым там было сельское хозяйство, что, собственно, и привело к росту населения в Месопотамии²² Такое же положение имело место и в Иране, о чем свидетельствуют раскопки Шуша в Хузистане. Точно так же, как Иранское плато, северная Персия и Средняя Азия, Месопотамия стала важнейшим центром, где происходило развитие технологий. Космополитическая природа народонаселения Месопотамии привела к тому, что здесь расцвели пышным цветом различные культы, в том числе гностицизм и манихейство.

Вторжение алан

К концу правления Вологеза I (72–75 г. н.э.) на Парфию обрушились аланы. Родственники иранских сарматов, которые занимали ведущее положение на севере Кавказа, на Украине и отчасти в восточной части Европы, аланы двигались с юга Кавказа. Их продвижение отмечено в армянских источниках²³ Аланы заключили союз с правителями Гиркании (северная часть Персии), по большей части враждебно настроенными по отношению к парфянам. Нейтралитет гирканцев позволил аланам беспрепятственно пройти с северного Кавказа в южный, а оттуда двинуться на Армению и Албанию (Арран или Ардан).

Остановить вторжение алан не удалось. Обрушившись на Армению, они разбили находившееся там объединенное парфяно-армянское войско и захватили царя Тирдата²⁴ Подавив сопротивление парфянских войск, аланы пересекли Аракс и двинулись в мидийскую Атропату (иранский Азербайджан), где вышли победителями из сражения с войсками Пакора. Вологез обратился за помощью к Веспасиану²⁵ Но тот не отозвался на призыв, поскольку не испытывал желания отправлять римских воинов на Кавказ. Некоторые иранские историки утверждают, что Веспасиан приветствовал поражение парфян и, может быть, тайно и не очень явно поддерживал вторжение алан.

Их появление напоминает и, видимо, было вызвано теми же самыми причинами, что и аналогичное вторжение скифов с Кавказа, которые в 600 г. до н.э. тоже шли через Армению в мидийскую Атропату.

Причины военного успеха алан пока находятся на стадии обсуждения. Ведь у алан и парфян были одинаково устроены войска: отряды вооруженных всадников и всадников-лучников. Успешное вторжение удалось аланам, быть может, по той причине, что они сумели избежать стычек с копьеносцами парфян. Хотя, если верить Тациту, копьеносцы алан тоже отличались большим мастерством²⁶ Не стоит сбрасывать со счетов и того, что воины-лучники алан были очень хорошо подготовлены. Как отмечают Бжезинский и Мильчарек: «Роксоланские лучники на колоннах Траяна изображены в тех же самых доспехах, что и (роксоланские) копьеносцы»²⁷ Только в отличие от них, парфянские всадники-лучники были защищены весьма умеренно

и так же, как в III веке н.э., надевали «остроконечную войлочную шапку, шерстяной «пуловер»-тунику и такого же типа мешковатые штаны... надевавшиеся поверх обычных»²⁸ Такая относительно легкая защита всадника-лучника может объяснить причину побед алан над парфянами в I веке н.э. Это и побудило сасанидов перевооружить свое войско на новый манер.

Парфяне восстанавливают свою власть. Наследие алан

Вологез II (77–80 гг. н.э.) пришел к власти после своего отца Вологеза I. К этому времени сила напора алан в какой-то степени сошла на нет, они начали возвращаться на север в сопровождении рабов и другой военной добычи. Парфяне снова обрели власть над территориями к югу от реки Аракс, Армения тоже постепенно восстанавливалась. Однако вторжение алан существенно изменило соотношение этнического состава в Албании. Восточные районы этого региона по преимуществу населяли армяне и картавелы. В результате вторжения алан здесь появились жители, говорящие на северном иранском наречии, в особенности представители западного Ирана (пахлави). И иранский язык оставался здесь исконным вплоть до вторжения турок-сельджуков в XI веке н.э.²⁹

Иранцы, видимо, имели отношение к аланам западного Ирана, таким как ард-аланы (аланский царский дом). Интересно отметить тот факт, что современный иранский Курдистан (Курдистанская провинция) в исламское время прослеживался как ард-аланский район. Что напоминает ситуацию в 600 гг. до н.э с древними мидянами, сражавшимися со скифами, которые потом остались как саки-ванды в современном Луристане. Подобно сакам, аланы постепенно смешивались с основным населением своих этнических родственников в Персии. Это нашло отражение в сильнейшем влиянии наследия алан, которое и сейчас ощущается в западном Иране. В курдском эпосе «Шараф-наме», написанном в Персии курдским принцем Шараф-ад-Дином для сафавидского шаха Персии Аббаса II (годы правления 1587–1629), судя по всему, пересказываются аланские легенды рыцарского романа «Меми-алан о Зин-ад Ботан» («Меми Алан и дева Ботан»).

Группы алан обосновались во Франции и вестготской Испании, где их военная верхушка стала со временем военной аристократией этой нации. А через аланов, присоединившихся к вандалам (селинги и асдинги) и севам в начале 400-х гг. н.э., иранский стиль вооружения получил распространение у воинов-«варваров» Европы. Сами аланы постепенно впитали культуру индоевропейских германцев. Никель пишет, что «взаимопроникновение иранской всаднической культуры и германского начала было обоюдным... что стало причиной появления такого феномена, как рыцарство»³⁰ Иранское плато по-прежнему давало возможность сохранять живые тесные связи со Средней Азией, Кавказом, Западной Европой и северными иранцами.

Там, на севере Ирана, произошло смешение иранцев с пришедшими туда славянскими племенами, как это произошло с германскими остготами. Сульмирский обнаружил много общего в европейской топонимике с географическими названиями иранцев. Самоназвание трех главных европейских народностей – сербы, сорбы и хорваты – ведет свое происхождение от северных ирано-аланских терминов³¹ Племена

Парфянская империя с 44 г. до н.э. по 138 г. н.э.

алан, осевшие в Польше, оказали мощное влияние на местную популяцию славян. Сейчас, например, рассматривается вопрос: не берет ли свое происхождение польская геральдика знатных родов от иранцев³²? А одежда польской шляхты многое позаимствовала от одежды северных иранцев или «татар». Как отмечают Бжезинский и Мильчарек, многие польские аристократы в XVII веке называли себя сарматами³³. Причин тому, что поляки гордились своими связями с сарматами, очень много, и Бжезинский и Мельчарек даже утверждают, что «западные европейцы ревниво отстаивают свое происхождение от римлян, но на самом деле поляки перенимали свое вооружение от сарматских предков»³⁴. Подобно тому как западные европейцы находились под сильным влиянием греческого и римского военного снаряжения, так и поляки перенимали все, что связано с северными иранцами, имевшими много общего с парфянами и сасанидами.

Император Марк Аврелий (годы правления 121–180 н.э.) разбил алан в Паннонии (Венгрия) и в 175 г. н.э. вытеснил 5000 всадников в Британию. Они обосновались в Честере, Рибчестере и на Адриановом валу. Вот чем объясняется появление иранских мотивов – мифология и зороастрийская терминология – в кельтском фольклоре³⁵. Тип характера и тематика преданий о короле Артуре имеют прямые параллели с аланской мифологией. Традиция сбора рыцарей за круглым столом существовала у асваранов сасанидской Персии. Таким образом проходил сбор асваранов, выбрав-

ших Бахрама Чубина для сражения с турками-эфталитами во время их вторжения в 588 г. н.э. Некоторые темы из преданий о короле Артуре перекликаются с сюжетами, которые мы можем увидеть на внешней отделке Таг-е-Бостана, расположенного неподалеку от иранского Курдистана: водную богиню плодородия Анахиту (озерная богиня), короля с широким «европейским мечом» (Эскалибур – волшебный меч короля Артура) и высшее божество Ахура Мазду в одежде мага (Мерлин). Сказы северного Ирана о подвигах богатырей проявились потом в поэме «Шах-наме» Фирдоуси. И в его же поэме обнаруживаются прототипы Артуровых легенд, например, Гив и Гавейн, Кай-Ковус и Кей. Поклонение мечу – один из важнейших элементов иранской культуры на протяжении тысячелетий. В том же Таг-е-Бостане, например, есть фигура Митры или мага, который «посвящает в рыцари» сасанидского царя. При дворе сасанидского царя имелись те, кого официально именовали «искусно владеющие мечом», точно так же, как это потом повелось и при европейских дворах. Тюркские курды-димили и по сей день продолжают практику поклонения мечу, а у иранских курдов-квадери сохранилась церемония «кинжала и меча». Персидские пахлаваны, как известно, втыкали в землю свои клинки (гамей) перед началом дуэли. Существует немалое число и других не менее значительных параллелей в мотивах западных европейцев и иранцев. Штандарты с драконами на иллюстрациях к «Истории правления британских королей» Джеффри Монмаутского или «Смерть короля Артура» сэра Томаса Мэллори имеют много общего с преданиями о птице Симуург и божеством-собакой, известными в зороастрийской Персии и среди северных иранских народностей. Исследователи даже обнаружили совпадения между циклами о короле Артуре и японскими легендами о Ямато Такеру («Храбром Ямато»). Как замечает Литтлтон, «предания о Ямато-Такеро.. магическом мече... во многом совпадают с «Королем Артуром».. эти два героя... берут свое начало от одного древнего источника...»³⁶

Глава 10

Император Траян

стремится разрушить Парфию

Парфия во II веке: возникновение феодального общества

Во II веке н.э. ко времени вторжения императора Траяна в Парфию сложилось первое в истории «феодальное общество». Зачатки этого общества уже можно проследить в системе землевладения – азат («свободные») – ранних мидян и персов, заложенных еще сака-скифами. Парфяне ассимилировали греческие семьи, жившие в Персии, так же, как и северных алан, которые образовали верхушку аристократии¹, действенных представителей властных структур того времени². Чем больше расширялась Парфянская империя, тем богаче они становились, в особенности семь главных кланов, которые и получали самые большие доходы. Зато во время войны они были обязаны поставить войско для царя и выступали его союзниками. Это вело к тому, что они становились все более влиятельными, поскольку их «феодальные» владения увеличивались, им принадлежали крестьяне, которые обрабатывали им землю, и у них имелось свое войско. Феодальное сословие позволило не только выжить традициям ахеменидов, но и укрепить культуру пахлавов в Персии.

Парфия получила в культурное наследство *айн* (обычай) пахлавов (пахлав-парфянин). Эта традиция заключалась в устроении торжественных пиршеств воинов, которых называли *мезгерд-е-саваран* (асвараны – рыцари Круглого стола), в соблюдении определенных правил в охоте, стремлении к обретению *фраханга* (знаний, культуры и манер знатного человека), а также *лир* (героизм и искусство ведения боя) – все это вошло в обиход как культура пахлавов (богатырей). При довольно грубом обобщении смысла асвараны – это воины, следовавшие определенным правилам чести: быть отважными, благородными и справедливыми, проявлять в бою милосердие, развивать в себе чувство товарищества, строго и неукоснительно исполнять приказания царя, служить образцом нравственности, высокой культуры, защищать слабых и обездоленных, не причинять вреда мирному населению³. Во времена сасанидов витязь должен был являться воплощением *раван* (духа) пахлавов. Обычно – и это сохранилось до Сасанидов – они были последователями зороастризма, выказывая полную преданность царскому дому, готовые к *пейшмарку* (принести себя в

жертву) в любую минуту ради Айр-Ан (Персии). Физическое совершенство, ловкость наездника, мастерство лучника и *шамшер-вациг* (искусство владения мечом) – постоянно оттачивались путем упражнений и тренировок. Пахлаван – синоним слова «герой», «рыцарь» и «победитель» среди курдов, азеров, персов, афганцев, таджиков и многих представителей Кавказа.

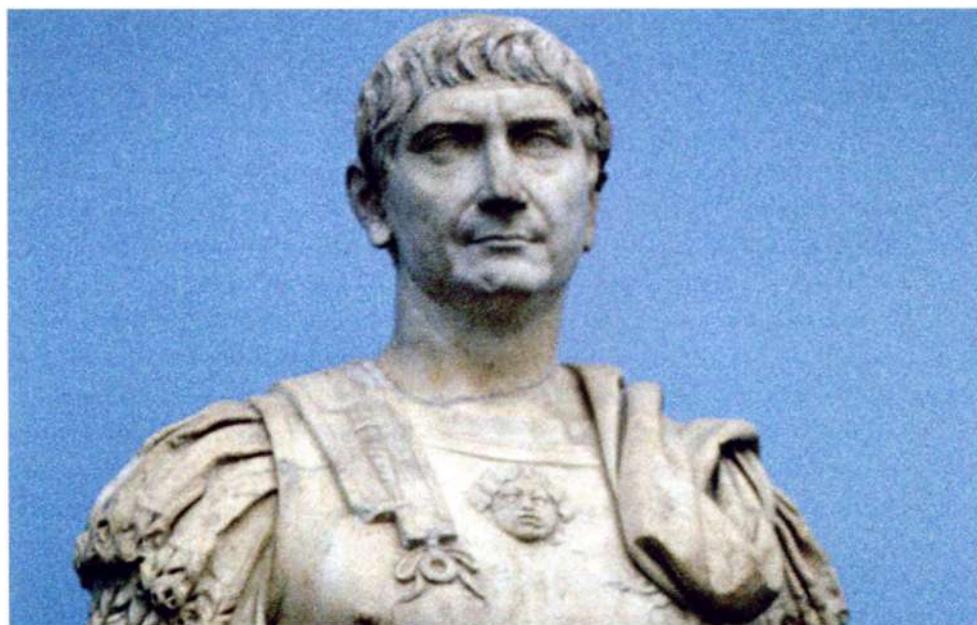
К I веку до н.э. феодальная система пахлаванов установилась в Персии, Мидии, на Иранском плато до самых границ Средней Азии⁴. К этому времени ахеменидские сатрапы уступили место *шобдарам*⁵ (наместник провинции) и *шахриярам*⁶ (наместник большой провинции), последние зачастую становились местными царьками. Шахрияры управляли провинцией в связке с могущественными азаданами – практически независимыми от Ктесифона, что позволяло сдерживать усиление централизованной власти. Это умело использовали римляне в своих интересах, что позволило им достичь таких существенных успехов во II веке н.э. и привело к падению парфян. Каждая победа римлян служила очередным ударом по престижу царского дома парфян, что тотчас выражалось в попытках захватить как можно больше полномочий лично для себя со стороны феодальных землевладельцев. И когда к власти пришли сасаниды, им пришлось приложить немало сил для того, чтобы обуздать аппетиты местных князьков и сосредоточить власть в одних руках, – процесс, который удалось завершить при Каваде и Хосрове I. Но это не означает исчезновения традиции пахлаван в среде азадан – аристократов, напротив, она продолжала развиваться. И с особенной силой вспыхнула и укрепилась в V и VI веках н.э., что отчасти объясняет возникновение и быстрое распространение «коммунистического» учения Маздака.

Вторжение Траяна

Намерение захватить Персию публично выразил император Домициан (годы правления 81–96 н.э.), но это оставались пока лишь слова. Воплотить в жизнь этот план – пойти походом на парфян – на практике удалось благодаря усилиям одного из полководцев Домициана – Траяна. Вскоре после провозглашения себя императором Траян (годы правления 98–117 н.э.) начал подготовку к войне с Парфией. Подготовка заключалась в первую очередь в том, что он нарушил соотношение сил в Месопотамии в свою пользу. Пятидесятилетнему миру между Римом и Парфией пришел конец.

Накануне вторжения Траяна Парфия находилась в разгаре династийной борьбы за власть, именно этот фактор учитывал Траян, затеявая военный поход. После правления Вологеза I Селевкия стала свидетельницей того, как с 77–78 и до 80–81 гг. н.э. по крайней мере три претендента боролись за трон. Ко времени вторжения Траяна в 115 г. н.э. Парфией «совместно правили» Осров I – под его началом находилась Месопотамия, – и Вологез III (годы правления 105 – пригл. 147 г. н.э.). Из-за того что в Парфии постоянно вспыхивали небольшие очаги восстания то в одном ее конце, то в другом, и к тому же империя постоянно ощущала угрозу со стороны восточных царств, иранцы не смогли объединиться, чтобы совместными усилиями отразить нападение противника.

Официальным поводом для начала войны, *casus belli*, был для Траяна вопрос об Армении. Осров отказался от традиции советоваться с римлянами относительно того, кого ставить на трон Армении, и принял решение сам. Так царем Армении стал Аксидар, представитель парфянского царского рода⁷ Траян выразил свое неудовольствие весьма недвусмысленным образом, что вынудило Осрова приложить все усилия, дабы противостоять вторжению римлян. Траян начал готовиться к наступательной операции в Афинах. Осров отправил посольство с предложением сохранить мир. Чтобы добиться соглашения с Траяном, парфянский царь предложил ему посадить на трон Армении Партамасириса – сына Пакора II. Траян просто проигнорировал предложение Осрова, и посольство вернулось в Ктесифон ни с чем⁸ Отказ римского императора вступать в переговоры не был неожиданностью, так как «армянский вопрос» он явно использовал как повод для начала ведения военных действий. Траян отдавал себе отчет в том, что, взяв контроль над Месопотамией и Кавказом, он сможет подготовить плацдарм для дальнейшего продвижения через Иран в Среднюю Азию и Индию. Спорным является вопрос, выстроил ли Траян по ходу дела дороги и крепостные сооружения до границ Сирии и северной Месопотамии, которые он мог использовать как подготовительные базы для дальнейшего продвижения, поскольку дальше, в Иране, уже имелась хорошо налаженная ахеменидами система дорог. Экспансия Парфии сулила императору серьезную экономическую выгоду⁹ Парфяне уже давно платили римлянам большие налоги с продажи китайских и индийских товаров, но, захватив в свои руки власть над этой территорией и установив контроль над торговыми операциями между Востоком и Западом, римляне могли получить все¹⁰ В 106 г. император подчинил Набатею – стратегический пункт, который позволял держать под контролем жизненно важные торговые пути¹¹ Но, кроме экономической выгоды, был еще один фактор, двигавший Траяном, – страстное желание повто-

Статуя императора Траяна, совершившего успешное вторжение в Парфию в 115–116 гг. И хотя Парфия выжила, вторжение показало всю слабость парфянского войска и политического управления по сравнению с Римом. Глиптотекский музей, Копенгаген (Г. Т. Гарзей. Древнее искусство и архитектура).

рить подвиг Александра Македонского, «...перед которым он всегда преклонялся»¹² А еще Траяну хотелось достичь успеха там, где потерпели поражение Красс и Марк Антоний: он жаждал «презойти Александра и захватить всю Азию»¹³

В 114 г. Траян вошел в Армению, где он практически не встретил сопротивления. Царевич Партамасирис приветствовал вход Траяна и его войск в Элгин¹⁴ Проявив полное неуважение и к Партамасирису, и к царскому дому парфян, Траян провозгласил Армению провинцией Рима. Отныне в Армении должен был править римский наместник. Вскоре при невыясненных обстоятельствах умер Партамасирис, видимо, его убили по приказу Траяна. После чего император прошел со своими войсками до севера Месопотамии и оттуда в 115 г. вернулся в Антиохию¹⁵ Во время этой кампании он объявил об утверждении еще одной римской провинции – «Месопотамии». В Антиохии Траян со своими полководцами начал приготовления к непосредственному вторжению в Парфянскую империю. Он мог воспользоваться тремя путями, чтобы двинуться из Антиохии в Ктесифон¹⁶ Выбор пал на тот, что проходил через Хатру, где Траян должен был пересечь Тигр и затем повторить маршрут Александра Македонского к Арбеле. После успешного захвата Хатры и Дура-Европос римские инженеры нашли решение, как перебраться через Евфрат и Тигр. Тут можно провести параллель между тем, как справились с переправой римляне, и тем, как русские войска преодолели Эльбу в 1944 г., и в том и в другом случае имела место одинаковая тактика мощного подавления сил противника и стремительного преодоления водной преграды.

Сражение на Тигре – решительный удар Траяна

Добравшись до Тигра, Траян, прежде чем начать переправу, усадил на корабли лучников, чтобы они смогли предотвратить обстрел со стороны неприятеля, который расположился на другом берегу реки. Весь эффект от града стрел, которым могли осыпать их парфяне, нейтрализовали оснащенные защитой борта кораблей. Парфянские стрелки-лучники в этой ситуации были более незащищены, чем римские стрелки: те прятались за корабельными бортами. Судя по всему, римляне подготовили очень большой запас стрел, поэтому лучники могли вести почти непрерывный обстрел противника. К тому же римские стрелки, стоя на палубе, оказывались выше, чем парфяне, что тоже давало legionарам Траяна большое преимущество. Но, конечно, требуются дальнейшие изыскания, чтобы уточнить, какие еще преимущества получили в этом бою войска Римской империи.

Нельзя утверждать, что римские лучники превосходили иранскую тяжелую кавалерию, скорее всего, Траян использовал метательные орудия для стрел, которые пробивали латы парфянских конников. Римские метательные приспособления могли выпускать сразу большое количество стрел, и то, что не все из них попадали точно в цель, искупалось огромной их массой. Стоявшие плечом к плечу парфянские копьеносцы не выдержали такой массовой атаки более современного вида оружия. Так что можно сказать, что победу Траяну обеспечили технически более оснащенные лучники. Видимо, это осознавали и в те времена, потому что на знаменитой колонне Траяна в Риме изображены наемные всадники-стрелки и когорты пеших лучников.

Поход Траяна

Это означает, что Траян тщательно готовился к своему походу, уделив должное внимание лучникам и создавая необходимый для них запас стрел.

После этой победы Траян использовал суда для того, чтобы совершить переправу сразу и через Евфрат и через Тигр, применив изумительные решения. После того как был преодолен Евфрат, римские военные инженеры перевезли флотилию по суше на специально для этого случая придуманных колесах. После чего корабли спустили в реку Тигр – вот один из примеров того, какого высокого уровня достигла греко-римская изобретательская мысль¹⁷

В 116 г., после того как легионы Траяна преодолели водную преграду, пала Адиабена. Траян изгнал царя Мебарсапа и объявил его земли провинцией римлян, назвав ее «Ассирия». Это была уже прямая угроза Парфии, потому что теперь римляне могли быстро и беспрепятственно двигаться по равнинной местности в центральную Месопотамию. Положение парфян становилось безвыходным. Чего они страшались, то и случилось: весь бассейн между Тигром и Евфратом перешел в руки Траяна после того, как он захватил Адиабену¹⁸ Цель Траяна заключалась в том, чтобы, перейдя Тигр, ударить в самое сердце Парфянской империи – столицу Ктесифон. Для чего Траян подготовил восемь легионов.

Парфяне использовали для защиты тактику выжженной земли. Отступая, они методично уничтожали все, что могло стать источником пропитания, и все колодцы

НАПРОТИВ: вид сверху на Пальмиру в современной Сирии. Пальмира, контролируя торговые пути между греко-римлянами и иранским миром в течение всего Парфянского времени, стала богатым и могущественным торговым центром. В 138 г. н.э. жители Пальмиры хитростью сумели избавиться от ослабевшего Ктесифона, заключить договор с Эламом, чтобы контролировать караванные перевозки. И поскольку Парфия уже была не способна удержать в империи хотя бы номинальное единство, Пальмира сумела взять в свои руки и Великий шелковый путь, извлекая из этого всю выгоду. Кое-что от налогов перепало и Риму, который к этому времени захватил Дура-Европос. Однако Пальмире тогда удалось сохранить свой относительно независимый статус, поскольку эффективно действовала конница, созданная по иранскому образцу. Но в 270 г. н.э. царице Зенобии все же не удалось дать достойный отпор противнику, и римляне разрушили город. В архитектуре Пальмиры соединились как греко-римский, так и персепольский стили (Жерард Деджордж).

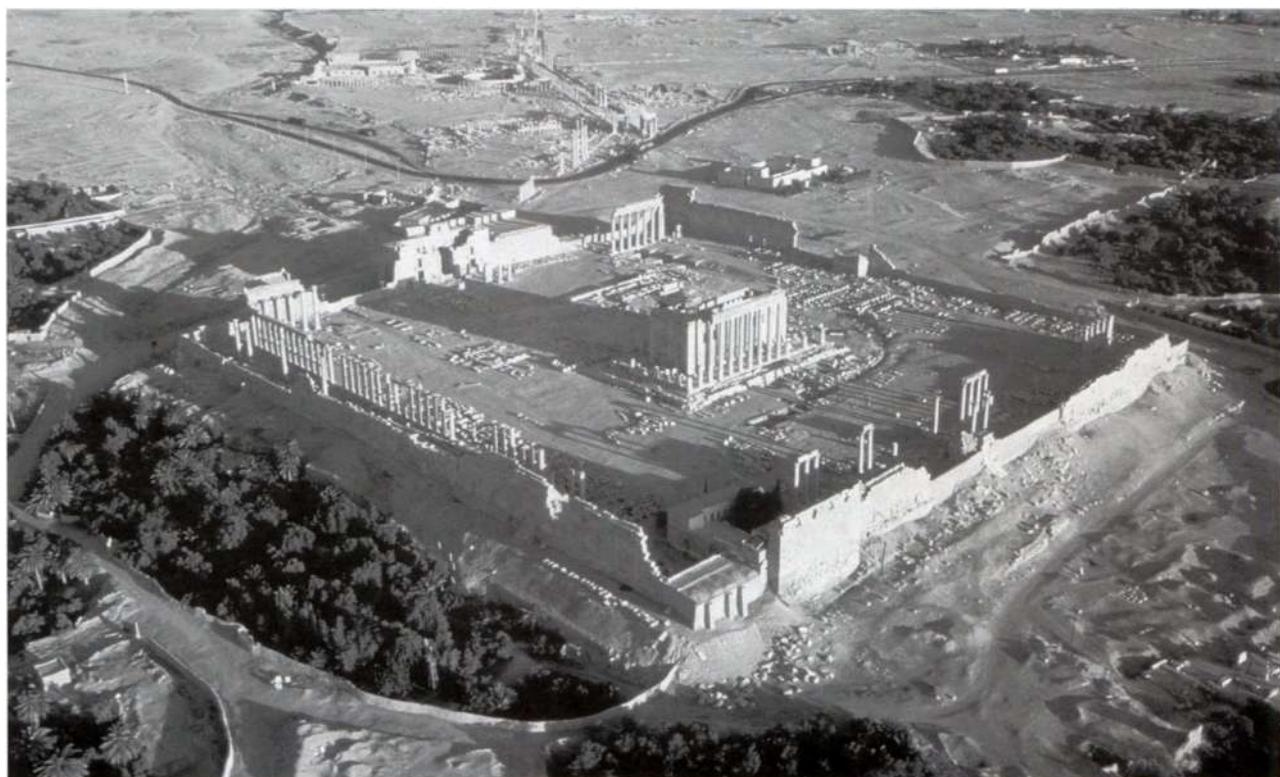
с водой¹⁹ Это вынудило Траяна отказаться от прежних методов снабжения. И его обозы растянулись на большие расстояния. Не совсем ясной остается тактика ведения боев парфянской конницы, возможно, она напоминала тактику партизанской войны, которую позже вела элита сасанидской конницы против Юлиана, когда он вторгся в Персию в 363 г.²⁰ А может быть, парфяне прибегали к приему «быстрое нападение и отступление», как об этом заявляет Траян. И эти удары были направлены на растянувшие линии обозов.

Что касается римлян, то они тоже использовали свои уловки – так называемые ложные атаки на поле боя, которые приводили парфян в растерянность. Дело закончилось тем, что Траян взял не только Ктесифон, вынудив Осрова бежать, в столице он взял в плен его дочь и захватил золотой трон парфян²¹ Вслед за Ктесифоном Траян овладел Агрой, Борсиппой, Дура-Европосом, Мезеной и Селевкией – уже по ту сторону Тигра. Теперь все традиционные торговые пути между западом и востоком, проходившие по землям Ирана и Месопотамии, находились в руках Рима. Тем самым по Парфянской империи был нанесен сокрушительный удар. Не только большая часть выгодных земель оказалась утраченной. Самое главное – престижу Парфии был нанесен урон, вследствие чего снова встали вопросы о том, сможет ли династия сохранить в целостности свою империю и политическое влияние.

Следуя примеру Александра Великого, Траян двинулся на юг и достиг Персидского залива. Он занял Спасину и Харакс, после чего – как символическое действие – приказал повернуть стоявшие в Персидском заливе суда кормой в сторону Индии. Приняв титул «патрика», Траян заказал статую и рельеф, на котором должны были быть запечатлены его успехи в Парфии. Уверенный в том, что ему удастся в конечном счете захватить Персию, он поставил в 116 г. правителем Ктесифона Партамаспата, который должен был исполнять роль римской марионетки.

Ответный удар Осрова. частичное восстановление Парфии

Но Траян слишком рано начал праздновать успех, который оказался скорее мнимым, чем реальным. Вскоре в Армении началось восстание, которое охватило также и большую часть Месопотамии, в особенности Вавилон, Эдессу и Ассирию. Хатру Траян по-настоящему так и не покорил. Несмотря на то что ему удалось захватить довольно обширную территорию и овладеть столицей, его уверенность в том, что главный нерв военной машины парфян поврежден, была ошибочной. Эта машина все еще оставалась боеспособной. Несомненно, ему удалось выйти победителем из сражения с конницей парфян. Но успех оказался временным. На самом деле Осров просто отступил, чтобы оценить ситуацию и затем ответить контрударом в удобное для него самое время. Траян дорого заплатил за свои иллюзии. Осров благодаря тому, что перед лицом могущественного противника все междоусобные страсти на какое-то время улеглись, собрал в 116 г. новое войско. И римляне, расслабившиеся в результате легких побед, не смогли противостоять хорошо организованным копьеносцам-конникам, которых сопровождали всадники-лучники. Возможно, ряды парфян пополнили свежие силы из тех войск, что стояли на западе. Парфяне ответили ударом в тот момент, когда Траян переживал вершину своего успеха, отождествляя

себя с Александром. Осров отбросил римские войска от Вавилона, заставив их отступить на север, в Адиабену²² Траянские легионеры потерпели крах и в Хатре, хотя им удалось пробить брешь в мощных неприступных крепостных стенах²³ Истощенные войной легионеры поспешили вернуться в Антиохию. Немаловажное значение имело и то, что восстание в Палестине требовало большого количества воинов. Траян готовился к вторичному вторжению в Парфию, но исполнению его планов помешала внезапная смерть в 117 г.. К этому моменту парфянам удалось вернуть себе захваченные римлянами земли, хотя выяснить точно, насколько далеко они простирались, не удалось. Таким образом, вряд ли можно говорить об успешности кампании Траяна. Ему так и не удалось покорить Парфию. Тем более что Осров изгнал ставленника Траяна – Партамаспата из Ктесифона. Впрочем, парфянам так и не удалось вернуть себе Адиабену (Ассирию) и Дура-Европос в Сирии – они остались в руках римлян²⁴ То, что эти города оставались под властью римлян, грозило новыми нападениями.

Последствия: Рим получает преимущество

После ответного удара парфян император Адриан (годы правления 117–138) предложил Осрову вступить в переговоры. Рим согласился вернуть захваченные территории Парфии, хотя из стратегических соображений Ассирия и Дура-Европос остались под их властью. Адриан символическим жестом отменил самонадеянное решение

Траяна в Элгине: трон в Армении снова переходил в распоряжение Парфии. Дочь Осрова также вернули из плена.

Несмотря на то что многие указы Траяна были отменены, тем не менее его военная кампания принесла большие выгоды Риму. Во-первых, осталось римское присутствие в северной части Месопотамии, где они многое предпринимали для того, чтобы удержать эту область в своих руках. Рим сделал все, чтобы настроить жителей этих областей – парфян. Во многих местах нынешнего иракского Курдистана было введено администрирование по римскому образцу, как это делалось в «Ассирии», включая и древнюю Адиабену, а также, возможно, Гавгамелу, Ниневию, Арбелу, Киркук и Ольвию²⁵. Это оставляло Парфию стратегически не защищенной перед будущими вторжениями, в то время как у Рима была возможность войти в Атропатену (Азербайджан), Албанию и южную Месопотамию. У римлян появлялась возможность напасть на Парфию в удобное для них время. Уже дважды в столицу империи входили римские войска. Но окончательно свергнуть парфян им удалось только в III веке. Римляне также добились значительного влияния на дела Армении, однако правителем оставался представитель царского дома Парфии.

Быть может, самым главным достижением Адриана, которое являлось продолжением стратегии Траяна, стало появление буферных стран на границе с Парфией. Это позволяло подняться маленьким и независимым царствам, благодаря чему начали развиваться ремесла и торговля на путях между Месопотамией и Сирией²⁶. В этих необитаемых местах расцвела Пальмира и такие города, как Дура-Европос, которые извлекали большую выгоду от торговли между Востоком и Западом.

Широкие жесты Адриана и переговоры принесли свои плоды: две империи смогли мирно жить бок о бок в течение следующих 50 лет. Но парфянские властные структуры так полностью и не оправились после вторжения Траяна. Угасающая династия в конечном счете спустя век оказалась в руках сасанидов, которые доказали, что они намного более опасный противник для Рима, чем прежняя Парфия.

Глава 11

Закат и падение Парфии

Войны Вологеза

Вологез IV (Волагес) (годы правления 147–191) взошел на трон в 147 г. Его не оставило острое желание вернуть Армению. Удерживало только одно: угроза, последовавшая со стороны римлян. Они предупредили, что перебросят свои войска из Сирии. Парфяне старались делать все, чтобы уменьшить влияние Рима в Армении, но она оставалась под управлением проримлян до 140 г.¹ Утратила свое положение Парфия и в Гиркании. Это проявилось со всей очевидностью в том, что гирканцы, настроенные против парфян, отправляли своих послов как Адриану², так и Антонину Пию³. Но и тот, и другой не пожелали затевать новой войны.

Установившиеся мирные отношения были внезапно прерваны в 162 г. Когда Армения опять стала предметом раздоров между римлянами и парфянами. Дело в том, что на освободившийся в Армении трон начали претендовать Сохем (царевич Эдессы) и римский сенатор. Вологез IV отправил свою конницу под предводительством полководца Осрова в Армению. Тот окружил римские войска и едва не уничтожил их. Отстранив Сохема и захватив Армению, Вологез возвел на трон парфянина – Пакора. Римскую армию под водительством Северина (наместника Каппадокии), который шел с войском в Армению, сокрушила парфянская конница в битве при Элегине⁴. Установив свою власть в Армении, парфяне двинулись в Сирию и Каппадокию. Им удалось разбить римские войска и на том и на другом театре военных действий. Парфянских конников сирийцы и иудеи встретили как освободителей, поскольку у них накопилось множество претензий к правящим в этих местах римлянам. В своих письменных источниках иудеи описывали появление парфянской конницы чуть ли не как предтечу Мессии. И этому есть причины: парфянская конница впервые появилась в этом районе после без малого двухсотлетнего отсутствия. Очень важный стратегический объект – крепость Эдесса – тоже перешел в руки парфян. Однако парфянские войска все еще не столкнулись с отборными отрядами римских легионеров. Своими успехами парфяне пока были обязаны тому, что они имели дело с измученными и ослабевшими воинами.

Римляне вынуждены были начать подготовку к новой войне, чтобы восстановить свое положение на Кавказе. Марк Аврелий поручил вести эту кампанию своему соправителю полководцу Луцию Веру (130–169 гг.). Веру отдавал себе отчет в том, что

Плененные Септием Севером парфяне с триумфальной арки римского Форума. Возведена в 203 г. н.э. в честь десятилетия коронации. Септимий Север в 195 г. н.э. предотвратил попытку Писциния Нигера взять власть в свои руки, несмотря на то что Нигера поддерживал парфянский царь Вологез V. Через три года Север напал на Парфию и в 198 г. захватил Ктесифон (Тристан Лафранчиз).

его легионеры, находившиеся на востоке, не в том состоянии, чтобы противостоять парфянам в битве. Они были истощены, им требовалась хорошая физическая подготовка для похода даже больше, чем воинам Корбулона почти за сто лет до того. Чтобы восстановить живые потери, понесенные во время предшествовавшего нападения парфян, римлянам необходимо было перебросить европейский контингент, который базировался в северной части Рейна и на реке Дунай. Луций Веру отправил в 163 г. полководца Стация Приска в Армению, где тот разбил парфянское войско и захватил столицу Артаксату⁶. Сместив Пакора, римляне вернули на престол Сохема как своего представителя в Армении.

Успешное завершение этой короткой войны позволило римлянам сосредоточить свои силы в Месопотамии. В 164 г. в Месопотамию с трех сторон вошли войска полководца Гая Авидия Кассия. Убедительной победой стал захват города Дура-Европос в Сирии. Схватка была очень жестокой и беспощадной, поскольку парфяне понимали, что захват крепости откроет римлянам дорогу в Месопотамию. И в самом деле, эта победа позволила им пройти в самое сердце Месопотамии. А затем Авидий Кассий разбил войско парфян неподалеку от Селевкии, что привело к захвату города, после чего вскоре пал и Вавилон. Дура-Европос оставался под властью римлян уже вплоть до оккупации Шапура I – правителя Сасанидской династии.

Но настоящее поражение еще предстояло пережить. В 164 г. уже во второй раз римляне захватили Ктесифон. Жители города с болью в сердце смотрели, как иноземцы, разграбив город, подожгли дворец Вологеза IV. На помощь парфянам пришел естественный фактор: эпидемия чумы вспыхнула в Селевкии и начала косить римских легионеров. Отряды воинов в 165 г. спешным образом покидали город. Это вынужденное отступление вынудило Рим после столь убедительной победы принять не очень выгодные для себя условия мирного договора: они должны были вернуть

награбленное и уступить часть территорий. Много воинов умерло по дороге домой, а многие из тех, кто выжил, принесли с собой заразу которая распространилась по Европе. Именно чуме парфянское царство обязано тем, что устояло в той войне и римские легионеры вынуждены были спешно вернуться в Италию.

Кампания Веру, во время которой он намеревался захватить и Мидию, вновь доказала, что римляне пока не в состоянии удерживать завоеванные земли. Но несмотря на потери и отступление, римляне сохраняли уверенность, что вновь вернуться сюда и распространят свою власть на северную Месопотамию.

В 170 г. между противниками было достигнуто что-то вроде статус-кво. Несмотря на то что Вологез IV готов был к войне, он не поддержал Авидия Кассия в его восстании против Марка Аврелия. Чем вызвал чувство благодарности у императора, и они вскоре начали вести переговоры о заключении мира. После чего парфяне уже не оспаривали стратегически важные для римлян земли по реке Кабур и такие города, как Нисибин и Эдесса. Сохем также остался на троне. Соотношение сил оставалось относительно неизменным вплоть до прихода сасанидской династии через 50 лет после этого. Условия договора между двумя противниками, Вологезом и Марком, выдержали испытание, его придерживались не только до смерти римского императора, но и во время правления его сына – Коммода (180–192 гг.).

Вологез V парфяне поддерживают Песциния Нигера

Наследником Вологеза IV стал Вологез V (правление 191–208), которого переполняла жажда мести и желание вернуть земли, захваченные Луцием Веру. Но время для осуществления этих планов пока было неподходящим. Но зато Вологез V принял решение в 193 г. поддержать Песциния Нигера (135–195 гг.), а не Септимия Севера (193–211 гг.), боровшихся за власть в Риме. В находившейся под управлением Рима северной Месопотамии вспыхнуло восстание, мятежники выступали за Нигера, который позволил Вологезу войти в этот район и взять в свои руки власть над Адиабеной. Вологез жестоко расправился со ставленником римлян Нарсесом, утопив того в реке Заб-е-Бозорг. Армения тоже перешла под управление парфян⁶. Но ставка, сделанная Вологезом в этой игре против Рима, оказалась неудачной. Септимий Север разгромил Нигера в 194 г. И теперь собирался покарать его союзников – парфян. К 196 г. он полностью закончил подготовку к походу против Парфянской империи. Действия Севера были вполне успешными, однако ему вскоре пришлось прервать поход и вернуться в Европу, чтобы подавить очень серьезный мятеж в Галлии. Воспользовавшись тем, что полководец увел значительную часть своих войск, парфяне снова вернули утраченные территории. Однако у римлян остались Кабур и территория у Синджарских гор.

Несмотря на то что лозунгом парфян было объединение Персии, они постепенно теряли многих своих бывших иранских союзников. Как и Гиркания, западные иранцы были очень недовольны правлением парфян. И теперь мидяне и персы⁷ объединились, подняв восстание против правящего царского дома. Вологезу пришлось увести свою конницу с театра военных действий в Месопотамию на подавление бунтовщиков. В связи с волнениями в западном Иране парфяне не смогли оказать настоящего про-

тиводействия нарастающей угрозе со стороны римлян, которые вновь подступили к границам империи. Что и позволило Северу легко справиться с врагами.

Весной 198 г. Север окончательно завершил стадию подготовки. Он оснастил суда особыми веслами для плавания по рекам и пополнил отряды свежими легионерами, с которыми он вошел на территорию Месопотамии. Парфяне ничего не могли противопоставить римлянам, и войска Севера уже в третий раз вошли в столицу Парфии. Вологез покинул Ктесифон. Как и следовало ожидать, вслед за Ктесифоном пали Селевкия и Вавилон⁸. Огромная часть сокровищ столицы была вывезена как военный трофей. Эта добыча была так велика, что вызвала даже экономический кризис в Европе через 30–40 лет после случившегося. Если это так, то последствия для Парфии после этого вторжения, и без того уже сильно ослабевшей в результате военных столкновений, и вовсе были катастрофическими. Что касается Гиркании и западных иранцев, то поражение парфян еще раз подчеркнуло тот факт, что нынешний правящий царский дом не в состоянии удержать власть и оказать достойное сопротивление римлянам.

Тем не менее Север не смог утвердить свою победу на всей территории Парфии. Хатра и заселенные в основном арабами города центральной Месопотамии сумели в 198 г. выдержать натиск легионеров римского полководца. Не желая оставлять непокорных за своей спиной, Север вернулся в Хатру на следующий год, набрав большое число наемников и тщательно подготовившись к долгой осаде. Он закупил множество осадных орудий, чтобы наконец подчинить себе непокорных. Однако, несмотря на столь продуманную подготовку, Хатру взять ему не удалось. Римские отряды теряли своих воинов из-за того, что осажденные использовали против нападающих самые разные способы защиты, как известные и вполне распространенные, так и совершенно новые – как, например, нефтяная смесь (горючая смесь из необработанной нефти). Жители Хатры также умело использовали свою конницу – созданную по лучшим парфянским образцам, которая успешно действовала против отдельных римских отрядов и разрушала осадные машины. Они выдвигали металлические машины на стены крепости, откуда им было удобно обстреливать осаждающих, и те несли большие потери. Один из снарядов чуть было не попал в императора. Вся эта операция начала сильно напоминать ту, что произошла с Марком Антонием в Прааспе за двести лет до того.

В конце концов Северу удалось даже пробить брешь в одной из стен крепости. Но как только воины бросились штурмовать город, между командирами и простыми воинами возникли разногласия. В результате чего удачный момент был упущен, и римские легионеры вынуждены были отступить от пролома. За ночь осажденные искусно и быстро заделали пробитую стену. А римляне, видимо, потратили массу времени на пустые споры о том, каким приемом ведения боя лучше воспользоваться. Отдав приказ начать новую атаку, Север вдруг обнаружил, что воины его настолько измотаны, что просто не в состоянии выполнить приказ. Отряды европейских легионеров перестали подчиняться. Сирийцы, по-прежнему готовые идти в битву, тоже были сильно потрепаны. Север вынужден был признать, что ему не удастся покорить Хатру. Уставшие воины оказались не в состоянии вновь идти на приступ, а жители города были все еще полны сил, и к тому же их конница, появлявшаяся в самом

неожиданном месте и в самое неожиданное время, могла весьма удачно воспользоваться недовольством в рядах римских воинов. И полководец распорядился начать отступление. Неудача с осадой Хатры – свидетельство того, насколько эфемерной на самом деле была власть римлян: Северу не удавалось удерживать ее на всем протяжении захваченных территорий. Быть может, по этим причинам Север оставил Селевкию и Ктесифон. Упорное сопротивление Хатры позволило парфянам прийти в себя и собраться с силами. Те районы, которые оказались под властью римлян, не оказывали им поддержку, еще и по той причине, что парфяне прибегли к тактике «выжженной земли». Снова в политическом и военном отношении наступило состояние временного перемирия.

Последняя битва: патовое противостояние в Нисибине

В 208 г. после Вологеза V его трон занял сын Вологез VI (годы правления 208–218), однако его брат Ардаван V (Артабан) заявил о своем праве наследия царской власти. В результате началась шестнадцатилетняя гражданская война, подорвавшая основы морали, экономики и военные силы империи. Конфликт династий был настоящим подарком для римлян. Император Каракалла (годы правления 211–217) попросил руки дочери Ардавана и, получив отказ, использовал его как предлог для вторжения в Парфянскую империю. Ардаван держал в своих руках власть над Мидией и западными районами империи. В 216 г. на территорию Персии вошел Каракалла с огромным войском. Разъединение парфян в самом начале вторжения, позволило Каракалле без труда дойти до Арбелы – нынешний иракский Курдистан. Однако Ардаван и Вологез решили забыть о своих личных притязаниях перед лицом общего врага и объединили свои силы в борьбе с захватчиками. К тому времени Каракалла убил Марк Опеллий Макрин, который решил продолжить операцию по захвату Парфянской империи. В 217 г. Макрин встретился с силами Ардавана под городом Нисибинном.

К концу существования династии у парфян образовался новый тип тяжеловооруженной конницы: витязи, восседавшие на спинах верблюдов⁹. Верблюды – сильные животные и могли без труда нести на спине полностью одетого в латы воина. К тому же лучник на верблюде оказывался в более выгодном положении для прицельной стрельбы. Мотофай задается вопросом: были ли катафракты, восседавшие на верблюдах, парфянами или же это были, скорее всего, арабы¹⁰? Впрочем, сама по себе тактика ведения боя от того, что в рядах появились катафракты на верблюдах, не изменилась по сравнению с тем, как велся бой, например, в Каррах в 53 г. до н.э. Парфянская конница напала на римлян совместно с катафрактами на верблюдах, появление которых вызвало смятение, поскольку противники на верблюдах казались совершенно неуязвимыми. Парфянские всадники подсакивали к линии противника почти вплотную, выпуская тучу стрел.

Макрин стоял со своими легионерами в центре войска. Проход слева оставался открытым для того, чтобы пехотинцы могли продвигаться вперед, если того требова-

Голова Медузы горгоны на стене Хатры. Внизу текст написанный на арамейском языке. Искусство и архитектура Хатры – ярчайший пример богатой культуры, которая впитала в себя греческие и иранские элементы, соединив их в единую манеру (Жерард Деджордж).

ла ситуация на поле битвы. Римляне старались сохранять плотность рядов, не уступая налетавшим на них катафрактам. К тому же они успели нащупать слабое место лучников на верблюдах. У верблюдов не было подков, подошвы у них были мягкими, что делало их уязвимыми перед *трибули* (металлическими «колочками») ¹¹ К тому же Макрин выставил по обеим сторонам своего войска конницу, что позволяло защищать его от нападения катафрактных и всадников-лучников с флангов. В его рядах действовала также арабская легкая кавалерия и метатели пращи. Но этого было недостаточно для того, чтобы одержать верх над парфянами. На третий день сражения Ардаван приказал усилить натиск с флангов, чтобы все же прорвать оборону противника. Но Макрин успел защитить фланг в нужный момент, и римляне устояли.

Тем не менее римляне поняли, что им необходимо принять особые меры и перестроить ряды воинов. Два фактора были самой серьезной угрозой. Первый: Ардаван навязал такую тактику боя, при которой римляне вынуждены были защищаться. Второй являлся следствием первого: если Макрин и далее будет следовать той же самой тактике, то в конце концов Ардаван одержит верх. Ардаван продолжал наносить удар за ударом, направляя всадников-лучников и катафрактных на верблюдах.

В конце концов в рядах римлян неизбежно мог возникнуть разрыв, в который бы устремились воины Ардавана. Макрин предложил парфянскому царю прекратить сражение, согласившись выплатить возмещение убытков в пять миллионов динарий. Так закончилась последняя попытка римлян покорить Парфию. Ардаван погиб через семь лет после этого в рыцарском поединке, который состоялся в Хормозгане во время нашествия сасанидов.

Парфянская династия: утерянный престиж

Несмотря на успешное противостояние римлянам под Нисибином, парфяне так и не смогли полностью оправиться после урона, который они пережили, когда в 116, 164 и 198 г. был захвачен Ктесифон. Сдерживая римлян и одновременно пытаясь сохранить единство империи, парфяне в конце концов осознали, что их извечные враги все же неумолимо начинают превосходить их и в политическом, и в военном отношении. Они пока еще не запустили в ход свою военную машину, чтобы разрушить империю так, как они поступили в отношении кельтов и Карфагена, пока они воздерживались от полномасштабного захвата всей территории империи. Выжидали и парфяне. Их экономика, в отличие от других областей Ирана, пребывала в состоянии стагнации. Это становится совершенно ясно, когда видишь, насколько ухудшилось качество монет последнего периода. Прежние стандарты ремесел, металлургии, искусства и архитектуры сохранялись в таких местах, как Хатра, Гиркания и Персия. В Персии местные князья не только выпускали именные монеты, выполненные прекрасными мастерами своего дела¹², но и в отношении архитектурных стилей и направлений в искусстве шагнули далеко вперед по сравнению с Парфией¹³. И только превосходство в военном отношении удерживало империю от повстанческих движений в Персии.

Братья Ардаван V и Вологез VI вновь начали гражданскую войну в борьбе за обладание тронem. Что и позволило Ардаширу I поднять восстание в Персии в 220 г. при поддержке других парфянских царьков. Войско Вологеза в 222 г. потерпело поражение, но сам он успел скрыться. Окончательное его поражение произошло в 229 г.¹⁴ И его брат тоже оказался не в лучшем положении, он не смог выиграть ни в одной из трех состоявшихся битв и погиб в 224 или 226 г. Кушаны и армяне все еще поддерживали начала Парфянской империи даже и после смерти Ардавана V и Вологеза VI до тех пор, пока в 230 г. не сошел со сцены последний представитель Парфянской династии, правившей почти 500 лет.

Громадное, но забытое наследие парфян

Прежде чем прийти в полный упадок после нападения Траяна, Парфия была процветающим царством. Она оставалась лидером иранского возрождения, что нашло отражение во многих сферах, в том числе искусстве, торговле, архитектуре и в техническом отношении. Развивались и другие области Ирана, относительно автономные по отношению к Парфии, как, например, Гиркания.

Лингвистическое наследство парфян по-прежнему объединяет многие нации и народности, которые пользуются «непреходящим иранским» языком. Иранское слово для обозначения парфян – пахла – однокоренное с «пахлави», наименования иранского языка до арабского нашествия. Похоже, что пахлави разделились на парфянских пахлави и сасанидских пахлави во II–III веках до н.э., а может быть, и ранее. Парфянские пахлави все еще сохранили свое наречие в районе Заза – восточная Турция. Сасанидские пахлави – прямые предки современного персидского (фарси и дари). Курдский диалект курманджи (Багденани и Сорани), похоже, представляет собой соединение характерных признаков как парфянских, так и сасанидских пахлави.

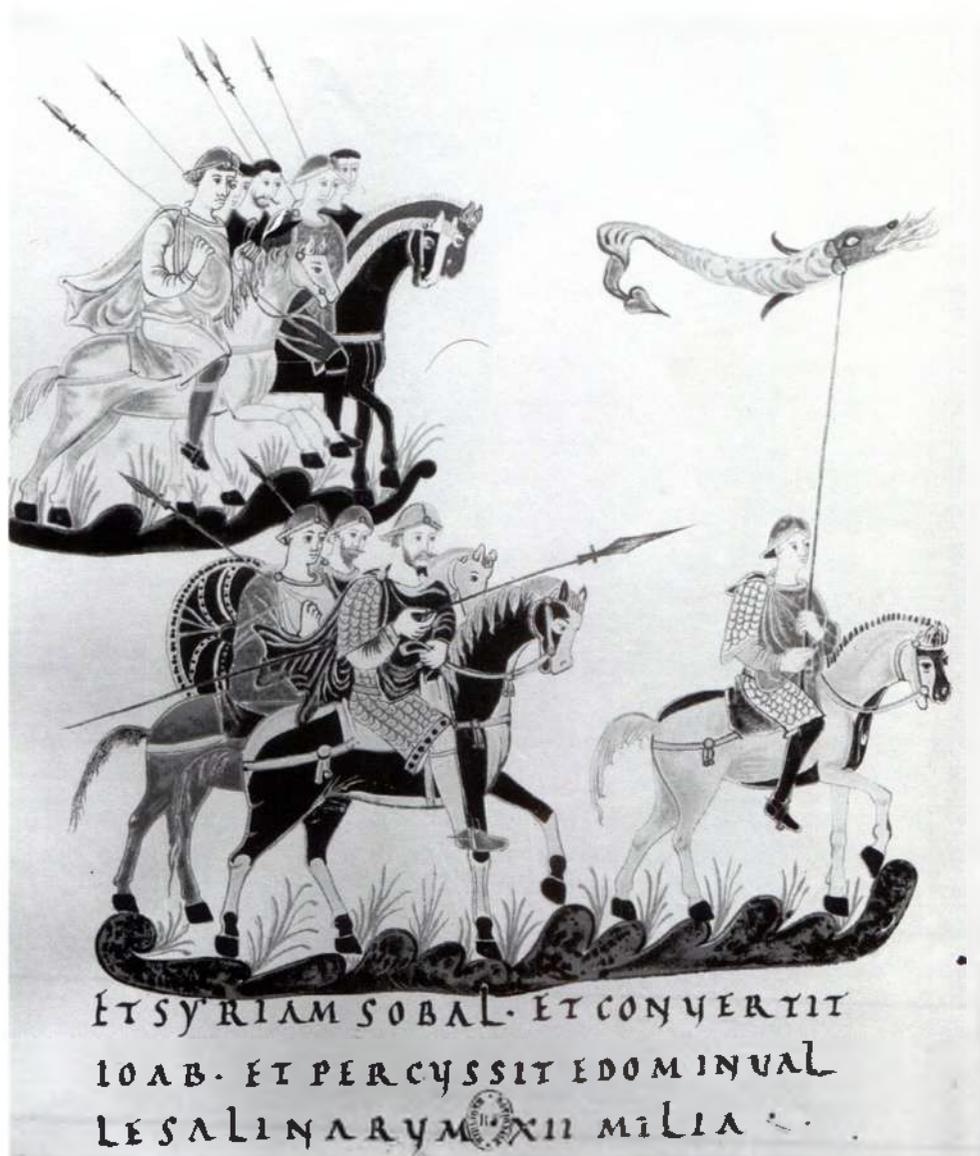
Распространение иранской одежды – интересный случай культурной передачи. В Хатре аристократы изображаются в иранских позах зороастрийского приветствия (слегка приподнятая правая рука) и в парфянских костюмах¹⁵. На бюстах и статуях можно видеть, что знатные дамы одеты в иранские одежды, что чрезвычайно характерно как для Хатры, так и для Пальмиры¹⁶. Некоторые стили одежды сохранились и по сей день, что видно по портрету Зенобии в Пальмире – точно такие же платья носят и сейчас курдские женщины клана квадери в западном Иране¹⁷. Примечательно и то, что в этой одежде ощущается греко-римское влияние¹⁸. Мужской иранский костюм состоит из туники (халата) с длинными рукавами и вышитыми штанами, что отчетливо прослеживается в произведениях искусства Пальмиры и Гатры, – это свидетельствует о том, что подобный костюм был распространен в Месопотамии и Сирии. Пальмира не только позаимствовала иранский стиль одежды, но испытала влияние в различных видах искусства и в архитектуре, а также переняла традиции парфянских наездников¹⁹.

Город Дура-Европос также пережил сильное иранское влияние, что видно по сохранившимся изображениям иранских всадников²⁰, а также портрету Зороастра²¹. Парфяне в современном Афганистане и Пакистане продолжают носить вариации парфянского костюма, в особенности *шельвар камез* – возможно, то, что было присуще первым парфянам, появившимся в Иране. Персидско-парфянский костюм также начали носить и в Европе. «[Иранский] костюм переняли восточные племена германцев – иранские сарматы и аланы. Его позаимствовали и в римской армии»²². Пояс с пряжкой германских воинов ведет свое происхождение от иранского пояса и называется иранским словом «ардашир» в пахлавийском тексте, найденном в Вольфшайме, в Германии²³. Германская верхняя накидка и одежда имеет очень большое сходство с той, которую носили знатные витязи сасанидского времени и сарматы: просторные штаны и свободная длинная туника с отчетливо заметной вышивкой по обшлагам и по кромке одежды – такие же образцы можно видеть на изображениях в Персеполе. Иранский *нешан* (гербовый знак), известный как «тамга», тоже позаимствовали от северных иранцев германские аристократы, которые стали пользоваться им, чтобы метить своих лошадей.

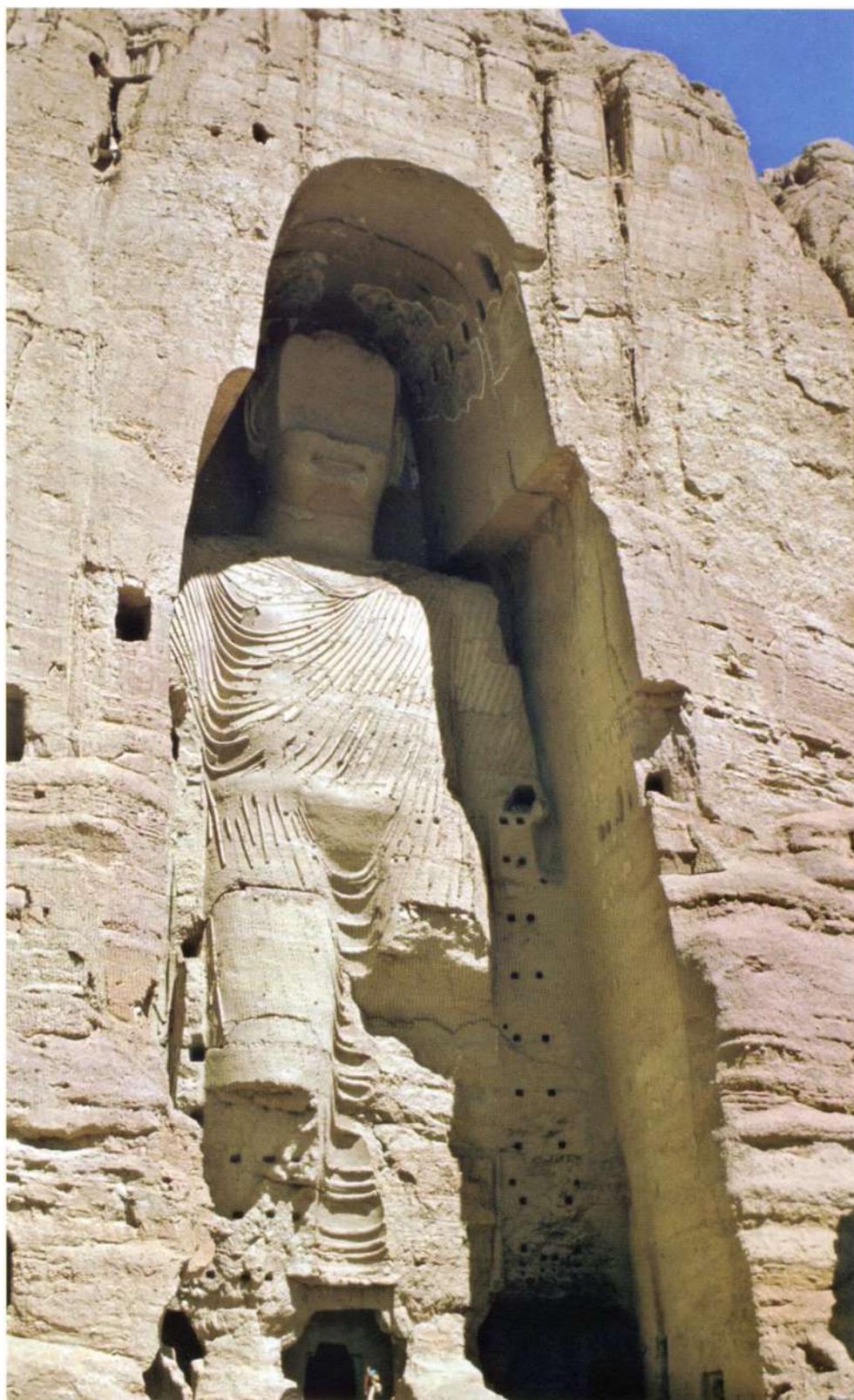
Строительство Ктесифона и Великий шелковый путь

Благодаря парфянам от западных до восточных границ воцарился мир, и купцы могли беспрепятственно перевозить товары из Китая на Иранское плато. У парфян установились крепкие и прочные торговые связи с китайской династией Хань во вре-

мена Мехрада I. Именно тогда, собственно, и определился по-настоящему безопасный шелковый путь между Китаем и Персией через Среднюю Азию. Через Иранское плато он шел в римский Ближний Восток и в Персидский залив. Строительство Ктесифона – еще один узловой пункт для перевоза товаров по шелковому пути в римский Ближний Восток. Селевкия вместе с ее предприимчивыми греками, постепенно слилась с Ктесифоном, который превратился во времена сасанидов в мегаполис и стал важнейшим центром, где развивались искусства, архитектура, культура и торговля, оказавшие огромное влияние на европейскую, арабскую и исламскую цивилизации. Такие города-государства, как Пальмира, Хатра и Петра, получали товары, прибывавшие по шелковому пути, и превращались в центры ремесел. Несмотря на все усилия держать под своим контролем весь торговый путь из Китая в

Золотой псалтырь XIX века из Сант-Галена. Стяг с драконом, без сомнения, повторяет мотив, известный в Персеполе и северном Иране (саки-парадравы) за тысячелетие до того, как он получил развитие в Европе. И хотя одежда и вооружение уже иные, тем не менее всадники на этой иллюстрации напоминают асаранов парфянской и сасанидской Персии (Роджер-Вайолет/Топфотто).

Самая большая статуя Будды в афганской долине Бамиан, которая была разрушена в 2001 г. правительством талибанов.

Рим. Парфии все менее и менее удавалось это, так как караванные центры постепенно приобретали самостоятельность.

Шелковый путь – не только дорога, по которой шла поставка товаров, он также предоставлял возможность обмениваться новыми технологиями и идеями. Благодаря культурным и экономическим связям между Персией и Китаем император Поднебесной Хань У-ди (141–87 г. до н.э.) перенял приемы парфянской конницы и сумел заполучить парфянских лошадей из Ферганской Нисы. В местных преданиях появление этих лошадей стали приписывать священному Тьен-Ма (Небесному коню) и Салуну (мифическому китайскому дракону). В самом начале правления северной династии Вэй (386–634 г.) китайская конница уже использовала лошадей из Нисы и развивала свою собственную версию парфянского стрелка-снайпера²⁴

Парфянские искусство и архитектура

Рассматривая образцы раннего парфянского искусства, в особенности ритоны, нетрудно увидеть, насколько они удивительным образом соединяют в себе греческий анатомический реализм и «персепольскую» выразительность фантастических животных²⁵. И хотя археологические находки предметов парфянского искусства остаются пока достаточно скудными²⁶, в особенности это касается изделий из металла, тем не менее даже имеющегося в наличии достаточно, чтобы прийти к выводу: эти произведения не являются образцами «имперского» стиля, которые мы видим в ахеменидском, а затем и в сасанидском искусстве²⁷. Археологи считают, что искусство парфянского Ирана – своего рода прелюдия искусства сасанидов, оказавшее сильнейшее влияние и после того, как закончило свое существование далеко за пределами той территории, где оно находилось и развивалось.

Весьма значимый символ для всех иранцев – изображение головы дракона – стал тем мотивом, который широко использовали и парфяне и сасаниды в Персии точно так же, как и сарматы, пути которых пересеклись с римлянами в Западной Европе. Иранцы привязывали к голове дракона узкую полоску ткани, которая указывала, куда дует ветер (парфяне использовали для этого голову лошади), и по направлению штандартов парфянские стрелки ориентировались при стрельбе из лука. Римляне переняли иранский символ – голову дракона – от сарматов, в особенности от аланов²⁸. Иранская (парфяно-сасанидская или северо-иранская) голова *аз(г)даха* (дракон) обрамлялась птицами, псами и даже рыбами, но это уже скорее «персепольский» тип изображения мифологических *бома* (дракон-птица-лев) существ²⁹. Сасанидский мотив *сенмурв* (волк-птица), присущ и аланам, которые принесли его в Европу³⁰. Конечно, они сильно видоизменились в новой среде по сравнению с исходным «восточным» вариантом. Однако главные темы, воспринятые Европой от римлян (и продолжавшие сохраняться после того, как закончилось их владычество), сказались на всех произведениях искусства. Штандарты с драконами продолжали появляться на поле боя на Кавказе и в Грузии. В Западной Европе их «приняли на вооружение» франки в эпоху Шарлемана. На тканых стягах короля Гарольда Годвинсона тоже можно видеть изображение драконов. Наверное, наиболее известный из них – «дракон Уэссекса»³¹. Еще один пример использования мотива

Буддийская фреска в пещере Бамиана, в которой ощущается сильное влияние персидской иконографии. Бамиан находится в нынешнем Афганистане, но эта территория – часть древней Персидской империи (доктор Уолкер Тевальд).

азгдаха представлен в «Золотом псалтыре», где имеется изображение знаменосца, за которым следуют рыцари-копьемосцы³²

Интересным представляется и тот факт, что вся сохранившаяся и дошедшая до нас парфянская архитектура найдена за пределами той области, которая входила в сферу политического влияния поздней Парфии. Пример тому – Хатра, которая считалась союзницей Парфии и в то же время оставалась автономным царством. Или та же Пальмира – совершенно независимая от Ктесифона. Каждая из них несет отпечаток своего собственного уникального арамейского стиля и в то же время мощного влияния иранцев. Как, например, изображение парфянского воина с маленьким щитом, выполненное в персепольской манере ападана, но воин стоит лицом, обращенным к зрителю, как это принято у парфян³³. Способ украшения городов выдает греческое влияние, наряду с «имперским» стилем ахеменидов, который связан теснейшими узами с декором, который мы видим во дворцах Персеполя³⁴

Вклад парфян в искусство и архитектуру в западном Иране заметен во «фронтальном» стиле³⁵, так же как и совершенно новой в технологическом отношении кирпичной кладке и типах конструкций³⁶, купольных мавзолеев³⁷, новых видах лепнины³⁸ и совершенно революционного типа конструкции – *айван*³⁹. Айванная конструкция была совершенно новым типом помещений с цилиндрическим сводом и полностью открытым по крайней мере одной из своих сторон к внутреннему дворику⁴⁰. Айваны «заменили архаический греческий тип мегарона – зала, где две колонны располагались у портика»⁴¹. Это ключевое различие в том, как использовали колонны греки и парфяне. Колонны – основа структуры греческих зданий, в то время как у парфян они выполняли чисто декоративную роль⁴²

Обнаружены и другие архитектурные центры в западноиранском мире, из которых наибольший интерес представляют места обитания парфян, как, например, Кух-е-Кайа и Ниса в современном Туркменистане. Эти районы тесно соприкасались с буддийским искусством кушан, в котором соединились греческий, иранский и

собственный стиль индийцев, известный как гандхарская школа⁴³. В древней столице парфян Гекатомпилосе в Гиркании (современный Гурган-Мазандаран) были заложены основы искусства сасанидов и послесасанидского периода. Приемы прото-сасанидского стиля ощущаются и в Мидии (Калех Ездегерд), мидийской Атропатены (Шиз) и Эламе (Бард-е-Нешандех), в особенности они получили развитие в мифологических мотивах и вышивках на плащах. Пример тому – эволюция, которую претерпел персепольский мотив грифона и божества-собаки при изображении животных-дарителей (сенмурв) в сасанидском стиле. Позже сенмурв проявился и в искусстве Западной Европы и исламских изделиях и на Кавказе.

Достижения парфян в области военной архитектуры

Хотя парфяне никогда не были приверженцами осадной системы или приспособлений для такого рода ведения войны, они стали пионерами выразительного архитектурного военного дизайна, который позднее лег в основу системы строительства крепостей у сасанидов. Парфяне использовали все выгоды естественной среды при строительстве своих крепостей⁴⁴. Большое их количество было выстроено на всем протяжении обширных границ Средней Азии на случай отражения нападений со стороны кочевников с северо-востока. Крепости на Кавказе и в Месопотамии, где всегда происходили острые стычки, в первую очередь предназначались для защиты от римлян.

Парфянская крепость-город включала в себя три части: *кохандеш*, *шарестан* и *савад*⁴⁵. Кохандеш – место, где находился царь, вожди и местная знать. Эта часть располагалась на возвышенном месте, обычно на вершине холма. Оттуда можно было обозревать всю округу, а также и то, что происходит внутри города-крепости. Кохандеш своего рода «крепость внутри крепости», которая позволяла отражать нападение, даже если остальные части города пали под напором осаждающих. Шарестан предназначалась для витязей, знати более низкого ранга, ученых-учителей. Третья часть – савад – крестьянские дома и мастерские ремесленников.

Существовала масса способов сооружения трехчастных оборонных систем. Одним из таких приемов стало введение круговых крепостей⁴⁶. Роман Гиришман, суммируя свои исследования о парфянских круговых крепостных сооружениях, пишет:

«Планировка города парфян связана в первую очередь с тем, что им приходилось думать о защите от врагов (римлян). Они также вынуждены были продумывать, как выстоять при междоусобных стычках с соперниками-феодалами парфянского царства... вот почему им приходилось так много внимания уделять возведению защитных фортификационных средств... планировка их города предполагала возведение прочных круглых стен, которые могли выдержать нападение с любой из сторон»⁴⁷

Исходная для парфян основа – круглая крепостная стена – берет начало в Средней Азии⁴⁸, жители которой постоянно подвергались нападениям кочевников. Затем эта конструкция получила развитие и в эпоху сасанидов. Один из ее лучших образцов – дворец Ардашира I в Фирюзабаде, который отличается и великолепным внутренним

убранством. Крепость Ктесифона – тоже круглой формы – заложили парфянские мастера, и долгое время, даже при сасанидах, она оставалась совершенно неприступной. Хотя, конечно, метод возведения оборонных конструкций парфяне отчасти унаследовали от ассирийцев⁴⁸

Город-крепость Нисибин – один из наиболее известных, возведен во время Парфянской империи, оставался одним из наиболее неприступных. Парфяне, а потом и сасаниды придавали очень большое значение этому городу, который располагался в «болевой точке» империи. Город многократно переходил из рук в руки во время войн иранских династий, парфян и сасанидов, с римлянами. Стены и башни города постепенно укреплялись все более толстыми и прочными кирпичами, становясь выше и толще. Вокруг города был выкопан большой ров. Чтобы миновать его, и входящие и выходящие должны были пользоваться перекидными мостами, которые спускались от ворот крепости на другой берег⁵⁰ Существовала и другая конструкция укрепленных городов – прямоугольная, – как это можно видеть на

Ахеменидский серебряный ритон. Найден в Эрзинкане, современная Турция (Эрик Лессинг).

примере парфянских крепостей в Мерве или Шизе⁵¹. Многие виды защиты – и в конструктивном отношении, и в отношении оформления – появлялись и позже, уже во время правления Сасанидов.

Парфянские промышленность и технологии

Парфянское вооружение было самого высокого качества. Потому что в Иране имелось все необходимое для развития в отдельных городах и районах металлургии. Большая часть технологических приемов в этой сфере имеет прямое отношение к Средней Азии. У историков есть прямые подтверждения тому, что в Иране и за его пределами существовал развитый способ изготовления изделий из металла. Вооружение, которое Помпей и Плутарх описывают как выполненное в «маргианской манере», привело многих исследователей к заключению, что речь шла об изделиях из Мерва, где и проходил весь технологический процесс. Археологические раскопки подтвердили, что на самом деле там имел место очень высоко развитый технологический процесс. А между этими областями и Иранским плато существовали давние и прочные связи. У парфян тоже имелись свои центры, где создавались изделия из металла и в том числе оружие, в западном Иране (а если точнее, в Луристане и средней Атропатене). Есть немало доказательств тому, что ремесленники Персии владели всеми секретами мастерства.

Торговые связи, которые шли по всей империи, позволяли и другим районам свободно перенимать опыт, которым обладали в Маргиане. Обработка железа велась и во время династии парфян, что видно по сохранившимся находкам в Дура-Европосе. Кушаны Средней Азии также носили доспехи, выкованные по парфянским образцам. О качестве изделий из стали у парфян свидетельствуют классические источники, в которых утверждается, что «изделия из металла были очень высокого качества, что мастерские и мастера очень хорошо были знакомы с парфянским железом и не признавали поддельного, фальшивого металла»...⁵²

Так что будет неправильным считать, будто парфяне не испытывали интереса к развитию, науке и технологиям. Это является всего лишь предубеждением, поскольку находки археологов доказывают обратное: при парфянах приемы ремесленников продолжали совершенствоваться. Одно из самых поразительных тому доказательств найдено в 1936 г. немецким археологом Вильгельмом Конигом в Ираке, в могильнике неподалеку от Багдада. Это два почти неповрежденных глиняных сосуда, внутри каждого из которых помещаются железные цилиндры, окруженные цилиндрами из меди³¹. Эксперименты, проведенные учеными, обнаружили, что если такой сосуд с цилиндрами заполнить уксусом (или другим электролитом), то устройство способно генерировать электрический ток напряжением в 1,5–2,0 вольта. Не все историки приняли концепцию Конига в 1940 г., который высказал предположение, что эти сосуды являются не чем иным, как первыми в мире «электрическими батареями». Однако сейчас многие начинают соглашаться, что устройства могли действительно использоваться для процесса гальванизации. Такого рода технический прием продолжают применять во многих лавочках-мастерских Ирана и по сей день. Если эти сосуды действительно служили в качестве «батарей» в нынешнем понимании слова, это означает, что парфяне опередили открытие Алессандро Вольта на 1600 лет.

Часть 3

Сасаниды

В сасанидскую эпоху получили развитие архитектура, науки, искусства, военное дело, в особенности тяжелая кавалерия. Место ведущей религии занял зороастризм, хотя в состав империи входило много других народов со своими верованиями. Сасаниды отражали нападение врагов как на западе, так и на востоке, но даже после того, как империя пала под натиском арабского нашествия в VII веке н.э., ее наследие продолжает оказывать глубокое влияние на всю мировую культуру и по сей день.

Глава 12

Возвышение династии Сасанидов

Царский дом Сасан

Проследить истоки происхождения Сасанидов достаточно трудно, так как сообщения на надписях Шапура и Ардашира не полностью соответствуют одно другому Ардашир I (годы правления 224–241 н.э.), основавший империю Сасанидов, родился в Персии, в деревне Тирдех, в 180 г. Он был сыном Папака (Бапак или Папаг) и царевны Родак¹ из племени шабанкаре, скорее всего, имеющего отношение к курдам и в то время обосновавшегося в Персии² Согласно одному достопримечательному посланию Ардавана V, родословная Ардашира берет свое начало от «курда.. воспитанного людьми из племени шабан»³ .. Поддержка мидян и курдов, закончившаяся успехом восстания Ардашира против парфян, быть может, связана с тем, что сам Ардашир был наследником земель в горных районах⁴ Примечателен тот факт, что хотя имеются упоминания о матери Папака – ее имя Денак, – указания относительно прямых связей с Сасанидами отсутствуют⁵ Историки, как правило, не оспаривают, что Сасан был главным *момадом* (магом – священником) храма Анахиты. В «Карнамак Ардашир» («Книга деяний Ардашира») Ардашир представлен как наследник дома Ахеменидов, может быть, для того, чтобы узаконить его действия, связанные с попыткой объединить под своим знаменем различные иранские племена, населяющие эти земли. Несмотря на некоторые расхождения в вышеупомянутых первоисточниках (т.е. «Карнамак», у Агафия, у ал-Табари и т. д.), общим является то, что Сасан женился на Денак, которая родила ему сына, названного Папак. Как и его отец, Папак стал первосвященником храма Анахиты⁶ По некоторым другим сведениям, Сасан является отцом Ардашира, но потом – после смерти Сасана – его усыновил Папак⁷ Ардашир получил власть от Дарабгирда, а вместе с тем и титул «Аргбад»⁸ Гучера – царь Персии, – чья родословная уходит еще ко временам Селевкидов.

Правление Гучера длилось недолго, так как Ардашир, действовавший заодно с «отцом» Папаком, сверг его в 200 г. Тем не менее после смерти Папака корона Персии перешла в руки старшего брата Ардашира – Шапура. Не желая смириться с положением «второго лица», Ардашир вызвал брата на битву. Но еще до того как сражение должно было произойти, Шапур умер при таинственных обстоятельствах под обломками рухнувшего крепостного сооружения времен Ахеменидов. И в 208 г. Ардашир наконец получил возможность провозгласить себя единоличным правителем Персии,

ПРЕДЫДУЩАЯ СТРАНИЦА:
СЛЕВА: поединок витязей в Нагши-Рустаме под гробницей Ксеркса I. На рельефе – Ормизд II, выбивший из седла противника. Начало IV в. н.э. (Жерард Деджордж).

СПРАВА: позолоченное серебряное блюдо с изображением сасанидского царя на охоте, благодаря чему мы можем составить представление о том, каким образом велась стрельба из лука. Хорошо видны упряжь лошади и рукоятка меча. VI–VII века н.э. (Эрик Лессинг).

несмотря на протесты других его братьев, которых он предал казни⁹ Многочисленные местные князьки отказались признать его власть, из-за чего он был вынужден вступить с ними в сражения, чтобы победить одного за другим. Самая значительная битва состоялась в Германе (современный Керман), где Ардашир сразился с магом по имени Хафтабогхт (семиголовая гидра) и разбил его. После чего Ардаширу уже не составило особого труда подчинить себе местных царей, таких как Балаш – правитель Германа, Нирофар – правитель Кузи Ахвасского, Шаз-Шапур из Исфахана и Синатрук из Омана¹⁰ Все это, несомненно, привлекло внимание парфянского правителя в Ктесифоне и вызывало его вполне понятную тревогу

Рельеф III века на скале, расположенной на горе, проложенной сасанидами в горах неподалеку от Фирузабада. На рельефе (его протяженность 18 м) изображена победа Арташира I в поединке с Артаваном V Битва состоялась в Хормозгане в 224 г. н.э. Три гругих пары сасанидских всадников тоже демонстрируют свое превосходство над противниками-парфянами (Ливия).

Восстание Ардашира против парфян

В 224 г. Ардашир бросил прямой вызов правлению парфян в Ктесифоне. Несмотря на успешные действия парфян раннего периода, вся военная инициатива после вторжения императора Траяна в 116 г. перешла в руки римлян. Престиж царского дома парфян сильно пошатнулся после того, как в 116, 164 и 198 г. столица оказывалась взятой неприятелем. И даже если парфянам удавалось вернуть захваченные противником территории, они тотчас вновь возвращались под власть римлян, как только те наносили ответный удар. Когда в Персии начались преобразования, присутствие римлян становилось все заметнее. И чем могущественнее и крупнее становилась Римская империя, тем больше ей удавалось захватывать территории за пределами Месопотамии. Когда Ардашир поднял восстание против парфян в Ктесифоне, он нашел очень серьезную поддержку за пределами Персии, в особенности в Мидии, мидийской Атропатене, Адиабене и Курдистане.

Фрагмент фирузабадского рельефа, на котором (слева) сасанидский витязь (его можно узнать по шлему и гербам, украшающим попоны лошади) сбрасывает с коня своего противника. Справа от него Шапур, сын Арташира, повергает Дарбандана – главного визиря Парфии. Головной убор Шапура венчает голова животного – свидетельство того, что это коронованный принц (Ливия).

И чем дальше распространялась власть Ардашира в подчиненных Персии государствах, как Суса, Исфахан (древняя Аспадана), Мезен и Герман, тем больше падал авторитет парфян в Ктесифоне, чего Ардаван V уже не мог игнорировать. Ардашир пришел к выводу, что у него есть один путь свергнуть царский дом парфян в Ктесифоне – это захватить все высокогорье Ирана на северо-западе. Произошедшие потом события описываются в «Хрониках Арбела», где говорится, что персы заключили договор с мидийцами и вынудили местного царька Адиабены и Карка де Бет Селок (современный Киркук) заключить великий союз¹¹ Адиабена и Киркук были очень важными стратегическими районами, так как их земли находились между говорящими на арамейском языке потомками ассирийцев и ираноговорящими курдами и мидянами. Теперь Ардашир встал во главе союзных сил (куда входили западные иранцы) против парфян.

Фирузабад, 224 г. первый в мире поединок на копьях

Ардашир разбил парфян в трех битвах, пока окончательно не утвердился в своих правах в Хормозгане, вероятно, в апреле 224 г.¹² Войска Ардашира состояли из персов, мидян и говорящих на арамейском обитателей древнего Киркука¹³ Битва, которая изображена на рельефе в Фирузабаде, закончилась гибелью Ардавана. Отдельные вспышки недовольства новым царем приходилось подавлять и после Хормозгана. Эти очаги сопротивления связаны с именем Аставарда, время правления которого длилось очень недолго: ок. 223–230 г. Большая часть парфянских витязей и аристократов присоединились к своим собратьям – персам, мидянам и курдам нового иранского царства, о чем свидетельствует зороастрийский куб в Нагши-Рустаме (неподалеку от Шираза). Ардашир засвидетельствовал свое полное уважение к парфянской знати и проделал соответствующие древние обряды в их честь в Нагши-Рустаме.

Именно во времена Парфянской династии элемент ахеменидской культуры – дуэльный кодекс – превратился в дуэль пахлаванов. Парфянские витязи выступали с копьями в руках, что видно по изображениям в Дура-Европосе. И на рельефе в Фи-

рузабаде мы видим самые значительные эпизоды битвы – героического рыцарского поединка на копьях. Для утверждения догадки, сражались ли соперники именно за империю, пока не хватает доказательств.

Эпизоды поединка двух полководцев запечатлены в память о том событии на скале неподалеку от Фирузабада, где вырублена панорама трех битв. В левой ее части витязь сражается с парфянским соперником. В середине – верхом на коне принц Шапур с короной на голове сбивает копьём парфянского главного визиря (советника) Дарбандана. И, наконец, справа мы видим царя Ардашира I, копьё которого повергает наземь Ардавана V. Это также означает, что каждый воин сражался с равным по положению противником, традиция, которая нашла продолжение позже у японских самураев 700 лет спустя¹⁴. Идея дуэли *мард-о-мард* (человек против человека или единоборство) развивается в то, что Визехофер называет сасанидской традицией «рыцарского поединка»¹⁵.

От исхода битвы зависело, кто станет истинным правителем Персии. И когда Ардашир вышел победителем в этом поединке, все главные парфянские кланы выразили свою преданность царю, способному отстоять государство. Исход поединка всегда должен был приниматься с достоинством, независимо от того, между кем он проводился: имел ли он место между иранцами или иранцами против римлян. Замечательный пример тому произошел в 421 г. с Бахрам Гуром и Ардазаном из числа «бессмертных».

Поединки иранцев отличались от стиля современных им римлян двумя особенностями. Во-первых, в Иране поединок воинов на конях происходил один на один, без какого-либо вмешательства войска, в то время как в римской воинской традиции подобного единоборства не было. Во-вторых, только в сасанидской Персии впервые начали изображаться на скальных рельефах конные витязи, мчущиеся навстречу друг другу, держа копьё двумя руками, и запечатленные еще до того момента, когда оружие соприкоснется с соперником. На изображениях римских художников воин

Фрагмент того же рельефа, на котором Арташир повергает своего противника Артавана V. Волосы Арташира – обильно сасаниды собирали их в пучок на макушке – струятся по спине (Ливия).

просто повергает своего противника¹⁶ Единоборства римлян того времени не имели ничего общего ни с «героическими» традициями греков в описаниях Гомера, ни с обычаем германских предводителей, которые шли впереди своего войска. «Рыцарская дуэль» – битва один на один – не ограничивалась только Персидским царством. Это было вообще частью иранской культуры, она распространялась и за ее пределы, в Среднюю Азию, отчасти на Кавказ и в Западную Европу. Примером тому может служить изображение на скальном рельефе – битва двух воинов на копьях, – найденное на Босфоре в местах, где обосновались сарматы¹⁷, а также в Болгарии.

Сасанидские богатыри часто бросали вызов лучшим воителям Рима, прежде чем сойдутся две армии. У римлян существует масса упоминаний о мастерстве иранских пахлаванов, владевших приемами ведения боя на копьях. Первая римская запись о сасанидском рыцаре, сразившемся с римским воином, принадлежит участнику военных действий Прокопию. Он описывает, как перед сражением при Дара (530 г.) «один перс, молодой человек, подъехал почти вплотную к линии римлян и принялся вызывать на бой любого из них»¹⁸ Фракийский полководец отправил на поединок Андреа – германского борца и банного служителя – сразиться с персом. И далее Прокопий пишет, что «оба яростно устремились навстречу друг другу с выставленными вперед копьями, но оружие, наткнувшись на могучие латы, было с силой отброшено в сторону»¹⁹ Ни один из них не был убит копьем, Андреа первым выхватил меч и лишил противника жизни.

Во времена Велизария в V веке н.э. византийский боец сражался на копьях с готами и сасанидами, что свидетельствует: неримская военная традиция поединка на копьях уже вошла в обиход и римлян²⁰

Военная машина сасанидов: новое возрождение Рима

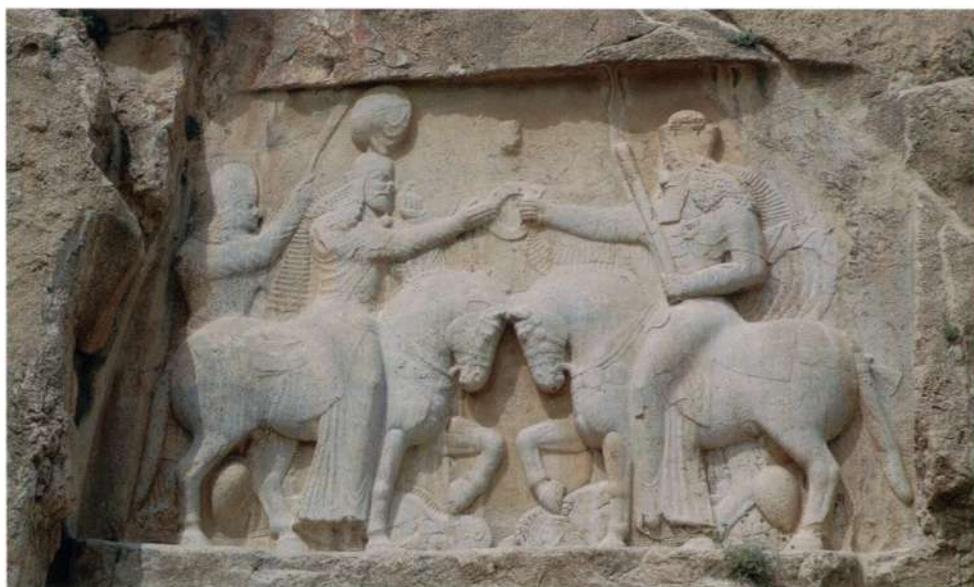
Ни на одном из изображений сасанидских воинов, которые имеются на рельефах в Накши-Рустеме, Накши-е-Раджабе или Бишапуре – мы не видим *асварана* (представителя элитной конницы) со щитом в руках²¹ Это не означает, что у сасанидских воинов раннего периода отсутствовали щиты и дело ограничивалось только доспехами – кольчугой и пластинчатыми латами²²

Сочетание доспехов на руках и ногах, кольчуги и пластинчатых лат на груди – все это делало *асваранов* более защищенными в битве, чем парфян. Римляне оказались неспособны выстоять в сражениях с ними. Главным оружием сасанидов и против римских всадников, и против пехотинцев оставались длинные копья. Хотя на рельефах, как, например, в Накши-Рустеме, можно увидеть колчаны, мы нигде не находим изображений лучников. Тем не менее лучники продолжали играть свою роль как среди всадников, так и в объединениях пехотинцев. Одним словом, ранние сасанидские воины мало чем отличались от парфянских воинов: лучники действовали заодно со всадниками, вооруженными копьями. Тем не менее с точки зрения римлян они представляли собой гораздо более опасную силу. Лучники на лошадях обладали большим умением и искусством, учитывая то, что и доспехи к тому времени

стали значительно крепче. Чтобы устоять против сасанидских лучников, римляне набирали дополнительные отряды, но это мало что им давало. Похоже, что сасанидские лучники были лучше защищены, а может быть, они стали искуснее в приемах ведения боя. Это отчасти объясняет тот успех, которого они достигли в битве под Ктесифоном, Мизихе и Барбалиссе, хотя такого же типа войны имелись уже и у парфян. Во всяком случае, на одном из «граффити», найденном в Дура-Европосе, есть изображение, которое можно принять за катафракта-стрелка²³

Даже если ранние асвараны и напоминают нам отряды парфян-копьеносцев и всадников-лучников, существенная разница между ними заключается в том, что сасанидские воины отличались от своих предшественников более искусным владением приемами ведения боя, более изощренной системой защиты и тем, что «тяжеловооруженные» копьеносцы носили при себе колчан со стрелами. Это является несомненным доказательством того, что они владели и тем, и другим видом оружия, в отличие от парфян, которые специализировались в чем-то одном. Следовательно, сасанидский воин в случае необходимости мог воспользоваться другим оружием, если то диктовали изменившиеся условия битвы. Иначе какой был бы смысл копьеносцу носить при себе колчан и иметь меч для схватки в рукопашном бою? Таким образом, это вооружение можно считать своего рода «запасным вариантом»: когда ломалось копье или копьеносец лишался его по каким-то другим причинам, он прибегал к луку или выхватывал меч. Сильное сарматское влияние ощущается в том, как выглядели клинки ранних сасанидов, что свидетельствует о давних культурных и технологических связях между Иранским плато и Средней Азией²⁴

Борьба за возвращение территорий, занятых римлянами, и узловых городов и крепостей означала, что их можно было взять только осадными методами. Сасаниды, так же как и парфяне, были весьма сведущими в приемах осады и вскоре стали достойными противниками римлян в этом смысле. Однако большинство историков сходятся во

На рельефе в Нагши-Рустаме Арташир I (слева) принимает «фарр» («божественная слава») от высшего арийского божества – Ахура Мазды. Конь Арташира наступает на поверженного противника, скорее всего Артавана V в то время как конь Ахура Мазды топчет Ахримана, символизирующего злое начало и врагов ариев вообще (Ливия).

мнении относительно того, что учителями в осадной технике все же были римляне, но впоследствии сасаниды стали строить свои собственные машины, а еще позднее многое позаимствовали в этой области у китайцев. Различные виды осадных машин включали в себя катапульты, «скорпионов», тараны или стенобитные орудия, передвижные башни, а также метательные орудия различных размеров и пробивной силы. Также пускались в ход горючие материалы (такие как нефтя), которые забрасывали в город при помощи стрел. Когда в стене осажденной крепости появлялась брешь, асвараны спешивались и присоединялись к пехотинцам, которые бросались на штурм города. В первую же кампанию Шапура (256 г.) сасаниды продемонстрировали свое мастерство в приемах осады, особенно отличившись при взятии Антиохии и Дура-Европоса.

Ардашир I: объединение новой империи

После того как парфяне потерпели поражение в Хормозгане, Ардашир начал вести политику централизации власти. Главной его целью стало присоединение отпавших провинций, включение их в единую сильную державу. Большая часть Мидии, мидийская Атропатена и даже ассирийцы с готовностью вошли в новую империю, подчинившись Ардаширу. Однако курдский царь Мадиг выступил против него. И сначала ему удалось победить противника, но затем Ардашир разбил его²⁵. Это завершило кампанию Ардашира по воссоединению западных иранцев, чего не удалось сделать парфянам за все время своего правления. Теперь, когда западные районы стали надежными и стабильными, Ардашир мог сосредоточить все свое внимание на северных районах и востоке. После ряда походов, предпринятых в 227 г., Ардашир достиг большого успеха в Макране, Сеистане и Горгане, которые вскоре полностью влились в новую империю. Ему удалось также подчинить себе и такие области, как Балх, Маргиана и Хорезм. Кушаны также признали его власть, однако до 240 г. еще сохраняли относительную независимость. В конечном счете власть Сасанидов распространилась так далеко, что граница империи проходила уже по реке Инд. Это означало развитие еще большей общности между Персией и Индией в экономическом отношении, в сфере искусства и науки.

За свое двадцатилетнее правление Ардашир не только объединил разрозненные области в единое целое, но и отразил все попытки римлян разрушить новую иранскую империю. Он вытеснил римлян из Мосула, города, который населяли мидяне и ассирийцы, однако ему не удалось вернуть Хатру, которая по-прежнему хранила верность поверженной династии парфянов²⁶. Римляне также удержали свою власть в Адиабене. Армения пока оставалась независимой и не подчинилась Ардаширу, в какой-то степени благодаря тому, что часть прежней знати, настроенной пропарфянской, нашла себе убежище на Кавказе²⁷.

Ардашир I и походы Александра Севера

Очень скоро римляне осознали, что «новое правление» в Персии – это власть, с которой следует считаться. Ардашир твердо заявил, что «унаследовал свои права от

предков» на все земли древней Ахеменидской империи вплоть до Эгейского моря²⁸ Римляне, захватившие территории к западу от Тигра, пришли к выводу, что столкновение с новой Сасанидской империей неминуемо должно состояться. То, что Ардашир провозгласил новую паниранскую идею супердержавы, означало прямой вызов римлянам, в особенности когда речь шла о таких областях, как западная Анатолия и северная Месопотамия, где проживало очень большое количество мидян и курдов. Может быть, большую роль в победах сасанидов над римлянами сыграла харизматичность самого Ардашира²⁹ Вполне возможно, что Ардаширу удалось подготовить мятеж против Флавия Гераклиона – наместника Месопотамии. Не исключено, что к тому времени, когда Ардашир нанес удар, римские отряды в Месопотамии отличались плохой дисциплиной и низким боевым духом. Так или иначе, но в 229 г. Ардашир вместе со своим сыном Шапуром I двинулся на римлян и вытеснил их из Месопотамии и Сирии³⁰

Сначала римляне действовали весьма осторожно. Император Александр Север (годы правления 222–235) отправил послание Ардаширу, предупреждая, что тот должен покинуть захваченные земли, в противном случае его ожидает та же самая судьба, что постигла парфянских правителей, потерпевших поражение от руки Траяна, Луция Вера и Септимия Севера³¹ Но Александр Север не только не смог запугать своего противника, но и не сумел ничего предпринять, чтобы предотвратить захват Каппадокии³² Осознав, что противник не обращает внимания на угрозы, Север начал готовиться к войне. Он набрал новое войско в Италии и сделал еще одну попытку утратить сасанидского царя путем переговоров³³ Ардашир ответил тем, что направил к Северу посольство, состоящее из 400 «персиян очень высокого роста», которые повторили требование Ардашира: освободить от присутствия римлян весь Ближний Восток вплоть до Эгейского моря (включая и его)³⁴ В ответ Север арестовал послов, разоружил их и отправил на сельскохозяйственные работы³⁵ в Анатолию. Тем не менее такие ученые, как Доджон и Лье, высказывают сомнения в том, что Ардашир мог выдвинуть столь неумеренные требования. По их мнению, сведения о них следует отнести на счет греко-римской историографии того времени, которую они характеризуют как имперски экспансионистскую и агрессивную³⁶ В свете этих новых положений Ардашир в своих притязаниях ограничивался Арменией и Месопотамией.

Римскому императору не оставалось иного выбора, кроме наступления на Ардашира. Однако от начала военных действий его удерживали вспыхнувшие в Египте и Сирии восстания, которые он подавил в зародыше³⁷ Наведя порядок на Ближнем Востоке, Север наконец мог выступить против Персии. И он развернул свои действия в 231 г. по трем направлениям³⁸ Во-первых, с севера, через Армению и оттуда уже в Атропатену Во-вторых, с юга – часть отрядов должна была пересечь Тигр и Евфрат, чтобы войти в Месопотамию. Основной их целью было: отрезать такие города метрополии, как Селевкия и Ктесифон, и завладеть кушанами на юго-западе Ирана³⁹ Третьей части армии – самой значительной и лучше всего подготовленной – предстояло ударить в центр, чтобы взять Ктесифон. Руководство этой боевой операцией взял на себя Север. Сначала он вошел в Пальмиру, чтобы создать у Ардашира ложное впечатление, будто его истинным намерением является захват южных областей⁴⁰

Продвижение отрядов римлян на севере шло успешно. Им удалось очистить Каппадокию от персов и начать осаду Нисибина⁴¹. Из Каппадокии римляне вошли в Армению и оттуда на юг мидийской Атропатены, что позволило им прорваться на северо-запад Ирана и разграбить эти области. Природные условия северо-западного Ирана более всего напоминали «европейские» и соответствовали тактике ведения войны римскими пехотинцами; в то же время покрытые лесами горы и возвышенности, согласно Геродоту, «препятствовали действиям варварской [сасанидской] конницы...»⁴². Осознав всю опасность прорыва римлян в Атропату, Ардашир выдвинул войска с левой стороны, чтобы остановить их продвижение. Южные отряды римлян пока действовали весьма успешно, но они все еще так и не добрались до юго-западных районов Ирана (Хузистана). Римлянам должно было казаться, что они вот-вот повторят успехи Траяна и Веру. Тем не менее они, по сути, еще не успели встретиться с по-настоящему подготовленным войском сасанидов, что вскоре и произошло: они сошлись лицом к лицу с конницей, «которая использовала луки... а всадники садились на коня с самого детства... они никогда не спешили и не оставляли колчан со стрелами...»⁴³.

В 223 г. удача начала изменять Александру Северу. Главные его силы встретились с наиболее профессионально подготовленными отрядами сасанидов, и римляне обнаружили свою слабость. Когда один из римских полководцев сошелся в битве с воинами Ардашира и потерпел сокрушительное поражение, Север, не мешкая, двинулся на Ктесифон. Но именно здесь рыцари-асвараны и нанесли самый тяжелый удар римлянам. Подобно Марку Крассу в 54 г., Александр Север мечтал повторить подвиг македонца, стать римским Александром Великим и добраться до границ Индии, однако тоже потерпел крах⁴⁴. В римских источниках имеются подробные и детальные описания того, как и почему силы Александра Севера были разбиты в битве с Ардаширом под Ктесифоном в 233 г. Они вполне соответствуют тому, что пишет Геродиан:

«Перс, напав со всеми своими силами на ничего не подозревавшее войско, окружив его и как бы опутав сеть, поражая со всех сторон стрелами, истребил армию римлян, которые были слишком малочисленны, чтобы противостоять превосходящему противнику, и только беспрестанно прикрывали большими щитами незащищенные части своих тел, поражаемые стрелами; они довольствовались уже тем, что защищали свои тела, а не сражались. Наконец, все они, собравшись в одно место и устроив из выставленных вперед щитов подобие стены, отбивались в положении осажденных и, со всех стороны забрасываемые стрелами и получая ранения, отражали неприятеля со всей возможной храбростью до тех пор, пока все не были перебиты. Поражение это было величайшим и неслыханным для римлян, ибо погублена была великая сила, не уступавшая силой духа и мощью никакой из древних»⁴⁵.

Победа, добытая благодаря коннице ранних сасанидов, повторила победу их предшественников – парфян. Стремительная атака асваранов вынудила римских пехотинцев сгруппироваться в небольшие отряды, что позволило всадникам-лучникам

расстреливать их с более близкого расстояния, так что поток стрел врезался в плотно сбитые кучки воинов.

Однако после победы под Ктесифоном вторжения на занятые римлянами территории не последовало – косвенное свидетельство того, что и сасаниды понесли довольно серьезные потери. Разделившись на три войска, римляне заплатили большую цену за свое ошибочное решение. Ардашир просто-напросто дождался удобного момента и выбрал удобное место, чтобы обрушиться всей своей массой. Исход битвы при Ктесифоне мог быть совершенно иным, если бы Север привел всю свою армию, вместо того чтобы разбивать ее на три части, двигавшиеся в разных направлениях.

После поражения под Ктесифоном Север 25 сентября 233 г. разразился пламенной «победной» речью в римском сенате, доказывая, что его войска уничтожили 218 боевых слонов, 1800 скифских колесниц и «120 000 сасанидских всадников»⁴⁶ Однако вряд ли заметно уменьшившееся к III веку н.э. население Ирана могло выставить против римлян такое фантастическое число воинов. Даже спустя 250 лет – в 578 г. – полностью сформированная из профессиональных воинов армия сасанидов едва ли составляла максимум 70 000 человек⁴⁷ Интересным в докладе Севера представляется тот факт, что он ни разу не упомянул про битву при Ктесифоне. Даже если бы он и вышел победителем, его заверения насчет того, что он полностью разбил сасанидскую армию и покорил Персию, являются чистой воды пропагандистским трюком. Согласно Сидрику, «его [Александра Севера] поход против персов закончился полным поражением»⁴⁸

Нынешние западные историки полагают (и это мнение является достаточно распространенным), что после битвы под Ктесифоном Ардашир был не в состоянии начать наступление⁴⁹ Но есть и другая точка зрения, согласно которой Ардашир решил придерживаться более сдержанной тактики и занять оборонительную позицию. Начать полномасштабную войну с Римом означало бы подвергнуть слишком большому риску молодую Сасанидскую империю. У Ардашира еще остались противники на востоке, а также на Кавказе, которые не хотели признать легитимность его власти. К тому же царю пришлось провести достаточное количество сражений за три десятилетия своего правления, и он готовился к тому, чтобы передать власть сыну – Шапуру

Шапур I: Рим сталкивается с достойным соперником

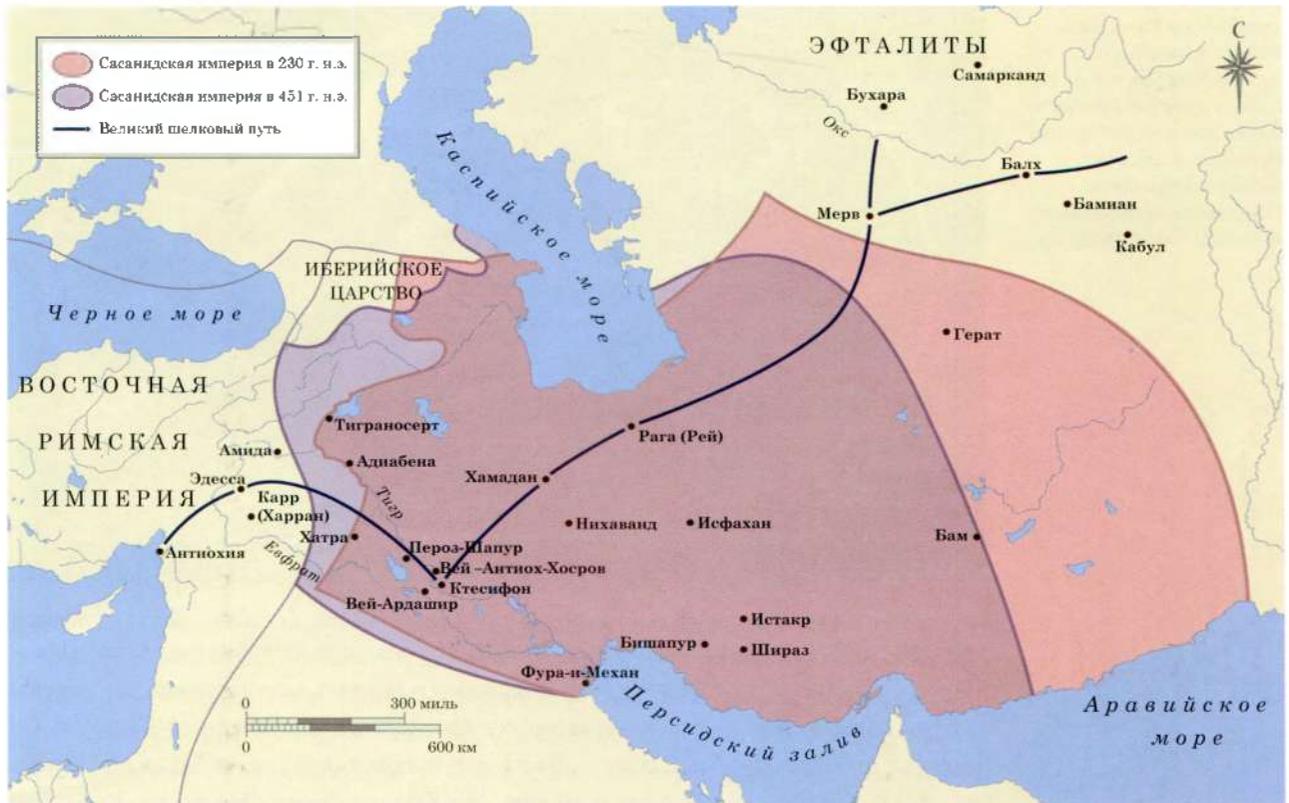
Свой трон Ардашир передал сыну Шапуру I (дословно «сын царя») (годы правления 241–272) в 240 г. Интересно, что в это время было выпущено большое количество монет, на которых имеются изображения одновременно и Шапура и Ардашира как соправителей империи. Официальная коронация Шапура, по-видимому, состоялась в 214 г., после смерти Ардашира. Шапур принимал участие в сражениях вместе с отцом, начиная с подавления первых мятежей и кончая битвой с Александром Севером. Он показал себя умелым полководцем, и вскоре его подвиги даже превзошли деяния его отца. Первая военная кампания, которую он начал, когда стал царем, был поход против непобедимой Хатры, которая выстояла и при нападении римлян, и

при нападении Ардашира. Он взял и такой стратегически важный пункт – как город-крепость Нисибин в 241 г., а может быть, это произошло чуть раньше, еще при правлении Ардашира, в 238 г.⁵⁰ Тактика Шапура заключалась в стремительном походе и взятии города в кольцо. Сокрушить несгибаемых осажденных было трудно, однако после того, как осадные машины пробили брешь в городской стене, ему удалось взять Нисибин. Это позволило Шапуру двинуть свои войска в Сирию, захватить Антиохию и Харран⁵¹. Теперь положение римлян на Ближнем Востоке оказалось под серьезной угрозой.

Молодой император Гордиан III (годы правления 238–244) попытался очень быстро и решительно восстановить прежние позиции Рима на Ближнем Востоке и уничтожить силы Шапура. Гордиан III вместе со своим тестем Тимеситом быстро расправился с войском сасанидов в 242 или 243 г. в битве при древней Резайне (современная Турция)⁵². И вскоре ему удалось вытеснить сасанидов из Антиохии, Каррах и, что наиболее важно, из Нисибина. Потом он пересек Евфрат, после чего он вынудил сасанидов покинуть принадлежавшие римлянам территории. Но Тимесит умер от болезни, что оказалось серьезным ударом по римлянам, они потеряли блестящего и умелого полководца. По поводу того, что произошло потом, существует две точки зрения. Первая, которой придерживаются многочисленные греко-римские авторы, как Аммиан Марцеллин, Фестус и Иоради, состоит в том, что Гордиан встретился с Шапуром в последней битве и разбил его, но его самого убил претор начальник гвардейцев – Филипп Арабский, после победы императора⁵³. Но эти изложения, однако, противоречат другой версии, в которой излагаются эти же самые события; прорицательница Сивилла и Зосима вполне недвусмысленно утверждают, что Гордиан проиграл последнюю битву с Шапуром и погиб⁵⁴. Эта трактовка (которую почему-то не принимают во внимание) имеет подтверждение – скальный иранский рельеф в Бишапуре, на котором поверженного Гордиана топчет жеребец Шапура. Примечательно, что и Сидрик говорит о том, что «он [Гордиан] погиб после того, как упал с лошади»⁵⁵. В письменных источниках, где описываются победы Шапура, говорится, что он разбил Гордиана в Мисихе (современный Анбар) – севернее Ктесифона в 244 г.⁵⁶ Надписи, сделанные в честь Шапура в Накши-Рустеме, утверждают, что «в Мисихе состоялась большая битва. Цезарь Гордиан был убит, а римское войско истреблено»⁵⁷.

После поражения и гибели Гордиана в Мисихе императором стал Филипп Араб (годы правления 244–249), который немедленно заключил мир с Шапуром. Согласно историческим свидетельствам, Филипп заплатил 500 000 денариев⁵⁸ как выкуп за разрешение вернуться оставшимся римским воинам из Мизиха, который сасаниды переименовали в «Пероз-Шапур» (Победоносный Шапур)⁵⁹. Римские историки уверяют, что Филипп заключил «самый унижительный мир»⁶⁰, вернув Армению и Месопотамию Шапуру⁶¹. Однако условия договора, – слишком горькие для того, чтобы римляне могли смириться с ними, – были вскоре нарушены. В 253 г. Филипп вернулся в Армению и Месопотамию, очевидно захватив сасанидов врасплох⁶². Это произошло в разгар военного похода Шапура к северным и северо-восточным границам империи, где он подавлял остатки сопротивления мидян, чтобы окончательно установить вассальную зависимость мидян, кваразмиан, кушан, гилоев и дайламитов. Именно

Сасанидская империя 230–451 гг. н.э.

во время этой кампании был заложен город Нев-Шапур (современный Нишабур) в Хорасане, северной части Ирана. Завершив поставленные перед ним в этом походе задачи, Шапур смог вернуться к западным границам, но теперь уже в сопровождении далматийских пехотинцев и конницы. Надписи о деяниях Шапура говорят:

«Цезарь [Филипп] снова солгал и вторгся в Армению. Мы [Шапур и его армия] двинулись на римского императора и разбили его армию в 60 000 человек под Барбалиссой»⁶³

В связи с этим вновь образовалась брешь в расположении римских сил в Месопотамии, что привело к падению Дура-Европоса и Антиохии под «стрелами персов» в 256 г.⁶⁴ По этому поводу Зосима замечает: «персы теперь захватили всю Азию и не могли насытиться, забирая награбленное»⁶⁵ Однако вероятнее всего, целью Шапура было всего лишь усиление положения собственной империи, а не попытка присоединить к ней обширные территории за счет Рима.

Валериан (годы правления 253–260) организовал третий поход, чтобы восстановить римские владения на востоке вскоре после того, как взошел на трон. Римляне жаждали реванша и уничтожения Шапура: его армии и его империи. Вытеснив отряды сасанидов из Антиохии, Валериан приказал отчеканить монеты в честь своей

Шапур I «символически» берет в плен римского императора Валериана. В действительности войско Валериана и он сам попали в окружение после битвы при Каррах-Эдессе. Иранский сардоникс. Кабинет медальонов, Национальная библиотека Франции (Эрик Лессинг).

«победы» в 256 г. Но празднование было несколько преждевременным, поскольку Валериан встретился только со второсортными войсками, оставшимися для охраны города. Шапур приберег для сражения по-настоящему подготовленные войска. Он одержал победу в Каррах и Эдессе. Валериан потерял своих пехотинцев и два города, где конница могла проявить всю мощь. Это была та самая область, где Красс был разбит парфянскими всадниками за 200 лет до того. История повторяется: асвараны полностью разбили римлян в 260 г. и захватили в плен 70 000 воинов, в их числе были сенаторы и римский префект⁶⁶

В надписях Шапура говорится и о большом количестве пленников из Европы, как, например, «из Дакии [современная Румыния], Паннонии [современная Венгрия]... Испании... Фракии... Германии»⁶⁷ Удар, нанесенный Шапуром, был действительно катастрофическим: полководец сасанидов уничтожил почти треть римской профессиональной армии (в том числе и высшего звена) – в общей сложности потери римлян составили около 150 000 человек⁶⁸ Но самым большим ударом для римлян в психологическом отношении стало пленение императора Валерина с его церемониальной колесницей, о чем свидетельствует шапуровская надпись, а также взятие города Накши-Рустема и Бишапура. До сих пор в истории Рима никогда не случалось такого события, чтобы императора взяли живым⁶⁹ Согласно Феррилу, «Поражение Валериана и взятие огромного количества пленных стало величайшим унижением в римской истории»⁷⁰ Западные историки утверждают, что персы подвергли плененного Валериана жестокой казни. Римские источники сообщают, что Шапур бросил его под копыта своего коня, а останки римского императора передали в зороастрийский храм. Но иранские историки опровергают это утверждение. В эпической поэме «Шабнаме» говорится, что Валериан был достойным соперником, и после того, как его взяли в плен, Шапур относился к нему с почетом.

Остальных пленников, в том числе и инженеров, вскоре подключили к работам по строительству дамб и мостов современного Хузистана. Некоторые из этих сооружений, как, например, мост-плотина в Шуштаре, сохранились по сей день – свидетельство развитости инженерной мысли и высокого мастерства. Мозаичные панно римских художников в Бишапуре, на которых изображена сасанидская знать, мужчины и женщины, тоже сохранились до нынешнего времени. Фрагменты этого панно выставлены в парижском Лувре.

После победы над римлянами асвараны без труда вернули себе Сирию и Анатолию. Антиохия тоже перешла из рук римлян к Сасанидам. После чего асвараны захватили Тарсус (в Киликии) и Каппадокию.

Оденат – правитель Пальмиры (в современной Сирии) – делал вид, что настроен дружеским образом по отношению к Шапуру, и писал царю в своих посланиях, что он «ничего не предпримет против персов»⁷¹. На самом же деле он бросил самонадеянный вызов Шапуру, который поклялся уничтожить Одената и его царство. Однако Оденат нападал на караваны, двигавшиеся в Сирию, и вынудил Шапура отступить в принадлежавшие Сасанидам области. Он дерзко подступил даже к воротам Ктесифона. Пальмирская конница была хорошо экипирована и подготовлена к сражениям с иранскими всадниками, знала их тактику ведения боя. Вместе с тем они вывели на поле боя и пехотинцев, которые представляли небольшое, но тоже очень хорошо подготовленное войско. Тем не менее пальмирцы не смогли одолеть асваранов и освободить Валериана. Когда известие о том, что Оденат подступил к Ктесифону, дошло до Шапура, он собрал новые силы от всех сатрапов империи. Правитель Пальмиры потерпел поражение и вынужден был отступить⁷². Войска Шапура предприняли ряд походов против Пальмиры, но они закончились ничем. Пальмира осталась неприступной, но она не представляла большой опасности для Сасанидов, хотя Оденат не позволял им полностью завладеть Сирией.

Шапур перед тем, как начать сражения с Филиппом Арабом, предпринял некоторые шаги на востоке своей империи. Самой большой его победой стало то, что он

Женщина, играющая на арфе. Мозаика из Бишапура, выполненная римскими пленниками Шапура I (Ливия).

подчинил кушанские царские дома, которые теперь стали частью империи. И хотя некоторые кушаны вокруг Кабула (нынешний Афганистан) сохранили относительную независимость, все же власть над этими областями перешла в руки Сасанидов. Последний царский дом кушан в Иране на востоке теперь тоже вошел в империю Ирана. Результатом кушано-сасанидского единения стало появление новых форм в изделиях из металла, развитие новых направлений в искусстве. Кроме того, на востоке Сасанидской империи наибольшее влияние обрел буддизм, к которому примешивался зороастризм.

Влияние ранних сасанидов и сарматов на римскую армию

Поражение римлян в начале III века н.э. вынудило их произвести многочисленные реформы в армии, в том числе и перенять кое-что от своих противников – «персидских» всадников. Эти реформы произошли в основном при императоре Константине в IV веке н.э.⁷³ Не будет сильным преувеличением утверждение, что при императоре Юстиниане Византийском и в сасанидской Персии конница стала практически занимать одно и то же положение⁷⁴ В римских войсках даже появились объединения иранских всадников⁷⁵ Нашлись дезертиры в сасанидской армии, которые перешли на службу Римской империи в Европе, в особенности во время войн, которые вел полководец Велизарий против готов. Иранская конница открывала римлянам тактику ведения боя иранцами. Кое-какие из этих приемов пришли в Европу и несколько раньше, от сарматов, у которых было много общего в культурном наследии с их этническими родственниками – персидскими сасанидами. Правда, тогда (в I веке до н.э.) в Римской империи не придали этому значения и не осознали всю меру возможностей, которые открывали перед ними всадники, вооруженные копьями. Отряды языгов начали набирать в римскую армию только в начале 69 г. н.э.⁷⁶ Это служит подтверждением тому, что римляне начали действительно копировать приемы иранской тяжеловооруженной конницы. Арриан отмечает, что во времена правления Адриана появились римские всадники, «которые бросались в атаку как аланы или сарматы с копьями (или пиками) в руках»⁷⁷ Многие европейские ученые уже признали, что традиция иранского поединка со временем распространилась среди римлян, германцев и славян и что европейцы обязаны этой традицией иранцам. Таким образом, «поединок рыцарей... в Средние века ведет свое происхождение от парфян и сасанидов...»⁷⁸

Маги Накши-Рустама и христианство

Изучая рельефы Накши-Рустама (город неподалеку от Шираза), западные историки очень часто сосредотачивают все свое внимание на вопросах, связанных с войной, и отмечают таких личностей, как Филипп Араб, Валериан и Шапур I, но при этом проходят мимо весьма значительной в истории культуры фигуры мага с указующим жестом. Поза, в которой он стоит, позже получила распространение в Европе, пример тому – изображение в городе Виго (Испания) или «Путешествие Мага», витражный медальон с Моисеем в Сан-Дени и крест в Св. Бертине в Сан-Омере – оба XII века, Франция.

В Мидийской империи маги составляли отдельный клан или класс священнослужителей. Может быть, именно они имеют отношение к тем трем волхвам, которые принесли дары новорожденному Иисусу. Имеются описания мест захоронения магов, например, у Марко Поло и сэра Джона Мандевилля⁷⁹. Мечеть Март Мириам в Урмии (иранский Азербайджан), по всеобщему мнению, построена на могиле одного из магов. Примечательно, что в Евангелии есть упоминание о маге как о «мудром человеке с востока», без какого-либо уточнения, что он имеет отношение к Персии⁸⁰. В Арабском рассказе о детстве Иисуса, однако, говорится, что «Иисус родился в иудейском городе Вифлееме... Маги пришли с востока в Иерусалим, как пророчествовал Зардушт [Зороастр]...»⁸¹. Европейские ученые и теологи почему-то не обращают никакого внимания на этот пассаж, где упоминается пророк Зороастр. Быть может, римляне вычеркивали все, что касалось упоминаний о Персии и Зороастре, из-за противостояния государств того времени? Эван-Вентц высказывает мнение, что «без Заратустры не было бы Христа. Он служил соединительным мостом, который сожгли римляне...»⁸². Может быть, его высказывание является сильным преувеличением, однако роль иранской теологии на формирование христианства не получила дальнейшего развития со стороны иудео-христианских теологов. Вдобавок к глубокому сходству между теологией зороастризма и иудаизма существует множество других близких параллелей между христианством и зороастризмом. Например, вопрос о бессмертии души, о линейности времени, всемогуществе сил добра, о Сатане как о злой силе, которая противостоит добру⁸³, о заключительной апокалипсической битве (Армагеддоне), Судном дне, о существованиирая и ада. Католицизм и зороастризм признают Духов день, отмечают среду первой недели Великого поста и говорят о необходимости исповеди в совершенных грехах.

Митраизм забытый соперник христианства

Во время войн, которые вел Шапур, арийский бог Митра был весьма почитаем как среди сасанидов, так и в войсках римлян. Это божество иранского происхождения получило широкое распространение на Балканах, в Италии, континентальной Европе и Англии. Почитание Митры в Европе продолжалось примерно три века (приблизительно с 100 до 400 г. н.э.). Митра на староперсидском имеет отношение к слову «договор». Древние иранцы скрепляли договор рукопожатием, и первые изображения этой традиции имеются в турецкой Эски Кале (300 г. до н.э.) и Нимруд-Даге (69–34 гг. до н.э.).

Митра или Мехр был богом договоров и клятв. Митра защищал любовь, привязанность, дружбу, свет и солнце. Он также сопровождал человека в его жизни, сражениях и загробной жизни. Он родился от богини-девственницы Анахиты и выступал предводителем армии добра против армий зла. Наследие Митры сохранилось в Иране в таких праздничных ритуалах, как день рождения Митры, в названии Дарбе-Мер (зороастрийский храм), названии месяца Мехр, в имени Мехрад (Митридат) и в торжествах, которые проводятся в святилищах *Пир* («мудрый», «старый»). Изображение фигуры митры с мечом в руке в Таг-е-Бустане (иранский Курдистан – западный Иран) – молчаливое свидетельство значимости этого божества в сасанидской Персии.

Пока еще остается недостаточно ясно, как и каким образом митраизм получил распространение в Римской империи. Скорее всего, продвижение его культа шло через Анатолию, в особенности Каппадокию, Понт и Каммагену, где иранские маги пользовались чрезвычайной известностью. Распространение этого культа по Средиземноморью могло идти и через Киликию, хотя это предположение требует дальнейших исследований и разысканий, чтобы получить должное подтверждение. Можно предположить, что многие римские узники, взятые в плен во время шапуровских войн, переняли этот культ и, вернувшись на Запад, стали невольными его распространителями.

Что привлекло внимание западных историков, так это необычный для Европы культ митраизма, известный как митраистские мистерии, ритуал, который отличается от того, что практиковали в Персии. Жертвоприношение быка, например, – церемония, которая проводилась только в митраистских храмах Европы. Эти мистерии имели семь степеней посвящения, и, по крайней мере, две из них соответствуют тому, что проводилось в Персии. Например, пятое посвящение, именуемое «Персь», и заключительное, седьмое – «Отец», при котором посвящаемый надевал высокий конический персидский головной убор. Примечателен тот факт, что некоторые западные ученые, в особенности Уланси, приложили огромные усилия для того, чтобы вообще отделить митраистские мистерии от Ирана.

Отсутствуют и какие-либо академические исследования по вопросам, которые могли бы уточнить, почему же истории про Иисуса Христа – Сына Божьего так похожи на предания о Митре – сыне Мазды: рождение от девственницы в один и тот же день, проявление чудесных способностей, обряд крещения, ритуальная еда в виде преломления хлеба и принятия вина, двенадцать учеников, смерть и воскресение. Предания о Митре существовали за тысячу лет до возникновения христианства, их принесли с собой арийцы, переселившиеся на Иранское плато около 1500 лет до н.э., а может быть, и ранее. К моменту заката своего существования в IV веке н.э. митраизм стал главным «языческим» соперником христианства в Европе. Французский историк Эрнест Ренан писал, что «если бы христианство остановилось в своем рождении по какой-то смертельной болезни, мир, вполне возможно, стал бы исповедовать митраизм»⁸⁴. Поскольку утверждение Ренана все еще никто не опроверг в течение столетия, западным ученым необходимо признать или изучить роль влияния митраизма на формирование европейской культуры и христианства.

Ранние сасаниды и распространение манихейства

Мани родился 14 апреля 216 года в селении Мардину (сейчас Басра, южный Ирак⁸⁵), в то время населенном преимущественно вавилонянами⁸⁶. Родители Мани были иранцами⁸⁷, его отец Патик был царевичем из парфянской царской семьи⁸⁸, а его мать относится к клану камсаракан, принадлежавшему к парфянской аристократии⁸⁹. По имеющимся сведениям, Мани пережил ряд видений, первое из которых произошло, когда ему было 4 года. Последнее откровение побудило Мани прочесть свои проповеди-послания народу

Философия Мани представляет собой синтез зороастризма, христианства и буддизма⁹⁰. Власть зла отождествляется с материей, а добро – с духовным началом. Поскольку тело является по природе своей материальным, оно считается воплощением зла; только душа, находящаяся в теле, является источником добра. Учение Мани отвергает христианскую идею воскрешения тела Христа⁹¹. Мани утверждал, что творение есть зло и результат борьбы между царством света и царством тьмы. «Духовная цель» каждого человека состоит в отделении духа от материи для того, чтобы утвердить «царство света». Законы Мани относительно еды сходны с буддийскими – они запрещают употребление мяса, яиц или каких-то иных продуктов животного происхождения. Особым неодобрением пользовалась также и сексуальная активность. Производство потомства рассматривалось как продолжение зла, поскольку духовная сущность новорожденного попадает в материальную «ловушку» материального тела. Из всех пророков Мани чувствует наибольшую близость к Иисусу и называет себя «апостолом Иисуса Христа»⁹² или же на иранский манер «Иисусом Арийским». Весь этот комплекс идей Мани полностью и страстно отвергали зурванитские и зороастрийские маги, а позже – духовенство христианских церквей.

Первого большого успеха Мани достиг, разговаривая с царевичем Перозом, братом Шапура⁹³. Именно Пероз устроил встречу Мани с царем Шапуром. Проповедник нового учения пришел в сопровождении своего отца и двух учеников. Во время следующей встречи Мани изложил свое учение и поднес царю книгу «*Шапуракан*», или «Царь»⁹⁴. На Шапура произвели большое впечатление речи Мани, и он оказал ему большую честь, включив в *дарбар* (королевский двор), позволив ему сопровождать армию в победоносных походах против римлян⁹⁵. После того как война закончилась, Мани продолжал проповедовать в Персии, Парфии и даже на территориях, которые граничили с Римской империей. Покровительство, оказанное Мани царем Шапуром, быть может, связано с тем, что царь желал как можно плотнее сementировать единой идеей тело империи. При Шапуре буддизм, иудаизм, христианство и зороастризм сосуществовали в Персии одновременно. Теоретически послание Мани могло объединить «западные» религии (иудео-христианство) с «восточным» буддийским учением в рамках зороастрийского контекста.

После эпохи стабильного правления сначала Ардашира, а потом и Шапура, наступил период «мимолетных» царей, что обернулось для Мани трагическим образом. Сын Шапура I – Ормизд I (годы правления 272–272) еще продолжал оказывать поддержку Мани и его проповедям. Он также продолжил политику своего отца Шапура – ограничение власти аристократии и «ортодоксальных» зороастрийских магов. Но именно эта аристократия и маги отстранили царя от власти через год после того, как он взошел на трон, и Ормизд умер «естественной смертью». Его сменил брат Бахрам I (годы правления 273–276), которого некоторые иранские историки характеризуют как «слабовольную игрушку в руках магов и знати»⁹⁶. По приказанию мобада Картира Мани схватили и пытали до тех пор, пока он не умер в 276 г. Ученики Мани разбрелись по Европе и Средней Азии. Ослабление положения аристократии в Средней Азии, быть может, стало следствием того, что манихейство получило признание среди кушан⁹⁷.

Последователи Мани появились и за пределами реки Окс в Средней Азии. Это были ираноговорящие иранцы в Согдиане – важной торговой области на шелковом пути, располагавшей хорошо налаженными связями как с Востоком, так и с Западом⁹⁸. Многие согдианцы стали манихейцами, и многие из них были торговцами, тесно общавшимися с Китаем. Особенно глубокие корни манихейство пустило в Самарканде⁹⁹. Именно в Средней Азии манихейство стало по-настоящему признанным учением. Тюркский царь уйгуров официально признал манихейство главной религией в своем царстве. Весь царский дом в огромном городе-столице Ло-Янге (Лояне) теперь был открыт манихеям. Падение уйгурского царства в IX веке привело к тому, что манихеи стали скрывать свою принадлежность к этой религии, пока оно окончательно не заглохло во время монгольского завоевания.

Что особенно примечательно в истории манихейства, так это то, с какой быстротой оно распространилось из Персии с 244 по 262 г.¹⁰⁰ Учение Мани еще при его жизни нашло приверженцев и получило признание в Сирии, Палестине и Египте. Манихейство, судя по всему, оказало огромное влияние и на древнюю Иудею, Палестину и Сирию. Существуют свидетельства того, что манихейство существовало в Синае вплоть до 420 г.¹⁰¹ В то же самое время манихейские убеждения имели успех в Египте; есть свидетельства, что один из наместников Александрии при императоре Константине был последователем Мани. Из Египта манихейство продвинулось через Северную Африку и дошло до Испании. В северном направлении через Анатолию (Малую Азию) манихейство достигло Греции, Иллирии (в грубом приближении охватывающей современные Албанию, Боснию, Хорватию) и далее – Италии и наконец Галлии. Такой же путь оно проделало, чтобы преобразить философию Китая и

Триумф Шапура I – центральная панель рельефа в Бишануре. Мертвый император Гордиан лежит под копытами коня Шапура I. На коленях перед Шапуром стоит преторианский префект и наследник Филип Арабский, умоляя о пощаде. У ног Шапура стоит и держит царя за руку Валериан, взятый в плен после поражения в 260 г. За Филиппом стоят важные сановники. Один из них, видимо, главный священнослужитель Картир, а второй – с мечом в руках – военачальник асваранов (Ливия).

тюрков. Влияние учения Мани особенно ощущалось во время правления династии Хань (206 до н.э. – 220 н.э.) и при подъеме династии Тан в 618 г. н.э.

Поскольку манихейство пустило глубокие корни, римские правители боролись с ним достаточно жестоко. Особенно известен в этом отношении император Диокле-тиан, издавший антиманихейский указ в Александрии (31 марта 296 г.)¹⁰² В нем не только само манихейство именовалось *персидским учением*, но и его последователи обвинялись во всех смертных грехах и преступлениях. По отношению к ним принимались самые суровые меры наказания: книги Мани сжигались на кострах, последователей учения преследовали, их имущество отбиралось, их лишали всех прав¹⁰³ Другие императоры продолжили гонения на манихеев. В христианском мире святой Августин долгое время был манихеем, пока не перешел в христианство¹⁰⁴ Но манихейский способ мышления продолжал оказывать на него свое влияние и после того, как он стал христианином, хотя со временем и святой Августин внес свою лепту в отрицательное отношение к «ошибочному» учению Мани. Несмотря на свое усердное служение вновь обретенной истине христианства, святой Августин остался последователем манихейского способа дуалистического разделения добра и зла, что в особенности сказалось на христианском толковании «борьбы» искушений плоти с духом. Многие последователи Мани стали вдохновителями многих ересей в Европе, как, например, богомилы (Босния) и катары (Южная Франция) – их след ведет из Армении и прослеживается на Балканах и Средиземноморье. Элементы этих «ересей» обьявились и чуть позже, в XVI веке, в России.

Неудачи на римских границах и Армения

Бахрам I, удачно разрешивший многие внутренние проблемы, оказался не столь успешным в решении проблем внешних. Царица Зенобия – вдова царя Одената – попросила помощи Бахрама, чтобы избавить свою страну от присутствия римлян в Пальмире. Бахрам согласился ей помочь, но выделил для этой цели лишь небольшое число воинов. Император Аврелий (годы правления 270–275) захватил Пальмиру и взял в плен царицу Зенобию, после чего доставил ее как военную добычу в Рим. Таким образом, Бахрам не только потерял потенциального союзника и буферную страну, но он также навлек на себя ярость и возмущение римлян за свое пустое обещание оказать поддержку Зенобии. Из жажды мести римляне подтолкнули племена на Кавказе к вторжению в Атропатеу с северо-запада Ирана в 275 г. и сами одновременно повели большую армию к западной Персии. К большой удаче Бахрама, угроза со стороны Кавказа рассосалась сама собой, а император Аврелий умер, еще не дойдя до Персии. Римлянам не удалось довести намерение до конца. Бахрам тоже умер год спустя, в 276 г., и его место на троне занял сын – Бахрам II (годы правления 276–293).

Бахрам II, как и его отец, находился под большим влиянием фанатика Картира, который теперь сосредоточил в своих руках еще большую власть. Расправившись с пророком Мани и его последователями в Иране, он начал преследовать тех, кто исповедовал это вероучение не только среди ариев, но и среди неарийцев. К этому времени маги и большая часть аристократии объединились¹⁰⁵, образовав могущественную

олигархическую верхушку которая вызывала негодование и ненависть большей части населения империи на протяжении следующих столетий. Положение «независимых» аристократов и знатных представителей царской фамилии было шатким. Ормизд «Сака-шах» – брат Бахрама II – настроил саков в Сакистане на востоке, кушан на северо-востоке и поднял открытое восстание. Оно распространилось по северу Персии и привлекло к себе многих сторонников. Бахрам II подавил восстание и поставил своего сына Бахрама III царем над саками¹⁰⁶. Усмирив эти районы, он вынужден был почти сразу перебросить войска на подавление другого восстания, на этот раз организованного его дядей Нарсесом и многочисленными представителями знати, недовольными Картиром.

Римский император Кар (годы правления 282–283) решил воспользоваться удачным моментом и предпринял в 283 г. вторжение в империю, когда Бахарам II был занят подавлением мятежа. Воодушевленный победой над сарматами северного Ирана и Германика в Данубе, Кар быстрым маршем двинулся на столицу Ктесифон и взял ее¹⁰⁷. Римлянам чрезвычайно повезло, поскольку им не пришлось столкнуться с главными силами – асваранами, занятыми внутрдинастийной борьбой¹⁰⁸. Кар погиб от «удара молнии»¹⁰⁹. Это вполне возможно, но все же, скорее всего, он погиб в ходе военных действий. На скале Накши-Рустам имеется изображение поединка между Бахрамом II и «неизвестным» противником, служащее напоминанием о заключительной битве, в которой был наголову разбит Кар. Однако поскольку эта версия не имеет документального подтверждения, настаивать на ней нет смысла. Во всяком случае, нет никакого вразумительного объяснения, почему римляне так поспешно отступили. Одна только смерть императора не могла побудить их к этому. Успешное начинание требовало бы дальнейшего продвижения. Думается, причиной стала гибель большого числа римских воинов.

После смерти Кара императором стал Диоклетиан (годы правления 284–305). Он постарался как можно быстрее заключить перемирие с Бахрамом II и тут же приступил к строительству хорошо укрепленных крепостей в Сирии, на границах с Персией. Это перемирие оказалось выгодным и для Бахрама, так как в это время вспыхнуло восстание в Армении. Его организовал в 286 г. Тирдад – армянский царевич, по происхождению парфянин. Конечно же, Диоклетиан оказал поддержку мятежникам. И Армения после пятидесятилетнего прямого правления наконец полностью вышла из подчинения Персии¹¹⁰. Попытки Бахрама II восстановить власть над Арменией потерпели неудачу и вскоре он умер в 293 г., так и не добившись успеха.

Нарсес и возврат римских владений

Вслед за Бахрамом II на престол взошел его сын Бахрам III, который правил всего четыре месяца. Его сверг Нарсес, сын Шапура I. Он двинул свои войска из независимой теперь Армении в Атропатену, а оттуда – в Ктесифон. Еще до того, как он достиг Ктесифона, его с радостью встретила сасанидская знать в Пайкули (иракский Курдистан). Аристократы этой области находились под большим влиянием магов как в обычной жизни, так и в сфере политики. В лице Нарсеса они видели человека,

который восстановит баланс власти. Согласно пайкульским источникам, Нарсес был возведен на царство в 293 г. и правил до 301 г.

При Нарсесе империя вновь обрела стабильность. Ему удалось обуздать Картира и его сторонников среди магов и аристократии. Укрепив свою власть на восточных границах и на севере, Нарсес смог мобилизовать войска асваранов для новой военной кампании против римлян. Он намеревался повторить успехи Шапура. Асвараны вторглись в Армению и выбили оттуда в 295 г. проримски настроенного Тирдада. Затем Нарсес прошел по Сирии, как это сделал Шапур в 250 г. Поскольку римские войска повсюду терпели поражение, Диоклетиан направил в эти области своего зятя Максимиана Галерия. Галерий повторил ошибки своих предшественников – Красса и Валериана. Он выбрал для сражения с асваранами самое удобное для кавалерии противника место битвы при Каллиникуме¹¹¹. Подробности битвы остаются неясными, но в итоге Галерий был разбит¹¹². В римских источниках об этом говорится, что асвараны носили при себе «колчаны... и у каждого из них были луки и копья... все всадники Нисы сражались на этом поле брани вместе»¹¹³. Поражение Галерия привело к тому, что сасаниды стали полными властителями Месопотамии.

Галерий провел пересмотр своих сил в армии и очень тщательно подготовился к контрудару. В 296 г. он повел свою армию в Армению и выиграл битву у Нарсеса¹¹⁴. Поражение было сокрушительным, римляне взяли в плен многих членов царской семьи и большое количество аристократов¹¹⁵. Успех Галерия, видимо, связан с тем, что он выбрал для сражения не равнинные области Месопотамии и Сирии, а лесистые склоны кавказских гор, более выгодные и привычные для успешных действий его пехотинцев. Перед началом битвы римские пехотинцы выстроились в одну линию, которая должна была выдержать натиск конников-асваранов с копьями. Лошади и ноги всадников при этом были хорошо защищены. Видимо, пехотинцам удалось навязать противнику рукопашный бой. Поэтому лучники сасанидов не смогли оказать поддержку всадникам.

Теперь Нарсесу пришлось вести переговоры с позиции побежденного, что римляне использовали во всей полноте. По Нисибинскому мирному договору, который заключили в 297 г., границы вновь стали проходить по реке Тигр. Таким образом, большая часть территории на севере Месопотамии переходила к римлянам, Тирдад вновь сел на трон, и Персия уже не оказывала своего влияния на Армению и Грузию. Такое положение дел сохранялось на протяжении многих поколений и в среде сасанидов породило движение «реванша». Жестокое поражение Нарсеса вынудило его передать власть своему любимому сыну Ормизду II в 301 г., за год до смерти царя. Короткое восьмилетнее правление Ормиада характерно тем, что он сосредоточил все свое внимание на внутренних делах империи и не предпринимал никаких попыток начать войну с римлянами. До самой своей кончины он вынужден был постоянно успокаивать волнения в стране. Ормизду удалось добиться подчинения непокорных племен, которые находились на территории нынешнего Кабула, благодаря тому, что он женился на принцессе Шахедок – дочери кушанского царя Кабулшаха. Обстоятельства внезапной и преждевременной смерти Ормизда пока еще остаются невыясненными. Возможно, он погиб на охоте, а может быть, погиб в сражении с арабскими налетчиками на юге страны. Его место на троне занял несовершеннолетний сын – Шапур II в 309 г.

Глава 13

Шапур II: новое возрождение Сасанидской Персии

Шапур II, возможно, самый загадочный из всех правителей Древней Персии. Он правил в буквальном смысле от колыбели и до могилы. За время его семидесятилетнего правления в Риме сменились десять императоров, он выходил победителем из многих сражений с арабами, хионитами и римлянами. Последний из них – Юлиан Отступник – едва не разрушил империю Сасанидов. Но Шапур вывел Персию и из этого критического положения и заложил прочный фундамент для дальнейшего продолжения ее существования. Его наследие оказало глубокое влияние на ислам, на европейские традиции науки и медицины.

Арабское нашествие

Первое значительное нашествие арабов произошло, когда Шапур был еще ребенком. Захватчики смогли пройти с островов в Персидском заливе в самую глубь страны. Они намеревались завладеть южными территориями Сасанидской империи. *Бунда-бихин* пишет по этому поводу: «Во время правления Шапура, сына Ормизда, пришли арабы, они обосновались на берегу реки Карун (Улай) и оставались там долгие годы, нападая и грабя...»¹ Немалую роль в нападении арабов сыграл географический фактор: снижение уровня воды на востоке Аравии² Многие города на иранской границе были разграблены и разрушены, а его обитатели убиты или уведены в рабство. Добыча, которую арабам удалось захватить, внушила им уверенность в своих силах, и они начали вторгаться во внутренние районы Месопотамии в надежде достичь Ктесифона. К этому их побудила безнаказанность, поскольку никаких ответных военных действий со стороны сасанидов не последовало. Мальчика-императора окружали нерешительные и весьма заурядные *андарзбады* (советники), которые оказались совершенно неспособны в противостоянии арабам. Тех сил, что у них имелись, вполне хватило бы на то, чтобы хотя бы остановить набеги. Совершенно непонятно, почему советники, которые находились при мальчике-императоре, так и не смогли мобилизовать войско для того, чтобы предотвратить угрозу

Арабы, естественно, приписывали успешность рейдов своей удали и отваге. И пришли к выводу: вместо того чтобы совершать отдельные походы, имеет смысл обосно-

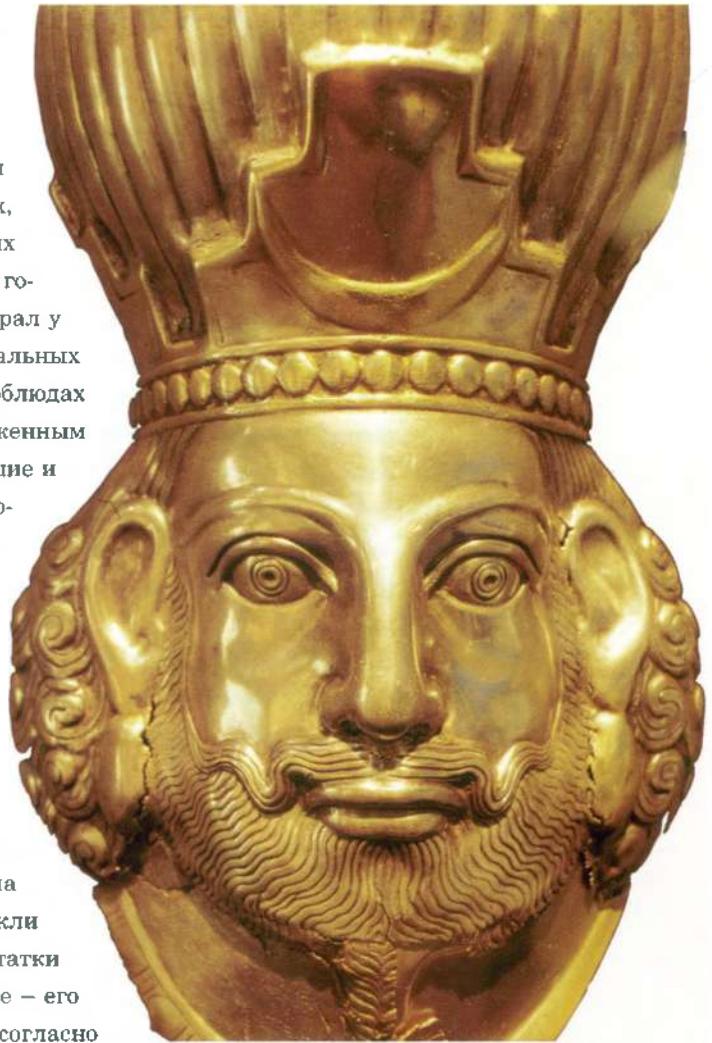

ваться на юго-западе Ирана и вдоль береговой линии Персидского залива, принадлежащей Сасанидам. Именно при таких обстоятельствах юный Шапур официально был провозглашен царем и вззошел на трон в Ктесифоне. Он тотчас отстранил от власти советников, собрал асваранов и повел их, чтобы разбить арабских захватчиков и вытеснить их за пределы своих границ. В «Бундабишне» об этом говорится: «Шапур повзрослел, изгнал арабов и отобрал у них земли. Он убил многих предводителей, а остальных рассеял в разные стороны»³ Арабские воины на верблюдах и на лошадях были способны противостоять вооруженным витязям, в особенности в ближнем бою. Но вот пешие и конные лучники наводили на них ужас своей беспощадностью, к тому же у сасанидов имелись отряды регулярных воинов среди пехотинцев, которые готовились специально для рукопашных схваток.

Для асваранов не составило особого труда продвинуться на захваченные арабами территории на юго-западе современной Персии и Хузистана. Они действовали весьма успешно, и вскоре все занятые захватчиками земли были полностью освобождены, в том числе и все побережье Персидского залива. Вскоре после этого победного марша асвараны погрузились на морские суда и пересекли Персидский залив. Теперь Шапур разбивал остатки арабских отрядов, но уже на их собственной земле – его войска вошли в Бахрейн, Гатиф и Ямаму, где, согласно исламским источникам, он вновь одержал полную победу⁴

Судя по историческим хроникам, Шапур обошелся весьма жестко со своими арабскими недругами. В одной из них, где автор, скорее всего, прибегает к сильным преувеличениям, говорится, что захваченных арабских пленников он приказал вести через пустыню, протянув веревку сквозь пробитые плечи. Арабы Бахрейна и Ямамы запомнили свое унижение и долгие годы после этого поражения лелеяли план отмщения Сасанидам, который им удалось реализовать в жестоком вторжении в VII веке н.э.

Угроза со стороны арабов побудила сасанидских полководцев предпринять особые меры для охраны южных районов для предотвращения подобных набегов. Вдоль всего западного района (нынешний южный Ирак) начали возводиться оборонительные стены, чтобы предотвратить в будущем набеги бедуинов. Образцом для них послужили крепостные сооружения римлян вдоль римско-сирийской границы на западе⁵ Оборонительные сооружения Шапура против арабов получили название «Кандак-е-Шапур» (Ров Шапура). С теми арабскими племенами, которые уже давно обосновались на Месопотамском плато неподалеку от Сирии, Сасаниды поддержива-

Шапур II. Сасанидское изделие из металла (Г. Т. Гарвей. Древнее искусство и архитектура).

ли дружеские отношения. Среди них были бани-лакхм, или лакмиды, которые выказали себя прекрасными воинами и обеспечивали мирную жизнь на южных границах империи. Сасаниды выдавали им доспехи и оружие, а также обучали своим приемам ведения боя. Такое расселение вдоль границ хорошо подготовленных воинов было, возможно, подсказано римской системой пограничных войск *limitanei*⁶

Шапур II готовится к войне

Вскоре после окончания военных действий на юге Шапур столкнулся с тем, что обострилось и продолжало ухудшаться положение в Армении. В 312 г. император Константин (годы правления 306–337) признал христианство в качестве одной из официальных римских религий. Он восстановил древний город Византиум на Босфоре, переименованный в Константинополь и ставший столицей Восточной римской империи – Византии. Однако Сасаниды того времени – главные соперники римлян – в своих текстах именуют этот город «Румом». Тирдат, армянский царь, следуя примеру Рима, также принял христианство, что вызвало сильнейшее беспокойство у магов и сасанидской аристократии. Они опасались, что римляне в дальнейшем могут использовать религиозный вопрос как клин, разделяющий иранцев и армян. Маги, действуя заодно с сасанидской знатью, убедили Шапура свергнуть Тирдата и посадить вместо него на трон Аршака, который провозглашал свою приверженность к арийским культам и зороастризму. Добившись удачи на Кавказе, маги начали вести борьбу с христианами в Персии и Армении. Эти шаги вызвали сильнейшее противостояние между Римом и Персией, в результате чего территории Армении и Кавказа были поделены между этими двумя державами. Несмотря на то что Армения приняла «римскую» религию, она никогда не теряла своих глубоких культурных и исторических связей с Персией⁷. Армянских воинов всегда принимали в ряды элитной конницы асваранов вплоть до самых последних дней существования династии Сасанидов.

После смерти Константина в 337 г. власть между собой разделили три его сына. Констанций (годы правления 337–361), которому досталось управление восточными областями империи, с самого начала был настроен весьма враждебно по отношению к Персии. И можно было не сомневаться, что рано или поздно римляне предпримут очередную попытку захватить Ктесифон. Рим был чрезвычайно заинтересован в восстановлении христианской монархии в Армении, чтобы свести на нет влияние Сасанидов. Вполне обоснованные опасения Шапура перед неизбежностью вторжения римлян побуждали его нанести упреждающий удар. Он поручил своим полководцам начать подготовку к войне, провести осмотр войск и ввести необходимые нововведения.

Подготовка армии

Концепция экспериментальной «сверхтяжелой» конницы стала вынужденной мерой, вызванной постоянным совершенствованием военных приемов римлян. Сасаниды начали готовить особого рода вооруженные отряды асваранов, которые могли бы прорывать линию обороны противника⁸. Идея заключалась в том, чтобы вооружить всадников более мощными, крепкими и длинными копьями, а также оружи-

ем для схватки в ближнем бою⁹ По-новому вооруженные асвараны имели при себе все виды оружия, необходимого для ближнего боя: мечи, клинки, дротики, булавы и тому подобное¹⁰ Эти отряды готовились к тому, чтобы, прорвавшись сквозь передовые отряды противника, вступить в ближний рукопашный бой. Стрелки-всадники тоже получали все необходимое снаряжение.

Сасанидская доктрина состояла в том, что за авангардом «сверхтяжелой» кавалерии рыцарей-асваранов в тесной близости с тыла и на флангах следовали асвараны с обычным вооружением и всадники-лучники на лошадях, защищенных броней. В первых сражениях это новшество – «бронированный кулак» – оказалось для римлян большой неожиданностью, однако ко времени вторжения Юлиана в Персию они уже нащупали слабые места этого тактического приема и умело пользовались своим знанием. Конструкция шлемов, прикрывающих лица, мешала персидским воинам быстро оценивать обстановку на поле боя, а тяжелые панцири лишали их возможности стремительно перемещаться в нужном направлении, если того требовала ситуация. И все же на практике новая сверхтяжелая кавалерия доказала свои боевые достоинства в сражениях против Юлиана, однако она также оказалась полностью несостоятельной в столкновениях с гуннами-эфталитами¹¹

Судя по всему, сасаниды также переняли у кушан, с которыми у них были тесные связи, обычай выводить на поле сражения слонов. Римский историк Аммиан Марцеллин описывает боевых слонов Шапура II следующим образом:

«...медленно выступал, высоко возвышаясь над людьми, отряд слонов с сидевшими на них вооруженными бойцами. Морщинистые чудовища представляли собой, на что я уже не раз указывал, ужасное зрелище, наводящее неописуемый страх»¹²

Когда Юлиан шел в поход на Персию в 363 г., он также вывел слонов на поле боя. Их выставили против тяжеловооруженных асваранов, действовавших плотными группами¹³ Слоны давали в бою больше преимуществ лучникам, сидевшим на платформах, позволяя им сверху обозревать поле боя и наносить более меткие удары. В позднейших описаниях, оставленных арабами, говорится о том, что слоны выходили на поле битвы богато украшенными.

Западные историки весьма иронически относятся к качеству подготовки персидских пехотинцев, исходя из опыта греков, побеждавших ахеменидов. Римляне тоже пренебрежительно отзываются о сасанидских пехотинцах. Тем не менее имеются и другие мнения. Так, Аммиан Марцеллин отмечает высокий профессионализм персидских пехотинцев, несмотря на то что пехотные отряды, сражавшиеся под Ктесифоном, оказались разбиты силами Юлиана и были вынуждены отступить. Однако Сасаниды осознали преимущества тяжеловооруженной пехоты и в последние дни своей династии предприняли усилия по возрождению этого рода войск. Тем не менее им все же не удалось добиться такого же высокого уровня, какой имелся у их византийских противников, и потому вынуждены были полагаться на конницу асваранов как на основную ударную силу. Наиболее эффективными пехотинцами, ведущими

Шапур II на охоте с мечом в руках, который он держит на сасанидский манер. Изделие из металла IV век. Найдено в Анатолии (Британский музей).

происхождение из сасанидской Персии, были даламиты, которые появились уже в армии Хосрова I.

Во времена Шапура II Сасаниды весьма успешно использовали свое инженерное искусство. Это со всей очевидностью было продемонстрировано при осаде Нисибина и при кампании в Антиохии, которую вел Шапур II в 540 г. Сасаниды проявили себя не только как инженеры – знатоки водных сооружений, но они также умело строили мосты через водяные рвы¹⁴. Выказывая глубокое знание, Сасаниды использовали самые разные военные технологии для захвата крепостей противника. Один из таких приемов – снабжение «погремушками» стрел, которые пускались в стан врага, чтобы вызвать там панику. Использовалась также засылка к противнику людей, сочувствующих персам, и шпионов для сбора нужных сведений, распространения противоречивых слухов и подрыва морального духа осажденных. После поражения Юлиана сасанидские инженеры

получили возможность изучить захваченные трофеи и разобраться в великолепных осадных машинах римлян. Шапур приказал своим мастерам разработать подобные машины для защиты от нападающих и установить их на всех римско-сасанидских пограничных крепостных сооружениях. Они выстроили большое количество фортов, стен, рвов и сторожевых постов вдоль всей границы с римлянами, протянувшейся до южной Месопотамии и Аравии.

Войны Шапура II с римлянами и хионитами

Закончив необходимые приготовления, Сасаниды начали массированное вторжение на территорию римлян. Они перешли Тигр, вскоре достигли городов Санджара и Нисибина и начали осаду, проявив при этом незаурядное инженерное искусство. Во время первой осады Нисибина в 337 или 338 году искусные мастера выстроили на реке Мигдон дамбы, скопили в запруде достаточный для ударной силы уровень, а затем резко спустили воду. Мощный поток обрушился на крепостные стены¹⁵. Несмотря на постоянные атаки сасанидов и большие потери, горожане не сдавались. К счастью римлян, у противника не было возможности продолжать осаду. Через два месяца после того, как сасаниды осадили Санджар и Нисибин, через западные границы в Персию вторглись хиониты – урало-алтайские потомки скинну, которые к этому времени доминировали в Средней Азии среди ираноговорящего населения. Сасанидской армии не оставалось ничего другого, как оставить уже захваченные у римлян территории и перебросить все войска на запад, чтобы выставить заслон перед новой угрозой, идущей со стороны Средней Азии.

Сасаниды заняли оборонительную позицию в Хорасане – западный Афганистан – и по всем границам со Средней Азией, отправив при этом просьбу в Ктесифон прислать им поддержку для отражения нападения нового опаснейшего противника – хионитов. По сохранившимся текстам можно судить о том, насколько кровавым и беспощадным было сражение саваранов с хионитами. К 357 г. хиониты были полностью разбиты. Когда на границах со Средней Азией вновь воцарилось спокойствие, сасаниды смогли вернуться на запад – к границам с римлянами. За время их отсутствия Римская империя претерпела огромные изменения. Теперь она разделилась на «западную» и «восточную» Римские империи. Это разделение послужило мощным толчком для развития европейской культуры, религии римско-сасанидских взаимоотношений. Вторжение сасанидов в Византию после тринадцатилетнего перерыва в войне было полномасштабным действием. Войска вновь пересекли Тигр и снова осадили Санджар и Нисибия (359 г.). Инженеры вырыли огромный ров, который заполнили воды Мигдоны, превратив город-крепость в остров. Кроме того, для нападения на город использовались корабли, хорошо оборудованные осадными орудиями¹⁶

Битва под Амидой

Одну из наиболее значительных побед сасаниды одержали в битве под Амидой (современный Диярбакыр в западной части Турции) в 359 г. В тот период район Гордиены находился под юрисдикцией Армении, а хорошо укрепленная город-крепость Амиды, жители которого, несмотря на то что правили в нем иранские кланы, придерживались проримских взглядов. Шапур II не оставлял надежды захватить город, потому что это значило занять ключевую позицию в восточной Анатолии. Захватив Амиду, сасаниды могли беспрепятственно распоряжаться Арменией, перекрыв римлянам дорогу на Кавказ. Шапур тщательно подготовился к походу на западные районы Анатолии. Он навел порядок на границах со Средней Азией, и вместе с ним в новом походе приняла участие усмиренная им хионитская конница во главе с их царем. Албания (современная Республика Азербайджан) также отправила на поддержку Шапура превосходную кавалерию, воинов которой асвараны приняли с должным уважением как равных себе.

Огромное войско Шапура переправилось через реку Заб по понтонному мосту, после чего с легкостью прошло западную Анатолию, окружив римские крепости Рема и Бусу¹⁷. Вскоре сасанидская армия дошла до Амиды и взяла ее в кольцо. Албанцы развернули позиции к северу от города, а хиониты – к востоку от него. Кавалерия саков из Сеистана-Балучистана стояла под командованием сасанидов на западе. С юга расположился Шапур и его элитная конница. О Шапуре писали, что он «вместо диадемы носил золотую округлую шапку, украшенную драгоценными камнями. В его свиту входили знатные люди самого высокого ранга и самых разных национальностей»¹⁸

Сасаниды выставили свои осадные орудия. Мощные металлические снаряды обрушились на стены и на сам город. От них несли тяжелые потери не только воины, но и мирные жители. Но Шапур не ставил перед собой цели разрушить до основания высокоразвитый культурный центр и его жителей. Он несколько раз отправлял

СЛЕВА НАПРАВО:
тяжеловооруженный
военачальник-конник;
конный лучник держит
символ с солнечным
диском в круге;
полководец на лошади
(Из «К 2500-летию со
времени основания
Персидской империи»).

послания горожанам, предлагая им сдаться, но каждый раз они отвечали отказом. Сасанидам не оставалось другого выбора, и они продолжали бомбардировать город метательными снарядами. После очередной атаки Шапур повел свою элитную гвардию асваранов на приступ городских ворот, в которых после массированного обстрела образовалась брешь. Римские хроники описывают, как Шапур «подъехал к воротам в сопровождении своих придворных. Его самонадеянность была так велика, что он приблизился к ним настолько близко, что можно было различить черты его лица»¹⁹ Несколько раз асвараны предпринимали попытку проникнуть в город, но каждый раз их останавливал град дротиков и стрел. Защитникам Амиды удавалось весьма успешно действовать против обычных всадников. Но положение могло измениться с появлением тяжеловооруженных асваранов, доспехи которых «полностью защищали воина от стрел»²⁰ Однако ширина городских ворот вынуждала асваранов наступать достаточно плотной группой²¹ Защитники города использовали это обстоятельство, и, всего вероятнее, они позволили асваранам приблизиться к воротам на расстояние около сотни метров, а потом открыли по ним непрерывную стрельбу, которая оказалась губительной даже для тяжеловооруженных витязей. Скорее всего, у осажденных имелись метательные орудия очень высокого уровня и высокой пробивной способности с механическими приводами. Одно из таких орудий сразило насмерть Грумбата – сына царя хионитов: «Меткий стрелок прицелился в него, и как только тот достиг нужной точки, метательный снаряд попал в юношу, пробив и доспехи и грудь»²² На третий день осады полководцы Шапура совершили перестановку сил, заменив уставших бойцов свежими силами. Аммиан Марцеллин так описывает начало атаки:

«На рассвете третьего дня конные воины в сверкавших на солнце доспехах заполнили все окрестности, сколько хватало глаз, и, медленно продвигаясь вперед, заняли предназначенные им позиции. Персы обложили город по всей окружности стен: восточная часть, где пал тот роковой для нас юноша,

досталась хионитам, южная сторона была отведена... северную сторону заняли албаны, а против западных ворот поставлены были сегестанцы, самые храбрые из всех войны»²³

Полководцы Шапура избрали тактику «кольца из пяти линий сомкнутых щитов»²⁴. Обработанные поля вокруг города были уничтожены, и жители Амиды лишились запасов продовольствия. Наличие в отрядах сасанидов представителей джеланов из Гиркании означало, что нападающие готовы перейти к рукопашной схватке. В войске сасанидов раздались звуки труб, которые послужили сигналом к началу окружения и атаки конницы. На жителей Амиды вновь обрушились метательные снаряды и поток стрел. И все же сасаниды вновь вынуждены были отступить из-за больших потерь. Неудачной оказалась и попытка ночной вылазки. Но осажденные столкнулись с большими трудностями: 20 000 жителей города сильно пострадали. Семь римских легионов выбрались за пределы города, чтобы похоронить павших товарищей. В городе начались вспышки чумы, правда, дождь, разразившийся несколько дней спустя, смыл заразу.

Шапур и его полководцы продолжили осаду. Сасанидские механики соорудили вокруг города баллистические орудия, затем возвели машины, которые спереди полностью закрывались металлическими «щитами», а сверху на этих башнях тоже установили баллистические орудия. Они должны были помешать метателям пращи и стрелкам из лука, стоявшим на крепостных стенах, обстреливать нападающих пехотинцев. Инженеры также возвели насыпи вокруг стен. К тому же 70 элитных лучников незаметно просочились в город с южной стороны под покровом ночи, чтобы обстреливать римлян изнутри. На следующее утро они по сигналу начали обстрел, позволив тем самым сасанидским воинам двинуться на приступ²⁵. Но когда их колчаны опустели, римляне напали на этот отряд и уничтожили всех, благодаря чему им удалось снова начать обстрел нападающих. Галльский отряд даже совершил удачную вылазку и потеснил ряды сасанидов.

Армия Шапура, продолжившая наступление, вновь была отброшена мощными баллистическими залпами, лучниками и метателями пращи. Но все же сасанидские орудия и лучники, стоявшие на башнях, не давали стрелкам осажденных действовать успешно, поскольку находились на одном уровне с римлянами и сражали противника чуть ли не в упор. И тогда осажденные принялись обстреливать башни, которые, «не выдержав ударов металлических круглых ядер, разрушились»²⁶. Но легко воспламеняющиеся снаряды (они оказались очень эффективными), которыми персы забрасывали осажденных со слонов, ослепляли защитников города. Шапур присоединился к воинам, двигавшимся, сомкнув ряды, «плечом к плечу», что было весьма опасно, потому что привлекло внимание лучников на крепостных стенах. Многие воины из царской гвардии погибли, защищая своего монарха. Битва продолжалась даже после наступления ночи.

Несмотря на свою отвагу и мужество, римские отряды Амиды были побеждены. Сасаниды взбирались на возведенные инженерами насыпи, которые по высоте равнялись крепостным стенам. Римляне оказались не в состоянии помешать нападавшим перебрасывать лестницы с насыпи на крепостную стену, и сасаниды наконец

ворвались в город. Битва была столь ужасной, что рвы вокруг города оказались заполненными телами убитых, как с той, так и с другой стороны. Жители Амиды, сознавая безнадежность своего положения, сдали город. Шапур II и его асвараны вошли в городские ворота, остававшиеся столь долгое время неприступными. Кровавая осада Амиды закончилась.

Юлиан Отступник: последняя попытка римлян завоевать Персию

Войны Шапура II привели к восстановлению империи в границах, установленных при Шапуре I. Не менее важным было и то, что восстановился авторитет сасанидской армии, сильно пошатнувшийся после поражения в битве с Галерием в 296 г. Император Юлиан (годы правления 361–363) вознамерился не только восстановить баланс сил в пользу римлян, но и окончательно разбить сасанидскую армию.

Юлиан был язычником, вызывавшим враждебное отношение не только христиан, но и, возможно, какой-то части своих воинов. Вскоре после восшествия на трон Юлиан начал набирать новое войско. Перед тем как римский император двинулся на Персию, Ормизд – брат Шапура II – перешел на сторону противника с большим количеством своих асваранов. Аршак, армянский царевич парфянского происхождения, также предал сасанидов и встал на сторону Юлиана. Цель предстоящей кампании была ясна: войти в Персию, захватить Ктесифон, разбить персидскую армию, и в особенности ее ядро – конницу асваранов. После чего Ормизд и Аршак должны были стать марионеточными правителями, один – Персии, другой – Армении²⁷. Детали похода и тактика этой кампании уже неоднократно обсуждались во всех подробностях, однако я позволю себе остановиться на наиболее примечательных моментах похода Юлиана²⁸.

Вторжение Юлиана в Персию началось в 362 г., вместе с ним шло 65 000 воинов. Он разделил свою армию на две части: 35 000 человек повел сам Юлиан через Месопотамию, в то время как Прокопий встал во главе другой половины – из 30 000 воинов, шедших через Армению²⁹. В его задачу входило предотвратить передвижение войск сасанидского царя и не дать ему внезапно ударить по Юлиану с флангов³⁰. Римский император намеревался взять Шапура II в гигантские клещи³¹. Чтобы осуществить этот замысел, Шапура надо было вынудить вступить в сражение по заранее разработанному плану – сценарий, которого персы старались избежать, сколь было в их силах. К тому же огромная дистанция между армиями Прокопия и Юлиана делала невозможной координацию совместных действий. Отсутствие войск Прокопия в сражении Шапура с Юлианом в Месопотамии и сыграло решающую роль.

Из Антиохии Юлиан сразу направился к Евфрату, где его ожидало 1000 специально сооруженных судов, которые следовали за армией Юлиана на восток по реке. Соединение сухопутных и морских сил напоминало вторжение Траяна в парфянскую Персию, которое произошло за 250 лет до этого. Шапур не принял вызова Юлиана и не вступил в непосредственное сражение с такой огромной и хорошо подготовленной армией. Вместо этого он постоянно тревожил римлян бесчисленными нападениями

отдельных «летучих» отрядов, боевых слонов тяжеловооруженных асваранов и «регулярных» воинов, действовавших как конные лучники³². Нападавшие мгновенно отступали прежде, чем римляне успевали подготовиться к контратаке.

Вавилон и Селевкию римляне взяли с большой легкостью. Теперь армия Юлиана стояла уже возле Ктесифона. Это был тот момент, когда две армии должны были встретиться в смертельной схватке. Историки предполагают, что сасаниды использовали в сражении тяжеловооруженных пехотинцев, подобных римским гладиаторам. Сасаниды были побеждены и отступили в город. Жители оказали упорное сопротивление римским войскам. Затяжная осада могла оказаться очень опасной, так как основное ядро сил Шапура II все еще оставалось достаточно многочисленным, однако, добившись столь больших успехов, Юлиан даже и не помышлял об отступлении. Он принял роковое решение пересечь Тигр, чтобы ударить в самое сердце Сасанидской империи. После переправы он разрушил суда, чтобы они не попали в руки противника.

Главное сражение сасанидские военачальники дали римлянам под Марангой. Юлиан распорядился закрыть все просветы между воинскими отрядами, чтобы нейтрализовать шапуровских лучников и не дать возможности активно действовать тяжелой кавалерии, вооруженной длинными копьями³³. Пока остается неясным, как удалось свести на нет действия боевых слонов. Юлиан выиграл в тактическом отношении, но это не решило исхода войны. «Победа» сильно ослабила римскую армию, в

Император Юлиан, напавший на Сасанидскую империю в 363 г. н. э. Он мог бы достичь успеха, если бы не разделил свое войско (Эрик Лессинг).

Походы Юлиана

то время как асвараны все еще оставались полными сил. Сасаниды продолжали тревожить римлян вылазками «летучих» отрядов, и в одном из таких рейдов – 26 июня 363 г. – был убит Юлиан. К этому времени римляне понесли большие людские потери и имели безнадежно мало источников снабжения войск, что сразу сказалось на моральном духе воинов. Положение оказалось весьма трудным, так как римляне оказались заключены в Персии, как в западне. Теперь было ясно, что инициативу в свои руки перехватили сасаниды. Перед римлянами стоял выбор: либо стоять насмерть до конца, либо пробиваться к границам Римской империи. Принять первый вариант – означало обречь себя на гибель, второй – тоже был достаточно опасным. Полководец Юлиан, взявший на себя командование, и остальные полководцы пришли к выводу, что самое лучшее решение – прекратить сражения и заключить мир.

Шапур II потребовал от римлян контрибуцию, и они жестоко заплатились в прямом смысле за бездумное решение Юлиана пойти войной на Персию. Римлянам пришлось отдать пять главных районов на Тигре и 15 главных крепостей. Среди них были Нисибин и Санджара. Это было особенно унижительно и тяжело, так как означало принести в жертву население этих городов, сопротивление которых в свое время было напрасным. То, что сасаниды получили в свои руки Нисибин, было чрезвычайно важно в стратегическом отношении, поскольку он находился в руках рим-

лян еще с парфянских времен. Когда римляне заключили мирный договор, Нисибин считался важнейшей стратегической базой, там хранился большой арсенал. Отдав Нисибин, римляне сразу теряли свои позиции в Месопотамии и оказывались более беззащитными в том случае, если бы персы вздумали напасть на них. Положение римлян в Армении также становилось весьма затруднительным, так как римский военачальник практически сдал своих союзников. Римляне отказывались оказывать какую-либо поддержку армянскому царю в случае его конфликта с Сасанидами. Таким образом, можно сказать, что положение римлян до вторжения Юлиана было намного более прочным и стабильным, чем оно оказалось в 363 г. Единственным утешением для римлян служило то, что пункты договора с Сасанидами действовали только в течение тридцати лет. Но все это время Сасаниды оставались полновластными хозяевами в Месопотамии, Анатолии и на Кавказе.

Историки сильно расходятся во мнении, что произошло бы, если бы Юлиан остался жив. Быть может, зарождающаяся христианская религия оказалась бы под большой угрозой, и вполне может быть, что язычество вновь заняло бы в Риме прежнее – главенствующее положение. Не исключено, что митраизм просуществовал бы в Европе и до наших дней.

Глава 14

Бурный V век

Позолоченное серебряное блюдо. Сидящее божество с кольцом в руке, символизирующим власть, может быть Митрой. С двух сторон его трона два симурга. Считается, что в центре изображена встреча шахиншаха с Арташиром II (379–383), который занимал место шахиншаха до прихода иранского царя; внизу его сын Пероз, унаследовавший титул отца (Британский музей).

Период 379–420 гг. отличался сменой целой череды царей, которые один за другим на краткий срок оказывались на троне. Ардашир II (годы правления 379–383), хотя и был слабым правителем, пользовался большой популярностью в народе, несмотря на то что преследовал христиан до того, как пришел к власти¹. Зато аристократы его недолюбливали. После четырех лет правления Ардашира отстранили, передав бразды правления в руки его любимого племянника Шапура III. Пять лет правления Шапура III (383–388) примечательны тем, что он все время пытался достичь соглашения с римлянами относительно Армении. В итоге в 384 г. был подписан договор, по которому римлянам уступалась немалая часть сасанидских территорий в Армении. Следом за Шапуром III на трон взошел его сын Бахрам IV (годы правления 388–399), известный как «Керманшах»², поскольку до того, как власть перешла к нему в руки, он служил наместником в Кермани (Германи)³. В силу своего характера он сочувствовал беднякам, отчего и заслужил неприязненное отношение придворной знати⁴.

Йездегерд I («назначенный Яздой» или Богом) (годы правления 399–420) пришел на смену Бахраму IV завершив десятилетие хаотического правления. Он признавал как христианство, так и иудаизм, и такая позиция вызывала жесткое противоборство многочисленных зороастрийских священнослужителей. В христианских источниках Йездегерда восхваляют, а в пехлевийских текстах по отношению к нему употребляются выражения вроде «грешный Йездегерд», видимо, из-за его благоволения к христианам⁵. Полагают, что он женился на иудейке из знатной семьи, и она родила ему сына, которого называли Нарсес. Император Аркадий отзывался самым положительным образом о характере Йездегерда и передал уважительное отношение к сасанидскому монарху в наследие своему сыну, Флавию Феодосию II. Чтобы наследник получил реальное представление о делах управления, Йездегерд оставил его в Ктесифоне и утвердил в одной из высших должностей при дворе *андарзабада* (советник). Настроения дворцовой знати и магов, а также противостояние им со стороны христианских прозелитов, настроенных против зороастриз-

ма, все же вынудили Йездегерда начать достаточно жесткое преследование христианства. Тем не менее и после этой меры его дружеские отношения с Римом остались неизменными.

Бахрам Гур

После смерти Йездегерда в 420 г. местная аристократия сделала все, чтобы помешать возвыситься его сыну Бахраму V, героические деяния которого в самых торжественных тонах описаны в бессмертном эпическом сказании «Шахнаме». Благодаря своему умению стрелять из лука он заслужил прозвище Гур или Онагр (дикий осел), поскольку при охоте на последних, как и на других животных, отличался большой меткостью. Брат Бахрама – Шапур – безуспешно попытался захватить власть, но аристократия поддержала другого претендента на трон – Осрова – прямого потомка Ардашира I. состоявшего в отдаленных родственных отношениях с Йездегердом. Однако Бахрам не пожелал так легко отказываться от правления, тем более что у него имелись влиятельные союзники, в особенности Мехр-Нарсе, представитель клана спанбатов, который к тому же был одним из первых министров Йездегерда. Вдобавок к этому Бахрам вырос и получил образование при дворе аль-Наумана – вассала арабского царя Хиры, и мог надеяться на поддержку с этой стороны. Так оно и получилось: Лакмид предоставил к его услугам хорошо подготовленное и обученное войско, вполне сопоставимое по боеспособности с асваранами⁶. Поддержка Мехр-Нарсе и Лакмида помогла Бахраму V удержаться на троне⁷.

Бахрам неоднократно устраивал гонения на христиан, обвиняя их в том, что они шпионят в пользу Рима. Но не исключено, что «зороастрийский фундаментализм» Бахрама вызван всего лишь желанием заручиться поддержкой магов. Он даже стал требовать возвращения тех христиан, которые бежали от него из Персии в Византию. Император Флавий Феодосий II (годы правления 421–450) отверг эти требования, и Бахрам объявил ему войну. Короткие военные действия между двумя странами перекинулись из Нисибина в Армению, но ничем не закончились для обеих сторон⁸.

В конечном счете Бахрам подписал с Византией договор о столетнем перемирии. По этому договору христиане получили свободу вероисповедания⁹. Римляне в свою очередь обязались не подвергать гонениям последователей зороастризма в своей империи. Этот договор вполне устраивал и Армению, которая была уже во многом христианизированной страной. Армянский патриарх и *наксатары* (местная знать) расходились только в вопросе о том, можно ли считать Армению провинцией Сасанидской империи. Но все же наксатарам, настроенным просасанидски, удалось добиться своего, и Бахрам назначил своего наместника в Армении. Феодосий также передал сасанидам крепость Дербент, защищавшую проход на Кавказе. Бахрам принял это с условием, что римляне также будут оплачивать часть расходов, которые потребуются для обороны крепости. Договор с Феодосием повлек за собой в высшей степени необходимое спокойствие на границе с Византией, что позволило Сасанидам сосредоточить военные силы на востоке, на границах со Средней Азией, где начала складываться тревожная обстановка.

Угроза эфталитов из Средней Азии

На северо-востоке империи, вдоль границы со Средней Азией, начала возникать новая и опасная угроза, исходившая от неиранского населения, известного в Персии под названием «хаяфеле». Греческие историки именуют их «эфталитами» или «белы-

Бахрам Гур на охоте в сопровождении асзаранов. Миниатюра написана в 1539–1543 гг. для шаха Тахмаспа из династии Сафавидов. Тема царской охоты в период Сасанидов – одна из наиболее распространенных для изделий из металла (Британский музей).

Бахрам Гур и эфталиты в 420–421 гг. н.э.

ми гуннами». Однако определить этническую принадлежность эфталитов довольно сложно. Есть предположения, что это сюнну (тюрки, смешавшиеся с иранцами и говорящие на тюркском языке). Фрай высказывает предположение, что на самом деле эфталиты ведут свое происхождение от иранцев, которые оказались под влиянием алтайской и тюркской культуры и языка¹⁰ Но каким бы ни было происхождение эфталитов, они стали предвестниками будущего торжества сюнну (гуннов, тюрков, аваров и монголов) над всеми территориями Средней Азии и мощного их вторжения в Западную Европу и Персию.

К IV столетию н.э. объединения гуннских племен захватили иранские (в основном кушанские) районы Средней Азии. Падение кушан привело к вакууму власти в Средней Азии, что использовали хиониты и эфталиты. Экспансия эфталитов сдерживала влияние Ирана и индоевропейской культуры в Средней Азии. Сначала эфталиты завоевали Тохаристан, затем прошли в Бадахшан, Балх и Согдиану. Иранское население в захваченных районах в одних случаях отступало к западу, в других – было уничтожено или поглощено и ассимилировано захватчиками; этот процесс продолжался еще и в исламское время. Тем не менее в Средней Азии все же сохранились и выжили носители иранских языков – в частности, говорящие на персидском таджики, говорящие на дари и пушту афганцы, а также жители Бадахшана.

Эфталиты были настроены чрезвычайно враждебно по отношению к империи Сасанидов, что в итоге вылилось в полномасштабное вторжение в Персию в 420 г. Они почти не встретили никакого сопротивления, так как Сасаниды в это время были полностью поглощены конфликтом с Византией. Но даже и после завершения в 421 г. войны с Византией со стороны Бахрама не последовало никакого видимого отклика на вторжение. Более того, вместо того чтобы начать подготовку к военной кампании, он объявил, что отправляется в долгую поездку в Атропатену, чтобы поохотиться там. На время его отсутствия регентом в Ктесифоне оставался его брат Нарсес. Нарсес отправил эмиссаров к царю эфталитов и предложил заплатить им большую дань, если они покинут пределы северной Персии.

На самом деле «охотничья поездка» была всего лишь уловкой со стороны Бахрама. В действительности он собрал небольшое элитное войско из 7000 асваранов, возможно из отряда царской гвардии¹¹ Трудно утверждать со всей определенностью, но, видимо, этот отряд в чем-то был продолжением традиций тех элитных войск, которые существовали у сасанидов при Шапуре I. У Бахрама имелись первоклассные тяжеловооруженные всадники-лучники с хорошо продуманной защитой и для лошадей. Бахрам распорядился пригнать верблюдов, взять с собой соколов и охотничьих собак¹² И еще по его приказу отряд взял с собой в тайный поход на восток 7000 воловьих кож и 7000 лошадей-однолеток.

Перед битвой на Мерве Бахрам сначала отправил большое количество разведчиков по всему царству эфталитов¹³ В появлении таких людей не было ничего странного, на этой территории все еще находилось большое количество говорящих на иранском языке людей от Тохаристана до Мерва. Через своих шпионов Бахрам выяснил, что и в его государстве также разбросана шпионская сеть эфталитов. И он приказал выловить осведомителей. После чего Бахрам со своими воинами отправился на восток, вдоль Каспийского побережья, по землям, которые сейчас считаются провинциями Джилан и Мазандаран. Чтобы их продвижение по-прежнему оставалось тайным, они двигались только ночью. В результате им это действительно удалось, появление войска оказалось неожиданностью как для эфталитов, так и для обитателей Ктесифона. Когда асвараны пересекли Нису и оказались под Мервом, выяснилось, что эфталиты доверчиво ждут богатых даров от Нарсеса.

Ночью перед сражением Бахрам распорядился шить воловьих кож, надуть их, наполнить камнями и привязать к шеям жеребцов-однолеток. Шум, который подняли 7000 тысяч воловьих шкур, заполненных камнями, как описывается очевидцами,

Северо-иранская пряжка для пояса, возможно, аланская. IV в. н.э. Институт манускриптов, Грузинская академия наук (доктор Давид Купения).

напоминал громовые раскаты¹⁴. Потом испуганных грохотом этих камней лошадей отпустили по направлению к лагерю эфталитов. Они ворвались в лагерь, сея смуту и панику. После чего немедленно последовала атака воинов. Асвараны помчались прямо на вражеский стан. Теоретически решающую роль в сражении сыграла элитная гвардия Бахрама, которая, следуя излюбленным приемам сасанидов, ударила точно в центр, где располагались полководцы¹⁵. Этим объясняется, почему сразу же, еще в начале битвы, был убит царь эфталитов. А также почему многих воинов это нападение застало «спешившимися» и совершенно беззащитными перед длинными копьями асваранов. Лучники-всадники обрушили град стрел на тех, кто пытался вскочить на лошадь и отразить нападение. Элитные воины-асвараны с их длинными копьями, а также умело действовавшие всадники-лучники – причина того, что в этом сражении погибло огромное число эфталитов. Тех, кто попытался ускользнуть, догоняли и безжалостно убивали.

Но Бахрам не собирался ограничиваться тем, чтобы изгнать эфталитов за пределы Персии. Он отдал приказ своим асваранам пересечь реку Окс и перейти на другую сторону, где находились земли эфталитов в Средней Азии¹⁶. На этот раз эфталиты подготовились к битве, но Бахрам снова выиграл сражение¹⁷. Перед лицом полного уничтожения эфталиты запросили мира. Бахрам воздвиг колонну, чтобы ясно и недвусмысленно обозначить границу, где заканчивалась территория эфталитов и начиналась территория Персии¹⁸. Эфталиты получили жестокий урок и отомстили Персии десятилетия спустя.

Весть о победе Бахрама восторженно отпраздновали в Ктесифоне и по всей империи. Царь сасанидов привез богатую добычу. Корона хана эфталитов была захвачена как военный трофей и передана в зороастрийский храм огня в Шизе (нынешний Тахт-е-Сулейман в иранском Азербайджане)¹⁹. Впечатление, которое произвела блестящая победа Бахрама, было так велико, что правитель Бухары в Средней Азии приказал отчеканить монету с копии монеты Бахрам Гура²⁰. Некоторые историки считают, что Бахрам также аннексировал у Индии одну или две провинции, в результате чего произошел обмен музыкальными традициями между Индией и Персией. Если предположение верно, то Бахрам, следовательно, осуществил это завоевание, направив свои войска победы над эфталитами на юго-восток, к индийским границам.

Традиционно историки считают, что Бахрам Гур погиб во время охоты на онагров, когда упал с лошади, попав в зыбучие пески, в районе между нынешним Ширазом и Исфаханом. Однако последние находки археологов на юго-западе Ирана вынуждают нас пересмотреть эту версию. В 2005 г. один пастух случайно провалился в расщелину в горах Пул-е-Дохтар, неподалеку от Хуррамабада (город Дезфул в Хузистане). Там и были найдены предметы искусства, выполненные во времена сасанидов, а также человеческие останки. Иранское археологическое общество датирует найденные предметы эпохой правления Бахрам Гура. И даже более того, существует уверенность, что они принадлежали человеку самого высокого положения. Это привело исследователей к выводу, что давние подозрения относительно того, что Бахрам Гур был убит, имеют под собой основания²¹. Невероятная популярность Бахрам Гура, которой он пользовался в народе и которая по сей день находит отклик в фоль-

клорных произведениях курдов, персов, балучей и азербайджанцев, могла вызывать сильнейшее недовольство у аристократии. Тем более что придворная знать с самого начала была недовольна появлением на троне Бахрам Гура, вопреки ее желанию видеть на этом месте Мер-Нарсеха или Лакмида. Редкие гонения, которые Бахрам устраивал на христиан, не могли убедить зороастрийских священнослужителей в том, что он истинный «фундаменталист». В фольклорных сказаниях мать Бахрама пытается разрыть зыбучие пески, поглотившие ее сына, но ничего не находит. В этих же преданиях говорится о том, что царя убили придворные и священнослужители. Дальнейшее изучение найденных в Пул-е-Дохтаре предметов, несомненно, принесет много значительных сведений об истории и культуре Ирана тех лет

Йездегерд II

На смену Бахрам Гуру пришел его сын Йездегерд III (годы правления 438–457). Рим нарушил дух и условия договора, заключенного между Бахрам Гуром и Феодосием II, начав возводить фортификационные сооружения вдоль римско-сасанидской границы, в особенности неподалеку от Каррах (нынешний Харран). Это было расценено сасанидской стороной как военная акция, поскольку новые крепости могли послужить плацдармом для вторжения в Месопотамию из Сирии. Полководцы Сасанидской империи начали обдумывать свою военную стратегию и объявили военную мобилизацию. Йездегерд также начал набирать в армию и неиранских воинов из своих союзников, в их число вошел особенно ценившийся индийский контингент.

Асвараны без особого труда разбили римлян. Вполне возможно, они достигли бы и больших успехов, если бы не наводнение в Месопотамии. Римляне оказались не готовы оказать сильное сопротивление, так как их отвлекало положение, сложившееся на европейских границах империи. Гунны подступали с востока, с юга и из Центральной Европы и представляли смертельную угрозу для римской цивилизации. Византия, занятая на европейском театре военных действий, ощущала угрозу, исходящую от Сасанидов, и, следуя примеру Феодосия II, поторопилась заключить с ними мир. Полководцы Феодосия были отправлены в империю, чтобы оказать почести Йездегерду и сасанидским полководцам. К счастью для византийцев, требования, выдвинутые Йездегердом в условиях договора, были достаточно справедливыми. Сасаниды просто требовали сохранять верность тем пунктам, которые были утверждены еще Бахрам Гуром и Феодосием, – римляне должны были отказаться от каких-либо попыток возводить фортификационные укрепления на общей границе. Точно так же, как и византийцы, Сасаниды хотели заключить мир как можно быстрее, поскольку сами столкнулись с новой угрозой на границах со Средней Азией.

Новая угроза из Средней Азии: кидариты

В начале 440-х гг. кидариты – прототюрки или племена сюнну – стали посягать на границы Сасанидской империи. Их опасные набеги участились, в особенности на востоке, в районе Хорасана. Они также вступили в Хорезм, расположенный севернее

Битва при Аварайра: армянские витязи и лучники, защищающие христианские святыни от зороастризма и арийских магов. Асвараны и армянские витязи одевались и вооружались для битвы примерно одинаково и воевали примерно одними и теми же приемами. Примечательно, что на этой миниатюре изображены сасанидские боевые слоны и лучники, но нет ни одного асварана.

Хорасана. Набеги проводились с исключительной жестокостью: они грабили, расхищали имущество, убивали или уводили в рабство людей. Йездегерд III, его визири, знать и командиры отрядов асваранов собрались в Ктесифоне, чтобы обсудить, как справиться с новым противником. И в результате была разработана «пошаговая» стратегия, которую предполагалось применять постепенно, растянув ее по времени. Прибывшие в 433 г. в Нишапур асвараны сначала возвели мощные крепости в Горгане и Хорасане. Эти крепости должны были послужить стартовыми площадками для вторжения на территорию, которую контролировали кидариты. Надо сказать, что сасаниды тщательно анализировали и оценивали каждую свою битву²², и это, несомненно, дало им ценную информацию о военной силе кидаритов, о слабых и сильных сторонах их армии. К 450 г. стратегия сасанидов дала плоды. Решающая битва произошла в районе Талегана, где сасаниды одержали убедительную победу над кидаритами, вынудив последних вернуться вплавь через реку Окс. Несмотря на то что в источниках почти ничего не говорится о тактике боя, нет никаких сомнений, что всадники-лучники и копьеносцы принимали в нем самое активное участие.

После разгрома кидаритов Йездегерд III продолжил строительство мощного укрепления, получившего название Шахрестан-е-Вузург (дословно: гигантский местный город). Позднее он стал известен как Абаршар. Это явное свидетельство того, что Сасаниды начали экспериментировать с системой расположенных в стратегически важных пунктах крепостей, которые должны направить будущие вторжения из Средней Азии в заранее подготовленные Сасанидами «зоны уничтожения»²³ Эффективность этой системы по-настоящему осознали и оценили только столетие спустя, во время кампании Бахрама Чубина.

Однако угроза не исчезла и после того, как кидариты были разгромлены, и Йездегерд II вынужден был вновь возвращаться к границам Средней Азии, чтобы сражаться с ними все последние годы своего правления. Нет никаких свидетельств о том, что кидариты когда-либо одерживали верх или захватывали территории Сасанидов, однако их присутствие все время ощущалось как потенциальная военная опасность. Они продолжали совершать набеги на империю, а потом быстро возвращались, преодолевая Окс. Поскольку сасанидам не надо было разворачивать свои главные силы на западе после 450 г., они смогли перебросить большую часть армии на восток, чтобы сдерживать присутствие кидаритов и не давать им совершать набеги. Однако чего сасаниды не могли остановить – это, разумеется, постоянного совершенствования военной технологии в Средней Азии. Все самые последние нововведения, разработанные в Китае, тотчас получали очень быстрое распространение в Средней Азии. Гунны, тюрки и эфталиты тотчас брали все на вооружение. Эти разработки, видимо, не привлекли внимания Сасанидов, отчасти по той причине, что их внимание переключилось на Кавказ, где назревал очередной кризис.

Указ Йездегерда. восстание в Армении

Наследники парфянской династии в Армении остановили свой выбор на христианстве еще в начале V века н.э. Христианство не получало полного распространения в этом регионе до начала 400 г. Существенный сдвиг в этом отношении произошел в 410–412 гг, после того, как Библия и большая часть христианской литературы была переведена на армянский язык, и после того, как Бахрам Гур начал проявлять терпимость к этой религии. Армения в основном сохраняла дружеские отношения с Сасанидской империей, несмотря на распространение христианской веры, которая остается там главенствующей и по сей день. Зороастрийским священнослужителям-магам так и не удалось вновь утвердить свои культы в Армении. Придворная сасанидская знать не могла смириться с терпимостью Бахрам Гура в отношении христианства, распространившегося в Армении. Йездегерда, в отличие от его предшественника, можно назвать истинным «фундаменталистом» зороастризма. Он поддерживал ортодоксальных магов и настроенных против христианства аристократов в столичном городе. В 449 г., когда империи пришлось сражаться с кидаритами, представителей армянской знати вызвали в Ктесифон, где они получили строгий указ, в котором предписывалось «вернуться» к исконной вере – зороастризму. Но аристократы Армении отказались менять вероисповедание. Несмотря на нажим, который оказали на них в столице империи, они, вернувшись на родину, под давлением народных масс вновь подтвердили свою приверженность христианской вере. Как свидетельствуют армянские источники, даже жены придворных приготовились выступить против своих мужей, если те откажутся подтвердить свое вероисповедание и преданность христианским ценностям. Под предводительством Вардана Мамиконяна в Армении началась всеобщая подготовка к восстанию.

Йездегерд распорядился собрать только что вернувшихся ветеранов похода в Среднюю Азию, чтобы выступить с ними против непокорных соседей. Армянские

источники свидетельствуют о сокрушительном поражении сасанидской армии, которое та потерпела в результате этой необдуманной кампании. В поход отправилось 220 000–300 000 воинов (в том числе и отряд боевых слонов), ведомых полководцем Мушканом, который прибыл в Армению 13 апреля 451 г. Армянские источники точно оценивают общую численность сасанидского войска, однако количество кавалерии асваранов в его составе остается неясным. Число асваранов в империи не могло превышать 50 000 человек. Надо также учесть, что, несмотря на усмирение Средней Азии, было все же необходимо оставить гарнизоны для охраны границ. Способность выставить столь большое количество кавалеристов, какое источники приписывают сасанидской армии в 451 г., она приобрела только после военных реформ Хосрова Ануширвана. Таким образом, огромный размер войска, двинувшегося на Армению, объясняется только присутствием в его рядах союзнических соединений и отрядов поддержки.

Ведомые Варданом Мамиконяном 66 000 армянских пехотинцев 2 июня 451 г. заняли боевую позицию на поле Аварайра (или Вартанац), расположенном в Аспуракане (Армения). Перед битвой Вардан воодушевлял своих религиозно настроенных воинов громким чтением истории Маккавеев. Армянские воины приняли перед битвой Святое причастие. Последовавшее затем сражение было кровавым и трагическим, поскольку сасаниды воспринимали армян как своих арийских родственников, товарищей, с которыми они неоднократно сражались плечом к плечу против неприятеля, и уважительно относились к их боевым способностям. В какой-то мере это и объясняет, почему армянам удалось победить сасанидов, превосходивших их числом, в последовавшей затем битве²⁴ Армия Мушкана, потерпев поражение, вынуждена была покинуть Армению.

И хотя сопротивление армян нельзя не признать героическим, оно было все же обречено, так как их обращение к Византии о помощи и содействии осталось без ответа²⁵ Сама Византия была слишком занята подготовкой к сопротивлению гуннам, которые с угрожающей скоростью заполняли северные территории Европы со стороны Балкан²⁶ Однако армяне продолжали сопротивляться, о чем свидетельствует 33-летняя партизанская война, которую они вели почти непрерывно (451–484 г.). Существенную помощь им оказали гунны, которые, войдя в союз с армянами, совершали набеги на Албанию (современная Республика Азербайджан) через Дербентский проход.

Кидаро-эфталитские войны Пероза

После смерти Йездегерда II в 457 г. на трон взошел его сын – Ормизд III. Но едва он надел царскую мантию, как его тотчас сверг брат – Пероз I, которого поддерживала придворная знать. Пероз I предал брата казни²⁷ Отзывы, сохранившиеся о новом правителе (годы правления 459–484), свидетельствуют о его добром нраве. Самое начало его правления омрачили засуха и последовавший за ней голод. Вспыхнувшая затем эпидемия тоже унесла много жизней. Больших сражений с Византией во время его царствования не происходило, но ему пришлось провести три больших военных кампании против кидаритов и эфталитов. Эти сражения происходили в не самое

благоприятное для империи время. К 480 г. кидариты начали действовать совместно с эфталитами, угрожая сасанидскому царству с северо-востока²⁸. Сасанидские полководцы сначала сосредоточили свои силы на борьбе с кидаритами и, выиграв сражения с ними, позволили Перозу выступить против эфталитов. Однако сасанидское войско еще не было по-настоящему готово сразиться со столь хорошо вооруженным противником. Битва была проиграна, и Перозу пришлось отступить в район Талегана. Еще более унижительным оказалось требование выдать дочь Пероза замуж за хана эфталитов Кушнаваза. Вместо дочери Пероз отправил другую девушку. Вполне естественно, что Кушнаваз вскоре обнаружил обман.

Пероз не мог смириться с «мирным» договором, навязанным Кушнавазом, и усилением могущества эфталитов. Движимый потребностью восстановить престиж царя и попорченную национальную честь, он отдал распоряжение военачальникам готовиться к войне. Кушнаваз, ссылаясь на то, что его обманули, подменив дочь сасанидского царя, тоже начал готовиться к военным действиям. Видимо, асвараны, помня о той блистательной победе, которую одержал Бахрам Гур, были уверены, что способны легко одолеть противника. Но они сильно заблуждались.

Асвараны открыто пересекли установленную эфталитским ханом границу и вступили на его территорию. Прокопий придерживался указаний, которые получил от Пероза, когда начинал войну. В этой наступательной операции Пероз полагался на устрашающее воздействие боевых слонов (с башенками для стрелков на их спинах), которые должны были служить «защитным панцирем» для асваранов. Видя, что они вот-вот попадут в смертельную ловушку, эфталиты отступили с поля боя и, воспользовавшись передышкой, пересмотрели расстановку своих сил. Это было мудрым решением, так как отступление свело на нет «бронированный удар», нанесенный асваранами. Эфталиты прибегли к тактике «выжженной земли» и одновременно подготовили наступающему противнику скрытые ловушки. Пероз отдал приказ остановиться, чтобы подготовиться к атаке. Но эфталиты прибегли к излюбленному в Средней Азии приему – стремительному нападению лучников-всадников. Несмотря на то что у сасанидов также имелись свои конные лучники, а также лучники, восседавшие на слонах, они оказались совершенно не подготовленными к столкновению с подобного рода противником. Эфталитам удалось нанести большой урон сасанидским тяжеловооруженным всадникам, действующим копьями, – роду войск, слишком неповоротливому для действий в таких ситуациях²⁹. Применение кавалерии с длинными копьями уместно лишь в сражениях, где воины неприятеля сохраняют плотные ряды. Точно так же оказались достаточно бесполезными лучники на боевых слонах, поскольку сами превратились в очень удобную мишень для стремительных эфталитов. Не смогли выдержать удар и сасанидские всадники-лучники. Объясняется это тем, что эфталиты освоили новую технологию – стремена. Несмотря на упорное сопротивление персов, эфталиты окружили сасанидов со всех сторон. Вскоре им удалось взять в плен и самого Пероза вместе с его придворными³⁰. Кушнаваз выдвинул четыре требования для освобождения царя. Первое: Пероз должен преклонить пред ним колени и попросить прощения за то, что посмел сразиться с эфталитами. Второе: царь должен оставить заложников. Третье: Пероз должен заплатить за свое

освобождение и присылать ежегодную дань эфталитам. И последнее: Пероз должен был дать клятву, что никогда не посмеет посягнуть на власть эфталитов. Это унижительное требование выразалось в том, что ни один асваран не имел права перешагнуть за границу отметки-колонны, которую установил Кушнаваз. Последний пункт договора напрямую связан с планом мести, который эфталиты вынашивали после пережитого ими унижения в битве с Бахрам Гуrom.

Тем временем византийцы и прочие европейцы страдали от последствий вторжения гуннов, аваров и тюрков в центральную Европу и на Балканы. То обстоятельство, что все силы Византии были сосредоточены на противостоянии гунно-тюркам, давало Сасанидам гарантию, что с запада Персии не угрожает никакая военная сила³¹. Разумеется, если бы в этот момент сама Византия не была скована опасностью, исходившей от тюрков и гуннов, она, вероятно, воспользовалась бы преимуществом момента, когда Сасаниды оказались безнадежно ослаблены в военном отношении. Византийские войска не встретили бы почти никакого серьезного сопротивления, поскольку все силы империи были стянуты в Среднюю Азию.

Империя на грани крушения

Согласно всем доступным свидетельствам, последний поход Пероза в 484 г. закончился полным провалом³². Эфталиты опять подготовили опасную ловушку для асваранов: выкопали огромный ров примерно двадцати метров глубиной и около десяти метров шириной, в котором были расставлены смертельные капканы. Ров был замаскирован травой, землей, кустарниками и листьями³³. Кушнаваз выстроил своих воинов в ожидании нападения. Как только Пероз двинулся вперед, эфталиты прибегли к своей излюбленной тактике ложного отступления по заранее отмеченным безопасным проходам над рвом-ловушкой³⁴. Эфталиты его миновали, а Пероз попал в западню. Он сам и большая часть асваранов оказались во рву, сверху на них валились шедшие следом конники и боевые слоны³⁵. Строй Сасанидов смешался. Пероз и большая часть его полководцев были убиты. Это была настоящая катастрофа³⁶. У Аль-Табари говорится, что это было самое сокрушительное поражение, которое когда-либо переживали Сасаниды³⁷. Многие приближенные Пероза, члены его семьи, в том числе и его дочь, были взяты в плен. Многие военачальники, уцелевшие в битве, тоже оказались в руках врага. Большая часть царских сокровищ, ценные книги и документы достались эфталитам, которые наконец полностью отомстили за то унижение, которому ранее подверг их Бахрам Гур. Они стали не только полновластными хозяевами Персии на северо-востоке, но, пользуясь своим военным превосходством, вмешивались и во внутренние дела государства. Случившееся оказалось для империи жестоким потрясением, подорвало моральный дух армии и почти уничтожило Сасанидов. Потребовались десятилетия, прежде чем Персия сумела оправиться от несчастья.

Подведем краткий итог целого ряда важных военных проблем, которые привели Пероза к поражению³⁸. Прежде всего, наиболее вероятно то, что Пероз в сражениях с эфталитами слишком положился на тактику своего предшественника Бахрам Гура. Сасанидская военная доктрина и подготовка не претерпели ни малейших измене-

ний с 420 по 484 г., в то время как эфталиты внесли значительные усовершенствования в вооружение, организацию и тактику. Стратегия эфталитов была, видимо, основана на противодействии иранским конным лучникам и элитной сверхтяжелой кавалерии. Несмотря на то что нам недостает убедительных свидетельств, наиболее вероятным кажется, что эфталитские боевые действия были усовершенствованы тремя основными инновациями.

Три значительных новшества позволили эфталитам утвердить свое превосходство на поле боя. Первое: они стали использовать тюркское нововведение – стремена, которые позволяли всаднику лучше управлять конем и сохранять более устойчивое положение в седле. Это сразу давало стрелкам серьезное преимущество по сравнению с их противниками. Второе: эфталиты применили аварскую систему подвески мечей, кинжалов на двух точках ножен (или колчанов, если речь идет о стрелах), что позволяло в нужную минуту мгновенно выхватывать требуемый вид оружия. Последним усовершенствованием были составные гунно-аварские луки, благодаря которым стрелы эфталитов наконец-то обрели способность пробивать доспехи тяжеловооруженных асваранов.

Глава 15

Эпоха Кавага

Балаш

В момент, когда положение империи достигло критической точки и она стояла на грани распада, представители двух главных семейств – Зор-Мехр из клана карен-пахлави и Шапур-Рази из клана сурен-пахлави – попытались удержать страну от развала и создать хотя бы нечто похожее на действенное правительство. Два эти клана взяли власть в свои руки и вскоре добились поддержки придворных, полководцев и магов. Благодаря их усилиям пошатнувшаяся империя достигла необходимого уровня политической стабильности. Зор-Мехр и Шапур-Рази также восстановили и монархию, передав царскую корону брату Пероза – Балашу. Он взошел на трон в 484 г.

Первым делом Балаш назначил Зор-Мехра казарпатом (военачальником тысячи или тысячником), чтобы тот провел реорганизацию армии. Для вытеснения эфталитов из царства требовалось увеличить и без того непомерные налоги. После поражения Пероза казна была полностью истощена. Требовались не годы, а десятилетия, чтобы восстановить сасанидскую военную машину и трещавшую по всем швам экономику империи. Балашу пришлось сначала сделать первые шаги в дипломатии и умиротворить эфталитов, которые, вытеснив сасанидов, обосновались

Сасанидский меч с позолоченными ножнами и рукояткой (Британский музей).

в Мерве и Хорезме, где они весьма грубо обращались с местным населением. Как и следовало ожидать, эфталиты вели очень жесткий торг. Балаш вынужден был согласиться на выплату огромной ежегодной дани при условии, что все взятые в плен сасанидские воины, маги и люди благородного происхождения будут немедленно отпущены на свободу. Договор с эфталитами о ежегодной дани, разумеется, отдалил от царя представителей знатных родов, хотя некоторые хроники утверждают, что в последний год своего правления Балаш намеревался нарушить это соглашение. Этот шаг мог привести к очередной войне с эфталитами, однако Балаш был свергнут с трона в 488 г. – прежде, чем ему удалось осуществить задуманное.

Наведя порядок на северо-востоке империи, Балаш предпринял решительные шаги, чтобы положить конец 33-летней партизанской войне в Армении и заручиться поддержкой Ктесифона армянами. Он отменил указ, изданный Йездегердом II в последние годы его правления, предоставив армянам право свободного вероисповедания христианства. Таким образом, поскольку армяне наконец добились возможности открыто отправлять свои религиозные обряды, у них не было оснований воевать с Сасанидами. В 484 г. Балаш подписал официальный договор с Варданом Мамиконяном, после чего Вардан был назначен марзбаном Армении.

Проводя такую политику Балаш преследовал одновременно несколько целей. Во-первых, он отрезал всякую возможность для Византийской империи вторгнуться на Кавказ, прикрываясь лозунгом «защиты» христиан от преследований. Во-вторых, Армения по-прежнему оставалась стратегически важным пунктом, который противники Сасанидов могли использовать для вторжения в Персию, поэтому лучше было сохранить с ними мирные отношения. В-третьих, Армения испытывала глубокое влияние Персии в искусстве, архитектуре, мифологии и в военном отношении, и, признав христианство в этом регионе, Балаш тем самым давал возможность усилить свое влияние тем представителями знати, которые всегда питали склонность к Персии. Это, в свою очередь, позволяло Сасанидам призывать в свою армию превосходную армянскую кавалерию¹. Однако прохристианские реформы Балаша вызвали сильнейшее недовольство зороастрийских священнослужителей.

Первое правление Кавага

После короткого правления Балаша его в 488 г. сменил на троне сын Пероза – Кавад. Новый царь пробыл долгое время заложником у эфталитов, и у него остались крепкие связи с ними. Впоследствии эти связи сыграли для него важную роль в политическом отношении. Кавада очень беспокоило слишком сильное влияние магов и аристократов, в особенности *спахбод* (полевой маршал) Зох-Мехра из клана каренов². Едва Кавад принял власть в свои руки, как на Кавказе объявились казарские тюрки.

К тому времени казары создали в степях между Доном и Волгой чрезвычайно воинственную державу³. Подобно эфталитам в Средней Азии, казары начали систематически истреблять иранское население на северном Кавказе и в восточной Украине. Многие из ранее поселившихся в этих областях ираноговорящих аланов и сарматов, так же как и славянское население, были к тому времени ассимилированы

германцами и гуннами последних волн вторжения. Выжившие аланы Кавказа и Украины также растворились в хазарах или же отступили в горы северной Грузии, где приняли самоназвание «ир-он». Русские и грузины стали называть их осетинами.

Сразу после воцарения Кавада войско хазар проникло через Кавказский проход в Армению, Албанию/Аланию (Республика Азербайджан) и Атропатену (иранский Азербайджан) и предприняло грабительские набеги. Сасаниды тотчас осознали, что необходимо что-то предпринять, поскольку безопасность Атропатены и Ктесифона оказалась под угрозой. Кавад собрал армию из 100 000 воинов, хотя только 30 000 из них составляла элитная конница, включая легкую кавалерию. Подробности сражения описываются довольно поверхностно, но самое главное заключается в том, что Кавад в 489–490 гг. сокрушил хазар на Кавказе и доставил в Ктесифон богатые трофеи этой кампании¹. Наиболее вероятно, что именно тогда произошли значительные изменения в тактике ведения боя, тренировке, подготовке и снаряжении. Несмотря на то что асвараны еще раз доказали свою высокую боеспособность, эфталиты по-прежнему господствовали на северо-востоке. Кавад пока не предпринимал против них никаких враждебных действий, поскольку империя была не готова встретиться с эфталитами в открытом столкновении.

«Социалистическое» движение Маздака

Проповедник новой религии и социального учения – загадочная личность по имени Маздак – объявился в западном Иране в 484 г., в год разгрома империи эфталитами². Как и Мани во времена Шапура, Маздак провозглашал абсолютное социальное равенство, ратовал за справедливость и требовал, чтобы все богатства и владения были разделены поровну между членами общества³ – идея, которая впоследствии эхом откликнулась в XIX веке в работах Карла Маркса. Подобно коммунистам⁴, Маздак настаивал на простоте и единообразии одежды. Поскольку сам он в молодости был последователем манихейского движения, то не отступал от принципов манихейства еще в одном вопросе – в решительном требовании отказа от мясной пищи. Считается, что он был современником правления Кавада и его сына Хосрова I. (В данном тексте под именем Маздак упоминается Маздак Младший.)

Новый пророк возмущался несправедливым распределением богатства в Сасанидской империи. Аристократия воспринимала его выступления как прямое покушение на свое положение. Требование Маздака равных прав как для монарха, знати, так и для обычных людей вызывало негодование правящих классов. Предложенные им реформы представляли собой явную угрозу принятой в Персии «ортодоксальной» зороастрийской религии, а его доктрины бросали вызов самим теологическим основам учения магов. По сути дела, это было возрождение⁵ манихейской концепции мироздания как арены борьбы между добром и злом, хотя и без того нигилистического оттенка, который был свойствен воззрениям Мани. Маздак не придавал значения культовым обрядам, отдавая предпочтение личной набожности, духовности, аскетизму. Его проповеди возмущали как знать, так и зороастрийских священнослужителей. Они видели в нем разрушителя основ государства и анархиста. В Армении проповеди Маздака тоже восприняли как покушение на христианские ценности и

Отряды асваранов – типичные для V–VI веков н.э. в так называемых ниневийских шлемах. Торжественный парад в 1971 г. в Персеполе (из альбома «К 2500-летию со времени сношения Персидской империи»).

на армянское феодальное общество. В некоторых источниках говорится, что армяне даже пытались заручиться военной поддержкой Византии на тот случай, если маздакизм начнет силой насаждать в их стране.

Обременительная дань, которую Сасанидам приходилось выплачивать эфталитам, тяжелым бременем легла на плечи простых жителей империи. Неудивительно, что они, переживая нужду, лишения, бедность и отчаяние, обратили свое негодование против коррумпированных богатых зороастрийских магов и высшей знати, которая жила, накапливая богатство. Неравенство в имущественном отношении становилось все заметнее. Кавада тоже беспокоило, какой властью обладала олигархия, представлявшая опасность для его правления. Можно предположить, что он надеялся подорвать ее влияние, что видно по его налоговой реформе, – этим также отчасти объясняется поддержка, которую он оказывал Маздаку⁹. Осознав угрозу своему положению, маги и аристократия свергли Кавада в 496 г. и заключили его в темницу в Анушборде (дословно «забытая крепость»). На трон взошел Замасп – брат Кавада (годы правления 496–498).

Возвращение Кавада

Вскоре после того, как его заключили в темницу, Кавад бежал из Анушборда и нашел убежище у эфталитов. Кушнаваз отдал за него замуж свою дочь, а также отправил вместе с ним 30 000 всадников. Бывший царь с войском союзника двинулся на Персию. Замасп, не оказав никакого сопротивления, уступил в 498 г. трон брату¹⁰. Вернув власть, Кавад правил еще три десятилетия (498–531 гг.). В благодарность за помощь в

бегстве из Анушбората Кавад назначил Сияваша *артештаран-салар* (главнокомандующим)¹¹ Чувство признательности эфталитам за оказанную ими помощь также вынуждало Кавада продолжать выплату ежегодной дани. В свою очередь сасанидская знать и зороастрийские священнослужители должны были смириться и с возвращением на трон Кавада, и с «социалистическими» проповедями Маздака.

К концу своего правления Кавад – отчасти под давлением аристократов и жрецов – все-таки дистанцировался от Маздака и его последователей. Но и сами маздакисты становились все более «коммунистами», приобретая огромное частное состояние от сбора чуть ли не религиозных пожертвований на нужды общины. Положение аристократов в результате тяжелейших поборов из-за войн с эфталитами было сильно подорвано идеями абсолютного равенства¹² Бескомпромиссные требования Маздака создания утопического «бесклассового» общества подрывали основы устройства империи. Конечно, Кавад желал обуздать притязания аристократов и во многом потеснить их, но он совершенно не стремился к тому, чтобы они исчезли как класс. Он осознавал, что без них и без жреческой прослойки империя политически взорвется изнутри. Вот почему он позволил одному из своих сыновей Хосрову I начать в 524–528 гг. жесткое преследование последователей Маздака. Действия Хосро-

Сасанидский «прямой» шлем, найденный в Ниневии, Ирак. V–VII века н.э. (Британский музей).

ва в союзе с главным магом – мобадом – во многом напомнили кампанию, которая проводилась против движения манихеев в III веке до н.э. О степени жестокости репрессий можно судить по тому факту, что Хосров даже убил своего собственного брата Фтазуара, который был маздакитом. Погромы Хосрова, скорее, были направлены на то, чтобы предотвратить анархию, нежели утвердить догматы зороастризма. Позже, когда Хосров стал царем, одна из его жен и один из его сыновей приняли христианство, но он ничего не стал предпринимать, поскольку их обращение не грозило взорвать законы и социальную структуру империи.

Некоторые последователи Маздака сумели бежать в Сирию, Аравию и в дальнейшем – в Рим, где они присоединились к различным «языческим» культам. Маздакиты, которые искали убежища в восточных частях империи, видимо, были поглощены буддистами, сохранившимися в Хорасане. В то время как влияние маздакитов было почти полностью сведено на нет, христианство, напротив, сделало большие успехи, в особенности в западных районах Сасанидской империи. Когда Кавад вернулся в Ктесифон в 498 г., христианская несторианская церковь в Персии уже заполучила большое число новообращенных. Это означает, что к несторианскому учению и маги, и аристократия относились намного терпимее.

Изменения в военном деле при Каваде

В период правления Кавада в военной машине сасанидов произошел ряд изменений. Опыт, полученный во время войны с гуннами-эфталитами, привел к тому, что сасанидская армия подверглась реконструкции. Свой уровень обновленная военная машина сасанидов вскоре продемонстрировала при изгнании хазар, а затем в боях с эфталитами. Сасанидская армия также многому научилась, когда вела битвы с Византией на западном фронте. Тактика и снаряжение претерпели изменения не только у сасанидов, но и у византийцев в такой степени, что при сражениях Кавада–Хосрова I с Велизарием, асваранов и их византийских противников (катафрактосов) почти невозможно было различить на поле боя. Во времена Кавада были переняты в первую очередь новые среднеазиатские технологии. И хотя невозможно назвать точно, какие именно эфталитские и гуннские технологии были приняты в сасанидской армии, одно можно утверждать несомненно: они взяли на вооружение стремени и двойную подвеску оружия. Исследователи поздних времен много спорили о том, что и когда появилось в сасанидской армии. Одни считали, что эти нововведения стали применяться в постэфталитское время (Кавад–Хосров), другие относят эти перемены к более позднему периоду V – начало VI века. Другие убеждены, что сасаниды не знали, что такое стремя, однако это представление вступает в противоречие с очевидными фактами. Большая часть ученых сейчас склоняется к тому, что это ошибочное мнение¹³

Отзывы римлян о сасанидских пехотинцах времен правления Кавада остаются неизменно негативными. Так, например, Прокопий описывает пехотинцев полководца Фируза в Даре следующим образом: «Персидские пехотинцы – всего лишь толпа крестьян... которые могут только грабить мертвых и выполняют роль слуг (в армии). У них нет никакого оружия, кроме длинных копий»¹⁴ Следует признать вер-

ность подобного описания, поскольку, когда в битве при Даре асвараны были разбиты, *пайганы* (пехотинцы) просто побросали свои щиты и бежали с поля боя. Только ко времени Хосрова I появилась высокопрофессиональная пехота, известная как дайлами или дайламиты из северной Персии.

Ухудшение отношений с Византией

Когда Кавад в 498 г. укрепил свою власть, между Византией и сасанидами не было войны почти 80 лет. В первой половине V столетия Западная Римская империя пережила ряд серьезных нашествий со стороны главным образом германцев и объединившихся с ними племен алан. А в 476 г. Рим пал под натиском «варваров». Византия – Восточная Римская империя – стала наследницей Рима на Ближнем Востоке и на Балканах. Возможно, сасанидское высшее командование узрело в этих изменениях удобный момент для расширения своей империи в сторону запада.

Согласно Гритрексу, мир был нарушен Кавадом по двум причинам: эфталиты и угроза голода в империи¹³. Непосильная дань, которую требовали эфталиты, истощила государственную казну. Отсутствие денег, необходимых для вклада в сельское

Резная фигура сасанидского воина с копьем позднего периода правления Сасанидов. Таг-и-Бустан (Ливия).

хозяйство, вело к тому, что нищета продолжала нарастать. Кавад отправил посольство в Константинополь с требованием денежных средств. Но Византия сама тратила большие суммы на сооружение фортификационных укреплений и на строительство трех городов на Кавказе в качестве «больших пограничных военных баз»¹⁶ Тем не менее византийцы дали согласие предоставить требуемую сумму займа, в то время как Кавад ожидал безвозмездной помощи. Однако Византия, вероятно, не желала разрывать цепи, которыми сковывал Сасанидов статус эфталитских данников, удобно для византийцев ослабляющий их извечных противников.

У Кавада не оставалось выбора. Если ничего не предпринимать, ему придется отвечать перед эфталитами за неуплату дани и стать свидетелем того, как гибнут от голода его страна и его народ. И он выбрал самый простой вариант: совершить рейд по римским городам на западе империи и разграбить их¹⁷ Он надеялся собрать нужную сумму для эфталитов и для того, чтобы поправить сельское хозяйство страны. Византийцы не хотели войны и принялись энергично укреплять крепости вдоль Евфрата, в особенности ключевые города-крепости Дара и Нисибин.

Полномасштабное вторжение Кавада на территорию Византии произошло во время правления императора Анастасия (годы правления 491–518) в августе 502 г. Историки называют этот поход первой Византийско-персидской войной. Кавад сам лично вел свою армию. Она была немногочисленной, и передовые ее части состояли из элитных частей асваранов-всадников. Они взяли город Теодосиполис (современный Эрзерум в западной Турции)¹⁸ Это вынудило византийцев закрепиться в городе Амиде. Попытки Кавада взять город штурмом защитники отбили, а сасанидские осадные сооружения разрушили¹⁹ Царь уже был готов отступить, но тут защитники крепости начали дразнить Сасанидов и насмехаться над ними. По иронии судьбы, это оказало им дурную услугу. Воины пришли в ярость, маги поддержали асваранов, воодушевив их, а полководцы Кавада, переменяя тактику, взяли город в плотное кольцо. Разведчики нашли под одной из городских башен старый вход, заваленный камнями. Кавад отдал распоряжение раскопать вход, благодаря чему асвараны ворвались в город, который пал после кровопролитных рукопашных схваток в январе 503 г.²⁰ Осада Амиды длилась 80 дней.

Но это еще не означало, что Византия побеждена. Полководец Ареобинд собрал огромное войско. Такого числа воинов армия Византии не видела со времен похода императора Юлиана в 306 г. Ареобинд напал на Сасанидов в Нисибине и отбил крепость²¹, но очень скоро Кавад вновь вытеснил его оттуда²² В августе 503 г. Кавад, обосновавшийся в Нисибине, начал новое наступление. Византийцы отправили на поддержку Ареобинду двух полководцев, Патрика и Гипатия. Но асвараны Кавада почти сразу разбили этих двух полководцев и вынудили их покинуть поле битвы²³ Это дало Каваду возможность напасть на Констанцию, где еврейская часть городского населения безуспешно пыталась помочь Сасанидам. Каваду не удалось захватить город, однако ему удалось добыть от нескольких его граждан некоторое количество провизии²⁴ Следующей мишенью стала Эдесса, но Каваду также не удалось ее взять. Полководец Ареобинд, который руководил защитой города, отказался выдать Каваду требуемые 10 000 фунтов золота. Кавад предпринял последнюю попытку взять

Осроену, но без особого успеха, несмотря на отдельные победы асваранов и арабских лахмидов, которые примкнули как союзники к войску Тем временем новый царь лахмидов – аль-Мундир – напал на Палестину

К лету 503 г. Анастасий подготовил свежие силы, которые возглавили полководцы Патриций и Мелитен. Патриций двинулся к Амиде и осадил захваченный противниками город. Отправленные на поддержку сасанидам войска византийский полководец разбил самым победоносным образом. Еще одно войско византийцев собралось в Резайне, и на осаду Амиды его повел полководец Селар весной 504 г. Это была серьезная поддержка полководцу Патрицию, который вел осаду Кавад отступил, чтобы отразить вторжение гуннов на Кавказ. Однако в Амиде остались сасанидские воины, которые продолжали удерживать крепость. Византийцы, ощущая полное свое превосходство в численном отношении, решили вести сражения в двух направлениях: одна часть войска должна была продолжить осаду Амиды, а другой – во главе с полководцем Ареобиндой и Селаром – предстояло совершить рейд внутрь сасанидской территории²⁵ Вести такие масштабные действия Кавад был не в силах, и он отправил командиров, чтобы они начали вести переговоры о сдаче Амиды и о заключении мирного договора с византийцами.

Гунны, воспользовавшись тем, что войска сасанидов связаны боевыми действиями с Византией, продолжили дальнейший захват Кавказа и напали на Персию с северо-запада. Кавад воевал с гуннами десять лет. Но об этом периоде осталось очень мало сведений. Известно только то, что Кавад все же вытеснил гуннов из Атропатены и из северо-западных областей своей империи.

Иберия (современная Республика Грузия) перешла на сторону Византии в 524–525 гг. Полководец Велизарий неожиданно вторгся в сасанидскую Армению, может быть, только для того, чтобы отвлечь внимание империи от Иберии. Византийцы под предводительством полководца Либелария двигались на город-крепость Нисибин, чтобы захватить его. Но эта операция полностью провалилась. Либеларий вынужден был отступить после тяжелых потерь. В 527 г. Кавад и его союзники-лахмиды начали вступать в отдельные схватки с византийцами по всей месопотамской границе. Новый римский император Юстиниан (годы правления 527–565) назначил Велизария главнокомандующим всеми силами для борьбы с сасанидами. Это и в самом деле был выдающийся полководец, прославивший свое имя блестящими победами в Африке и Европе. Он двинулся в сирийско-месопотамский театр военных действий, но неожиданно потерпел поражение в битве при Танурисе в 528 г. Конница Велизария попала в ров, выкопанный сасанидами²⁶ Свою отвагу Велизарий доказал в битве при Даре два года спустя, где он выкопал ров, в который спрятались византийские пехотинцы. По обеим сторонам от рва выстроилась конница. Силы византийцев состояли из 25 000 человек. Сасаниды выставили 40 000 всадников, во главе которых стоял Фируз. В первый день происходили только короткие налеты асваранов – скорее всего для того, чтобы оценить силы противника.

На следующий день Фируз разделил свое войско на две части. Одну он оставил в резерве, чтобы иметь возможность повлиять на ход сражения. Сасаниды начали битву после обеда с массированного обстрела из луков. Стрелы летели таким плотным

потоком, что в буквальном смысле слова небо потемнело²⁷, – это описание сражения почти дословно повторяет то, как описывали греки свое впечатление от ахеменидских лучников в Марафоне в 490 г. После этого обстрела Фируз дал команду своим копьеносцам, которые успешно ворвались в левый фланг Велизария, где противник понес тяжелые потери. Однако ловушка была заготовлена на правом фланге, откуда и выскочили спрятавшиеся воины. В результате этой военной хитрости погибли 3000 асваранов. Фируз выдвинул *заеданов* (бессмертных) на левый фланг, который атаковал правый фланг Велизария. Атака должна была быть стремительной и нанести сокрушительный удар по противнику, однако заеданы, оказавшись в ловушке за линией византийцев, все до одного погибли. Фируз понял, что битва проиграна, и сасаниды отступили, чтобы избежать дальнейших потерь. Ядро асваранов при этом сохранило тесно сомкнутые ряды.

Вскоре византийцы добились еще одной, главной победы – на этот раз в битве с войском, большей частью состоявшим из иранцев, число которых составляло 30 000. Это были легковооруженные конники под предводительством Мехр-Мероэ. Он пытался отрезать Иберию от римлян. К нему присоединились большое число армянских воинов, настроенных просасанидски, и тюркских сабров. Решающее столкновение произошло возле города Саттала, в восточной части Кавказа. Эта битва, масштабное противоборство двух кавалерий в среднеазиатском стиле, закончилась поражением Мехр-Мероэ и захватом сасанидских боевых штандартов. Союзники-армяне сдались римлянам, а потрепанные остатки сасанидской армии вернулись в Персию. Это поражение стоило очень дорого Каваду – он потерял Фарангию – район Кавказа, где находились главные золотые рудники²⁸

Однако Велизарий свой успех в Дара не смог повторить в сражении при Каллиникуме (531 г.) в Коммагене (восточная Турция) у реки Евфрат, где его армия встретилась со всей мощью сасанидских асваранов и их союзником-лахмидов²⁹. В Каллиникуме сасанидский полководец нанес удар отрядами копьеносцев по центру войска Велизария. В этот же момент Азарет при поддержке союзников-лахмидов напал с правого фланга. Под таким мощным натиском противника ряды войска Велизария смешались. Чтобы предотвратить полный разгром, Велизарий и остатки его войска бежали за Евфрат.

В 531 г., вскоре после начала военных действий против Юстиниана, Кавад умер в возрасте 82 лет. Во время его правления Персия достигла стабильности на северо-восточных границах с эфталитами, он разбил хазар и свел к ничьей противостояние с византийцами. Именно во время его правления сасанидское воинство оправилось после страшного разгрома 484 г. и обновило тактику, а также вооружение, что позволило сыну Кавада – его наследнику Хосрову I провести реформы в армии в середине VI века. Хотя маздакитское движение было почти уничтожено и подавлено самим Кавадом и его сыном Хосровом I, однако идеи равенства уже никогда не были забыты в народных массах империи.

Глава 16

Хосров I. Возрождение

Хосров I (годы правления 551–579), известный еще и как Анушираван («Тот, у кого бессмертная душа»), взошел на трон в конце правления отца. Бенджамин считает, что по значению правление Хосрова Анушиварана по праву можно считать «периодом правления Августа в истории Персии»¹ Несмотря на славу, которой он пользовался, и успешное правление, Хосрову постоянно приходилось оберегать свой трон и самого себя от интриг и покушений. Вначале они были связаны с Каосом (или Кавосом) – старшим сыном Кавада, который и должен был занять место на троне. Но такова была воля самого Кавада – он назначил Хосрова своим наследником. Вполне возможно, что этого удалось добиться усилиями и стараниями его матери. Маги также поддерживали Хосрова, поскольку он участвовал в гонениях на Маздака и его последователей. Именно Хосрову удалось захватить нового пророка и тысячу его последователей и предать их смерти. Но большинство придворных боялись Хосрова и отдали бы предпочтение второму сыну Кавада – Замису Хосров казнил своих братьев, дядю и всех возможных претендентов на трон по мужской линии. Удалось выжить только царевичу Каваду, который убежал в Константинополь. Полководец Шанаранг, который помог царевичу совершить побег, тоже был казнен.

Несмотря на столь кровавое начало, правление Хосрова оказалось чрезвычайно благоприятным для Сасанидской империи и ее народонаселения. Хосров произвел реформы в законодательной системе. Дела в суде теперь разбирались с учетом обстоятельств, и наказание соответствовало степени проступка. Были также сделаны серьезные попытки реформировать зарождающуюся бюрократию. Хосров поставил перед собой задачу упорядочить систему вознаграждения, чтобы продвигать тех высших чиновников, которые этого заслужили своими делами, в соответствии с их заслугами. Западные историки, как правило, сходятся в том, что изменения в правовой и административной системе пошли на пользу народу. Однако следует заметить, что, несмотря на большой шаг в этом направлении, который он сделал, Хосрову не удалось полностью закончить преобразования, так как большая часть придворных из числа феодальных землевладельцев снова вернули свои права во время исламского нашествия. Тем не менее арабы унаследовали систему Хосрова, которая перешла в более поздние исламские халифаты.

Правление Хосрова сказалось и на возрождении искусства, архитектуры и торговли. Многие достижения как в области искусства, так и из техники распространились

«Чаша Хосрова» из золота, горного хрусталя и граната. В центре – медальон из горного хрусталя – с изображением Хосрова I, сидящего на троне, который поддерживают два крылатых коня (Эрик Лессинг).

в Китай, на Дальний Восток и в Европу. Процесс продолжался и после того, как исчезла империя Сасанидов. При Каваде большой скачок произошел в науках. Связи с Византией, которые начались еще во время правления Кавада, продолжались вплоть до нашествия мусульманских арабов в 630 г.

Военные реформы Хосрова I

Хосров продолжил и завершил начатые еще Кавадом преобразования в вооружении и тактике ведения боя². Реформы стали предпосылкой создания могущественной армии, которая смогла удерживать в спокойствии границы империи, что способствовало упрочению торговых связей, социальной стабильности внутри государства и позволило укрепиться культуре, дало толчок новым достижениям. Именно эти реформы стали залогом того, что империя могла вести войны сразу

на нескольких фронтах и действовать весьма энергично и быстро. Преобразованная Хосровом армия могла противостоять византийцам, хазрам, арабо-эфиопам и эфталитам.

Ключевым моментом реформы армии стало преобразование командной системы. Хосров отменил систему сатрапий, которая обходилась дорого, но была малоэффективной, заменив ее делением на четыре главные административные и военные зоны: Месопотамия, Кавказ, Средняя Азия и юго-западный Иран вдоль Персидского залива. Вместо одного начальника, управляющего всеми четырьмя регионами, он выделил четырех человек, ответственных за свою область. Это позволило четко распределить расходы на войны. Такая «четверичная» система оказалась очень удобной в административном отношении для такой обширной, включающей множество областей, многоязычной и состоящей из различных культур империи.

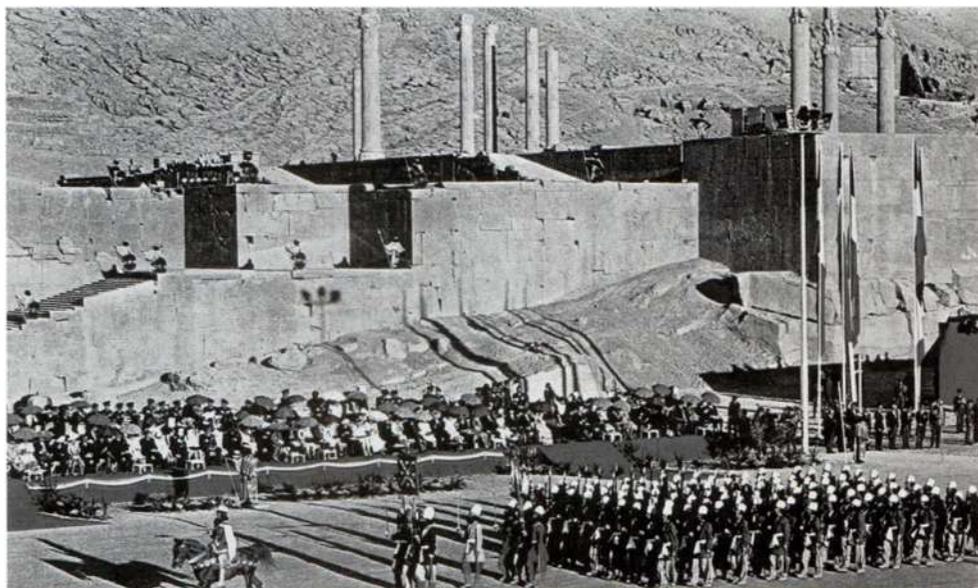
Чрезмерная власть придворных над военными делами – главная проблема, доставшаяся Хосрову в наследство еще от парфян. Особенно это относилось к так называемому элитизму, который связывал правителя по рукам, когда вопрос стоял о наборе воинов для армии. Только верхушке «ариев» – из числа придворных – разрешалось служить в кавалерии асваранов. Это вело к тому, что армии хронически не хватало высокопрофессиональных воинов. И как только возникала необходимость вести продолжительную войну с римлянами или тюрко-гуннами в Средней Азии, сразу складывалась нездоровая обстановка. Таким образом, вести продолжительную войну с римлянами или тюрко-гуннами в Средней Азии практически было невоз-

можно. Нововведения упростили систему набора рекрутов. *Дехкане* (не столь высококородные иранцы или мелкие землевладельцы) получили разрешение служить в элитной коннице асваранов. И дехкане доказали свою преданность новой централизованной системе. Они действовали также как администраторы и сборщики налогов от имени Ктесифона. Несмотря на то что Хосров существенно увеличил численность асваранской конницы, он мало что мог сделать, чтобы восполнить малочисленность населения империи. Особенно это сказывалось в том, что касается Рима. Империя просто была не в состоянии позволить себе на протяжении длительного периода нести большие боевые потери профессиональных воинов. В то время как Византия имела возможность набирать рекрутов из числа анатолийцев, материковых греков, балканцев и восполнять потери в достаточно короткие сроки.

После реформы Хосрова участились военные смотры. Они проводились не реже, чем раз в 40 дней, и сам царь проверял войска, чтобы внести необходимые поправки¹. В результате подготовка воинов стала намного выше, хотя требуется провести еще немало архивных исследований для того, чтобы внести полную ясность в этот процесс. В эпической поэме, написанной уже после падения сасанидов, «Шахнаме» Фирдоуси, очень часто упоминается, что асвараны очень много времени уделяли подготовке, поэтому были великолепными наездниками и прекрасно владели оружием – копьем. Как шла подготовка дехкан, тоже достаточно ясно – она почти ничем не отличалась от той, что проходили «высшие арии» – *азаданы* (рыцари)⁴. Сыновья дехкан теперь по приказу царя обязаны были усердно заниматься военной подготовкой с младых ногтей: сначала в собственном поместье, а затем они проходили дальнейшее совершенствование мастерства в Ктесифоне. Наставниками молодежи становились ветераны прошлых войн, которые передавали свой бесценный опыт следующему поколению асваранов. Молодые воины учились ездить верхом, стрелять из лука, упражнялись с булавой, блестяще владели копьем. В подготовительные упражнения включался также *шамшир-вазиг* – владение мечом и другие виды военного искусства. Когда подготовка заканчивалась, молодой воин проходил обряд посвящения и его включали в ряды асваранов. Но по-настоящему проверку своей подготовки воин проходил на поле боя, после чего он торжественно награждался *базу-банд* (ритуальной повязкой на руке, которую не следует путать с опоясывающим панцирем, имевшим то же название), а также *камар-банд* (декоративным поясом).

Реформы в налоговой системе позволили правительству приобрести больший контроль над военными и справиться с проблемой денежных растрат в военном секторе. Реформы также дали возможность освободиться от прежней зависимости от крупных землевладельцев и от священнослужителей. Вечная проблема заключалась в коррумпированности правительственных чиновников, которые присваивали себе новые поступления в государственную казну. Казнокрадство не только ложилось тяжким бременем на плечи простых людей, но также истощало жизненно важные фонды, предназначенные на военные расходы. Этим во многом объясняется, почему Персии потребовалось столько лет для того, чтобы оправиться после поражения, которое она понесла в 484 г. Система Хосрова позволяла выдвигаться на государственные должности честным людям, и профессиональные воины могли занимать админис-

Объединения дайламитских пехотинцев под предводительством военачальников-асваранов. Воины несут штандарт Кавада. Торжественный парад 1971 года в Персеполе (из «К 2500-летию со времени основания Персидской империи»).

тративные должности сборщиков налогов, что повышало дисциплину в армии и ее эффективность.

Дороги – тоже по приказу Хосрова – расширили и привели в порядок. Поэтому появилась возможность быстро перебрасывать войска на критические участки границы империи, из Средней Азии в Месопотамию-Анатолию и т. п. Основу надежной дорожной системы заложили еще во времена Ахеменидов, ее начали использовать и римляне. Преобразования Хосрова позволили укрепить связи по оси с юга – от районов Хузистана возле Персидского залива – до Кавказа на севере.

Хорошо налаженные дороги улучшали связи между всеми областями. Гонцы могли очень быстро доставить сообщение о случаях нарушения неприятелем границ империи. Наладилось и почтовое сообщение. На всем протяжении пути по внутренним дорогам империи появились станции, которые возникли еще при Ахеменидах. Здесь могли освежиться скачущие во весь опор курьеры со спешными сообщениями, а также получить возможность для отдыха торговцы и путешественники. Отличие от ахеменидской системы заключалось в том, что с тех, кто там останавливался, взимали определенный налог на содержание военных, которые охраняли и дороги, и станции от нападения разбойников и грабителей. Любое путешествие для торговцев, ремесленников, ученых, архитекторов и учителей между Персией, Индией и Византией становилось таким образом совершенно безопасным.

Во времена Хосрова, – впрочем, это могло начаться уже и при Каваде – начали терять свое значение сверхтяжелые рыцари. Их место заняли «комбинированные» конники, которые сочетали умение стрелять из лука, сидя на лошади, а также искусное владение копьями. По-видимому, уже начиная с 330 г. до поражения в битве с эфталитами в 484 г. основой сасанидской армии были раздельно действующие отряды лучников-всадников и тяжеловооруженных копьеносцев. Сасаниды не ограничивали строго такой род войск, как лучники, исключительно всадниками, вооружен-

ными луками, как это делалось во времена Ахеменидов, что можно видеть по рельефу в Накши-Рустеме, где раннесасанидские «бронированные» витязи изображены с колчанами для стрел. Ко времени Шапура II всадники-лучники выступали поддержкой для тяжеловооруженных всадников-копьемосцев, которые имели при себе также и оружие ближнего боя – мечи и кинжалы. Поражение Сасанидов в Средней Азии побудило их сменить громоздкую систему на более мобильную, – когда всадник одинаково владел несколькими видами оружия. Воины нового типа так же, как и их предшественники, имели при себе небольшой по форме щит, помимо него – так называемый прямой шлем, а тело закрывала кольчуга. У них было длинное тяжелое копье, как у асваранов, и два лука с запасными тетивами⁵. Они пользовались тюрко-гуннскими стремениами, носили мечи на двойной подвязке, которая предоставляла им большую свободу действий. Видимо, сасанидские военачальники осознали, что сверхтяжелая кавалерия оказалась слишком уязвимой для кавалерии, нападающей разреженным строем и способной к стремительным передвижениям, в особенности если всадники при этом пользуются стремениами и новым видом луков. Новые отряды упражнялись в том, чтобы быть готовыми «рассыпаться» во время сражения. Прошедшие такую подготовку асвараны могли на равных состязаться с тюрками-гуннами и своими давними противниками катафрактами-византийцами.

Особое место в сасанидских объединениях отводилось даламитам, которых набирали в северной Персии. Они образовывали отряды пехотинцев, одеваясь при этом как асвараны. Это были единственные пехотинцы, о которых уважительно отзывались греко-римские источники⁶. Именно они вступали в рукопашный бой с византийцами (особенно на Кавказе), используя мечи, боевые топоры, кинжалы и снабженные двумя зубцами дротики⁷. Про них пишут, что они держали в руках раскрашенные щиты⁸. Арабские воины тоже почтительно относились к воинскому мастерству даламитов и старались завербовать их в свою армию.

Войны Хосрова с Римом

Хосров и император Юстиниан согласились обсудить на переговорах взаимоотношения между двумя империями. В результате они заключили в 535 или 537 г. *Pax perpetuum* (вечный мир), положив конец спорам относительно границ. Византия обеспечила Сасанидов денежными средствами на то, чтобы снять часть расходов с Сасанидской империи, на строительство укрепленных крепостей по Кавказскому проходу, чтобы эти сооружения могли сдерживать появление кочевых племен со стороны Византии, не давая им прорваться в Анатолию⁹. Юстиниан также надеялся, что, поделив расходы с сасанидами, он сумеет избежать попыток с их стороны напасть на его империю. В ответ Сасаниды согласились оставить Дару под юрисдикцией Византии, но с условием, что там не будет возведено ни одного дополнительного укрепления. Однако Юстиниан не согласился на требования Сасанидов уступить им Лацию на Кавказе. Благодаря этому Юстиниан мог развернуть довольно большое число войск на западе, откуда появлялись готы со своими союзниками. Хосров в свою очередь использовал мирный договор для того, чтобы укрепить свои позиции в империи.

Сасанидские знамена.
Слева – знамя с диким кабаном; знамя с драконом; знамя с четырьмя концами (из «К 2500-летию со времени основания Персидской империи»).

Договор оставался нерушимым до 540 г. Иранские историки объясняют начавшиеся войны как ответный удар на вторжение римлян в Месопотамию и на Кавказ. Римляне побудили жителей поднять восстание против лахмидов – союзников сасанидов¹⁰ Действия византийцев на Кавказе, в особенности в Армении и Грузии, также вызвали серьезную тревогу сасанидов. Хосров I принял посольство от давних врагов Византийской империи, в том числе и от готов. Видимо, готы надеялись, что сасаниды окажут им поддержку в борьбе с Византией, которая оказывала на них давление. Хосров опасался, что, разделившись с готами и другими противниками в Европе, Юстиниан направит свои войска против его империи.

Видимо, и сасанидские военачальники опасались того же: как только Византия закончит со своими врагами, она обратит свой взор на сасанидов. И Хосров I решил предотвратить возможный удар, напав первым, сделав это как можно быстрее. Он объявил мобилизацию армии. Византийские войска вместо блистательного Велизария, который был занят на западном фронте, повел полководец Буцес. В мае 540 г. они вошли в Сирию, перейдя Евфрат. Византийцы не смогли сдержать наступления армии Хосрова. Однако асвараны потерпели неудачу, сделав попытку захватить Зенобию, поэтому двинулись дальше – к Суре, и взяли город¹¹ После чего они осадили Антиохию. Византийцы, занятые осложнениями в Италии и Северной Африке, не успели восстановить крепостные сооружения в этом городе, разрушенные землетрясением, которое произошло за 15 лет до этого. Антиохия пала в июне 540 г.¹² Все население города вывезли, переселив неподалеку от Ктесифона, где Хосров распорядился выстроить здания по образцу того, как строилась Антиохия. Новый город назвали Му Антиох Хосров (лучше, чем Антиохия, выстроенный Хосровом). Римляне называли его Румаган (город греков/римлян); позже арабы называли его Аль-Румия. С падением Антиохии положение римлян в Сирии-Месопотамии сразу сильно ослабло. Но Хосров не собирался на этом останавливаться: сасанидская армия достигла Средиземного моря. Им удалось захватить и Апомею, но Хосров благоразумно решил не отбирать у христиан хранившуюся там святыню – фрагменты Креста Господня¹³ Следующим городом на пути сасанидского войска был Халкис, который предпочел

Римские и сасанидские военные походы VI в. н.э.

откупиться от Хосрова, нежели оказывать сопротивление. Теперь сасанидская армия получила возможность ударить по Каррам, а потом направиться в Константинополь. Военачальники хотели взять и город Дару, попытавшись сделать подкоп, но неудачно, так как осажденные вовремя предприняли нужные меры¹⁴

Как только Хосров направил свои войска на Кавказ, командование на восточном театре военных действий взял в свои руки Велизарий. Однако его войны в этих регионах находилось в плачевном состоянии, многие из них были даже без оружия¹⁵ И тогда Велизарий решил воспользоваться тем, что армия Хосрова покинула Сирию и Месопотамию. Он весьма успешно провел реорганизацию византийской армии в этих областях. Обосновавшись в Даре, Велизарий в 541 г. нанес оттуда удар по Нисибину. Авангард византийцев встретил и разбил наголову военачальник Набед. Но этот успех был временным, потому что основные силы армии вскоре одержали победу над Набедом¹⁶

Осажденные жители Нисибина оказывали упорное сопротивление. Это вынудило Велизария переключить внимание на небольшую крепость Сисуран, которую он вскоре и взял. Всех плененных жителей города он отправил в Константинополь¹⁷ Но воспользоваться плодами своего успеха Велизарий не смог из-за того, что его войско уже было изнурено и сильно ослабло. Тем не менее блестящий полководческий талант позволил ему на некоторое время сдерживать Хосрова. Осознав, насколько се-

рзеной оказалась угроза со стороны византийцев, сасанидский царь был вынужден прекратить кампанию на Кавказе и вернуться назад. Следующую операцию против византийцев он начал в 542 г., на этот раз двинувшись на Каппадокию. Велизарий пришлось предпринимать срочные меры, чтобы вернуть прежнее положение. Хосров намеревался использовать Каппадокию как плацдарм для вторжения в Палестину¹⁸ Велизарий не дал возможности Хосрову исполнить свои планы, выдвинув войска на западе Евфрата. Возможно, Хосров переоценил силы Велизария, потому что просто вернулся назад в Персию¹⁹

По дороге назад он направил часть отрядов своей армии под командование Мехр-Мероз, который вел кампанию на Кавказе. Используя пополнение своих сил, Мехр-Мероз атаковал византийцев, которые располагались по реке Евфрат. Ему удалось захватить Каллиникум в 542 г.²⁰ А вскоре, в 543 г., Хосров обрушился с основной своей армией на город Эдесса. Потери были очень серьезными, но Хосров упорно стремился захватить город. Он приказал своим инженерам возвести насыпи, которые по высоте равнялись бы крепостным стенам. Но осажденные защищались отчаянно, осыпая искусственные курганы градом стрел²¹ Городские власти Эдессы вступили с Хосровом в переговоры и заплатили выкуп, после чего царь оставил попытки взять крепость приступом.

Лацигские войны

Территориальные вопросы на Кавказе по-прежнему продолжали волновать сасанидов. После завершения Ве-Антих Хосров царь начал возводить многочисленные крепости, чтобы усилить защиту Кавказского прохода. В Ктесифоне Хосров принял послов из Лациги, которые обратились к просьбой помочь им противостоять вторжению византийцев на их территорию. Северный Кавказ, в особенности Армения, по-прежнему оставался предметом соперничества между сасанидами и римлянами.

Расположение лацигов на западе кавказского побережья было стратегически важным районом, в котором можно было организовать базовый военный лагерь. Впервые за всю историю своего существования сасаниды получали возможность укрепиться на Черном море и бросить вызов византийцам, всегда обладавшим здесь преимуществом. Иранцы издавна вели торговые отношения через Кавказ – с лацигами, а оттуда везли товары в Западную Европу. В особенности было важно то, что, взяв контроль над таким регионом, как Петра, сасаниды могли повисить новые поступления в казну за счет таможенных пошлин. Политическое и военное руководство Византии встали перед необходимостью предотвратить отход Лациги к Хосрову

Хосров вступил в Лацигу в 541 г. Вследствие бесчинства византийских чиновников в регионе царь лацигов провозгласил свою и своего царства верноподданность Хосрову²² Это позволило впервые за всю историю Сасанидской империи установить протекторат над Лацигой. Заняв территорию лацигов, сасаниды захватили укрепленную Петру, в которой проживало много римлян и которая имела большое значение для Византии. Сасаниды под водительством полководца Мехр-Мероз окружили город рвами, и тот вскоре сдался. Византийские защитники Петры перешли на

сторону Мехр-Мерое и присоединились к его армии²³. Тем временем основные силы византийцев эвакуировали и разрушили свои базы в Питиунте и Севастополе²⁴. Успехи Велизария в Сисараноне в сочетании с нападением провизантийских арабов на Ассирию (современный иракский Курдистан) вынудили Хосрова и основные силы сасанидов покинуть Кавказ и двинуться в Месопотамию. В Петре был оставлен только небольшой гарнизон для защиты Ларциги²⁵.

В разгар военных действий в 542 г. Хосров и Юстиниан попытались заключить мирное соглашение. С этой целью Хосров дождался прибытия послов в Атропатене. Однако вместо отправки мирных послов византийцы осуществили полномасштабное наступление на севере Атропаты, в Армении. Юстиниан изменил свои намерения отчасти из-за ложных слухов о шаткости правления Хосрова. Намного превосходящее в численном отношении византийское войско – оно состояло из 30 000 воинов – столкнулось с отрядом Набеда на Кавказе, который состоял из 4000 воинов²⁶. Сознавая полную безнадежность прямого столкновения, Набед отступил в армянский город Англон. К счастью, в отрядах Набеда находилось немало пехотинцев-даламитов и всадники-асвараны. Отряды разошлись на хорошо организованные позиции, чтобы лучники могли действовать с наибольшей эффективностью. Когда византийцы добрались до Англона, они попали в подготовленную сасанидами засаду²⁷. Поскольку сражение происходило на улицах города, это позволило сасанидам использовать «стрельбу из укрытия». У византийцев даже не было возможности как-либо проявить себя, поток стрел парализовал их действия. Оставшиеся в живых поспешно бежали к армянско-византийским границам²⁸. Временного прекращения военных действий удалось достигнуть только в 545 г., но борьба за Кавказ продолжалась.

Успех в Армении резко контрастировал с положением сасанидов на территории лацигов, где оно становилось все труднее и труднее, поскольку обострилась ситуация с Иберией. Во-первых, потому что иберийцы приняли христианство²⁹. Во-вторых, сасаниды (по необъяснимым причинам) лишили иберийцев всех доходов от торговых путей на Черном море³⁰. Антисасанидское восстание в Лациге не заставило себя ждать. Оно вспыхнуло в 547 г., и Юстиниан выслал в поддержку царю Губазу 8000 воинов. Губаз и византийцы попытались набрать себе в помощь тюркских сабиров и иранских аланов, чтобы сражаться против Хосрова. Полководец византийцев Дагисфей осадил Петру, которую защищали 1500 воинов, состоявших из даламитов и всадников-асваранов. В результате бесчисленных атак погибло 1200 воинов осажденного города, но он не сдавался. Когда казалось, что победа византийцев неизбежна, на помощь осажденным прибыл Мехр-Мерое с 30 000 воинов. Дагисфей прекратил осаду и отступил от Петры. Мехр-Мерое пополнил гарнизон города, оставив там 3000 своих асваранов. Однако сам полководец и большая часть его войска не могли надолго оставаться в Лациге. Наступление Дагисфея, который получил поддержку союзников, а также отсутствие достаточного количества продовольственных запасов вынудили Мехр-Мерое отступить назад, в Атропатену – северо-запад Ирана. Гарнизон Петры остался предоставленным самому себе³¹.

Встревоженный возможностью потерять с таким трудом захваченную Петру, Хосров отправил туда в 549 г. военачальника Хворяна с асваранами. Дагисфей и его

союзники предприняли несколько маловыразительных сражений с силами Хворяна. Но ситуация стала оборачиваться против сасанидского полководца, потому что на помощь противнику прибыли новые силы. Римляне перестроились в фалангу, что не давало возможности действовать конникам. В результате Хворяна был убит, а его войско разбито³². Тем не менее эти действия позволили сасанидам доставить в Петру припасы, в которых остро нуждался гарнизон.

Византийцы предприняли огромные усилия, чтобы взять крепость в 551 г. Полководец Бесс вместе с союзниками-сабирами напал на город, но встретил ожесточенный отпор со стороны осажденного гарнизона сасанидов, которые использовали бензин и нефть, чтобы отразить захватчиков. После долгих усилий две стены Петры были пробиты, что позволило византийцам проникнуть в крепость. О храбрости отпора, который оказывали сасаниды, свидетельствует количество раненых и убитых. Из 3000 осажденных 700 были убиты во время осады, 1075 пали, когда византийцы ворвались в город. Остальные 500 человек укрылись в цитадели и бились до последнего человека. Только 725 человек были взяты в плен, но все они, кроме 18 человек, были при этом ранены.

Мехр-Мерое вернулся в Лацигу в сопровождении асваранов, сабирских гуннов, боевых слонов и пехотинцев-даламитов, но также потерпел поражение с тяжелыми потерями³³. Тем не менее нельзя сказать, что византийцам удалось окончательно вытеснить сасанидов из Лациги. В 554 г. Мехр-Мерое нанес ответный удар и захватил крепость Телеф, защитой которой командовал военачальник Мартин³⁴. Потом была предпринята попытка в 555 г. отбить у сасанидов крепость Оттогар, но безуспешно. На следующий год Мартин сумел добиться значительного успеха, разбив сасанидское войско числом в 60 000 бойцов, возглавляемых *наквареганом* (род

фельдмаршала). Среди них было немало даламитов. Это стало главной битвой на Кавказе. Жестокость, с которой велись бои, свидетельствует о том, что силы той и другой стороны были на исходе. Сасанидо-византийская война подошла к концу в начале VII века н.э.

Хотя сасаниды и византийцы сражались с одинаковым упорством, они все же предпринимали попытки, начиная с 551 г., заключить мир. Эти попытки принесли свои плоды. В 561 г. им наконец удалось подписать мирный договор на 50 лет. Хосров дал согласие вывести войска из Лациги, но Византия должна была выплачивать за это ежегодный налог золотом³⁵. Две империи договорились и о том, что не станут привлекать в качестве союзников воинов-номадов. Как следствие этих войн культурное влияние Персии начало распространяться с Северного Кавказа в направлении Кубани, Крыма и Украины³⁶.

Позднесасанидский шлем. VII в. н.э. (Королевский музей истории и искусства, Брюссель).

Йеменская кампания

После завершения войн в Лациге и Месопотамии империя вскоре вынуждена была обратить свой взор на юг из-за тревожных событий, которые назревали в районе Персидского залива. Поводом для начала конфликта послужила Абиссиния, расположенная на северо-западе Африки, рядом с Аравией. Абиссиния, которая стала исповедовать монофизитское христианство, побуждаемая Византией, пересекла Красное море и вошла в Аравию в 522 г. Вскоре абиссинские войска столкнулись с химьяритами на юге Аравийского полуострова, где были в 525 г. разбиты и изгнаны прочь. Абиссинцы потребовали помощи от Византии, которая откликнулась тем, что снабдила их припасами и кораблями. Абиссинцы еще раз переправились через Красное море и на этот раз одержали победу и убили царя химьяритов Ду Нуваса.

Вскоре им удалось добиться преимущества в арабском Феликсе (неподалеку от современного Йемена), где они распространили свою власть над внутренней Аравией. Стратегически это угрожало Сасанидам по двум пунктам. Во-первых, абиссинцы стали оспаривать экономическое и политическое превосходство Сасанидов в Персидском заливе. Этот регион был для Сасанидов жизненно важным морским выходом в Индию, Цейлон, южные районы Аравии, а также другие морские порты, являвшиеся традиционными торговыми центрами в Индийском океане и за его пределами. Согласно Прокопию, Юстиниан в 531 г. отправил послов к абиссинцам с требованием, чтобы они отрезали сасанидам возможность вести торговлю с Индией. Второй пункт касался военных действий. Неконтролируемый рост власти абиссинцев рано или поздно позволил им совершать нападения на южно-восточное побережье империи. В этом случае Сасанидам пришлось бы вести войну на два фронта, поскольку абиссинцы могли координировать свои военные действия с Византией.

Йеменские арабы под водительством Сайфа Зу-Йазана вскоре подняли восстание против абиссинских захватчиков. Поскольку призыв к византийцам помочь им закончился ничем, Зу-Йазан отправил послов к Хосрову с просьбой прямого военного вмешательства против абиссинцев. 8000 воинов под предводительством Вахриза – командира асваранов – отправились морем в Йемен. Аль-Табари описывает, что войска разместились на восьми кораблях. Несколько судов из этой армады затонули вместе с людьми. В результате на берег высадилось неподалеку от Адена всего лишь 800 человек. После чего Вахриз приказал сжечь корабли, чтобы у оставшихся с ним воинов не зародилась «задняя мысль» сбежать в Персию.

Вскоре Вахриз со своими воинами встретился на поле боя с абиссинцами и разбил их. Зу-Йазана поставили сначала правителем Сана, а затем объявили царем Йемена (годы правления 575–577). Поскольку Хосров помог ему достичь власти, новоиспеченный царь согласился объявить свою страну *марзбном* сасанидов. Но через непродолжительное время абиссинцы снова напали на страну, и царь погиб в битве с ними. Вахриз в 598 г. ответил ударом на удар, на этот раз полностью разбив абиссинцев. Победа была абсолютной: Абиссиния освободила все занятые ею территории в Аравии, и оставшиеся воины вернулись к себе на родину. Вахриз передал власть над Саной сыну Сайфа, ставленника Сасанидов, – Маади Карабу. Йемен стал провинцией Сасанидской империи и оставался в этом статусе вплоть до нашествия ислама.

Попытавшись отрезать сасанидов от морских связей с Индией, Юстиниан невольно укрепил их. Попытка повлиять на политические интриги в Аравии в надежде извлечь из них собственную выгоду привела к тому, что Византия вынудила Хосрова вторгнуться в эти области. В результате Сасаниды прочно обосновались в Йемене, что привело к дальнейшему укреплению сасанидо-индийских связей, теперь уже в Персидском заливе, а также вдоль границ империи на юго-востоке.

Любопытно при этом, что воины Вахриза описываются в персидских источниках как преступники, осужденные Сасанидами на смертную казнь. Мотофай, рассуждая на эту тему, высказывает предположение, что среди них оказалось много последователей маздакитского движения³⁷. После второй кампании воины Вахриза остались в Йемене, обосновались здесь на жительство и переженились на местных женщинах. Потомки этих союзов известны как «абна»³⁸. Впоследствии они заключили соглашение с пророком Магометом и присоединились к делу утверждения ислама³⁹.

Разгром эфталитов

Восстановив мир вдоль всех западных и южных границ империи, Хосров и его полководцы наконец смогли сосредоточиться на главной опасности, исходившей от эфталитов, которые снова начали разорять и опустошать земли обитателей северо-восточных районов империи. Несмотря на то что большая часть армии была занята войной с Византией и в Йемене, Сасаниды решили справиться с проблемой без посторонней помощи. Военные реформы Хосрова в полном объеме закончились только к концу 500 г., и эфталиты все еще представляли из себя серьезную силу. Каваду удалось одолеть их, но захватить такого могучего соперника он все-таки не смог. Несмотря на то что и византийцы, и абиссинцы были хорошо подготовлены и воевали упорно, по сравнению с ними гунны-эфталиты отличались хитростью, коварством, бились насмерть и с военной точки зрения являли опаснейшего противника. Поэтому Сасанидам все же пришлось обратиться за военной поддержкой к тюркским гокам (дословно «небесный/голубой»), которые к этому времени прибыли на северо-запад эфталитской территории⁴⁰.

О появлении тюрков этого племени (название «гок-тюрк») упоминается в 552 г. в китайских источниках⁴¹. Возможно, это первое достоверно зафиксированное употребление слова «тюрк». Этот термин мог также вести свое происхождение от древнего китайского слова «тю-чи», обозначавшего шлем, хотя окончательной ясности в этом вопросе пока нет. Тюрки были потомками объединенных народов сюнну. Непобедимая империя сюнну растянулась от Кореи на Дальнем Востоке до Алтайских гор на западе и граничила со Средней Азией. На юге сюнну соприкасались по Трансбайкалу с могущественной китайской цивилизацией. Потомками сюнну были: гунны, хиониты, тюрки и, возможно, эфталиты, которые воевали с сасанидами на западе Средней Азии и оттуда совершали налеты на Персидскую империю, Индию, Кавказ и Европу. Тюрки стали соседями эфталитов, однако отношения между двумя народами были весьма далеки от сердечных. Тюрки стали смертельными врагами эфталитов и вскоре начали искать союзников для военных действий против них.

Сасанидские военачальники и тюрки заключили военный союз. Теперь эфталитам угрожали с двух сторон: тюрки с северо-востока и сасаниды с юга. Кроме того, руководство эфталитов оказалось разобщенным, что снижало их способность оказывать сопротивление. К этому моменту асвараны, усвоив суровые уроки предыдущих поражений от эфталитов, стали полностью обновленным родом войск¹². Однако основной проблемой Хосрова была острая нехватка людских сил. Чтобы обеспечить успех своей кампании против эфталитов, он был вынужден опасно сократить численность войск на западных границах империи.

Асвараны совместно с тюрками вторглись в Эфталитское царство в 557–558 гг.. Вероятно, эфталиты не располагали организационной и военной способностью вести, подобно аварам, одновременно бои сразу на нескольких фронтах. Эфталитские военные хитрости и ловушки были теперь бессильны обмануть асваранов и, как выяснилось, доказали свою бесполезность против тюрков. В конечном счете эфталиты были полностью разбиты, а их царь пленен. К Сасанидам перешли земли эфталитов вплоть до реки Окс. Тюркам достались эфталитские земли по другую сторону от Окса. В 560 г. Сасаниды взяли полный контроль над Бактрией. Союз Сасанидов и тюрков положил конец царству эфталитов и их присутствию на северо-востоке Персии и в Средней Азии. Хосров восстановил честь Сасанидов и отомстил за своего деда Пероза. Остатки эфталитов на сасанидской территории полностью признали власть Сасанидов, а те из них, кто находился на тюркских землях, стали вассалами тюрков.

Арка Хосрова в Ктесифоне. Возведена между III и VI веками н.э. из обожженного кирпича. Высота 28,5 м и 25,5 м в ширину. Самый широкий в мире пролет, сложенный из кирпича.

Тюркско-сасанидские взаимоотношения первоначально складывались как уважительные и отчасти конструктивные. Тюркские союзники Хосрова, как описывает Масуди, поднесли царю богатые дары и, в частности, «100 тибетских щитов»⁴³. К сожалению, согласие вскоре уступило место взаимным подозрениям, а затем и вражде. Причиной раздоров стала борьба за экономическое господство. Предыдущие войны Хосрова в Йемене и Лациге также были частично вызваны экономическими соображениями, поскольку он намеревался полностью взять под свой контроль торговый шелковый путь, который проходил по Средней Азии.

Хосров уже преобразил империю, сделав ее могущественным центром влияния, где процветали науки, искусства и архитектура. А культурное возрождение возможно было только в стабильной, богатой и процветающей стране. Притязания Хосрова столкнулись с такими же экономическими притязаниями гок-тюрков, по территории которых пролегла большая часть Великого шелкового пути. И теперь тюрки и сасаниды неуклонно двигались к противоборству. В 568 г. послы гок-тюрков добрались до Константинополя, чтобы предложить Византии военный союз против сасанидов. Ключевой пункт этого предложения состоял в том, чтобы нанести империи одновременный удар, вынудив ее сражаться на два фронта. К счастью для сасанидов, этот проект никогда не был осуществлен. Тем не менее идея о возможности заключить договор с тюрками начала выкристаллизовываться в Константинополе, пока окончательно не созрела во времена императора Гераклия.

Неугача Юстина II

Император Юстин II пришел к власти в 565 г. после смерти Юстиниана. Первое решительное действие, которое он совершил, – отмена ежегодной выплаты дани арабам, совершавшим постоянные набеги, грабя и разоряя Византийскую Сирию. Если арабов можно было сдерживать одной только военной мощью, то урегулирование вопросов, связанных с Сасанидской империей, требовало и эффективных военных мер, и тонких дипломатических ухищрений. Юстин II умело владел и тем, и другим⁴⁴.

Решив проблему угрозы со стороны эфталитов в Средней Азии и в Персидском заливе в Йемене, Хосров осознал, что теперь должен обратить свой взор на Запад. Это нашло выражение в том, что в 564 г. неподалеку от Еревана он построил Храм огня. Поставленную перед ним задачу исполнил сасанидский наместник в Армении – представитель клана сурен-пахлави. Естественно, это вызвало гнев и возмущение последователей христианства. В результате восстания был убит один из членов семьи Миконяна. Восставшие в 571 г. казнили наместника и его семью. Царская охрана тоже была перебиты. В результате в Армении образовался вакуум власти. Юстин II, следивший из Константинополя за тем, как разворачивались события, решил воспользоваться хаосом, наступившим на Кавказе.

Сначала Юстин II отказался выплачивать ежегодную дань, которая направлялась на поддержание укреплений Кавказского прохода. Понимая, каким будет ответный шаг Сасанидов, Юстин II стал готовиться к началу военных действий. В 572 г. Юстин расположил большую армию на территории Сасанидов и начал осаду

Нисибина. Защитники города оказали серьезное сопротивление, и вскоре среди византийских полководцев начались разногласия. Подоспевшие на помощь осажденным асвараны также нанесли серьезный урон византийским пехотинцам⁴⁵. Армия Юстина II отступила, инициатива перешла в руки Хосрова.

Асвараны подошли к городу Дара (нынешний Диярбакыр) и начали его осаду. Эту военную кампанию возглавил сам Хосров, будучи уже немолодым человеком. Дара была чрезвычайно важной точкой – занозой в линии укреплений по границам с Византией. Хосров собрал 23 000 асваранов-всадников, 40 000 пехотинцев и 120 000 крестьян, которые проводили все земляные осадные работы. Переломный момент наступил, когда Сасаниды возвели огромные насыпи и начали успешно обстреливать крепость, используя баллисты и стенобитные орудия. Через пять месяцев Дара пала, после чего асвараны совершили рейд по Сирии, нанеся сильнейший урон положению Византии в этой области.

Ситуация сложилась не в пользу Юстина II, и он вынужден был запросить мира. Византийцам пришлось заплатить дорогую цену за неудачно предпринятые действия. Они оказались пока не в состоянии дать отпор асваранам. Юстин II согласился заплатить 40 000 золотых ауреев. Хосров принял этот выкуп и вернулся к своим границам. Но Дара осталась в руках Сасанидов. Психологически это был серьезный удар, который даже сказался на психическом здоровье Юстина II.

Ему на смену в 578 г. пришел Тиберий, заключивший с Хосровом мир. Сасаниды, чувствуя свое превосходство в данную минуту, решили оказать еще большее давление на Византию. Асвараны напали на римлян в Армении. Но добиться победы над ними не смогли. Римляне ответили ударом на удар и разбили асваранов. В 578 г. снова начались переговоры о мире, которые прервались после того, как сасаниды разгромили византийские войска. Казалось бы, вновь преимущество осталось за Сасанидами, но это была чистая иллюзия.

В 578 г. полководец Маврикий возглавил армию, и его походы завершились успешными победами. К этому времени восстание в Армении сошло на нет. Решающую роль в этом сыграло то, что Хосров признал христианское наследие Армении и не стал преследовать тех, кто принимал участие в восстании. Это дало возможность Сасанидам упрочить свое положение в Армении. Год спустя – в 579 году – Маврикий предложил начать вести переговоры о мире. И в этом же году умер Хосров, достигший глубокой старости.

Наследие Хосрова

Развитие шелкового пути

Во время правления Хосрова Сасанидская Персия стала главной экономической артерией, по которой шелк и другие товары из Китая поступали в Византию и Египет. Далее они оказывались на территории Византии, откуда товары шли в Европу через управляемую римлянами Сирию. И хотя эта торговая сеть существовала уже издавна, Хосров во время своего правления сыграл решающую роль в развитии

Проект базилики Максентия, выстроенный в Риме в 306 г. н.э., судя по всему, полностью опирался на образец дворца Арташира I в Фирузабаде. (Вверху: Ливия. Напротив: Эрве Шамполион).

торговли по этому пути. Сасаниды и китайский император эпохи Тан в результате дипломатических переговоров – они велись в течение 445–521 гг. – сумели договориться о том, как устранить все опасности, подстерегавшие торговцев на длинном пути. Наиболее известные соглашения касались, конечно же, шелка, который китайцы экспортировали в Персию. Ремесленники Персии тоже отправляли в Китай свои ткани, пользовавшиеся большой популярностью среди мелкопоместных феодалов. По шелковому пути перемещались самые разнообразные товары: ароматические масла, специи, травы, орудия труда, оружие, художественные произведения. Сасаниды много сделали для того, чтобы наладить организацию перемещения товаров на территории Византии. Результатом этих усилий стало подписание торговых соглашений с Византией в 297, 408 гг. и наконец в 562 г. Последнее соглашение подписал Хосров I.

Второй Ренессанс

Хосров умер в своем дворце в Ктесифоне после 48 лет правления, завершив, быть может, самый славный период сасанидской эры. Во время его правления древний Иран, или Персия, пережил «второй Ренессанс» в том, что касается науки, искусства, архитектуры и ремесел.

Хосров оказывал щедрое покровительство наукам и философии, что способствовало их развитию. Во время его правления был построен университет в городе Гунди-Шапуре (Юндишапур – походный лагерь Шапура). Жадный до знаний, Хосров питал особый интерес к греческой философии. В его империи находили приют и под-

держку греческие ученые, в особенности после указа императора Юстиниана, который в 529 г. закрыл афинскую школу¹⁶ Хосров очень много сделал для того, чтобы сохранились труды великих классиков греческой философии, в особенности Платона и Аристотеля¹⁷ Не меньший интерес вызывали у него труды индийских ученых, философов и медицинские трактаты. Хосров отправлял большое количество посланников и щедрые дары в Индию, чтобы они присылали трактаты и своих лучших ученых в Персию. Один из таких текстов, который получила Персия (его перевели на пехлеви), – «Калила и Димна».

Высоко ценились в империи и труды сирийских или ассирийских ученых, продолжавших традиции греческих и персидских мыслителей. Но именно в Персии произошло по-настоящему глубокое взаимопроникновение направлений индийских, греческих, армянских и персидских традиций, точно так же, как Персеполь стал воплощением синтеза достижений Месопотамии, Антолии, Египта, а также Персии, где выработался единый стиль в искусствах и архитектуре. Одним из явных проявлений такого единства стало открытие *бимаристана* – первого госпиталя, в котором открыли различные палаты для больных, страдавших различными недугами, в зависимости от заболевания¹⁸ Греческая фармакология на иранском нагорье и в Индии получила новый толчок для дальнейшего развития. Город Юндишир оставался ведущим научным центром, но подобные города существовали в самых разных концах империи, среди них – Табриз и Шиз в Атропатене, Мерв в Средней Азии, Ктесифон и, конечно, Вавилон. Развитие наук и медицины во времена Хосрова нашло позже продолжение и в эпоху исламского халифата, откуда

большая часть этих знаний (включая и «утерянные» греческие труды) проникла в Западную Европу⁴⁹

На протяжении долгого периода Средиземноморье поддерживало обширные связи с Месопотамией и Иранским нагорьем, что привело к проникновению на Запад многих архитектурных традиций ахеменидской Персии. Это влияние усилилось во времена Сасанидов, как в ходе постоянного культурного обмена между Сасанидами и Византией, так и вследствие существования Великого торгового пути. Сасанидская архитектура тоже испытала сильнейшее влияние римской – процесс, который начался еще в самый ранний период становления династии Сасанидов. Прямые параллели можно видеть на примере дворца Ардашира в Фирюзабаде (выстроен в 334–226 гг. н.э.) и базилики Максентия (строительство было начато в 306 г. н.э.). Время правления Хосрова – вершина достижений сасанидских архитекторов. Традиции, заложенные в его время, продолжались до последних дней существования династии. Одним из наиболее впечатляющих детищ покровительства, которое Хосров оказывал искусствам и архитектуре, стал знаменитый дворец в Ктесифоне, от которого по сей день сохранилась только часть центральной арки. По мнению исследователей, это одно из архитектурных чудес древности, поскольку величину арки так и не удалось никогда повторить⁵⁰. Огромные размеры арочного свода означали, что пространство под ним предназначалось для сбора огромного количества людей во время религиозных торжеств, имевших место в империи. Военные парады объединений элитных войск, похороны павших героев, церемонии награждения, судя по всему, проводились в «Тадж-е-Касра» (Крыша Хосрова). Проводником традиций сасанидов в Европе стал и Ктесифон. Арочный свод одного из дворцов города очень близок по конструкции и архитектурному стилю церкви Св. Петра в Вене⁵¹. Большое влияние оказали сасаниды и на военную архитектуру. После десятилетних изысканий археологов в римских и иранских городах Гиршман пришел к выводу, что «планы [парфяно-сасанидских] городов, основой которых была круговая форма – что было чрезвычайно эффективным при защите от прямого нападения... и западные военные инженеры переняли эту концепцию, начав применять ее в Средние века»⁵².

Очень заметно – это буквально бросается в глаза – во времена Хосрова развилось мастерство изделий из серебра и металла. Как отмечает Гиршман, при сасанидах появились «блюда, бокалы, сосуды для питья в форме ладьи, с округлыми или складчатыми краями, кружки и большие кувшины... неизвестные грекам или римлянам. Эта техника – изобретение иранцев»⁵³. Основной мотив изображений на этих изделиях – сидящий на троне царь, носки его ног повернуты вперед, двумя руками он держится за эфес меча. Примером тому служит «Кубок Хосрова», известный в Европе как «Кубок Соломона», – по мнению Шарлемана, его передал аббасидский халиф Харун-аль-Рашид. Подобный мотив появился столетия спустя в европейском искусстве. Степень влияния сасанидского искусства и архитектуры на западную цивилизацию и во время существования империи, и после ее падения лежат за пределами нашей темы, однако некоторые из иллюстраций, приведенные в качестве примера, помогут осознать степень широты и глубины этого влияния.

Глава 17

Последний взлет и падение империи

Бахрам Чубин и Хосров II

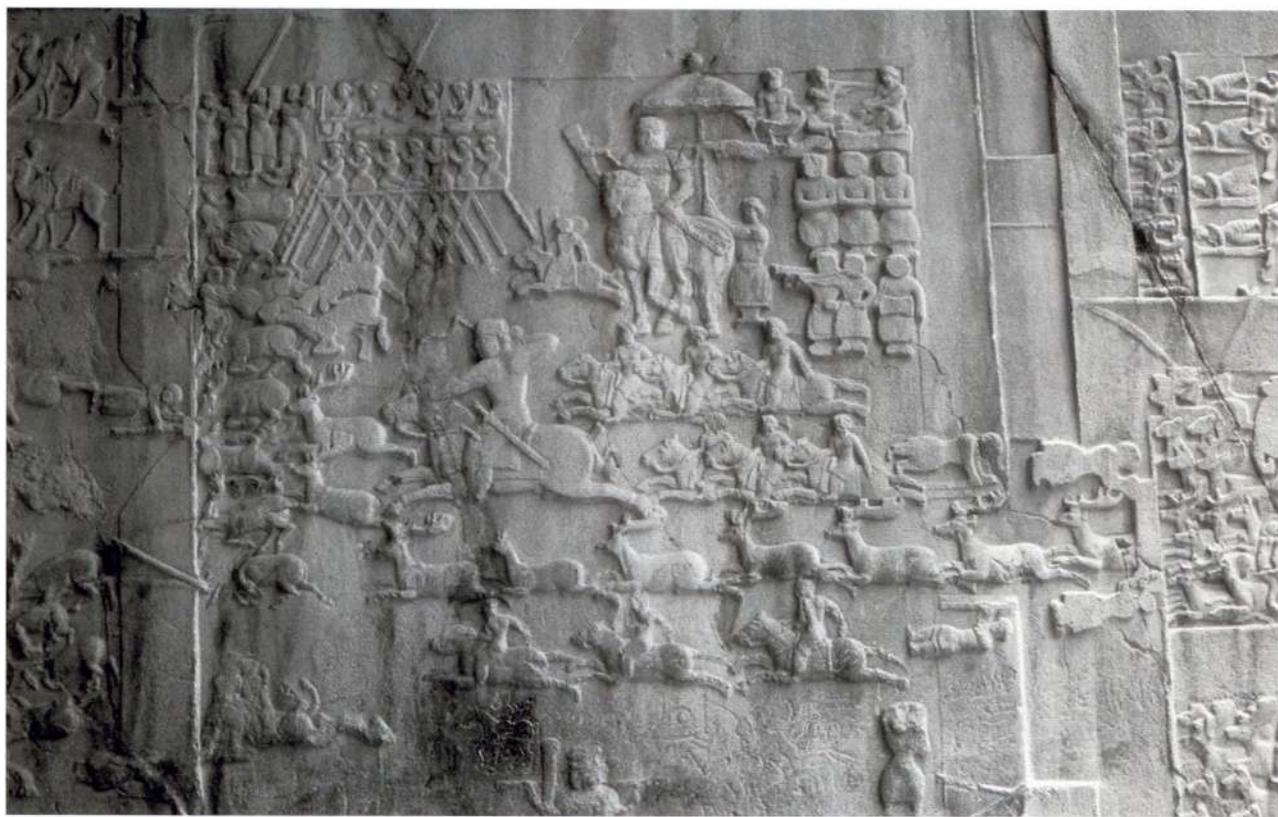
Место на троне после смерти Хосрова занял его сын Ормизд IV (годы правления 579–590). Мать Ормизда – тюркская принцесса – называла его уменьшительным именем «Тюрк-Зад» (рожденный от тюрчанки)¹ Ормизд был терпимым и открытым к новым веяниям монархом, он не давал магам преследовать христиан, евреев, буддистов и представителей других религиозных меньшинств. Он также предпринял строгие меры, вплоть до казней, чтобы пресечь коррупцию среди официальных представителей власти² Как и его отец, Ормизд заботился о процветании простого народа, что, как ни странно, привело к тому, что он не пользовался популярностью ни в народной, среде, ни у магов, ни у придворной знати. Но все же первый серьезный вызов правлению Ормизда бросила Византия.

В 579 г. император Тиберий сделал попытку начать мирные переговоры с Ормиздом, но тот сразу отверг его предложения, в результате чего в 589 г. начались новые столкновения в Месопотамии и Сирии. Многие города переходили из рук в руки, но полководец Маврикий сумел одержать верх и оттеснил асваранов с Кавказа, Анатолии и Сирии³ Через два года Маврикий стал императором (годы правления 582–602), и сражения с сасанидской Персией продолжались до 589–590 гг.

Туранские войны и полководец Бахрам Чубин

На этот раз империя оказалась лицом к лицу со смертельной угрозой на северо-западных границах. Тюрки, которые теперь доминировали в Средней Азии, начали вторгаться и в пределы Сасанидской империи, доказывая, что они – сила, с которой придется считаться. Тюрки были превосходными воинами, наследниками военных традиций Средней Азии. Благодаря своим прямым связям с Китайской империей они имели возможность перенимать все новейшие достижения – процесс, который продолжался вплоть до исламской эры. Вытеснив эфталитов из Средней Азии, тюрки полностью захватили власть в этом регионе. Сасаниды приложили все усилия, чтобы укрепить границы со Средней Азией. Армия всегда находилась в состоянии боеготовности. И в случае необходимости войска можно было очень быстро перебро-

Резьба в Таги-Бустане. Охота на кабана. Хосров II на лошади, под зонтом, в сопровождении асаранов, вельмож и музыкантов (Эрик Лессинг).

силь, чтобы поддержать местных марзбанов (передовые военные отряды⁴), которые первыми принимали на себя удар нападавших тюрков.

Западное тюркское царство Гок постоянно наращивало свою военную мощь и политическое влияние. Некогда могущественные эфталиты стали вассалами тюрков и пошли к ним на службу в армию. И то, что должно было случиться, произошло. В 588 г. большая армия тюрков-эфталитов вторглась в границы Персии на северо-западе империи, осадив стены Горгана. По китайским источникам, число воинов достигало от 100 000 до 300 000 человек⁵, а по подсчетам иранцев, – 400 000 человек⁶.

Думается, что это сильное преувеличение, однако не остается сомнений, что нападавшие по численности значительно превосходили своего противника.

На экстренно созванном мизгерде (круглом столе), который состоялся в Ктесифоне, была обсуждена степень угрозы. Военный совет решил послать к месту прорыва небольшую контратакующую армию под началом Бахрама Чубина, военачальника асаранов, происходившего из рода Михран из Реи (неподалеку от нынешнего Тегерана). Во время вторжения тюрков-эфталитов в 588 г. Бахрам исполнял обязанности марзбана в Азербайджане. В начале своей военной карьеры он возглавлял элитные отряды асаранов, а во время войн с византийцами уже стоял во главе объединенных войск. Талант Бахрама проявился в особенности в Даре⁷ что и давало ему право принять участие в мизгерде как носителю высокого звания «даригбедум царского дома»⁸.

После избрания его полководцем Бахрам и высшие военачальники лично отобрали 12 000 лучших воинов⁹, каждому из них было не больше 40 лет¹⁰. В поддержку элитным частям выделили пехотинцев, в основном из числа дайламитов, и боевых слонов. Бахрам и другие военачальники, такие как Нарде-Гушнасп и Изад-Гушнасп, дали наказ своим воинам не притеснять мирное тюркское население, если им удастся перейти на территорию противника.

Тщательно избегая опрометчивых поступков, которые погубили царя Пероза за столетие до того, Бахрам тщательно продумал и взвесил военную операцию, прежде чем начать контрнаступление. В тюркский хаканат было запущено большое количество разведчиков под видом мирных миссионеров. После того как они собрали достаточное количество сведений о составе армии, обмундировании и снаряжении воинов в тюркско-эфталитских войсках, разведчики под покровом ночи покинули лагерь тюрков. Таким образом Бахрам Чубин получил все необходимые данные о расположении сил противника, составе и степени подготовки.

Небольшое войско сасанидов покинуло Нев-Шапур, чтобы встретить тюрко-эфталитскую армию под Хорасаном. Бахрам расположил свои отряды самым необычным, с точки зрения боевой тактики Сасанидов, образом. Он выставил отряды асваранов посередине, а боевых слонов разместил по правому и левому крылу. Дайламиты встали перед асваранами¹¹. Это свидетельствует о том, что военачальники воспринимали дайламитов-пехотинцев как настоящих профессионалов своего дела, способных противостоять не только таким опытным и опасным противникам, как византийцы, но и как тюркам-эфталитам.

Ключевым моментом в сражении, которое дал Бахрам в апреле 588 г., была вылазка отряда «спецназа», который проник в центр тюрко-эфталитских позиций. Тофай пишет, что «Бахрам выбрал сотню пахлаванов-асваранов и повел их прямо к холму, где восседал на золотом троне тюркский хан, обозревая поле битвы...»¹²

Пехотинцы, стоявшие впереди сасанидского войска, должны были расступиться, чтобы пропустить асваранов. Как только асвараны ударили по тюркам-эфталитам, Бахрам во главе своих пахлаванов устремился прямо к позиции, где находился хакан. И тюркам не удалось остановить их. Бахрам и его пахлаваны стремительно добрались до позиции хакана и без особого труда расправились с охраной. Тем временем защищенные броней боевые слоны ударили с правого и левого флангов. Сидевшие на слонах стрелки поливали противника стрелами. По такому сценарию слоны могли, возможно, первыми двинуться в атаку, следом за ними шли асвараны, в то время как ударные силы Бахрама напали на ставку хакана. Отряды пехотинцев-дайламитов шли за асваранами, добывая тех, кто остался в живых и, вероятно, дезорганизованных. Результатом победы в этой битве стало вытеснение тюрко-эфталитов из Балха.

Ясно, что тюркский хакан погиб во время операции Бахрама Чубина в Средней Азии в 588 г.¹³ Тем не менее в китайских, арабских и персидских исторических хрониках имеются расхождения относительно этого события, некоторые утверждают, что тюркский хакан был взят в плен¹⁴. Сын хакана – Йил-Тегин и остальные, кто сумел выжить в этом сражении, бежали, укрывшись в крепости Аваз¹⁵. Небольшое войско

Бахрама окружило крепость и вынудило Йил-Тегина сдаться. Вскоре – в 589 г. – удалось очистить от захватчиков и город Герат. Освободив эти западные территории, Бахрам пересек реку Окс и одержал победу над восточными тюрками. Во время сражений погиб и хакан этих областей¹⁶. На этот раз асвараны доказали свое очевидное превосходство в тактике и способах ведения боя. Сасаниды стали полновластными хозяевами в Средней Азии, на востоке которой доминирующее положение занимал Китай.

Асвараны вернулись с большой добычей, львиную долю которой Бахрам разделил со своими воинами. О размерах взятого можно судить по тому, что Бахрам отправил Ормизду в Ктесифон 300 верблюдов. Но то, что полководец присвоил себе львиную долю добычи, и вызвало впоследствии враждебность Ормизда. Зато Бахрам и асвараны отомстили за былое унижение Пероза. Возвращение Бахрама Чубина сопровождалось торжествами по всей империи, о нем даже сложили эпическую поэму «Шаб-наме». Видя растущую популярность полководца, Ормизд начал испытывать тревогу и стал искать повод, чтобы избавиться от него.

Бахрам Чубин захватывает власть

Ормизд отправил Бахрама сражаться с византийцами на Кавказ. Но там полководец не смог повторить своих ошеломительных успехов и был разгромлен¹⁷. Это поражение оказалось на руку Ормизду, поскольку послужило предлогом, в котором он нуждался, чтобы дискредитировать полководца¹⁸. Чтобы еще более подчеркнуть несостоятельность Бахрама как воина, Ормизд отправил полководцу женское платье. Этот «подарок» возмутил и Бахрама, и его воинов. Они желали видеть своего военачальника не только полководцем, но уже провозгласили его царем¹⁹. Бахрам заключил договор с тюрками, и тюркские воины встали под его знамя. Бахраму оказали поддержку и члены могущественного рода Михран – представители одной из наиболее влиятельных парфянских семей, составивших основу империи Сасанидов.

СЛЕВА НАПРАВО:
сасанидский знаменосец
со знаменем Кавада;
знамя с пятью шарами;
военачальник пехотинцев;
пехотинец.

Некоторые представители знати тоже мечтали видеть Бахрама законным монархом, который способен восстановить правление парфян²⁰

Бахрам с верными ему асваранами и тюркскими добровольцами двинулся на юг, к столице Ктесифон. Ормизд выслал ему навстречу армию, состоящую, наиболее вероятно, из числа элитных асваранов царской гвардии. Асвараны из Нисибина отказались поднимать оружие против своих товарищей и присоединились к Бахраму. Однако асвараны из Ктесифона отказались признать его царем, так как Бахрам не вел своего происхождения по прямой линии от членов царской семьи Сасанидского дома. Они объявили, что будут поддерживать Хосрова II (годы правления 591–628), сына Ормизда IV. Жители империи симпатизировали Бахраму, и часть населения даже присоединилась к его войску²¹. Все эти события, вносящие сумятицу в умы и сердца людей, привели империю к опасному состоянию, которое повторилось накануне вторжения арабов в 630 г.

В отличие от первых лет правления Ормизд сталкивался теперь с ростом своей непопулярности в стране. По сведениям, которые приводит ал-Табари, Ормизд уничтожил 13 000 представителей знатных семей и военной аристократии. По всей видимости, он был неспособен на быстрые и решительные действия в кризисные периоды – фактор, которым нельзя было пренебрегать, поскольку он неизбежно вел к вторжению непрошенных гостей из Византии. Поэтому вскоре высшие круги империи составили заговор с целью свергнуть Ормизда с трона. Заговор поддержали два дяди Ормизда по материнской линии, Биндо и Бастам. Ормизд был заключен в темницу, ослеплен и убит. Существуют немалые разногласия по поводу того, кто отдал приказ убить царя. Одни обвиняют в отцеубийстве Хосрова, другие считают, что виной тому оба его дяди. То, как развивались события впоследствии, доказывает, что Хосров ничего не знал и не принимал участия в убийстве отца.

Одно из последствий свержения Ормизда – заметно возросшая в политическом отношении власть военачальников. Хотя дом Сасанидов вскоре был восстановлен, Ктесифон больше не располагал той абсолютной властью, которую он приобрел в дни Хосрова I. Военные реформы, которые произвел Кавад-Хосров Ануширван, изменили положение армии и военачальников. В результате успешных побед над римлянами, хазарами и тюрками-эфталитами популярность полководцев в среде аристократов заметно возросла. Даже после того как восстание Бахрама Чубина было подавлено, полководцы начали формировать свой собственный центр власти в сасанидском обществе²². К концу Сасанидского периода военное руководство играло все более и более возрастающую важную роль в делах империи.

Хосров II сражается за трон

Хосрова II Парвиза (Победоносного) иногда обвиняют в том, что он был слишком расточительным, устраивая придворные празднества, и что он не смог выиграть войны с византийцами. Тем не менее правление Хосрова характеризуется также и тем, что он сумел выдвинуть лучших сасанидских военачальников, которые одержали блестящие победы как над византийцами, так и над тюрками. Его поддержка искусств, архитектуры и наук также не вызывает ни споров, ни сомнений.

Тем не менее воцарение Хосрова II Парвиза на троне не положило конец кризису власти. Бахрам продолжал претендовать на трон, выступив против Хосрова. Несмотря на то что он не сумел привлечь на свою сторону всех асваранов, симпатии большей части населения принадлежали ему. Харизма Бахрама оставалась по-прежнему притягательной. И по сей день он остается одной из самых популярных фигур в иранском фольклоре, о подвигах Бахрама продолжают рассказывать легенды. Уже когда полководец приблизился к столице, Хосров отправил ему примирительное письмо, в котором открыто признавал поведение своего отца по отношению к полководцу недостойным. Новый царь не только прощал все проступки Бахрама, но и предлагал ему более высокую должность (возможно, марзбана) в Ктесифоне. Хосров пообещал, что закрепит это назначение особым царским указом с печатью.

Бахрам не только отверг предложение царя, но и потребовал, чтобы тот отрекся от трона, после чего Бахрам даст ему должность наместника в какой-нибудь провинции. Добавочным оскорблением была угроза казнить царя, если тот не согласится на предложения Бахрама. Новый царь терпеливо отправил следующее послание, в котором подтвердил прежние щедрые предложения. Как и следовало ожидать, Бахрам отверг их, продолжая двигаться к Ктесифону. Деваться было некуда, Хосров вынужден был, осознавая неизбежную опасность, собрать войско и встретить противника неподалеку от Холвана. Это означает, что Хосров полностью доверял своим войскам и надеялся все еще уладить противостояние путем переговоров. Встреча лицом к лицу ни к чему не привела и закончилась лишь враждебностью соперников. Хосров и Бахрам начали готовиться к битве. После семи дней маневров Бахрам неожиданно напал на лагерь Хосрова. По-настоящему сражения так и не произошло: просто воины Хосрова перешли на сторону Бахрама.

Бахрам захватил Ктесифон и провозгласил себя царем, почти не встретив никакого сопротивления. Преследуемый Бахрамом Хосров сначала укрылся в Ктесифоне, а затем бежал в Византию. Ему удалось переплыть Евфрат и найти убежище в святилище Цирцезнуме, где его встретили с большим почетом. Хосров тотчас написал послание императору Маврикию с просьбой помочь ему вернуть трон. После совещания со своими приближенными Маврикий отправил Хосрову официальное приглашение посетить Константинополь, где его примут как сына императора. Жестом доброй воли стало и то, что сасанидских узников отпустили на свободу.

За свою помощь Маврикий запросил непомерно высокую плату. Хосров должен был уступить большую часть сасанидской Армении, стратегически важные земли в Месопотамии и крепость Дара. Уступив эти территории, Сасанидская империя становилась столь же беззащитной, каковой она оказалась после вторжения Траяна на земли Парфянской империи в 116 г. Византия после этого могла начать стремительное продвижение в сердце сасанидской Месопотамии, угрожая Ктесифону. Западные и северо-западные районы империи оказывались под угрозой вторжения византийцев. Но у Хосрова, который вообще мог остаться без трона, не было другого выбора, и он согласился с требованиями Маврикия. Тогда император отправил с ним 60 000 воинов и очень щедро оплатил весь поход. Иранские историки пишут, что Маврикий снабдил Хосрова 40 телегами с золотом.

В сопровождении византийской армии Хосров вошел на территорию своей страны с севера. В Атропатене под его знамя встали 8000 асваранов. Возле Евфрата Хосров разбил войско под предводительством военачальника Vruzasius, которое выступило против него. Подробности сражения остаются, правда, неясными, известно только, что Vruzasius был взят в плен и замучен на празднестве, устроенном в честь победы Хосрова, в котором приняли участие византийцы и те придворные, что поддерживали Хосрова. А их было немало. Собственно, Бахрам никогда особенно не доверял верности асваранов, в особенности дехканам, которые были обязаны своим положением дому Сасанидов. Вскоре Хосров захватил Ктесифон, не встретив никакого сопротивления. Бахрам, чтобы не оказаться в плену, сбежал из столицы с оставшимися верными ему войсками.

Последнее сражение Бахрам дал в 591 г. у реки Баларат в Армении. У него было 40 000 воинов. Но теперь на стороне Хосрова были и византийские войска, и сасанидские царские воины, грузины и армяне. Несмотря на то что тактические приемы боя остаются малоизвестными, нет сомнения, что в самый решающий момент боя 8000 лучших воинов-асваранов Бахрама перешли на сторону Хосрова²³. Причиной тому главным образом стала объявленная царем амнистия для всех, кто сражался на стороне Бахрама. В амнистии говорилось, что любого асварана, покинувшего Бахрама, с почетом примут в царские войска. Вскоре Хосров захватил окружение Бахрама, в том числе его детей и жен, а также его имущество и корону. На этот раз полководец, возмечтавший стать царем, потерял все.

Отчаявшийся Бахрам бежал в Среднюю Азию и остановился в Фергане²⁴. По иронии судьбы, его принял тюркский хакан Бармуда, который предложил сасанидскому полководцу убежище и даже выдал за него замуж свою дочь²⁵. Однако вскоре Бахрам был убит. Обстоятельства его смерти остаются пока неясными. По одной из версий, подсланный Хосровом убийца заколол его отравленным кинжалом²⁶. После смерти Бахрама остатки его войска перебрались в северные районы Персии и поселились среди дайламитов²⁷.

Несмотря на то что Хосрову удалось вернуть свой трон и столицу Ктесифон, его репутация оставалась весьма уязвимой. Во-первых, его настойчиво подозревали в том, что он умертвил своего отца Ормизда. Желая опровергнуть это обвинение, Хосров потребовал, чтобы Виндой и Бистам прибыли в Ктесифон, где им должны были предъявить обвинение в убийстве его отца. Виндой повиновался приказу и вскоре после приезда в Ктесифон был казнен. Бистам отказался явиться и остался в своей области, где был наместником. Бистам даже попытался организовать альтернативное правление в северной Персии (Талиш, Дайлам, Газвия) и Мидии со столицей в городе Рее

Древнеиранская статуэтка рогастого льва-грифона. V–VI века (Р. Шеридан. Древнее искусство и архитектура).

(неподалеку от нынешнего Тегерана)²⁸ В качестве военной поддержки он предложил перебраться сюда тем воинам, которые после убийства Бахрама поселились на севере Персии. Однако недолгое правление Бистама закончилось после его убийства. Тем временем Хосрову удалось заполучить из Константинополя элитную гвардию в 1000 воинов, которая помогла ему подавить сопротивление его противников в Ктесифоне²⁹

Вторая проблема, связанная с репутацией Хосрова, была намного серьезнее. Заключалась она в том простом факте, что Хосров вернул себе трон при помощи давнего противника империи – Византии. По договору с Маврикием, который заключил Хосров, он потерял большие территории империи, включая хорошо укрепленную крепость Дара, хотя, правда, император Маврикий и оставил Сасанидам Нисибин. В первые 12 лет своего правления Хосров чрезвычайно подчеркивал свои дружеские взаимоотношения с Маврикием. Тем не менее чувство верности Хосрова было связано с личностью самого императора. Как показывают последующие события, это вовсе не означало, что он взял на себя какие-то обязательства по отношению ко всей Византийской империи, в особенности после насильственной смерти Маврикия.

Восстановление империи Дария Великого

В 602 г. византийский военачальник Фока убил императора Маврикия и жестоко истребил всю его семью. Существует версия, что смерти удалось избежать только сыну Маврикия – Феodosию. Фока отправил послов к Хосрову, но тот отказался признать узурпатора императором Византии и бросил в темницу его эмиссаров. После смерти Маврикия у Хосрова были развязаны руки, он получил право отказаться высылать ежегодную дань.

Более того, воспользовавшись сложившейся ситуацией, он объявил войну Византии – «войну мести» за смерть Маврикия, и самолично возглавил войска асваранов в 603 г., взявших город-крепость Дара. Фока отправил против персов полководца Германия. Асвараны блистательно разбили византийцев, а сам Германия умер через несколько дней от полученных в бою ран. Фока отправил еще одно войско против сасанидов. Битва состоялась при Арксеаме. По византийским источникам известно, что Хосров выиграл сражение, благодаря тому, что «объединил крепость и слонов»³⁰ Под «движущимися крепостями», видимо, подразумеваются одетые в броню слоны, на спинах которых располагались башни, где укрывались стрелки из лука. Не исключено, что боевые слоны стояли в центре войска, по флангам располагалась конница, а дайламиты шли в арьергарде. Несмотря на то что по поводу тактической стороны этого сражения ведутся споры, исход ее известен – византийцы вновь были разбиты. По свидетельству Феофания, огромное число византийцев оказалось в плену у сасанидов³¹ Таким образом, у Византии больше не осталось армии, которая могла бы противостоять Сасанидам, и Дара – после девяти месяцев осады – пала в 604 г.

Интересно, что Хосрова сопровождал некий Федосий, который, как утверждалось, был последним сыном Маврикия. Возможно, его участие в кампании являлось способом привлечь на свою сторону ту часть византийской армии и защитников

крепостей, что была настроена против Фоки, и склонить ее перейти к Сасанидам³². После взятия Дары Хосров вернулся в столицу, передав полномочия полководца своим лучшим военачальникам, включая Росмиозана или Фаррухана Шахрбараза (дословно «Вепрь царства»). Шахрбаразу было поручено вытеснить византийцев из Месопотамии, Сирии-Палестины, Армении и Египта.

Падение Дары означало для Византии начало нового витка военных катастроф, в особенности в Месопотамии. В VI веке н.э. император Юстиниан затратил огромные средства из казны для возведения фортификационных укреплений, которые должны были выдержать натиск Сасанидов. В прошлом эти сооружения более или менее успешно отражали нападения асваранов. Однако с 604 по 610 г. военачальник Шахрбараз брал византийские крепости одну за другой. После того как пали Амида, Мардин и Цефа, в северной Месопотамии не осталось византийских войск. Самой значительной победой стало взятие Тур Абдина (букв. «гора Абдин») – этот город-крепость сасаниды сумели захватить впервые.

В южной Месопотамии Сасаниды овладели Каллиникумом и Эдессой. Падение «неприступной» Эдессы стало для византийцев самым тяжелым моральным потрясением. Затем 7 августа 610 г. последовал захват Зенобии Шахрбаразом. Чтобы привлечь на свою сторону вновь завоеванное население, Хосров сделал тщательно рассчитанный политический ход – восстановил антихалкедонских епископов и их церкви.

В то время, когда Хосров осаждал крепость Дара, сасанидский военачальник Джуан-Вех вошел в Армению. Однако его действия против византийцев оказались значительно менее успешными, и весной 604 г. Джуан-Вех потерпел поражение под Ереваном³³. Хосров заменил его полководцем Датояном. Смена командующего армией подтвердила способность Сасанидов успешно выигрывать битвы. Датоян разбил объединенные армяно-византийские силы под селом Герик и отошел на юг к Атропатене³⁴. Затем командование Сасанидскими силами на Кавказе перешло к другому

Фрагмент фрески на левой стене капеллы Магьоре Св. Франциска в Ареццо, где изображен Иракий, разбивающий Хосрова. На другом фрагменте Иракий возвращает Истинный Крест Иисуса в Иерусалим. Длительные и дорогостоящие войны между сасанидами и византийцами истощили обе державы, что позволило арабам и тюркам без труда захватить Египет, «плодородный полумесяц» и Анатолию (2006. Алинару/Топфото).

военачальнику Сенитаму Хосрову (605–606). Он тотчас двинулся из Атропатены на Армению и в месте под названием Англон устроил ловушку для византийского войска, которое возглавлял Федосий Корхорун³⁵. Сенитаму удалось застать противника неподготовленным, и византийцы понесли тяжелые потери. При следующей атаке асваранов Федосий был взят в плен.

Падение Англона дало возможность асваранам продвинуться на запад, в сторону Анатолии. Сенитам Хосров разбил еще одно войско византийцев западнее Феодосиополиса³⁶. Это создало в обороне противника опасную брешь, и вскоре Сенитам Хосров захватил еще несколько крепостей. Затем мантия полководца перешла к Ашдаду Ездару который продолжил начатое предшественником дело: разбил силы византийцев у Базена, вытеснив их западнее Саталы. После чего Ездар вернулся назад и осадил город-крепость Феодосиополис. Примечательно, что в осаде принимал участие «сын» Маврикия, – возможно, это была попытка побудить защитников крепости перейти на сторону осаждавших. Оказало ли это воздействие, трудно сказать, но крепость сдалась. Теперь вся восточная Армения находилась в руках Сасанидов, в то время как византийцы были надежно заперты в западных приграничных областях Армении.

В этот исторический период полководцем становится Шахин, ему предстояло вести далее кавказскую кампанию. Византийцы подошли к крепости Феодосиополис и под ее стенами вновь потерпели сокрушительное поражение. В 611 г. Шахин завершил стоявшую перед ним задачу: византийцы были полностью вытеснены с Кавказа³⁷. Следует отметить следующий факт: армянской церкви было разрешено благоденствовать, что, возможно, являлось попыткой привлечь на свою сторону все население Армении. Стратегически Шахин получил полную возможность пройти в восточную Анатолию и Каппадокию. Лишившись своих опорных пунктов в Армении и Месопотамии, византийцы уже не могли позволить себе потерять еще и Сирию. Это привело бы к потере всех земель между Месопотамией и Ливаном – Палестиной. Подобное развитие событий угрожало также открыть для военных действий Сасанидов западную Анатолию, а также столицу Византии – Константинополь.

Состояние Византийской империи того времени во многом напоминало положение, в котором оказалась Парфянская империя в последние годы ее существования, когда ее раздирали междоусобные войны за власть на престоле. Не будет сильным преувеличением сказать, что успехи Сасанидов были результатом как их превосходства в военном отношении, так и того, что Византии не хватало единства. Жесткие сражения между византийцами в Сирии и Палестине закончились поражением Фоки. Корона перешла в руки Ираклия (годы правления 610–641), который отныне стал единовластным императором. Не следует недооценивать влияния на эти события войны между Византией и Сасанидами. Войска, которые могли бы быть направлены в Армению или Месопотамию, вступали в битву друг с другом, вовлеченные в гражданскую войну. Те византийские войска, что участвовали в боях с Сасанидами, несли большие потери, еще сильнее подрывая военные позиции Византии.

В 611 г. Сасаниды возобновили свое продвижение на север и на юг. На севере Шахин прошел через Армению в восточную Анатолию и покорил в 613 г. город

Кесарию в Каппадокии. Евреи этого города встретили Шахина с его конницей как освободителей. Затем Шахин пошел дальше, в глубь Анатолии, овладел Мелитеной и соединился с войсками Марбараза. На юге Шахрбараз напал на Сирию и завладел Антиохией, Агамеей и Эмессой. Ираклий попытался организовать контрудар в окрестностях Эмессы, но его войска потерпели неудачу и были разбиты³⁸

В этот момент Ираклий обратился к Хосрову с безнадёжной просьбой заключить мир. Однако Хосров не только отверг предложения, но и намеревался полностью разрушить то, что оставалось от Византийской империи. Ираклий, сознавая смертельную опасность, угрожавшую его империи, организовал контрнаступление. Армия во главе с полководцем Филиппиком вошла в Армению, а затем отступила назад на территорию Византии. Цель этой акции – отвлечь внимание высшего командования сасанидов от предстоящих действий в Сирии, где Ираклий и его брат Федор вместе с полководцем Ницетасом объединили войска, чтобы разбить Шахрбараза. Однако план провалился – в Сирии сасанидский полководец разгромил объединенные армии византийцев. Затем войско Ираклия потерпело еще одно поражение на севере Сирии, у Киликийских ворот³⁹ Киликия была аннексирована Сасанидской империей. По иронии судьбы, битва состоялась неподалеку от того места, где произошла битва между Дарием III и Александром Македонским в 333 г. до н.э. Следующим пал город Дамаск в 613 году, где огромное число византийских воинов попало в плен к сасанидам⁴⁰

Постоянные поражения, следовавшие одно за другим, подрывали моральный дух византийцев. Византийский гарнизон из Иерихона в 614 г. был отправлен против Шахрбараза, чтобы воспрепятствовать захвату Иерусалима. Однако Иерихонский гарнизон обратился в бегство, едва увидев сасанидские полки, и Иерусалим был взят за 20 дней⁴¹ Точно так же, как их соплеменники в Кесарии, евреи Иерусалима (все они были на стороне сасанидов) приветствовали Шахрбараза как освободителя. Полководец и его союзники-евреи обошлись с христианским населением города с особой жестокостью: 50 000 жителей погибли, а 35 000 были уведены к качеству рабов. Иерусалимские церкви были разрушены и сожжены, патриарх Захария брошен в тюрьму, а Истинный Крест Господень (крест, на котором был распят Иисус Христос) перевезен в Ктесифон.

Все это дало основания многочисленным историкам трактовать войну Хосрова с Византией как крестовый поход против христианства. Это не совсем верно, так как в начале VII века н.э. христианство несторианского толка распространилось во многих областях западной части Сасанидской империи. Главные христианские центры находились в Хузестане, западная Персия, и в северной Месопотамии (в особенности – в Адиабене). Будучи сам убежденным зороастрийцем, Хосров оказывал поддержку христианам в своей империи, так как одна из его жен – царица Ширин – была набожной христианкой. По ее распоряжению вокруг Ктесифона было воздвигнуто множество церквей и монастырей. Она же позаботилась о том, чтобы установить Крест Господень в одном из храмов Ктесифона. Сам Хосров поклонялся одному из христианских святых – Сергию Мартиру (в переводе с греческого – «мученик» или же «свидетель»), покровительству которого он, по общему мнению, был обязан несколькими своими ранними военными успехами.

Сасанидский графин, декорированный фигурами танцующих девушек. VI–VII века н.э.

Шахин вторгся в обширные области Анатолии в не самое благоприятное для византийцев время – как раз тогда, когда Шахрбараз захватил Иерусалим в 614 г. Асвараны Шахина прошли через всю Анатолию и достигли Средиземноморского побережья. Каледония на Босфоре пала под ударами асваранов в 614–615 гг., а Шахин уже видел перед собой шпили Константинополя. Тем временем был также захвачен и разрушен древний город Эфес. Персидская конница не проникала так далеко со времен Кира и Дария. Хосров II и его асвараны наконец-то восстановили империю в ее прежних пределах, существовавших во времена Дария Великого. Это был самый блистательный период империи: вся западная Азия, исключая Константинополь, управлялась из Ктесифона.

Ираклий ответил на это двойной стратегией⁴² Во-первых, полководец Филиппик получил приказ двинуться в восточную Анатолию, чтобы побудить Шахина преследовать его и покинуть Халкедонию. Второй стратегический ход Ираклия (не военного характера) заключался в том, чтобы вступить с Шахином в прямые переговоры об окончании войны. Шахин встретил императора с большими почестями, и сенат в Константинополе отправил трех послов в Ктесифон. Тем временем Шахин покинул Халкедонию, преследуя Филиппика. Но тактический ход Ираклия оказался неверным. Шахин выиграл сражение с Филиппиком и вернулся в Халкедон. Послов, которые привезли Хосрову письмо с мольбой о прекращении военных действий, попросту казнили в Ктесифоне. Военные успехи Хосрова настолько вскружили ему голову, что

он поступил весьма недальновидно и отверг предложения о мире. Это привело к его ниспровержению и создало предпосылки падения Сасанидской империи.

В 616 г. – впервые со времен завоеваний Кира Великого – пал Сард. В последний раз персидские суда бороздили Эгейское море только во времена Дария и Ксеркса, теперь они снова вышли в море. Вновь отстроенные суда в 617 г. двинулись против Константина (Саламина). Этот поход был, скорее, отдельным рейдом, чем крупномасштабным вторжением. Более решительный удар сасаниды нанесли по острову Родос, павшему под их натиском. Примечательно, что и на острове Самос были найдены сасанидские монеты, которые датируются 623 г.⁴³ Тем не менее основные силы были направлены не на материковую Грецию, а на дальнейшее продвижение на юг, через Средиземноморье в Египет

После захвата Иерусалима Шахрбараз, укрепив положение в Сирии и Палестине, намеревался двинуться на Византийский Египет, что он и сделал в 618 г. Асвараны вошли в Александрию в 619 г., а уже в 621 г. Сасаниды оккупировали весь Египет⁴⁴ Второй раз в истории Египет оказался захвачен Сасанидской империей. В результате Византия лишилась одной из своих богатейших провинций и развитого в сельскохозяйственном отношении центра. Военный престиж византийцев еще более пошатнулся. Ираклий находился на грани безвыходного положения.

Несмотря на все успехи сасанидов, им просто не хватало войск, чтобы защищать все огромные территории, которые им удалось захватить, особенно это касалось Кавказа и Анатолии. Длинная береговая линия в северной Анатолии и Армении представляла Византии возможность предпринять морской поход к берегам, чтобы ударить по сасанидской армии с тыла. Большая часть внутренней Анатолии была свободна от сасанидских полков, что давало Византии шанс собрать там новые армии и вторгнуться либо на Кавказ, на востоке, либо в Месопотамию и Иран, на юге⁴⁵ Эти возможности уже ярко продемонстрировали ранее походы Филиппика. Впечатляющие успехи Сасанидской империи по захвату столь огромной территории стали ее основной ахиллесовой пятой: у персов просто не хватало войск, чтобы создать гарнизоны на завоеванных землях. Военную славу Хосрова II вскоре затмила катастрофа, потрясшая Персию до самого ее основания.

Битва при Зу-Каре. появление арабов

Хосров II совершил огромную стратегическую ошибку сместив с трона в 602 г. лахмидского царя Нумана III⁴⁶ Поводом для свержения царя послужило то, что Нуман не поддержал Хосрова II во время мятежа Бахрама Чубина. Хосров II также разорвал отношения с вождем племени Бани Шейбан, который вскоре при поддержке других арабских племен стал готовиться к войне. Империя выставила армию из 2000 асваранов и 3000 воинов союзников-арабов. Однако союз Бани Шейбан одержал над сасанидами блистательную победу в битве при Зу-Каре в 610 г. – в том самом, когда Ираклий пришел к власти.

Примечательно, что сасанидская армия оказалась абсолютно не способна оценить значение своего поражения. Отчасти это было вызвано глупой привычкой пре-

небрежительно считать, что арабы в военном отношении стоят гораздо ниже персов. В свете таких взглядов поражение при Зу-Каре воспринималось как случайная неудача. Если к византийцам и тюркам относились как к серьезным, заслуживающим внимательного отношения противникам, арабов таковыми не рассматривали и не воспринимали как реальную опасность. Лахмидские арабы отчетливо продемонстрировали свой военный потенциал в недавнем прошлом, как, например, при Каллиникуме, однако сасаниды по-прежнему продолжали считать их, скорее, членами иранского сообщества, нежели иностранцами. Ведь лахмиды демонстрировали свою незаменимость в качестве защитников южных границ империи, в особенности на юге месопотамско-арабского региона.

Решение Хосрова II сместить династию Лахмидов свидетельствует о его полной недальновидности, поскольку открывало юго-запад империи для возможного вторжения арабов. Линия крепостных сооружений Кандаг-Шапура находилась уже в полуразрушенном состоянии, и не существовало никаких планов сооружения новых фортификаций в этом регионе. Кажется, ни отсутствие должной защитной линии, ни военная неудача при Зу-Каре не убеждали сасанидскую армию в наличии потенциальной опасности, которая могла явиться из пустынь Аравии. Возможно также, что опасность осознавалась, однако высший приоритет отдавался войне с Византией, и лишь после успешного ее завершения внимание должно было быть перемещено на южные направления. Тем не менее, когда в 637 г. угроза массированного вторжения арабов окончательно материализовалась, у империи не оказалось никаких разработанных планов или контрмер, направленных на то, чтобы их остановить. В основном эта неподготовленность была следствием войны против Византии.

Вторжение тюрков с северо-востока

Тюрки Средней Азии, видя, что войска империи полностью заняты войнами на Востоке, решили использовать возможность для своего вторжения⁴⁷. В то время, когда сасанидская конница входила в Египет в 619 г., тюрки и их союзники-эфталиты ударили по Хорасану на северо-западе Ирана и по Афганистану. Империя быстро отреагировала на вторжение, направив навстречу сасанидскую армию под предводительством армянского полководца Смбата Багратуни с его отрядом из 2000 армянских асваранов. Тюрки были разбиты в Тусе и Хорасане и оказались вынуждены отступить в Среднюю Азию. Оставив весьма немногочисленный гарнизон из 300 человек под предводительством сасанидского царевича Датояна, армия Багратуни двинулась на запад.

Тем не менее тюрки и эфталиты все еще оставались вполне дееспособными и, воспользовавшись отсутствием Багратуни, совершили налет на Хорасан, смяв крошечный гарнизон, после чего двинулись дальше, в глубь Иранского плато, и дошли до Исфагана и Рейи. Прихватив военную добычу, они вернулись назад. Багратуни вынужден был вновь вернуться и решил повторить кампанию Бахрама Чубина, которая имела место 30 лет тому назад. Объединенные силы асваранов, сасанидов и армян ударили по тюркам-эфталитам в Средней Азии. Тюркский хакан в резуль-

тате этого похода был убит Тюрки и эфталиты разбиты, многие из тех, кто обратился в бегство, были умерщвлены асваранами.

По сведениям армянских источников, число тюрков-эфталитов равнялось 300 000 воинов или даже выше, хотя столь большое число маловероятно⁴⁸. Несомненным в этих сведениях можно считать то, что благодаря победе Багратуни среднеазиатские границы империи были надежно защищены вплоть до арабского нашествия.

Ответный удар Ираклия. поражение и падение Хосрова II

К 617 г. положение Ираклия было совершенно безвыходным. Он решил отправить царские сокровища и свою семью морем, а затем, взяв судно, присоединиться к ним. Видимо, Ираклий надеялся найти укрытие в Карфагене. Но его «план побега» был раскрыт. в Константинополе начались волнения по этому поводу. По повелению великого патриарха император дал клятву в соборе Святой Софии, что никогда не покинет столицу. И теперь ему пришлось заботиться не о том, как ускользнуть, сохранив себе жизнь, а о том, как все же добиться победы.

В этот черный для Византии час проявился военный гений Ираклия. В годы Сасанидских завоеваний византийцы с поразительным отсутствием воображения следовали главным образом оборонительной тактике. Ираклий принял решение, которое можно назвать предельно смелым и элегантно простым: удар, который ему предстояло нанести, должен был быть направлен в самое сердце незащищенной империи Сасанидов, поскольку большая часть армии противника находилась в западной Анатолии, Сирии, Палестине, Месопотамии и в Египте. Это давало возможность Ираклию воспользоваться морским путем и высадить свои войска на западном побережье Кавказа.

Однако к тому времени византийцы потеряли большую часть командного состава и профессиональных воинов. Надо было как-то восполнить этот пробел, прежде чем Ираклий мог бы начать воплощать свою «морскую стратегию». К счастью для византийцев, действия Хосрова облегчили задачу Ираклия. То, что Шахрбараз захватил Истинный Крест Господень, вызывало глубочайшее негодование последователей греческой православной церкви. Особенную ярость вызвало то, что Крест стоит в Ктесифоне в качестве военного трофея. В 620-х гг. Хосров реквизировал у церквей в Месопотамии и Сирии огромное количество материальных ценностей и использовал их для ведения войны. Это дало Ираклию возможность объявить войну против Персии крестовым походом. Стремление освободить христианские земли привлекло большое количество желающих встать в ряды воинов. Византия могла также располагать обширными людскими ресурсами на Балканах, не было недостатка в рекрутах и в самом Константинополе⁴⁹. Несмотря на то что асвараны стояли уже почти у ворот Константинополя, Ираклий начал терпеливо перестраивать надломленную

Блюдо с изображением птицы-гракона симурга. VII век н.э. (Британский музей).

византийскую армию. В финансовом отношении империя сильно оскудела, царская казна тоже опустела, но ортодоксальная церковь пожертвовала сокровища из своих запасов на военные нужды. Драгоценные металлы расплавили и отчеканили монеты, чтобы Ираклий мог оплатить расходы на подготовку похода и перестройку армии.

Через пять лет тщательной подготовки все было готово. Ираклий прибыл в Армению в 622 г. и разбил войска сасанидов, которые возглавлял их союзник – арабский военачальник⁵⁰. Чтобы выступить против Ираклия, в Армению прибыл Шахрбараз. После длительных маневров Ираклий напал на противника и разбил его войско. Несмотря на то что военный успех был не столь уж и значительным, эта победа сыграла огромную роль для поднятия боевого духа византийцев, поскольку была первой после многих лет постоянных поражений. Ираклий уже был готов двинуться на запад, но в это время тюркские авары вторглись на Балканы и угрожали Византии. Расправившись с внезапно появившимися противниками, Ираклий вновь вернулся на Кавказ. После празднования Пасхи в апреле 624 г. в Никомедии Ираклий выступил в Каппадокию. Оттуда он ударил по Армении и затем двинулся на юг, в Нахичевань, несколько выше Атропатены. Полководец Шахрбараз, который продвигался в направлении западной Анатолии, был отозван на восток, чтобы расправиться с Ираклием в Армении.

В 625 г. Ираклий утвердил свои позиции на Кавказе. Он набрал воинов из числа союзников – кавказского царского дома и (что самое главное) тюркских хазар. Тем временем для противостояния Ираклию прибыли три отдельные армии, во главе которых стояли Шахрбараз, Шахин и Шараплакан. Полководец Шараплакан возглавлял «новые войска», в которые входили элитные части асваранов, а также второстепенные отряды, ведомые военачальником Граниканом-Саларом. Новые войска столкнулись с Ираклием и после кровопролитной битвы разбили его армию на Кавказе, заставив ее отступить в восточную Анатолию⁵¹. Однако силы Шахрбараз–Шараплакана понесли столь тяжкие потери, что «разгром» Ираклия стал не чем иным, как передислокацией византийских войск.

Затем в Армению прибыл Шахрбараз и присоединился к Шараплакану. Они сочли, что вдвоем смогут разбить Ираклия, не дожидаясь подхода войска Шахина. Однако Ираклий одержал над этим объединенным войском ошеломительную победу, в основном благодаря тому что умело воспользовался слабой защищенностью флангов и тыла асваранской кавалерии⁵². Шараплакан погиб в сражении, но Шахрбаразу удалось спастись бегством. Византийцы захватили «золотой щит полководца... кинжал, копье и золотой пояс, украшенный драгоценными камнями»⁵³. Классические источники сходятся во мнении относительно гибели Шараплакана, но роль Шахрбараз в этом сражении остается не совсем ясной. Некоторые историки считают, что Шахрбараз действовал совместно с Шахином, над которым Ираклий тоже одержал победу. Объединенное войско Шахина насчитывало 30 000 человек, в то время как у Ираклия «было 20 000 отборных воинов»⁵⁴.

Хосров передал полководцу Шахину «золотых копьеносцев», асваранов Шахрбараз, предположительно 50 000 всадников⁵⁵. Сам Шахрбараз двинулся с оставшим-

ся войском в сторону Константинополя, чтобы соединиться с тюрками-аварами. Зная всю опасность положения, Ираклий разделил свое войско на три части: одна часть под предводительством брата Ираклия – Феодора – должна была оказывать сопротивление Шахину. Вторая часть расположилась в Лазике вдоль Черного моря, и третья была направлена на защиту Константинополя.

Решительное сражение произошло между Феодором и Шахином в 626 или 627 г. Подробности этой битвы мало известны, за исключением того, что как раз в момент наступления Феодора на лагерь сасанидов обрушился невероятно сильный град⁵⁶. Победа Феодора явилась результатом применения новой тактики, которая была разработана, чтобы нанести встречный удар элитной кавалерии асваранов и других соединений⁵⁷. В то же время принесла успех и первоначальная стратегия Ираклия, не дававшая объединиться войскам трех полководцев: Шахина, Шарплакана и Шахрбараза. Несмотря на все это, Шахрбараз, вероятно, самый блестящий из сасанидских полководцев, все еще оставался на оперативном просторе и наступал на Константинополь.

Успех Ираклия в Армении еще не повернул волну прилива в пользу Византии. В 626 г. Шахрбараз пересек Анатолию и достиг Константинополя. Он заключил союз с великим ханом аваров, который расположился лагерем на европейской стороне Босфорского пролива. Но неприступные стены Константинополя препятствовали вторжению, удерживая войско аваров на берегу. Осада столицы империи началась с яростного штурма стен аварами и славянами. Однако для успешного завершения им не хватало поддержки сасанидов, которые расположились на азиатской стороне Босфора. Флот Ираклия не давал им возможности переправиться на другую сторону, чтобы поддержать своих союзников – аваров и славян.

По сведениям византийских историков, пока сасанидские войска стояли на берегу Босфора, Хосров направил тайное послание второму военачальнику, Кардаригану⁵⁸, чтобы тот убил Шахрбараза и вернулся с войском в Ктесифон⁵⁹. Непревзойденный талант полководца Шахрбараза уже сделал его имя легендарным, что не могло не беспокоить Хосрова II.

Это письмо попало в руки Ираклия, и он пообещал показать его Шахрбаразу при встрече в Константинополе. Увидев послание, Шахрбараз заключил союз с Ираклием и назвал его своим другом. Содержание послания было изменено – Хосров якобы просил убить 400 офицеров. Таким образом гарантировалось, что армия Шахрбараза сохранит ему верность, несмотря на то что он перешел на сторону противника. Так Ираклию удалось снять осаду со столицы своей империи только благодаря кусочку бумаги, и благодаря ему же – избавиться от опасности противостоять хорошо подготовленному войску асваранов Шахрбараза, который не стал принимать участия в последующих сражениях. Изменил ли император Византии содержание послания Хосрова прежде, чем показать его Шахрбаразу, – теперь уже никто никогда не узнает. Однако в итоге Ираклий вывел войско Шахрбараза с театра военных действий, что и позволило ему в конце концов выиграть войну и принудить Хосрова II к миру.

Флот Ираклия незамеченным покинул Константинополь, и войско высадилось неподалеку от нынешней Гиркассии на Кавказе. Даже если бы сасанидские разведчики вовремя доложили о том, что суда вышли в море, все равно сасаниды ничего

не смогли бы предпринять: ни остановить суда, ни помешать воинам высадиться. Объединенное войско Ираклия и хазарских союзников на Кавказе достигло 120 000 воинов, что намного превосходило силы сасанидов.

Хазары и Ираклий ударили в 626 г. Хазарский хакан Ягбу вторгся в Албанию (современная Республика Азербайджан). В албанских летописях сохранились сведения о количестве жертв, которые пали от рук хазар после их победы. Хазары устроили жестокую бойню⁶⁰ Как и в Албании, среди грузинского населения также были люди, настроенные просасанидски, которые с радостью встретили прибывшую малочисленную группу всадников-асваранов, число которых не превышало тысячи человек⁶¹

Несмотря на отчаянное сопротивление, малочисленное войско не могло выстоять против объединенной армии Ираклия и хакана и помешать им соединиться в городе Тбилиси в Грузии. Ираклию перед его походом в Персию осталось только овладеть Арменией. Император Византии выдал замуж за хакана свою дочь, чтобы скрепить семейными узами союзнический договор с хазарами, с которыми он собирался покорить Сасанидскую империю. Вместе с хаканом Ираклий переместился на юг, в Армению, где к ним присоединилось большое число местных воинов. Объединенные силы Ираклия, хазар и армян вошли в Атропатену. Пыл хазар вскоре несколько остыл после упорного сопротивления, которое оказало местное население. Довольно быстро они отступили, перейдя реку Аракс⁶² Ираклий продолжал свое продвижение в глубь

Гилсовая пластина с изображением симурга времени правления поздних Сасанидов. VII–VIII века н.э. (Британский музей).

Атропатены. Он вышел с западной стороны озера Урмия, оттуда пересек Загросские горы и достиг реки Тигр в иракском Курдистане. Меньшая часть войска могла, вероятно, также продвинуться в город Марагу в Атропатене.

Последнее противостояние в Ниневии

Хосров сознавал всю опасность новых наступлений Ираклия. Теперь он отправил военачальника Разута, чтобы остановить дальнейшее продвижение противника. Разут сначала попытался обойти Ираклия, чтобы ударить ему в тыл. Ираклий не предоставил ему такой возможности, совершив превосходный маневр: он пересек реку Цаб и расположился лагерем неподалеку от древней ассирийской столицы Ниневии. Подошедший следом Разут «разбил армию на три клина»⁶³ Перед битвой Ираклий вызвал лучшего из воинов-асваранов на поединок и вышиб того из седла. Два других, вызвавшихся принять участие в поединке воина-асварана, также не смогли устоять перед ним. Правда, последний поранил Ираклия, задев копьем его губу. Некоторые западные историки ошибочно утверждают, что Разут был убит в одном из этих поединков⁶⁴

Когда поединки закончились, раздались звуки сасанидских трубачей, и Разут двинул три своих клина вперед. Как проходила битва в тактическом отношении, не очень ясно. Вероятнее всего, войско Ираклия очень удачно ударило по самым слабым местам армии Разута: фланги и тыл. Но во всех источниках говорится о том, каким кровавым и беспощадным было сражение. В какой-то момент казалось, что сасаниды уже почти одержали верх, но именно тогда Разут и три его военачальника были убиты в рукопашной схватке. Однако пехотинцы – предположительно дайламнты – выказали себя с лучшей стороны. Они вступили в бой с охраной Ираклия и даже приблизились к нему почти вплотную, о чем говорит рана в бедро, нанесенная коню императора⁶⁵ Тем не менее после трех часов сражения Ираклий одержал полную победу. Наибольшим, быть может, ударом для персидской армии стала потеря 50 000 незаменимых воинов-профессионалов. Это было последнее основное войско, стоявшее на пути Ираклия, и персы еще остро ощутят его утрату при последовавшем затем вторжении из Аравии.

После этой победы Ираклий предпринял решительное наступление на главный дворец Хосрова в Дастеграде и сжег храм в Шизе. Ему досталась огромная добыча, а кроме того, он захватил 300 византийских штандартов, захваченных ранее асваранами. Огромное число сасанидских дворцов тоже было разрушено. Остатки войска Разута, пытаясь сохранить боевой порядок, отступили, чтобы потом соединиться с 3000 асваранов, которые не успели прийти к ним на помощь в Ниневию. Хосров приказал им дать последний бой захватчику севернее столицы, у канала Тору Мост, который шел через канал, должен был быть разрушен. Но этот приказ так и не выполнили, что дало возможность Ираклию подойти к Ктесифону, не встретив сопротивления. Ираклий отправил Хосрову послание, в котором говорилось:

«Я спешу предложить мир... потому что не хочу уничтожить Персию, но ты вынудил меня... давай заключим мир.. давай погасим огонь, пока он все не истребил»⁶⁶

Как и следовало ожидать, Хосров отверг это предложение. Но теперь все придворные и военачальники, оставшиеся в живых, выступили против царя. Шахрбараз также предупредил Ираклия, чтобы тот не пытался взять Ктесифон. Считается, что Шахрбараз сказал византийскому императору: «Не повторяй судьбу Юлиана»⁶⁷. Следуя совету полководца, Ираклий спокойно отступил на север и расквартировался на Кавказе, чтобы переждать зиму. Теперь в Ктесифоне заработали внутренние политические интриги.

Смещение Хосрова стало удачным дворцовым ходом. Наследником трона Хосров избрал Мардана, своего последнего сына от жены Ширин⁶⁸. Однако Мардана не принимали маги. Полувизантиец Широ – сводный брат Мардана, сын второй жены Хосрова Марии, больше устраивал как придворных, так и магов. Заговор вступил в действие, чтобы предотвратить коронацию Мардана. 22 сторонника Широ поддерживали два сына Шарбараза. Возглавлял заговорщиков Гушнап-аспа, военачальник ктесифонских асваранов. Широ вззошел на трон 23–24 февраля 628 г. и стал известен как Кавад II⁶⁹. Хосрова бросили в имевшую дурную славу темницу, которая называлась «Дом тьмы». Широ совершил самое жесточайшее из возможных деяний, убив Мардана на глазах у Хосрова. Считается, что точно так же он расправился и с остальными своими многочисленными братьями. Через пять дней после того, как на его глазах убили любимого сына, Хосрова замучили до смерти. Таким трагическим оказался конец монарха, который, если коротко подводить итог его царствованию, восстановил господство Ахеменидов и стал катализатором культурного возрождения, которое затем восприняла исламская империя арабов.

Главной целью Ираклия было восстановление status quo. Он с большим уважением относился к представителям сасанидской знати, которые перешли на его сторону. К концу военных действий ему удалось установить личную дружбу с полководцем Шахрбаразом. Несмотря на то что поход Ираклия был весьма успешным, война истощила силы византийцев. По подсчетам, в результате этих военных действий византийцы потеряли 200 000 первоклассных военачальников и профессиональных воинов. Сасаниды потеряли такое же количество своих людей. Размеры бессмысленных потерь отвратили придворных от трона. Как замечает древний армянский историк Мовсес Коренат: «Сколько еще будут течь кровавые реки... в битвах, где умирают арийцы страны?»⁷⁰ Общее число павших византийцев и сасанидов в этих сражениях составило 400 000 лучших воинов. Это привело к тому, что образовался вакуум, которым воспользовались соседние с империями племена, в особенности арабы и турки. Полное истощение как Византии, так и Сасанидов не ускользнуло от внимания Халифа Омара (581–644) и арабских военачальников в Медине. Через десять лет после прекращения военных действий и подписания между двумя враждующими империями мирного договора арабы напали как на Византию, так и на Сасанидскую Персию⁷¹.

Наследие сасанидского искусства и архитектуры

Военные успехи Хосрова, расширение территории создали благоприятные условия для не имевшего примера в истории развития искусств и архитектуры. По сути, во времена Хосрова получил толчок так называемый неоперсидский имперский стиль,

впитавший в себя и старые приемы ахеменидов. Хосров выстроил большое количество городов и жилых домов за городом, к сожалению, очень многое из всего этого было разрушено за десятилетия жесточайших войн. Он привел в порядок старые ирригационные системы, прорыл много новых каналов. По мере роста империи Хосров поддерживал все большее количество амбициозных проектов. Дворцы искусств отделялись и украшались высокопрофессиональными мастерами, выработавшими свой, «сасанидский», стиль. Настоящим произведением искусства стал приемный зал дворца, в котором стояли колонны из серебра. Высочайшими образцами искусства и архитектуры стали рельеф Таг-е-Бустан и дворец Хосрова в Махите.

Нет смысла говорить о взлете персидского ткачества – вопрос лежит за пределами этой книги, тем не менее именно при Хосрове искусство ковроткачества достигло своих вершин. Ковры плелись из шелка и качественной шерсти, богато украшались жемчугом и драгоценными камнями. Поскольку коврами устилали полы во дворцах, они достигали гигантских размеров, некоторые из них достигали 120 м в длину. В самом известном «Весеннем ковре» Хосрова использовали рубины, бриллианты и золотые нити, которые создавали иллюзию цветущего весеннего поля. Этот ковер захватили арабы в 637 г., разрезали его на небольшие куски и продали на рынках Аравии.

Достигли высочайшего мастерства и ремесла, связанные с выработкой изделий из шелка. Сасаниды получали шелк из Китая, сами ткали из него ткани, шили богато украшенные рисунками и драгоценными камнями одежды, которые затем отправляли в Китай. И, как это вполне достоверно известно, китайские придворные носили «персидские» наряды. Византийская знать тоже переняла сасанидский стиль одежды, который был весьма распространен до той поры, как в 1553 г. был взят Константинополь. Мода на персидские шелковые одежды в Византии была так высока, что вынудила православную церковь выпустить указ, в котором эти изделия объявлялись «персидскими нелепостями»⁷². Придворные арабского калифа Аббасида тоже не могли устоять перед соблазном облачаться в сасанидские одежды⁷³.

Глава 18

Падение Сасанидов и исламские завоевания

Недолговечное правление Кавада II

Кавад II взял руководство над мирными переговорами с Византией, которые были основаны на двух важных соглашениях. Во-первых, Истинный Крест Господень должен быть возвращен в Византию. Некоторые современные западные историки считают это победным завершением «христианского крестового похода» против «нехристианского Востока». Подобный взгляд все же является слишком упрощенным как следствие торжествующей ныне европоцентристской идеи геополитического деления мира на Запад – Восток, которое совершенно не соответствует политическим, культурным, этнографическим и теологическим границам Древнего мира. С теологической точки зрения, Иракий защитил православную церковь от зороастрийских магов и арийских культов, но даже и такое утверждение будет слишком упрощенным. Большая часть сасанидской Персии была христианизированной, в особенности ее западные территории. Попытки провести разграничительную линию Восток – Запад также несостоятельны, если учитывать прочные связи, которые существовали между арийскими культурами в Персии и такими же культурами у кельтов, славян и германских народов, которые, как и греко-римляне, являются индоевропейцами. У них те же самые предки, что у персов и индусов.

Вторая часть соглашения заключалась в том, что сасанидские войска должны были покинуть оккупированные территории в Египте, Иерусалиме, Сирии и Анатолии и вернуться на границы, существовавшие до начала войны. Этот пункт весьма красноречив, так как свидетельствует о громадных успехах, которых достигла империя Сасанидов, какими огромными пространствами она завладела, а также о том, сколь близко подошла Византия к грани своего полного разрушения. Фактически часть сасанидских военных отрядов осталась на византийской территории вплоть до нашествия арабов. Трудно говорить со всей степенью достоверности о воздействии,

которое оказал этот договор на мирное население Сасанидской империи, изнуренное многолетними войнами. Думается, вернее всего, он сказался на общем падении нравов. Вместе с тем Ираклий не ставил перед собой задачи полностью разрушить Сасанидскую империю, поскольку очень ясно осознавал всю важность ее, так как Персия сдерживала нашествие варваров на Византию с востока.

Однако Кавад очень скоро выказал полную свою неспособность управлять страной. Для начала он приказал казнить 30 своих братьев. В одночасье весь Сасанидский дом был уничтожен. И только сестры Боран (Боран/Руандохт) и Азар нашли в себе смелость укорить брата в варварском поведении. Кавад умер в сентябре 628 г.,¹ и на трон возвели его единственного сына Ардашира III. Регентом при нем стал Мер Хазес, человек, который стал управлять страной, проявляя терпимость и мудрость. Но это положение дел продлилось не очень долго.

Полководец Шахрбараз, чья верность Хосрову давно уже была оспорена, медлил с возвращением своих асваранов из Анатолии и Ближнего Востока. Над этими войсками Ираклию не удалось одержать победу, но он добился ее дружбой и искусными дипломатическими приемами. Заключив тайное соглашение с Ираклием, Шахрбараз двинулся со своими войсками в Ктесифон и захватил власть в свои руки². По своим склонностям Шахрбараз стал эллинофилом, о чем отчасти свидетельствуют имена его сына и дочери – Никита и Ника. Византийский император и сасанидский полководец договорились, что дочь Никиты – Георгия – выйдет замуж за Константина, который должен был унаследовать власть в Византии. А Ника выйдет замуж за Феодосия – сына Ираклия. Вполне возможно, что Шахрбараз принял христианство; во всяком случае, он испытывал большую склонность к православному вероисповеданию.

Шахрбараз вел с собой к Ктесифону 6000 ветеранов-асваранов, и не исключено, что вместе с ним шли к столице империи войска, выделенные Ираклием. В июне 630 г. полководец вошел в столицу Сасанидской империи, которая уступила его на-

Блюдо с изображением сцены охоты. VII–VIII века н.э. (Государственный музей Эрмитаж, С.-Петербург).

пору³ Шахрбараз сел на трон и умертвил наследника царя – Ардашира III и его регента Мер Назеса. После чего полководец женился на царевне Азар, чтобы привлечь на свою сторону придворных. Ворвавшиеся в тот период его правления в Армению хазары были разбиты посланными Шахрбаразом на Кавказ асваранами. На какое-то время Византия стала свидетелем того, как шахиншахом Персии стал христианин. Однако Шахрбаразу так и не удалось добиться верности и преданности придворных, он был убит в 629 г., а его тело, по общепринятому мнению, было проволочено по улицам Ктесифона.

Власть и равновесие в столице империи вновь оказались опасно нарушены. Встревоженные тем, что может наступить хаос, знать и полководцы обратились к царевне Боран с просьбой занять место на троне⁴. Боран выразила согласие, и во время ее правления страна, наконец, получила возможность прийти в себя после долгих войн и противоборства с Византией. Ираклий принял Боран с большим уважением и пригласил ее нанести визит в Константинополь. Но Боран все же пала жертвой придворных интриг в Ктесифоне: царицу задушили подушкой в ее собственной постели. Место на троне заняла ее сестра Азар, но тоже была убита. По-видимому, после нее не осталось законного наследника Сасанидского дома. Однако придворные все же отыскивали некоего 15-летнего отпрыска Сасанидов, жившего в Истахаре. Вероятно, его происхождение долгое время хранилось в тайне в целях безопасности, учитывая события, происходившие в Ктесифоне после падения Хосрова. Знать и маги убедили юношу принять власть и стать правителем Персии.

Йездегирд III. наследник разваливающейся империи

Причины для социального и религиозного недовольства населения Персии усугубились накануне новой опасности, грозившей им со стороны арабо-исламского мира, как это имело место и в среде византийского населения на Ближнем Востоке и Египте. Все это вместе, а также то, что обе страны были изнурены длительной войной, в то время как воинственный дух арабов, вдохновленных новым религиозным течением, находился на подъеме, обеспечило успешный захват арабами как Персии, так и Византии. Успехи правления Хосрова лишь прикрывали глубокие недомогания, уже поразившие империю. Кто-то захочет оспорить это, доказывая, какого уровня достигла техника и наука. Но перед нашествием арабов в Персии произошел огромный разрыв между богатствами, накопленными знатью, и тем, как жило простое население. Блеск и пышность двора во времена Хосрова II были достигнуты дорогой ценой и сумасбродством. По имеющимся отчетам, у царя было 50 000 лошадей, мулов, онагров, 12 000 белых верблюдов, 1000 слонов, 3000 наложниц и 12 000 слуг.

Священнослужители-маги отступили от проповеди и проведения на практике зороастрийских идей равноправия. А с теми священниками вроде Маздака, которые призывали вернуться к истокам зороастризма, к идеям равноправия, жестоко расправлялись. Однако идеи манихейства и маздакизма пали на благодатную почву и дали ростки в душах простых людей. Большая часть населения империи остро

ощущала несправедливость «деления на классы» и распределения богатства среди придворной знати и магов, смотревших на них как на людей низшего сорта. Жесткое преследование маздакитов и манихейцев привело к тому, что всю Персию пронизала тайная сеть антизороастрийских сектантов, хотя для полного подтверждения этого требуется более серьезное исследование вопроса. Роль некоего Розбеха, настроенного против магов⁵, в принятии ислама в Аравии и в оказании преданной поддержки благодарно читается в исламской истории и хадисах суннитов⁶. Розбех принял имя Салман Фарси (Салман Персиянин). Он снабдил арабов важными сведениями о методах ведения боя сасанидами. Вдобавок к конфликту, что существовал между зороастрийцами и маздакитами, следует прибавить и то, что в стране наличествовали самые разные религиозные образования и практиковалось поклонение различным арийским мистическим культам. К ним следует прибавить и зурванитов и митраистов в Кухистане, Мидии и Ктесифоне, где жило большое число последователей несторианства. Там же имелась большая община иудеев, а последователи буддизма обитали в восточных районах, как Новбахар и Бамиан⁷.

Все это вело к отчуждению простого люда от представителей центральной власти и знати. Эти настроения еще более усугублялись под влиянием все более ухудшавшегося экономического положения и заброшенности сельскохозяйственного сектора. Прорыв дамб на Тигре и Евфрате закончился катастрофическим наводнением в Месопотамии, что привело к еще большему ухудшению жизни и нехватке сельхозпродуктов по всей империи. А центральная власть становилась все слабее и слабее. Власть Ктесифона над отдаленными провинциями заметно ослабла, как это происходило и в последний период существования Парфии. Пока обреченная армия храбро сражалась против захватчиков, оказывая упорное сопротивление арабам, «народ Ирана утратил дух сопротивления»⁸.

Религиозные конфликты и социальные проблемы тоже подтачивали моральный дух сасанидской армии. Как отмечает Мотофи, положение в вооруженных силах характеризовалось «нарастающим хаосом, чувством безнадежности, массовым отступлением от долга и падением дисциплины...»⁹. Тот факт, что большое число командного состава профессиональных военачальников и воинов-ветеранов были либо убиты, либо вынуждены были покинуть строй в результате катастрофической войны между Хосровом и Ираклием, – в дальнейшем подорвал возможность армии заново восстановить свою боеспособность. На складах империи хранились огромные запасы оружия, но профессиональных воинов было угрожающе мало. Элитные войска – такие, как асараны, а также пехотинцы-дайламиты, все еще существовали, но число их уже было не столь велико, как в начале 600-х гг. Потеря такого большого числа опытных воинов также означала, что в армии не хватало наставников, которые могли бы передать новобранцам приемы боевого искусства. Империя еще могла выставить непобедимые отряды боевых слонов, дать обмундирование большому числу воинов, командиров и военачальников, выставить конницу для битвы, но все же факт остается фактом: эта армия была всего лишь тенью той, что существовала прежде.

На самом деле империи требовались годы для того, чтобы перестроить армию и восстановить число профессиональных воинов. Чтобы ликвидировать хроничес-

Сасанидские серебряные ножны. Очевидно, принадлежали воину-дайламиту. Северо-западный Иран. VII век н.э. Ножны изготовлены из дерева и покрыты серебряной пластиной. Сердцевина дерева вырезалась, чтобы меч можно было поместить внутри. Серебряные пластины придавали ножнам прочность, как и декоративный волновой узор из проволоки. Такого рода прием использовался также для изготовления шлемов, клинков и хорошо был известен в искусстве сасанидов. Ножны носили наклонно, привязывая к поясу за два выступа, которые располагались на некотором расстоянии друг от друга. Такой способ ношения кинжала свидетельствует о том, что ножны были изготовлены в позднесасанидский период (Британский музей).

кую нехватку людских ресурсов, требовалось по крайней мере одно поколение¹⁰ К 630 г. империя оказалась ослаблена в военном отношении и открыта для чужеземного вторжения. Византия тоже была слишком истощена, чтобы начинать военные действия, а тюрки, хотя и были способны совершать набеги, все еще оправлялись после поражений, которые им нанесли Бахрам Чубин и Багратуни. Окончательную гибель империи несли с собой нестигаемые войны-бедуины из Аравийской пустыни.

Арабское нашествие в Персию

Арабы были хорошо осведомлены о том, какую ужасную дань заплатили Хосров-Ираклий за свою войну. Второй арабский халиф Омар, великолепный стратег, отдавал себе отчет, что именно в этот момент открывается «золотое окно» для удара одновременно по двум ослабевшим империям. Как пишет Алус, «большинство из них (арабов) достигли большого мастерства в битвах (во время исламской войны в Аравии)... и теперь они пристально смотрели на границы своих соседей – две богатейшие империи – Персию и Рим...»¹¹

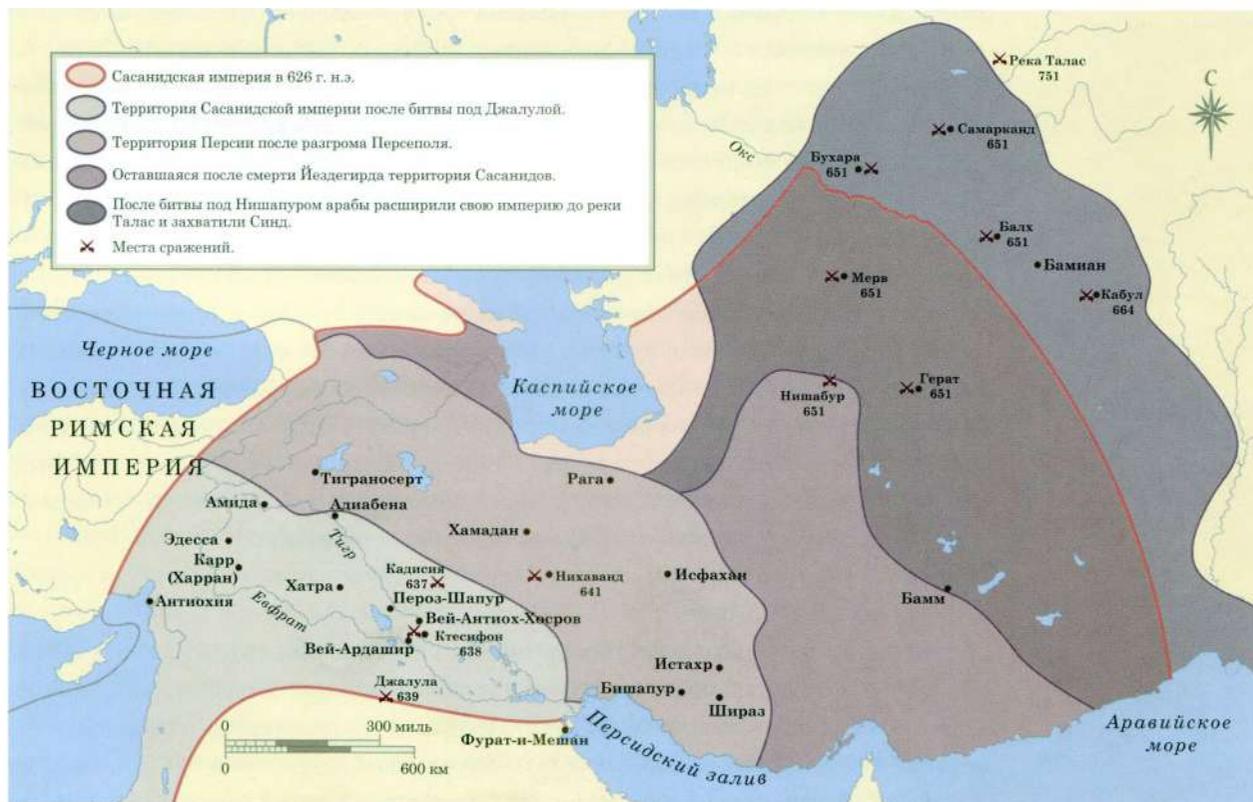
Первый халиф Абу-Бакр объединил арабов Мекки в халифатскую теократию, и объявил джихад, чтобы расширить границы ислама за пределы Аравии. Арабы провозгласили, что несут божественное послание о равенстве всех людей и социальной справедливости населению Византии и Сасанидской Персии. Этот призыв оказал огромное влияние на недовольные войска и простых людей Сасанидской Персии. Семитские группы населения византийского Ближнего Востока, такие как монофи-

зиты-христиане, говорящие на арамейском, а также иудей, ждали прихода арабов-мусульман в качестве освободителей. Как сообщает иранская традиция, во время арабского нашествия был вновь воскрешен давний слоган манихейцев: «Хам-е-барадар, кам-е-барабар» («Все люди – братья, все равны»), а возможно, антисасанидски настроенные элементы в Персии его никогда и не забывали.

Йездегирд III понимал всю опасность положения Персии, но ему досталась изрядно потрепанная армия, в которой он пока ничего не мог изменить и с которой он ничего не мог предпринять. Хотя Йездегирд мог рассчитывать на талантливых и стремящихся к успеху военачальников, которые повели бы в бой его войска, но ни один из них не в силах был равняться с гением таких павших героев, как Шахин, Шараплакан или Шахрбараз. Состояние армии в Византии находилось ничуть не в лучшем состоянии. Хотя Ираклий имел возможность пополнить отряды своих воинов живой силой, черпая состав из Анатолии и на Балканах, чтобы заменить ими огромные людские потери, но Византия была истощена в военном отношении. Византийские военачальники, сумевшие отличиться в войне с сасанидами, вдруг оказались совершенно неспособными проявить свои таланты в схватках с арабами, что и продемонстрировал Феодор в битве при Ярмуке.

К моменту окончания войн между Хосровом и Ираклием арабы очень быстро восстановили свое правление на всем Аравийском полуострове и отстранили от власти

Арабское нашествие на Сасанидскую империю в VII в.

сасанидских наместников в Йемене. К началу 630-х гг. арабы чувствовали себя достаточно уверенно, чтобы взяться за саму Сасанидскую империю. Первым арабским военачальником, напавшим на Сасанидскую Месопотамию, был Мосни Бин Хареса, который к 633 г. занял город Хиру, столицу прежнего лахмидского царства. Однако он не сумел удержаться на захваченных позициях, и его вскоре разбил главнокомандующий персидскими войсками Рустам Фарох-Зад. Полководец Михран начал контрнаступление в 634 г. и вытеснил арабов с территории сасанидов. Несмотря на вынужденное отступление, Бин Хареса сумел поддержать моральный дух своих воинов, убеждая их, что они смогут захватить «сокровища Хосрова»¹² Что еще важнее, арабский военачальник Мутханна к весне 634 г. оказался способным объединить многих христианизированных арабов с их мусульманскими собратьями¹³

Битва на переправе

Неудовлетворенные своим вынужденным отступлением, арабы снова вторглись в Месопотамию и решительно пересекли Евфрат. Военачальником на этот раз был Абу Убейда, который расположил лагерь арабских отрядов на западной стороне Евфрата. Они встретились с сасанидским войском, которое возглавил полководец Бахрам, шедшим под царским штандартом Каве, что свидетельствует о том, насколько серьезно относились персы к предстоящей битве. Арабы пересекли Евфрат без какой-либо предварительной подготовки. Бахрам сумел навязать арабам битву на поле, которое он выбрал сам, и противник очень скоро оказался пойманным в ловушку. Стратегия Бахрама состояла в том, чтобы ударить одновременно объединенными силами: тяжеловооруженные асвараны действовали вместе с боевыми слонами. Арабы не смогли оказать им должного сопротивления. Арабский военачальник Абу Убейда погиб, затоптанный одним из боевых слонов, но по некоторым другим свидетельствам, считается, что он утонул, переплывая Евфрат при отступлении со своими воинами. Арабы, конечно же, хорошо знали приемы ведения боя сасанидами. Однако, судя по всему, Бахрам действовал быстрее, чем они успели подготовиться после высадки на другом берегу Евфрата. Не исключено, что при виде слонов арабские лошади впали в панику. После смерти полководца арабы не смогли организовать сопротивление войску Бахрама и быстро отступили, вернувшись назад тем же путем, что и пришли: переплыв Евфрат. Потери арабов составили 1000 убитыми, 3000 утонули в Евфрате, 2000 дезертировали, бросив оставшихся 3000 воинов¹⁴ Это была, вероятно, последняя битва, из которой сасанидская армия вышла победительницей¹⁵ Это также была последняя битва, в которой сасаниды успешно сочетали атаки тяжеловооруженных воинов и нанесение ударов с применением металлического оружия.

Битва при Кагусияхе

Вернувшийся из Сирии халиф Омар¹⁶ отдал распоряжение перевооружить и преобразовать войска для поддержки Саид Бин Еби Вагга – арабского военачальника, который вторгся в Сасанидский Ирак. Это оказалось возможным благодаря большой победе над византийцами, которую мусульмане одержали в 636 г. в Ярмуке, в Сирии¹⁷ Полководцем всей сасанидской армии утвердили Рустама Фаруха-Зада.

Он вышел из Ктесифона и на этот раз сам пересек Евфрат, чтобы сразиться с арабами, расположившимися лагерем в Кадисияхе, в окрестностях Куфы. Большинство историков сходятся на том, что битва происходила раза три и каждый раз в бой вступали отряды, немногочисленные по сравнению с теми, что выводил на поле арабский военачальник Вагга. Среди тех, что вышли биться со стороны сасанидов, было много новичков, которые еще не прошли нужной подготовки, их боевой дух тоже был не сравним с тем, которым обладали опытные бойцы, хорошо владевшие оружием, как то было в 600-х гг. Эти разочарованные «низшего класса» отряды были, вероятно, особо готовы откликнуться на исламский призыв к равенству всех сословий. Правда, к арабам впоследствии присоединилась также и часть знатных воинов, хорошо подготовленных и вооруженных. Ядром военных сил Сасанидов были выжившие в предыдущих битвах асвараны, лучники, дайламнты и боевые слоны, видимо, организованные в боевые группы¹⁸. Рустам надеялся избежать схватки и посылал несколько послов, чтобы закончить дело мирным путем. Но, как и следовало ожидать, в результате переговоров не удалось прийти к компромиссному решению. Вагга горел желанием завоевать Персию без согласия на то Сасанидов. Последовавшее четырехдневное сражение известно сегодня как битва при Кадисияхе.

Первый день битвы, как описывают его арабы, был «Днем столкновения». Рустам начал его с объединенной атаки тяжеловооруженных асваранов и боевых слонов. Сначала казалось, что преимущество явно на стороне Рустама, потому что арабы уступали натиску асваранов и боевых слонов. Однако арабы многому научились после поражения, которое они потерпели от полководца Бахрама. На этот раз они просто подпустили как можно ближе наступающие отряды, разбили пехотинцев, которые защищали боевых слонов, и начали срезать подпруги, на которых крепились платформы, где сидели лучники. Что касается асваранов, то арабы обрушили на них поток коротких дротиков *навак*, которые не давали воинам возможности двигаться вперед. Видимо, Вагга нашел способ и как нейтрализовать смертоносных сасанидских лучников. Осознав, что, если он будет продолжать битву, его войско будет уничтожено, Рустам дал сигнал к отступлению, сохраняя порядок.

Второй день («День помощи») начался с состязания гладиаторов, в котором победителями вышли арабы. На третий день битва закончилась полной победой Вагга. Арабский полководец пустил в бой бывших византийских копьеносцев, которые знали, как выводить из строя боевых слонов, ослепляя их. Настроенные против зороастризма дезертиры из армии Рустама также обучили арабов этому приему¹⁹. Однако Рустам продолжал держаться. Он собрал оставшихся воинов и не дал арабам одержать окончательную победу. Несмотря на то что сражение шло с переменным успехом, Рустам принял неожиданное решение и отступил со своей армией за канал Атик, видимо, для того, чтобы установить естественную границу между собой и противником. Как только войско Рустама принялось обустривать свои позиции на другом берегу канала, Вагга предпринял ряд стремительных вылазок небольших групп. Рустам проглотил наживку и ответил на следующий день решительным маршем против арабов, вынудив Вагга отступить. К полудню казалось, что победа осталась за сасанидами. Но в самый ответственный момент битвы налетела сильнейшая буря, тучи песка били в

лицо сасанидам, ослепляя их, не давая им возможности согласовывать свои действия. Последняя атака была сорвана природными явлениями²⁰ Во время маневра полководец Хормуз, командовавший левым крылом войска Рустама, отодвинулся слишком сильно. Между отрядами воинов образовалась брешь. И Вагга воспользовался этим преимуществом, бросив в эту брешь своих воинов. Они сумели прорваться к командному центру, откуда Рустам руководил сражением. В рукопашной схватке Рустама убил арабский воин по имени Хиллал, который закричал: «Я убил Рустама во имя Бога Каабы». Известие о гибели Рустама распространилось среди сасанидских воинов, как пожар. После чего они бросились в беспорядочное отступление.

Большая часть элитных полков, в особенности царские лучники и асвараны, остались защищать царский штандарт Каве и сражались, пока не погиб последний воин. То, что арабы захватили штандарт Каве, стало мощным психологическим ударом, который и по сей день продолжает отзываться в иранской среде. Масуди приводит цифру: 40 000 убитыми, без уточнения, сколько погибло элитных отрядов²¹ В сущности, это означало, что сасаниды в одночасье потеряли треть своего войска. Кроме того, к арабам перешли некоторые первоклассные воины. Так, Вагга получил 4000 опытных дайламитов-ветеранов, которые входили в элитные объединения Хосрова II. Эти дайламиты, как и другие элитные отряды асваранов, поддержавшие арабов и принявшие ислам, обосновались в Куфе. Арабы были чрезвычайно рады принять в свои ряды профессиональных бойцов из северного Ирана²² Сейчас нет никаких сомнений по поводу того, что арабы вербовали в свое войско избранный контингент профессиональных сасанидских воинов во время захвата Персии. В особенности конников-асваранов²³ Дезертиры становились союзниками в арабском нашествии²⁴

Победа при Кадисияхе воодушевила арабов и подняла их дух, несмотря на то что и они потеряли в битве почти треть войска²⁵ Истощив свои силы в этом сражении, Омар вынужден был отложить вторжение в северную Месопотамию и Персию почти на полтора года. Но с сопротивлением в южной Месопотамии было покончено²⁶ Полученная передышка в войне оказалась слишком короткой для того, чтобы Персия смогла подготовиться к последнему сражению.

Падение Ктесифона

Омар приказал Вагга вновь начать поход в 638 г. Объединенное арабское войско, выступившее к Ктесифону, состояло примерно из 60 000 человек. К 630 г. Ктесифон и его окрестности, которые арабы именовали Мадан, был неприступным городом-крепостью. Ктесифон и Асбанбар располагались на восточном берегу Евфрата, а Селевкия, Вей Ардашир, Дарджеян, Махоз и Сабат – на западном берегу²⁷ Эти города были выстроены так, что могли выдержать длительную осаду, его обитатели были в состоянии оказывать сопротивление в течение двух лет.

Военачальники Йездегирда посоветовали царю покинуть город до того, как арабы подступят к столице, и обосноваться в горах Азербайджана и Курдистана. С военной точки зрения такое решение казалось неразумным. Арабы еще не овладели навыками брать города приступом, у них не было соответствующих осадных машин, которые имелись у сасанидов и с которыми они умели превосходно обращаться. Ктесифон способен

был выдержать натиск, и если бы сасанидские военачальники решили остаться и поддержать местное население, они бы дали возможность своим войскам больше времени на переподготовку и организацию на севере и на востоке. Поражение под Кадисияхом, а также потеря символа Каве потрясли империю до основания, и неверное решение, принятое военачальниками, привело подданных в состояние полного отчаяния.

Прежде чем сосредоточиться на Ктесифоне, арабы укрепили свои позиции на западном берегу Тигра. Обитатели Ктесифона разрушили главный мост, связывающий западный берег Тигра со столицей. Однако арабы выстроили вместо него свой собственный, позволивший им перебраться через реку. Местное население, собравшись с силами, попыталось дать последний бой арабам у Вех Ардашира²⁸, но противники смяли сопротивление и в 638 г. ворвались в Ктесифон. В первый раз они оказались в стенах богатого, великолепного, полного прекрасных зданий города, где были собраны различные произведения искусства и где жили образованнейшие люди одной

Древний город-крепость Арз-е-Бам (с цитаделью) неподалеку от Кермана. Построенным в 500 г. до н.э. До 1850 г. в нем оставались жители. Сасанидские и исламские архитекторы многим обязаны своим иранским предшественникам, оставившим богатое наследие. Цитадель была полностью разрушена сильнейшим землетрясением в декабре 2003 г. (Топхам Пикчепойнт/Топфото)

из величайших империй мира. Разграбление достигло эпического размаха. Одна пятая часть награбленного была отправлена из Ктесифона халифу Омару в Медину Добыча, которую унес каждый простой солдат арабской армии, если перевести это в денежный эквивалент, равнялась примерно 12 000 дихрамов, к моменту написания книги – 250 000 долларов США²⁹ Около 40 000 сасанидских аристократов арабы взяли в плен и продали их в рабство. Однако арабы взяли не просто богатейшую добычу, они унесли и все символы величия Персии. В руках арабов оказался церемониальный меч Кавада, Бахрам Гура и Хосрова II³⁰ Им досталась корона Хосрова II, царские украшения, а также меч Ираклия, которым в свое время завладели Сасаниды³¹ Огромный царский ковер размерами 30 × 30 м, который украшали золотые и серебряные нити и драгоценные камни, был отправлен Омару в Медину Он разрезал ковер на куски и раздал его разным людям³² Но самым большим унижением для сасанидов стало то, что захваченный ими штандарт арабы продали за 30 000 дихрамов³³ что равняется 600 000 долларов США.

Поражение Йездегирда при Джалуле

Известие о падении Ктесифона прошло как штормовая волна по всей империи, еще более подавив волю военачальников и представителей власти к сопротивлению. Невольно могущественная армия сасанидов, в которой были асвараны и дайламиты, теперь состояла всего лишь из 120 000³⁴ необученных новобранцев, которые должны были выступить на защиту Йездегирда в битве при Холване (неподалеку от нынешней Джалулы). По арабским источникам, число воинов в их войске составляло 12 000 человек. Насколько такая разница в численности, которую дают эти источники, является результатом пропаганды, теперь трудно установить.

Аль-Хашем не смог добиться победы в течение восьми месяцев после того, как он прибыл в Холван. Сасаниды выкопали огромный ров перед своим войском и заполнили его торчавшими оттуда острыми пиками. Но в конечном счете конница Аль-Хашема, в которую вошли и бывшие сасанидские всадники, все же вытеснила сопротивлявшихся из неприступной позиции. Последовавший за этим бой описывается в таких выражениях, как:

«...кончились все стрелы, все пики были поломаны, и сражение продолжилось на мечах. Наконец и мечи были поломаны или погнуты... пошли в ход железные булавы»³⁵

Такое впечатление, что арабы совершенно точно знали, когда и каким образом нанести решающий удар на поле боя, конечно же, не без помощи тех самых дезертиров, которые теперь принимали участие в битве на их стороне.

Остатки воинства Йездегирда в беспорядке начали бежать с поля боя и попали в ловушки, подготовленные по оригинальному замыслу Аль-Хашема³⁶ В результате преследования было убито 100 000 сасанидов³⁷ Врагу досталась богатая добыча из стана, в том числе жены и дети знатных вельмож³⁸, которые тоже оставались в лагере. Арабы принялись делить награбленное, что временно задержало их наступление³⁹

Сам Йездегирд сумел отступить к Рейю (городу неподалеку от нынешнего Тегерана), который стал временной столицей. А полководец Хосровшонум решил удержать город-крепость Холван любой ценой⁴⁰ но потерпел поражение. Падение Холвана дало возможность арабам очень быстро добраться до Махрода, где местная конница, состоявшая из дехкан, тотчас примкнула к Аль-Хашему⁴¹. К этому времени, судя по всему, всякое уважение к царскому дому Сасанидов было утрачено, как и бывшее почтение к магам. Успех арабов в сочетании с тем, что большое число профессиональных воинов-сасанидов после битвы в Кадисияхе присоединилось к захватчикам, стали в дальнейшем причиной нежелания местного населения оказывать хоть какое-то сопротивление.

После поражения под Джалулой остатки разбитого сасанидского войска были направлены, чтобы вступить в бой с арабами в Хузистане и Персии⁴². Город Ахваз в Хузистане пал, и теперь арабы прорвались туда, что следует называть собственно Персией⁴³. Остров Бахрама в Персидском заливе арабы использовали как морскую базу для того, чтобы высаживать воинов на берегах Персии⁴⁴ что привело к поражению защитников Астакхара после битвы в Тавусе⁴⁵. Остатки армии под предводительством военачальника Шахрака и при поддержке персидского населения оказали упорное сопротивление врагу. Однако арабы побеждали уже числом, они взяли города Рамхормуз, Тустар, Мандир и Шуштар⁴⁶. Сопротивление жителей Шуштара, одного из наиболее важных бастионов в южной Персии, было длительным, тяжелым и кровавым. Хормузан – военачальник сасанидских войск на юго-западе империи расположил войска за пределами города, когда приблизились нападавшие. Битва кончилась еще одним поражением для Сасанидов. Уцелевшие скрылись за городскими стенами и приготовились к осаде. Но один из аристократов оказался предателем, и когда наступила ночь, убил охрану, открыл центральные ворота и впустил неприятеля в город. Хормузан и остатки его воинов закрылись в цитадели, чтобы биться до последнего. Только когда все припасы закончились, они обратились с предложением о мире⁴⁷. Персис и Хузистан сопротивлялись еще очень долгое время, даже когда халифат достиг Испании.

Последняя твердыня империи – битва при Нихаванге

Йездегирд собрал все, что осталось от воинов Сасанидской империи, в единую армию. Почти чудесным образом под его началом оказалось 150 000 бойцов. Если это утверждение верно, остается только поражаться, каких же размеров достигала численность войск, если после стольких тяжелых потерь, следовавших после 620 г., после утраты профессиональных воинов царю удалось привлечь на свою сторону столько людей! Быть может, именно тогда вся знать и большая часть населения осознала, что вторжение арабов преследует совсем не те цели, которые подсознательно ожидали недовольные и обиженные. Что арабы собираются поработить сасанидов, превратив их в подчиненную провинцию внутри огромной арабской империи или халифата. Арабские источники особо подчеркивают тот факт, что в «последней» армии Йездегирда присутствовали элитные воины-асвараны⁴⁸.

На этот раз арабы выставили на поле боя намного большую армию. Футух аль-Баладан утверждает, что число мусульман под Нихавандом насчитывало 100 000⁴⁹.

Постсасанидское блюдо. IX–X века. В центре – симург, изображение, по-прежнему не утратившее своей популярности (Музей исламского искусства. Государственный музей Берлина. 2004).

Арабы завладели к тому времени запасами оружия из арсеналов захваченных ими городов, а военная добыча помогала молодому халифату выделять нужные средства для ведения войны как в самой Персии, так и далеко на западе – в Испании³⁰ Ко времени, когда должна была произойти решительная схватка, в войске арабов уже было огромное число бывших сасанидов-профессионалов, а также бывших византийцев.

Военачальники Йездегирда решили дать бой возле Нихаванда (неподалеку от нынешнего Малайра) на северо-западе Ирана, стратегически узловом пункте, откуда шли пути на Кавказ и в восточную Персию. Командовать армией поручили полководцу Фирузану, ветерану битвы в Кадисия. Фирузан не стал атаковать, так как в его армии большая часть воинов были новобранцами, не прошедшими специальную подготовку и в особенности не готовыми к быстрым маневрам. Вместо того чтобы подвергать опасности своих новобранцев в массированном наступлении, Фирузан заманивал арабские войска в атаку на свои позиции. Экстраполяция сасанидской литературы по военному делу и приемам ведения битвы позволяет предположить, что Фирузан надеялся максимально выигрышно использовать свою позицию, применяя простую стратегию, состоящую из трех стадий: использование лучников, чтобы поразить как можно большее число нападающих, поддержка достигнутого преимущества с помощью скрытых рвов и ловушек, а затем уничтожение оставшихся

сил противника конными асваранами и дайлами́тами-пехотинцами. Но арабы не приняли «приглашения» к нападению, так как знали о том, как опасны сасанидские лучники, когда они стреляют со своих позиций⁵¹. Способность персидских лучников выпускать огромное количество стрел за очень короткий промежуток, что сразу наносило противнику непоправимый ущерб, была давно известна. Решение арабов сохранять бездеятельность также было на руку Фирузану. Чем дольше арабы задерживались на поле битвы, тем меньше провизии у них оставалось в запасе. Единственная слабость арабов во время вторжения в Византию и Персию заключалась в тыловых службах: снабдить огромную армию провиантом становилось тем труднее, чем дольше продолжалась военная кампания. Сасанидская система тыловых служб сохранялась исправной вплоть до 641 г., в то время как арабы еще не разработали подобную систему.

И тогда арабы решили применить хитрость, чтобы нарушить патовую ситуацию. Они распустили слух, что халиф Омар умер и что арабы собираются отступить, после чего изобразили отступление. Войско Фирузана бросилось преследовать их и оказалось прямо перед войском, уже готовым встретить противника. После чего арабы обрушились на сасанидов. Битва была жестокой и беспощадной, с большими потерями для обеих сторон. Арабский полководец Нуман был сражен стрелой, но это держали в тайне до тех пор, пока не завершилось сражение⁵².

Поражение под Нихавандом разрушило остатки монолитности империи. Вскоре была взята и Рейа⁵³. Многие из местных марзбанов, которые получили относительную самостоятельность после падения Хосрова II, предпочли не оказывать сопротивления арабам, когда уже было очевидно, что захватчики проникли в самое сердце империи. Эти марзбаны даже снабдили арабов оружием и подкреплением в виде воинских отрядов. Тем не менее многие из тех, кто остался в живых после разгрома под Нихавандом, вскоре присоединились к движению антиарабского сопротивления, нараставшего преимущественно в северной Персии.

Сопротивление халифату

Не будет преувеличением утверждать, что опустошительные войны между Персией и Византией способствовали последующему арабскому нашествию на Византийский Ближний Восток, Сасанидскую Персию, Анатолию, Северную Африку и Испанию, а также вторжению во Францию и Италию. Если бы Персия и Византия отказались от взаимного разрушения военного потенциала, вполне возможно, что история могла бы пойти совершенно другим путем.

Китайские исторические хроники предоставляют ценнейшие сведения о судьбе последних Сасанидов⁵⁴. Когда Йездегирд был убит, его место занял сын Пируз – еще совсем мальчик. Вместе с оставшимися в живых вельможами он ускользнул от преследования арабов в 660 г. и совершил трудное путешествие через Памирские горы в Китай. Сестра Пируза вышла замуж за китайского императора, который принял беженцев и поселил их неподалеку от императорского дворца. В Китае уже было немало переселившихся туда иранцев, которые помогли вновь прибывшим «впи-

саться» в жизнь. Следуя китайским традициям, Пируз выучился приемам кунг-фу и мечтал встать во главе армии, чтобы вернуться на родину и изгнать захватчиков. Он участвовал в нескольких стычках с арабскими уммайадами в Средней Азии и даже набрал большое число тюркских воинов в Средней Азии, готовых пойти за ним. Но ответного удара на оккупированную арабами Персию так и не последовало. Сасанидские вельможи переженились с местными аристократическими фамилиями. Китайские археологи очень много внимания уделили изучению Ирана и в особенности тому периоду, когда Сасаниды оказались в чужой стране. Их разыскания позволили приоткрыть завесу над событиями, о которых долгое время ничего не было известно, – о пребывании Пируза в Китае. Обосновавшиеся в этой стране иранцы оказали глубокое влияние как на Китай, так и на Японию.

Несмотря на успешное покорение арабами огромной территории и разрушение сасанидской военной машины, сопротивление населения арабским захватчикам оставалось очень сильным. Город Хормуз на юге Персии смог отразить десятки раз нападение арабов, прежде чем окончательно пал под их натиском. Тем временем окрепло сопротивление в северном Иране. После успешного продвижения в Иран, Среднюю Азию, Сирию, Северную Африку и Испанию только на севере Персии арабы потерпели первое и единственное поражение. Далаймиты просто-напросто заблокировали проход арабским войскам вход в Северную Персию. Как пишет Оверле:

«Далаймиты остались непокоренными... по крайней мере вплоть до VIII века н.э. ... дайламитские правители выражали крайнее неприятие арабов и стремились к восстановлению Персидской империи и древней религии»⁵⁶

В местных преданиях Мазандарана говорится о женщинах-предводительницах, которые выступали против арабов. Одной из таких, несомненно, была Азаде.

Главной трудностью для завоевателей представляла сама по себе почти «европейская» местность, особенности ее природных условий – поросшие лесом горы в Мазандаране, Джилане и Раште. Арабские воины не могли противостоять дайламитским пехотинцам, которые отказывались склонить голову перед халифом, даже после того, как Сасанидская империя пала. В 771 г. туда попытались войти аббасиды и продержались там почти сто лет, но и после этого их власть ограничивалась отдельными точками в этом регионе⁵⁶. Во время правления Гарун аль-Рашида (763–809) множество мусульманских шиитов бежали к далаймитам, чтобы найти там убежище от преследовавших их суннитов. Самый известный из них – Алид, один из потомков последователей имама Али, сводного брата пророка Мухаммеда. Самым выдающимся из них был шейх Заид, который сумел обратить многих далаймитов в ислам. К тому моменту Буидская династия далаймитов окрепла и взяла власть над многими землями Ирана и Месопотамии (включая Багдад), северной Персией, которая все еще оставалась немусульманской. Однако шиизм все-таки победил⁵⁷.

Наиболее загадочной личностью из тех правителей, которые оказывали сопротивление халифату в Персии после падения сасанидов, является Бабак (из сасанидской династии Арадаширов–Бабаканов) Хоррамдин (с персидского: «тот, кто раду-

ется религии») из Азербайджана. Бабак Хоррамдин (795–838) и его союзники были приверженцами доисламских верований и иранских культов. Скорее всего, это была смесь зороастризма и маздакизма⁵⁸ Виттоу пишет:

«Азербайджан оставался ареной постоянных антихалифатских и антиисламских восстаний в течение VII и IX веков... Азербайджан населяли персы и это был традиционный центр зороастризма... Хуррамиты были... персидской сектой, находившейся под влиянием шиитской доктрины, но корни верований (хуррамитов) уходили глубоко в доисламские персидские религиозные течения...»⁵⁹

К моменту появления на исторической сцене Бабака власть перешла к аббасидам, а население Ирана изнывало под гнетом арабской оккупации. Восточный Иран был особенно возмущен казнью по приказу халифа Аббасида своего предводителя Абу-Муслима в Хорасане в 755 г. Аббасид весьма жестоко и цинично призвал Абу-Муслима вытеснить из восточного Ирана умейядов. Иранцы поддержали Аббасида в надежде, что он, достигнув желаемой власти, отнесется с уважением к их национальным чувствам. Но Аббасида совершенно не волновал Иран, он заботился только о том, чтобы добиться единства халифата. Абу-Муслим был казнен как потенциальный предводитель будущих возможных и весьма опасных для арабов восстаний. Однако халифат растворился и был ассимилирован иранским народом.

Бабак поднял восстание в 816 г. в иранском Азербайджане, и вскоре к нему присоединилось огромное число повстанцев. Он намеревался объединить иранцев, чтобы поднять их на масштабное восстание против арабов. И его движение, которое длилось 20 лет, все нарастало и нарастало. К 837 г. Бабак и его последователи уже контролировали большую часть северо-западного Ирана. Его главными союзниками стали Мазьяр и Афшин. Движение сошло на нет, когда Афшин предал своих товарищей по борьбе. Бабака удалось схватить в его дворце, где все готовились к отступлению. Предводитель восстания умер от пыток. Многие уцелевшие соратники и последователи Бабака смогли добраться до Византии, где «по сообщениям византийских хроникеров, в 830 году нашли убежище от преследовавшего их войска халифа персидские воины. И они стали служить императору Феофилу...»⁶⁰

Последователи Бабака, которым удалось выжить в Иране, постепенно растворились в различных исламских сектах⁶¹. Так закончилось последнее организованное восстание, которое ставило своей целью восстановление порядков древнего доисламского Ирана.

Глава 19

Наследие Персии

после исламского нашествия

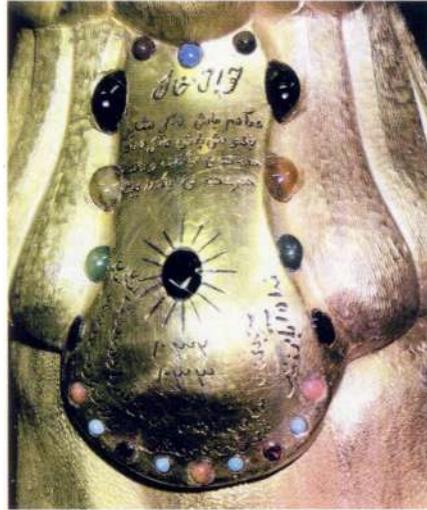
После того как Персия пала под нашествием арабов, большую часть ее наследия впитала и передала через века многонациональная исламская цивилизация. Помимо этого факта не следует забывать о том, что многие иранцы оказались далеко за пределами своей бывшей империи – от Испании до Китая. Большое их число перебралось в Индию, на Дальний Восток, в Европу и Византию. И хотя Сасанидская империя исчезла, наследие ее цивилизации продолжало распространяться в Азии, Европе и в арабо-исламских областях на протяжении многих веков. Ниже будут представлены молчаливые свидетели богатства этого наследия. Полное перечисление всех тем, где сказалось влияние Ирана, – невозможно сделать в одной книге. Поэтому ниже приводятся отдельные фрагменты, которые служат всего лишь иллюстрацией к сказанному

Наследие сасанидов в исламе

Исламский халифат не является творением исключительно арабов. На вершине своего подъема исламская цивилизация превратилась в синтез индийской, греческой и персидской, поскольку арабы покорили очень древние цивилизации. Но, покорив, они многое от них перенимали. И постепенно исламский мир стал представлять из себя многонациональную и разнообразную в культурном отношении империю, границы которой простирались от Китая до Испании.

Продолжавший жить сасанидский стиль особенно ярко проявился во время халифата Аббасидов (750–1250), который такие историки, как Хайаши, называют «неосасанидской империей»¹ Большое количество потомков арийских аристократов азанданов и асваранов поступили на службу правительственными чиновниками, писцами, стали учеными и гражданскими служащими в халифате² Это они стали живыми преемниками, живым связующим звеном между древней цивилизацией Персии и

Позолоченная фигурка крылатого льва. Эра Сафавидов. Найден в Мцхети, Грузия. 1622–1623 гг. Датировка Института манускриптов Грузинской Академии наук. Справа: инкрустированная драгоценностями и покрытая надписями пластина на груди льва. Первая строка содержит персидское напутствие: «Будь храбрым, как лев, и мудрым, как змея» (публикуется с разрешения доктора Давида Купения).

бедуинами из Аравийских пустынь. Иранские ученые, находясь на службе у арабов, перевели огромное количество греческих, пехлевийских и индийских научных трудов на арабский. Прделанная ими работа оказалась необычайно важной для Европы, которая начала знакомиться с этими трудами через Испанию. Можно смело утверждать, что, если бы иранцы не перевели множество греческих трудов, они бы так и остались неизвестными западному миру. Европа никогда бы не смогла вновь открыть их после «Темных веков». Мощное наследие сасанидов сказалось в исламском халифате на развитии торговли, медицины, математики, науки, ремесел, архитектуры, техники и искусства управлять государством³. Многие иранские ученые халифата Аббасидов ведут свое происхождение из тех областей, что расположены на северо-западе бывшей Сасанидской империи, фактически – южной части Средней Азии, современного Афганистана и Хорасана.

Искусства и архитектура

Приемы сасанидских мастеров по изготовлению художественных изделий из стекла, металла, цветных изразцовых плиток, а также использование звериных мотивов оказали глубокое воздействие на арабское и исламское искусство. Во дворце Умейядов в Кирбат аль-Мафджар, неподалеку от Иерихона, имеется мозаичный пол, в узорах которого отчетливо прослеживаются иранские мотивы. В центре стоит дерево, напоминающее «Древо Жизни», столь распространенное в северном Иране, в искусстве сасанидов, а также в мифологии. Там присутствуют и животные мотивы, как, например, хищный лев, хватаящий свою жертву, его абрис повторяет сасанидский стиль⁴. В современной иракской Саммаре до сих пор сохраняется огромное число декоративных украшений на потолке и стенах, выполненных при аббасидском халифате, и все они очень близки по духу древним сасанидским образцам⁵. Позднесасанидские мотивы со слонами, найденные в Таги-е-Бустане, неоднократно повторялись мусульманскими ткачами⁶. Мифологический зверь птица-дракон, или Симург, стала чрезвычайно популярной в искусстве ислама. Как отмечают Блэр и Блум, «Сенмурв (Си-

мург)... из иранской мифологии можно обнаружить в современных (исламских) текстильных изделиях, а также в декоративных архитектурных элементах»⁷ Искусство постсасанидской эры пережило новое «возрождение» во время правления сафавидов (1501–1736), примером чему служат изразцы Ардабила в сафавидском квартале в Исфахане⁸

Сасанидская архитектура произвела огромное впечатление на аббасидов. Халиф аль-Мансур выбрал небольшое иранское поместье Богу-дад, которое он превратил в столицу империи. Иранских архитекторов приглашали для украшения новой метрополии. Как пишет Леви:

«Основывая Багдад... новые здания (для аль-Мансура) возводили персидские мастера... совершенно очевидно, что такие архитектурные формы, как арки и купола, портики и балюстрады, окна, вентиляционные отверстия и водостоки, заимствованы из персидских образцов»⁹

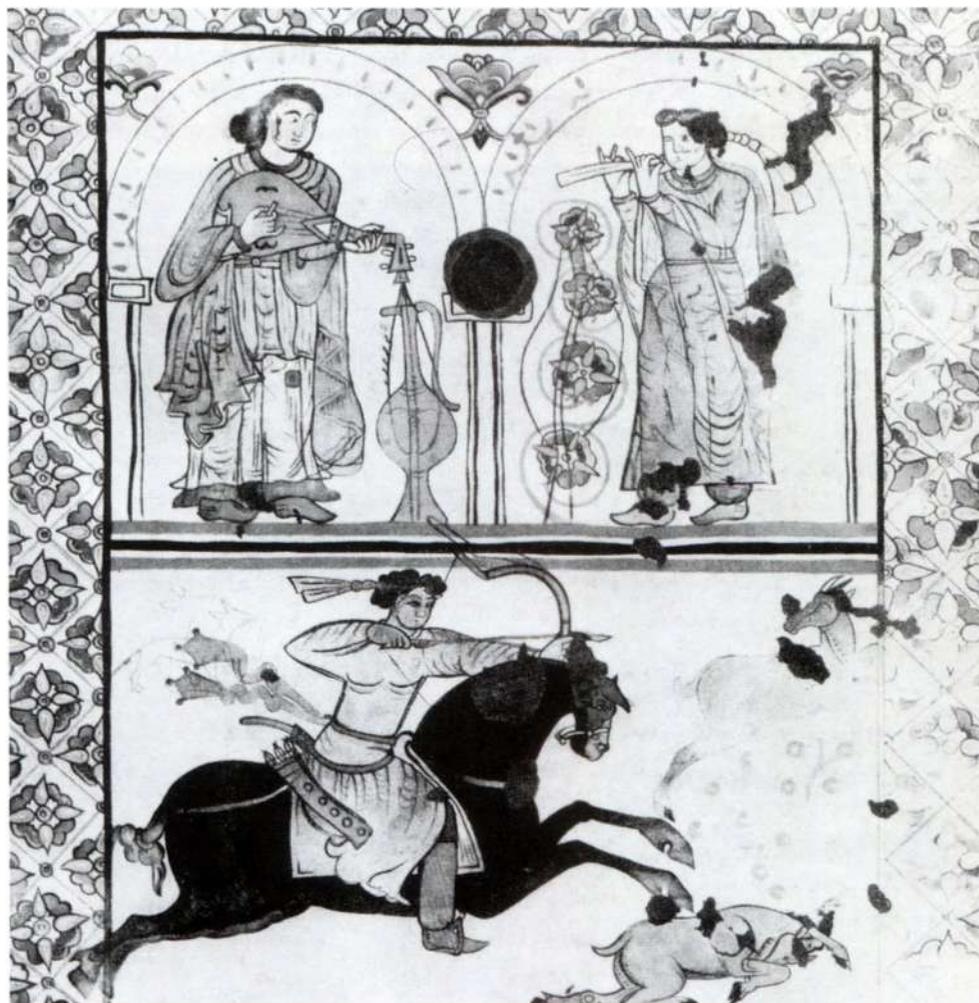
Сасаниды сделали большой шаг вперед в области архитектуры при правлении Хоррова I. Одной из таких новаций стала техника возведения кирпичных сводов. Новшество наконец позволило решить проблему, как накрыть круглым сводом квадратное помещение. Многие в исламской архитектуре ведут происхождение от изобретений, сделанных сасанидами¹⁰ И совершенно очевидный тому пример огромное множество среди зданий и фресок древнего Багдада. Один из образцов найден на воротах Талисман в Багдаде, что объясняет, почему халиф Аббасид решил сделать это поместье своей столицей в 1221 г.¹¹ На вершине ворот есть изображение мужчины с поднятыми руками, точно такое же, как и на капителях Таги-е-Бустана. Слева и справа от него стоят птицы Симург. Сходство между этим изображением и теми, что создавались при сасанидах за столетие до того, просто поразительное. Это сооружение было разрушено во время Первой мировой войны.

Математика

Персидская математика получила особую поддержку при дворе арабского халифа аль-Мамуна (786–833), жена которого и мать обе были персиянками¹² Аль-Мамун был щедрым покровителем математиков и сам питал глубокий интерес как к ее теоретической, так и практической стороне. Именно он отдал распоряжение, чтобы греческие, пехлевийские и индийские тексты по математике были переведены на арабский. И самую большую роль в этом играли иранцы, получившие свои знания в наследство от сасанидских ученых. В основном «исламские» математики по происхождению иранцы. Если бы не тот вклад, который внесли в науку такие многосторонне развитые ученые, как Хорезми, Бируни или Хайам, мир, может быть, никогда не увидел и таких изобретений, как ракетная пусковая установка или компьютеры.

Мохаммед Хорезми (умер в 844) родился в Хиве, столице древнего Хорезма, область, которая впоследствии сильно тюркизировалась, в особенности после прихода тюрков-сельджуков. Она стала не только родиной зарождения современной алгебры

(от арабского аль-джабр-ва-аль-Мугабилла), Хорезми внес огромный вклад в открытие алгоритма, ввел в обиход индийские числа и понятие ноль в арабскую науку, он разработал арифметические действия, тригонометрические таблицы. Абу Райан Бируни (973–1043) тоже родился в Хиве. Вклад Бируни в математику включает в себя геометрию, последовательность сложения иррациональных чисел, теорию о пропорциях, алгебраические определения, деление угла на три части и возрождение теоремы Архимеда. Абу аль-Вафа (940–998) был персидским астрономом¹³, у которого имелась своя частная обсерватория в Багдаде. Он стал величайшим из математиков во время правления халифата Аббасидов и внес огромный вклад в развитие тригонометрии, ввел понятие синуса, секанса и косеканса. Джисиддин Мохаммед Кашани (15 век) – родом из Кашана, стал первым математиком, который рассчитал число «пи». Конечно, число «пи» уже было известно древним грекам и египтянам, но имеются серьезные основания полагать, что ахеменидские инженеры использовали число «пи» 2500 лет назад, «рассчитывая вес колонны и ее давление, определяя напряжение конических частей каждой из них»¹⁴

Фреска в Каср эль-Хейр аш-Шарки («Замок Восточной стены»), Пальмира. Датируется VIII в. В изображении персонажей ощущается огромное влияние сасанидского искусства. На нижней панели – всадник. Лук, поза и манера стрелять свидетельствуют о влиянии сасанидов на приемы ведения боя у арабов (Топхам Пикчепойнт/Топфото).

Науки

Многие научные приборы и орудия использовались в Иране тысячелетиями. Среди них – искусно изготовленная десятисантиметровая линейка, которая была найдена на юго-востоке Ирана (неподалеку от города Забол, провинция Сеистан-Балучистан), изготовленная 5000 лет назад¹⁵ И самая старая «ручка» в мире найдена в провинции Фарс, она изготовлена в 1500–1100 гг. до н.э.¹⁶ Особенного взлета наука достигла при Хосрове I, который приглашал ученых из разных стран. Иранское научное наследие перешло к арабам и получило следующий толчок для развития при Умейядах и особенно при халифате Аббасидов в его последние годы.

Известный иранский химик Джабер Ибн Хайан (умер в 804 г. в Тусе, Хорассан) опубликовал большую часть своих открытий в книге, которая оказывала огромное влияние на европейских химиков вплоть до XVIII столетия. Абу Райан Бируни открыл серную кислоту и спирт, он сформулировал теорию вращения Земли вокруг Солнца в 1000 г., задолго до того, как Галилей предложил свою версию католической церкви в начале XVII века. Бируни также рассчитал особенность силы притяжения для больших масс – грандиозное достижение для человечества в доиндустриальную эру.

Огромное наследие Ирана включает в себя такое поле знаний, как зоология, ботаника, фармакология, минералогия и способ обработки камней. Но что еще более важно для европейцев, так это то, каким образом иранское научное наследие не только оказало влияние на исламские традиции, но и воздействовало и подтолкнуло в своем развитии европейскую науку, позволившую ей открыть порох, продвинуть вперед текстильную технологию и шагнуть вперед даже в области парфюмерии.

Техника: создание прототипов

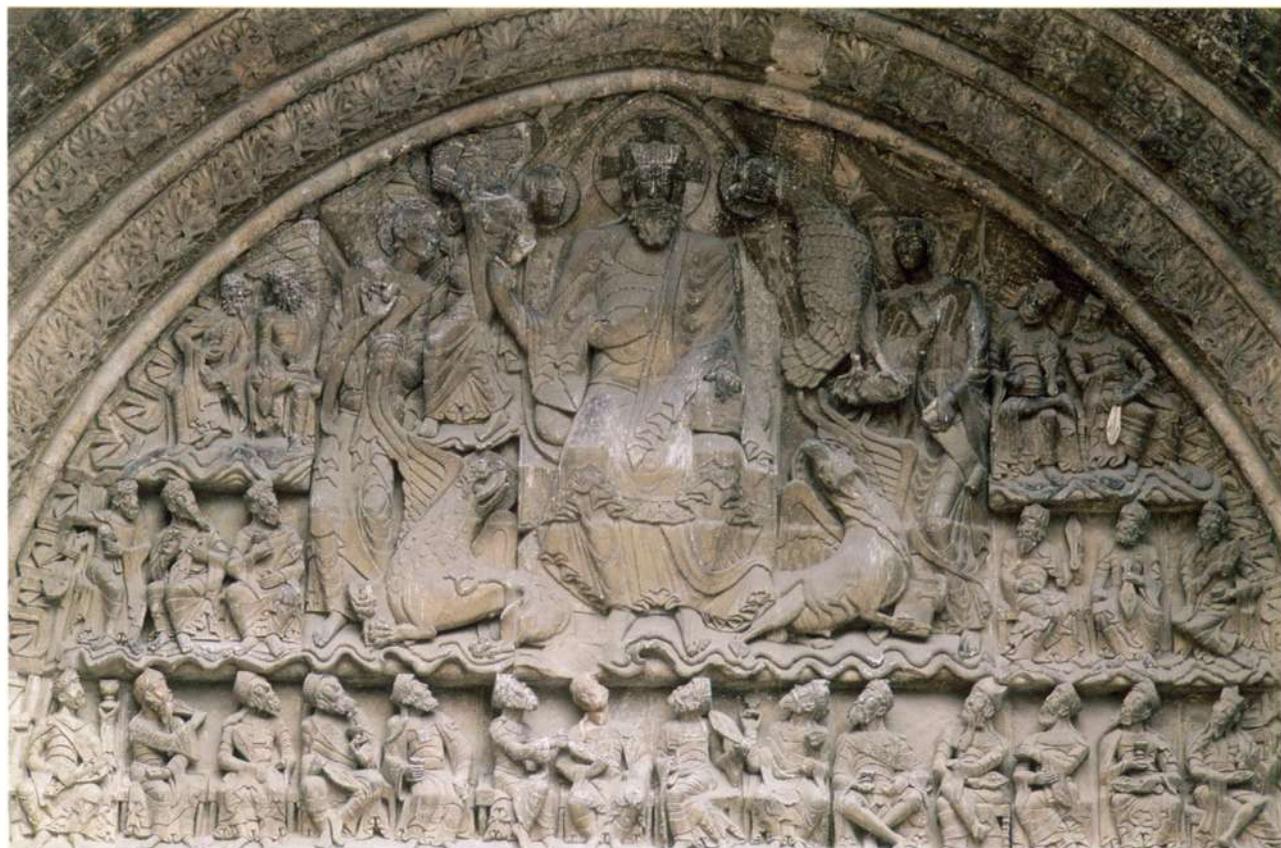
Примеры влияния иранских инженеров можно понять хотя бы на примере ветряных мельниц. Впервые прототип машины, действующей благодаря работе ветра, придуман в мастерской греческого изобретателя по имени Херон. Его рисунок основы с работающими лопастями располагался в горизонтальном положении. Но ни греки, ни римляне не смогли воспользоваться такого рода машиной для сельского хозяйства или для выработки энергии. Как применить это на практике – выдумка иранских мастеров. В позднесасанидское время или вскоре после арабского нашествия первые действительно ветряные мельницы появились в восточных областях Ирана (современный Хорасан или западный Афганистан). Современные ученые не оспаривают тот факт, что иранские инженеры полностью изменили чертеж Херона и придумали свой собственный вариант ветряной мельницы¹⁷ Иранские изобретатели повернули шахту и лопасти из горизонтального положения в вертикальное. Шахту они сложили из кирпичей, связав их между собой глиной, а воздушный проход позволял ветру поворачивать лопасти, изготовленные из плотной материи. Такого рода ветряная мельница предназначалась для помола муки. В IX веке мельницы уже получили распространение по всему халифату а потом в 1200 г. их переняли и далее на востоке – в Индии и Китае. Такой образец мельницы прижился и в находившейся под управлением халифата Испании, затем он дошел до Англии в 1137 г.¹⁸ Именно в

Англии, а не в Голландии (как это принято думать) чертеж претерпел значительные изменения. Английские изобретатели соединили чертеж Херона и нововведения иранцев. В английском варианте лопасти вращались в горизонтальном положении, что давало возможность продолжить движение наружных лопастей внутри всего сооружения. Переработанный англичанами вариант распространился по всей континентальной империи. Датские мельницы – результат того, что придумали греки, иранцы и англичане.

Медицина

Одной из самых значительных и наиболее длительных по времени стала идея иранцев создания «госпиталей». Иглуд считает: «Современные госпитали появились как продолжение того, что уже существовало в основе»¹⁹ А первый прототип современного госпиталя появился в VI веке, во времена Хосрова I, в Юндишапуре, юго-запад Ирана. Это был сасанидский научный центр, где происходил плодотворный обмен идеями между индийскими, иранскими, арамейскими и греческими учеными, которые имели возможность сотрудничать друг с другом. Благодаря этому обмену и творческому содружеству идей и методов на юго-западе Персии образовалось то, что оказало огромное влияние на развитие медицины во всем мире.

Давно отмечено воздействие традиций Сасанидов на христианство и европейское искусство. Примером тому служит уже приведенная ранее «Чаша Хосрова» и то, как преломились приемы персидских мастеров в изделиях коптов XII века. В центре рельефа церкви Сен-Пьер в г. Муассакке «Христос как Судья Мира». Франция (Эрве Шаполюон).

Арабский ученый аль-Кифти, писавший уже столетия спустя после того, как произошло исламское нашествие, утверждал:

«...они (персы) достигли небывалого развития в науке, развили многие новые методы в лечении болезней, а также в фармакологии настолько, что их методы лечения во многом превзошли те, что предложили греки и индусы»²⁰

Все эти достижения появились именно благодаря творческому содружеству Аль-Кифти утверждает: «... их [персов] врачи перенимали научные методы других народов и видоизменяли их, дополнив собственными открытиями. Они разработали законы медицины и тщательно записывали все, что сделано в этой области». То, как работали иранцы, по описанию аль-Кифти, чрезвычайно напоминает самые современные методы исследования.

Вторжение исламских захватчиков, несомненно, положило конец ведущему положению юндишапурской медицинской школы. Арабские халифы возвели новую столицу в Багдаде, и новые госпитали там были выстроены по новосасанидскому методу. Наиболее известный из них – багдадский госпиталь Адуд аль-Даула. Его персонал был снабжен всем необходимым оборудованием для проведения хирургических операций, а также, судя по всему, там имелись и необходимые лекарства. Госпиталь Даула выглядит совершенно по-современному Там были приходящие для лечения пациенты и те, которых оставляли в больнице, чтобы они могли лечиться под наблюдением врача. При госпитале имелись няни, штат служащих, выполнявших те или иные обязанности в той или другой сфере медицины, чиновники, которые отвечали за оплату Там проходили практику молодые, начинающие врачи, туда приглашали специалистов со стороны для консилиумов и так далее²¹ В дополнение к госпиталю Даула в XII веке открылась дюжина других также очень хорошо оборудованных лечебных заведений. Согласно Бенджамену из Туледы, который посетил Багдад в 1160 г.,²² в столице халифата – огромной метрополии – имелся по крайней мере 61 госпиталь.

Современником Багдада стало лечебное заведение в Ширазе (юго-запад Ирана), организованное по образцу университетского. Оно мало чем отличается по своему типу от современных университетских госпиталей – место, где заботятся о больных, лечат их, а также место, где студенты проходят практику, готовятся к карьере врача. В Ширазе все было устроено таким образом, чтобы в отдельной части университета изучался более широкий круг предметов и дисциплин, таких как медицина, математика, химия, астрономия и философия. Примечательно, что ширазский госпиталь и медицинская школа продолжили свое существование в Наризе, неподалеку от Шираза, вплоть до XVII века²³ Система образования регулировалась определенным образом в течение правления халифа аль-Мукдатира, когда в 931 г. впервые были введены всесторонние медицинские экзамены. В дальнейшем подготовка шла по методу передачи знаний и навыков от мастера к новичку Обстоятельная и последовательная система обучения и экзаменов вела к развитию и морально-этического кодекса, правил²⁴ В области хирургии иранцы тоже внесли существенный вклад: техника удаления камней из почек, приспособление для дренажа брюшины в случаях перитонита²⁵

Захария Рази (Разес) (860–923 или 932), родившийся в Рейн (неподалеку от Тегерана), видимо, один из наиболее известных ученых в области медицины. Он жил при Аббасидском халифате и написал два образцовых медицинских труда на арабском «Китаб аль-Мансури» («Книга Мансура») и «Китаб аль-Хави» («Книга целомудренной жизни»). Захария первым нашел способ лечить сифилис в начальной стадии, корь, стал использовать лески из кишок животных для зашивания ран, а также «гипсовый пластырь» при переломах. В XII веке работы Захарии перевели с арабского на латынь. Кроме того, он был философом и религиозным критиком. Нельзя не упомянуть и другого столь же всесторонне образованного иранца, Абу Али Сину (Авиценну) (980–1037), который родился в Исфахане (недалеко от Бухары в Средней Азии). Сина написал две образцовые работы: «Аль-Канун фи аль-Тибб» («Медицинский канон») и «Китаб аль-Шифа» («Книга о лечении»).

Иранский кинжал с ножами. XVII век. Длина 39,7 см. Орнамент выполнен в сасанидской манере, существовавшей почти за тысячу лет до того (Государственный музей Эрмитаж, С.-Петербург).

Персия и Европа

Влияние Ирана на континентальную Европу можно проследить, если двигаться по шкале времени назад, вплоть до ранних скифов в современной Украине и Западной Европе. Роль, которую сыграл иранский народ в формировании европейской культуры, уже была обозначена прежде. Но царство Сасанидов внесло очень много нового, что продолжало оказывать свое воздействие и после того, как закончило свое существование.

Сасанидское искусство пользовалось большим спросом на Кавказе, южных окраинах России, на Украине и восточных областях Европы. С VI века «между восточными районами России и Персией установились тесные связи»²⁶ Это произошло в тот промежуток времени, когда Персия в период правления Хосрова I и Хосрова II пережила возрождение в искусстве, ремесленных изделиях, архитектуре. В Восточной Европе, особенно на юге России – Украины наблюдается волна подъема ирано-босфорского стиля, который отчетливо просматривается и в искусстве сасанидов, что приводит некоторых ученых к противоположным умозаключениям: якобы сасанидский стиль есть продолжение того, что переживала Восточная Европа. Влияние Ирана шло через Кавказ, который взаимодействовал с Иранским плато и с Украиной на протяжении многих веков.

Ткацкое искусство

Многое из того, что можно считать достоянием сасанидов, получило распространение благодаря тканям. С XI века многие европейские церковные деятели начали задумываться о том, как лучше всего сохранить реликвии святых, в том числе и костные останки. Чаще всего их заворачивали в ткани, изготовленные сасанидами, поэтому узоры тоже пронизывали сасанидские мотивы. «Восточный стиль» тканей был чрезвычайно популярным: во многих европейских христианских базиликах можно было

Сады во дворах небольших городков Ирана и по сей день повторяют давно исчезнувшие образцы своих предшественников. После нашествия Александра греки, следуя примеру персов, стали разбивать сады у себя. Римляне, а затем и европейцы тоже переняли эту манеру, и вполне может быть, что Версальский парк никогда бы не возник, если бы не существовал его прототип в Пасаргаде. Персидское слово «парадиз» вошло в римский словарь, а оттуда было воспринято и другими европейскими языками. А кроме того, в Пасаргаде произошло слияние мидо-персидских, анатолийских и месопотамских технических приемов гражданского строительства. Отсюда эти приемы распространились по всей обширной территории империи и заложили основы для дальнейшего совершенствования (Жерард Деджордж).

их увидеть, особенно во времена правления Меровингов. Их развешивали, драпируя особым образом, у дверей или между колонн. Их часто использовали для того, чтобы отделить святые объекты от другой части помещения, их набрасывали на саркофаги и гробницы. Художественные мотивы, которые изображались на тканях, – полностью сасанидские. Все они вписывались во «вращающееся колесо» (по отдельности или соприкасались с темой колеса), куда помещались изображения таких чисто иранских мотивов, как животные (в особенности львы), деревья, горящий алтарь, охотник, убивающий зверя, лучник с луком или мифологический зверь – птица-дракон (Симург). Мотив бога-птицы впервые появляется в период правления Ахеменидов в Персеполе и еще ранее в Луристане. Изображение птицы симург особенно часто появляется на сасанидских шелковых тканях. В такую ткань даже завернули реликвии Святого Лупуса. Теперь эти ткани распределены между Музеем декоративно-прикладного искусства в Париже и музеем Виктории и Альберта в Лондоне. В итальянском Национальном музее Флоренции тоже есть образцы такого рода тканей с похожим мотивом и рисунками. Изображение птицы Симург на европейских тканях ведет свое начало от сасанидской Персии.

Персия: связи с Китаем и Японией

После арабского нашествия выжившие представители Сасанидской династии и самые обычные жители империи покинули свою страну и переехали в Китай и в Среднюю Азию. В тот период начался особенно интенсивный процесс глубочайшего взаимовлияния, который искусствоведы называют китайско-персидским стилем.

Гиршман отмечает, что появление в Китае сасанидов «вызвало новую волну иранского воздействия» на Поднебесную империю²⁷. Но одновременно шло воздействие и на Японию.

Один из таких примеров, который может служить образцом глубины взаимопроникновения культуры двух стран, — изображение девушек, играющих в поло (игре, которой сасаниды научили китайцев), украшений на вазах и птицы, изображенной на фресках, найденных в Кизиле, Синьхуа (VI–VII века). Птица, роспись которой выполнена с большим мастерством и изяществом, несет в клюве перламутровую подвеску с тремя драгоценностями. Она почти дословно повторяет позднеасанидское изделие из золота (VI–VII века) с тщательно выполненным изображением фазана, который держит в клюве жемчужную подвеску с драгоценностями²⁸.

Образцы Чананя

После нашествия арабов такие города, как Чанань, Ло-ян, Дуньхуа, получили большое количество иранских поселенцев, как это произошло в среднеазиатском Кашгаре, который находился под управлением тюрков. В Чанане сасаниды обосновались в четырех главных кварталах города, включая и большое поселение на Западном рынке, который находился юго-западнее императорского дворца. В китайских хрониках, таких как «Тан-Шу», имеются такого рода записи:

«Во дворце (Мин Хуанг) иранская музыка пользуется большим уважением, столы для знатных персон всегда сервируются иранской едой, и женщины состязаются между собой, одеваясь в персидские наряды...»²⁹

Иранцы познакомили китайцев с манерой обустройства сады, которые уже существовали во время Великого Кира. Один из самых примечательных образцов китайского парка, выполненного в иранском стиле, стал парк императора Кан Си (династия Цин) (1661–1722)³⁰.

Существует множество описаний того, как жили сасаниды, обосновавшиеся в Китае. Женщин по-си (персиянки) часто описывают как женщин со светлой кожей, голубыми или зелеными глазами и темными или золотисто-каштановыми волосами. Это относится и к мужчинам, которых китайцы называли ху-йен, определение использовалось для описания светлокожих северных иранцев (а также согдийцев) и протокельтских тохарцев, с которыми они сталкивались на северо-западе Китая. Это определение затем почти дословно повторили японцы, которые описывают чужеземцев термином «гайдзин», означающим «зеленые глаза – красные бороды».

Япония: сокровища Шосюна

Как отмечает Хаяши, образцы культурного взаимопроникновения сасанидов и китайцев пользовались большим успехом при японском дворе времен Нара³¹. Пасаргада – столица империи Кира Великого. Именно в Пасаргаде развился ахеменидский стиль в строительстве и манера разбивать сады, которую потом переняли в Вавилоне и Ассирии, называя их «персидским садом» или «парадизом». Термин, которым вна-

чале мидийские цари называли отведенное для охоты пространство. Как у месопотамских предшественников, сады в Пасаргаде имели геометрическую планировку. Для полива использовали выложенные известняком каналы до 900 м длиной. В саду сажали фруктовые деревья, кипарисы, цветы и диковинные травы.

Шому отправляет Хиронори послом в Китай (эпоха Тан). Три года спустя заместитель посла вернулся в Японию в сопровождении большого числа представителей Танской империи. Вместе с ним прибыл и перс. Если не считать местных айнов, то это первая официальная запись о визите человека с Кавказа в Японию. Скорее всего, он относился к числу тех иранцев, которые предпочли жить на чужбине, чем остаться под оккупантами.

Имеется немало примеров того, как сасаниды оказали влияние на японское искусство. Например, японские ткани из Нары VIII века (коллекция Шосоина), на которых изображены охотники на лошадях, убивающие львов из парфянского лука³²

Есть и много других предметов из Нары, которые явно вдохновлены сасанидскими образцами: стеклянный бокал, металлический кувшин, бива (японская лютя) и прославленная парча, на которой изображен излюбленный сасанидский мотив: воины, натягивающие луки³³

Наследие сасанидского музыкального искусства

Музыкальное наследие сасанидов оставило глубокий след как в Китае, так и у арабов. Управляемая арабами Испания стала тем проводником, по которому шло усвоение иранских музыкальных инструментов, в особенности струнных и ударных. Персидский труд «Канф аль-Тухаф», написанный в XIV веке, подробно описывает различные струнные инструменты, существовавшие в Иране, свирели (флейты) и арфы³⁴. Со временем многие описанные в этом труде инструменты были утрачены, а другие появились в таких местах, как Аравия, Испания, Кавказ и Китай.

Сасанидский музыкальный стиль окончательно оформился и достиг своей вершины при Хосрове II. И этот стиль можно разделить на три категории: праздничный, религиозно-мистический и военный. Военный музыкальный стиль в свою очередь подразделяется на музыку, которую исполняли на поле боя, придворную церемониальную, для торжественных шествий и парадов при дворе, похоронную музыку для военных, павших в битвах, и для царской охоты. Последняя представлена на декоративно украшенной стене в Таг-и-Бустане, на которой сохранилось изображение охоты Хосрова II. На этом рельефе отчетливо видны духовые и струнные инструменты, а также «смешанный оркестр», состоящий из исполнителей с различными инструментами в руках. Придворные дамы также играли на арфах, а знатные асараны отбивали им ритм. На сасанидском серебряном бокале из северного Ирана (Мазандаран) изображены инструменты, напоминающие шотландские волынки³⁵. И на многих других изделиях из металла приводятся изображения флейт, мандолин и кастаньет. Батальная музыка существовала во многих древних империях, но только у сасанидских персов барабаны, гонги и другие инструменты использовались для того, чтобы координировать нападение тех или других отрядов, а также для выполнения особых маневров.

Для праздничных церемоний использовались другие композиции с различными струнными инструментами. Именно здесь возник стиль, который получил название «сабк-е-корди» (курдский стиль), на западе он именовался «фламенко». Происхождение стиля фламенко уводит нас к дорийским грекам и курдам западной Персии и свидетельствует о взаимодействии между мидянами и эллинами. В арабском фольклоре сохранилось немало подтверждений того, что между греками и иранцами происходил обмен инструментами. И те, и другие получали удовольствие, слушая музыкальные произведения своих соседей. Что вполне подтверждается изображением в мечети Ай-София в Стамбуле, где императрица Феодора слушает приглашенных музыкантов из сасанидской Персии.

Датировка струнных инструментов в Древнем мире требует погружения в мир хититов, луллуби, аккадцев и даже в более ранние времена существования человечества. При Хосрове I такие струнные инструменты, как тар (на персидском: струна, волос), приобрели самые разнообразные формы. «Потомками» тара стали такие современные инструменты, как ду-тар (две струны), се-тар (три струны) или чор-тар (четыре струны). Большое количество инструментов, которые сейчас используют таджики, афганцы, луры и народы Кавказа, берут свое начало в эру Хосрова³⁶. Се-тар приняли в Индии, а затем модифицировали его, в результате чего появился всем хорошо известный инструмент ситар.

Музыкальное наследие иранцев в арабской среде живо и по сей день. Многие размеры и стили современной арабской музыки заимствованы из сасанидской Персии. Классический иранский танбур является, как теперь принято считать, предком арабского уда (буквально «дерево»): инструмент, который настраивается по музыкальным размерам сасанидов. Шахар-тар и танбур очень популярны среди арабов, которые принесли его в Испанию, откуда он оказал влияние и на развитие европейс-

Шелковая ткань из Согдианы, VII–XI века. Хранилась в соборе г. Вердуна, Франция.

ких музыкальных инструментов. Европейская гитара тоже берет свое начало от греческой кифары и иранского тара, которые были привезены в Испанию арабами.

Персидская пипа – струнный инструмент типа гитары, на котором было принято играть сразу двумя руками, – восприняли китайцы, и сейчас он известен, как «пипа». Нет никаких сомнений, что он появился в Китае после того, как сасанидские вельможи перебрались туда после нашествия арабов. Однако не исключено, что инструмент появился намного раньше, благодаря согдийским купцам, которые путешествовали по Великому шелковому пути, проходившему по дорогам Средней Азии.

На сантаре или сантуре (буквально: сто струн), иранском трапецевидном ударном инструменте – цимбалах с 72 струнами, – играли при помощи легких деревянных молоточков. Этот инструмент, который стал известен как ганун, полюбился арабам. Только они стали играть на нем, перебирая (или пощипывая) струны пальцами, вместо того чтобы ударять по ним молоточком. Тюрки также широко использовали сантур, который в их классической музыке занял место главного инструмента. Сантур пришел в Европу в Средние века, скорее всего, через испанскую Кордову³⁷, находившуюся под управлением турков-сельджуков, Анатолию (Османская империя) или же через Италию. В каждом из уголков Европы сантур преобразовался по-разному и назывался в каждой стране на свой манер. Не только европейский клавесин, хотя на этом инструменте уже применяются клавиши, ведет свое происхождение от сантура, получившего дальнейшее развитие благодаря видоизменениям, но его потомком можно назвать и современное фортепьяно. Примерно 200 лет назад европейские изобретатели объединили клавесин и сантур – клавиши со струнной основой. В результате получилось фортепьяно, которое соединяет в себе лучшие качества обоих инструментов. Звук вибрирующих от удара молоточков струн напоминает звук сантура.

Наследие сасанидских мореплавателей

Арабские и индийские моряки давно бороздили Персидский залив и Индийский океан. Однако сасаниды не только проложили морские пути, но и контролировали пути, которые шли из Персидского залива в Аравийское море. Это позволяло наладить торговые отношения, шедшие из Персидского залива и Аравийского моря в Красное море, Индию и Тихий океан. Сасанидские суда с товарами распространяли персидскую культуру иранцев в эти регионы вплоть до побережья Китая, современного Вьетнама и на берега тех стран, что находились в Тихом океане³⁸

О той роли, которую играл торговый шелковый путь в культурном обмене между Китаем и римским Средиземноморьем, уже говорилось³⁹. Однако о том, какое место в этом культурном обмене занимали сасанидские торговые суда, известно намного меньше. Иранские суда достигали Юго-Восточной Азии еще во времена Ахеменидов в III веке н.э. Есть доказательства того, что парфянские купцы появлялись, например, на Малайзийском полуострове⁴⁰. Иранские торговцы отметились и в Тонкине в III веке н.э.⁴¹

В позднепарфянский период или же в начале сасанидской эры многочисленные технические новшества в том, что касалось парусного такелажа, оказали огромное воздействие на стремительное развитие судоходства. Особенно сильный толчок для

развития морского дела произошел при Хосрове I. В тот период у иранских судов появилось пять (и даже семь) парусов. Такого рода большие корабли могли перевозить до 700 пассажиров, не считая самого экипажа, а также «тысячи тонн товара»⁴² Эти новшества, заметно проявившие себя во времена Хосрова I – Хосрова II, – как культурное достижение сасанидов, переняли затем жители районов Индийского и Тихого океанов, Юго-Восточной Азии и на побережье Китая. Нововведение вскоре распространилось и дальше по Индийскому океану уже в послесасанидское время на Дальний Восток⁴³ и затронуло даже Вьетнам.

Морские путешествия сасанидов.

Китай, Тихий океан и Дальний Восток

Во времена сасанидов существовала широко разветвленная сеть торговых путей с Китаем⁴⁴ Но что требуется особенно отметить, так это что иранские купцы «перевозили» различного рода товары именно морем. И таким образом шел культурный обмен с Дальним Востоком⁴⁵ Связи сасанидов в этом направлении шли по двум главным направлениям⁴⁶ Во-первых, сасанидские суда двигались по торговым путям, связывавшим Китай с Вьетнамом. Как отмечают Шаффер, Буттингер и Сетудэй-Неджад, именно Вьетнам стал главным узловым пунктом, где происходил культурный обмен между сасанидской Персией и Дальним Востоком⁴⁷ Иранские тексты доходили даже до Камбоджи, где были переведены и стали известны во время правления местной династии Чампа (192–1471), одна из них, например, «Книга Анушираван»⁴⁸ Как утверждает Шаффер, о Хосрове I упоминается и в Южном Вьетнаме⁴⁹ Прямые ссылки на Хосрова I существуют в старинном манускрипте древней Малайзии, в котором говорится о царе Радже Нуширван Адиле (царь Ануширван Справедливый)⁵⁰

Второй морской торговый путь шел от Малайзийского полуострова к Индии⁵¹ Существуют записи о персидских и арабских торговцах, которые добирались и до Шри Ланки (VI век). Малайзийско-Индийский путь связывал Аравию и Персидский залив и с Красным морем (древний Аравийский залив). Китайские купцы также были вовлечены в торговые сношения с иранцами по существовавшим издавна путям. И этот процесс особенно проявился во времена Хосрова I⁵² Это дает нам основания предположить о существовании связей между китайскими ремесленниками, что неудивительно при наличии торговых связей между римлянами и арабами в управляемых римлянами районах, находившихся по соседству с сасанидской Персией.

Археологические экспедиции в юго-западной Азии обнаруживают явные следы присутствия иранцев в этих областях, на что указывают найденные сасанидские монеты V века в Паттайе (Таиланд)⁵³ и отполированный на сасанидский манер кабошон в долине Меконга на юго-востоке Камбоджи⁵⁴ Примечательно, что на Западе очень мало известно о чрезвычайно активных морских торговых сношениях между сасанидской Персией и Дальним Востоком. Однако нет сомнений, что именно сасаниды опередили на многие столетия европейцев в этих регионах.

Торговые отношения по морским путям сохранялись еще очень долго и после падения Сасанидской империи⁵⁵ В тот период сасанидские суда продолжали плавание в Тихом океане, о чем свидетельствуют записи персидских купцов, отплывавших из

Рельеф в Так-и-Бустане свидетельствует о том, что и во время царской охоты Хосрова II звучала музыка: струнные и духовые инструменты. Но для царя исполня музыкальные произведения и смешанный оркестр (Ливия).

Малайзии в Цейлон в 727 г. Даже в китайских источниках династии Тан (618–907) упоминается о судах по-си, покинувших Кантон в 671 г.⁵⁶ О существовании большого поселения по-си в китайском Хайане говорится в текстах 748 г.⁵⁷

Влияние сасанидов на арабских мореплавателей

О том, какое значительное влияние оказали персы, бороздившие Персидский залив, признают и арабские исторические труды. Ибн Хафиф аль-Багдади пишет в IV столетии, что «Персидский залив... был так назван в честь Персии, так как там не было другой страны, более развитой, нежели Персия; там правил истинный персидский царь с древнейших времен, его правление было очень прочным, и они остались по сей день...»⁵⁸ Другой арабский географ и историк раннеисламского периода, аль-Масуди, утверждает:

«...большинство людей вплоть до Йемена называют его... Персидским морем... большая часть судов и капитанов – персы... Большая часть народа в Адене и Ходейде – персы... в науке они называют друг друга персидскими именами и говорят по-персидски. Сохар – центр Омана и большая часть его населения – персы»⁵⁹

Многие нынешние арабы в Персидском заливе ведут свое происхождение от неарабского населения. Это относится и к Бахрейну, где большая часть населения имеет иранских предков⁶⁰ Многие из них по-прежнему проживают в современном Бахрейне, какое количество их имеется в Саудовской Аравии, Катаре и Эль-Джубайле – даже невозможно подсчитать. Многие иранцы, смешавшиеся с последними волнами арабских поселений, образовали свои народности в Омане⁶¹

Альберт Хурани – британский историк – отмечает, что персы в эпоху аббасидов послужили орудием развития и захвата арабами морских перевозок и торговли в Персидском заливе и что большая часть «арабских» мореплавателей были на самом деле персами, которые приняли ислам и, освоив арабский язык, стали литераторами, теологами, деловыми переводчиками и торговцами⁶². Это полностью совпадает с тем, что писали прежние исламские хронисты⁶³. И дальше Хурани пишет: «...здесь персы естественным образом исламизировались и арабизировались, как это происходило и в других местах»⁶⁴. Хурани и Моджахед-Задех считают, что большая часть морской терминологии арабов ведет свое начало от иранских слов, которые вошли в арабский словарь в средневековый исламский период. Среди них такие слова, как дид-бан, означающее «глядящий вперед мальчик», бандар и бар, которые означают «порт», что видно по названиям тех портовых городов, которые посещали арабы, например, Занзибар или Малабар.

Наследие сасанидов у тюрков

Исламские воины-тюрки династии мамлюков (в Сирии и Египте), сельджуки (Анатолии и Ирана) и позже османские тюрки находились под огромным влиянием Персии в результате постоянных связей, которые уходят еще в сасанидские времена и даже раньше, когда им приходилось иметь дело с иранцами в Средней Азии. Как отмечает Ньюарк, «вооружение сасанидской Персии и доспехи повлияли на степных кочевников, как гунны и тюрки»⁶⁵. Но культурное взаимодействие задевает и более глубокие пласты жизни тюрков и иранцев, а потому и длится очень долго и ощущается еще и в наши дни, как в современной Турции, так и в Иране. Персия оказала на Турцию очень сильное влияние в том, что касается языка, искусства, архитектуры и литературы. Но, с другой стороны, тюрки тоже оставили свой след в иранской культуре, в частности, в каких-то гранях языка, свидетельством чего является тюркоговорящее население в нынешнем Азербайджане. Многим военачальникам мамлюков присваивали персидские звания, имена (например, Джахангир), им нравилось надевать персидские придворные костюмы, пользоваться теми же царскими привилегиями, исполнять те же церемонии. Персидские медальоны (нешан) как символ и указание на «ранг» были широко распространены среди тюркских мамлюков⁶⁶. Персидский язык использовался как язык придворной знати, администрации, в литературе у Османских турок даже в 1880-х гг.⁶⁷

Арабское «рыцарство»

Большое количество историков отмечают, что сасанидская военная литература, как «Кудай-наме», «Айн-наме» и «Арештарестан», послужила основой для составления руководств по военному делу в арабском халифате аль-Мансура и аль-Мамуна⁶⁸. Книги о воинском искусстве были переведены на арабский, включая и такие, в которых давалось описание, как брать города и крепости, пограничные оборонительные сооружения, как устраивать засады, производить разведку и как стрелять из лука.

Исламские историки признают наследие Ирана в том, что касается традиций искусства верховой езды. Ибн аль-Надим (умер в 995/998 г.) с большим уважением свидетельствует о зависимости ранних мусульманских арабов в обучении верховой езде⁶⁹ Абу Убейда бин Мутана признается, что он позаимствовал те разделы, которые касаются обучения конников, включив их в книгу «Аль-Кайль» (написана в 823–824 гг.) из наставлений, данных двумя иранскими учителями, Мухаммедом Систани и Абу Юсуф Исфакхани. «Аль-Кайль» – возможно, одно из самых лучших пособий по конному делу. Арабы переняли все сасанидское снаряжение для всадника, в том числе и кавда (шлем) и доспехи для лошадей. Но, думается, наиболее очевидным образом это наследие проявляется в слове для обозначения рыцарей. Фарис означает в арабском языке «рыцарь»; это же слово аль-фарис означает и перса, точно так же, как фарси по-арабски переводится как «персидский язык». Арабский термин для обозначения рыцаря является синонимом слов «Персия» или «персы».

Влияние персов на военное дело у арабов не ограничивается только кавалерией. Захватчики переняли у побежденных технологию ведения осады городов, о чем с большим уважением отзываются римляне⁷⁰. Пока еще остается не очень ясным, насколько широко арабы использовали бывших сасанидских воинов в самый ранний период. Однако очень похоже, что в состав арабской армии, которая захватывала Испанию, вошли иранцы. Поскольку, например, слово «танжер» не арабского, а персидского происхождения: танг означает «тугой».

Персия: молчаливое наследие

Хотя Ахеменидская империя может по праву считаться самой величайшей из империй до исламского времени, династия Сасанидов тоже оставила свой след в Европе, Аравии, Азии и Индии. Ее влияние распространяется далеко за пределы границ империи, которой владели Сасаниды. Отзвуки ее наследия ощущаются в искусстве и архитектуре Европы, что особенно чувствуется в эпоху Меровингов, в мотивах готического искусства. Оно сказалось на многих образцах искусства Северной Европы и, конечно же, Средней Азии, Византии, Индии, Китая и Японии, которые пережили воздействие сасанидского искусства, архитектуры, музыки, культуры (особенно в этикете придворных и царских церемониях), а также мифологии. Однако огромная часть этого наследия остается непризнанной в западном и арабо-исламском мирах.

Основа подобного отношения заложена таким автором, как Александр Мистик, который утверждал, что «восточная Персия» была окончательно разбита и разрушена благодаря военной доблести греков (а также, как подразумевается, и римлян), что победа Александра Македонского была окончательной и бесповоротной, что он уничтожил Персию как таковую раз и навсегда и как военную державу, и как цивилизацию. Это утверждение пронизывает все повествования о драматическом походе Александра и греко-персидских войнах, о блестящих победах Александра и т. д. Такое же ошибочное суждение продолжает превалировать и по сей день в общеобразовательных программах, поп-культуре, в отдельных исторических повествованиях (без определенного толкования), точно так же, как и в политической пропаганде.

Западный мир остается во власти идеи персидских войн и победы Александра Македонского. Очень мало кто дает себе труд разобраться в том, что такое Парфия и сасанидская Персия. О таком искаженном описании современными историками событий прошлого, которые всегда отдают предпочтение римлянам-византийцам в их противостоянии парфяно-сасанидам, говорит Кеннеди:

«Большая часть литературы является римо-центрической... ложные утверждения многих ученых вызваны их симпатиями.. к Средиземноморской цивилизации... а неизменное предубеждение связано с.. римо-центрическим представлением, с точки зрения сегодняшней культурной перспективы, разделяющей римское предубеждение против востока... как мира коварного, изнеженного и ненадежного...»⁷¹

По иронии судьбы, именно Александр Мистик внес большой вклад в поражение римлян при битвах с Персией. Стремление подражать Александру Македонскому приводило к недооценке истинного положения дел в персидской армии и порождало ложное чувство превосходства. Римские государственные деятели и полководцы, включая Красса, Валериана и Юлиана Отступника, встретили печальный конец от руки персидских рыцарей. И все они находились под влиянием идей Александра Мистика. Неспособность многих римских государственных деятелей постичь стратегическое, политическое и технологическое отличие Персии их времени и той, какой она была в 333 г. до н.э., просто поразительна. Коттерел пишет об этом так: «Цезарь мечтал о том, что он промарширует со своими легионами по следам Александра Македонского в 45 году до н.э.»⁷²

И только намного позже у греко-римлян появилось более здоровое и уважительное отношение к воинскому духу персов. Уже после того, как римские полководцы вроде Красса и императора Валериана оказались столь же неспособны противостоять асваранам, так и Дарий III не смог выдержать натиск Александра Македонского в Иссе. Для римлян асвараны стали самыми профессиональными и опасными противниками, с которыми они когда-либо встречались. Бесспорно, что римлянам удавалось одержать немало побед над Парфией и сасанидской Персией, однако они никогда не заканчивались покорением Иранского плато. Военному наследию Персии подвел итог Бенджамин около столетия назад:

«До тех пор, пока Рим не напал на Персию, он оставался непобедимым. Пять веков такие полководцы, как Красс и Антоний, Траян и Юлиан, бросали свои армии в бой на границы с Персией, и все было напрасно; и в течение пяти веков противостояния Рим не имел представления об азиатском мире за пределами Евфрата. Одно войско за другим разбивалось непобедимой конницей Персидской империи... Ни одна персидская армия не сдалась римлянам – ни один монарх Персии не влачил триумфальную колесницу римского консула. И за все тысячелетие своего существования и захватнических войн никогда поход ни на какую-либо страну не готовился с таким торжеством и

такой помпой, никогда в бой не бросалось такого количества воинов, как это случилось в походах против Персии»⁷³

Пожалуй, наиболее примечательным является тот факт, что, начиная с 1980 г., из всех программ Западной Европы и в Соединенных Штатах исключено все то, что имеет отношение к Ирану. Только в таких престижных университетах, как Кембридж или Гарвард, все еще остаются факультеты, где продолжается изучение этой темы, но она не идет ни в какое сравнение с тем, как стремительно развиваются исследовательские программы по исламу, арабам и тюркам на Западе. Самые богатые коллекции арабских и исламских трудов имеются в английских библиотеках. Количество исследовательских трудов, имеющих отношение к арабскому миру, неуклонно растет, а работы по иранской тематике сокращаются. И в западном научном мире растет число ученых, не подозревающих о том, чем «исламская наука» или «арабские ученые» обязаны сасанидской Персии. Об этом высказался историк XIV века Ибн-Кальдун, известный как «арабский Геродот»:

«Это знаменательный факт, что за редким исключением почти все мусульманские ученые.. не арабского происхождения.. все они потомки персов... они установили правила (арабской) грамматики... лучшие юристы были персами... только персы могли сохранить знания и писания... научные работы... достижения науки развились благодаря персам, но арабы не замечали их, не пытались помочь им... хотя с ними были связаны все достижения...»⁷⁴

След, который оставили иранцы в культуре, искусстве, науке, теологии и политике, свидетельствует о том, что это величайший народ в истории. Но наследие, которое продолжает служить и по сей день, всего лишь молчаливо принимается, и не более того.

Примечания

Глава 1 До Ахеменидов

- 1 Просмотрите следующие материалы: C. Renfrew, *Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins* (New York: Cambridge University Press, 1990) – превосходное введение в археологию этого региона; о лингвистическом анализе см.: T. V. Gamkrelidze & V. V. Ivanov, «The early history of Indo-European languages», *Scientific American* (March 1990), pp. 110–116; Gray & Atkinson, «Language-tree divergence times support the Anatolian theory of Indo-European origin», *Nature* (2003, Vol. 426), pp. 435–438; о генетическом анализе см.: L. L. Cavalli-Sforza, *Genes, Peoples and Languages* (New York: North Point Press, 2000), and M. Richards et al, «Tracing European founder lineages in the Near Eastern mtDNA pool», *American Journal of Human Genetics* (2000, Vol. 67), pp. 1251–1276.
- 2 Gamkrelidze & Ivanov, «The early history of Indo-European languages»; Gray & Atkinson, «Language-tree divergence».
- 3 Cavalli-Sforza, *Genes*, pp. 104–113.
- 4 A. J. Ammerman & L. L. Cavalli-Sforza, *The Neolithic Transition and the Genetics of Populations in Europe* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1984), pp. 221–223.
- 5 Gamkrelidze & Ivanov, «The early history of Indo-European languages»; Gray & Atkinson, «Language-tree divergence».
- 6 M. Roaf, *Mesopotamia and the Ancient Near East* (Oxford: Andromeda, 2000), pp. 39, 42.
- 7 R. J. Braidwood & L. S. Braidwood, *Excavations in the Plain of Antioch I: The Earlier Assemblages Phases A-J* (Chicago: University of Chicago Press, 1960).
- 8 Roaf, *Mesopotamia*, pp. 30–35.
- 9 Cavalli-Sforza, *Genes*; C. Renfrew, «The origins of Indo-European languages», *Scientific American* (October 1989), pp. 106–114.
- 10 D. Antony, D. Y. Telegin, & D. Brown, «The origin of horseback riding», *Scientific American* (December 1991), pp. 94–99; pp. 94–96.
- 11 Там же, p. 97.
- 12 Там же, pp. 98, 100.
- 13 Cavalli-Sforza, *Genes*, pp. 117–118, 162.
- 14 В это входили по крайней мере четыре подмножества, см.: K. Jones-Bley & D. G. Zdanovich, *Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st millennium BC* (Washington DC: Institute for the Study of Man, 2002).
- 15 J. P. Mallory, «Andronovo culture», J. P. Mallory & D. Q. Murray, *Encyclopedia of Indo-European Culture* (London: Fitzroy Dearborn, 1997), pp. 125–126.
- 16 Jones-Bley & Zdanovich, *Complex Societies*.
- 17 Mallory, «Andronovo culture».
- 18 Известный также как Aria-An, Ary-an, Eire-An, or Ir-An.
- 19 Термин «осетин» не имеет иранского происхождения, а является грузинским обозначением иранского населения, проживающего на севере Грузии.
- 20 Как это запечатлено в ставшем бессмертным диалоге между Кришной (схожим с греческим Крестосом/Христом или «Избранным») и арийским воином-героем Арджуной.
- 21 K. F. Geldner (trans.), *Avesta, the Sacred Books of the Parsis* (Stuttgart, 1896), Yasht, 17.12; 8.18; 14.9.
- 22 Описание арийских ритуалов принесения в жертву коня см.: Herodotus (tr. R. Waterfield), *The Histories* (Oxford: Oxford University Press, 1998), I, 216.
- 23 Arrian (trans. A. de Selincourt), *The Campaigns of Alexander* (London: Penguin Classics, 1976), IV 5.35.
- 24 Geldner, *Avesta*, Yasht 5.51, Yasna 11.
- 25 См. распространение арийских ритуалов, связанные с конем, среди ахеменидов: Herodotus, *The Histories*, III, 90; арийские ритуалы, связанные с конем, у парфян: Philostratus, *The Life of Apollonius of Tyana* 1.31; арийские ритуалы, связанные с конем, у сасанидов: *Bundahishn*, pp. 120, 12–13.
- 26 M. Poursarteeb, *Tarikhcheh-e Saka dar Lorestan I The History of the Scythians/Saka in Luristan* (Unpublished manuscript, 2006), ch 1.
- 27 Надпись в Уре, а также четырехколесные экипажи, обнаруженные Леонардом Вули при раскопках древнего кладбища в южном Ираке, указывают на то, что основным источником информации являются шумерские колеса.
- 28 J. P. Mallory, *In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth* (London: Thames & Hudson Ltd, 1989), p. 121.
- 29 Там же.
- 30 Исследователи, которым не известен регион Андроновой культуры, продолжают сохранять убеждение, что колесо со спицами первоначально пришло с Ближнего Востока. См.: A. Cotterell, *The Chariot: The Astonishing Rise and Fall of the World's First War Machine* (London: Pimlico, 2004), introduction and chs 1 & 2.
- 31 N. Di Cosmo, «The northern frontier in pre-imperial China», in M. Loewe, & F. L. Shaughnessy (eds.), *Cambridge History of Ancient China* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999) pp. 885–966: p. 903.
- 32 D. W. Anthony, & N. B. Vinogradov, «Birth of the chariot», *Archaeology* (March/April 1995), pp. 36–41.
- 33 Там же.
- 34 Cotterell, *The Chariot*.
- 35 Mallory, *In Search of the Indo-Europeans*.
- 36 A. Karasulas, *Mounted Archers of the Steppe 600 BC-AD 1300* (Oxford: Osprey Publishing, 2004), pp. 18–21.
- 37 Ассирийские документы с 836 до н.э. сообщают о существовании мидян и о персах, приносящих дань ассирийскому царю Шалманесеру III.
- 38 Mallory, *In Search of the Indo-Europeans*, p. 31.
- 39 Результаты были опубликованы в книге Ричардса «Tracing European founder lineages».
- 40 Там же, p. 1263.
- 41 Там же, p. 1259.
- 42 Там же, p. 1264.
- 43 Последние британские исследования генетического ландшафта Ирана обнаружили, что иранские азербайджанцы имеют генетические маркеры, отличные от маркеров анатолийских турков (предположительно туркмен) или европейских турков (западная Турция), в то время как генетические особенности иранских азеры идентичны особенностям персов, живущих в Иране. Несмотря на то что это исследование не свободно от недостатков, оно подтверждает исторические документы, указывающие на то, что иранские азербайджанцы являются иранскими группами, язык которых подвергся тюркизации под влиянием нескольких волн нашествия тюркских сельджуков с начала XI века н.э. Больше информации о кембриджских генетических исследованиях Ирана можно получить в материалах ISNA (Iranian Students News Agency), June 12 2006, with news-code: 8503-06068.
- 44 В своей работе Ричардс по непонятной причине не учитывает исследований иранских ученых и выделяет азербайджанцев, курдов и осетин как «неиранцев».
- 45 Более полные сведения обо всех этих исследованиях в книге: M. Price, *Iran's Diverse Peoples: A Reference Sourcebook* (Santa Barbara: ABC-CLIO, Incorporated, 2005).
- 46 Джек Шайен еще не далее, как в 1984 году констатирует, что свыше 85 процентов жителей Северной Америки убеждены, что иранцы – это арабы: J. Shaheen, *The TV Arab. Bowling Green* (Kentucky: Popular Press, 1984).
- 47 E. G. Heath, *Archery: A Military History* (London: Osprey Publishing, 1980), p. 96.
- 48 V. H. Mair, «Mummies of the Tarim Basin», *Archaeology* (March/April 1995) pp. 28–35: p. 29; E. W. Barber, *The Mummies of Urumchi* (London: Macmillan, 1999), p. 200.
- 49 Любопытно, что Геродот также пишет о саках как о людях в остроконечных шапках: Herodotus, *The Histories*, VII, 64.

- 50 N. Sekunda. *The Persian Army 560–330 BC* (London: Osprey Publishing, 1992), p. 20; статуя стоящего парфянского аристократа в Иранском национальном музее.
- 51 T. Sulimirski, *The Sarmatians* (London: Thames & Hudson, 1970); Mallory, *In Search of the Indo-Europeans*, pp. 51–53.
- 52 В. И. Абаев. *Скифско-европейские изоглоссы* (Москва, 1965), С.25.
- 53 T. Sulimirski. «The Scyths», in I. Cershevitch (ed.), *The Cambridge History of Iran: Vol. 2, The Median and Achaemenian Periods* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985), pp. 149–199; p. 149; Jones-Bley & Zdanovich, *Complex Societies*; Mallory, «Andronovo culture».
- 54 R. Rolle (tr. F. G. Walls), *The World of the Scythians* (Berkeley, Calif.: University of California Press, 1989).
- 55 R. N. Frye. *The History of Ancient Iran* (Munich: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1984), p. 70.
- 56 Sulimirski. «The Scyths», p. 153.
- 57 Mallory, *In Search of the Indo-Europeans*, pp. 48–56, 58, 78; R. Brzezinski & M. Mielczarek, *The Sarmatians: 600 BC–AD 450* (Oxford: Osprey Publishing, 2002), p. 3; J. Channon & R. Hudson, *The Penguin Historical Atlas of Russia* (London: Penguin Books, 1995), p. 18.
- 58 Sulimirski. *The Sarmatians*, p. 22.
- 59 T. Newark. *The Barbarians: Warriors and Wars of the Dark Ages* (Poole: Blandford Press, 1985), p. 6.
- 60 V. I. Aбаев (tr. S. Hill). «A Grammatical Sketch of Ossetian», *The American Journal of Linguistics* (1964, Vol. 4), p. 30.
- 61 W. Radloff. *Aus Sibirien, lose Blätter aus dem Tagebuche eines reisenden Linguisten* (Liepzig: T. O. Weigel, 1884), pp. 112, 126.
- 62 Б. Ханенко. *Древности Приднепровья* (Киев, Украина, 1899), II.
- 63 B. P. Lozinski. *The Original Homeland of the Parthians* (New Haven: Mouton & Co, 1959), p. 23.
- 64 Radloff, *Aus Sibirien*, pp. 99, 112, 126, 130.
- 65 Б. Ханенко. *Древности Приднепровья*, II: M. Ebert. *Reallexikon der Vorgeschichte* (Berlin: De Gruyter, 1924–29) pp. 66–97; B. Thordeman, *Armour from the Battle of Wisby 1361* (Stockholm: Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien, 1939), pp. 282–284, 245–281.
- 66 Lozinski, *The Original Homeland*, p. 23.
- 67 L. White, «Technology and invention in the Middle Ages», *Speculum* (1940, Vol. X), p. 151
- 68 Полный обзор протоарьев Ирана в кн., Price. *Iran's Diverse Peoples*, introduction and chs 1 & 2.
- 69 Herodotus, *The Histories*, I, 101.
- 70 D. D. Luckenbill. *The Annals of Sennacherib* (Chicago: University of Chicago Press, 1924), p. 143.
- 71 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 66.
- 72 М. М. Дьяконов. *История Мидии* (Ленинград, 1936), С.69.
- 73 Strabo (trans. H. L. Jones), *Geographica* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1924), 15.8.
- 74 2 Kings, 17: 6, 18: 11.
- 75 A. Ferrill. *The Fall of the Roman Empire: The Military Explanation* (London: Thames & Hudson, 1988), p. 77
- 76 L. Levine, «East-west trade in the late Iron Age: a view from the Zagros», in M. J. Deshayes (org.), *Le Plateau Iranien et L'Asie Centrale des Origines a la Conquete Islamique* (Paris: Colloques Internationaux du CNRS, No. 367 1977), pp. 171–179.
- 77 Рямляне познакомились с «парфянскими стрелками» почти 500 лет спустя, в битве при Каррах.
- 78 D. Dawson, *The First Armies* (London: Cassell & Co, 2001), p. 190.
- 79 M. A. Dandamaev & V. G. Lukonin. *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran* (New York: Cambridge University Press, 1989), p. 224; W. Tarn. *Hellenistic Naval and Military Developments* (Cambridge: Cambridge University Press, 1930), p. 51.
- 80 М. М. Дьяконов. Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту (Вестники Древней истории (1951, № 2–4), С. 213.
- 81 *The 2,500 Year Celebrations for the Founding of the Persian Empire* (Tehran: Imperial Iranian Army, 1971).
- 82 Долина Сефид-руд (Белая река), близ современного Рашта в Гиляне. См., М.М. Diakonov, «Media», in Cershevitch. *The Cambridge History of Iran: Vol. 2*, pp. 36–148; p. 114.
- 83 Diakonov, «Media», pp. 83, 90.
- 84 Herodotus, *The Histories*, I, 102.
- 85 См. D. Stronach. «Tepe Nush-i-Jan: The Median settlement», in Cershevitch. *The Cambridge History of Iran: Vol. 2*, pp. 832–837
- 86 Herodotus, *The Histories*, I, 103–104.
- 87 Скифские доспехи состояли из панциря с основой из кожи, на которую были нашиты железные пластины, и бронзового шлема конической формы. Наиболее удаленные на запад места, где были найдены скифские бронзовые наконечники, – древние курганные укрепления в Польше.
- 88 Frye. *The History of Ancient Iran*, pp. 70–72.
- 89 Herodotus, *The Histories*, I, 103.
- 90 Herodotus, *The Histories*, I, 106; IV 12.
- 91 Channon & Hudson. *The Penguin Historical Atlas of Russia*, p. 18; Mallory, *In Search of the Indo-Europeans*, pp. 48, 53; Newark. *The Barbarians*, p. 6; R. Rolle (trans. F. G. Walls), *The World of the Scythians* (Berkeley, Calif.: University of California Press, 1989).
- 92 Cotterell, *The Chariot*, p. 61, also corroborated by Dandamaev & Lukonin. *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, pp. 50, 223; А. А. Фрейман «Пленный враг Дария – скиф Скунха», *Известия Академии наук Отделение литературы и языка* (1948, т.7/3), СС.235–240; С.239.
- 93 Strabo, *Geographica*, 15.2, 15.8.
- 94 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 77.
- 95 H. F. Lutz. *An Agreement between a Babylonian Feudal Lord and his Retainer in the reign of Darius II* (Berkeley, Calif.: University of California, Publications in Semitic Philology, 1928, Vol. 9/3).
- 96 Herodotus, *The Histories*, III, 92; М. М. Дьяконов. *Очерк истории Древнего Ирана* (Москва: Издательство восточной литературы, 1961), С. 248; M. H. Kiessling, *Zur Geschichte der Ersten Regierungsjahre des Darius Hystaspes* (Leipzig, 1901), p. 17
- 97 Дьяконов. *Очерки истории*, СС.248–250, 252–253.
- 98 Б. Б. Пиотровский. *Ванское царство* (Москва, 1959), С.241.
- 99 F. Thureau-Dangin. *Textes Cuneiforms: Vol. 6., Tablettes d'Uruk a Usages des pretres du temple d'Anu au temps des Seleucides* (Paris: Musee de Louvre: Departments des Antiquites Orientales, 1922).
- 100 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*; Manouchehr Moshtagh Khorasani, *Arms and Armor from Iran: The Bronze Age to the End of the Qajar Period* (Tubingen: Legat Verlag, 2006).
- 101 Diakonov, «Media», p. 39.
- 102 См., Poursarteb, *Tarikhchey-e Saka*.
- 103 A. Godard, *Le Tresor de Ziwiye* [The Treasure of Ziwiye] (Haarlem: J. Enschede, 1950).
- 104 Heath, *Archery*, pp. 95–96.
- 105 Пиотровский. *Ванское царство*, С.238.
- 106 Strabo, *Geographica*, 15.8.
- 107 См. также: Herodotus, *The Histories*, I, 102.
- 108 A. Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran: Az Tamadon-e Elam ta 1320 Khorshedi, Jang-e Iran va Aragh* [The 4,000 Year History of the Army of Iran: From the Elamite Civilization to 1941, the Iran-Iraq War] (Entesharat-e Iman, Tehran, 1999), pp. 15–16.
- 109 Ашурбанипал кичливо провозглашает: «Я разрушил Сузы... я опустошил области Элама и их земли усыпал солью». See A. H. Layard & J. C. Derby, *A Popular Account of Discoveries at Nineveh* (London: Elibron Classics, 1854 reprinted 2000), pp. 7–8.
- 110 I. M. Diakonov, «Elam», in Cershevitch, *The Cambridge History of Iran: Vol. 2*, pp. 1–24; p. 24.
- 111 Там же.
- 112 Herodotus, *The Histories*, I, 103.
- 113 J. Wiesehofer (tr. A. Azodi), *Ancient Persia: From 550 BC to 650 AD* (London: I.B. Tauris, 1996), pp. 89–90.

- 114 Дьяконов, *История Мидии*, С.136; Herodotus, *The Histories*, i, 103.
 115 Дьяконов, *История Мидии*, С. 295.
 116 Khorasani, *Arms and Armor*.
 117 Herodotus, *The Histories*, I, 73.
 118 T. Newark, *Ancient Armies* (UK: Concord, 2000), pp. 18–19.
 119 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 76.
 120 M. Salvini, *Geschichte und Kultur der Urartäer* [The culture and History of the Urartians] (Germany, 1995).
 121 R. B. Wartke, *Urartu, das Reich am Ararat* [Urartu the Kingdom in Ararat] (Mainz: Zabern, 1993).
 122 M. Healy, *The Ancient Assyrians* (London: Osprey Publishing, 1991).
 123 В. В. Дьяконов, «Последние годы урартского государства», *Вестник древней истории* (1951. Т.2), СС.29–39.
 124 Б.Б. Пиотровский, *Кармир-блур* (Ленинград, 1970), С.334.
 125 P. R. S. Moorey, «Metalwork and Glyptic», in Gershevitch, *The Cambridge History of Iran. Vol. 2*, pp. 856–869: p. 858; M. Chahin, «Ararat the ancient kingdom of Armenia», *History Today* (1975, Vol.XXV/6), pp. 418–427; См. также: W. Kleiss, *Topographische Karte von Urartu* (Berlin: Reimer, 1976).
 126 M. Chahin, *The Kingdom of Armenia: A History* (London: Routledge, 2001).
 127 В. В. Piotrovsky, (tr. J. Hogarth), *The Ancient Civilization of Urartu* (New York: Cowles Book Company, 1969).
 128 Jeremiah 25: 25, 50: 41–43, 51. 27–28.
 129 Diakonov, «Media», pp. 132–133.
- Глава 2. Кур Великий и ранние Ахемениды
- 1 M. Mallowan, «Cyrus the Great», in Gershevitch, *The Cambridge History of Iran: Vol. 2*, pp. 392–419: pp. 396–397
 2 Herodotus, *The Histories*, I, 107
 3 Там же, I, 108.
 4 Там же, I, 107
 5 Там же, I, 108.
 6 Xenophon, (trans. W. Miller), *Cyropaedia*, bks 1–4 (Cambridge, Mass., Harvard University Press, Loeb Library, 1914), pp.ix-x.
 7 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 91.
 8 Herodotus, *The Histories*, I, 127–128.
 9 H. Tadmor, «The inscriptions of Nabonaid: historical arrangement», *Assyriological Studies* (1965, Vol. 16), p. 351.
 10 Herodotus, *The Histories*, I, 130, 153, 177
 11 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 223.
 12 Esther 1:19; Daniel 6: 8, 15.
 13 J. Harmatta, «The rise of the Old Persian Empire», *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* (1971, Vol. 19), pp. 14–15.
 14 Wiesehofer, *Ancient Persia*, p. 89.
 15 J. Curtis, *Ancient Persia* (London: Trustees of the British Museum, 1989).
 16 Wiesehofer, *Ancient Persia*, p. 89.
 17 W. Brandenstein & M. Mayrhofer, *Handbuch des Altpersischen* (Wiesbaden: Harrassowitz, 1966).
 18 Термин «Кара» сохранился в современном персидском языке в таких словах, как Kar-zar (букв. битва), и общепринятым выражении Kas-o-Kar (букв. родственники и друзья).
 19 Dawson, *The First Armies*, p. 186; Ferrill, *The Fall of the Roman Empire*, pp. 67–85.
 20 P. J. Junge, «Satrapie und Nation [Satrapy and Nation]», *Klio* (1951, Vol. 34), pp. 1–55: p. 16.
 21 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 228.
 22 Wiesehofer, *Ancient Persia*, p. 91.
 23 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 108.
 24 Daniel 3: 3.
 25 Diodorus Siculus (trans. C. Oldfather, C. Sherman, C. Bradford Welles, R. Geer, F. Walton), *Library of History*, 12 volumes (Cambridge, Mass., Harvard University Press; 1933–1967), Vol. VI, 15.10.3.
 26 Xenophon, *Cyropaedia*, VIII, 2, 10–12.
 27 Xenophon (trans. E. C. Marchant), *Memorabilia and Oeconomicus. Symposium and Apologia* (Cambridge, Mass., Harvard University Press, 1923) *Oeconomicus* IV 6–8.
 28 *Cyropaedia*, VI, 2, 11.
 29 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, pp. 222–223.
 30 Quintus Curtius Rufus (trans. J. Yardley), *The History of Alexander* (London: Penguin Classics, 1984), II, 3, 8–28.
 31 Wiesehofer, *Ancient Persia*, p. 93.
 32 Xenophon, *Cyropaedia*, I, 2,15.
 33 There is a full account of Cyrus' Lydian conquest in Herodotus, *The Histories*, I, 76–77.
 34 A. R. Burn, *Persia and the Creeks: The Defense of the West, c.546–478 BC* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1984) p. 40.
 35 J. M. Cook, «The rise of the Achaemenids and the establishment of their empire», in Gershevitch, *The Cambridge History of Iran: Vol. 2*, pp. 200–291: p. 211.
 36 Там же, p. 212.
 37 Harpagus was placed in command after the death of Mazares.
 38 Herodotus, *The Histories*, I, 189–190.
 39 A. L. Oppenheim (trans.), «Nabonidus Chronicle» in J. B. Pritchard (ed.), *Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament* (Princeton: Princeton University Press, 1950), III, 12–22, p. 306.
 40 Там же, p. 306.
 41 Xenophon, *Cyropaedia*, VII, V 29, 30.
 42 Isaiah 13, 14; Jeremiah 1, 51.
 43 Ezra 6: 1–12.
 44 Isaiah 45: 1.
 45 Isaiah 44: 28, 45: 1.
 46 S. al-Khalil, *Republic of Fear: Politics of Modern Iraq* (1989), p. 180.
 47 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 114.
 48 D. F. Graf, S. W. Hirsch, K. Gleason & F. Krefter, «Persia at the Crest», *A Soaring Spirit* (Amsterdam: Time-Life Books, 1988), pp. 9–49: p. 38.
 49 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 122.
 50 K. Hoffman, «Das Avesta in der Persis [The Avesta in Persis]», in J. Harmatta (ed.), *Prolegomena to the sources on the history of Pre-Islamic Central Asia* (Budapest: Akademiai Kiado, 1979) pp. 89–93.
 51 Deuteronomy 31: 15–19.
 52 Herodotus, *The Histories*, I, 153.
 53 Cook, «The rise of the Achaemenids», p. 213. The geographical specifics of the campaign are debated, a detailed analysis of the campaign is provided in I. V Pyankov, «K voprosu o marshrute pokhoda Kira II na Massagetov», *Vestnik Drevnej Istorii* (1964, Vol. 2), pp. 115–130.
 54 Herodotus, *The Histories*, I, 209.
 55 Там же, I, 215.
 56 Там же, I, 215.
 57 Там же, I, 215.
 58 Там же, I, 215.
 59 N. Sekunda, *The Persian Army 560–330 BC*, p. 29; Brzezinski & Mielczarek, *The Sarmatians*, pp. 6, 74.
 60 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 3.
 61 Herodotus, *The Histories*, I, 216.
 62 Там же, I, 107
 63 Там же, III, 27–35.
 64 T. C. Young, «The Achaemenids», in A. Cotterell, *The Penguin Encyclopedia of Classical Civilizations* (England: Penguin Books, 1993), pp. 149–162: p. 151.
 65 Herodotus, *The Histories*, II, 1.
 66 Там же, III, 4.
 67 Там же, III, 9.
 68 Там же, III, 11.
 69 По непроверенным современным сообщениям, в Аммоне обнаружены останки воинов армии Камбиза, что может, вероятно, дать ценные сведения о доспехах и оружии.
 70 Herodotus, *The Histories*, 111, 13.

- 71 Там же, III, 20–26.
- 72 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar SaTe Artesh-e Iran*, pp. 66–67
- 73 Cook, «The rise of the Achaemenids», p. 214.
- 74 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 97; Young, «The Achaemenids», pp. 151–152.
- 75 K. M. T. Atkinson, «The legitimacy of Cambysis and Darius as kings of Egypt», *Journal of the American Oriental Society* (1956. Vol. 76), pp. 167–170.
- 76 Herodotus, *The Histories*, III, 64.
- ### Глава 3. Дарий Великий
- 1 См. также: *The Cambridge History of Iran: Vol. 2, Appendix II*
- 2 Бехистунская надпись (IV 80–88) перечисляет имена заговорщиков Винадафарна, Утана, Гаубаруваю Видарна, Багабухша и Ардуманиш.
- 3 Двумя основными источниками для понимания этих событий являются Геродот и первая колонна Бехистунских надписей.
- 4 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 98.
- 5 A. T. Olmstead, *History of the Persian Empire* (Chicago and London: University of Chicago Press, 1963), pp. 92–93.
- 6 Diakonov, «Elam», p. 24.
- 7 Бехистунская надпись, II, 16; III, 26.
- 8 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 109.
- 9 Cook, «The Rise of the Achaemenids», p. 219.
- 10 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 101.
- 11 Olmstead, *History of the Persian Empire*, p. 93.
- 12 R. N. Frye, «The Rise of the Achaemenids and the establishment of their empire», in Cershevitch, *The Cambridge History of Iran: Vol. 2*, pp. 200–291; p. 216.
- 13 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 100.
- 14 Бехистунская надпись, V 20–30.
- 15 Поскольку обнаружено мало свидетельств, неясно, был ли этот флот построен специально для этой цели или же являлся частью «Каспийского флота».
- 16 K. Farrokhi, *Sassanian Elite Cavalry AD 224–642* (Oxford: Osprey Publishing, 2005), pp. 3–4.
- 17 Литвинский и Пинков, «Военное дело у народов Средней Азии в VI–IV вв. до н.э.» *Вестник Древней истории* (1966, т.3), СС.36–52, С.44.
- 18 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 234.
- 19 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, VI, 24; VIII (Indica).
- 20 Herodotus, *The Histories*, IV 44.
- 21 J. M. Baleer «The date of Herodotus IV 1. Darius' Scythian expedition», *Harvard Studies in Classical Philology* (1972, Vol. 76), pp. 99–132; G. C. Cameron, «Darius the Great and his Scythian (Saka) campaign», *Acta Iranica* (1975, Vol. 4), pp. 77–78.
- 22 Herodotus, *The Histories*, IV 87.
- 23 Graf, Hirsch, Gleason, & Krefter, «Persia at the Crest», p. 23.
- 24 См.: Herodotus, *The Histories*, IV 93.
- 25 Там же, IV 89.
- 26 Там же, IV 97
- 27 Там же, IV 102.
- 28 Старки и дети были отосланы на север в крытых телегах вместе с табунами лошадей и скотом.
- 29 E. V. Cernenko, *The Scythians 700–300 BC* (London: Osprey Publishing, 1983), p. 25.
- 30 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 69.
- 31 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, pp. 223, 226.
- 32 Cernenko, *The Scythians*, p. 27.
- 33 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 69.
- 34 Cernenko, *The Scythians*.
- 35 J. Harmatta, «A recently discovered Old Persian inscription», *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae* (1954, Vol. 2), pp. 1–14.
- 36 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 110; W. Hinz, «Achaemenidische Hofverwaltung», *Zeitschrift für Assyriologie* (1971, Vol. 61), pp. 260–311.
- 37 Plato (trans. R. G. Bury), *Timaeus, Critias, Cleitophon, Menexenus, Epistles* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1929), Epistles, VII, 332B.
- 38 Даниил 6: 8; Есфирь 1: 19.
- 39 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 135.
- 40 Josephus (trans. H. St. J. Thackeray), *Contra Apion II* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1926), 270–271.
- 41 D. B. Weisberg, *Guild structure and political allegiance in Early Achaemenid Babylonia* (New Haven: Yale University Press, 1967), pp. 96–104.
- 42 E. Porada, «Classic Achaemenian architecture and sculpture», in Gershevitch, *The Cambridge History of Iran: Vol. 2*, pp. 793–827; p. 793.
- 43 Strabo, *Geographica*, XV 3.
- 44 «Remains of Achaemenid Palace Unearthed in Bolaghi Valley», <http://www.cais-soas.com/News/2006/May2006/26–05.htm> May 16, 2006.
- 45 M. Bahar & N. Kasraian, *Persepolis* (Tehran, Iran: Paksh-e-Ketab Cheshme, 1993).
- 46 Sh. Shahbazi, «New aspects of Persopolitan studies», *Gymnasium* (1978, Vol. 85), pp. 487–500.
- 47 VV Culican, *The Medes and the Persians* (London: Thames & Hudson, 1965), p. 89.
- 48 Dawson, *The First Armies*, p. 208.
- 49 Culican, *The Medes and the Persians*, pp. 90–93; Porada, «Classic Achaemenian architecture and sculpture», pp. 798–799.
- 50 Olmstead, *History of the Persian Empire*, p. 290.
- 51 T. Grigor, «Re-Framing Rapid Modernities: American Historians of Iranian Architecture, Phyllis Ackerman and Arthur Pope», *Ariris* (2004, Vol. 15), pp. 39–55; pp. 41–42.
- 52 J. Hicks, *The Persians* (New York: Time-Life Books, 1975), pp. 86–88; Moorey, «Metalwork and Glyptic», pp. 859–861.
- 53 См. фотографии в кн. R. Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians* (London: Thames & Hudson, 1962), pp. 214, 219.
- 54 Цит. по Sulimirski, «The Scythians», p.1 61.
- 55 См. подробности в кн. Porada, «Classic Achaemenian architecture and sculpture».
- 56 Sulimirski, «The Scythians», pp. 171–173.
- 57 P. Jacobstahl, *Early Celtic Art* (Oxford: The Clarendon Press, 1944), p.1 56; J. Boardman, M. A. Brown & T. G. E. Powell (eds.), *The European Community in Later Pre-History* (London: Routledge and Kegan Paul, 1971), p. 183.
- 58 См. B. Anke, *Studien zur reiternomadischen Kultur des 4.-6. Jh. n. Chr* (Weissbach: AntikMakler, 1998).
- 59 N. Spataro, *L'enigma Delle Arti Asittite: Nella Calabria UltraMediterranea* (Mammolo, Italy: Santa Barbara Art Foundation, 2002), p. 321.
- 60 Там же, p.1 86.
- 61 Там же, pp. 306, 311–313.
- 62 Herodotus, *The Histories*, V 52.
- 63 M. Y. Mostafavi, «The Achaemenid Royal Road», in A. Upham Pope (ed.), *A Survey of Persian Art* (Oxford/Tokyo: Oxford University Press and Meiji Shobo, 1967), p. 14.
- 64 Herodotus, *The Histories*, V 52.
- 65 Там же, VII, 98.
- 66 R. T. Hallock, *Persepolis Fortification Tablets* (Chicago: University of Chicago Press, 1969), pp. 1440, 1550.
- 67 S. Mazzarino, «Le vie di comunicazione fra imperio Achemenide e mondo Greco [The manner of communications in the Achaemenid Empire and the Greek world]», in *La Persia et il Mondo Greco-Romano* [Persia and the Greco-Roman World] (Rome: Ace. Naz. Di Lincei, 1966), pp. 75–83.
- 68 Wiesehofer, *Ancient Persia*, p. 93.
- 69 Mazzarino, «Le vie di comunicazione», pp. 75–83.
- 70 Там же
- 71 Herodotus, *The Histories*, VIII, 98.
- 72 Там же, III, 89.

- 73 Mallowan, «Cyrus the Great», p. 399.
 74 Herodotus, *The Histories*, I, 94.
 75 Mallowan, «Cyrus the Great», p. 415.
 76 Hicks, *The Persians*, pp. 72–73.
 77 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 116.
 78 Там же, p. 132.
 79 A. T. Clay, *Business Documents of Murashu Sons of Nippur Dated in the Reign of Darius II* (Pennsylvania: The Babylonian Expedition of the University of Pennsylvania, 1904).
 80 Mallowan, «Cyrus the Great», pp. 405, 408.
 81 W. Hinz, «Darius und der Suezkanal [Darius and the Suez Canal]», *Archaeologische Mitteilungen aus Iran* (1975, Vol. 8), pp. 115–121.
 82 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 52.
 83 Herodotus, *The Histories*, VII, 89–96.
 84 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 71.
 85 N. Aime-Giron, *Textes Arameens d'Egypte*, (Cairo, 1931), p. 61.
 86 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 236.
 87 Xenophon, *Anabasis*, I, 2, 5; II, 4, 13, 24.
 88 Xenophon, *Anabasis*, III, 5, 9.
 89 Wiesehofer, *Ancient Persia*, p. 93.
 90 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 93.
 91 J. M. Cook, *The Greeks in Ionia and the East* (London: 1962), pp. 98–120, 132–133.
 92 Там же.
 93 Herodotus, *The Histories*, VI, 44.
 94 Там же, VI, 112.
 95 Там же, VI, 113.
 96 Там же, VI, 113.
 97 Там же, VI, 117.

Глава 4. Ксеркс и конец империи

- 1 Herodotus, *The Histories*, VI, 7.
 2 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 126.
 3 Olmstead, *History of the Persian Empire*, pp. 235–237.
 4 A. D. H. Bivar, «A satrap of Cyrus the Younger», *Numismatic Chronicle* (1961, Vol. 71), pp. 119–127; p. 123.
 5 Кир Младший был сатрапом Каппадокии, Лидии и Фригии.
 6 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 222.
 7 Н. В. Пянков, «История Персии Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахменидов в конце V пятого века до нашей эры», *Вестник древней истории* (1965, т.2), СС.35–50, С.48.
 8 Там же, С.48.
 9 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 222.
 10 Там же, p. 222.
 11 Herodotus, *The Histories*, VII, 81.
 12 E. Benveniste, *Titres et Nom Propres en Iranien Ancien* (Paris: C. Klincksieck, 1966), pp. 68–69; см. также: Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 229.
 13 См.: Khorasani, *Arms and Armor*.
 14 D. Head, *The Achaemenid Persian Army* (Stockport: Montvert Publications, 1992), p. 60.
 15 Xenophon, *Cyropaedia*, VII, 5, 68.
 16 Herodotus, *The Histories*, VII, 83.
 17 I. C. Müller, *Fragmenta Historicorum Graecorum*, 3 volumes (Paris, 1841–70), vol 2, pp. 95–96; Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.59.3.
 18 Wiesehofer, *Ancient Persia*, p. 92.
 19 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 223.
 20 Aeschylus (tr. J. Lembke, & C. J. Herington), *Aeschylus* (Oxford: Oxford University Press, 1981), «Persians», pp. 732–733. Quintus Curtius Rufus, *The History of Alexander*, VII, 4, 30. Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 234. Cook, *The Persian Empire*, p. 114.
 21 Herodotus, *The Histories*, VI], 85; Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 234.
 22 Herodotus, *The Histories*, VII, 85. N. Sekunda, *The Persian Army 560–330 BC* (London: Osprey Publishing, 1992), p. 20.
 23 Herodotus *The Histories*, VII, 61–99.
 24 Polyaeus, *Stratagemata*, VII, viii, 1.
 25 Head, *The Achaemenid Persian Army*, pp. 50–51.
 26 Там же, p. 55.
 27 Там же, p. 52.
 28 See Metropolitan Museum of Art, 41.2.9.
 29 Herodotus, *The Histories*, VII, 71.
 30 Head, *The Achaemenid Persian Army*, p. 54.
 31 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 234.
 32 Herodotus, *The Histories*, VII, 89.
 33 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 234.
 34 Xenophon, *Anabasis*, V, 6, 8.
 35 Herodotus, *The Histories*, VII, 184.
 36 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 236.
 37 Рассказ об этом конфликте см. в кн. P. de Souza, *The Greek and Persian Wars 499–386 BC* (Oxford: Osprey Publishing, 2003).
 38 Young, «The Achaemenids», p. 151; Olmstead, *History of the Persian Empire*, p. 248.
 39 Young, «The Achaemenids», p. 155.
 40 B. S. J. Isserlin, «The Canal of Xerxes on the Mount Athos Peninsula», *Annual of the British School at Athens* (1994, Vol. 89), pp. 277–284.
 41 Herodotus, *The Histories*, VIII, 50.
 42 Herodotus, *The Histories*, VIII, 51.
 43 Herodotus, *The Histories*, VIII, 53.
 44 Там же, VII, 184.
 45 Olmstead, *History of the Persian Empire*, p. 254.
 46 Herodotus, *The Histories*, VIII, 89.
 47 Там же.
 48 Артабаз и 40 000 его воинов от участия в этом сражении воздержались.
 49 Dandamaev & Lukonin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 96.
 50 Herodotus, *The Histories*, VII, 210.
 51 J. Cassin-Scott, *The Greek and Persian Wars 500–323 BC* (London: Osprey Publishing, 1977).
 52 Diodorus Siculus, *Library of History XI*, 19.21.3.
 53 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 82.
 54 Там же, p. 82.
 55 Там же, p. 82.
 56 Herodotus, *The Histories*, VII, 22, 56, 223; Xenophon, *Anabasis*, III, 4, 25.
 57 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 82.
 58 Herodotus, *The Histories*, VIII, 53.

Глава 5 Ахеменидская империя от Артаксеркса I и до подъема Македонии

- 1 Римским историкам он был известен как Longimans (лат., тот, у кого длинная рука), а современным иранцам как Ардашир-е-Дераз-Даст (букв. Ардашир/Артаксеркс долгорукый). Прозвище объясняется тем, что правая рука у него была длиннее левой.
 2 D. Lenfant (trans.) *Ctesias de Cnide. La Perse. L'Inde. Autres fragments* (Paris: Les Belles Lettres, 2004), La Perse 29–30.
 3 Ездра, 7–8 свидетельствует о втором возвращении иудейских пленников, содержавшихся в Вавилоне, во время правления Артаксеркса.
 4 Plutarch (trans. B. Perrin), *Parallel Lives*, 11 volumes (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1914–1926), vol. XI Artaxerxes I, 1.
 5 Thucydides (trans. R. Warner), *History of the Peloponnesian Wars* (New York: Penguin Books, 1954), I, 104, 2.

- 6 О Пелопоннеской войне см.: Philip de Souza, *The Peloponnesian War 431–404 BC* (Oxford: Osprey Publishing, 2002), and Thucydides, *History of the Peloponnesian Wars*.
- 7 DeSouza, *The Peloponnesian War*, p. 75.
- 8 Xenophon (trans. C. L. Brownson), *Hellenica Books I–IV* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1918), I, 2, 19.
- 9 Xenophon, *Hellenica Books I–IV*, II, 8, 13.
- 10 Young, «The Achaemenids», p. 136.
- 11 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, 1.2, 1.7, 1.8.
- 12 Plutarch, *Parallel Lives XI*, Artaxerxes 11.
- 13 Wiesehofer, *Ancient Persia*, pp. 90–91.
- 14 Sekunda, *The Persian Army 560–330 BC*, p. 27.
- 15 Diodorus Siculus, *Library of History VII*, 15.90.
- 16 Там же, 15.93.
- 17 Там же, 16.50.

Глава 6. Дарий III и падение империи

- 1 Diodorus Siculus, *Library of History VII*, 16.50.
- 2 British Museum, BM 71537.
- 3 Plutarch, *Parallel Lives XVIII*, Alexander 7–8.
- 4 Marcus Junianus Justinus (trans. J. S. Watson), *Philippic History of Pompeius Trogus* (London: Henry C. Bohn, 1853), X, 3.
- 5 Quintus Curtius Rufus, *The History of Alexander*, V 11, 5.
- 6 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, II, 14.5.
- 7 Вавилонские источники сообщают об огромном росте богатства ахеменидской аристократии в Вавилоне.
- 8 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 132.
- 9 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, II, 14.5.
- 10 W Heckel, *The Wars of Alexander the Great* (Oxford: Osprey Publishing, 2002).
- 11 Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.17.3–5.
- 12 Там же, 17.17.3–5.
- 13 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 88.
- 14 Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.19–20; Arrian, *The Campaigns of Alexander*, I, 4.3.
- 15 H. Pirnia, *Iran Bastan: Tarikh-e Mofassal-e-Iran-e Ghadeem* [Ancient Iran: A Comprehensive History of Old/Past Iran] (Tehran: SHERKAT-e-MatbooaT, 1932), p. 1251.
- 16 Sekunda, *The Persian Army 560–323 BC*.
- 17 Arrian as cited in Pirnia, *Iran Bastan*, p. 1257.
- 18 Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.21.
- 19 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 89.
- 20 Там же, p. 89; Pirnia, *Iran Bastan*, p. 1282.
- 21 Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.30.
- 22 Там же, 17.31.
- 23 Quintus Curtius Rufus, *The History of Alexander*, III, 2.
- 24 Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.33.
- 25 Там же, 17.34.
- 26 Там же.
- 27 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, XI, 9.
- 28 Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.54.
- 29 Там же.
- 30 Head, *The Achaemenid Persian Army*, pp. 43, 72.
- 31 Sekunda, *The Persian Wars 560–330 BC*, p. 29.
- 32 Pirnia, *Iran Bastan*, p. 1379.
- 33 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 93.
- 34 Plutarch, *Parallel Lives VII*, Alexander IV 31.
- 35 Pirnia, *Iran Bastan*, p. 1381.
- 36 Quintus Curtius Rufus, *The History of Alexander*, IV 11.
- 37 Pirnia, *Iran Bastan*, p. 1392.
- 38 Quintus Curtius Rufus, *The History of Alexander*, V 1
- 39 Цит. по статье: «Susa Withstood Alexander's Invasion» www.cais-soas.com/News/2006/ April2006/09–04–susa.htm April 9, 2006.
- 40 H. Speck, «Alexander at the Persian Gates: A Study in Historiography and Topography», *American Journal of Ancient History*, (2002, Vol. 1/1), pp. 15–234; H. Koch, «Die achamenidische Poststraße

- von Persepolis nach Susa», *Archaeologische Mitteilungen aus Iran* (1986, Vol. 19), pp. 133–147; Pirnia, *Iran Bastan*.
- 41 Pirnia, *Iran Bastan*, p. 1413.
- 42 Там же.
- 43 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, III, 6.4; Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.68; Quintus Curtius Rufus, *The History of Alexander*, III, 3–4.
- 44 Там же. Ср. с Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 140.
- 45 Pirnia, *Iran Bastan*, p. 1420.
- 46 Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.69–72.
- 47 Plutarch, *Parallel Lives VII*, Alexander 51.
- 48 Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.72.1–2.
- 49 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, XXIX, 1–11.
- 50 Quintus Curtius Rufus, *The History of Alexander*, VII, 6.20.
- 51 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, III, 7.2.
- 52 Были разрушены во время вторжения арабов в VII веке нашей эры.
- 53 Quintus Curtius Rufus, *The History of Alexander*, V 13; Diodorus Siculus, *Library of History VIII*, 17.73.
- 54 W Tarn, *Alexander* (Cambridge, England: Cambridge University Press, 1948), p. 146.
- 55 Plutarch, *Parallel Lives VII* Alexander 70; Arrian, *The Campaigns of Alexander*, VII, 4.4.
- 56 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, VII, 6.4; VII, 11.6.
- 57 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 140.
- 58 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, VII, 11.9; VII, 6.1.
- 59 Там же, VI, 30.2–3.
- 60 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 144.
- 61 M. Boyce, *Zoroastrianism* (London: Routledge and Kegan Paul, 1979), p. 78; P. Kriwaczek, *In search of Zarathustra: The First Prophet and the Ideas that Changed the World* (London: Weidenfeld & Nicholson, 2002), pp. 87, 203.
- 62 P. W. Roberts, *Journey of the Magi: In Search of the Birth of Jesus* (Toronto, Canada: Stoddart Publishing, 1995), p. 355.
- 63 R. N. Frye, *The Golden Age of Persia* (London: Wiedenfeld & Nicholson, 1988), p. 19.
- 64 Boyce, *Zoroastrianism*, p. 78; Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 139.
- 65 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, IV 7.4; VII, 8.2.
- 66 E. Fredricksmeier, «Alexander and Philip: Emulation and Resentment», *Classical Journal* (1990, Vol. 85), pp. 300–315.
- 67 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 151.

Глава 7 Селевкиды и возвышение парфян

- 1 Иранская военная историография (Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*) подтверждает, что кавалерия была образована из членов арийской аристократии, которые продолжали составлять основу иранской кавалерии до 650-х годов н.э.
- 2 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 129.
- 3 R. N. Frye, *The Heritage of Persia* (London: Weidenfeld & Nicholson, 1962) figure 40.
- 4 Paper by Colonel Hedayat Behzadi, *Artesh* [lit. Army] (June 1976).
- 5 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 132.
- 6 Там же, p. 132; Consult also Polyaeus, *Strategemata*, VII, 39–40.
- 7 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 145.
- 8 «The Other Terror», www.iranian.com/FSFF/2005/February/Terror/index.html.
- 9 P. Bernard, «An ancient Greek city in Central Asia», *Scientific American* (1994, Special Issue-Ancient Cities), pp. 66–75.
- 10 P. Bernard, «Campagne de fouilles 1976–1977 a Ay Khanum», *Comptes Rendu de l'Academie des Inscriptions et Belles Lettres* (April-June 1977), pp. 458–460.
- 11 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 165.
- 12 E. T. Newell, *The Coinage of the Eastern Seleucid Mints* (New York: American Numismatic Society, 1938), pp. 159–160.
- 13 Arrian, *The Campaigns of Alexander*, IV 1.5; Quintus Curtius Rufus, *The History of Alexander*, I, 1.4.

- 14 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, XII, 4.
 15 Там же. Prologi. 41. Strabo, *Geographica*, XI, 515.
 16 См. Бехистунские надписи Дария Великого: А. Д. Н. Бивар. «The political history of Iran under the Arsacids», in E. Yarshater (ed.), *The Cambridge History of Iran: Vol. 3(1) The Seleucid, Parthian and Sassanian Periods* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983), pp. 21–99: p. 27
 17 Strabo, *Geographica*, XI, 514.
 18 Sulimirski. «The Sarmatians». Introduction and chapter 1.
 19 P. Wilcox, *Rome's Enemies (3) Parthians and Sassanid Persians* (London: Osprey Publishing, 1986), p. 6.
 20 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, XII, 4; Bivar. «The Political History of Iran under the Arsacids», p. 29.
 21 Syncellus (ed. W. Dindorf), *Corpus scriptorum historiae Byzantinae XIII* (Bonn, 1829), p. 539; F. Jacoby (ed.), *Die Fragmente der Griechischen Historiker* [The Fragments/Writings of Greek Historians] (Berlin: Leiden, 1986) 156, 858–859. См. J. Wolski, «Andragoras etait-il Iranien ou Grec? [Andragoras was he Iranian or Greek?] *Studia Iranica* (1975, Vol. 4), pp. 166–169.
 22 См. Strabo, *Geographica*, XI, 515.
 23 Behramgore Tehmuras Anklesaria (trans.), *Bundahishn (Bombay: Rahnumae Mazdayasnan Sabha, 1956)*, XXXV 43–44.
 24 Wolski. «Andragoras etait-il Iranien ou Grec?» pp. 166–169.
 25 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, XII, 4.
 26 Там же.
 27 Polybius (trans. W. R. Paton), *Histories*, 6 volumes (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1922–27), Vol. III, V, 55.2, VIII, 23.
 28 Polybius, *Histories Vol. IV, X, 27A3*.
 29 Существуют споры по поводу установления личности этого царя. Bivar. «The Political History of Iran under the Arsacids», pp. 29–30 анализирует различные точки зрения.
 30 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 170.
 31 Polybius, *Histories Vol. IV, XI, 39*.
 32 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 171.
 33 E. Will, *Histoire politique du monde Hellenistique (323–30 av. J.C.)* [Political History of the Hellenistic World] (Nancy: l'Universite de Nancy, 1979–1982), pp. 200–202.
 34 Bivar. «The Political History of Iran under the Arsacids», p. 32.
 35 См. Tarn, *The Greeks in Bactria and India* (Cambridge: Cambridge University Press, 1951), pp. 187–191.
 36 Bivar. «The Political History of Iran under the Arsacids», p. 32.
 37 Pliny the Elder (trans. H. Rackham et al.), *Natural History* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1938–62), Vol. II, VI, 152.
 38 Isidore of Charax (trans. W. H. Schoff), *Parthian Stations* (Chicago: Area, 1989), p. 7
 39 Bivar. «The Political History of Iran under the Arsacids», p. 31.
 40 Strabo, *Geographica*, XIII, 523.
 41 Возможно также, что этот «Арран» был легендарным основателем Албании.
 42 M. Whitton, *The Making of Byzantium: 600–1025* (Berkeley, Calif.: University of California Press, 1996) pp. 203–205.
 43 Исламские источники, включающие *Hudud-ul-Alam*, Ibn-Hawqal, al-Muqaddasi, Yaqut al-Hamawi, и *Borhan-e-Qate*.
 44 Цит. по: Т. Atahaki. Azerbaijan: Ethnicity and the Struggle for Power in Iran (London: I. B. Tauris, 2000), pp. 8–9.
 45 J. Matini. «Azerbaijan Kojia Ast? [Where is Azerbaijan?], *Iranshenasi* (1989, Vol. I/3), p. 445; C. Chaqueri, *Origins of Social Democracy in Modern Iran*, (Seattle: University of Washington Press, 2001), p. 209.
 46 Bivar. «The Political History of Iran under the Arsacids», p. 33.
 47 A. Hakimi, «Mujassame-ye Herku! dar Bisitun [The statue of Hercules in Behistun]», *Majalle-ye Bastanshenasi* (1959–60, vols. III & IV), pp. 3–12.
 48 P. Daffina, *L'immigrazione del Saka nella Drangiana* [The immigration of the Saka in Drangiana] (Rome: Is. M.E.O., 1967), pp. 41–43.
 49 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, XXXVIII, 10.2.
 50 Bivar. «The political history of Iran under the Arsacids», pp. 37–38.
 51 Там же, p. 38.
 52 Там же.
 53 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 151.
 54 Афганские путешественники в наши дни говорят на северо-восточном иранском диалекте, происходящем от сакского.
 55 Tacitus (trans. J. Jackson), *Annals, Books IV–VI, XI–XII* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979), VI, 31.
 56 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, XI, 15.
 57 Там же, XII, 1. Diodorus Siculus, *Library of History XI*, 24.18.
 58 See discussion in Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 213.
 59 Pliny the Elder, *Natural History Vol. 11*, VI, 112.
 60 Bivar, «The Political History of Iran under the Arsacids», p. 91.
 61 J. Dobras, «Les premiers rapports des Romains avec les Parthes et l'occupation de la Syrie [Первые контакты римлян с парфянами и завоевание Сирии]», *Archiv Orientalni* (1931, Vol. 3), pp. 218–221.
 62 M. A. R. Colledge, *The Parthians* (London: Thames & Hudson, 1967), p. 53.
 63 Strabo, *Geographica*, XI, 528.
 64 Bivar. «The Political History of Iran under the Arsacids», p. 41.
 65 Appian (trans. H. White), *Roman History* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1912) The Syrian Wars, 48.
 66 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 214.
 67 Bivar. «The Political History of Iran under the Arsacids», p. 42.
 68 Strabo, *Geographica*, XI, 532.
 69 L. Raditsa, «Iranians in Asia Minor», in Yarshater, *The Cambridge History of Iran: Vol. 3(1)*, pp. 100–115: p. 106.
 70 Ibid, p. 107
 71 Strabo, *Geographica*, XV 3.15; Quote from Raditsa, «Iranians in Asia Minor», p. 107
 72 Strabo, *Geographica*, XI, 14.16, XV 733.
 73 Raditsa, «Iranians in Asia Minor», p. 107
 74 Plutarch, *Parallel Lives IV*, Lysander 3.
 75 Dandamaev & Iakunin, *The Culture and Social Institutions of Ancient Iran*, p. 300.
 76 Ibid, p. 113.
 77 R. Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians*, pp. 65–67
 78 Raditsa, «Iranians in Asia Minor», p. 112.
 79 B. Bickerman, «The Seleucid Period», in Yarshater, *The Cambridge History of Iran: Vol. 3(1)*, pp. 3–20, p. 103; Raditsa, «Iranians in Asia Minor», p. 110.
 80 Plutarch, *Parallel Lives IV*, Sulla 32, *Roman History* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1912), 66, 70.
 81 Bivar. «The political history of Iran under the Arsacids», p. 44.
 82 Colledge, *The Parthians*, p. 36.
 83 D. French, «Cappadocia and the Eastern Limes: Aspects of Romanization at Amaseia in Cappadocia», in P. Freeman & D. Kennedy (eds.), *The Defense of the Roman and Byzantine East* (Grisat Britain: British Institute of Archaeology at Ankara, 1986), pp. 277–285; pp. 277–281.
 84 F. Cumont, «The frontier fortresses of the east», *CAH* (XI), pp. 606–613.
 85 Bivar. «The political history of Iran under the Arsacids», p. 46.
 86 Colledge, *The Parthians*, p. 37

Глава 8. Парфия бросает вызов Риму

- 1 Plutarch, *Parallel Lives III*, Crassus 27,2; Dio Cassius (trans. Earnest Cary), *Roman History*, 9 volumes (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1914–1927), Vol. 111, XL, 22; Herodian (trans. C. R. Whittaker), *History of the Empire*, 2 volumes (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1969–71), 4, 30.
 2 Plutarch, *Parallel Lives III*, Crassus 18.
 3 Там же, 24.
 4 Cernenko, *The Scythians*, p. 32.
 5 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 152.
 6 Cassius Dio, *Roman History*, Vol. 111, XL, 15.2.

- 7 Plutarch, *Parallel Lives III*, Crassus 18, 24, 25.
- 8 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, 41.2.
- 9 В иранской армии были проведены исследования по реконструкции парфянской кавалерийских доспехов на основании исторических источников и археологических данных. По их расчетам, общий вес доспехов составлял приблизительно 56 кг.
- 10 Plutarch, *Parallel Lives III*, Crassus 24.
- 11 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, 41.3.
- 12 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, pp. 150–151.
- 13 Wilcox, *Rome's Enemies (3)*, pl.B3; Karasulas, *Mounted Archers of the Steppe*, pl.C.
- 14 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, 41, 2; Plutarch, *Parallel Lives III*, Crassus 24.
- 15 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 25–27
- 16 Plutarch, *Parallel Lives III*, Crassus 18, 24.
- 17 F. E. Brown, «A recently discovered compound bow», *Seminarium kondakovianum* (1937, Vol.IX), pp. 1–10.
- 18 Heath, *Archery*, p. 44.
- 19 Там же, p. 44.
- 20 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 151.
- 21 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, 41.2.
- 22 T. Wise, *Ancient Armies of the Middle East* (London: Osprey Publishing, 1981), p. 38.
- 23 M. Rostovtzeff, «The Parthian Shot», *American journal of Archaeology* (1943, Vol. 47), pp. 174–187
- 24 Там же.
- 25 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 153.
- 26 Там же, p. 152.
- 27 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 48.
- 28 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, XLII, 4.1
- 29 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 139.
- 30 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 52.
- 31 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, pp. 139–140; Pirnia, *Iran Bastan*, pp. 159–160.
- 32 Цит. по Rawlinson, *Parthia* (London: T Fisher Unwin, 1893), p. 156.
- 33 Plutarch, *Parallel Lives III*, Crassus 25.
- 34 Там же, 25.
- 35 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 53.
- 36 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 48.
- 37 Plutarch, *Parallel Lives III*, Crassus 31.
- 38 Direct quote from Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 55.
- 39 Dio Cassius, *Roman History* Vol. IV XLI, 55; Vol.V XLVIII, 24.
- 40 N. C. Debevoise, *A Political History of Parthia* (Chicago: University of Chicago Press, 1938), p. 108.
- 41 E. Gabba, «Sulle influenze reciproche degli ordinamenti militari dei Parti e dei Romani [Взаимовлияние римлян и парфян на военную логику]», in *La Persia e il Mondo Greco-Romano* (Rome: Accademia nazionale dei Lincei, 1966), p. 51.
- 42 Bivar, «The political history of Iran Under the Arsacids», p. 56
- 43 Dio Cassius *Roman History* Vol.V XLVIII, 25.3.
- 44 Dio Cassius, *Roman History* Vol.V XLVIII, 25.4.
- 45 Strabo, *Geographica*, XIV 2, 24.
- 46 M. Radin, *Jews among the Greeks and Romans* (Jewish Publication Company of America, 1915), p. 370.
- 47 L. Craven, *Antony's Oriental Policy until the Defeat of the Parthian Expedition* (Columbia, Miss.: University of Missouri, 1920) p. 52.
- 48 Там же, p. 53.
- 49 H. Buchheim, «Die orientpolitik des Triumvirn M. Antonius [The triumvir M. Antony's politics]», *Abh. Heidelberger Akad. Der Wis.* (1960, Vol. 3), pp. 75–77, provides an excellent discussion of General Ventidius' campaigns.
- 50 Dio Cassius, *Roman History* Vol.V XLVIII, 39.3–4.
- 51 См.: A. Cunther, *Betrage zur Geschichte der Kriege Zwischen Romern und Parthien* [Краткая история войн между римлянами и парфянами] (Berlin, 1922).
- 52 Dio Cassius, *Roman History* Vol.V XLVIII, 41.
- 53 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 58.

Глава 9. Парфия: от Марка Антония до нашествия алан

- 1 Justinus, *Philippic History of Pompeius Trogus*, 41, 2.
- 2 Bivar, «The political history of Iran Under the Arsacids», p. 63.
- 3 V Minorsky, «Roman and Byzantine campaigns in Atropatene», *Bulletin of the School of Oriental and African Studies* (1944, Vol. 11), pp. 258–261.
- 4 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 60.
- 5 Dio Cassius *Roman History* Vol.V, XLIX, 27.
- 6 Colledge, *The Parthians*, p. 45, places Parthian losses at 35,000.
- 7 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 60.
- 8 Dio Cassius, *Roman History* Vol. VI, LI, 16.
- 9 Там же, Vol. VI, LI, 18.
- 10 Josephus (trans. H. St. Thackeray et al), *Jewish Antiquities*, 9 volumes (V–XIII) (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1930–65) Vol.XII, XVIII, 40.
- 11 Там же, Vol XII, XVIII, 42–43.
- 12 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», pp. 68–69.
- 13 Joesphus, *Jewish Antiquities*, Vol.XII, XVIII, 9.
- 14 A. Maricq, «Vologesias, l'emporium de Ctesiphon», [Vologases, Emperor of Ctesiphon] *Syria* (1959, Vol. 36), pp. 264–276, p. 271.
- 15 Tacitus, *Annals*, XIII, 7, 37
- 16 Там же, XV 2.
- 17 Colledge, *The Parthians*, p. 51.
- 18 Dio Cassius, *Roman History*, Vol.VIII, LXII; Tacitus, *Annals*, XVI, 23.
- 19 For a full account of these wars and subsequent events consult W. Schur, «Die Orientpolitik des Kaisers Nero», *Klio* (1923, Vol. 15), pp. 29–32.
- 20 al-Khalil, *Republic of Fear* p. 180.
- 21 F. Halliday, «Arabs and Persians», *Cahiers d'etudes sur la Mediterranee Orientate et le monde Turco-Iranien* (July-Dec 1996, No.22), p. 4.
- 22 R. J. Wenke, «Imperial investments and agricultural developments in Parthian and Sasanian Khuzestan 150 B.C. to A.D. 640», *Mesopotamia* (1975–76, Vol. 10–11), pp. 31–221.
- 23 Movses Khorenat'si (trans. R. W Thomson), *History of the Armenians* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980) II 50, 85.
- 24 Movses Khorenat'si, *History of the Armenians*, II 50, 85.
- 25 K. H. Ziegler, *Die Beziehungen Zwischen Rom und dem Partherreich* [The Relationship between Rome and the Parthian Empire] (Wiesbaden: Steiner, 1964), p. 16.
- 26 Tacitus, *Annals*, VI, 35.
- 27 Brzezinski & Mielczarek, *The Sarmatians*, p. 46.
- 28 Wilcox, *Rome's Enemies (3)*, p. 43.
- 29 T. Atabaki, *Azerbaijan: Ethnicity and the Struggle for Power in Iran* (London: I. B. Tauris, 2000), pp. 9–10.
- 30 H. Nickel et al., *The Art of Chivalry: European Arms and Armor from the Metropolitan Museum* (New York: American Federation of Arts, 1982), p. 13.
- 31 Sulimirski, *The Sarmatians*.
- 32 Brzezinski & Mielczarek, *The Sarmatians*, p. 35.
- 33 Там же, p. 41.
- 34 Там же, p. 41.
- 35 C. S. Littleton & I. A. Malcor, *From Scythia to Camelot* (New York & London: Garland Publishing Inc, 2000).
- 36 C. S. Littleton, «Yamato-Takeru: An 'Arthurian' Hero in Japanese Tradition», *Asian Folklore Studies* (1995, Vol. 54/2), pp. 259–274.

Глава 10. Император Траян стремится разрушить Парфию

- 1 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 219.
- 2 J. Wolski, «L'aristocratie Parthe et les commencements du feodalisme en Iran [Парфянская аристократия и начало феодализма в Иране]», *Iranica Antiqua* (1967 vol.7), pp. 133–144.

- 3 E. W. West (trans.) *Sacred Books of the East*, volume 5 (Oxford: Oxford University Press, 1897), Denkart, Book 8, Chapter 26.
- 4 Colledge, *The Parthians*, pp. 61–62, 64–66.
- 5 J. F. Haskins, «Northern Origins of 'Sasanian' Metalwork», *Artibus Asiae*, (1952, Vol. 15/3), pp. 241–267 for a full discussion of Parthian political designations.
- 6 Там же.
- 7 J. Guey, *Essai sur la Guerre Parthique de Trajan (114–117)* [A Survey of the Parthian Campaign of Trajan 114–117] (Bucharest: Imprimerie Nationale, 1937).
- 8 E. J. Keall, «Osroes: Rebel King or Royal Delegate», *Cornucopiae* (1975, Vol. 3/2), pp. 17–32) provides an excellent analysis of these events.
- 9 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 242.
- 10 E. J. Keall, «The Parthians (247 BC–226 AD)», in Cotterell, *The Penguin Encyclopedia of Classical Civilizations*, pp. 163–175; p. 170.
- 11 F. A. Lepper, *Trajan's Parthian War* (London: Oxford University Press, 1948), pp. 158–163.
- 12 Keall, «The Parthians (247 BC–226 AD)», p. 170.
- 13 Cassius Dio, *Roman History*, Vol. VIII, LXVIII, 30.
- 14 Там же
- 15 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 88.
- 16 Lepper, *Trajan's Parthian War*, pp. 100–101.
- 17 Ibid, p. 117
- 18 Rawlinson, *Parthia*, p. 309.
- 19 A. Maricq, «La province d'Assyrie cree par Trajan» [Провинция Ассирия, созданная Траяном] *Syria* (1959, Vol. 36), pp. 254–263; p. 257
- 20 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 153.
- 21 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 47–50.
- 22 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 90.
- 23 Colledge, *The Parthians*, pp. 54–55.
- 24 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 91.
- 25 Colledge, *The Parthians*, p. 55.
- 26 Лучший, возможно, анализ реорганизации, предпринятой Траяном, приводится в кн.: Maricq, «La province d'Assyrie cree par Trajan», p. 257
- 27 Keall, «The Parthians (247 BC–226 AD)», p. 170.
- 19 M. Mielczarek, *Cataphracti and Clibanarii: Studies on the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World*, (Lodz, Poland: Oficyna Naukowa, 1993), p. 87 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 46.
- 20 F. E. Brown, *Arms and Armour: Excavations at Dura-Europos* (New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1936), p. 446; Wilcox, *Rome's Enemies* (3), p. 7
- 21 Hicks, *The Persians*, p. 147; см. также: M. H. Gates, «Dura-Europos: A Fortress of Syro-Mesopotamian Art», *Biblical Archaeologist* (1984, Vol. 47/3), pp. 166–181.
- 22 R. Boss, *Justinian's Wars: Belisarius, Narses and the Reconquest of the West* (Stockport: Montvert Publications, 1993), p. 56.
- 23 Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians*, p. 222.
- 24 B. Burris-Davis, «Parthian horses Parthian archers», http://www.parthia.com/parthia_horses_burris.htm
- 25 Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians*, pp. 15–23.
- 26 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 246.
- 27 Consult Musees Royaux d'art et d'histoire, *Splendeurs des Sassanides: L'empire Perse entre Rome et la Chine* [Величие Сасанидов: Империя между Римом и Китаем]. (Brussels: Musees Royaux d'art et d'histoire, 1993).
- 28 Brzezinski & Mielczarek, *The Sarmatians*, p. 38; D. Peterson, *The Roman Legions recreated in Colour Photographs* (London: Windrow & Greene, 1992), p. 57; also J. Coulston, «The Draco standard», *Journal of Roman Military Equipment Studies*, (1991, Vol. 2), pp. 101–114.
- 29 J. R. Hinnells, *Persian Mythology* (London: Hamlyn, 1985), p. 10.
- 30 Coulston, «The Draco standard».
- 31 Brzezinski & Mielczarek, *The Sarmatians*, p. 39.
- 32 Littleton & Malcor, *From Scythia to Camelot*, p. 196.
- 33 Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians*, p. 75.
- 34 Там же, pp. 70–75.
- 35 Colledge, *The Parthians*, pp. 143–144.
- 36 Там же, pp. 137–142.
- 37 M. Avi-Yonah, *Oriental Art in Roman Palestine* (Rome, 1961), pp. 76–79.
- 38 Colledge, *The Parthians*, p. 135, fig. 135.
- 39 Keall, «The Parthians (247 BC–226 AD)», p. 175.
- 40 E. J. Keall, «Parthian Architecture», http://www.cais-soas.com/CAIS/Architecture/parthian_architecture.htm, в также глава о парфянской архитектуре в кн.: G. Herrmann, *The Iranian Revival* (Oxford: Elsevier-Phaidon, 1977).
- 41 Quote in Keall, «The Parthians (247 BC–226 AD)», p. 175.
- 42 Г. А. Кошеленко «Парфянская фортификация», *Советская археология* (1963, Т. 2), СС. 69–71.
- 43 Keall, «The Parthians (247 BC–226 AD)», p. 175.
- 44 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 149.
- 45 Там же, p. 150.
- 46 Там же, p. 149.
- 47 Ghirshman, *The Art of Ancient Iran* (Vol. 1) (New York: Golden Press, 1964), p. 35.
- 48 Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians*, p. 35; Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 149.
- 49 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 149.
- 50 Там же, p. 150.
- 51 Ghirshman, *The Art of Ancient Iran* (Vol. 1), pp. 34–35.
- 52 Pliny, *Natural History*, Vol. IX, XXXIV 41, 145.
- 53 Report at <http://www.cais-soas.com/CAIS/Science/battery.htm>.

Глава 11 Закат и падение Парфии

- 1 M. L. Chaumont, *Recherches sur l'histoire d'Armenie* [Research on the history of Armenia] (Paris: P. Geuthner, 1969), p. 15.
- 2 D. Magie (trans.), *Scriptores Historiae Augustae* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1921–32), Vol. I Hadrian, 21, 14.
- 3 Aurelius Victor (trans. H. W. Bird), *De Caesaribus* (Liverpool: Liverpool University Press, 1994), Epitome, 15. 4.
- 4 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 243; Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 93.
- 5 Там же.
- 6 Dio Cassius, *Roman History* Vol. IX, LXXV 1.
- 7 Colledge, *The Parthians*, p. 168.
- 8 Bivar, «The political history of Iran under the Arsacids», p. 94.
- 9 Herodian, *History of the Empire*, Vol. I, 4, 28, 30.
- 10 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 149.
- 11 Herodian, *History of the Empire*, Vol. I, 4, 28, 30.
- 12 Colledge, *The Parthians*, p. 171.
- 13 Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians*, pp. 119–124.
- 14 B. Simonetta, «A note on Vologases V, Artabanus V and Artavasdes», *Numismatic Chronicle* (1956, Vol. 6/16), pp. 77–82., p. 81.
- 15 Portraits of Palmyran and Hatran nobles in Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians*, pp. 75, 77–79, 86, 89, 91, 94, 97, 99.
- 16 Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians*, pp. 80–82.
- 17 См.: Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians*, pp. 80–82 compared to photo on p. 169; A. Singer & L. Woodhead, *Disappearing World*, (London: Boxtree Limited, 1988).
- 18 E. H. Peck, «The Representation of Costumes in the Reliefs of Taq-i-Bustan» *W*us/\s/ae* (1969, Vol. 312/3), pp. 101–146; pp. 105–107

Глава 12. Возвышение династии Сасанидов

- 1 *Shapur Kaba Zartusht* (SKZ), Greek line 1, in translation in Frye, *The History of Ancient Iran*, App. 4.
- 2 D. D. Peshotan Sanjana (trans.), *The Karnamak i Ardashir i Babakan* (Bombay: Education Society, 1896) (I, 7).
- 3 A. h. Zarrin'kub, *Ruzgaran: tarikh-i Iran az aghz ta saqut saltnat Pahlvi* (Tehran: Sukhan, 2002), p. 185.
- 4 Исламские историки, такие как Аль-Табари, отмечают, что Ардаван отзывался об Ардашире как о «курде, рожденном в курдской палатке и воспитанном с курдами».

- 5 M. H. Dodgeon & S. N. C. Lieu, *The Roman Eastern Frontier and the Persian Wars (AD 226–363)* (London & New York: Routledge, 1991), pp. 35–36.
- 6 Zarrin'kub, *Ruzgaran: tarikh-i Iran*, p. 183.
- 7 R. N. Frye, «The political history of Iran under the Sassanians». Yarshater, *The Cambridge History of Iran: Vol. 3(1)*, pp. 116–117
- 8 Zarrin'kub, *Ruzgaran: tarikh-i Iran*, p. 184.
- 9 Там же. Братья замыслили убить Ардашира. Однако заговор был раскрыт, и они были казнены.
- 10 Zarrin'kub, *Ruzgaran: tarikh-i Iran*, p. 185.
- 11 E. Sachau, *Die Chronik von Arbela, Akhandlungen der Akaddien der Wissenshaft* (1915), pp. 56, 60.
- 12 Dio Cassius, *Roman History* Vol. IX, LXXX, 3, 1–2.
- 13 Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 350.
- 14 A. J. Bryant, *The Samurai* (London: Osprey Publishing, 1989), p. 13.
- 15 Wiesehofer, *Ancient Persia*, pp. 198–199.
- 16 Boss, *Justinian's Wars*, p. 63.
- 17 Brzezinski & Mielczarek, *The Sarmatians*, pp. 9–14.
- 18 Procopius (trans. H. B. Dewing), *History of the Wars*, Vol. 1, Books 1 & 2 (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1916) I XIII, 29.
- 19 Procopius, *History of the Wars*, I XIII, 36.
- 20 Procopius, *History of the Wars*, XXXI, 11–16.
- 21 Farrokh, *Elite Sassanian Cavalry*, pp. 15, 46, PLA.
- 22 Farrokh, *Elite Sassanian Cavalry*, p. 17; см. также: J. W. Allen, «Armour», *Encyclopedia Iranica*, pp. 483–489; p. 485.
- 23 M. I. Rostovtzeff, A. R. Bellinger & C. B. Welles, *The Excavations at Dura-Europos: Preliminary Report of the Ninth Season at Work, III* (New Haven, Connecticut: Yale University Press, 1952), fig. C.
- 24 K. Masia, «The evolution of swords and daggers in the Sassanian Empire». *Iranica Antiqua* (2000, Vol. XXXV), pp. 185–288; pp. 223–226.
- 25 Sanjana, *The Karnamak i Ardashir*, V 1–3, 10.
- 26 Dio Cassius, *Roman History*, Vol. IX, LXXX, 3.2.
- 27 Там же, LXXX, 3.3.
- 28 Там же, LXXX, 43.
- 29 Там же, LXXX, 4.1–2.
- 30 Zonaras (trans. M. Pinder), *Annates Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae* (Bonn: Weber Publishers, 1844), XII, 15.
- 31 Herodian, *History of the Empire*, Vol. 11, VI, 2.3–4.
- 32 Zonaras, *Annates*, XII, 15.
- 33 Herodian, *History of the Empire*, Vol. 11, VI, 3.1–4.
- 34 Там же, VI, 4.
- 35 Zonaras, *Annales*, XII, 15.
- 36 Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 352, footnote 12.
- 37 Herodian, *History of the Empire*, Vol. 11, VI, 4, 7
- 38 The full account of these campaigns are provided by Herodian, *History of the Empire*, Vol. 11, VI 5.1–6, 6.
- 39 Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 352.
- 40 Там же.
- 41 W. Adler & P. Tuffin (trans.), *The Chronography of George Synkellos: A Byzantine Chronicle of Universal History from the Creation* (Oxford: Oxford University Press, 2002), p. 427, 15–25.
- 42 Herodian, *History of the Empire*, Vol. II, VI, 5.1–6, 6.
- 43 Там же.
- 44 Там же, Vol. 11, VI, 4.7
- 45 Там же, Vol. 11, VI, 5.5–10.
- 46 Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 31.
- 47 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 43.
- 48 Cedrenus, I, p. 450, 3–7 цит. по: Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 28.
- 49 R. Cowan, *Imperial Roman Legionary AD 161–284* (Oxford: Osprey Publishing, 2003), pp. 45–46.
- 50 Zarrin'kub, *Ruzgaran: tarikh-i Iran*, p. 188.
- 51 Там же, p. 193.
- 52 Cowan, *Imperial Roman Legionary AD 161–284*, Pl. G, p. 63.
- 53 Ammianus Marcellinus (trans. W. Hamilton), *The Later Roman Empire: AD 354–378* (London: Penguin, 1986), XXIII, 5, 17; Festus, *Breviarium*, 22, p. 64 (2–7) цит. по: Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 36, 42–43; Jordanes, *Historia Romana*, 282, p. 36 (27–31).
- 54 Oracula Sibyllina, XIII, 13–20, в переводе в кн. Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, Zosimus, (trans. F. Paschoud), *Histoire Nouvelle*, 2 volumes (Paris: Les Belles Lettres, 1971) III, 32.4.
- 55 Cedrenus, I, pp. 450–451, I, 11–12, цит. по: Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*.
- 56 Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 35.
- 57 SKZ цит. по: Frye, *The History of Ancient Iran*, App. 4.
- 58 Там же.
- 59 Цит. по: Frye, *The History of Ancient Iran*, App. 4.
- 60 Zosimus, *Histoire Nouvelle*, III, 32(4).
- 61 Zonaras, *Annales*, XII, 19, p. 583, 1–5.
- 62 Там же, XII, 19; p. 583, 5–9.
- 63 Цит. по: Frye, *The History of Ancient Iran*, App. 4.
- 64 Oracula Sibyllina XIII, 89–102, цит. по: Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, pp. 51–52.
- 65 Zosimus, *Histoire Nouvelle*, I, 27.2.
- 66 Festus, *Breviarium*, 23, pp. 64, 8–13.
- 67 Цит. по: Frye, *The History of Ancient Iran*, App. 4.
- 68 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 45.
- 69 SKZ, Greek lines 19–37, in translation in Frye, *The History of Ancient Iran*, App. 4.
- 70 Ferrill, *The Fall of the Roman Empire*, p. 38.
- 71 Petrus Fratricus, 10, p. 187, цит. по: Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier* pp. 68–69.
- 72 *Scriptores Historiae Augustae*, The Two Gallieni, 10, 7–8.
- 73 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 46–47.
- 74 Там же, p. 28.
- 75 Там же, pp. 46–47.
- 76 Brzezinski & Mielczarek, *The Sarmatians*, pp. 40, 47, Pl. H.
- 77 Arrian, *Tactica* 4; более подробно о том, как римляне перенимали аланскую кавалерийскую тактику, см. P. A. Stadter, «The ARS Tactica of Arrian: Tradition and Originality», *Classical Philology* (1978, Vol. 73/2), pp. 117–128.
- 78 Herrmann, *The Iranian Revival*, p. 136.
- 79 Marco Polo (tr. R. Latham), *The Travels* (Penguin Classics) p. 58. John Mandeville (tr. C. W. R. D. Moseley) *The Travels of Sir John Mandeville* (Penguin Classics, 1984), Ch XVI, p. 74.
- 80 Matthew 2: 1–2.
- 81 См. перевод Арабского евангелия о детстве Иисуса в кн., Robert, *Journey of the Magi*, p. 53.
- 82 Цит. по: Roberts, *Journey of the Magi*, p. 151, in reference to a lecture by Professor Evans-Wentz.
- 83 Иоанн, 1:4–5.
- 84 E. Renan, *Marc-Aurele et la Fin de la Monde Antique* [Марк Аврелий и конец классического мира] (Paris: Calmann-Lévy, 1923), p. 279. О дискуссии о митраизме и христианстве см.: Hinnells, *Persian Mythology*, pp. 74–91 and I. J. S. Taraporewala, *The religion of Zoroaster* (Tehran: Sazman e Faravahar, 1980), pp. 150–159.
- 85 A. Cotterell, *Classical Civilizations* (London: Pimlico, 1998), p. 242.
- 86 C. Widengren, «Manichaeism and its Iranian background», E. Yarshater (ed.), *The Cambridge History of Iran: Vol. 3(2) The Seleucid, Parthian and Sassanian Periods* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983), pp. 965–990.
- 87 Widengren, «Manichaeism and its Iranian background», p. 965.
- 88 См. K. Rundolph Justi, «Die Bedeutung des Kölner Mani-Codex für die Manichaismusforschung», in P. Levy and E. Wolff (eds.), *Melanges d'Histoires des Religions offerts a Henri-Charles Puech* (Paris, 1974), p. 474, n.2. Ibn al-Nadeem (ed. & trans. B. Dodge), *The Fihrist* (Kazi Publications, 1998), pp. 327–328.
- 89 См.: F. Justi, *Iranisches Nomenbuch* (Marburg, 1895), p. 154.
- 90 Подобно Зороастру, Мани проповедовал, что и космическая вселенная, и человек являются полем вечной битвы добра против зла.

- 91 Cotterell, *Classical Civilizations*, p. 243.
 92 A. Fitzgerald (ed.), *Augustine through the Ages: An Encyclopedia* (Grand Rapids: William B. Eerdmans Publishing Company), p. 521.
 93 Ibn al-Nadeem, *Al-Fihrist*, p. 328, II, 26ff.
 94 Widengren, «Manichaeism and its Iranian background», p. 969
 95 Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier* p. 65; см. также: A. Lycopolitanus, *Contra Manichaei Opiniones Disputatio* (Leipzig: A. Brinkmann, 1895), pp. 4. 19–22.
 96 Zarrin'kub, *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 197
 97 Там же.
 98 S. N. C. Lieu, *Manichaeism in Central Asia and China* (Leiden: Brill, 1998), p. 82.
 99 Там же, p. 988.
 100 Cotterell, *Classical Civilizations*, p. 243.
 101 J. E. Bamberger (trans.), *The Pratikos* (Spencer, Mass.: Cistercian Publications, 1970).
 102 Widengren в кн. «Manichaeism and its Iranian background», p. 986 полагает, что этот указ вышел не ранее 297 года.
 103 Там же, pp. 986–987
 104 Св. Августин (383) имел контакты с манихейской общиной в Риме.
 105 Zarrin'kub, *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 199.
 106 Frye, «The political history of Iran under the Sassanians», pp. 118–119.
 107 H. W. Bird, «Diocletian and the deaths of Carus, Carinus and Numerian», *Latomus* (1976, Vol. 35), pp. 123–132; Eutropius, IX, 18.1, цит. по: Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 113.
 108 *Scriptores Historiae Augustae*, Carus, 8.
 109 Jerome, *Chronicum*, 284, pp. 224–225, 1. цит. по: Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier* p. 113.
 110 Zarrin'kub, *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 199.
 111 Theophanes (tr. C. Mango & R. Scott), *The Chronicles of Theophanes the Confessor* (Oxford: Oxford University Press, 1997), AM 5793, 9.1–15.
 112 Zonaras, *Annales*, XII, 31.
 113 Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 125.
 114 Festus, *Breviarum*, 25, p. 65, цит. по: Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, pp. 126–127
 115 Eutropius, IX, 24–25, цит. по: Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 127.

Глава 13 Шапур II новое возрождение Сасанидской Персии

- 1 Anklesaria, *Bundahishn*, XXXIII, 16.
 2 D. Whitehouse & A. Williamson, «Sasanian maritime trade», *Iran* (1973, Vol. 11), p. 32.
 3 Anklesaria, *Bundahishn*, XXXIII, 16.
 4 As cited in Zarrin'kub, *Ruzgaran: tarikh-i Iran az aghz ta saqut salnat Pahlvi*, p. 206.
 5 R. N. Frye, «The Sasanian System of Walls for Defense», in «M. Rosen-Ayalon (ed.) *Studies in Memory of Gaston Wiet* (Jerusalem, 1977), pp. 7–15; pp. 8–11.
 6 Frye, «The political history of Iran under the Sassanians», p. 138.
 7 Whittow, *The Making of Byzantium*, pp. 203–204.
 8 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 27–28, 47–50.
 9 Там же, pp. 27–28.
 10 Там же.
 11 Там же, p. 28, 53–54.
 12 Ammianus Marcellinus, *The Later Roman Empire*, XIX, 2.
 13 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 27–28, 48, Pl.D, 61.
 14 Procopius, *History of the Wars*, Vol. 1, II, 21.22–3.
 15 Theodoret, *Historia Religiosa* I, 11–12 цит. по: & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, p. 165.
 16 Julian, *Oriatones*, II, 62B–67A (III, 11–13.30, pp. 132–138, цит. по: Dodgeon & Lieu, *The Roman Eastern Frontier*, pp. 198–199.
 17 Ammianus Marcellinus, *The Later Roman Empire*, XVIII, 10.
 18 Там же, XIX, 1.

- 19 Там же.
 20 Heliodorus, *Aethiopica*, IX, 15, 3, перевод (фр.) в кн.: R. M. Rattenbury & T. W. Lumb (trans.) *Les Ethiopiques* (Paris: Les Belles Lettres, 1935–1943), iii, pp. 56–58; Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 28.
 21 S. Gregory, «Was there an Eastern origin for the design of Late Roman Fortifications», в кн. D. L. Kennedy (ed.), *The Roman Army in the East* (Ann Arbor, Mich.: Journal of Roman Archaeology, 1996), pp. 169–209.
 22 Ammianus Marcellinus, *The Later Roman Empire* XIX, 1.
 23 Там же, XIX, 2.
 24 Там же, XIX, 2.
 25 Там же, XIX, 5.
 26 Там же, XIX, 7
 27 Zarrin'kub, *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, pp. 208–209.
 28 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 47–50.
 29 Там же, p. 47
 30 Там же.
 31 Ferrill, *The Fall of the Roman Empire*, p. 53.
 32 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, Plate D, pp. 61–62.
 33 Там же, p. 49.

Глава 14. Бурный V век

- 1 Zarrin'kub, *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 210.
 2 Город Керманшах носит прозвище Бахрама IV и по сей день остается одним из главных городов Иранского Курдистана.
 3 Agathias (trans. J. D. Frendo), *The Histories* (Berlin: Walter De Gruyter Inc, 1975), IV 26.
 4 Zarrin'kub, *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 211.
 5 E. J. Keall, «The Sassanians (226–651 AD)», in Cotterell, *The Penguin Encyclopedia of Classical Civilizations*, pp. 177–192; p. 181.
 6 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sale Artesh-e Iran*, p. 172.
 7 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 319.
 8 Zarrin'kub, *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 215.
 9 Keall, «The Sassanians (226–651 AD)», p. 181.
 10 Frye, *The Heritage of Persia*, pp. 225–227
 11 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sale Artesh-e Iran*, p. 172.
 12 Akhbar al-Tawal, pp. 84–85 (primary Classical Arab manuscript consulted at the University of Tehran by the author in August 2001); Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sale Artesh-e Iran*, p. 172.
 13 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sale Artesh-e Iran*, p. 173.
 14 Akhbar al-Tawal, pp. 84–85; Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sale Artesh-e Iran*, p. 173.
 15 *Ayin-Nameh* (The Book of Regulations) II, 139, 12–143, 12.
 16 E. L. Daniel, *The History of Iran* (London: Greenwood Press, 2001), p. 631.
 17 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 352.
 18 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sale Artesh-e Iran*, p. 173.
 19 Akhbar al-Tawal, pp. 84–85; Zarrin'kub, *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 215.
 20 Frye, *The Golden Age of Persia*, p. 38.
 21 Data from the expedition provided to the author by Dr. Hossein Momeniazandaryani, of Hamedan University, on January 21, 2005.
 22 The Pahlavi (Middle Persian) works such as the *Khudai-Nameh*, *Ayin-Nameh*, and *Arteshtarestan*.
 23 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 41.
 24 To this day the actions of Vasag Suni are recalled with much disdain by Armenian sources.
 25 R. W. Thompson (trans.), *The History of Lazar Parpec'i* (Atlanta, Georgia: Scholar's Press, Suren D. Fesjian Academic Publications, 1991) pp. 63, 105.
 26 G. Greatrex & S. N. C. Lieu, *The Roman Eastern frontier and the Persians Wars: a narrative sourcebook, vol.2 (AD 363–630)* (London & New York: Routledge, 2002), p. 55.
 27 Zarrin'kub, *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 219.
 28 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sale Artesh-e Iran*, p. 184.

- 29 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 52–53.
 30 Frye. «The Political History of Iran under the Sassanians», p. 146.
 31 Zarrin'kub, *Ruzgaran.tarikh-i Iran*, p. 221.
 32 Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 60.
 33 Procopius, *History of the Wars*, 20–25, Akhbar al-Tawal, p. 29. This ruse is similar to that in the *Shahname* when the mythical hero Rustam fell into a trap laden with spikes and sharp objects.
 34 Zarrin'kub, *Ruzgaran.tarikh-i Iran*, p. 222; Akhbar al-Tawal, p. 29.
 35 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 184; Akhbar al-Tawal, p. 29; Procopius, *History of the Wars*, 20–25.
 36 Tabari al-usul Wal-Muluk (trans. J. A. Williams et al), *The History of al-Tabari*, 39 volumes (New York, Albany: State University of New York Press, 1985–1988) Vol. 2, pp. 631–634; Akhbar al-Tawal, p. 29; Procopius, *History of the Wars*, 20–25.
 37 Tabari. *The History of al-Tabari*, Vol. 2, pp. 631–634; also Tabari, *Iran during the Sassanians*, pp. 359–397; *History of Persia before Islam*, p. 464.
 38 Подробнее о дискуссии о разгроме асваранов в 484 году см. Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 52–53.

Глава 15. Эпоха Кавада

- 1 Farrokh, *Elite Sassanian Cavalry*, pp. 26, 53.
 2 Zarrin'kub, *Ruzgaran.tarikh-i Iran*, p. 223.
 3 G. Parker (ed.), *The Times Atlas of World History* (London: Hammond Incorporated, 3rd edition, 1993), pp. 105, 108.
 4 Zarrin'kub, *Ruzgaran.tarikh-i Iran*, p. 223.
 5 Полный обзор дискуссий о происхождении маздакизма см. в кн.: E. Yarshater, «Mazdakism», in Yarshater, *The Cambridge History of Iran: Vol. 3(2)*, pp. 991–1024.
 6 Yarshater, «Mazdakism», pp. 995–1006.
 7 Frye. «The political history of Iran under the Sassanians», p. 150.
 8 Yarshater, «Mazdakism», pp. 1006–1007.
 9 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 175.
 10 Frye. «The political history of Iran under the Sassanians», p. 150.
 11 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 244.
 12 Frye. *The History of Ancient Iran*, p. 173.
 13 Основной академический проект, разрабатывающий эту тему, – плодотворные записки G. Herrmann'a «Parthian and Sassanian saddlery: new light from the Roman West» L. de Meyer & E. Haerincq (eds.), *Archaeologia iranica et prientalis: miscellanea in honorem Louis vanden Berghe*, Vol. 2 (Leu'ven, Belgium: Peeters Presse, 1989), pp. 757–809. См. также: Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 18–19.
 14 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 178.
 15 G. Greatrex, *Rome and Persia at War 502–532 AD* (Leeds: Cairns, 1998), pp. 51–52.
 16 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 224.
 17 Там же, p. 176.
 18 Frye. «The political history of Iran under the Sassanians», p. 151.
 19 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 177.
 20 Frye. «The political history of Iran under the Sassanians», p. 151.
 21 Theophanes, *The Chronicles*, AM 5997 147.6–24.
 22 Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 68.
 23 Procopius, *History of the Wars*, I.8.11–19.
 24 Procopius, *History of the Wars*, II.13.8–15.
 25 Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 72.
 26 Zachariah, *Historia*, IX.2, 92.25–93.27; см. также: Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 41.
 27 Procopius, as cited by Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 178.
 28 Greatrex, *Rome and Persia at War* p. 189.
 29 Подробное описание сражения см в кн.: Greatrex, *Rome and Persia at War*, pp. 200–207. and Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 50–52.
 2 Z. Rubin, «The reforms of Khosrow Anushirwan», in A. Cameron (ed.), *The Byzantine and Early Islamic Near East* (Princeton, New Jersey: The Darwin Press, 1990), pp. 227–297.
 3 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 8.
 4 Там же, pp. 8, 14; Shapur Shahbazi, «Sassanian Army»: http://www.cais-soas.com/CAIS/Military/sasanian_army.htm.
 5 Tabari. *The History of al-Tabari*; Maurice, *Strategikon*, XI.1. 354–360.
 6 B. J. Overlaet, «Regalia of the ruling classes in late Sassanian times: the Riggisberg strap mountings, swords and archer's fingercaps».
 7 K. Ovtavsky (ed.), *Fruhmittelalterliche Kunst Zwischen Persien und China in der Abegg-Stiftung* (Riggisberg, Switzerland: Abegg-Stiftung, 1998), pp. 267–297 pp. 269, 275–277, 279–280, 291.
 8 Haerincq & Overlaet, *Luristan Excavation Documents*, p. 268.
 9 Там же.
 10 Greatrex & Lieu, *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, pp. 96–97.
 11 Tabari, *The History of al-Tabari*, I. 958.
 12 Procopius, *History of the Wars*, II. 5.7 28–33.
 13 Там же, II. 9.14–18.
 14 Там же, II. 11.1–38.
 15 Greatrex & Lieu, *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 106.
 16 Там же, p. 108.
 17 Procopius, *History of the Wars*, II. 18.1–26.
 18 Там же, II. 19.26–46.
 19 Там же, II. 20.17–19, 240.13–241.3.
 20 Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 110.
 21 Zacharia, 173.23–174.2. перевод в кн.: Greatrex & Lieu, *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 111.
 22 Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 113.
 23 Procopius, *History of the Wars*, II. 15.1–30.
 24 Там же, II. 17.1–28.
 25 Там же, VIII. 4.4–5.
 26 Там же, II, 19.47–9.
 27 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 26.
 28 E. Stein, *Histoire du bas-Empire*, volume 2 (Paris: Desclée de Brouwer, 1949), pp. 499–500.
 29 Procopius, *History of the Wars*, II. 25.1–35.
 30 Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 116.
 31 Там же.
 32 Procopius, *History of the Wars*, II. 30.15–22.
 33 Там же, VIII. 8.21–38.
 34 Там же, VIII. 14.1–44.
 35 Agathias, *The Histories*, II, 19.5–21.11.
 36 Greatrex & Lieu, *The Roman Eastern Frontier: sourcebook*, p. 131.
 37 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 20.
 38 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 181.
 39 Там же, p. 181.
 40 Там же.
 41 К этому времени турки-огузы совершали свой собственный поход в Центральную Азию. За ними в исламский период последовали другие огузы (Газневилы, Сельджуки, Тимуриды, etc.).
 42 A. Von Gabain, «Irano-Turkish relations in the late Sassanian period», in Yarshater, *The Cambridge History of Iran: Vol. 3(1)*, pp. 613–624; p. 616.
 43 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 28–29.
 44 Цит. по: *Tarikh-e-Chahar*, p. 181.
 45 Menander, Fragment 13.5, перевод см. в кн.: Greatrex & Lieu, *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 137.
 46 John of Ephesos, VI.2, 278–280.5 перевод см. в кн.: Greatrex & Lieu, *The Roman Eastern Frontier: sourcebook*, pp. 144–145.
 47 Zarrin'kub, *Ruzgaran.tarikh-i Iran*, p. 238.
 48 Там же, p. 239.
 49 M. W. Dols, «The Origins of the Islamic Hospital: Myth and Reality», *Bulletin of the History of Medicine* (1987, Vol. 61), pp. 367–390. Consult also A. J. Arberry (ed.), *Legacy of Persia* (Oxford: Clarendon Press, 1953), pp. 313–314.

Глава 16. Хосров I. Возрождение

- 1 S. G. W Benjamin. *Persia* (London, T. Fisher Unwin, 1888), p. 232.

- 50 C. Elgood. «Persian Science», in Arberry. *Legacy of Persia*, pp. 292–317.
 51 G. Van Beek. «Arches and vaults in the ancient Near East», *Scientific American* (July 1987), pp. 78–85: p. 84.
 52 Ghirshman. *Iran: Parthians and Sassanians*.
 53 Ghirshman. *The Art of Ancient Iran*, p. 35.
 54 Ghirshman. *Iran: Parthians and Sassanians*, p. 204.

Глава 17 Последний взлет славы и падение империи

- 1 Zarrin'kub. *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 240.
 2 Там же.
 3 Там же.
 4 См. также: definition in Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 8.
 5 Там же, p. 53.
 6 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 182.
 7 Там же, p. 182.
 8 Theophylact Simocatta, 18.10.
 9 Sh. Shahbazi. «Bahram VI Chobin», in Yarshater, *Encyclopedia Iranica* Vol. 2, pp. 519–522: p. 520.
 10 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 182.
 11 Там же, p. 183.
 12 Там же, p. 183.
 13 K. Czegledy. «Bahram Chobin and the Persian apocalyptic literature», *Acta Orientalia* (1958, Vol. 8), pp. 21–43: p. 22.
 14 E. Chavannes. *Documents sur les Tou-Kiue*, p. 149..
 15 Czegledy. «Bahram Chobin», p. 23.
 16 Theophylact Simocatta, pp. 77–80.
 17 Zarrin'kub. *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 242
 18 J. Harmatta & B. A. Litvinsky, «Tokharistan and Gandhara under western Turk rule (650–750)», in B. A. Litvinsky (ed.), *History of Civilizations of Central Asia, Vol. 111: The Crossroads of Civilizations: AD250 to 750* (Delhi: Motilal Banarsidass, 1999), pp. 367–401: pp. 368–369.
 19 Shahbazi. «Bahram VI Chobin», p. 521.
 20 Р. Гусейнов. *Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане* (Баку, 1960), с.35.
 21 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 183.
 22 Benjamin. *Persia*, p. 244.
 23 Shahbazi. «Bahram VI Chobin», p. 521; Gumilev. «Bahram Chubin», pp. 228–241.
 24 E. G. Browne (trans.) & R. A. Nicholson. *The Tarikh-I Guzida or Select History of Hamdallah Mustawfi-I Qazwini*, compiled in AH 730 (AD 1453), vol. 1, Text, E. J. W. Gibb Memorial series, Vol. XIV (Leiden/London, 1910), p. 121.
 25 M. Usanova. «Ismoil Somonij Waqfnomasii» *Sharqshunoslik* (1995, Vol. 6), pp. 24–31: p. 29.
 26 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 184.
 27 Там же, p. 184.
 28 Там же.
 29 Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 184.
 30 Theophanes. *The Chronicles*, AM6096, 292.6–25.
 31 Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 183.
 32 R. VV. Thompson (trans.). *The Armenian History Attributed to Sebeos* (Liverpool, England: Liverpool University Press, 1999), 107, 8.59.
 33 Там же, 108, 9.59–60.
 34 См. описание Англона в кн.. Farrokh. *Sassanian Elite Cavalry*, p. 26.
 35 Thompson. *The Armenian History Attributed to Sebeos*, 109–110, 60–62.
 36 Там же, 111, 64.
 37 Theophanes. *The Chronicles*, AM 6102, 609–610.
 38 Farrokh. *Sassanian Elite Cavalry*, p. 54.
 39 Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 190.
 40 Thompson, *The Armenian History Attributed to Sebeos*, 115–116, 69.
 41 Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 194.
 42 Там же, p. 197

- 43 Там же, p. 196.
 44 S. A. Metzger. «Tragic Byzantine Commander», *The Quarterly Journal of Military History* (2002, Vol. 15), pp. 42–48: p. 44: J. Howard-Johnson, «The official history of Heraclius' Persian campaigns», in E. Dabrowa (ed.), *The Roman and Byzantine Army in the Near East* (Krakow, 1994), p. 58.
 45 Frye, *The History of Ancient Iran*, p. 337.
 46 Farrokh. *Sassanian Elite Cavalry*, p. 53.
 47 Thompson. *The Armenian History Attributed to Sebeos*, Ch.28.
 48 Metzger. «Tragic Byzantine Commander», p. 44; also Farrokh. *Elite Sassanian Cavalry*, p. 42.
 49 Theophanes, *The Chronicles*, AM 6113, 304.13–18.
 50 Movses Khorenat'si. *History of the Armenians*, 11.10, 132.21–133.11.
 51 Farrokh. *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 55–56.
 52 Theophanes, *The Chronicles*, AM 6115, 308.27–312.8.
 53 Thompson. *The Armenian History Attributed to Sebeos*, 125–126, 81–83.
 54 Theophanes, *The Chronicles*, AM 6117, 315.2–26.
 55 Benjamin. *Persia*, p. 264. См. также: Theophanes, *The Chronicles*, AM 6117, 315.2–26.
 56 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, pp. 55–56.
 57 Theophanes, *The Chronicles*, AM 6118, 323.22–324.16.
 58 Там же.
 59 Movses Khorenat'si. *History of the Armenians*, 11.11, 135.5–140.14.
 60 Там же.
 61 Theophanes, *The Chronicles*, AM 6118, 317.11–26.
 62 Там же, AM 6118, 317.32–323.22, 324.16–325.10.
 63 Wilcox. *Rome's Enemies* (3), p. 42.
 64 Theophanes, *The Chronicles*, AM 6118, 317.32–323.22, 324.16–325.10.
 65 Там же
 66 Benjamin. *Persia*, p. 262.
 67 Theophanes, *The Chronicles*, AM 6118, 325.10.
 68 Zarrin'kub. *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 250.
 69 Movses Khorenat'si, *History of the Armenians*, 11.12–13, 145.
 70 Farrokh, *Sassanian Elite Cavalry*, p. 56.
 71 Ghirshman, *Iran: Parthians and Sassanians*, p. 226.
 72 D. Nicolle. *Armies of the Muslim Conquest* (London: Osprey Publishing, 1993), pp. 41–46, pl.F. H.

Глава 18. Падение Сасанидов и исламские завоевания

- 1 Zarrin'kub. *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 251.
 2 Там же, p. 252.
 3 Tabari. *The History of al-Tabari*, I, 1062; Greatrex & Lieu. *The Roman Eastern Frontier Vol. 2*, p. 227.
 4 Zarrin'kub. *Ruzgaran:tarikh-i Iran*, p. 253.
 5 Розбех мог являться потомком последователей Mazdaка.
 6 Хадисы – собрания высказываний Пророка.
 7 Теперь расположен в современном Афганистане.
 8 Цит. по: Keall, «The Sassanians (226–651 AD)», p. 183.
 9 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 187.
 10 Farrokh. *Sassanian Elite Cavalry*, p. 43.
 11 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 187.
 12 Там же, p. 187
 13 Daniel. *The History of Iran*, p. 66.
 14 F. M. Donner. *The Early Islamic Conquests* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1981), p. 192.
 15 Daniel. *The History of Iran*, p. 66.
 16 Donner. *The Early Islamic Conquests*, p. 204.
 17 Daniel. *The History of Iran*, p. 66.
 18 Masoudi in Motofi. *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Anesh-e Iran*, p. 188.
 19 Benjamin. *Persia*, p. 275.
 20 Там же, p. 276.
 21 Motofi, *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 188.

- 22 Farrokh. *Sassanian Elite Cavalry*, p. 57; Nicolle. *Armies of the Muslim Conquest*, p. 14.
- 23 Там же.
- 24 Motofi. *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 189.
- 25 Там же, p. 189.
- 26 Daniel. *The History of Iran*, p. 66.
- 27 Motofi. *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Anesh-e Iran*, p. 189, 4k. п.57
- 28 Donner. *The Early Islamic Conquests*, p. 209.
- 29 Benjamin. *Persia*, p. 278.
- 30 Tabari. *The History of al-Tabari*, XIII, 2247
- 31 Там же.
- 32 Newark. *The Barbarians*, p. 91; Tabari. *The History of al-Tabari*, XIII, 2452, 2454.
- 33 Benjamin. *Persia*, p. 278.
- 34 Arab sources cite Yazdegird fielding 120.000 men at Jalula.
- 35 Motofi. *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 190.
- 36 Tabari. *The History of al-Tabari*, XIII, 2459–2460.
- 37 Там же, XIII, 2460.
- 38 Там же, XIII, 2464.
- 39 Motofi. *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 189.
- 40 Tabari. *The History of al-Tabari*, XIII, 2473.
- 41 Motofi. *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 190.
- 42 Donner. *The Early Islamic Conquests*, p. 215.
- 43 Tabari. *The History of al-Tabari*, XIII, 2534–2545.
- 44 Там же, XIII, 2546.
- 45 Там же, XIII, 2546–2547
- 46 Там же, XIII, 2549–2561. Donner. *The Early Islamic Conquests*, pp. 215–216.
- 47 Motofi. *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 191.
- 48 Tabari. *The History of al-Tabari*, XIII, 2601.
- 49 Motofi. *Tarikh-e-Chahar Hezar Sal-e Artesh-e Iran*, p. 191.
- 50 Там же.
- 51 Там же.
- 52 Tabari. *The History of al-Tabari*, XIII, 2598.
- 53 Frye. *The Golden Age of Persia*, p. 60.
- 54 Frank Wong. «Pirooz in China: The Sassanian army takes refuge». <http://www.cais-soas.com/CAIS/History/Post-Sasanian/pirooz.htm>.
- 55 Haerinck & Overlaet. *Luristan Excavation Documents*, p. 268.
- 56 Farrokh. *Sassanian Elite Cavalry*, p. 57.
- 57 M. Mazzaoui. *The Origins of the Safavids: Shi'ism, Sufism, and the Gulat* (Weishaden: F. Steiner, 1972).
- 58 Yarshater. «Mazdakism», p. 1005.
- 59 Whittow. *The Making of Byzantium*, pp. 203, 215.
- 60 Там же, p. 195.
- 61 Yarshater. «Mazdakism», p. 1005
- 11 O. Grabar. «Cities and citizens: The growth and culture of urban Islam», in Lewis. *The World of Islam*, pp. 89–116: p. 97
- 12 Elgood. «Persian Science», p. 296.
- 13 C. Sarton. *Introduction to the History of Science* (Baltimore: Carnegie Institution of Washington, 1927).
- 14 Цитата из Abdol-azim Shah-Karami, опубликована в отчете Iranian Cultural Heritage Agency, December 29, 2004.
- 15 Отчет о раскопках профессора Мансура Сайяди в издании the Iranian Central Heritage Agency on January 31, 2005.
- 16 Об этом открытии сообщила иранская газета *Vaztab* от 17 февраля, 1383 (2004).
- 17 P James & N. Thorpe. *Ancient Inventions* (New York: Balantine Books, 1994), pp. 392, 394.
- 18 Там же, p. 394.
- 19 Elgood. «Persian science», p. 310.
- 20 Al-Qifti as cited in Elgood. «Persian Science», pp. 311.
- 21 Elgood. «Persian science», p. 311.
- 22 Там же.
- 23 См., Elgood. «Persian science», p. 312.
- 24 Ibn al-Ukhuwwa's «Ma'alim al-Qurba» и Ibn al-Hajj's «Al-Madkhal».
- 25 Baha' al-Daula as cited in Elgood. «Persian Science», p. 311.
- 26 Ghirshman. *Iran: Parthians and Sassanians*, p. 222.
- 27 R. Ghirshman, V Minorovsky & R. Sanghvi. *Persia the Immortal Kingdom* (London: Orient Commerce establishment Clifford House, 1971), p. 92.
- 28 The State Hermitage Museum, St. Petersburg, S.18.
- 29 The Tang Shu records of the court of Ming Huang.
- 30 V Sackville-West. «Persian carpets». in Arberry, *The Legacy of Persia*, pp. 259–291: p. 269.
- 31 Hayashi, *The Silk Road*: pp. 85, 88, 96–8, 129.
- 32 Ghirshman. *Iran: Parthians and Sassanians*, p. 332.
- 33 The State Hermitage Museum, St. Petersburg, Inv.S-253.
- 34 A. Shiloah. «The dimension of sound: Islamic music-philosophy, theory and practice», in Lewis. *The World of Islam*, pp. 161–180: pp. 166–167
- 35 Ghirshman. *Iran: Parthians and Sassanians*, p. 216.
- 36 H. Mashoun. *Tarikh e Mooseegheey e Iran* [История музыкального искусства Ирана] (Tehran: Farhang e Nashr e Now Publishers, 2001), pp. 43–53, 55–75.
- 37 Ibid, pp. 77–108, 109–137
- 38 S. S. Mahmood. «A word about ourselves», *Journal of Muslim Minority Affairs* (2002, Vol. 22/2), pp. 245–248.
- 39 Arberry. *The Legacy of Persia*, p. 25.
- 40 P Wheatley. *Impressions of the Malay Peninsula in Ancient Times* (Singapore: D. Moore for Eastern Universities Press, 1964, p. 47
- 41 O. W. Wolters. *The fall of Sriwijaya in Malay History* (London: Lund Humphries, 1970).
- 42 H. G. Quaritch Wales. *Angkor and Rome: A Historical Comparison* (London: Bernard Quaritch, 1965), p. 41.
- 43 Wheatley. *Impressions of the Malay Peninsula*, p. 34.
- 44 G. F. Hourani. *Arab seafaring in the Indian Ocean in ancient and early medieval times* (Princeton. New Jersey: Princeton University Press, 1995), pp. 46, 62–63, 144; A. Moorhead. *A history of Malaya and her neighbours* (London: Longmans, 1965).
- 45 Moorhead. *A history of Malaya*, p. 59.
- 46 Setudeh-Nejad in Mahmood. «A word about ourselves», pp. 245–248.
- 47 E. H. Schafer. *The Vermilion Bird: Tang Images of the South* (Berkeley & Los Angeles: University of California Press, 1967), p. 180. J. Buttinger. *The Smaller Dragon: a political history of Vietnam* (New York: Praeger, 1958), p. 244.
- 48 Анушираван было прозвищем Хосрова I. см., Schafer. *The Vermilion Bird*, pp. 270, 325.
- 49 Schafer. *The Vermilion Bird*, p. 11.
- 50 C. C. Brown (trans.). *Sejarah Melayu* [Malay Annals] (Kuala Lumpur: Oxford University Press, 1970), p. 5.

Глава 19 Наследие Персии после исламского нашествия

- 1 R. Hayashi. *The Silk Road and the Shoso-in* (New York & Tokyo: Weatherhill-Heibonsha, 1975), pp. 85, 97
- 2 M. Zakeri. *Sasanid soldiers in early Muslim society* (Wiesbaden: Harrassowitz, 1995), p. 291.
- 3 Frye. *The Golden Age of Persia*, pp. 150–185.
- 4 V. Enderlein. «Syria and Palestine: The Umayyad Caliphate», in M. Hattstein & P. Delius (ed.), *Islam Art and Architecture* (London: Konemann, 2001) pp. 58–87: p. 87
- 5 S. Blair & J. Bloom. «Iraq, Iran, and Egypt: The Abbasids», in M. Hattstein & P. Delius (ed.), *Islam Art and Architecture* (London: Konemann, 2001), pp. 88–127: pp. 106–107 124.
- 6 Ghirshman. *Iran: Parthians and Sassanians*, p. 228.
- 7 Blair & Bloom. «Iraq, Iran, and Egypt», p. 123.
- 8 B. Lewis (ed.). *The World of Islam* (London: Thames & Hudson, 1994), pp. 108–109.
- 9 R. Levy. «Persia and the Arabs», in Arberry. *The Legacy of Persia*, pp. 60–88: p. 74–75.
- 10 B. Lewis. «Land of the lion and the sun: The flowering of Iranian civilization», in Lewis. *The World of Islam*, pp. 245–272: p. 252.

- 51 R. C. Majumdar. *Champa: History and Culture of an Indian Colonial Kingdom in the Far East 2nd-16th century AD* (Delhi: Gian Publishing House, 1985).
- 52 Wolters. *The fall of Srivijaya*.
- 53 T. Srisuchat. «Early Chinese Middle Eastern Objects from Archaeological Sites in Thailand reflecting Cultural Exchange». (Paris, 1990).
- 54 B. S. Myers & T. Cupplestone (eds.). *Asian Art: An Illustrated History of Sculpture, Painting and Architecture* (London: Hamlyn, 1988), p. 138.
- 55 Hourani. *Arab Seafaring*, pp. 62–63.
- 56 Schafer. *The Vermilion Bird*, p. 28.
- 57 Ibid. and Hourani. *Arab Seafaring*, p. 62.
- 58 Ibn-Huqal, *Surat al-Ardh* (London, 1938) p. 44.
- 59 Maqdasī al-Beshari, *Ahsan at-Taqasim* (Tehran, 1982), p. 18.
- 60 Pirouz Mojtahed-Zadeh. *Security and Territoriality in the Persian Gulf* (London: Routledge-Curzon, 1999), pp. 65–66.
- 61 Там же.
- 62 Hourani. *Arab Seafaring*, pp. 65–66, 68, 80–84.
- 63 Tabari. *The History of al-Tabari*, pt. III, vol. III, p. 1835. См. также: L. Massignon. «Zandj», *Encyclopedia of Islam*; Hasa. *Persian Navigation*, p. 132; U. M. de Villard. «Note sulle influenze asiatiche nell' Africa Orientale». *Rivista degli Studi Orientali!* (July 1938, Vol.xvii), pp. 303–349.
- 64 Hourani. *Arab Seafaring*, p. 80.
- 65 Newark. *The Barbarians*, p. 87.
- 66 R. Levy. «Persia and the Arabs». Arberry. *Legacy of Persia*, pp. 60–88; p. 72.
- 67 K. Farrokh. «Book review of Shahrokh Meskoob: Iranian nationality and the Persian language», *International Journal of the Sociology of Language*, (2001, Vol. 148), pp. 117–124; p. 122.
- 68 H. F. Wustenfeld. *Das Heerwesen der Muhammedaner nach dem Arabischen; Der Arabischen Uebersetzung der Taktik des Aelianus*, Abhandlungen der Koniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Gottingen, B.26, (Gottingen, 1880). Hist.-phil. Classe. III-VII, 1–73, 1–32. On the Persian tradition see 24, 28, 30, 33; 4, 6; Cf. Renaud (trans.). *Al-Kotob Narghab En Nahtaahna Kitab Fihrist*, (Münster, 1840), sections 25 (pp. 6–10), 29 (pp. 11–12), and 34 (pp. 34–35); W Hamblin. «Sassanian Military Science and its Transmission to the Arabs». *BRISMES Proceedings of the 1986 International Conference on Middle Eastern Studies* (1986), pp. 99–106.
- 69 Ibn al-Nadeem. *Al-Fihrist*, II, pp. 737–738.
- 70 Maurice (trans. G. T. Dennis). *Strategikon* (Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1984), XI.1.
- 71 D. L. Kennedy. «Was there an Eastern Origin for the Design of Late Roman Fortifications?», in Kennedy. *The Roman Army in the East*, p. 67.
- 72 Cotterell. *The Chariot*, p. 24.
- 73 Benjamin. *Persia*, pp. 205, 206.
- 74 Ibn Khaldun (trans. F. Rosenthal). *Al-Muqaddimah* (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1967), III, pp. 311–15, 271–4 [in Arabic]; English translation, R. N. Frye. *The Golden Age of Persia*, p. 150.

СОДЕРЖАНИЕ

Александр Великий.....	5
Персы	247

Литературно-художественное издание

**Рут Шеппард
Каве Фаррох**

МАКЕДОНЦЫ ПРОТИВ ПЕРСОВ

Противостояние Востока и Запада

Ответственный редактор *А. Ефремов*
Художественный редактор *Г. Федотов*
Дизайн переплета *М. Горбатов*
Компьютерная верстка *С. Карпухин*

ООО «Издательство «Эксмо»
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru.

Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша
арыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-ақ, литер Б, офис 1
Тел.: 8 (727) 251 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 10.12.2013. Формат 84x108^{1/16}.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 61,32.

Тираж 1 000 экз. Заказ 4605

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822) 44-42-15.
Home page – www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) sales@tverpk.ru

ISBN 978-5-699-69413-6

9 785699 694136 >

«Чем больше ты имеешь, тем с большей жадностью стремишься к тому, чего у тебя нет», — эти слова Александра Македонского лучше всего характеризуют не только его самого, но и возглавляемое им греческое войско, жаждущее богатой добычи и мщения персам за разорение Греции в эпоху греко-персидских войн.

Перед вами описание походов македонской армии, история ее создания, истоки ее несокрушимой мощи, сделавшей возможными потрясающие победы, навсегда вошедшие в историю.

Масса цветных иллюстраций во всех деталях воспроизводит внешний облик воинов армии Александра Македонского и войск его врагов. Тут и знаменитая «македонская фаланга», страшная для врага лесом смертоносных длинных копий «сарисс», о которые разбились все атаки персидских всадников и серпоносных колесниц царя Дария и индийских слонов раджи Пора; тут и отборные македонские всадники «гетайры», а также «бессмертные», гвардия персидских царей, и парфянские конные лучники, и закованные в латы с головы до ног тяжелооруженные всадники «катафракты», сумевшие нанести сокрушительное поражение римским легионам под командованием Марка Лициния Красса.

Можно с полным правом сказать, что перед читателем во всех своих неповторимых красках предстанет грандиозная панорама древнейшего военного противостояния Востока и Запада.

